

Ad fontes

Материалы и исследования
по истории науки

Supplementum 18

Научный совет серии

д. и. н. Е. Ю. Басаргина, чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков,
д. и. н. С. Н. Искюль, акад. РАН Н. Н. Казанский,
акад. РАН А. В. Лавров, акад. Гёттингенской АН В. Лефельдт,
акад. РАН С. И. Николаев, чл.-корр. РАН И. Ф. Попова,
чл.-корр. РАН И. В. Тункина (председатель)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ AD FONTES

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

SUPPLEMENTUM 18

HISTORIA AETERNA

ОСМЫСЛЯЯ ИСТОРИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ...

Сборник статей
к 65-летию
Ирины Владимировны Тункиной

Редакторы-составители
Л. Д. Бондарь, И. Л. Тихонов

Р Е Н О М Е

Санкт-Петербург
2025

УДК 930.2:929
ББК 79.3+72.3
Н69

*Рекомендовано к изданию Федеральным государственным бюджетным
учреждением «Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук»*

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

*Издано при финансовой поддержке Федерального государственного бюджетного
учреждения «Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук»*

Редколлегия:

Н. А. Ащеулова, Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь,
П. Г. Гайдуков, Н. Н. Казанский, А. В. Поляков, И. Ф. Попова,
А. И. Рудской, А. В. Сиренов, И. Л. Тихонов

Рецензенты:

И. М. Щедрова (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН),
В. П. Никонов (Институт истории материальной культуры РАН)

HISTORIA AETERNA: осмысляя историческое наследие... : сборник
Н69 статей к 65-летию члена-корреспондента РАН Ирины Владимировны
Тункиной / ред.-сост. Л. Д. Бондарь, И. Л. Тихонов ; СПбО РАН ; СПбФ
АРАН. — Санкт-Петербург : Реноме, 2025. — хх, 432 с. : ил., [2] с. фронт.,
[4] с. Tabula gratulatoria, [32] с. цв. ил. — (Ad fontes. Материалы и ис-
следования по истории науки ; suppl. 18).

ISBN 978-5-00256-139-1

DOI: 10.25990/archiveras.tunkina.m2ac-f733

В данное издание включены статьи по истории архивных учреждений,
а также по истории научных исследований — от Античности до сегодняшнего
дня. Сборник приурочен к 65-летию члена-корреспондента РАН, доктора
исторических наук директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН
И. В. Тункиной.

Издание рассчитано на историков науки, а также всех интересующихся
архивными исследованиями.

УДК 930.2:929
ББК 79.3+72.3

*На форзацах: хранилища фондов СПбФ АРАН
(фото середины XX в. и настоящего времени)*

© Л. Д. Бондарь, И. Л. Тихонов, составление, текст, 2025

© Коллектив авторов, текст, 2025

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии
наук (СПбФ АРАН), 2025

© Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук
(СПбО РАН), 2025

ISBN 978-5-00256-139-1

© ООО «Реноме», редакционно-издательская подготовка, 2025

Содержание

Tabula gratulatoria	вклейка между с. viii и ix
Приветствие А. И. Рудского	ix
Приветствие Н. Н. Казанского	x
Приветствие И. Ф. Поповой	xiii
Приветствие А. В. Полякова	xv
Приветствие Н. А. Ащеуловой	xvii
Приветствие Н. Охотиной-Линд	xix
Ирина Владимировна Тункина: служение науке вчера, сегодня, завтра (Л. Д. Бондарь, И. Л. Тихонов)	1
Список научных трудов И. В. Тункиной (сост. М. В. Поникаровская)	7

АРХИВЫ И СОХРАНЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

А. В. Сиренов. Проект положения о Музее палеографии	61
Н. Н. Чемодуров, В. В. Майко. Научный архив Института археологии Крыма РАН: история и современность	69
М. В. Медведева, В. Ю. Соболев. Сергей Антонович Дубинский — последний заве- дующий Рукописным архивом ГАИМК	78
А. А. Галушкин, Т. С. Ткаченко. Обеспечение сохранности архивных фондов и основ- ные принципы их реставрации	88
Н. В. Чернова. Этические аспекты сохранения памятника как исторического источника	92

ИСТОРИЯ НАУКИ

Вопросы антиковедения

В. А. Горнчаровский. Еще раз о римско-боспорском конфликте 40-х гг. I в. н. э. . .	99
О. Ю. Климов, С. И. Ковалев и рождение советской концепции эллинизма	107
О. В. Кулишова. Русская наука об античности в курсе историографии античной истории в ЛГУ/СПбГУ	115
Е. В. Ляпустина. <i>Corpus inscriptionum Latinarum</i> и тщеславный трактирщик из Эфеса (об одном эстампаже из собрания РАИК)	124

Вопросы востоковедения

И. Ф. Попова. К истории организации в СССР XXV Международного конгресса востоковедов в 1960 г.	135
М. Д. Бухарин, В. В. Бартольд: между молотом и наковальней	146
Л. Чжэн, С. Е. Малов и его этнографические исследования в Северо-Западном Китае	166
Р. В. Козлов. Невозвращенцы XVII в. как первые миссионеры в Китае. Начало неофициальной Пекинской духовной миссии	178

Вопросы изучения российских территорий. XVIII в.

Е. Ю. Басаргина. «Генеральной чертеж Санктъпитербурху» Ж.-Б. А. Леблона 1717 г.: история бытования памятника	194
В. Лефельдт. Даниэль Готлиб Мессершмидт и Якоб и Иоганн Филипп Брейне, Христиан Ментцель и Энгельберт Кемпфер, или Как данцигский ученый готовился к своей службе в России	203
Ю. И. Чивтаев. О средствах передвижения экспедиции Д. Г. Мессершмидта по водным дорогам Сибири	232
А. К. Сытин. Самуэль Готлиб Гмелин в Астрахани (1772–1773): подготовка экспедиции к восточному берегу Каспийского моря (по материалам Государственного архива Астраханской области)	242
Е. Ю. Захарова, А. Н. Бессуднов. Обретение познавательного интереса к древностям малой родины в Центральном Черноземье (рубеж XVIII–XIX вв.)	265

История археологии

И. Л. Тихонов. Письма графа А. А. Бобринского Саломону Рейнаку	275
С. В. Кузьминых. «Я очарована Средней Азией»: письмо Е. Г. Пчелиной Э. Х. Миннзу (по следам раскопок Кара-тепе в 1937 г.)	287
Ю. А. Виноградов. Археология в судьбе Веры Федоровны Штейн	296
Е. Г. Застрожнова. Письма Григория Иосифовича Боровки к Екатерине Романовне Малкиной периода заключения в Ухтпечлаге: общий обзор и контекст написания	306

Personalia

А. В. Смирнов. Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746): набросок портрета ученого ...	317
Е. А. Анненкова. Мозес Харрис, член Лондонского Аурелианского общества, и его энтомологические рисунки в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН	337
М. Н. Додеев, О. А. Кирикова. «Быстрыми шагами по славному пути»: автобиография академика Николая Фусса (1755–1825)	346
А. И. Пеший, П. Д. Лукин. Французский негодант Луи Альбрандт (1759–1834)	363
В. В. Онощенко. Академик В. В. Латышев — неизвестный житель «Дома академиков»	398
О. В. Иодко. «Подневольный исследователь языка и фольклора чукчей» — В. Г. Богораз-Тан	401
Н. В. Крапошина. Художник-архитектор Борис Николаевич Николаев (1869–1953) и его путешествия в Дугненскую обитель во имя иконы Божьей Матери «Отрада и Утешение»	411
Л. Д. Бондарь. Славист и диалектолог Петр Афанасьевич Бузук (1891–1938) и его «опасные» научные интересы	418
Список сокращений	427

Table of Contents

Tabula gratulatoria	plates between pages viii and ix
Salutatory word of A. I. Rudskoy	ix
Salutatory word of N. N. Kazansky	x
Salutatory word of I. F. Popova	xiii
Salutatory word of A. V. Polyakov	xv
Salutatory word of N. A. Ascheulova	xvii
Salutatory word of N. Okhotina Lind	xix
Irina Vladimirovna Tunkina: Service to Science Yesterday, Today, Tomorrow (<i>L. D. Bondar, I. L. Tikhonov</i>)	1
List of Scholarly Works by I. V. Tunkina (<i>compiled by M. V. Ponikarovskaya</i>)	7

ARCHIVES AND PRESERVATION OF DOCUMENTARY HERITAGE

A. V. Sirenov. Draft Regulations on the Museum of Paleography	61
N. N. Chemodurov, V. V. Maiko. Scientific Archive of the RAS Institute of Archaeology of the Crimea: History and Modernity	69
M. V. Medvedeva, V. Yu. Sobolev. Sergey A. Dubinsky — the Last Head of the Manuscript Archive of the State Academy for the History of Material Culture (GAIMK)	78
A. A. Galushkin, T. S. Tkachenko. Preservation of Archival Holdings and the Basic Principles of Their Restoration	88
N. V. Chernova. Ethical Aspects of Preserving a Monument as a Historical Source	92

HISTORY OF SCIENCE

Questions of Classical Antiquity Studies

V. A. Goroncharovsky. Once More on the Roman-Bosporan Conflict of the 40s of the 1st Century AD	99
O. Yu. Klimov. S. I. Kovalev and the Birth of the Soviet Concept of Hellenism	107
O. V. Kulishova. Russian Science on Antiquity in the Historiography Course on Classical Antiquity at Leningrad/St. Petersburg State University	115
E. V. Lyapustina. <i>Corpus inscriptionum Latinarum</i> and Ambitious Innkeeper from Ephesus (on a Squeeze of the RAIC's Collection)	124

Questions of Oriental Studies

I. F. Popova. On the Organization History of the XXV International Congress of Orien- talists in the USSR in 1960	135
M. D. Bukharin. V. V. Bartold: Between a Rock and a Hard Place	146
L. Zheng. S. E. Malov and His Ethnographic Research in Northwest China	166
R. V. Kozlov. The Non-returnees of the 17th Century as the First Missionaries in China. The Beginning of the Unofficial Beijing Spiritual Mission	178

Questions of Studying the Territories of Russia. XVIIIth cent.

E. Yu. Basargina. J.-B. A. Le Blond' "General Drawing of St. Petersburg", 1717: History of the Monument's Existence	194
W. Lehfeldt. Daniel Gottlieb Messerschmidt and Jacob and Johann Philipp Breyne, Christian Mentzel and Engelbert Kaempfer, or How the Danzig Scientist Prepared for His Service in Russia	203
Yu. I. Chivtaev. On the Transportation Means of D. G. Messerschmidt's Expedition Along the Waterways of Siberia	232
A. K. Sytin. Samuel Gottlieb Gmelin in Astrakhan (1772–1773): Preparation of the Expedition to the Eastern Coast of the Caspian Sea (based on the materials of the Astrakhan Region State Archive)	242
E. Yu. Zakharova, A. N. Bessudnov. Gaining Cognitive Interest in the Antiquities of the Small Homeland in the Central Black Earth Region (the Turn of the XVIII–XIX Centuries)	265

History of Archaeology

I. L. Tikhonov. Letters from Count A. A. Bobrinsky to Salomon Reinach	275
S. V. Kuzminykh. «I am enchanted by Central Asia»: Letter from E. G. Pchelina to E. H. Minns (Following the Excavations of Kara-tepe in 1937)	287
Yu. A. Vinogradov. Archaeology in the Fate of Vera F. Stein	296
E. G. Zastrozhnova. Letters of Grigory I. Boroffka to Ekaterina R. Malkina During the Imprisonment in Ukhtpechlag: A General Overview and Context of Writing ...	306

Personalia

A. V. Smirnov. Georg Wilhelm Steller (1709–1746): A Sketch of the Scientist's Portrait ..	317
E. A. Annenkova. Moses Harris, Member of the London Aurelian Society, and His Entomological Drawings in the St. Petersburg Branch of the RAS Archive	337
M. N. Dodeus, O. A. Kirikova. "At a Brisk Pace Along the Glorious Way": Publication of Academician Nikolai Fuss's Autobiography (1755–1825)	346
A. I. Peshy, P. D. Lukin. French Merchant Louis Albrand (1759–1834)	363
V. V. Onoshchenko. Academician V. V. Latyshev — an Unknown Resident of the "House of Academicians"	398
O. V. Iodko. "A Forsed Researcher of the Chukchi Language and Folklore" — V. G. Bogoraz-Tan	401
N. V. Kraposhina. Painter and Architect Boris N. Nikolaev (1869–1953) and His Journeys to the Dugna Monastery of the Mother of God Icon "Joy and Consolation"	411
L. D. Bondar. Slavist and Dialectologist Petr A. Buzuk (1891–1938) and His "Dangerous" Scholarly Interests	418
Abbreviations	427

TABULA GRATULATORIA

Ирине Владимировне Тункиной
адресуют свои поздравления
и посвящают свои труды, собранные в этой книге,
коллеги, друзья и ученики

Анненкова Елена Александровна,
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Ащеулова Надежда Алексеевна, к. соц. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Басаргина Екатерина Юрьевна, д. и. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Бессуднов Александр Николаевич, к. и. н.
Липецк, Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

Бондарь Лариса Дмитриевна, к. и. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Бухарин Михаил Дмитриевич, акад. РАН
Москва, Институт всеобщей истории РАН

Виноградов Юрий Алексеевич, д. и. н.
Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Гайдуков Петр Григорьевич, чл.-корр. РАН
Москва, Институт археологии РАН

Галушкин Александр Алексеевич, к. т. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Горончаровский Владимир Анатольевич, д. и. н.
Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Груздева Елена Николаевна, к. и. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Демин Евгений Николаевич
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское отделение РАН

Дмитренко Сергей Юрьевич, к. филол. н.
Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН

Додеус Мария Николаевна
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Застрожная Евгения Григорьевна, к. и. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Захарова Елена Юрьевна, д. и. н.
Воронеж, Воронежский государственный университет

Иодко Ольга Владимировна
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Казанский Николай Николаевич, акад. РАН
Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН

Кирикова Ольга Александровна
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Климов Олег Юрьевич, д. и. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Козлов Роман Вячеславович
Санкт-Петербург

Крапошина Наталья Валентиновна, к. и. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Кузьминых Сергей Владимирович, к. и. н.
Москва, Институт археологии РАН

Кулишова Оксана Викторовна, д. и. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Лефельдт Вернер, акад. Гёттингенской академии наук
Гёттинген, Германия

Левкина Анджела Борисовна
Санкт-Петербург, издательство «Реноме»

Лукин Павел Дмитриевич
Буррон-Марлотт, Франция

Ляпустина Елена Валериевна, к. и. н.
Москва, Институт всеобщей истории РАН

Майко Вадим Владиславович, д. и. н.
Симферополь, Институт археологии Крыма РАН

Медведева Мария Владимировна, к. и. н.
Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Никоноров Валерий Павлович, к. и. н.
Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Онощенко Виктория Витальевна
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Охотина-Линд Наталья, д-р
Копенгаген, Дания

Пеший Александр Иванович
Одесса

Поляков Андрей Владимирович, проф. РАН
Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Поникаровская Марина Владимировна, к. и. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Попова Ирина Федоровна, чл.-корр. РАН
Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН

Рудской Андрей Иванович, акад. РАН
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское отделение РАН

Сиренов Алексей Владимирович, чл.-корр. РАН
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Смирнов Алексей Владимирович, к. б. н.
Санкт-Петербург, Зоологический институт РАН

Соболев Владислав Юрьевич
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Сытин Андрей Кириллович, д. б. н.
Санкт-Петербург, Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН

Тихонов Игорь Львович, д. и. н.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Ткаченко Татьяна Семеновна
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Чемодуров Николай Николаевич
Симферополь, Институт археологии Крыма РАН

Чернова Наталия Валерьевна
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Чехович Лидия Георгиевна
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Чжэн Линь, д-р
Дуньхуан (Китай), Исследовательская академия Дуньхуана

Чивтаев Юрий Иванович
Усть-Кут

Щедрова Ирина Михайловна
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Глубокоуважаемая Ирина Владимировна!

Примите самые искренние поздравления от Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук и от меня лично по случаю Вашего юбилея!

Вы являетесь одним из ярчайших представителей отечественной гуманитарной академической школы и высококлассным специалистом по истории и практике архивного дела не только в нашей стране, но и за ее пределами. Ваша безграничная преданность делу, ежедневный самоотверженный, кропотливый, истинно подвижнический труд и неутомимая настойчивость в достижении поставленных целей — для многих убедительный пример служения науке и Отечеству.

Во многом благодаря Вашим усилиям, при поддержке научной общности, осуществилось долгожданное историческое событие — академический архив петербургской науки обрел свой современный дом.

«Nis tuta perennat» — так гласит надпись на печати Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. И сегодня возглавляемый Вами Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, старейший в России научный архив, продолжает следовать заветам Академии наук.

Спасибо за Ваш важный труд, за любовь к своей профессии и бережное отношение к истории Российской академии наук.

Желаю крепкого здоровья, вдохновения, сил и энергии для свершения ценных для отечественной и мировой науки открытий!

*Вице-президент РАН,
председатель Санкт-Петербургского отделения РАН
академик РАН А. И. Рудской*

Дорогая Ирина Владимировна!

Думаю, что не я один радуюсь случаю пожелать Вам успешных трудов, сил для их осуществления и здоровья, необходимого для того, чтобы справиться со всеми Вашими бесконечными обязанностями.

Мы все знаем Ирину Владимировну Тункину как замечательного специалиста и автора фундаментальных трудов по историографии отечественных гуманитарных исследований, постоянно открывающего новые документальные источники по истории русской культуры и осмысляющего непростые пути развития отечественного гуманитарного знания.

Важно подчеркнуть, что историю Отечества Ирина Владимировна понимает как длящуюся с античной эпохи и поэтому включает в свое рассмотрение и византинистику, наравне с описанием культурной истории России XVIII–XX вв. Необходимо отметить, что, когда речь идет о становлении знания, ни научная, ни духовная история России не может быть отделена от развития мировой гуманитарной науки.

Это касается и археологии России с древнейших времен (публикация археологических материалов Д. Г. Мессершмидта, совместно с Д. Г. Савиновым), и исследования античных городов, основанного не только на данных, полученных в результате раскопок, но и на архивных материалах. Подготовленные Ириной Владимировной издания ярко иллюстрируют ее стремление изучать наследие крупнейших представителей отечественной науки. Погруженность в идеи тех, кто определял и определяет вершины научной мысли, несомненно, влияет на понимание исторического процесса с учетом географической и культурной специфики. Возвращение (чуть было не написал — «воскрешение») живого научного повествования — это далеко не только работа по сохранению, это пропаганда увлекательных ходов научной мысли, приобщающая нас к зачастую нетривиальным способам проникновения в важные, но далеко не всегда очевидные пласты культуры.

Среди «собеседников» Ирины Владимировны особое место занимает М. И. Ростовцев, чье научное наследие она готовила к публикации: два монументальных тома, вышедших под общей редакцией академика Г. М. Бонгард-Левина, — «Скифский роман» (М., 1997) и «Парфянский выстрел» (М., 2003). Первый из них был удостоен Государственной премии РФ в области науки и техники (2000). Нельзя не упомянуть и о сборнике

публицистических статей М. И. Ростовцева, изданных с обширным комментарием, посвященным мировоззрению этого ученого (2002). Период расцвета классической филологии и антиковедения в России начала XX в. во многом связан с деятельностью безвременно ушедшего акад. В. П. Бузескула, монументальный труд которого «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» Ирина Владимировна впервые опубликовала в 2008 г. по архивным рукописям, снабдив текст обстоятельным комментарием, по объему почти не уступающим самой рукописи.

Не менее ярким примером является объемный том «Опыт русской историографии» академика В. С. Иконникова (1841–1923), изданный под редакцией И. В. Тункиной в 2013 г. Целая серия публикаций, посвященных академику С. А. Жебелёву, включающая его собственный «Автонекролог», а также двухтомное издание материалов Поля Дюбрюкса (2010), одного из первых исследователей древностей Боспорского царства, собственные труды Ирины Владимировны Тункиной — «Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.)» (2002) и «Открытие Феодосии. 1771–1871 гг.» (2011) — вносят несомненный энциклопедически объемный вклад в отечественную науку об античности.

Важное значение имеет проделанный Ириной Владимировной анализ деятельности Академии наук в широком историко-культурном контексте. Своими трудами она заложила солидную основу для будущей всеобъемлющей истории Историко-филологического отделения Академии наук как уникального научного центра, что уже сегодня частично нашло воплощение в двухтомной истории Академии, опубликованной к 300-летию РАН (2024). Без трудов И. В. Тункиной не может обойтись тот, кто серьезно занимается историей гуманитарного знания в России.

Перу Ирины Владимировны принадлежат разделы и публикации источников в коллективных монографиях, вышедших под редакцией покойного академика И. П. Медведева: «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге» (1995), «Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга» (1999), «Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга» (2004), которые возвращают из забвения материалы и исследования академиков Н. П. Кондакова, В. В. Латышева, С. А. Жебелёва, неизданные материалы экспедиций С. Ф. Ольденбурга «Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века» в пяти томах под общей редакцией академика М. Д. Бухарина (2018–2020). Эти работы не остались без внимания научной общественности: лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, И. В. Тункина стала лауреатом премии Жана Рейно (Академия надписей и изящной словесности, Париж, 2015 г.) и премии им. Е. В. Тарле Правительства Санкт-Петербурга и СПбНЦ РАН (2017).

С 2001 г. Ирина Владимировна Тункина является директором Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, где работает с 1978 г. и где сформировалась как архивист и как преданный делу ученый и организатор науки. На посту директора СПбФ АРАН она добилась оптимальных условий для хранения, восстановления документов и для работ по их научному изданию.

Для меня успехи И. В. Тункиной в этой деятельности имеют особое значение, поскольку далеко не всегда в условиях окружающей нас действительности удастся найти примеры, способные поддерживать оптимизм и творческий энтузиазм. Данная проблема насчитывает уже много десятилетий, когда-то ее со всей прямотой сформулировал Виктор Борисович Шкловский, выпустивший книгу «Поиски оптимизма». Полагаю, что всем нам нередко доводится заниматься такими нерадостными поисками, и эта задача остается актуальной и в наши дни.

На общем фоне нереализованных благих намерений результаты, которых Ирине Владимировне удалось достичь, меня лично не просто восхищают: они возвышаются на Киевской улице как физический ориентир оптимизма и как свидетельство важной — может быть, даже важнейшей — культурной победы последних лет. Не побоюсь сказать, что мысль о новом здании Архива, в котором свято сохраняется устоявшийся веками порядок архивных работ, не мне одному помогает сохранять оптимизм.

Регулярно бывая на заседаниях Ученого совета СПбФ АРАН, я всегда радуюсь возможности наблюдать сочетание неукоснительной тщательности и творческого начала при решении задач, определяющих развитие этого деятельного и в высшей степени квалифицированного коллектива, необычайно преданного своему делу.

Каждая из научных работ, опубликованных сотрудниками архива, демонстрирует тщательность изучения и широту охвата материала, глубину анализа, а также масштабность решаемых научных проблем. Многие публикации стоят на уровне лучших достижений мировой науки. И в этом я тоже вижу прямую заслугу самой Ирины Владимировны Тункиной.

Поздравляя Ирину Владимировну с юбилеем, хочется от всего сердца поблагодарить ее за все опубликованные ею труды, за чрезвычайно плодотворную научную работу и за всю ее многолетнюю организационную успешную деятельность и пожелать здоровья, сил и всего самого доброго и светлого.

*Научный руководитель
Института лингвистических исследований РАН,
сопредседатель Научного совета РАН по классической филологии,
сравнительному изучению языков и литератур,
заместитель председателя Научного совета
СПБО РАН по гуманитарным наукам
академик РАН Н. Н. Казанский*

Дорогая Ирина Владимировна, с днем рождения!

Сразу оговоримся, что по восточной традиции Ирине Владимировне Тункиной в 2025 г. исполняется не 65, а 66 лет (так как считается, что человек появляется на свет уже в возрасте одного года). Великолепный возраст, поскольку число шесть, в китайском произношении *лю*, является омофоном слову «[удачно (гладко)] протекать», и это символично отражает победы именинницы и прошлом и содержит предсказание на ее предстоящие достижения в будущем.

Ирина Владимировна происходит из семьи военных, героев Великой Отечественной войны, по воспитанию и менталитету она настоящий патриот, на таких всегда держалась и будет держаться наша российская государственность. Исторический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «археология» Ирина Владимировна окончила в 1983 г., но свою трудовую деятельность она начала значительно раньше, по окончании средней школы в 1978 г. С этого момента вся жизнь И. В. Тункиной связана с Архивом Российской академии наук, где она прошла все профессиональные ступени начиная от научно-технического сотрудника и в 2001 г. возглавила его Санкт-Петербургский филиал.

В науке крайне сложно утвердить себя настоящим архивистом, показать свой вклад в изучение и продвижение значения трудов людей, заложивших основы наук, но по каким-то причинам не опубликовавших свои работы. Труд архивистов — особый, часто неблагодарный, требующий самоотдачи, терпения, эрудиции, знания языков и, главное, — характера! А у Ирины Владимировны Тункиной он есть! Она внесла значительный вклад в возвращение к жизни трудов археологов и историков, изучавших древности Юга России, а также ряда ученых, работавших в самых разных отраслях научного знания, и не только гуманитарного: ботаника и путешественника Ф. К. Маршала фон Биберштейна, академиков Е. Е. Кёлера, П. И. Кёппена и др. В научный оборот введены неизданные труды и эпистолярное наследие Н. П. Кондакова, В. В. Латышева, В. П. Бузескула, М. И. Ростовцева, С. Ф. Ольденбурга и многих других известных ученых, составивших цвет российской и мировой науки. В 2000 г. за сборник о жизни и творчестве М. И. Ростовцева «Скифский роман» (М., 1997) И. В. Тункиной была присуждена Государственная премия Российской Федерации, в 2019 г. она была избрана членом-корреспондентом РАН.

И. В. Тункина является сейчас признанным лидером отечественной школы архивистики. Ее многолетние усилия привели к тому, что Санкт-Петербургский архив РАН обрел замечательное, просторное новое здание. Следовательно, архиву есть куда развиваться, и не только вглубь, но и вширь!

Хочу пожелать Ирине Владимировне Тункиной новых успехов и побед в ее благородном и самоотверженном служении отечественной науке!

*Директор Института восточных рукописей РАН
член-корреспондент РАН И. Ф. Попова*

Дорогая Ирина Владимировна!

Примите самые искренние и теплые поздравления с Вашим 65-летним юбилеем! Эта знаменательная дата является прекрасным поводом выразить глубокое уважение к Вашему таланту и выдающемуся вкладу в историю науки. Это касается различных областей знания: антиковедения, византистики, востоковедения, эпиграфики, нумизматики и многого другого. Особо хочется отметить Ваши заслуги в отношении археологии, с которой Вы связали свою судьбу начиная с 1978 г., выбрав в период обучения на историческом факультете Ленинградского государственного университета соответствующую специализацию. Отсюда — участие в работах Южно-Донской, Тарханкутской, Илуратской и Березанской экспедиций ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, публикации расписной и чернолаковой керамики из некрополя Панское I. Одновременно начались Ваши «раскопки» в архивах, прежде всего в Ленинградском отделении Архива АН СССР (с 1991 г. — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН), где за 23 года Вы прошли путь от старшего научно-технического сотрудника до директора. Это яркий пример целеустремленности, трудолюбия и преданности делу.

Преимущественный интерес к истории классической археологии XVIII — середины XIX в. вылился в посвященные этой тематике кандидатскую и докторскую диссертации. Последняя из них, в виде монографии, опубликованной в 2002 г., стала своего рода энциклопедией становления русской науки в отношении изучения античных древностей Юга России, ценным источником знаний и вдохновения для нескольких поколений ученых.

Как говорил академик В. И. Вернадский, «двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое». Именно эту цель преследовали Ваши многолетние фундаментальные исследования и публикации архивных материалов по истории науки, которые можно долго перечислять. Они получили должную оценку в виде избрания Вас в 2019 г. членом-корреспондентом РАН.

Вами введены в научный оборот неизданные труды и эпистолярное наследие многих выдающихся представителей русской историко-филологической науки: Н. П. Кондакова, В. В. Латышева, М. И. Ростовцева, С. А. Жебелёва, Б. В. Варнеке. Много сделано для возвращения в науку

подчас полузабытых имен таких исследователей XIX в., как Ф. К. Маршал фон Биберштейн, И. П. Бларамберг, И. А. Стемповский, академики Е. Е. Кёлер и П. И. Кёппен. Вы стали инициатором издания монументального двухтомного «Собрания сочинений» (2010) «отца боспорской археологии» Поля Дюбрюкса, в котором приняли участие многие сотрудники нашего института. Это плодотворное сотрудничество получило свое развитие в рамках совместной работы по грантам Российского научного фонда: «Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку» (2018–2021) и «Эпиграфические памятники Греции, Малой Азии и Италии в коллекции эстампажей Научного архива ИИМК РАН (атрибуция, комплексное изучение и создание электронной базы данных)» (2024–2026) и, несомненно, будет продолжаться.

В 2024–2025 гг. успешно проведены несколько совместных конференций по истории археологической науки, вызвавших большой интерес у академического сообщества. Первая была посвящена деятельности ученых в 1920–30-х гг. («Судьбы археологов в 1930-е годы. К 130-летию со дня рождения археолога, скифолога, искусствоведа Григория Иосифовича Боровки», 17–19 декабря 2024 г.), вторая приурочена к юбилею академика Н. Я. Марра («Научная мысль неудержимо движется с потоком новой жизни...»: К 160-летию со дня рождения академика Николая Яковлевича Марра (1864–1934), 28–30 апреля 2025 г.).

Под Вашим руководством Санкт-Петербургский филиал Архива РАН превратился в серьезный научный центр, ведущий большую работу по организации конференций и подготовке печатных трудов. Огромный вклад вносится в популяризацию академической науки, развернулась широкая выставочная деятельность на музейных и библиотечных площадках, а также на сайте Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, которая делает доступными архивные сокровища для всех интересующихся.

Ваш юбилей — это не только личный праздник, но и значимое событие для всего научного сообщества. Желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, новых научных открытий и достижений! Счастья, благополучия и всего самого доброго!

С глубоким уважением и признательностью,

*директор Института истории
материальной культуры РАН
д. и. н., профессор РАН А. В. Поляков*

Глубокоуважаемая Ирина Владимировна!

От имени коллектива Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН сердечно поздравляем Вас с замечательным 65-летним юбилеем!

Многие десятилетия наши институты связывали не только давние научные традиции, но и живое, многогранное сотрудничество, которое с каждым годом становится все более плодотворным и содержательным.

История наших взаимоотношений с Вашим Архивом уходит корнями в далекие времена становления советской науки. Мы вместе с Вами с момента создания С. И. Вавиловым Комиссии по истории Академии наук СССР. Эта преемственность не только объединяет наши учреждения общими задачами, но и создает уникальную исследовательскую среду, где архивные материалы и их научная интерпретация существуют в неразрывном единстве.

Совместные научные конференции и международные проекты, в которых Вы лично приняли активное участие, стали яркими страницами в летописи петербургской и мировой науки. Особенно памятны нашим сотрудникам многолетние «Русско-немецкие встречи» в немецком Галле, где еще начиная с 1990-х гг. Вы неизменно представляли российскую историческую школу на самом высоком уровне. Мы часто вспоминаем и Ваше участие в ключевых для историков науки конференциях, посвященных ботанике в России XVIII в., естественно-научным и этнологическим лекциям из Сибири, научному контексту исследований Г. В. Стеллера и И. Г. Гмелина, истории русско-германских научных связей XVIII в., — все это не просто научные мероприятия, но важные вехи в развитии международного сотрудничества историков науки.

Важное значение для истории науки имела международная конференция «Леонард Эйлер. К 240-летию со дня смерти. К 300-летию Российской академии наук» в ноябре 2023 г. Во многом благодаря Вашим усилиям это мероприятие собрало не только исследователей из разных стран, но даже прямых потомков Леонарда Эйлера, чье участие стало особенно ценным вкладом в сохранение исторической памяти о великом ученом. В этом контексте организованная Вами и сотрудниками Архива выставка с подлинными документами Л. Эйлера стала прекрасным дополнением к научной программе и наглядно продемонстрировала богатство архивных фондов.

Для нас, историков науки, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН под Вашим руководством стал не просто хранилищем документов, но настоящим научным домом, живым центром исследовательской работы. Мы буквально живем в стенах Архива, проводя там долгие дни и вечера за изучением документальных богатств, без которых немыслима серьезная работа по истории российской и мировой науки. Ваше глубокое понимание потребностей исследователей, постоянная забота о сохранении и научном освоении архивного наследия, внимание к каждому ученому, переступающему порог Архива, создают уникальную атмосферу для творческой научной работы.

Для нас, Ваших коллег, особенно важно то, что под Вашим руководством Архив стал центром живой научной мысли, местом встречи поколений исследователей, хранилищем не только документов, но и научных традиций, школой для молодых ученых. Организация выставок, подготовка научных изданий, проведение конференций — все это свидетельствует о том, что Архив живет полнокровной научной жизнью, являясь неотъемлемой частью российского и международного научного сообщества.

Мы с большим вниманием относимся к Вашим трудам по истории Российской академии наук, исследованиям по институциональной истории академических учреждений, биографическим очеркам выдающихся ученых прошлого. Ваши работы составляют неоценимый вклад в понимание закономерностей развития отечественной науки. Каждая новая публикация становится для нас источником вдохновения и предметом активного изучения. С особым интересом мы неизменно изучаем Ваши работы, в которых возвращены в науку имена многих незаслуженно забытых исследователей, введены в научный оборот неизданные труды и эпистолярное наследие ученых — членов Академии наук. Каждое новое исследование мы ждем с нетерпением, зная, что оно принесет свежий взгляд на историю российской науки и откроет новые горизонты для понимания научных традиций.

В день Вашего славного юбилея желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и новых научных свершений! Пусть Архив и впредь остается маяком исторической науки, центром притяжения исследователей, а наше многолетнее сотрудничество продолжается на благо российской и мировой науки. Пусть каждый новый день приносит Вам радость открытий, удовлетворение от важной работы и тепло человеческого общения с коллегами и друзьями!

С глубоким уважением,

*директор СПбФ ИИЕТ РАН
к. соц. н. Н. А. Ащеулова,
сотрудники СПбФ ИИЕТ РАН*

Дорогая Ирина Владимировна!

Сегодня, в день Вашего юбилея, мне хочется сказать, что Вы всегда были для меня образцом для подражания, человеком и ученым, на которого хочется равняться. Ваша колоссальная эрудиция, работоспособность, научная любознательность, стремление докопаться в любом вопросе до самой сути, широчайший диапазон интересов, профессионализм, безусловно, ставят Вас в ряд крупнейших ученых-гуманитариев нашего времени.

Но при всех этих качествах Вы отнюдь не превратились в отшельника, витающего в облаках и вздыхающего о тех временах, когда зарплата ученого позволяла вести достаточно комфортное существование и тем, кто много работал, и... скажем так, остальным. Вы всегда умели трезво оценивать обстановку, и поэтому в условиях, когда изменилась вся академическая система и многие или потеряли почву под ногами, или же бросились заколачивать деньги, снижая научный уровень до полного неприличия, Вы оказались одной из первых, кто показал, что вполне возможно сочетать здравую коммерческую жилку все с тем же высоким стандартом научной работы. Насколько я могу судить, именно этот принцип и лег в основу Вашего столь успешного руководства Санкт-Петербургским филиалом Архива Российской академии наук.

Вот я, наконец, произнесла слово «Архив». Меня не устает удивлять и восхищать, что напряженную международного уровня научную работу у Вас получается уже на протяжении четверти века плодотворно сочетать с руководством таким сложным и ответственным учреждением, как Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Вы заступили на пост директора в непростой момент не только для Архива, но и для всей Академии наук. И, наверное, я даже не могу близко себе представить, сколько тяжелых моментов было пережито за эти годы, какого нечеловеческого перенапряжения все это стоит, сколько сложностей и проблем возникает каждый день и какая колоссальная ответственность лежит на Ваших плечах и за сотрудников, и за хранимые в Архиве сокровища.

Сегодня Санкт-Петербургский филиал Архива РАН — это великолепно подобранные кадры, среди которых много блестящих ученых, это современное здание, оборудованное по последнему слову техники, это многочисленные научные публикации, выдержанные на высоком

профессиональном уровне, это престижные международные конференции и контакты с учеными многих стран. Собственно, иначе и быть не может, потому что уровень и стандарт в Архиве задает директор — член-корреспондент РАН Ирина Владимировна Тункина.

Дорогая Ирина Владимировна, крепкого Вам здоровья, успехов, радости и еще многих-многих счастливых и плодотворных лет жизни!

*К. и. н., PhD Наталья Охотина-Линд,
Копенгаген*

*Ирина Владимировна
ТУНКИНА*

*на авторской программе академика РАН А. И. Рудского «Дом ученых»
(телеканал «Россия 1». ГТРК Санкт-Петербург, 2022 г.)*

Ирина Владимировна Тункина: служение науке вчера, сегодня, завтра

Ирина Владимировна Тункина родилась 10 октября 1960 г. в Тбилиси, в семье инженера-полковника Военно-воздушных сил Владимира Михайловича Тункина (1918–1992) и Анны Васильевны Тункиной (урожд. Некрасовой) (1917–1973)¹. С изменением мест службы отца семья переехала в г. Поставы (Беларусь), затем в Финстервальде (сегодня — город в земле Бранденбург, Германия); после увольнения отца в запас семья жила в Серпухове, с 1975 г. — в Ленинграде. Именно здесь И. В. Тункина окончила школу (среднюю школу № 395; сегодня — лицей № 395 Красносельского района) в 1977 г. Получив аттестат зрелости, она поступила на вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (сегодня — Санкт-Петербургский государственный университет). Параллельно с учебой стала работать секретарем-машинисткой деканата по работе с иностранными учащимися Ленинградского института текстильной и легкой промышленности им. С. М. Кирова (сегодня — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна). Уже со следующего академического года перешла на работу в Ленинградское отделение Архива АН СССР на должность старшего научно-технического сотрудника.

11 сентября 1978 г. начался трудовой стаж И. В. Тункиной в академическом архиве. Это было не просто место работы, территориально близкое к университету, это было место, находившееся в сердце академического Петербурга и являвшееся средоточием академической истории. Данное учреждение стало не только постоянным местом службы И. В. Тункиной, но и местом ее «служения науке» (выражаясь ее же словами).

Специализируясь по кафедре археологии, И. В. Тункина проводила все свои ежегодные отпуска в археологических экспедициях, работающих в Крыму и Северо-Западном Причерноморье². В 1983 г. она окончила уни-

¹ О семье см.: Тункина И. В. К истории моей семьи: Тункины-Некрасовы в годы войны // От 1939-го до 1945-го: Ученые и научные учреждения в годы Второй мировой войны : сб. статей с приложением «Бессмертный полк» / под ред. И. В. Тункиной, М. В. Поникаровской ; сост. Л. Д. Бондарь, Н. В. Крапошина. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 13). С. 338–363.

² Участие в работе археологических экспедиций И. В. Тункина принимала и в последующие годы.

верситет и с должности лаборанта, которую занимала с 1979 г., перешла на должность младшего научного сотрудника Группы информационного обеспечения (1983–1990). За это время успела пройти целевую (от АН СССР) заочную аспирантуру ЛГУ (1984–1988) по кафедре археологии и в 1989 г. под научным руководством Г. С. Лебедева защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Становление классической археологии в России (XVIII — середина XIX вв.)»³. Работа была выполнена на широкой источниковедческой базе, с привлечением документальных источников из архивов Ленинграда, Москвы, Одессы, Симферополя и других городов СССР. Молодой исследовательнице удалось поднять целый пласт новых источников, несколько меняющих сложившееся в историографии представление о начальных этапах археологического изучения Северного Причерноморья. Одними из первых исследователей этих территорий на рубеже XVIII–XIX вв. стали военные и флотские офицеры, занимающиеся составлением карт, строительством портов и укреплений, прокладкой дорог. В ходе этой деятельности они обнаруживали археологические памятники и начинали их раскопки. Традиционно данные работы оценивались как крайне небрежные, проводящиеся чуть ли не с кладоискательскими целями; появился даже пренебрежительный термин — «генеральская археология»⁴. В архивных фондах военного и военно-морского ведомств Российской империи, куда раньше «не ступала нога археологов», И. В. Тункиной были обнаружены отчеты о раскопках военных, которые содержали и планы с чертежами, и рисунки находок. Они оказались вовсе не так плохи, как было принято считать ранее, и внесли существенные дополнения в историю изучения многих ключевых памятников причерноморского региона. Также И. В. Тункиной удалось еще раз подчеркнуть подвижническую деятельность многих местных исследователей, мало оцененную в столице Российской империи.

Начав знакомство с архивной работой с азов, выполняя базовые лаборантские функции, далее И. В. Тункина прошла «архивную школу» во всех структурных подразделениях архива в качестве научного сотрудника. В статусе кандидата наук перешла в Группу обработки личных фондов (1990–1991, научный сотрудник); затем — в Группу (с 1999 г. — Отдел) публикаций (1991–1993, научный сотрудник; 1993–1995, старший научный сотрудник; 1996–2001, ведущий научный сотрудник), в 1999–2001 г. исполняла обязанности руководителя этой группы (отдела). Также с получением научной степени приняла на себя обязанности ученого секретаря архива (1989–2001).

Город Ленинград изменил свое название на Санкт-Петербург, Академия наук СССР стала Российской академией наук. В соответствии с этим и архив с 1991 г. стал называться Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН.

³ Тункина И. В. Становление классической археологии в России (XVIII — середина XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.

⁴ Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 15.

Но неизменным оставалось место архива в биографии И. В. Тункиной. Вместе с архивом были пережиты и лихие 1990-е гг., когда архивисты могли месяцами не получать зарплату, и все равно не только ходили на работу, но и буквально жили в архиве, по очереди принимая на себя обязанности охраны. Все это не останавливало ни архивной, ни научной работы.

Результатом стало решение Бюро Отделения истории РАН от 15 ноября 2001 г. о назначении И. В. Тункиной директором Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. С этого времени она пребывает на должности директора бессменно, трижды пройдя переизбрание на эту должность.

Расширяя и углубляя исследования, начатые в кандидатской диссертации, И. В. Тункина в 2002 г. издала фундаментальную монографию объемом более 90 авторских листов — «Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.)»⁵. Этот труд сразу выдвинул ее в число ведущих российских исследователей, занимающихся историей отечественной археологии. В 2003 г. по этой монографии она защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук в Санкт-Петербургском институте истории РАН.

В последующие двадцать лет из-под пера Ирины Владимировны вышли монографии об истории археологического изучения Феодосии, об экспедициях и коллекциях Д. Г. Мессершмидта, об истории академического архива и его хранителях, главы и разделы в целом ряде коллективных монографий, посвященных М. И. Ростовцеву, Е. Г. Пчелиной и многим другим деятелям российской науки. Ею были подготовлены к печати, опубликованы и откомментированы рукописи В. П. Бузескула, Б. В. Варнеке, П. Дюбрюкса, С. А. Желобёва, В. В. Латышева, С. Ф. Ольденбурга. Исследования И. В. Тункиной опубликованы на русском, английском, немецком, французском, китайском языках. По ее инициативе была основана серия «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки», к настоящему времени насчитывающая уже 28 выпусков. Более 50 изданий вышло под редакцией И. В. Тункиной.

Исследовательские труды Ирины Владимировны Тункиной были высоко оценены научной общественностью, и 15 ноября 2019 г. она была избрана членом-корреспондентом РАН по Отделению историко-филологических наук (история России).

Научно-организационная деятельность И. В. Тункиной отмечена интенсивной работой в целом ряде научных советов учреждений РАН: Бюро Отделения историко-филологических наук РАН, комиссия ОИФН РАН по присуждению премии им. С. Ф. Ольденбурга РАН, Научный совет РАН «История мировой культуры», Президиум СПбО РАН, Объединенный научный совет по гуманитарным наукам СПбО РАН, Экспертная комиссия по присуждению премии им. Е. В. Тарле (исторические науки) Правительства Санкт-Петербурга

⁵ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.

и СПбНЦ РАН, докторский диссертационный совет СПбИИ РАН, докторский диссертационный совет МАЭ РАН, Ученый совет СПбФ АРАН (председатель), Экспертно-проверочная комиссия СПбФ АРАН (председатель), Центральная экспертно-проверочная комиссия по отбору документов на государственное хранение СПБО РАН (председатель), редакционно-издательский совет СПбФ АРАН (председатель). С 1993 г. состоит в Российской ассоциации антиковедов; по 2022 г. работала в зарубежных научных обществах: Международное общество Г. В. Стеллера (Галле, ФРГ), консультативный комитет Международного центра изучения истории идей Ягеллонского университета (Краков, Польша), Одесское археологическое общество.

И. В. Тункина является членом редакционных коллегий академических и университетских периодических и серийных изданий (включая зарубежные): «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки» (СПбФ АРАН; председатель), «Труды Лаборатории консервации и реставрации документов» (СПбФ АРАН; председатель), «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» (Фонд Франке (Галле), СПбФ АРАН), «Научное наследство» (РАН), «Кунсткамера-Архив» (МАЭ РАН), «Словарь языка М. В. Ломоносова» (ИЛИ РАН), «Очерки истории отечественной археологии» (ИА РАН), «Труды Центральной научной библиотеки НАН Беларуси» (Минск), «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» (Симферополь), «Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии» (Симферополь), «Античный мир и археология» (Саратов).

И. В. Тункина входит в состав редколлегий научных журналов: «Вестник древней истории», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Памятники письменности Востока», «Вестник Российской академии наук», «Orbis Idearum: European Journal of the History of Ideas» (Краков).

Главные научные интересы И. В. Тункиной сосредоточены на истории науки (главным образом истории академической науки в России); большое число работ посвящено вопросам археологии, архивоведения, историографии; отдельным, исключительно плодотворным направлением исследований являются написание научных биографий известных и незаслуженно забытых ученых и введение в научный оборот не опубликованных ранее их трудов. Весь спектр исследований И. В. Тункиной отражен в публикуемом в настоящем сборнике «Списке трудов». Тот факт, что данные исследования стоят на уровне достижений мировой науки, отмечался академиками РАН, выдвигавшими И. В. Тункину в число членов Академии, — И. П. Медведевым, Н. Н. Казанским, М. Б. Пиотровским.

Результаты исследований И. В. Тункиной были озвучены в десятках городов России и зарубежья в рамках научных и выставочных мероприятий: Абакан, Барнаул, Белокуриха, Казань, Керчь, Красноярск, Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург, Севастополь, Симферополь, Старая Русса, Суздаль, Тобольск, Феодосия; Анкоридж (США), Бордо (Франция), Бразилиа (Бразилия), Вани (Грузия), Варшава (Польша), Вена (Австрия), Галле (Германия),

Дуньхуан (Китай), Зандберг (Германия), Киев (Украина), Кишинев (Молдова), Краков (Польша), Куча (Китай), Львов (Украина), Ляньчжоу (Китай), Одесса (Украина), Париж (Франция), Прага (Чехия), Рени (Украина), Рио-де-Жанейро (Бразилия), Сан-Франциско (США), Филадельфия (США), Харьков (Украина), Хельсинки (Финляндия).

Научные заслуги И. В. Тункиной отмечены рядом наград. В 2000 г. в составе коллектива авторов книги «Скифский роман»⁶ она стала лауреатом Государственной премии РФ в области науки и техники; в 2015 г. — лауреатом премии Жана Рейно Академии надписей и изящной словесности Института Франции (Париж) за совокупность научных трудов; в 2017 г. — лауреатом премии им. Е. В. Тарле по историческим наукам Правительства Санкт-Петербурга и СПбНЦ РАН. В 2024 г., в год 300-летия РАН, награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Важным признанием заслуг являются также медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2005), почетный знак «За вклад в историю науки и техники» ИИЕТ РАН (2012), юбилейный знак Республики Саха (Якутия) «385 лет Якутия с Россией» (2017), медаль «300 лет Российской академии наук» (2024).

Не менее важными и заслуженными являются благодарности, дипломы и грамоты, которыми различные организации отметили достижения И. В. Тункиной: Президиум РАН, Федеральное архивное агентство, Правительство Санкт-Петербурга, Президиум РАН, СПбНЦ РАН, Международный Демидовский фонд, Северо-Западная ассоциация реставраторов РФ, Союз реставраторов Санкт-Петербурга.

Отдельного внимания заслуживает деятельность И. В. Тункиной на посту директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН — учреждения, с которым связана вся ее трудовая биография, где состоялось ее научное становление. В ряду множества задач, которые были решены И. В. Тункиной в этой должности на протяжении четверти века, центральное место занимает строительство нового специализированного здания для петербургского академического архива, куда он переехал в конце 2021 г., открыв двери для исследователей уже в следующем году.

Безукоризненно владея вопросами организации архивного дела в России и за рубежом, И. В. Тункина неоднократно поднимала юридические вопросы и принимала участие в совещаниях Росархива, Минобрнауки, ОИФН РАН по изменению законодательства в области архивного дела. Несомненно, Ирина Владимировна пользуется самым широким признанием, выходящим за рамки отечественной науки, как эксперт в исследуемых ею вопросах.

Мы знаем Ирину Владимировну Тункину как крупного ученого, исследователя огромной трудоспособности, энергичного организатора науки и как честного, порядочного и принципиального человека, патриота своей Родины, надежного друга и отзывчивого наставника, гостеприимную хозяйку.

⁶ Скифский роман / под общ. ред. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997.

Сохранение и обнародование многовекового научного наследия всегда оставались главными задачами деятельности И. В. Тункиной; это стало и центральной темой сборника, который сегодня посвящают ей сослуживцы, коллеги и друзья. Здесь затронуты вопросы, в разное время оказывавшиеся в центре внимания научного творчества Ирины Владимировны. Примечательно, что фактически каждая статья сборника содержит отсылку к той или иной предшествующей публикации юбиляра. К сожалению, не все, кто хотели бы посвятить свои исследования И. В. Тункиной, смогли принять участие в сборнике — по разным причинам. Да это было бы и невозможно — объединить в рамках одного издания всех тех, кто с благодарностью вспоминает совместную научную работу с юбиляром.

Настоящий сборник приурочен не только к 65-летию юбилею исследовательницы, но и к 40-летию научной деятельности (считая с года публикации первой научной работы), которое будет отмечаться в следующем году.

Л. Д. Бондарь, И. Л. Тихонов

Список научных трудов И. В. Тункиной*

1986

1. Тихов Гавриил Адрианович, астроном, член-корреспондент (фонд 971) // Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. Т. 8. Л., 1986. (Труды Архива АН СССР ; вып. 28). С. 14–16.
2. Тищенко Вячеслав Евгеньевич, химик, академик (фонд 978) // Там же. С. 35–37.
3. Черниговский Владимир Николаевич, физиолог, академик (фонд 1084) // Там же. С. 89–92.

1987

4. Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена // Советская археология. 1987. № 4. С. 220–227.
5. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе // Тезисы докладов научных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения А. И. Доватура (V Доватуровские чтения). Л., 1987. С. 34–36.

1988

6. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Севастополь, 1988. С. 119–121.
7. Экспедиции Е. Е. Кёлера в Крым 1804 и 1821 гг. // Проблемы античной культуры : тезисы докладов Крымской научной конференции. Ч. 3. Симферополь, 1988. С. 307–309.

1989

8. К истории изучения Ольвии в конце XVIII — начале XIX вв. // Древнее Причерноморье. I чтения памяти проф. П. О. Карышковского : тезисы докладов [всесоюзной научной] конференции (9–11 марта 1989 г.). Одесса, 1989. С. 52–54.
9. Кабинет редкостей Черноморского депо карт // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 117–119.

* Список составлен на 1 августа 2025 г.

10. Неизданная работа М. И. Ростовцева // Скифия и Боспор: Археологические материалы к [международной научной] конференции памяти акад. М. И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 г.). Новочеркасск, 1989. С. 17–18.

11. Становление классической археологии в России (XVIII — середина XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук (на правах рукописи) / Ленинградский государственный университет, ист. фак-т. Л., 1989. 16 с.

1990

12. Зарождение керамической эпиграфики в России // Античный мир и археология: Проблемы античной государственности, материальной и духовной культуры : межвуз. науч. сб. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 111–122.

1991

13. К истории изучения острова Фидониси в конце XVIII — первой четверти XIX в. // История и археология Нижнего Подунавья : тезисы докладов второй юбилейной [всесоюзной научной] конференции, посвященной памяти А. И. Доватура и А. Н. Дейча (2–5 ноября 1991 г.). Рени, 1991. С. 30–32.

14. Кабинет редкостей Черноморского депо карт // Очерки истории русской и советской археологии / отв. ред. В. А. Гуляев, А. А. Формозов. М., 1991. С. 9–24.

15. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П. О. Карышковского : тезисы докладов юбилейной [всесоюзной научной] конференции (9–11 марта 1991 г.). Одесса, 1991. С. 98–99.

1992

16. К истории изучения острова Фидониси (Змеиный) в конце XVIII — середине XIX вв. // Петербургский археологический вестник. 1992. № 2. С. 23–62.

17. О судьбе археологических записок А. А. Мартынова // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века : тезисы докладов VI научной конференции. Ростов-на-Дону, 1992. С. 52–53.

18. Рец. на книгу: *Trigger, Bruce G. A History of Archaeological Thought*. Cambridge, 1989. 563 p. // Российская археология. 1992. № 3. С. 251–262.

19. Archives in Russia. 1992. A Brief Directory. Part 1. Moscow and St. Petersburg. Preliminary English version / Ed. by P. K. Grimsted, M. D. Afanas'ev, V. P. Kozlov, V. S. Sobolev. Comp. by I. V. Tunkina et al. Moscow ; Princeton, 1992. (*Препринт*).

1993

20. Историографические этюды С. А. Жебелёва. (Из неизданного научного наследия): *Жебелёв С. А. Столетие рождения Ф. Ф. Соколова* / подгот. текста,

публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова // Вестник древней истории. 1993. № 1. С. 182–194.

21. Историографические этюды С. А. Жебелёва. (Из неизданного научного наследия): *Жебелёв С. А. Автонекролог* / подгот. текста, публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 172–201.

22. Историографические этюды С. А. Жебелёва. (Из неизданного научного наследия): *Жебелёв С. А. О новой книге Насеброк'а* / подгот. текста, публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова // Вестник древней истории. 1993. № 4. С. 187–209.

23. Историографические этюды С. А. Жебелёва: Три неизданных мемуара С. А. Жебелёва: *Жебелёв С. А. Из воспоминаний о Я. И. Смирнове; Из воспоминаний о старом товарище; С. Ф. Ольденбург* / подгот. текста, публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова // Вестник древней истории. 1993. № 3. С. 180–202.

24. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII — первой четверти XIX вв. // Боспорский сборник. Вып. 2. М., 1993. С. 6–24.

25. Неизвестный клад херсонесских монет 1844 г. // Петербургский археологический вестник. 1993. № 6 : Скифы. Сарматы. Славяне. Русь : сб. археол. статей в честь 56-летия Д. А. Мачинского. С. 76–78.

26. Неизданная работа М. И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5 : ΣΚΥΘΙΚΑ: Избранные работы академика М. И. Ростовцева. С. 22–24.

27. Позднеримские и византийские монеты с Левке по неизданным рисункам Н. Н. Мурзакевича // С. Б. Охотников, А. С. Островерхов. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 125–126 (соавтор — Е. С. Столярик).

28. *Ростовцев М. И.* Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / подгот. текста, публ. и коммент. И. В. Тункиной // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5 : ΣΚΥΘΙΚΑ: Избранные работы академика М. И. Ростовцева. С. 25–38.

29. Формирование исследовательских программ в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII — середина XIX вв.) // Проблемы истории отечественной археологии : тезисы докладов конференции (11–13 декабря 1990 г.). СПб., 1993. С. 53–55.

30. Archives in Russia. 1993. A Brief Directory. Part 1. Moscow and St. Petersburg. Preliminary English version / Ed. by P. K. Grimsted, M. D. Afanas'ev, V. P. Kozlov, V. S. Sobolev. Comp. by I. V. Tunkina et al. Moscow ; Washington, DC, 1993. (*Препринт*).

1994

31. Античные памятники в собраниях Харьковского университета (1805–1835) // Древнее Причерноморье: Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994. С. 147–152.

32. Главная астрономическая обсерватория в Пулкове: 1839–1917 гг. / отв. ред. чл.-корр. РАН В. К. Абалакин ; сост. А. Н. Дадаев, Н. Я. Московченко, В. И. Осипов, И. В. Тункина. СПб., 1994.

33. Две столицы — Санкт-Петербург и Турку: Каталог выставки. Замок Турку / Two capitals — St. Petersburg and Turku: Exhibition catalogue. Turku Castle 23.2–31.8.1994 / Провинциальный музей Турку ; Государственный музей истории С.-Петербурга ; Санкт-Петербургский филиал Архива Российской АН ; Российский государственный архив Военно-морского флота. Турку, 1994. 208 с. (Каталог экспонатов № 43–45, 48–54, 70–81. С. 181–184, 189–192).

34. Документы фонда акад. Н. П. Кондакова в Архиве РАН // Санкт-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм». (К 150-летию со дня рождения Н. П. Кондакова) : сб. материалов (ноябрь 1993 — июнь 1994 гг.). Вып. 6 : Материалы древнерусского семинара «Храм и культура». СПб., 1994. С. 10–29.

35. Начало изучения Ольвии // Археологія (Киев : Наукова думка). 1994. № 2. С. 7–18.

36. Неизданная библиография С. Н. Кондакова по отечественной археологии и истории искусств // Памятники древнерусской культуры : материалы II Российской научной конференции (8–10 июня 1994 г.), посвященной памяти Святителя Макария. Вып. 2, ч. 2. Можайск, 1994. С. 73–79.

37. Член-корреспондент Парижской Академии надписей И. А. Степковский и ученые Петербургской Академии наук // Петербургские чтения : тезисы докладов научной конференции, посвященной 291-летию Санкт-Петербурга (23–27 мая 1994 г.). СПб., 1994. С. 160–162.

38. Kaksi pääkaupunkia — Pietari ja Turku / Två huvudstäder — Petersburg och Åbo (Turun Linna — Åbo Slott 23.2–31.8.1994) // Turun maakuntamuseo näyttelyesite / Åbo landskapsmuseum utställningskatalog. Työryhmä. Esineluettelo / Katalog. Turku/Åbo, 1994. (Каталог экспонатов № 43–45, 48–54, 70–81. С. 181–184, 189–192).

1995

39. А. Н. Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки / редкол.: И. Л. Тихонов (отв. ред.), И. В. Тункина, Ю. А. Купина, Н. Н. Жервэ. СПб., 1995. (Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки» ; вып. 1). С. 18–27.

40. Н. П. Кондаков: Обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / отв. ред. И. П. Медведев. СПб., 1995. С. 93–119.

41. Новые материалы о коллекции древностей И. П. Бларамберга // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья : тезисы докладов научной конференции. Белгород-Днестровский, 1995. С. 66–67.

42. Отзыв С. А. Жебелёва о Д. В. Айналове // Церковная археология : материалы первой Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.) : [в 3 ч.]. СПб. ; Псков, 1995. Ч. 3 : Памятники церковной археологии России. С. 67–73.

1996

43. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х — начало 1850-х гг.) // Погибшие святые. Охраняется государством : материалы 4-й Российской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 14–16 марта 1995 года). Ч. 1. СПб., 1996. С. 163–181.

44. Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму (конец XVIII — первая половина XX в.) // Традиции российской археологии : материалы методологического семинара Ин-та истории материальной культуры РАН / отв. ред. В. М. Массон. СПб., 1996. (Археологические изыскания ; вып. 33). С. 27–32 (соавтор — А. Н. Щеглов).

45. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев. (Новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 168–188 (соавтор — Г. М. Бонгард-Левин).

46. Новые материалы к биографии профессора Б. В. Варнеке // Древнее Причерноморье: III [международные] чтения памяти проф. П. О. Карышковского : тезисы докладов юбилейной конференции (12–14 марта 1996 г.) / отв. ред. В. Н. Станко. Одесса, 1996. С. 109–110.

1997

47. Архивы России. Москва и Санкт-Петербург: Справочник-обозрение и библиографический указатель (русское издание) / гл. ред. В. П. Козлов, П. К. Гримстед ; сост. П. К. Гримстед, Л. В. Репуло (отв. сост.), И. В. Тункина. М., 1997.

48. Комплекс эпохи раннего эллинизма из Никония // Никоний и античный мир Северного Причерноморья : сб. науч. статей Международной археологической конференции. Одесса, 1997. С. 50–54 (соавтор — И. В. Бруяко).

49. Материалы по истории экспедиций Императорской Академии наук в XVIII — начале XIX столетия // Информационный бюллетень РФФИ. 1997. Т. 5, № 6. С. 161 (соавторы — В. С. Соболев, А. Н. Анфертьева, О. В. Иодко, Н. С. Прохоренко, М. Ш. Файнштейн).

50. Документы М. И. Ростовцева в Санкт-Петербургском Архиве Российской Академии наук // Скифский роман / под общ. ред. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 24–34.

51. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Там же. С. 259–286 (соавтор — Г. М. Бонгард-Левин).

52. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Там же. С. 84–123.

53. Письма М. И. Ростовцева С. А. Жебелёву, Ф. И. Успенскому и Н. Я. Марру // Там же. С. 369–415.

54. Письма М. И. Ростовцева А. В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // Скифский роман / под общ. ред. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 461–500 (соавтор — Г. М. Бонгард-Левин).
55. Письма М. И. Ростовцева А. М. Таллыгрёну // Там же. С. 501–515 (соавтор — Г. М. Бонгард-Левин).
56. Письма М. И. Ростовцева Г. В. Вернадскому // Там же. С. 516–529 (соавтор — Г. М. Бонгард-Левин).
57. Письма М. И. и С. М. Ростовцевых Н. П. и С. Н. Кондаковым // Там же. С. 431–460 (соавторы — Г. М. Бонгард-Левин, В. Ю. Зуев, И. Л. Кызласова).
58. Ф. К. Волков и сборник «Русская наука» // Традиции отечественной палеоэтнологии : тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Федора Кондратьевича Волкова (Вовка). Санкт-Петербург, 15–16 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 22–24.
59. Archives of Russia: ArcheoBiblioBase. Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (IISG) / International Institute of Social History (IISH). Amsterdam, 1997; расширенная версия: 2008 (веб-сайт на основе опубликованных справочников № 17, 21, 81: <http://www.iisg.nl/abb/index.php>).

1998

60. Борис Васильевич Варнеке: Страницы биографии // Античный мир. Проблемы истории и культуры : сб. науч. статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1998. С. 441–452.
61. Первый исследователь скифских курганов: К биографии А. П. Мельгунова (1722–1788) // Очерки истории отечественной археологии / отв. ред. А. А. Формозов, И. С. Каменецкий. Вып. 2. М., 1998. С. 12–26.
62. Раскопки И. П. Бларамберга в Керчи в 1826 г. // Боспорское царство как историко-культурный феномен : материалы научной конференции (декабрь 1998 г.). СПб., 1998. С. 96–102.
63. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // Археологические вести. 1998. № 5. С. 159–175 (соавтор — Е. Я. Рогов).
64. Создание Феодосийского музея древностей // Древнее Причерноморье: IV чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского (12–14 марта 1998 г.). Одесса, 1998. С. 38–43.

1999

65. А. С. Пушкин и археологи юга России // Пушкин и классические древности: Каталог по материалам выставки к 200 летию со дня рождения А. С. Пушкина / общ. науч. ред. М. Б. Пиотровский ; авт.-сост. А. В. Круглов ; авт. статей А. В. Круглов, О. Я. Неверов, И. В. Тункина. СПб., 1999. С. 20–23.
66. В. В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб., 1999. С. 172–288.

67. Вклад поляков в становление классической археологии в России (конец XVIII — первая треть XIX вв.) // Восточная Европа: Прошлое и современность : материалы научной конференции (7 апреля 1999 г.). СПб., 1999. С. 23–28.

68. Забытый археолог — знакомый Пушкина (об Иване Алексеевиче Стемповском) // *Gazeta Petersburska*. 1999. № 5 (6). С. 8–9.

69. К истории изучения античных памятников Западного Причерноморья в 1828–1829 гг. // *Stratum plus*. 1999. № 3 : Скифский квадрат. С. 354–358.

70. Классическая археология: академики и дилетанты (первая треть XIX в.) // Петербургская Академия наук в истории академий мира: К 275-летию Академии наук : материалы Международной конференции (28 июня — 4 июля 1999 г.). Т. 2. СПб., 1999. С. 245–256.

71. Материалы по истории экспедиций Императорской Академии наук в XVIII — начале XIX столетия // Информационный бюллетень РФФИ. 1999. Т. 7. № 6. С. 67 (соавторы — В. С. Соболев, М. Ш. Файнштейн, Н. С. Прохоренко, О. В. Иодко, А. Н. Анфертьева).

72. О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.) // Петербургская Академия наук в истории академий мира: К 275-летию Академии наук : материалы Международной конференции (28 июня — 4 июля 1999 г.) Т. 1. СПб., 1999. С. 182–194.

73. О судьбе рукописного наследия Павла Дюбрюкса // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира : материалы Международной научной конференции (декабрь 1999 г.). СПб., 1999. С. 8–35.

74. Первые годы деятельности Керченского музея древностей // Археология и история Боспора : сб. науч. статей / ред.-сост. Н. Ф. Федосеев. Т. 3. Керчь, 1999. С. 39–60.

75. *Dorobek Polaków w założeniu archeologii klasycznej w Rosji (koniec XVIII w. — pierwsza trzecia część XIX w.)* // Восточная Европа: Прошлое и современность : материалы научной конференции (7 апреля 1999 г.). СПб., 1999. С. 61–66.

2000

76. «Дело» академика С. А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России : альманах. Вып. 2. СПб., 2000. С. 116–161.

77. Академик Н. П. Кондаков: пражские письма на Родину // Зарубежная Россия, 1917–1939 гг. : сб. статей. СПб., 2000. С. 230–237.

78. Иван Алексеевич Стемповский: Материалы к биографии // ΣΥΣΤΙΤΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева / отв. ред. М. Б. Пиотровский. СПб., 2000. С. 357–379.

79. Лаврентий Блюментрост // Во главе первенствующего ученого сообщества России: Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1725–1917 гг.) / отв. ред. проф. Э. И. Колчинский. СПб., 2000. С. 13–28.

80. Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: История взаимоотношений (1920–1925 гг.) // *Stratum plus*. 2000. № 4 : Время великих миграций. С. 384–391.

81. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии (становление археолога) // *Археологические вести*. 2000. № 7. С. 357–372.

82. Споры о путях развития русской классической археологии в первой трети XIX в. // *Антиковедение на рубеже тысячелетий: Междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных) : тезисы докладов конференции (29–30 июня 2000 г.)*. М., 2000. С. 100–104.

83. Становление классической археологии в России (XVIII — сер. XIX вв.) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2000. № 1. С. 44–50.

84. *Archives of Russia: A Directory and Bibliographic Guide to Holdings in Moscow and St. Petersburg. English-language Edition. Vol. 1–2 / ed. by P. K. Grimsted ; comp. by P. K. Grimsted, L. V. Repulo, I. V. Tunkina ; introd. by V. P. Kozlov. Armonc, New York, 2000.*

2001

85. Айвазовский И. К. // *Российская музейная энциклопедия : в 2 т. Т. 1*. М., 2001. С. 21 (№ 12).

86. К истории изучения Ольвии в первой трети XIX в. // *Археологія (Киев)*. 2001. № 4. С. 35–50.

87. К истории изучения Херсонеса-Корсуня в конце XVIII — середине XIX вв.: Охрана руин Херсонеса и проекты возведения памятника на месте крещения князя Владимира // *Москва — Крым : историко-публицистический альманах*. Вып. 3. М., 2001. С. 96–120.

88. К истории открытия курганов Н. Ю. Патиниоти в 1821 г. близ Керчи // *Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства : материалы Международной научной конференции*. Ч. 2. СПб., 2001. С. 279–287.

89. Кондаков Н. П. // *Российская музейная энциклопедия : в 2 т. Т. 1*. М., 2001. С. 286 (№ 553).

90. Материалы к биографии Н. П. Кондакова: [Основные даты жизни и деятельности Н. П. Кондакова; Посмертно опубликованы; Поездки и экспедиции Н. П. Кондакова; Членство Н. П. Кондакова в академиях, университетах, институтах, обществах, комиссиях, музеях и т. п.; Награды Н. П. Кондакова] // *Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения*. [СПб.], 2001. С. 9–23.

91. Мурзакевич Н. Н. // *Российская музейная энциклопедия : в 2 т. Т. 1*. М., 2001. С. 411 (№ 773).

92. Н. П. Кондаков по неизданным воспоминаниям Б. В. Варнеке. 1917–1920 годы // *Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения*. [СПб.], 2001. С. 56–62.

93. Толстой И. И. // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М., 2001. С. 247 (№ 1252).

94. Штернберг Л. Я. // Там же. С. 344 (№ 1437).

2002

95. Б. В. Варнеке. Материалы для биографии Н. П. Кондакова / публ. И. В. Тункиной // Диаспора: Новые материалы. Вып. 4. Париж ; СПб., 2002. С. 72–152.

96. Из научного наследия: Записка о присуждении ученых степеней С. А. Жебелёва. Предисловие публикатора (С. А. Жебелёв. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 3 / отв. ред. И. С. Каменецкий, А. А. Формозов. М., 2002. С. 142–194.

97. Неизвестные архивные материалы о Пуленцовском кладе // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища : материалы Международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2002. С. 266–271.

98. Ростовцев М. И. Избранные публицистические статьи. 1906–1923 годы / подгот. текста, предисл., коммент. и биогр. словарь И. В. Тункиной. М., 2002.

99. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.

100. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. (Автореферат диссертации в виде опубликованной монографии на соискание ученой степени доктора исторических наук (на правах рукописи)).

101. Санкт-Петербургскому Архиву РАН — 275 лет // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. 18 : Тезисы XXIII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (26–28 ноября 2002 г.). СПб., 2002. С. 16–18.

102. Unpublished Data on the Panhellenic Achilles' Sanctuary on the Tendra Spit (Excavation of 1824) // Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux dans la région nord-pontique: origines et développement d'une koinè politique, économique et culturelle (VII-e s. a. C. — III-e s. p. C.). Bordeaux, 2002. P. 93–118.

2003

103. Забытый исследователь древностей Боспора конца XVIII в. — Ф. К. Биберштейн // Scripta Gregoriana : сб. в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 340–352.

104. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний: 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований

в Академии наук : сб. документов / сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб., 2003. С. 637–659.

105. Материалы к биобиблиографии М. И. Ростовцева: *addenda et corrigenda* // Парфянский выстрел / под общ. ред. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко. М., 2003. С. 721–727 (соавтор — В. Ю. Зуев).

106. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII — середина XIX в.) // Проблемы античной истории : сб. научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2003. С. 359–375.

107. Скифский мир М. И. Ростовцева и Э. Х. Миннза // Парфянский выстрел / под общ. ред. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко. М., 2003. С. 477–544 (соавторы — Г. М. Бонгард-Левин, М. Д. Бухарин).

108. The Formation of a Russian Science of Classical Antiquities of Southern Russia in the 18th and early 19th century // The Cauldron of Ariantas: Studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday / ed. by P. G. Bilde, J. M. Højte, V. F. Stolba. Aarhus, 2003. (Black Sea Studies ; vol. 1). P. 303–364.

2004

109. Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. Вып. 3 / под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 641–765.

110. Березанская (Нижнебугская) античная экспедиция в 2003 г. // Археологические экспедиции за 2003 год : сб. докладов. СПб., 2004. С. 98–103 (соавторы — Я. В. Доманский, К. К. Марченко, Н. С. Бекетова, И. В. Осокин).

111. К истории академических выборов 1929–1930 гг.: Академик С. А. Жебелёв. Отзыв об ученых трудах Д. В. Айналова // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр. СПб., 2004. С. 176–183.

112. Материалы о Поле Дюбрюксе во французских архивах // Мавродинские чтения 2004: Актуальные проблемы историографии и исторической науки : материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та / под ред. проф. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 244–246.

113. Несколько штрихов к портрету В. И. Равдоникаса 1920-х гг. (по архивным материалам) // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр. СПб., 2004. С. 193–215.

114. О подарке неаполитанского короля Императорской Академии наук (первое описание древностей Геркуланума) // Там же. С. 57–62.

115. О судьбе рукописного наследия И. П. Бларамберга // Херсонесский сборник. Вып. 13. Севастополь, 2004. С. 233–249.

116. Памяти М. Ш. Файнштейна // Археографический ежегодник за 2003 г. М., 2004. С. 407–408 [без подписи].
117. [Предисловие] // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук, 1725–1760. Т. 2 / сост. и науч. ред. Р. Е. Кистемакер, Н. П. Копанева, Д. Й. Мейерс, Г. В. Вилинбахов. СПб., 2004. С. II.
118. Рисунки древностей коллекции И. П. Бларамберга из архива М. С. Воронцова // *Borysthenika-2004* : материалы Международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э. Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 158–172.
119. Рисунки находок из античных памятников Восточного Крыма 1820–1821 гг. // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников : материалы Международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2004. С. 333–339.
120. Российской Академии наук Архив // Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб. ; М., 2004. С. 754.
121. Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук : краткий справочник / отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина ; сост. Н. В. Крапошина, И. В. Тункина, А. В. Шурухина. СПб., 2004.
122. Эпизод к биографии В. А. Городцова: 1938 год // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр. СПб., 2004. С. 184–192.

2005

123. Айвазовский И. К. // Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 21 (№ 13).
124. К истории финансирования Императорской Академии наук за первые 150 лет ее существования (1724–1874) (по материалам Архива РАН) // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2004 / ред.-сост. Ю. А. Петросян, Э. А. Тропп, Е. А. Иванова. СПб., 2005. С. 35–54.
125. Кондаков Н. П. // Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 286 (№ 554).
126. Мурзакевич Н. Н. // Там же. С. 411 (№ 774).
127. Новые архивные материалы о роде Дюбрюксов в России // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «История». 2005. Т. 18 (57). № 1 (специальный выпуск) : Историческое краеведение Крыма на рубеже столетий. Вопросы истории крымоведения и охраны памятников : сб. научных трудов в честь 150-летия со дня рождения Арсения Ивановича Маркевича. С. 175–178. Резюме: с. 218 (рус.), 221 (укр.), 223 (англ.).
128. От редактора // М. Ш. Файнштейн. Впереди — Новый Свет: История открытия Америки и ее восприятие в России / отв. ред. И. В. Тункина ; подгот. к изд. Н. А. Веселовой. М., 2005. С. 6–7.

129. Работы Березанской (Нижнебугской) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 году // Археологические экспедиции за 2004 год : сб. докладов. СПб., 2005. С. 96–105 (соавторы — Д. Е. Чистов, В. Ю. Зуев, Ю. И. Ильина, К. К. Марченко).

130. Толстой И. И. // Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 658 (№ 1253).

131. Уникальный памятник русской истории — Коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1 / гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М., 2005. С. 434–446. Табл. XXXV–XLIII.

132. Штернберг Л. Я. // Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 755 (№ 1438).

133. Preface & Acknowledgement // The Paper Museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg (C. 1725–1760): Introduction and Interpretation / ed. Renee E. Kistemaker, Natalya P. Kopaneva, Debora J. Meijers, Georgy V. Vilibachov. Amsterdam, 2005. P. X–XI.

2006

134. В поисках сокровищ богатыря Хара-цзянь-цзюнь (Неизданные труды С. И. Руденко) // Наука из первых рук (Новосибирск). 2006. № 5 (Октябрь). С. 48–54.

135. К столетию Первого международного археологического конгресса в Афинах // In situ: К 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 377–386.

136. Неизвестные архивные данные о роде Дюбрюксов в России // Боспорские чтения VII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Керчь, 2006. С. 287–300.

137. О проекте публикации собрания сочинений Поля Дюбрюкса // Современные проблемы археологии России : материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Т. 2 / отв. ред. акад. А. П. Деревянко, акад. В. И. Молодин. Новосибирск, 2006. С. 455–457.

138. Первый научный архив России // Наука из первых рук (Новосибирск). 2006. № 5 (Октябрь). С. 55.

139. Сокровища Литого кургана и академик Г. Ф. Миллер // Вестник древней истории. 2006. № 3. С. 135–155.

140. Фонд Г. Ф. Миллера в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Университетские музеи: Прошлое, настоящее, будущее : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию со дня рождения первого ректора университета Г. Ф. Миллера и 60-летию Музея истории СПбГУ / под ред. И. Л. Тихонова. СПб., 2006. С. 40–50.

141. Archivmaterialen aus dem ersten Drittel des 19. Jhs. über das Achilleus-Heiligtum auf der Landzunge von Tendrac Der Achilleus-Kult im nördlichen

Schwarzmeerraum von Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit: Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. J. Hupe. Unter Mitarbeit von C. von Behren. Mit Beiträgen von S. B. Bujskich, J. Hupe, S. B. Ochotnikov, A. S. Rusjaeva und I. V. Tunkina. Rahden/Westf., 2006. (Internationale Archäologie ; Bd. 94 / Hrsg. von Claus Dobiati und Klaus Leidorf). S. 89–109. Taf. 19–27.

142. In Search for Treasures of Hero Khara-Jia-Jun: Unpublished Works of S. I. Rudenko // *Science First Hand* (Novosibirsk). December 2006. № 6 (11). P. 36–42.

143. Russia's First Scientific Archive // *Ibid.* P. 43.

2007

144. Г. А. Князев и академическое архивоведение // *Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию*. 2006 / ред.-сост. Ю. А. Петросян, Э. А. Тропп, Е. А. Иванова. СПб., 2007. С. 79–89.

145. Забытая женщина-археолог — А. М. Раевская // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004)*. СПб., 2007. С. 214–219.

146. К публикации неизданного очерка С. А. Жебелёва «Археология и общая история искусства»; *Жебелёв С. А. Археология и общая история искусства* // Там же. С. 139–174.

147. М. С. Воронцов как патрон Южнорусского археологического центра // *Одесские чтения памяти М. С. Воронцова : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции*. Одесса, 2007. С. 74–76.

148. Обращенному к звезде... // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004)*. СПб., 2007. С. 5–8.

149. Петербургские собрания акварелей Панчо Фьерро // *Вестник истории, литературы, искусства*. Т. 4 / гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М., 2007. С. 447–451, табл. XXX–XXXVI.

150. Русские военные моряки и античные памятники во второй половине XVIII — начале XIX в. (два этюда) // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004)*. СПб., 2007. С. 175–181.

151. Academician G. F. Miller and the Treasures from Litoi Kurgan // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* (Leiden : Brill). 2007. Vol. 13. № 3–4. P. 193–224.

152. New Data on the Panhellenic Achilles Sanctuary on the Tendra Spit (Exavation of 1824) // *Une koinè pontique. Cités grecques, société indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VII-e s. a. C. — III-e s. p. C.)*. Text réunis par A. Bresson, A. Ivantchik et J.-L. Ferrary. Bordeaux, 2007. (Ausonius Éditions. Mémoires 18). P. 225–240.

2008

153. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. и биографич. слов.-указ. И. В. Тункиной. М., 2008.

154. «...Плод 50-летнего научного труда» (к переизданию последней монографии В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века») // Проблемы истории и археологии Украины : материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула (10–11 октября 2008 г.). Харьков, 2008. С. 69–70.

155. А. А. Спицын и Готская группа ГАИМК // История и практика археологических исследований : материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора А. А. Спицына (26–29 ноября 2008 г.). СПб., 2008. С. 199–203.

156. Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820-х — 1840-х годах // Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. Вып. 2. Одеса, 2008. С. 60–63.

157. Г. А. Князев как директор Архива АН СССР (1929–1963) // Академический архив в прошлом и настоящем : сб. науч. статей к 280-летию Архива Российской академии наук / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2008. С. 19–32.

158. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920-х — начала 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 3. М., 2008. С. 249–251.

159. М. С. Воронцов как патрон Южнорусского археологического центра // Воронцовский сборник. Вып. 1 : Сборник научных статей / редкол.: д. и. н. О. Ю. Захарова, к. и. н. Т. А. Избаш, к. и. н. И. Н. Шкляев. Одесса, 2008. С. 186–201.

160. Неопубликованный «Исторический очерк Архива Академии наук СССР, 1728–1962» (Л., 1965) под редакцией Г. А. Князева // Академический архив в прошлом и настоящем : сб. науч. статей к 280-летию Архива Российской академии наук / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2008. С. 105–127.

161. О судьбе книги академика В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX — начале XX в.» (к 150-летию со дня рождения) // Вестник древней истории. 2008. № 4. С. 213–224.

162. О судьбе рукописного наследия Г. Ф. Миллера // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 2. С. 3–11.

163. От редактора // Академический архив в прошлом и настоящем : сб. науч. статей к 280-летию Архива Российской академии наук / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2008. С. 7–11.

164. Собрание сочинений Поля Дюбрюкса // Pontika 2008: Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. International Colloquium

at the Institute of Archaeology Jagiellonian University, Cracow 21st–26st April 2008. Abstracts. Krakow, 2008. P. 78.

165. From M. I. Rostovtzeff's Archival Heritage: St. Petersburg and Trier // Michel Ivanovitch Rostovtzeff / Sous la direction de J. Andureau et W. Berelowitch. Bari, 2008. (Pragmateiai: Collana di studi e testi per la storia economica, sociale e amministrativa del mondo antico diretta da Elio Lo Cascio ; 14). P. 89–95.

2009

166. Бларамберг Иван Павлович (1772–1831) // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Т. 1 (початок XIX — середина XX ст.). Одеса, 2009. С. 52–55.

167. Варнеке Борис Васильович (1874–1944) // Там же. С. 87–88 (соавтор — Т. О. Ізбаш-Гоцкан).

168. Начальные этапы становления русской науки о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 9 : 170 лет Одесскому обществу истории и древностей, 50 лет Одесскому археологическому обществу. Одесса, 2009. С. 295–317.

169. О Ф. А. Жиле // Ф. А. Жиль. Письма о Кавказе и Крыме / сост. и перев. с фр. К. А. Мальбахова. Нальчик, 2009. Приложение. С. 281–286.

170. Отец археологии Боспора Поль Дюбрюкс (Новые архивные материалы) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 6. М., 2009. С. 369–378. Табл. XXX–XXXI.

171. Письмо В. П. Васильева президенту Петербургской академии наук К. К. Романову о поездке в Синьцзян летом 1890 г. // Восток — Запад: Диалог цивилизаций : историко-литературный альманах. 2007–2008 / под ред. акад. В. С. Мясникова. М., 2009. С. 89–93.

172. Стемповський Іван Олексійович (1788–1832) // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Т. 1 (початок XIX — середина XX ст.). Одеса, 2009. С. 382–384 (соавтор — Т. О. Ізбаш-Гоцкан).

173. Фундаментальные исследования по истории науки. По поводу книг: *Непомнящий А. А.* Подвижники крымоведения. Т. 1. Симферополь, 2006. 324 с., ил. (Библиография крымоведения ; вып. 7); Т. 2 : *Taurica orientalia*. Симферополь, 2008. 600 с., ил. (Библиография крымоведения ; вып. 12) // Питання історії науки і техніки (Київ). 2009. № 2 (10). С. 65–67.

2010

174. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам) // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М., 2010. С. 588–610, 900. Ил. 1–48.

175. Блокадная летопись (о кн.: Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 / РАН ; Архив, Санкт-Петербургский филиал. СПб. : Наука, 2009. 1220 с.) // Литературная газета. 2010. № 15 (6270) (21–27 апр.). С. 9.

176. Г. В. Вернадский и его научные исследования 1915–1917 гг. по истории России XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 31 / отв. ред. В. Н. Плешков. СПб., 2010. С. 400–409.

177. Гимн «березанскому народу» // В. В. Ксенофонов. Березанский альбом: Стихи, песни, археологический фольклор. СПб. ; М., 2010. С. 5–6.

178. *Дюбрюкс Поль* (1770–1835). Собрание сочинений : в 2 т. / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина ; подгот. текстов И. В. Тункиной и Н. Л. Сухачева ; пер. с фр. Н. Л. Сухачева. СПб., 2010. (*Du Brux P. Œuvres. 2 vols. / compil. et réd. I. V. Tunkina ; prép. des textes I. V. Tunkina et N. L. Sukhachev ; trad. du français N. L. Sukhachev. Saint-Pétersbourg, 2010*).

179. Издание «Собрания сочинений» отца археологии Боспора Поля Дюбрюкса (1770–1835) по материалам архивов России, Украины и Франции (2010) // Французы в интеллектуальной и научной жизни России XVIII–XX вв. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан ; сост. О. В. Окунева. М., 2010. С. 202–211.

180. История изучения // Античное наследие Кубани. Т. 1 / отв. ред. акад. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М., 2010. С. 23–128.

181. История отечественной археологии на современном этапе: Антропологический поворот // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2009. СПб., 2010. С. 62–72.

182. Комментарии // В. В. Ксенофонов. Березанский альбом: Стихи, песни, археологический фольклор. СПб. ; М., 2010. С. 207–223.

183. Коронации российских императриц в XVIII в. на примере рукописного коронационного альбома Елизаветы Петровны // Судьбы Романовых в судьбе Сибири : материалы Международного научного форума (Тобольск, 9–11 сентября 2010 года) / под ред. д. и. н., проф. А. П. Яркова. Тюмень, 2010. С. 113–120.

184. Неосуществленные проекты Г. В. Вернадского 1915–1917 гг. по истории России XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 40–44.

185. Archive of the Russian Academy of Sciences / Arquivo da Academia de Ciências da Rússia // Expedição Langsdorff: Catalogue. Rio de Janeiro, 2010. P. 8–9 (на англ. и португ. яз.).

2011

186. Академические архивисты и ленинградские ученые в годы блокады // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. СПб., 2011. С. 79–91.

187. Б. В. Варнеке и его воспоминания об ученых // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры : альманах. Т. 1 / отв. ред. д. и. н. М. Д. Бухарин. М., 2011. С. 435–466.

188. Варнеке Б. В. А. Л. Бертъе-Делагард / публ. и науч. коммент. И. В. Тункиной // Там же. С. 467–493.

189. Галлэра, Галэра, Гальэра (Galera, Gallera) Анжело (Августин, Антоний), или Ангелий Варфоломеевич // Сотрудники Феодосийского музея древностей — деятели науки и культуры: Биобиблиографический словарь. Киев, 2011. С. 26–28.

190. Граперён, Грапперён (Graperon, Grapperon) Жан Батист Эспри, или Иван Иванович // Там же. С. 28–33.

191. Дмитрий Павлович Эрастов (1928–2010): Страницы биографии // Актуальные проблемы сохранения архивных, библиотечных и музейных фондов : доклады Международного научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 18–19 мая 2011 г.). СПб., 2011. (Труды Лаборатории реставрации и консервации документов СПбФ АРАН ; вып. 2). С. 9–14.

192. «Историки и археологи должны очень хорошо знать своих научных предшественников...» / Вопросы и запись И. Н. Татаринцева // Победа: Газета Феодосийского городского совета. 2011. № 62 (15591) (7 июня). С. 4; № 65 (15594) (16 июня). С. 5.

193. История отечественной археологической науки на современном этапе: Антропологический поворот // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. Т. 2 / отв. ред. чл.-корр. РАН Н. А. Макаров, чл.-корр. РАН Е. Н. Носов. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. С. 354–356.

194. К вопросу о греческом характере курганного некрополя Феодосии (по материалам раскопок 1851–1852 гг.) // Боспорский феномен: Население, языки, контакты : материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб., 2011. С. 197–202.

195. К изданию монографии Л. Б. Модзалевского о М. В. Ломоносове // Л. Б. Модзалевский. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в.) / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2011. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 1). С. 4–12.

196. Казанли (Коцанли) Иван Михайлович // Сотрудники Феодосийского музея древностей — деятели науки и культуры: Биобиблиографический словарь. Киев, 2011. С. 33–34.

197. Каравак, Луи. Портрет императрицы Елизаветы Петровны // М. В. Ломоносов и Елизаветинское время : каталог выставки. СПб., 2011. С. 80. № 12.

198. Коронации российских императриц в XVIII в. на примере рукописного коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны // Научно-образовательный форум «Сохранение и возрождение духовного и культурного наследия России. 1000-летию Ярославля посвящается» : сб. материалов. М., 2011. С. 126–137.

199. Коронация императрицы Елизаветы Петровны по документам академического архива в Петербурге // Международная научная конференция

«Искусство и наука в современном мире» (11–13 ноября 2009 г.) : сб. материалов. М., [2011]. С. 264–270, ил. 1–24 на с. 162–182.

200. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев, 2011.

201. По следам крымского путешествия П. С. Палласа 1794 г.: первая академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (Auf den Spuren der Krimreise des Jahres 1794 von Peter Simon Pallas — Die erste archäologische Expedition in das Gebiet von Novorossijsk unter der Leitung des Akademiemitglieds Heinrich Karl Ernst Köhler im Jahr 1821) // Deutsch-Russische Begegnungen 2011. Zum 200. Todestag des Naturforschers Peter Simon Pallas (1741–1811). Halle (Saale), 13.–16. Oktober 2011 (https://www.steller-gesellschaft.de/wp-content/uploads/pdf/dr2011_abstracts.pdf).

202. Современные тенденции изучения истории отечественной археологии в России и на Украине // История археологии: личности и школы : материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки (Киев, 05–08.10.2010) / отв. ред. д. и. н. Н. И. Платонова. СПб., 2011. С. 55–64.

203. Усть-Рудицкая жалованная грамота М. В. Ломоносову из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Сборник статей и материалов, посвященных 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова: Торжественное заседание 17.11.2011 г., СПбНЦ РАН / под ред. В. В. Окрепилова. СПб., 2011. С. 140–174.

204. Усть-Рудицкая жалованная грамота М. В. Ломоносову из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Ломоносов и Ломоносовиана в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова / коорд. проекта И. В. Тункина ; сост. А. Г. Абайдулова, О. В. Иодко, Н. П. Копанева, И. М. Щедрова. СПб., 2011.

205. Электронный сборник «Ломоносов и Ломоносовиана в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова» // Там же.

206. The complete works of Paul Dubrux // Pontika-2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times: Proceedings of the International Conference, 21st–26th April 2008, Kraków / Ed. E. Papuci-Władyka, M. Vickers, J. Bodzek, D. Braund. Oxford, 2011. (British Archaeological Reports. International Series 2240 = BAR S2240). P. 355–369.

2012

207. Відкриваючи невідомі сторінки історії кримознавства: Рец. на кн.: Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. Киев : Стило, 2012. 464 с. (Серия

«Биобиблиография крымоведения» ; вып. 15) // Краеведство. 2012. № 3. С. 203–205.

208. Дарственная грамота императрицы Елизаветы Петровны М. В. Ломоносову на земли в Копорском уезде // Вторая Международная научная конференция «Искусство и наука в современном мире». Посвящается 300-летию М. В. Ломоносова. 1–4 ноября 2011 г. : сб. материалов / гл. ред. Ю. С. Осипов, президент РАН; З. К. Церетели, президент РАХ. СПб., [2012]. С. 71–74, 131–136.

209. Дарственная М. В. Ломоносову на Усть-Рудицу как источник по истории науки 18 в. // Deutsch-Russische Begegnungen 2012 in den Franckeschen Stiftungen: Vom Sammeln zum Systematisieren: Der Übergang vom musealen Sammeln archäologischer, naturhistorischer und völkerkundlicher Objekte aus Sibirien zum Aufbau von Klassifizierungs- und Taxonomiesystemen für verschiedene Wissenschaftszweige in Russland im 18. Jahrhundert (https://www.steller-gesellschaft.de/wp-content/uploads/pdf/dr2012_abstracts.pdf).

210. Дарственная М. В. Ломоносову на Усть-Рудицу как источник по истории науки 18 в. // Германия и Россия: Наука, общество, политика : научно-информационный сборник. Тюмень, 2012. С. 26.

211. Иоганн Вильгем Люрсениус. Каменные идолы, происходящие из бассейна Тобола и затем доставленные из красноярских пустынь. 1734 // Русские и немцы: 1000 лет истории, искусства и культуры. Государственный исторический музей (Москва), 21 июня — 25 августа 2012 года; Новый музей (Берлин), 6 октября 2012 — 13 января 2013 года: Каталог. Берлин, 2012. С. 316–317. № 426.

212. К «потаенной» биографии И. М. Тронского (Троцкого): Родственный контекст. Часть I. Корни: Троцкие — Фрейдлины — Дубновы (историко-антропологические зарисовки) // *Varietas Delectans* : сб. статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб., 2012. С. 510–538.

213. Мария Сибилла Мериан. Рисованная природа (из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук). М., 2012 (с. 164–177 — аннотации акварелей) (соавторы — Л. Д. Бондарь, А. В. Гребенюк).

214. Модернизация научно-справочного аппарата Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М., 2012. С. 595–598. Табл. 91–95. Ил. 1–7.

215. Некрополь Феодосии: «Раскопки» И. К. Айвазовского (1853 г.) // Евразийский археолого-историографический сборник: К 60-летию С. В. Кузьминых / отв. ред. А. С. Вдовин, И. В. Тункина. СПб. ; Красноярск, 2012. С. 48–69.

216. Основные работы С. В. Кузьминых по истории археологии // Там же. С. 30–37 (соавтор — А. С. Вдовин).

217. Nicht realisierte Vorhaben von George Vernadsky aus den Jahren 1915 bis 1917 zur Geschichte Rußlands im 18. Jahrhundert // Die Erforschung Sibiriens im 18. Jahrhundert: Beiträge der Deutsch-Russischen Begegnungen in den Franckeschen Stiftungen / Hrsg. von W. Hintzsche und J. O. Habeck. Halle, 2012. S. 75–85.

218. The Academic Archaeological Expedition to South Russia (Novorossiia Province) led by the Academician H. K. E. Köhler (1821): New Archival Data // Archaeology and Linguistics in the Modern World. Exchange of Knowledge in the History of Mankind: Abstracts. Humboldt Colleague (Simferopol, Yalta, 20–23 September 2012) / ed. Dr. V. Mordvintseva. Simferopol, 2012. P. 39.

2013

219. Академик В. И. Вернадский в воспоминаниях Г. А. Князева (к 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского) // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции (23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4). С. 329–338.

220. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (Новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 197–214.

221. Архив Российской академии наук (Санкт-Петербургский филиал) // Научное сообщество Санкт-Петербурга, XVIII — начало XXI в.: Энциклопедический справочник / отв. ред. М. Ф. Хартанович. СПб., 2013. С. 39.

222. «В поисках человека»: Современные проблемы истории отечественной археологии // Monumentum Gregorianum : сб. статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина / отв. ред. А. И. Иванчик. М., 2013. С. 500–514.

223. Варнеке Б. В. Старые филологи / публ. И. В. Тункиной // Вестник древней истории. 2013. № 3. С. 191–201.

224. Варнеке Б. В. Старые филологи. Продолжение // Вестник древней истории. 2013. № 4. С. 123–155.

225. Возвращение В. С. Иконникова // В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 3 : Мемуары и переписка русских людей, известия иностранцев о России / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. (Памятники отечественной науки. XX век). С. 5–10.

226. Дарственная М. В. Ломоносову на земли в Копорском уезде Петербургской губернии // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 67 : М. В. Ломоносов и елизаветинское время : материалы конференции, состоявшейся 23–25 ноября 2011 г. в Государственном Эрмитаже / науч. ред. Н. Ю. Гусева. СПб., 2013. С. 71–93, 284–285, 308.

227. Из истории изучения древностей Феодосии в конце XVIII в. // KOINON ΔΩΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег / сост. и науч. ред. А. А. Сеницына и М. М. Холода. СПб., 2013. С. 445–449.

228. Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии (Рец. на книгу: Клейн Л. С. История археологической мысли : в 2 т.

СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. Т. I. 688 с.; Т. II. 624 с.) // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 38, № 4. С. 235–240 (соавтор — С. П. Щавелёв).

229. Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии (Рец. на книгу: *Клейн Л. С. История археологической мысли : в 2 т.* СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. Т. I. 688 с.; Т. II. 624 с.) // С. П. Щавелёв. Дань Мнемозине: Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990–2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. Т. 2. Курск, 2013. С. 397–403 (соавтор — С. П. Щавелёв).

230. Н. Ф. Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане (по материалам писем к В. Р. Розену и С. Ф. Ольденбургу) // Восток — Запад: Диалог цивилизаций : историко-литературный альманах. 2011–2012 / под ред. акад. В. С. Мясникова. М., 2013. С. 105–123.

231. О судьбе неопубликованного научного наследия С. Ф. Ольденбурга // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. 29 : Материалы XXXIV годичной Международной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Историко-научный Санкт-Петербург: К 60-летию СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, 100-летию первых академических учреждений по истории науки и 150-летию со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского и 125-летию со дня рождения Николая Ивановича Бухарина» (25–29 ноября 2013 г.) / отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2013. С. 55–61.

232. Одесский период биографии И. М. Тронского (1897–1923) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12 : Из истории античности и нового времени. Сб. статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / под ред. проф. А. Х. Даудова. СПб., 2013. С. 555–571.

233. «Открытие» прошлого // Всемирная история. Т. 4 : Мир в XVIII веке / гл. ред. акад. А. О. Чубарьян ; отв. ред. тома д. и. н. С. Я. Карп. М., 2013. С. 233–255.

234. П. И. Кёппен, А. Я. Фабр и Ф. Дюбуа де Монпере как первооткрыватели позднескифских городищ Крыма // Причерноморье в скифо-античное и раннесредневековое время : сб. науч. работ, посвященный 65-летию В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013. (Серия «Археология, история и культура Причерноморья»). С. 324–340.

235. Первые Миллеровские чтения // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции (23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4). С. 15–23.

236. Резолюция объединенного заседания Ученого совета и общего собрания трудового коллектива Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН) 2 июля 2013 г. // Российская Академия наук: Хроника протеста. Июнь — июль 2013 г. / сост. А. Н. Паршин. М., 2013. С. 191–192; Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2013. С. 270–271 (соавтор — Л. Д. Бондарь).

237. Рец. на: Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933 : в 2 кн. Кн. 1 : 1915–1924; Кн. 2 : 1925–1933 / отв. ред. П. Г. Гайдуков ; сост. и авт. коммент. П. Г. Гайдуков, Н. Л. Зубова, М. В. Катагощина, Н. Б. Стрижова, А. Г. Юшко. М. : Наука, 2010–2011. Кн. 1. 659 с. : ил.; Кн. 2. 717 с. : ил. (Научное наследство ; т. 34) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 2. С. 151–153.

238. Русское и немецкое антиковедение рубежа XIX–XX вв. глазами Б. В. Варнеке // Вестник древней истории. 2013. № 3. С. 182–190.

239. Слово об архивисте: Борис Венедиктович Левшин (21.12.1926–22.11.2012) // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции (23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4). С. 114–117 (соавторы — О. В. Иодко, Н. С. Прохоренко).

240. Судьба третьего тома «Иконографии Богоматери» академика Н. П. Кондакова // Труды Государственного Эрмитажа. 2013. Т. LXIX : Византия в контексте мировой культуры : сб. науч. трудов, посвященный памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984). СПб., 2013. С. 540–543, 610–611 (summary).

241. Трагическая судьба третьего тома «Иконографии Богоматери» академика Н. П. Кондакова // Античная древность и Средние века : сб. науч. трудов. Вып. 41 : К 80-летию д. и. н., проф. М. А. Поляковской. Екатеринбург, 2013. С. 354–364.

242. Ф. Дюбуа де Монпере — исследователь позднескифских городищ Крыма // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке : материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., 2013. С. 737–744.

243. Хранители академической памяти (к юбилею Архива РАН) // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции (23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4). С. 30–51.

244. Экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909–1910, 1914–1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Фундаментальная наука: Проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия : материалы Международной научной конференции (Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г.) / отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2013. С. 36–42.

245. Экспедиция Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI веков // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции (23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4). С. 238–250.

246. Юбилейная научная конференция «Миллеровские чтения: к 285-летию Архива Российской академии наук» (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2013 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4 (73). С. 209–216 (соавтор — Л. Д. Бондарь).

247. Materials of the personal papers of Sergey F. Oldenburg as a source on history of the Russian expeditions to East Turkestan (according to the documents of the Saint-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences) // Tocharian Texts in Context. International Conference on Tocharian Manuscripts and Silk Road Culture. Department of Linguistics, University of Vienna (June 26–28, 2013) (<http://www.univie.ac.at/tocharian/abstracts/Tunkina.pdf>).

2014

248. Академик Е. Е. Кёлер о Березани, Ольвии и ольвийской периферии в дневнике экспедиции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1821 г. по Новороссийскому краю // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира : альманах. Вып. 14 / ред. Э. Д. Фролов. СПб., 2014. С. 407–418.

249. Варнеке Б. В. Старые филологи (окончание) / публ. И. В. Тункиной // Вестник древней истории. 2014. № 1. С. 144–178.

250. К биографии Николая Михайловича Печёнкина: Новые архивные материалы // Погребальная культура Боспорского царства : материалы круглого стола, посвященного 100-летию Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г. СПб., 2014. С. 233–238.

251. Консервация и реставрация уникальных памятников истории из фондов учреждений СПбНЦ РАН // Научные экспедиции РГНФ. М., 2014. С. 341–342.

252. Die Archäologie Sibiriens in den Dokumenten Messerschmidts // Deutsch-Russische Begegnungen 2014 in den Franckeschen Stiftungen: Europa entdeckt Sibirien: Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) — Europa entdeckt Sibirien Die Erforschung Sibiriens seit dem frühen 18. Jahrhundert und die Bedeutung für die europäische Wissenswelt (20 Jahre „Deutsch-Russische Begegnungen“ in Halle). URL: <https://www.steller-gesellschaft.de/wp-content/uploads/pdf/141106-DRB-Abstracts.pdf>).

253. Rostovtzeff entre archéologies russe et allemande avant 1914 // L'héritage germanique dans l'approche du décor antique: Actes de la table ronde organisée à l'École normale supérieure le 23 novembre 2012 / Éd. par H. Eristov et F. Monier. Bordeaux, 2014. (Ausonius Pictor 2–2014. Collection de l'AFPM). P. 97–114.

254. The Academic Archaeological Expedition to South Russia (Novorossiysk Province) under the Direction of Academician H. K. E. Köhler: New Archival Data // Archaeological and Linguistic Research: Materials of the Humboldt-Conference (Simferopol — Yalta, 20–23 September, 2012) / Ed. V. Mordvinceva, H. Härke, T. Shevchenko. Kyiv, 2014. P. 10–18.

2015

255. Euleriana в Санкт-Петербурге // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. 31 : Материалы XXXVI международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Советская наука и техника в годы Великой Отечественной войны (к 70-летию Великой Победы)» (21–24 апреля 2015 г.) / отв. ред. Н. А. Ащеулова, Э. И. Колчинский. СПб., 2015. С. 250–251.

256. Вступительное слово. Санкт-Петербургский академический архив — сокровищница рукописного наследия востоковедов // Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846) / отв. ред. Р. М. Валеев ; пер. с англ. Т. И. Зяппарова, М. В. Поникаровской ; подгот. к изд., предисл., коммент. Р. М. Валеева, Т. И. Зяппарова, Т. В. Костиной, О. А. Кириковой ; вступ. статьи Н. Н. Дьякова, И. Ф. Поповой, И. В. Тункиной. Казань, 2015. С. 11–14.

257. Издание наследия Леонарда Эйлера из академического архива Санкт-Петербурга // Deutsch-Russische Begegnungen 2015 in der Martin-Luther-Universität: Die Rezeption der Zweiten Kamtschatkaexpedition in Sankt Petersburg und außerhalb Russlands. Die Tätigkeit Leonhard Eulers (1707–1783) an der Akademie der Wissenschaften in Sankt Petersburg — seine Arbeit im Rahmen der Geografischen Abteilung der Akademie zur Entwicklung der russischen Kartographie im 18. Jahrhundert [Электронный ресурс]. URL: <https://www.steller-gesellschaft.de/wp-content/uploads/pdf/150924-DRB-Abstracts.pdf> (дата обращения: 13.06.2025).

258. Издание наследия Леонарда Эйлера из академического архива Санкт-Петербурга // Aus Sibirien — 2015 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2015. С. 246–248.

259. К биографии профессора Бориса Васильевича Варнеке: Новые архивные материалы // Археологія і давня історія України. Вип. 14 (1) : Olbio. In memoriam V. V. Krapivina / укладач випуску Н. О. Гаврилюк. Київ, 2015. С. 414–421.

260. К биографии Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года: Памяти Нины Андреевны Фроловой (24.01.1936–20.10.2015). Москва, 30 ноября — 1 декабря 2015 г. : материалы докладов и сообщений / отв. ред. Е. В. Захаров. М., 2015. С. 216–218 (соавтор — Е. Ф. Королькова).

261. К истории академических выборов 1927 г.: письмо О. А. Добиаш-Рожественской М. И. Ростовцеву // Верхнедонской археологический сборник / отв. ред. А. Н. Бессуднов. Вып. 7. Липецк, 2015. С. 128–134.

262. М. И. Ростовцев на перекрестке между русской и немецкой классической археологией до Первой мировой войны // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры : альманах. Т. 4 / отв. ред. д. и. н. М. Д. Бухарин. М., 2015. С. 231–262.

263. Неизданная записка И. Н. Бороздина и Д. Н. Анучина о подготовке истории 50-летия деятельности Московского археологического общества // Боспорские исследования : сб. Вып. XXXI / отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь, 2015. С. 405–413.

264. Неизданное научное наследие С. Ф. Ольденбурга // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2014. СПб., 2015. С. 19–33.

265. Ольга Ивановна Бич: материалы к биографии // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности: К 70-летию В. П. Толстикова. М., 2015. С. 327–336.

266. Открытие позднескифских памятников Крыма в 1820-х — 1830-х гг. // Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV / отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина ; сост. С. В. Кузьминых, А. С. Смирнов, И. А. Сорокина. М., 2015. С. 8–40.

267. Позднескифские памятники Симферополя (открытия на Керменчике в 1784–1831 гг.) и их интерпретация в современной археологии // Грани гуманитарного знания. Вопросы истории, историографии, филологии, философии : сб. статей к 60-летию профессора С. П. Щавелёва. Курск, 2015. С. 295–343.

268. Последнее десятилетие Русского археологического общества (1914–2014) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. V / отв. ред.: акад. А. П. Деревянко, акад. Н. А. Макаров, д. и. н. А. Г. Ситдилов. Казань, 2015 (2014). С. 220–223.

269. Русское археологическое общество // Большая российская энциклопедия. Т. 29 : Румыния — Сен-Жен-де-Люз / пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов ; отв. ред. С. Л. Кравец. М., 2015. С. 77.

270. Русское археологическое общество в послереволюционные годы (1917–1924) // *Spicilegium Byzantino-Rossicum* : сб. статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева / под ред. Л. А. Герд. М., 2015. С. 307–313.

271. Русские Туркестанские экспедиции в письмах С. М. Дудина к С. Ф. Ольденбургу из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 3. С. 107–128 (соавтор — М. Д. Бухарин).

272. Фонд Д. Г. Мессершмидта как источник по археологии Сибири // Ученые и идеи: Страницы истории археологического знания : тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 24–25 февраля 2015 г.) / отв. ред.: д. и. н., чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков, д. и. н. И. В. Тункина ; сост. к. и. н. С. В. Кузьминых, д. и. н. А. С. Смирнов, к. и. н. И. А. Сорокина. М., 2015. С. 60–62 (соавтор — Д. Г. Савинов).

273. Die Archäologie Sibiriens in den Dokumenten Messerschmidts // *Aus Sibirien* — 2015 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2015. S. 230–231.

274. The personal papers of Sergey F. Oldenburg as a source for the history of the Russian expeditions to Eastern Turkestan: New archival data // *Tocharian Texts in Context: International Conference on Tocharian Manuscripts and Silk Road*

Culture. Vienna, June 25–29th, 2013 / Ed. by M. Malzahn, M. Peyrot, H. Fellner and Th.-S. Illès. Bremen, 2015. P. 259–275.

2016

275. 1724–1746 гг. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. Кн. I / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9). С. 469–503 (соавтор — Н. В. Крапошина).

276. 1747–1765 гг. // Там же. С. 504–524 (соавтор — Н. В. Крапошина).

277. 1766–1802 гг. // Там же. С. 525–564 (соавтор — Н. В. Крапошина).

278. 1803–1835 гг. // Там же. С. 565–630 (соавторы — И. М. Щедрова, Е. В. Долгополова).

279. 1836–1862 гг. // Там же. С. 631–662 (соавторы — И. М. Щедрова, Е. В. Долгополова).

280. Академический архив — сокровищница рукописного наследия мировой науки // Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина ; сост. И. В. Тункина и Н. В. Крапошина. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 6). С. 7–31.

281. Актуальное прошлое: взгляд из настоящего // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. Кн. I / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9). С. VII–XII.

282. Археологические памятники Гераклеяского полуострова Крыма в русских картографических документах XVIII–XIX веков // Парадигмы истории и общественного развития : сб. науч. трудов. Вып. 2–3 / под общ. ред. Е. Б. Алтабаевой и Е. Н. Максимовой. Севастополь, 2016. С. 11–16.

283. Введение // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. Кн. I / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9). С. 466–468.

284. Документы по изучению С. Ф. Ольденбургом Восточного Туркестана в Архиве Российской академии наук // С. Ф. Ольденбург — ученый и организатор науки / отв. ред. И. Ф. Попова. М., 2016. С. 313–347.

285. К начальной истории Конференц-архива Петербургской академии наук (1725–1742 гг.) // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2015. Ижевск, 2016. С. 88–109.

286. Картографические и изобразительные документы конца XVIII — XIX в. о Херсонесе Таврическом и памятниках Гераклеяского полуострова в Крыму. Новые архивные открытия // Элита Боспора и боспорская элитарная культура :

материалы Международного круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) / отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб., 2016. С. 321–327.

287. М. И. Максимова: парижские письма М. И. Ростовцеву (август 1928 г.) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2016. № 14. С. 24–33.

288. Некоторые ботанические рисунки Второй Камчатской экспедиции (1733–1744) из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН [Электронный ресурс] // Stellerstudien 2016. Halle, 2016. S. 189–200 (соавторы — Л. Д. Бондарь, А. В. Гребенюк). URL: <https://steller-gesellschaft.de/wp-content/uploads/2023/10/Stellerstudien-2016.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).

289. «Открытие» Бразилии Лангсдорфом // Российский академик Г. И. Лангсдорф и его путешествия в Бразилию (1803–1829) / под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 4). С. 7.

290. Пенсионное обеспечение служащих Императорской Академии наук. Порядок назначения пенсий и единовременных пособий академическим чиновникам, служащим и их семьям в XVIII–XIX вв. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. Кн. I / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9). С. 663–683 (соавтор — И. М. Щедрова).

291. Список литературы об Архиве РАН // Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина ; сост. И. В. Тункина и Н. В. Крапошина. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 6). С. 291–304 (соавторы — Л. Д. Бондарь, Е. Н. Груздева, Г. П. Супрунович).

292. Стемпковский Иван Алексеевич // Большая российская энциклопедия. Т. 31 : Социальное партнерство — Телевидение. М., 2016. С. 220.

293. Тизенгаузен Владимир Густавович // Большая российская энциклопедия. Т. 32 : Телевизионная башня — Улан-Батор. М., 2016. С. 130.

294. Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна // Там же. С. 600.

295. Хранители академической памяти (XVIII — первая треть XX в.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 8).

296. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Государственного исторического музея. Рец. на кн.: Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Шемаханская М. С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Государственного исторического музея: Историко-технологическое исследование (Труды ГИМ ; вып. 200). М., 2014 // Вестник древней истории. 2016. № 2. С. 455–461.

297. Academy Archive — Manuscript Heritage Treasury of the World Science // Fonds and Collections of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: Brief Guide // chief ed., introd. art. by I. V. Tunkina ; regist.

of inventories compil. by N. V. Kraposhina ; transl. and Name Index compil. by E. A. Annenkova ; transl. ed. by M. V. Ponikarovskaia. SPb., 2016. (Ad fontes. Materials and Studies on the History of Science ; iss. 7). P. 7–12.

298. Die Struktur der akademischen Archive im 18. Jahrhundert [Электронный ресурс] // Stellerstudien 2016. Halle, 2016. S. 15–16, 70–86. URL: <https://steller-gesellschaft.de/wp-content/uploads/2023/10/Stellerstudien-2016.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).

299. Grusswort [Электронный ресурс] // Stellerstudien 2016. Halle, 2016. S. 185. URL: <https://steller-gesellschaft.de/wp-content/uploads/2023/10/Stellerstudien-2016.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).

2017

300. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 6) (соавтор — Д. Г. Савинов).

301. Жебелёв С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / отв. ред., сост., вступит. статья И. В. Тункиной ; коммент. И. В. Тункиной, Л. Д. Бондарь, М. В. Поникаровской, И. Л. Тихонова ; авт. статей биобиблиограф. словаря членов РАО: И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь, М. В. Поникаровская, Э. Ю. Светлова, В. Ю. Соболев, М. В. Медведева, Е. Г. Застрожнова, Е. Ф. Королькова, Е. Н. Груздева. М., 2017. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 5).

302. Изучение персонального состава учреждений РАН: Прошлое и настоящее // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки : сб. статей / автор-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. В. Ю. Афиани, Ю. А. Петров. М., 2017. С. 914–933.

303. Книжное собрание при Конференц-архиве Императорской Санкт-Петербургской академии наук: вехи истории (XVIII — первая треть XX в.) [The Book Collection of the Conference-Archive of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences: Milestones in History (the 18th — early 20th cent.)] // Судьбы книжных собраний России до и после революции 1917 г.: Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 26–28 октября 2017 г.). СПб., 2017. С. 125–127.

304. Малоизвестные страницы истории изучения Мангупа: академическая экспедиция Е. Е. Кёлера 1821 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 22 / отв. ред. А. И. Айбабин ; ред.-сост. В. Е. Науменко. Симферополь, 2017. С. 433–447.

305. На переломе: За счет чего Академия наук выстояла в вихрях революции / подгот. А. Субботин // Поиск: Еженедельная газета научного сообщества. 2017. 15 дек. № 50 (1488). С. 12–13.

306. Наука и жизнь: К биографии Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 87 : Материалы и исследования

Отдела нумизматики : сб. памяти И. Г. Спасского. СПб., 2017. С. 321–329 (соавтор — Е. Ф. Королькова).

307. Неизданная «Русская археологическая библиография» (1914–1921) С. Н. Кондакова // V (XXI) Всероссийский археологический съезд : сб. науч. трудов / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул, 2017. С. 1051–1052.

308. Неизданное научное наследие академика С. Ф. Ольденбурга (к 100-летию завершения работ Русских Туркестанских экспедиций) // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры : альманах. Т. 6. М., 2017. С. 491–513 (соавтор — М. Д. Бухарин).

309. Нереализованные проекты 1917 г. Российской академии наук в области охраны памятников истории и культуры // 1917 год: российская археология на переломе эпох : материалы Международной научной конференции / отв. ред. И. А. Сорокина. М., 2017. С. 79–82.

310. Памятники археологии Сибири в документах личного фонда Д. Г. Месершмидта // Университетская археология: прошлое и настоящее : материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии (19–21 октября 2016 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. Л. Тихонов. СПб., 2017. С. 234–239.

311. С. Ф. Ольденбург. Научная экспедиция / подгот. текста, предисл. и коммент. М. Д. Бухарина и И. В. Тункиной // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры : альманах. Т. 6. М., 2017. С. 514–550.

312. Складывание структуры академических архивов в XVIII в. // *Aus Sibirien — 2017 : научно-информационный сборник*. Тюмень, 2017. С. 157–158.

313. Фармаковский Борис Владимирович // Большая российская энциклопедия. Т. 33 : Уланд — Хватцев. М., 2017. С. 200.

314. Germans as archivists in the Archive of the Conference of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences during 18th century // *Stellerstudien-2017: 23. Deutsch-Russische Begegnungen in den Franckeschen Stiftungen in Verbindung mit der 10. Jahrestagung der Internationalen Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft e. V. "Lutheraner in Russland und Sibirien: Frömmigkeit — Forschung — Kultur"* Internationale wissenschaftliche Konferenz zu den wechselseitigen deutsch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. Halle (Saale), 11. bis 15. Oktober 2017. Halle, 2017. S. 22.

315. Germans as archivists in the Archive of the Conference of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences during 18th century // *Aus Sibirien — 2017 : научно-информационный сборник*. Тюмень, 2017. С. 171.

2018

316. 1724–1746 гг. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. Кн. I / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. Изд. 2-е, испр.

- СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9). С. 469–503 (соавтор — Н. В. Крапошина).
317. 1747–1765 гг. // Там же. С. 504–524 (соавтор — Н. В. Крапошина).
318. 1766–1802 гг. // Там же. С. 525–564 (соавтор — Н. В. Крапошина).
319. 1803–1835 гг. // Там же. С. 565–630 (соавторы — И. М. Щедрова, Е. В. Долгополова).
320. 1836–1862 гг. // Там же. С. 631–662 (соавторы — И. М. Щедрова, Е. В. Долгополова).
321. Академия наук в 1917 году // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 5. С. 410–415.
322. Актуальное прошлое: взгляд из настоящего // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. Кн. I / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. Изд. 2-е, испр. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9). С. VII–XII.
323. Аптекарская канцелярия — колыбель Архива Российской академии наук / Die Apothekenkanzlei in St. Petersburg — Wiege des Archivs der Russischen Akademie der Wissenschaften [Электронный ресурс] // Stellerstudien 2018: 24. Deutsch-Russische Begegnungen 2018: Das Expeditionsgebiet um Solikamsk in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts — Frühe Botanische Gärten in Russland. Halle (Saale), 27. — 30. September 2018. Halle, 2018. S. 15, 61–73. URL: <https://steller-gesellschaft.de/wp-content/uploads/2023/10/stellerstudien2018.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).
324. Архив Академии наук, Санкт-Петербургский филиал // Математический Петербург: История, наука, достопримечательности : справочник-путеводитель / ред.-сост. Г. И. Синкевич ; науч. ред. А. И. Назаров. СПб., 2018. С. 130–132.
325. Архив АН СССР и перевод Академии наук в Москву в 1934 г. // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы второй Международной научной конференции (24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург) / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14). С. 115–123.
326. Введение // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. Кн. I / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. Изд. 2-е, испр. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9). С. 466–468.
327. Вторые Миллеровские чтения // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы второй Международной научной конференции (24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург) / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14). С. 17–20.

328. Гости острова Левки (античные монеты по неизданным рисункам Н. Н. Мурзакевича) // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 1. С. 52–87 (соавтор — М. Г. Абрамзон).

329. Золотой браслет Г. Ван дер Вейде из некрополя Фанагории // Фанагория: Результаты археологических исследований. Т. 7 : Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 / В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.). М., 2018. С. 142–155 (соавторы — Е. Г. Застрожнова, О. В. Шаров).

330. К истории археологической библиографии: неизданный проект С. Н. Кондакова (1914–1921) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе : сб. науч. статей. Т. 3. Барнаул, 2018. С. 163–167.

331. Мастера российской историографии: Сергей Александрович Жебелев // Исторический архив. 2018. № 2. С. 96–111 (соавтор — Е. Ю. Басаргина).

332. «...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб., 2018. С. 200–204 (соавтор — М. Д. Бухарин).

333. На переломе: Академия наук в 1917 году // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2017 / отв. ред. акад. РАН В. А. Тишков. М., 2018. С. 43–60.

334. Нина Яковлевна Московченко (1931–2016) // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы второй Международной научной конференции (24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург) / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14). С. 155–157.

335. Пенсионное обеспечение служащих Императорской академии наук. Порядок назначения пенсий и единовременных пособий академическим чиновникам, служащим и их семьям в XVIII–XIX вв. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. Кн. I / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. Изд. 2-е, испр. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9). С. 663–683 (соавтор — И. М. Щедрова).

336. Первое золото Фанагории: «Браслет Ван дер Вейде» // Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 2018. № 4. С. 371–383 (соавторы — Е. Г. Застрожнова, О. В. Шаров).

337. Переписка Н. Ф. Петровского, В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 1 : Эпистолярное наследие из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания / под общ. ред. чл.-корр. РАН М. Д. Бухарина. М., 2018. С. 83–197 (соавтор — М. Д. Бухарин).

338. Переписка С. Ф. Ольденбурга и Д. А. Клеменца // Там же. С. 239–287 (соавторы — М. Д. Бухарин, И. Ф. Попова).

339. Письма С. М. Дудина С. Ф. Ольденбургу // Там же. С. 577–593 (соавтор — М. Д. Бухарин).

340. Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 1 : Эпистолярное наследие из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания / под общ. ред. чл.-корр. РАН М. Д. Бухарина. М., 2018. С. 233–239 (соавтор — М. Д. Бухарин).

341. Предисловие // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. А — В / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 13). С. 8–10 (соавтор — Е. Ю. Басаргина).

342. Приложения. I. Н. Ф. Петровский. Новый монетный клад, найденный в Кашгаре // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 1 : Эпистолярное наследие из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания / под общ. ред. чл.-корр. РАН М. Д. Бухарина. М., 2018. С. 197–198 (соавтор — М. Д. Бухарин).

343. Приложения. II. Письмо А. Ровнягина Н. Ф. Петровскому // Там же. С. 198–200 (соавтор — М. Д. Бухарин).

344. Приложения. III. Письма Дж. Макартни Н. Ф. Петровскому // Там же. С. 200–204 (соавтор — М. Д. Бухарин).

345. Приложения. IV. Письмо А. Грюнведеля Н. Ф. Петровскому // Там же. С. 204–205 (соавтор — М. Д. Бухарин).

346. Приложения. V. Письмо А. Стейна Н. Ф. Петровскому // Там же. С. 205–209 (соавтор — М. Д. Бухарин).

347. Путешествие академика Е. Е. Кёлера по Восточному Крыму в 1821 г. (по архивным материалам) // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира : материалы Международной научной конференции [27–30 ноября, Санкт-Петербург]. Ч. 2 / отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб., 2018. С. 327–332.

348. Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 гг. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 2 : Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики) / под общ. ред. чл.-корр. РАН М. Д. Бухарина. М., 2018. С. 9–35 (соавторы — М. Д. Бухарин, И. Ф. Попова).

349. С. Ф. Ольденбург. Научная экспедиция // Там же. С. 617–639 (соавтор — М. Д. Бухарин).

350. Сергей Ремирович Тохтасьев (1957–2018) // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15, № 2 (вып. 33). С. 136–142.

351. «Тесинский богатырь»: Возвращение к оригиналу // *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. № 6. С. 29–51 (соавтор — Д. Г. Савинов).

352. Херсонес Таврический и Гераклеяский полуостров в рукописных картографических материалах конца XVIII — начала XIX в. // Причерноморье

в античное и раннесредневековое время. Вып. 2 : Сб. науч. трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова / отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов-на-Дону, 2018. С. 53–75.

353. «Хранить как величайшую драгоценность»: О приобретении Петром I акварелей Марии Сибиллы Мериан // *Secreta Artis*. 2018. № 3. С. 76–81.

354. The Academy of Sciences in 1917 // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 88, № 3. P. 173–177.

2019

355. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // *Историко-биологические исследования*. 2019. Т. 11, № 3. С. 120–134 (соавторы — Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь).

356. «Megaera Tattarica» и другие неизданные эскизы Даниэля Готлиба Мессершмидта // *Collegae, amico, magistro* : сб. науч. трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 171–183 (соавторы — Л. Д. Бондарь, А. В. Зорин).

357. Академические архивы — хранители исторической памяти России // *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89, № 12. С. 1214–1221.

358. Академическое архивоведение: Актуальное прошлое (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН: Итоги 300-летней истории и перспективы развития в XXI веке) // *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*. 2018 / отв. ред. В. А. Тишков ; [сост. Н. В. Тарасова]. М., 2019. С. 165–181.

359. Археологическая экспедиция Императорского Православного Палестинского общества в Сирию и Палестину в 1891 г.: обзор архивных материалов фонда академика Н. П. Кондакова // *Верхнедонской археологический сборник*. Вып. 11 / отв. ред. А. А. Бессуднов, А. Н. Голотвин, Е. Ю. Захарова. Липецк, 2019. С. 424–430 (соавтор — М. Д. Бухарин).

360. Археология Сибири в документах Д. Г. Мессершмидта // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. № 3. С. 45–61.

361. «Беззаветный труженик науки» (Б. В. Фармаковский. Неизданный некролог академика В. В. Латышева) // *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2019. № 4. С. 371–387.

362. В. В. Латышев: Нереализованные проекты 1917–1921 годов // *У истоков советской археологии: Организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях : материалы Международной научной конференции 26–27 февраля [2019 г.]* / отв. ред. И. А. Сорокина. М., 2019. С. 52–53.

363. Дюбуа де Монпере Фредерик // *Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник*. Г — И / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 15). С. 115–119.

364. Жебелёв Сергей Александрович // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. Г — И / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 15). С. 136–139.

365. Зелинский Фаддей Францевич // Там же. С. 174–177.

366. Золотой браслет из Фанагории: К истории находки // Ювелирное искусство и материальная культура : сб. статей. Вып. 5. СПб., 2019. С. 139–146, 250–251 (summary) (соавторы — Е. Г. Застрожная, О. В. Шаров).

367. Мария Сибилла Мериан. Момбин желтый, или ямайская слива, и бабочка эузеласия // Петр. Первый. Коллекционер, исследователь, художник. Музеи Московского Кремля, 28 ноября 2019 — 8 марта 2020 года: [Каталог выставки]. М., 2019. С. 280–281. № 193.

368. Мария Сибилла Мериан. Наземные, пресноводные и морские улитки различных видов // Там же. С. 283. № 195.

369. Мария Сибилла Мериан. Юстиция (джастиция) телесная, «фламинго»; имаго и куколка калиго идоменея; «дикая оса из Марибонсе»; гусеница павлиноглазки // Там же. С. 282–283. № 194.

370. Материалы к биографии Е. Г. Пчелиной в фонде Комиссии «Наука и ее работники в пределах СССР» // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной : сб. статей по материалам научных чтений (17–18 сентября 2019 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 16). С. 36–45.

371. О фонде Е. Г. Пчелиной в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук // Там же. С. IX–XIV.

372. «Открытие» прошлого // Всемирная история. Т. 4 : Мир в XVIII веке / гл. ред. А. О. Чубарьян ; отв. ред. тома С. Я. Карп. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2019. С. 233–255, 726.

373. Постоянная Туркестанская комиссия РАИМК: первый протокол заседания 8 января 1921 года // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина (отв. ред.) ; Д. С. Коробков, С. В. Кузьминых, И. А. Сорокина (отв. ред. вып.). М., 2019. С. 88–103.

374. Предисловие // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. Г — И / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 15). С. 8–9 (соавтор — Е. Ю. Басаргина).

375. Рец. на кн.: *Непомятый А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведе-ние. Белгород : Константа, 2018. 216 с. (Серия «Биобиблиография крымоведе-ния» ; вып. 27) // Вопросы истории. 2019. № 12 (4). С. 268–271.*

376. Academy Archives as Repositories of Russia's Historical Memory // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89, № 6. P. 550–557.

2020

377. Аптекарская канцелярия — колыбель Архива Российской академии наук // *Aus Sibirien* — 2019 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2020. С. 153.

378. Б. Ф. Ромберг. Путевой дневник (1914–1915) // *Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. IV : Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг.* академика С. Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 365–402 (соавторы — М. Д. Бухарин, С. Л. Шевельчинская).

379. Боспорский феномен: К 150-летию М. И. Ростовцева // *Боспорский феномен: Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века : материалы Международной научной конференции. Ч. 1* / В. А. Хршановский (предс. редкол.) и др. СПб., 2020. С. 5–6.

380. В поисках античного Боспора. Предисловие: К 150-летию М. И. Ростовцева / сост. Н. К. Жижина. СПб., 2020 (соавторы — О. В. Горская, Н. К. Жижина, А. А. Трофимова, Е. Н. Ходза, Е. Ю. Басаргина, Ю. А. Виноградов, Н. А. Павличенко, Е. А. Савостина и др.).

381. «Вторые Пчелинские чтения» в Санкт-Петербурге (125 лет со дня рождения Е. Г. Пчелиной) // *Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 2 : К 125-летию со дня рождения Е. Г. Пчелиной* / сост. Л. Д. Бондарь, Е. Г. Застрожнова ; под ред. И. В. Тункиной, Л. Д. Бондарь, А. В. Дарчиева. СПб., 2020. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 18). С. VII–XIV (соавтор — Л. Д. Бондарь).

382. К 150-летию юбилею М. И. Ростовцева // *Вестник древней истории. 2020. № 4 (80).* С. 1024–1025 (соавтор — А. И. Иванчик).

383. К истории создания «Корпуса монет Боспора» // Там же. С. 1026–1057, вклейка 5 табл. (соавтор — М. Г. Абрамзон).

384. Кёппен Петр Иванович // *Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. К* / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб., 2020. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 17). С. 43–47.

385. Клейн Лев Самуилович // Там же. С. 56–59.

386. Кондаков Никодим Павлович // Там же. С. 89–94.

387. Ленинградские ученые в годы блокады // *Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019* / отв. ред. В. А. Тишков ; сост. Н. В. Тарасова. М., 2020. С. 107–130.

388. М. И. Ростовцев. Родственный контекст. Часть 1: Ростовцевы и Лунначарские // *Боспорский феномен: Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века : материалы Международной научной конференции. Ч. 1* / В. А. Хршановский (предс. редкол.) и др. СПб., 2020. С. 7–33.

389. <Маршрутное описание пути от Урумчи через Гучен и Баркуль в Хами> // *Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. IV : Материалы Русских Туркестанских экспедиций*

1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С. Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 440–448 (соавторы — М. К. Басханов, М. Д. Бухарин).

390. Материалы об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в письмах Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского / отв. ред. акад. А. П. Деревянко, д. и. н. А. Х. Элерт. Новосибирск, 2020. (Археология и источниковедение Сибири ; вып. 39). С. 305–309.

391. Н. А. Смирнов. Дневник // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. IV : Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С. Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 403–428 (соавторы — М. Д. Бухарин, С. Л. Шевельчинская).

392. Письма Д. А. и Н. А. Смирновых С. Ф. Ольденбургу // Там же. С. 469–498 (соавторы — М. Д. Бухарин, С. Л. Шевельчинская).

393. Письма Д. В. Коссиковского С. Ф. Ольденбургу // Там же. С. 521–528 (соавтор — С. Л. Шевельчинская).

394. Письма Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему — новый источник об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара, 2020. С. 154–156.

395. Письма Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему — новый источник об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь // Aus Sibirien — 2019 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2020. С. 156.

396. Предисловие // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. К / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб., 2020. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 17). С. 7–8 (соавтор — Е. Ю. Басаргина).

397. Первое заседание Постоянной Туркестанской комиссии 8 января 1921 г. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. IV : Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С. Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 595–601 (соавтор — М. Д. Бухарин).

398. Разрозненные части отчетов Второй Русской Туркестанской экспедиции. С. Ф. Ольденбург. <Введение> // Там же. С. 429–433 (соавтор — М. Д. Бухарин).

399. Рукописный коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны в фондах академического архива в Санкт-Петербурге // Московский Кремль XVIII столетия. Древние святыни и исторические памятники : сб. статей. Кн. 1 / сост. и отв. ред. И. А. Воротникова. М., 2020. С. 407–423.

400. С. М. Дудин. Дневник поездки в Дун-хуан // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. IV : Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С. Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 315–364 (соавторы — М. Д. Бухарин, С. Л. Шевельчинская).
401. С. М. Дудин. От Чугучака до Чан-фо-дуна // Там же. С. 435–439 (соавтор — М. Д. Бухарин).
402. С. Ф. Ольденбург. <Дело о краже денег> // Там же. С. 434 (соавтор — М. Д. Бухарин).
403. С. Ф. Ольденбург. Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. V : Вторая Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.: С. Ф. Ольденбург. Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана / под общ. ред. М. Д. Бухарина, М. Б. Пиотровского, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 43–740 (соавтор — М. Д. Бухарин).
404. С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. IV : Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С. Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 265–290 (соавторы — М. Д. Бухарин, С. Л. Шевельчинская).
405. С. Ф. Ольденбург. <Сообщение об итогах работ в Китайском Туркестане в 1909–1910 гг.> // Там же. С. 449–452 (соавтор — М. Д. Бухарин).
406. Санкт-Петербургские академические архивы — хранители исторической памяти России // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019 / отв. ред. В. А. Тишков ; сост. Н. В. Тарасова. М., 2020. С. 26–37.
407. Синцзян на пороге Первой мировой войны в свете новых архивных документов // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 1. С. 95–103 (соавтор — М. Д. Бухарин).
408. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: Научная реставрация, комплексное изучение, создание высокоточных цифровых 3D-моделей // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4 (28). С. 194–203 (соавторы — Л. Д. Бондарь, М. В. Поникаровская, Н. А. Павличенко, Н. В. Чернова).
409. «Эта экспедиция вообще много труднее прежней»: неопубликованные архивные материалы Второй Русской Туркестанской экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1914–1915 гг. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. IV : Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С. Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 15–21.
410. S. F. Ol'denburg. 奥登堡院士未公布的科学遗产 (纪念俄罗斯新疆探险考察队工作结束100周年) [S. F. Ol'denburg. Aodenbao yuan'shi vej gunbu de

kesyue ichan' (Tszinyan' Elosy Sin'tszyan tan'syan' kaoyan'duj guntszo tszeshu 100 chzhounyan'): Neizdannoe nauchnoe nasledie akademika S. F. Ol'denburga (k 100-letiyu zaversheniya rabot russkikh Sintszyanskikh ekspeditsii)] // 丝路文明 [Sychou ven'min: Tsivilizatsiya Shelkovogo puti]. 2020. Vyp. 5. С. 183–197 (соавтор — М. D. Bukharin).

2021

411. Академические архивисты в годы блокады Ленинграда // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х — конец 1940-х годов) : материалы Международной научной конференции (6–8 апреля 2020 г.) / отв. ред. И. А. Сорокина. М., 2021. С. 67–70.

412. Академические архивы // Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.: Исторические очерки / под ред. Е. Ю. Басаргиной ; авт. очерков Е. Ю. Басаргина, Е. Н. Груздева, С. И. Зенкевич, О. А. Кирикова, И. В. Тункина, К. Г. Шишкина, И. М. Щедрова. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 12). С. 163–188, 465–467.

413. Д. Г. Мессершмидт как ученый-пиетист // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей / отв. и сост. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 19). С. 28–36 (соавторы — Л. Д. Бондарь, В. Лефельдт).

414. Изобразительные материалы о памятниках археологии Урала и Сибири академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) из собраний РГАДА и СПбФ АРАН // Aus Sibirien — 2021 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2021. С. 108–109.

415. К биографии Карла Густава Шульмана // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей / отв. и сост. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 19). С. 57–64.

416. Мастера российской историографии: Владислав Петрович Бузе-скул (1858–1931) // Исторический архив. 2021. № 6. С. 88–103 (соавтор — Е. Ю. Басаргина).

417. Монетные находки в общесетинском святилище Реком (раскопки 1936 г. Е. Г. Пчелиной) // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 4 : Сб. материалов четвертой Международной научной конференции (13–15 октября 2021 г., Санкт-Петербург) / под ред. А. А. Богданова. СПб., 2021. С. 377–388.

418. Научное наследие Даниэля Готлиба Мессершмидта в новейших исследованиях петербургских ученых // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей / отв. и сост. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 19). С. 9–16 (соавторы — Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь).

419. Памятники археологии Сибири в документах Д. Г. Мессершмидта и Г. Ф. Миллера (сравнительный анализ рисунков) // *Aus Sibirien* — 2021 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2021. С. 103–104.

420. Памятники археологии Сибири в рисунках экспедиций Д. Г. Мессершмидта и Г. Ф. Миллера // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готтлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей / отв. и сост. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 19). С. 266–272.

421. Письмо Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему о народах и древностях Сибири // Там же. С. 119–142 (соавторы — В. Лефельдт, М. Кнюппель, А. Х. Элерт).

422. По следам сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта (1719–1727): фиксация памятников археологии Урала и Сибири художниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Часть 1: Писаницы // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии : сб. науч. статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб., 2021. (Труды ИИМК РАН ; т. LVII). С. 530–551.

423. По следам сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта (1719–1727): фиксация памятников археологии Сибири художниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Часть 2: Каменные изваяния и курганные плиты // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 1 (9). С. 151–173.

424. Феодосийский градоначальник Семен Михайлович Броневский: новые документы к биографии // История : электронный научно-образовательный журнал. 2021. Т. 12, вып. 11 (109). URL: <https://history.jes.su/S207987840017590-8-1> (дата обращения: 29.08.2025).

425. Visitors to Leuke Island (Ancient Coins after Drawings by N. N. Murzakevitch) // *Ancient Civilization from Scythia to Siberia* (Leiden). 2021. Vol. 27, № 2. P. 193–267 (соавтор — М. Abramzon).

426. The Fate of Kepler's Handwritten Heritage / transl. by L. Mironova // *Culture and Cosmos*. 2021. Vol. 25. № 1 and 2 : Johannes Kepler's Harmony of the World Papers from the conference to celebrate the 400th anniversary of the publication of Johannes Kepler's *Harmonice Mundi*. 21–23 June 2019, St. Petersburg, Russia. P. 5–26.

2022

427. «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки»: Итоги первого десятилетия (2011–2021) // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 3. С. 228–237 (соавтор — Е. Ю. Басаргина).

428. Александр Александрович Васильев (1867–1953) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку : коллективная монография / науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб., 2022. С. 16–32.

429. Архив Российской академии наук — первый научный архив России. СПб., 2022 (соавтор — Н. М. Осипова).

430. Аптекарская канцелярия — колыбель Архива Российской академии наук // Петр I и становление российской науки : материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 3–5 октября 2022 г.) / отв. ред. Т. А. Базарова. СПб., 2022. С. 11–14.

431. Археологическая экспедиция Императорского Православного Палестинского общества в Сирию и Палестину в 1891 г.: обзор архивных материалов фонда академика Н. П. Кондакова // Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского общества в Сирию и Палестину в 1891 г. Ч. 1 : Путевой дневник Н. П. Кондакова по Сирии и Палестине / подгот. к публ. и коммент. М. Н. Бутырского ; науч. ред. Л. А. Беляев. М., 2022. (Серия «Россия и древности Восточного Средиземноморья: источники, историография, памятники»). С. 275–285.

432. Бенджамин Франклин и Императорская Санкт-Петербургская академия наук // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 4. С. 332–338.

433. Борис Александрович Тураев (1868–1920) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку : коллективная монография / науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб., 2022. С. 397–412.

434. Василий Васильевич Латышев (1855–1921) // Там же. С. 33–57.

435. Военный подвиг в памяти ученых // От 1939-го до 1945-го: Ученые и научные учреждения в годы Второй мировой войны : сб. статей с приложением «Бессмертный полк» / под ред. И. В. Тункиной, М. В. Поникаровской ; сост. Л. Д. Бондарь, Н. В. Крапошина. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 13). С. VII–XI (соавтор — Л. Д. Бондарь).

436. Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку : коллективная монография / науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб., 2022. С. 413–433.

437. Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) // Там же. С. 374–396.

438. Итоговый труд первого исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata» // «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи / под ред. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункиной ; авт.: Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, С. И. Зенкевич, А. В. Зорин, А. В. Кургузова, В. Лефельдт, М. В. Поникаровская, А. А. Сизова, А. В. Смирнов, А. К. Сытин, И. В. Тункина ; при участии Е. М. Белкиной, В. П. Иванова, Д. А. Кондаковой, А. В. Куприянова, И. Майер. СПб., 2022; Изд. 2-е, испр. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 14). С. 7–12 (соавтор — В. Лефельдт).

439. К истории моей семьи: Тункины-Некрасовы в годы войны // От 1939-го до 1945-го: Ученые и научные учреждения в годы Второй мировой войны : сб. статей с приложением «Бессмертный полк» / под ред. И. В. Тункиной, М. В. Поникаровской ; сост. Л. Д. Бондарь, Н. В. Крапошина. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 13). С. 338–363.

440. Книжное собрание при Конференц-архиве Императорской Санкт-Петербургской академии наук: веки истории (XVIII — первая треть XX в.) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 111 : Судьбы книжных собраний России до и после революции 1917 года : материалы Международной научной конференции, проходившей в Государственном Эрмитаже 26–28 октября 2017 г. Ч. 1 / редкол.: Е. В. Платонов, Ю. Б. Балаханова, В. Б. Жижина-Гефтер. СПб., 2022. С. 16–30, 317–318.

441. Последнее детище Петра Великого // Петр Великий и основание Петербургской академии наук: Документы и материалы. Ч. 1 / авт.-сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова, М. В. Поникаровская ; ред.-сост. Е. Ю. Басаргина ; отв. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 8). С. 6–7.

442. Постижение России // Л. Д. Бондарь, О. В. Иодко, О. А. Красникова. Постижение России. Топография Сибири XVIII в. в графических документах Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук / под общ. ред. И. В. Тункиной. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 12). С. 7.

443. Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку : коллективная монография / науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб., 2022. С. 126–141.

444. Сибирская коллекция Д. Г. Мессершмидта — первое научное археологическое собрание России / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина ; авт. глав и аннот. Д. Г. Савинов, И. В. Тункина, при участии А. В. Зорина, К. В. Кравцова, А. А. Сизовой, Д. Г. Мухаметшина, Е. Ф. Корольковой ; пер. с лат. и фр. яз. М. В. Поникаровской ; пер. с нем. яз. В. Лефельдта. СПб., 2022; 2-е изд. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 11) (соавтор — Д. Г. Савинов).

445. Сложение структуры петербургских академических архивов в XVIII–XX вв. // Архивный поиск : сб. науч. статей и публикаций / гл. ред. С. А. Лиманова. Вып. 5. М., 2022. С. 416–427.

446. Третьи Пчелинские чтения в Санкт-Петербурге // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 3 / сост. Л. Д. Бондарь ; под ред. И. В. Тункиной, Л. Д. Бондарь, А. В. Дарчиева. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 22). С. IX–XIV (соавтор — Л. Д. Бондарь).

447. Хранилище времени // В мире науки. 2022. № 5–6. С. 72–79.

448. «Хранители академической памяти»: Интервью директора Архива РАН канд. культурологии А. В. Работкевича и директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН чл.-корр. РАН И. В. Тункиной // Отечественные архивы. 2022. № 3. С. 3–15.

449. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // История письма от Античности до Нового времени: Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / сост. В. Г. Вовина-Лебедева ; отв. ред. А. В. Сиренов. М. ;

СПб., 2022. С. 101–126 (соавторы — М. К. Адаксин, А. С. Балахванцев, Л. Д. Бондарь, А. Ю. Виноградов, Л. Е. Коган, А. К. Лявданский, Н. А. Павличенко, М. В. Поникаровская, Н. В. Чернова).

450. An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople // Вестник древней истории. 2022. № 4 (82). С. 911–940 (соавторы — А. S. Balakhvantsev, L. E. Kogan, A. K. Lyavdansky).

2023

451. Бузескул Владислав Петрович. 1858–1931 // Историки России. Иконография : сб. науч. статей. М., 2023. С. 152–161 (соавтор — Е. Ю. Басаргина).

452. Издание изобразительных документов по археологии, собранных Д. Г. Мессершмидтом и Второй Камчатской экспедицией // *Isidis Sibiriae xenium*: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта : сб. статей / ред.-сост. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 23). С. 152–162.

453. Издательская серия «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» («Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven»): А. Х. Элерт как участник российско-немецкого научного проекта // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. / отв. ред. С. Г. Петров. Новосибирск, 2023. (Археография и источниковедение Сибири ; вып. 42). С. 41–55 (соавтор — Л. Д. Бондарь).

454. К истории первых академических печатей // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 247–260.

455. Коллекция сибирских древностей Д. Г. Мессершмидта в рисунках из Санкт-Петербургского академического архива // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. № 1. С. 100–107.

456. Л. И. Страховский и его воспоминания о М. И. Ростовцеве «Дядя Миша» // Историк и текст: К 90-летию со дня рождения академика Григория Максимовича Бонгард-Левина : тезисы докладов Всероссийской научной конференции (20–22 декабря 2023 г.). М., 2023. С. 91.

457. М. И. Ростовцев в системе академических коммуникаций конца XIX — начала XX в. // В поисках античного Боспора: К 150-летию со дня рождения М. И. Ростовцева : каталог выставки. Т. II / рук. проекта А. А. Трофимова. СПб., 2023. С. 23–35.

458. Научные мероприятия Санкт-Петербурга: К 1100-летию крещения Алалии // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 5–14 (соавторы — А. В. Андронов, В. С. Томеллери).

459. Полвека в науке: научная биография проф. В. Лефельдта // *Isidis Sibiriae xenium*: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта : сб. статей / ред.-сост. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 23). С. 9–12 (соавтор — Л. Д. Бондарь).

460. Постигание России // Л. Д. Бондарь, О. В. Иодко, О. А. Красникова. Постигание России. Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готтлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук / под общ. ред. И. В. Тункиной. Изд. 2-е, испр. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 12). С. 7.

461. Профессор В. Лефельдт и изучение научного наследия Д. Г. Мессершмидта // *Isidis Sibiriae xenium*: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта : сб. статей / ред.-сост. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 23). С. 3–6 (соавтор — Л. Д. Бондарь).

462. Пути развития классической археологии юга России (XVIII–XIX века) // В поисках античного Боспора: К 150-летию со дня рождения М. И. Ростовцева : каталог выставки. Т. I / рук. проекта А. А. Трофимова. СПб., 2023. С. 42–53.

463. Раскопки военного инженера К. Е. Геммельмана в Херсонесе: Новые архивные материалы // *Byzantinoturica-I*: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе : тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Севастополь, 25–28 сентября 2023 г.) / под ред. С. П. Карпова, М. В. Грацианского, С. Г. Бочарова. СПб., 2023. С. 91–95.

464. Рец. на: Г. М. Николаенко, Т. Н. Смекалова, Э. А. Терехин, А. Е. Пасуманский. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. I. СПб. : Алетейя, 2020. 292 с., 449 ил. (Археологические атласы Северного Причерноморья, 3). ISBN 978-5-00165-142-0; Г. М. Николаенко, Т. Н. Смекалова, Э. А. Терехин, Е. Н. Воскресенская, В. В. Лебединский, А. Е. Пасуманский. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. II. СПб. : Алетейя, 2022. 312 с., 668 ил. (Археологические атласы Северного Причерноморья, 4). ISBN 978-5-00165-414-8 // Вестник древней истории. 2023. № 4 (83). С. 934–941.

465. Санкт-Петербургский академический архив — первый научный архив России. СПб., 2023.

466. Судьба рукописного наследия Иоганна Кеплера // Миллеровские чтения — 2022: «Науки производить и совершать». Начало академической науки в России : материалы IV Международной научной конференции (11–13 мая 2022 г., Санкт-Петербург) / сост. Л. Д. Бондарь, М. В. Поникаровская, И. В. Тункина. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 24). С. 205–219.

467. Триста лет спустя: возвращение Д. Г. Мессершмидта // W. Lehfeldt. Daniel Gottlieb Messerschmidt 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen grossen Wissenschaftler. Unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen, 2023. (Abhandlungen der Niedersächsischen Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Neue Folge ; Bd. 54). S. 7–9.

468. Четвертые Миллеровские чтения // Миллеровские чтения — 2022: «Науки производить и совершать». Начало академической науки в России :

материалы IV Международной научной конференции (11–13 мая 2022 г., Санкт-Петербург) / сост. Л. Д. Бондарь, М. В. Поникаровская, И. В. Тункина. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 24). С. 11–16 (соавтор — Л. Д. Бондарь).

469. Четвертые Пчелинские чтения // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 4 : К 1100-летию крещения Алании / сост. Л. Д. Бондарь ; под ред. И. В. Тункиной, Р. С. Бзарова, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 25). С. VII–XIV (соавтор — Л. Д. Бондарь).

470. 300 Jahre später: Die Rückkehr D. G. Messerschmidts // W. Lehfelddt. Daniel Gottlieb Messerschmidt 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen grossen Wissenschaftler. Unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen, 2023. (Abhandlungen der Niedersächsischen Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Neue Folge ; Bd. 54). S. 11–13.

471. D. G. Messerschmidt's Collection of Siberian Antiquities in Drawings at the St. Petersburg Archive of the Academy of Sciences // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2023. Vol. 51, № 1. P. 100–107.

2024

472. Академия наук СССР и Белорусская академия наук в начале 1930-х гг.: наставничество и взаимодействие // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2023. Т. 13 / отв. ред. В. А. Тишков ; сост. Н. В. Тарасова. С. 126–135 (соавтор — Л. Д. Бондарь).

473. Архивы: история, современность и значение для развития науки // Наука и общество в XX–XXI веках. Ч. 2 / сост. и отв. ред. акад. М. Д. Бухарин. М., 2024. С. 851–906 (соавтор — Л. Д. Бондарь).

474. Василий Григорьевич Васильевский (1838–1899) // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1 : Императорская академия наук — Академия наук СССР. 1724–1934 / отв. ред. Г. Я. Красников, Н. А. Макаров ; редкол.: Г. Я. Красников (отв. ред.), Н. А. Макаров (отв. ред.), Ю. М. Батулин, Ю. А. Петров, А. В. Работкевич, И. В. Тункина, Р. А. Фандо. М., 2024. С. 679–688 (соавтор — И. П. Медведев).

475. Василий Яковлевич Струве (1793–1864) // Там же. С. 429–435 (соавтор — А. В. Степанов).

476. Дюбуа де Монперё Фредерик // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. А — К / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. 2-е изд. СПб., 2024. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 27). С. 303–307.

477. Е. Г. Пчелина как исследователь святилища Реком // Е. Г. Пчелина. Святилище Реком в Цейском ущелье. Ч. I / ред.-сост. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина ;

публ. докум.: Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожно-ва, И. В. Тункина, А. А. Цуциев ; [авт. статей: З. Х. Албегова (Царикаева), А. В. Блажко, Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожно-ва, В. В. Онощенко, А. Ю. Скаков, И. В. Тункина]. СПб., 2024. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 15). С. VII–XI (соавтор — Л. Д. Бондарь).

478. Жебелёв Сергей Александрович // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. А — К / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. 2-е изд. СПб., 2024. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 27). С. 324–327.

479. Зелинский Фаддей Францевич // Там же. С. 362–365.

480. Историческая наука в Академии наук: этапы формирования и развития (XVIII — первая треть XX века) // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1 : Императорская академия наук — Академия наук СССР. 1724–1934 / отв. ред. Г. Я. Красников, Н. А. Макаров ; редкол.: Г. Я. Красников (отв. ред.), Н. А. Макаров (отв. ред.), Ю. М. Батулин, Ю. А. Петров, А. В. Работкевич, И. В. Тункина, Р. А. Фандо. М., 2024. С. 656–678.

481. Кёппен Петр Иванович // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. А — К / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. 2-е изд. СПб., 2024. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 27). С. 441–445.

482. Клейн Лев Самуилович // Там же. С. 454–457.

483. Кондаков Никодим Павлович // Там же. С. 487–491.

484. М. И. Ростовцев. Родственный контекст. Часть 3: Страховские // Вестник древней истории. 2024. № 2 (84). С. 400–420.

485. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев (Новые материалы из архивов США) // Г. М. Бонгард-Левин. Россия и Русское Зарубежье: Писатели. Поэты. Ученые. Художники. М., 2024. С. 435–483 (соавтор — Г. М. Бонгард-Левин).

486. Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1 : Императорская академия наук — Академия наук СССР. 1724–1934 / отв. ред. Г. Я. Красников, Н. А. Макаров ; редкол.: Г. Я. Красников (отв. ред.), Н. А. Макаров (отв. ред.), Ю. М. Батулин, Ю. А. Петров, А. В. Работкевич, И. В. Тункина, Р. А. Фандо. М., 2024. С. 715–725.

487. Монетные находки в святилище Реком (раскопки 1936 г. Е. Г. Пчелиной) // Е. Г. Пчелина. Святилище Реком в Цейском ущелье. Ч. II : Приложения / ред.-сост. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина ; публ. докум.: Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожнова, А. А. Цуциев; [авт. статей: З. Х. Албегова (Царикаева), А. В. Блажко, Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожнова, В. В. Онощенко, А. Ю. Скаков, И. В. Тункина]. СПб., 2024. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 15). С. 281–288.

488. Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1 : Императорская академия наук — Академия наук СССР. 1724–1934 / отв. ред. Г. Я. Красников, Н. А. Макаров ; редкол.: Г. Я. Красников (отв. ред.), Н. А. Макаров (отв. ред.), Ю. М. Батулин, Ю. А. Петров, А. В. Работкевич, И. В. Тункина, Р. А. Фандо. М., 2024. С. 689–699.

489. Основные вехи истории Академии наук в Санкт-Петербурге — Петрограде — Ленинграде (1724–1934) // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 5. С. 408–419.

490. Основные вехи истории Академии наук в Санкт-Петербурге — Петрограде — Ленинграде (1724–1934) // Российская академия наук в решении проблем научно-технологического развития Российской Федерации : материалы научной сессии Общего собрания членов Российской академии наук (12–13 декабря 2023 г.) / гл. ред. Г. Я. Красников. М., 2024. С. 232–236.

491. Письма М. И. Ростовцева к Г. В. Вернадскому // Г. М. Бонгард-Левин. Россия и Русское Зарубежье: Писатели. Поэты. Ученые. Художники. М., 2024. С. 484–506 (соавтор — Г. М. Бонгард-Левин).

492. Предисловие // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1 : Императорская академия наук — Академия наук СССР. 1724–1934 / отв. ред. Г. Я. Красников, Н. А. Макаров ; редкол.: Г. Я. Красников (отв. ред.), Н. А. Макаров (отв. ред.), Ю. М. Батулин, Ю. А. Петров, А. В. Работкевич, И. В. Тункина, Р. А. Фандо. М., 2024. С. 9–16 (соавторы — Н. А. Макаров, А. В. Работкевич).

493. Предисловие // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. А — К / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. 2-е изд. СПб., 2024. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 27). С. 12–14.

494. Принципы издания // Е. Г. Пчелина. Святилище Реком в Цейском ущелье. Ч. I / ред.-сост. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина ; публ. докум.: Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожнова, И. В. Тункина, А. А. Цуциев ; [авт. статей: З. Х. Албегова (Царикаева), А. В. Блажко, Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожнова, В. В. Онощенко, А. Ю. Скаков, И. В. Тункина]. СПб., 2024. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 15). С. XVII–XX (соавтор — Л. Д. Бондарь).

495. Рец. на кн.: История Сибири. Т. 1 : Каменный и бронзовый век. Отв. ред. чл.-корр. РАН М. В. Шуньков. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 660 с.; История Сибири. Т. 2 : Железный век и Средневековье. Отв. ред. академ. РАН В. И. Молодин. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с. // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 9. С. 864–870.

496. Художница-энтомолог Мария Сибилла Мериан // Ars vivendi: Франс Снейдерс и фламандский натюрморт XVII века : каталог выставки. СПб., 2024. С. 302–315 (соавтор — Е. Ю. Басаргина).

497. The main milestones in the history of the Academy of Sciences in St. Petersburg — Petrograd — Leningrad (1724–1934) // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2024. T. 94, № 5. P. 5–14.

498. The S. F. Oldenburg's expeditions to Eastern Turkestan in the documents of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences // The 7th Silk Road (Dunhuang) International Cultural Expo. Dunhuang Forum: Innovation and Development: A New Mission for Dunhuang Studies. Proceedings. Vol. 1. Dunhuang, 2024. P. 272–277.

499. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆 奥登堡个人文件材料中的电兹绿洲遗迹 [Monuments of the Quici Oasis in the materials of the S. F. Oldenburg's personal papers in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences] // 丝路文明交流互鉴与角兹历史文化研究学术研讨会 第八届龟兹学年会·兹片区旅游高质量发展推进会 [Seminar on Civilization Exchange Along the Silk Road and Research of Qiuci's History and Culture. The 8th Annual Conference of the Studies of Qiuci. The Conference of High-quality Growth Promotion for Qiuci's Tourism]. 论文摘要 [Abstract]. 中国 新疆·阿克苏·库车 [China-Xinjiang-Akesu-Kuche 2024. 10/25–10/30]. Kuche, 2024. P. 142–144.

2025

500. Лики академической науки XIX века // Интеллектуальные портреты академиков XIX века : сб. документов и материалов. А — И / сост. Е. Ю. Басаргина, М. Н. Додеус, О. А. Кирикова ; ред. И. В. Тункина, Е. Ю. Басаргина ; СПбФ РАН. СПб., 2025. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 29). С. vi–viii.

501. Пятые Пчелинские чтения в Санкт-Петербурге // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 5 / сост. Л. Д. Бондарь ; под ред. И. В. Тункиной, Л. Д. Бондарь, А. А. Цуциева. СПб., 2025. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 28). С. vii–xii (соавтор — Л. Д. Бондарь).

502. Русский археологический институт в Константинополе и М. И. Ростовцев // Вестник древней истории. 2025. Т. 85, № 1. С. 163–185.

503. Собрание эстампажей Русского археологического института в Константинополе (к 130-летию РАИК) // Академия наук и археология в регионах: взаимодействие и сотрудничество (к 300-летию РАН). Материалы Международной научной конференции / отв. ред. И. А. Сорокина. М., 2025. С. 74–77.

504. Сокровища академического архива в Санкт-Петербурге // Там же. С. 72–74.

505. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆藏 奥登堡中国西北考察资料 [The Archival Materials from Oldenburg's Expedition to Northwest China Held in the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences] / 郑丽颖译 [transl. by L. Zheng] // 敦煌研究. 2025. 年第3期 (总第211期) [Dunhuang Research. 2025. № 3 (211)]. P. 47–57.

Научное редактирование

1. Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки / редкол.: И. Л. Тихонов (отв. ред.), И. В. Тункина, Ю. А. Купина, Н. Н. Жервэ. СПб., 1995. (Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки» ; вып. 1).
2. Указатель конкурсов Императорской Академии наук и художеств. 1751–1796 / отв. ред. Э. И. Колчинский, И. В. Тункина ; сост. д. и. н. М. Ш. Файнштейн. СПб., 2003.
3. Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / редкол.: А. Д. Столяр (отв. ред.), И. В. Тункина, И. Л. Тихонов, В. Я. Шумкин. СПб., 2004.
4. Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук: Краткий справочник. СПб., 2004.
5. *Файнштейн М. Ш.* Впереди — Новый Свет: История открытия Америки и ее восприятие в России / науч. ред. И. В. Тункина ; подгот. к изд. Н. А. Веселовой. М., 2005.
6. ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2007.
7. Академический архив в прошлом и настоящем : сб. науч. статей к 280-летию Архива Российской академии наук / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2008.
8. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): Сб. документов / авт. вступ. ст. и археограф. справки В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб., 2010.
9. *Ксенофонов В. В.* Березанский альбом: Стихи, песни, археологический фольклор. СПб. ; М., 2010.
10. Ломоносов и Ломоносовиана в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова / коорд. проекта И. В. Тункина ; сост. А. Г. Абайдулова, О. В. Иодко, Н. П. Копанева, И. М. Щедрова. СПб., 2011. URL: <https://ranar.spb.ru/theme/lomonosov> (дата обращения: 29.08.2025).
11. *Модзалевский Л. Б.* М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в.) / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2011. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 1).
12. *Смирнов А. С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX в.) / отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. М., 2011.
13. М. В. Ломоносов и его время // Портал РАН. URL: <http://www.ras.ru/lomonosov/168c8c71-a688-489e-adc4-426e51bf3050.aspx?hidetoc=0> (дата обращения: 29.08.2025); то же на CD-R: М. В. Ломоносов и его время. Электронная коллекция. М., 2011.

14. Российская академия: коллекция портретов (1783–1841) // Портал РАН. URL: <http://www.ras.ru/rusacademy/b4afa7cb-aabc-4511-a70f-b869eb3ac240.aspx> (дата обращения: 29.08.2025).
15. Акварели Марии Сибиллы Мериан // Портал РАН. URL: <http://www.ras.ru/sybilla/about.aspx> (дата обращения: 29.08.2025).
16. Президенты Академии наук // Портал РАН. URL: <http://www.ras.ru/presidents/about.aspx> (дата обращения: 29.08.2025); то же на CD-R: Президенты Академии наук. Электронная коллекция. М., 2009.
17. М. В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века // Портал РАН. URL: <http://www.ras.ru/lomoexpedition/about.aspx> (дата обращения: 29.08.2025).
18. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1830 гг.) по фондам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Портал РАН. URL: <http://www.ras.ru/langsdorff/about.aspx> (дата обращения: 29.08.2025).
19. В. И. Вернадский. К 150-летию со дня рождения // Портал РАН. URL: <http://www.ras.ru/vernadsky/about.aspx> (дата обращения: 29.08.2025).
20. Евразийский археолого-историографический сборник: К 60-летию С. В. Кузьминых / отв. ред. А. С. Вдовин, И. В. Тункина. СПб. ; Красноярск, 2012.
21. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 3 / отв. ред. И. В. Тункина ; куратор научного проекта С. Н. Киржаев. СПб., 2013. (Памятники отечественной науки. XX век).
22. Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции (23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4).
23. Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV / отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина ; сост. С. В. Кузьминых, А. С. Смирнов, И. А. Сорокина. М., 2015.
24. Ученые и идеи: страницы истории археологического знания : тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 24–25 февраля 2015 г.) / отв. ред. д. и. н., чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков, д. и. н. И. В. Тункина ; сост. к. и. н. С. В. Кузьминых, д. и. н. А. С. Смирнов, к. и. н. И. А. Сорокина. М., 2015.
25. Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2016; Изд. 2-е, испр. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9).
26. Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг. : сб. документов / отв. ред. И. В. Тункина ; сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 5).
27. Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. д. и. н.

И. В. Тункина ; сост. И. В. Тункина и Н. В. Крапошина. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 6).

28. Fonds and Collections of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: Brief Guide // chief ed., introd. art. by I. V. Tunkina ; regist. of inventories compil. by N. V. Kraposhina ; transl. and Name Index compil. by E. A. Annenkova ; transl. ed. by M. V. Ponikarovskaia. SPb., 2016. (Ad fontes. Materials and Studies on the History of Science ; iss. 7).

29. Граф Н. П. Румянцев и наука его времени. Т. 1 : Переписка графа Н. П. Румянцева и академика Ф. И. Круга / изд. подгот. акад. РАН И. П. Медведев (пер. с фр., сост., вступит. статья, коммент.) ; редкол.: И. А. Вознесенская, А. К. Гаврилов, Н. Л. Сухачев, И. В. Тункина. М., 2017.

30. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 1 : Эпистолярное наследие из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания / под общ. ред. чл.-корр. РАН М. Д. Бухарина. М., 2018.

31. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 2 : Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики) / под общ. ред. чл.-корр. РАН М. Д. Бухарина. М., 2018.

32. Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы второй Международной научной конференции (24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург) / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).

33. Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. А — В / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 13).

34. Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной : сб. статей по материалам научных чтений (17–18 сентября 2019 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 16).

35. Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. Г — И / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 15).

36. Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 2 : К 125-летию со дня рождения Е. Г. Пчелиной / сост. Л. Д. Бондарь, Е. Г. Застрожнова ; под ред. И. В. Тункиной, Л. Д. Бондарь, А. В. Дарчиева. СПб., 2020. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 18).

37. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. IV : Материалы Русских Туркестанских

экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С. Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020.

38. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. V : Вторая Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.: С. Ф. Ольденбург. Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана / под общ. ред. М. Д. Бухарина, М. Б. Пиотровского, И. В. Тункиной. М., 2020.

39. Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. К / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб., 2020. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 17).

40. К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей / отв. и сост. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 19).

41. «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи / под ред. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункиной ; авт.: Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, С. И. Зенкевич, А. В. Зорин, А. В. Кургузова, В. Лефельдт, М. В. Поникаровская, А. А. Сизова, А. В. Смирнов, А. К. Сытин, И. В. Тункина ; при участии Е. М. Белкиной, В. П. Иванова, Д. А. Кондаковой, А. В. Куприянова, И. Майер. СПб., 2022; 2-е изд. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 14).

42. Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 3 / сост. Л. Д. Бондарь ; под ред. И. В. Тункиной, Л. Д. Бондарь, А. В. Дарчиева. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 22).

43. От 1939-го до 1945-го: Ученые и научные учреждения в годы Второй мировой войны : сб. статей с приложением «Бессмертный полк» / под ред. И. В. Тункиной, М. В. Поникаровской ; сост. Л. Д. Бондарь, Н. В. Крапошина. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 13).

44. Петр Великий и основание Петербургской академии наук: Документы и материалы. Ч. 1 / авт.-сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова, М. В. Поникаровская ; ред.-сост. Е. Ю. Басаргина ; отв. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 8).

45. Петр Великий и основание Петербургской академии наук: Документы и материалы. Ч. 2 / авт.-сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова ; ред.-сост. Е. Ю. Басаргина ; отв. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 8).

46. Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 4 : К 1100-летию крещения Алании / сост. Л. Д. Бондарь ; под ред. И. В. Тункиной, Р. С. Бзарова, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 25).

47. Isidis Sibiriae xenium: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта : сб. статей / ред.-сост. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 23).

48. Миллеровские чтения — 2022: «Науки производить и совершать». Начало академической науки в России : материалы IV Международной научной конференции (11–13 мая 2022 г., Санкт-Петербург) / сост. Л. Д. Бондарь, М. В. Поникаровская, И. В. Тункина. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 24).

49. Российская академия наук: 300 лет истории / отв. ред. Г. Я. Красников, Н. А. Макаров; редкол.: Г. Я. Красников (отв. ред.), Н. А. Макаров (отв. ред.), Ю. М. Батурин, Ю. А. Петров, А. В. Работкевич, И. В. Тункина, Р. А. Фандо. Т. 1–2. М., 2024.

50. Пчелина Е. Г. Святилище Реком в Цейском ущелье : в 2 ч. / ред.-сост. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина ; публ. докум.: Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожнова, А. А. Цуциев ; [авт. статей: З. Х. Албегова (Царикаева), А. В. Блажко, Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожнова, В. В. Онощенко, А. Ю. Скаков, И. В. Тункина]. СПб., 2024; Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2025. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 15).

51. Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. А — К / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. 2-е изд. СПб., 2024. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 27).

52. Fonds and Collections of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: Brief Guide // chief ed., introd. art. by I. V. Tunkina ; regist. of inventories compil. by N. V. Kraposhina ; transl. and Name Index compil. by E. A. Annenkova ; transl. ed. by M. V. Ponikarovskaia. SPb., 2016. (Ad fontes. Materials and Studies on the History of Science ; iss. 7).

53. Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 5 / сост. Л. Д. Бондарь ; под ред. И. В. Тункиной, Л. Д. Бондарь, А. А. Цуциева. СПб., 2025. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 28).

54. Интеллектуальные портреты академиков XIX века : сб. документов и материалов. А — И / сост. Е. Ю. Басаргина, М. Н. Додеус, О. А. Кирикова ; ред.: И. В. Тункина, Е. Ю. Басаргина ; СПбФ АРАН. СПб., 2025. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 29).

Сост. М. В. Поникаровская

АРХИВЫ
И СОХРАНЕНИЕ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО
НАСЛЕДИЯ

А. В. Сиренов
Санкт-Петербург

Проект положения о Музее палеографии

В статье освещена деятельность Н. П. Лихачева по созданию Музея палеографии (затем — Музей книги, документа и письма; Институт книги, документа и письма, который в 1936 г. стал Отделом вспомогательных исторических дисциплин Ленинградского отделения Института истории АН СССР), возникшего благодаря усилиям ученого в структуре АН СССР на основе его собственного собрания, и формированию его в качестве научно-исследовательского института. В центре внимания статьи — документ из личного фонда Н. П. Лихачева в СПбФ АРАН, а именно записка Н. П. Лихачева как директора Музея палеографии АН СССР, в которой он излагает свои планы по преобразованию музея в научно-исследовательский Институт исторического источниковедения.

Ключевые слова: Н. П. Лихачев, Музей палеографии АН СССР, организационная работа.

A. V. Sirenov
St. Petersburg

Draft Regulations on the Museum of Paleography

The article highlights the activities of N. P. Likhachev for the creation of the Museum of Paleography (later the Museum of Books, Documents and Letters; the Institute of Books, Documents and Letters, which in 1936 became the Auxiliary Historical Disciplines Department of the Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences), created thanks to the scholar's efforts in the structure of the USSR Academy of Sciences on the basis of his own collection, and its formation as a scientific research institute. The article focuses on a document from N. P. Likhachev's personal papers held in the St. Petersburg Branch of the RAS Archive, namely, a note by N. P. Likhachev as Director of the Museum of Paleography of the USSR Academy of Sciences, where he outlines his plans to transform the Museum into a Scientific Research Institute for Historical Source Studies.

Keywords: N. P. Likhachev, Museum of Paleography of the USSR Academy of Sciences, organizational work.

История Санкт-Петербургского института истории РАН насчитывает почти два столетия. Его предшественниками были Историко-археографический институт (ранее — Археографическая комиссия) и Институт книги, документа и письма, после ликвидации которых в 1936 г. последовало учреждение Института истории АН СССР. Фонды, штат и даже исследовательские темы Историко-археографического института и Института книги, документа и письма перешли в Ленинградское отделение Института истории АН СССР¹, в 1992 г. переименованное в Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН, а в 2002 г. ставшее самостоятельным Санкт-Петербургским институтом истории РАН. Таким образом, история СПбИИ РАН включает в себя и историю Института книги, документа и письма, а также его предшественника, каковым был Музей палеографии, созданный выдающимся историком академиком Н. П. Лихачевым.

В сборнике документов по истории СПбИИ РАН, который увидел свет в 2024 г., и над подготовкой которого трудились как научные сотрудники СПбИИ РАН, так и архивисты Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, материалы об Институте книги, документа и письма отсутствуют [Санкт-Петербургский институт истории РАН... 2025]. Этот пробел можно объяснить стремлением составителей подчеркнуть преемственность Археографической комиссии и Ленинградского отделения Института истории АН СССР. И все же важность наследия Н. П. Лихачева в истории СПбИИ РАН недооценивать нельзя. Собрание западноевропейских и русских рукописей, составленное Н. П. Лихачевым и являвшееся важной частью его Музея палеографии, в настоящее время хранится в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН. Издание средневековых итальянских документов [Акты Кремоны... 1937; Акты Падуи... 1987; Акты Феррары... 2024] начиналось под руководством О. А. Добиаш-Рожественской в стенах Музея палеографии, а затем в Институте книги, документа и письма. Наконец, с 1966 г. СПбИИ РАН располагается в доме Н. П. Лихачева, т. е. в тех помещениях, где проходила выставочная и научно-исследовательская работа Музея палеографии. По этой причине обращение к истории Музея палеографии имеет большое значение как для истории, так и для современного состояния и перспектив развития СПбИИ РАН.

Нельзя сказать, что созданный Н. П. Лихачевым Музей палеографии был обделен вниманием исследователей [см.: Свойский, 1977; Москаленко, 2011; Мещерская, Пиотровская, 2012; Цыпкин, 2015]. Так, к настоящему времени установлено, что свое собрание памятников письменности Н. П. Лихачев открыл для посетителей и исследователей, когда перевез его в специально построенное в 1903 г. здание в Санкт-Петербурге на Петрозаводской улице

¹ В Ленинградское отделение Института истории АН СССР были приняты сотрудники ликвидированного Ленинградского отделения Института истории Коммунистической академии, однако в данном случае нет оснований утверждать преемственность этих научных институций.

(дом 7). Этот изначально двухэтажный особняк был возведен на средства весьма состоятельной тещи Н. П. Лихачева — Анны Тимофеевны Карповой (урожд. Морозовой) [Плешков, 2005], которая таким образом оказала помощь многодетной семье своей дочери.

В 1912 г. Н. П. Лихачев принял решение продать свою коллекцию икон, но желал, чтобы ее приобрел император Николай II для Русского музея [Климанов, 1993, с. 24; Шалина, 2012, с. 341–342; Пивоварова, 2023, с. 157–158]. Для того чтобы информация о ценности собранных памятников иконописи дошла до императора, Н. П. Лихачев превратил свой дом в подобие частного музея, открытого для широкого круга посетителей [Сиренов, 2024]. Эта же практика (правда, в более скромном масштабе) сохранялась и после продажи икон, вплоть до революции 1917 г. К этому времени дом из двухэтажного стал трехэтажным, а коллекции стремительно прирастали западноевропейскими и восточными средневековыми рукописями, а также памятниками эпиграфики Древнего Востока.

В послереволюционное время семья Лихачевых лишилась средств к существованию, а сам коллекционер не только не мог пополнять свои собрания новыми памятниками письменности, но и оказался не в состоянии даже организовать отопление своего дома суровой зимой 1917–1918 гг. в революционном Петрограде. Его коллекциям грозила гибель в неотапливаемых помещениях, в которых к тому же периодически случались протечки крыши и аварии водопровода [Лихачев, 2024, с. 132]. В такой ситуации Н. П. Лихачев принял решение передать свой дом с коллекциями Петроградскому археологическому институту, где преподавал с 90-х годов XIX в.

К тому времени Петроградский археологический институт являлся ведущим учебным заведением гуманитарного профиля в столице. Его возглавлял С. Ф. Платонов, профессорами служили другие выдающиеся ученые. После передачи в Археологический институт дом и коллекции Н. П. Лихачева стали называться Палеографическим кабинетом Петроградского археологического института. Прием посторонних посетителей прекратился, зато начались систематические занятия со студентами, для чего несколько комнат оборудовали под учебные аудитории.

Возможно, созданное Н. П. Лихачевым собрание вполне могло превратиться в учебный центр для подготовки историков, архивистов и специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам, но в 1923 г. Петроградский археологический институт был включен в состав Петроградского университета, вскоре начались изменения, коснувшиеся и дома Н. П. Лихачева. Сначала приходили комиссии и составляли планы ремонта здания. В октябре 1924 г. после знаменитого наводнения дом Н. П. Лихачева администрация университета решила использовать в качестве резервного жилого фонда для сотрудников университета, пострадавших от наводнения. Вскоре практически весь третий этаж оказался заселен жильцами, профессиональная деятельность которых не имела ничего общего с Палеографическим кабинетом.

В 1925 г. Н. П. Лихачева избрали действительным членом Академии наук, и ему удалось перевести Палеографический кабинет из ведения университета в Академию наук. Так возник Музей палеографии АН СССР, директором которого стал Н. П. Лихачев. Пять лет существования музея ознаменовались возвращением коллекций Н. П. Лихачева к прежнему состоянию: были произведены их просушка, раскладка, а также начали работать музейные экспозиции [см.: Музей... 1925, с. 1–7].

Однако Музей палеографии являлся, прежде всего, научно-исследовательским учреждением. Н. П. Лихачев планировал развить его в академический научно-исследовательский институт источниковедческого профиля. Его последнее официальное обращение в академические структуры, датированное 30 марта 1936 г., содержит прямое указание на это намерение: «2 десятилетия я прожил в доме № 76 по Петрозаводской ул. в нижних этажах, в которых сосредоточено было мое имущество, как личное, так и огромное собрание (Музей палеографии), из которого я готовил Институт вспомогательных историчес[еских] знаний» [СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 91]². О планируемом им Институте вспомогательных исторических дисциплин ученый упоминал и в письмах из астраханской ссылки³.

В личном фонде Н. П. Лихачева в СПбФ АРАН хранится его собственноручная записка как директора Музея палеографии АН СССР, где он рассказывает о своих планах преобразовать Музей палеографии в научно-исследовательский Институт исторического источниковедения. К основному тексту, написанному печатными буквами, Н. П. Лихачев сделал несколько приписок, которые являются важными дополнениями. Этот документ был опубликован, но его издание нельзя считать удовлетворительным [Москаленко, 2011, с. 22]. Помимо того, что публикатором допущены ошибочные прочтения и некорректная передача текста⁴, в издании не воспроизведено примечание Н. П. Лихачева относительно работы в музее аспирантов. В нем упоминаются аспиранты А. П. Рифтин и Ю. Я. Перепелкин, в будущем ставшие признанными учеными в области ассириологии и египтологии: «Надо подчеркнуть работы по диплом[ным] работам аспирантов Рифтина и Перепелкина» [СПбФ

² Написано почерком дочери, А. Н. Лихачевой, с правкой Н. П. Лихачева.

³ См., напр., письмо к М. С. Боровковой-Майковой от 4 марта 1933 г. [Климанов, 1991, с. 447].

⁴ «Уже в настоящее время» вместо «уже и в настоящее время»; «путем скрепы подписей» вместо «путем скреп и подписей» (исправлено почерком Н. П. Лихачева); «такова цепь отделов музея» вместо «такова цель отделов музея»; «разложенной в книжных шкафах» вместо «расположенной в книжных шкафах»; «является родственником знаменитому Лейпцигскому музею» вместо «является родственным знаменитому Лейпцигскому музею»; «Музей палеографии» вместо «МУП»; «картину печатания документов» вместо «картину печатанья документов»; «инвентаризация и каталогизация книг» вместо «инвентаризация и каталогизация как книг»; «подготавливается» вместо «подготавливается»; «провизарно» вместо «провизорно»; «печатные и опубликованные» вместо «печатание и опубликование».

АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 55]. Данный документ крайне важен для истории Музея палеографии, поскольку в нем определяются задачи этого учреждения, его структура и перспективы развития.

Прежде всего, его следует датировать. Для этого обратимся к приписке Н. П. Лихачева о работе в музее аспирантов. Известно, что А. П. Рифтин окончил аспирантуру Ленинградского университета в 1928 г.⁵, а Ю. Я. Перепелкин стал аспирантом Института сравнительного изучения языков и литературы при ЛГУ в 1927 г.⁶ Работа аспирантов Ю. Я. Перепелкина и А. П. Рифтина отражена в отчете Музея палеографии за 1928 г.: «Систематически занимались в музее два аспиранта — Ю. Я. Перепелкин и А. П. Рифтин. Первый изучал памятники Древнего царства и сделал несколько докладов (статуя V династии, фрагмент масгабы из Саккара). Исследование одного фрагмента XII династии приготовлено к печати. Аспирант А. П. Рифтин закончил и приготовил к печати большую работу на основании документов первой Вавилонской династии, находящихся в музее» [СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 12. Л. 124]. Обоим аспирантам 30 апреля и 3 мая 1928 г. были выданы удостоверения об их занятиях в Музее палеографии в 1927/28 г. [СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 12. Л. 55, 56].

Как правило, все исходящие документы Музея палеографии напечатаны на пишущей машинке. Исключение составляют документы с 2 апреля до 6 мая 1928 г. — они написаны от руки печатными буквами, как и рассматриваемая записка. По-видимому, пишущая машинка в это время была неисправна или по какой-либо причине недоступна, и единственный научный сотрудник музея З. Н. Шамонина переписывала документы печатными буквами [СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 12. Л. 49, 54, 55, 59]. Таким образом, составление записки Н. П. Лихачева следует отнести к апрелю или первым числам мая 1928 г. В это время уже шли обсуждения будущего устройства научных учреждений в Советском Союзе. 25 апреля 1928 г. в Музей палеографии поступило циркулярное письмо за подписью неперменного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга с призывом в краткий срок составить проекты положений для всех академических учреждений [СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 12. Л. 58]. Полагаем, что записка Н. П. Лихачева представляет собой проект положения о Музее палеографии. У нас нет информации, что именно этот вариант положения был утвержден, однако именно он отражает взгляды Н. П. Лихачева на цели и задачи созданного им академического учреждения.

В циркулярном письме от 25 апреля 1928 г. содержатся рекомендации по составлению положений академических учреждений. В частности, прежде всего следовало описать задачи деятельности [СПбФ АРАН. Ф. 217.

⁵ Электронный ресурс СПбГУ «Биографика». URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/3629-riftin-aleksandr-pavlovic-pejsahovic.html> (дата обращения: 30.06.2025).

⁶ Электронный ресурс СПБНИИ РАН «Летопись в лицах». URL: <https://spbiiran.ru/colleague/persons/perepelkin-yurij-yakovlevich/> (дата обращения: 30.06.2025).

Оп. 1. Д. 12. Л. 58]. Н. П. Лихачев на этом вопросе останавливается довольно подробно: «Музей палеографии является ядром будущего научно-исследовательского Института исторического источниковедения, аппаратом этого института, дающим возможность одинаково развить как научно-исследовательскую деятельность, так и общественно-просветительскую. Музей палеографии уже и в настоящее время охватывает обширнейшее поле историко-археологических материалов. Собрания музея объединены общим заданием — историей писем вообще и историей документа в особенности» [Москаленко, 2011, с. 22].

После переименования Музея палеографии в Музей книги, документа и письма одним из первых документов, составленных в переименованном учреждении, было Положение [Свойский, 1975, с. 186]. В утвержденном Президиумом АН СССР варианте Положения задача деятельности музея определена гораздо более кратко и формально: «Музей книги, документа и письма является научно-исследовательским институтом и имеет своей задачей изучение развития книги, документа и письма как социальных явлений. Музей КДП имеет также в виду практическое применение результатов научно-музейных изысканий и организует планомерную культ-просветительскую работу» [СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 25. Л. 4].

После преобразования Музея книги, документа и письма в одноименный институт в 1931 г. задачи этого научного учреждения в соответствующем Положении были сформулированы почти так же, как в 1930 г., и включали: «а) изучение развития книги, документов и письма в их оформлении как продукта и орудия классовой борьбы; б) разработку путем использования выводов исследовательской работы по данным отраслям в практике социалистического строительства; в) организацию массовой просветительной работы путем выставок, лекций, консультационно-справочной работы и издания научно-популярной литературы; г) подготовку научно-исследовательских и научно-технических кадров» [СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 25. Л. 5]⁷.

Как видим, Н. П. Лихачев понимал, что Музей палеографии со временем не только должен стать институтом, но и превратиться в центр источниковедения. Характерно, что в разное время он называл будущую институцию то институтом вспомогательных исторических дисциплин, то институтом источниковедения, что, по-видимому, отражало его колебания относительно профиля будущего научного учреждения. Преемники Н. П. Лихачева такой перспективы не видели, и отчасти поэтому Институт книги, документа и письма был обречен стать частью более крупной академической институции.

Как известно, после ареста Н. П. Лихачева Музей палеографии был переименован в Музей книги, документа и письма, а через год преобразован

⁷ Утверждено на заседании Президиума АН СССР 26 декабря 1931 г. [СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 25. Л. 1].

в институт с таким же названием, который в 1936 г. стал Отделом вспомогательных исторических дисциплин Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Труды этого подразделения в 1937 г. был выпущен сборник научных трудов «Вспомогательные исторические дисциплины». Спустя годы благодаря, прежде всего, С. Н. Валку этот сборник стал продолжающимся, а со временем и периодическим научным изданием, «брендом» Санкт-Петербургского института истории РАН. Так одно из основных направлений деятельности нынешнего СПбИИ РАН было заложено еще академиком Николаем Петровичем Лихачевым.

Для изучения истории любого научного учреждения крайне важно оперировать правоустанавливающими документами. Теперь можно утверждать, что в нашем распоряжении имеется не просто записка Н. П. Лихачева, а составленный им проект положения о Музее палеографии АН СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии наук СССР / подгот. к изд. С. А. Аннинский ; предисл. О. А. Добиаш-Рождественской. М. ; Л., 1937.
- Акты Падуи конца XIII — XIV в. в собрании Академии наук СССР / подгот. текстов Е. Ч. Скржинской и др. ; под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1987.
- Акты Феррары XII–XV веков. Из архивов Санкт-Петербурга и Модены / изд. подгот. Е. В. Бернадская, Н. Б. Срединская при участии И. Д. Травина. СПб., 2024.
- Вспомогательные исторические дисциплины. М. ; Л., 1937.
- Климанов Л. Г. Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе» // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 424–453.
- Климанов Л. Г. Николай Петрович Лихачев — коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекций Н. П. Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993. С. 7–30.
- Лихачев Г. Н. Петрозаводская: Воспоминания / изд. подгот. П. Г. Гайдуков, Т. В. Костина и А. В. Сиренов ; отв. ред. П. Г. Гайдуков. М., 2024.
- Мещерская Е. Н., Пиотровская Е. К. Музей палеографии академика Н. П. Лихачева и его судьба (1925–1930) // Звучат лишь письма... К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева: Каталог выставки. СПб., 2012. С. 49–64.
- Москаленко А. В. Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н. П. Лихачева к Институту вспомогательных исторических дисциплин // Фотография. Изображение. Документ. 2011. № 2 (2). С. 17–22.
- Музей палеографии. Л., 1925.
- Пивоварова Н. В. Николай Петрович Лихачев и его коллекция русских икон: состав, история поступления и экспонирования в Русском музее // Лихачевы. Жизнь как служение Отечеству : в 2 т. Т. 2. Казань, 2023. С. 156–163.
- Плешков В. Н. Из истории дома Н. П. Лихачева в Санкт-Петербурге (ул. Петрозаводская, д. 7) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2005. Т. 29. С. 517–521.
- Санкт-Петербургский институт истории РАН: от Археографической экспедиции Императорской академии наук до Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР : сб. документов / под ред. В. Г. Вовиной-Лебедевой. СПб., 2025. (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН ; вып. 8 (24)).

- Свойский М. Л. Институт книги, документа и письма по материалам Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР // Книга. Исследования и материалы. Сб. 30. М., 1975. С. 185–194.
- Свойский М. Л. Музей палеографии // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 211–215.
- Сиренов А. В. Музей палеографии Н. П. Лихачева в контексте развития русской культуры XIX — начала XX в. // «Высокое служение Отечеству»: Персоналии в историко-культурной жизни Российской провинции (к 75-летию акад. АН РТ Н. М. Валеева) : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 25–26 сентября 2024 г.). Казань, 2024. С. 83–95.
- Цыпкин Д. О. В год 90-летия организации Музея палеографии АН СССР // Фотография. Изображение. Документ. 2015. № 6 (6). С. 3–4.
- Шалина И. А. История создания Отделения христианских древностей Русского музея императора Александра III // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства : сб. статей по материалам научной конференции (25–28 мая 2010 года) / Гос. Третьяковская галерея. М., 2012. С. 309–344.

Н. Н. Чемодуров, В. В. Майко
Симферополь

Научный архив Института археологии Крыма РАН: история и современность

В статье сделан обзор становления и функционирования архива Института археологии Крыма РАН. Выделены основные периоды его работы и события, являющиеся, по мнению авторов, критериями для этих периодов. В целом все они совпадают с основными этапами истории института. Сделан вывод о том, что в настоящий момент архив учреждения является уникальным собранием документов об археологических исследованиях на территории Республики Крым, города Севастополя и некоторых сопредельных территорий. Именно его материалы позволяют аргументированно говорить о развитии отечественной археологии на юге России с середины 1930-х гг. и до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: научный архив, крымская археология, Е. В. Веймарн, фонд.

N. N. Chemodurov, V. V. Maiko
Simferopol

Scientific Archive of the RAS Institute of Archaeology of the Crimea: History and Modernity

The article reviews establishing and functioning of the Archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. The main periods of its work and the events, which, according to the authors, are the criteria for these periods, are highlighted. In general, all of them coincide with the main stages of the Institute's history. It is concluded that at present the Archive of the Institute is a unique collection of documents on archaeological research throughout the territory of the Republic of Crimea, the city of Sevastopol and some adjacent regions. Its materials allow to speak reasonably about the development of domestic archaeology in the south of Russia from the mid-1930s to the present day.

Keywords: scientific archive, Crimean archaeology, E. V. Weimarn, archival collection.

28 февраля 1948 г. состоялось рабочее совещание сотрудников Сектора истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы (СИА КНИБ) АН СССР. Строго научную часть заседания собравшиеся посвятили обсуждению статьи Е. В. Веймарна «Фортификационные сооружения Эски-Кермена»¹, которая являлась сокращенной версией кандидатской диссертации археолога. Вторым вопросом повестки стала «Информация об учете всего научного хозяйства сектора». Докладчиком вновь выступил Е. В. Веймарн, предложивший принять в текущей работе сектора следующие формы учета: «а) опись дел сектора; б) инвентарная книга учета научной продукции; в) инвентарная книга фотоснимков; г) инвентарная книга графики; д) полевые описи». Ведение «текущих дел сектора, описи всех дел и папки актов выдачи научной и археологической продукции» поручили лаборанту О. Я. Ковалевой, а «инвентарной книги и хранение научного архива сектора» — лаборанту Р. П. Лозовской. Учет и комплектация графических материалов (рисунков, чертежей, обмеров и карт) становились обязанностью младшего научного сотрудника С. К. Себекина (рис. 1) [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 16. Л. 5–8]. Таким образом, уже в первый месяц деятельности только что созданного академического центра археологов Крыма² были установлены принципы формирования документальной коллекции — основы существующего ныне научного архива Института археологии Крыма РАН.

Инициатива Сектора истории и археологии получила формальное закрепление после вступления в силу «Положения о систематизации, учете и хранении материалов научно-исследовательской работы секторов КНИБ», составленного ученым секретарем базы М. А. Кочкиным в марте 1949 г. Документ регламентировал определенный и единый порядок архивирования планов и отчетов о научно-исследовательской работе, программ, методик, индивидуальных планов работ сотрудников, полевых и кабинетных дневников, ведомостей коллекционных образцов, а также всей «продукции научной работы»: статей, рефератов, научных отчетов, монографий. Учет предлагалось вести в папках с описью в хронологическом порядке хранящихся документов, при этом «...для каждого сектора устанавливается свой шифр хранения, состоящий из первой буквы названия сектора и номера темы по общему списку тематики базы.

¹ Опубликована только спустя десять лет [Веймарн, 1958].

² Сектор истории и археологии КНИБ АН СССР начал свою работу во исполнение постановления № 29/9 Президиума АН СССР от 23 декабря 1947 г.; в 1950 г. преобразован в Отдел истории и археологии Крымского филиала (ОИА КФ) АН СССР; в 1954 г. КФ переподчинен АН УССР; в 1956 г. КФ расформирован, группа археологии ОИА передавалась в структуру Института археологии АН УССР, в котором оставалась под наименованиями Отдела античной и средневековой археологии (ОАСА), Отдела античной и средневековой археологии Крыма (ОАСАК), Отдела археологии Крыма (ОАК) до 1991 г.; с 1992 по 2014 г. бывший ОАК приобрел статус Крымского филиала Института археологии НАН Украины; наконец, в 2014 г. КФ становится самостоятельным Институтом археологии Крыма, в 2015 г. входит в систему учреждений РАН.

Рис. 1. Коктебель. Фото. 1951 г. Слева направо: О. А. Махнева, З. Н. Иванова, В. П. Бабенчиков, С. К. Себекин [Вдовиченко, 2021]

Шифры следовало писать заглавными буквами, номера тем — арабскими цифрами, например: сектор геологии — Г-1, почвоведения — П-2, ботаники — Б-3, зоологии — З-4, химии — Х-5, истории и археологии — ИА-6» [ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 47. Л. 2–3].

Деятельность первого хранителя материалов архива СИА Р. П. Лозовской пока представляется чрезвычайно нечетко. Практически ничего не известно о ее личности. Скупые строки индивидуальных планов позволяют утверждать, что Р. П. Лозовская работала лаборантом группы истории СИА/ОИА, где под руководством П. Н. Надинского принимала участие в разработке темы «Земельный вопрос в Крыму в 1917–1928 гг.». Согласно плану на 1949 г., также участвовала в работе над темами «История партизанского движения

в Крыму 1941–1944 гг.» и «Изучение и описание историко-революционных памятников Крыма» [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 19. Л. 36]. Одновременно с этим в 1947–1952 гг. проходила обучение на заочном отделении исторического факультета Крымского педагогического института [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 19. Л. 70]. В 1948–1952 гг. среди обязанностей Р. П. Лозовской неизменно отмечалось «ведение работы по архиву сектора» [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 19. Л. 65]. На страницах протоколов научных заседаний СИА/ОИА Р. П. Лозовская предстает настойчивым и увлеченным исследователем, ведущим в крымских документохранилищах скрупулезные поиски информации о пребывании в Крыму А. В. Суворова и М. И. Кутузова. Впрочем, некоторые ее утверждения, вроде «архивные данные не подлежат сомнению», свидетельствуют о неопытности начинающего историка. Мы не располагаем сведениями о том, как сложилась профессиональная судьба Р. П. Лозовской, нам известна лишь одна ее печатная работа [Лозовская, 1953]. В 1952 г. научно-административная документация ОИА фиксирует имя Р. П. Лозовской в последний раз.

В это время в организации условий работы крымских археологов оставалось немало сложностей. Сотрудники ОИА размещались в двух небольших помещениях в зданиях по ул. Ленина, д. 7, и ул. Жуковского, д. 5, в Симферополе. КФ АН СССР в 1953 г. готовился переехать в специально возведенное строение по ул. Чкалова, д. 47 (ныне — пр. Кирова, д. 47). Но в отчете ОИА этого года по-прежнему констатировалось отсутствие необходимого помещения: «...десять человек работают в одной комнате, а фонды раскопок Неаполя Скифского 1945–1950 гг., пребывающие там же, до сих пор не разобраны» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 9]. Затруднительно даже предположить, где в таком случае хранилась архивная документация. Данные о судьбе этих материалов вновь встречаются в отчете о работе ОИА 1956 г., когда группа археологии отдела была включена в структуру Института археологии АН УССР. Отмечается, что в рамках научно-организационных поручений Е. В. Веймарном собрано «большинство полевых материалов и рукописей за 1948–1955 гг. <...> составлена сводка сведений о материалах, хранящихся в архиве отдела, включающая 35 дел. <...> Размещен и изготовлен для этой цели в новых шкафах архив отдела» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12. Л. 18–20]. Сотрудником отдела С. К. Себекиным были приведены в порядок негатива и чертежи: «...из общего числа (3885) негативов а) инвентаризировано 700 шт.; б) составлена опись на 1321 шт.; в) разобрана для составления описи серия негативов по Неаполю Скифскому 1844 шт.; г) полностью упорядочен фонд чертежей. Составлена опись на 298 номеров» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12. Л. 18–20]. С 1 августа 1956 г. ученым секретарем ОАСА становится Э. И. Соломоник, которой поручалось приведение в порядок всех фондов отдела, в т. ч. архива.

Хозяйственно-административная ситуация улучшилась в 1957 г.: «Институтом [археологии] оказана значительная помощь отделу средствами для

оборудования хранилищ археологических находок, антропологического материала и архива <...>, хотя ОАСА все еще оставался на прежнем месте. Учет архивных материалов отдела производился под внимательным контролем заведующего П. Н. Шульца: «В архиве отдела оформлены почти все³ полезные материалы по 1955 г. включительно, за исключением не полностью оформленных материалов Тавро-Скифской экспедиции, Симферопольской экспедиции и Баштановского отряда. Составлена инв[ентарная] опись всего рукописного архива (131 номер) (исп. О. А. Махнева). Полностью приведены в порядок чертежные материалы отдела. Составлены инв[ентарная] опись и картотека чертежей (450 номеров) (исп. С. К. Себекин). Проведена опись и инвентаризация части негативного фонда отдела (1315 негативов) (исп. С. Себекин и П. Шохин). Остались частично не обработанными негативы Тавро-Скифской экспедиции за 1945–47 и часть 1948 гг.» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 9–10].

Из приведенного отрывка выясняется деятельное участие известного археолога О. А. Махневой в хранении и комплектации архива ОАСА. Записи о том, что исследовательницей «велась текущая работа по библиотеке и архиву», встречаются в отчетах отдела до 1971 г. [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 70]. Ко времени работы О. А. Махневой относится следующее событие 1963 г.: «Особое удовлетворение вызвала организация в Симферополе филиала библиотеки Института [археологии] при Крымской группе (4642 тома) и разрешение вопроса о межбиблиотечном обмене для сотрудников группы» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 18]. И вместе с тем для работы отдела нерешенным оставался вопрос собственного помещения. В начале 1960-х гг. археологи делили одно здание с Институтом минеральных ресурсов (ИМР) (ул. Кирова, д. 47), испытывая постоянные трудности соседства. Так, в отчетах этого периода неоднократно отмечается ограничение со стороны руководства ИМР доступа к общей библиотеке [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 28. Л. 19]. В 1967 г. ОАСАК оказывается на новом месте, о котором сообщается: «Не закончен ремонт помещения, в нем отсутствуют элементарные удобства, нет фотолаборатории, не оборудованы фондохранилище и книгохранилище» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 34]. Лишь в середине 1970-х гг. отдел археологии обосновывается в симферопольском Доме М. С. Воронцова (пр. Академика Вернадского, д. 2), где его преемник, Институт археологии Крыма, располагается и сегодня. Думается, что такие метаморфозы весьма негативно отразились на составе коллекции документов. Как известно, переезд для архива сродни пожару.

Сохранением ценного собрания научной и административной документации современники обязаны своевременно пришедшему на работу в ОАСАК сотруднику. С сентября 1965 г. в должности лаборанта отдела значилась В. М. Долгополова (рис. 2). В разные годы ей приходилось совмещать

³ Фразы, выделенные курсивом, в оригинале дописаны П. Н. Шульцем.

Рис. 2. В. М. Долгополова.

Фото. 1975 г.

© НА ИАК РАН. Ф. 3.

Оп. 6. Д. 19. Л. 26

функции ученого секретаря и руководителя отдела кадров. Но более двух десятилетий она оставалась хранителем библиотеки и архива. На этой работе В. М. Долгополова проработала до 1993 г. Прилагая значительные усилия к пополнению и сбережению коллекции архива, ей все же приходилось признавать в 1975 г.: «Все экспедиционные отчеты имеются в отделе, но многие из них хранятся все еще в единственном рукописном экземпляре и с одним комплектом иллюстраций» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 23]. В отделе все еще отсутствовало специальное подразделение архива, а вместе с тем и штатная должность архивариуса. Существовала ответственность, которую уверенно несла В. М. Долгополова. Красноречиво свидетельствует о ее компетентности обращение Л. В. Фирсова в 1974 г.: «Дорогая Валентина Михайловна! Не знаю, кто сейчас заведует архивом Вашего отдела, и посылаю этот экземпляр рукописи Вам. <...> Надеюсь, что он пригодится; если зарегистрируете, то пришлите, пожалуйста, номер» [НА ИАК РАН. Ф. Л-5. Оп. 1. Д. 8. Л. 20].

Своеобразное отражение всеобщих тягот 1990-х гг. рельефно проступает на страницах отчетов КФ ИА НАН Украины. В 1993 г. заведующей библиотекой и архивом стала Е. И. Чаюн, остававшаяся в должности до 1996 г. В ее личном деле сохранились несколько строгих выговоров за несоблюдение трудовой дисциплины и нарушение контроля за имуществом библиотеки и архива. Глубоко трагичны строки в отчете за 1997 г.: «Материально-техническое обеспечение за последний год не изменилось к лучшему. В филиале по-прежнему не хватает помещений и столов для сотрудников, нет фондового хранилища, фото- и реставрационной лабораторий, транспорта. В серьезном ремонте нуждается основное здание. В нем четыре года подряд постоянно не работает отопление, испортилась проводка, сыреют стены. Отсутствует отопление также в библиотеке и архиве. Это не позволяет работать в них в холодное время года, а также ведет к порче фонда. В них уже некуда размещать книги и дела, поскольку не хватает стеллажей. Важен и вопрос об охране этих помещений. В 1997 г. библиотеку дважды ограбили» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 19].

С января 1996 г. архив учреждения возглавила М. М. Петрова (рис. 3), одновременно исполнявшая и обязанности заведующей библиотекой, проработавшая в этой должности до 2005 г. В годы ее ответственной службы предпринимались попытки систематизации архивных дел, а главное — регистрации небывалого доселе количества поступающих в учреждение научных отчетов. И это не случайно: с 1993 г. открытые листы на право проведения

археологических исследований в Крыму и для археологов Украины, и для российских коллег выдавал КФ ИА НАН Украины и, соответственно, получал всю отчетную документацию. Такая ситуация продлилась до 2002 г., позволив нашему учреждению получить наиболее полный комплект отчетной документации о работах на полуострове в 1992–2002 гг.

Перемены в работе архива произошли в 2003 г. Именно в это время был закончен ремонт флигеля Дома М. С. Воронцова, в котором институт располагался с 1992 по 2000 г., и сотрудники учреждения смогли вернуться на старые рабочие места. Большое полуподвальное помещение, где с 1992 г. находился зал для заседаний, было выделено под архив. Для этого тогдашнее руководство, к сожалению, пожертвовало и помещением архива, и залом лапидария в главном корпусе комплекса М. С. Воронцова; наше учреждение их полностью потеряло, не получив ничего взамен. Однако помещение архива необходимо было оборудовать, о чем красноречиво свидетельствуют документы [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 67. Л. 31–32].

С 2005 г. на должность заведующей архивом была принята Е. С. Шве́ц. Ее безусловной заслугой стала попытка ксерокопирования в архиве ИА НАН Украины недостающих в нашем архиве отчетов. После 2002 г. отчеты об археологических исследованиях в Республике Крым сдавались исключительно в Киев. В наш архив поступали, и то не полностью, лишь отчеты сотрудников и единичные отчеты некоторых наиболее «сознательных» исследователей из Украины и России. Помимо этого, были ксерокопированы и некоторые отсутствовавшие по многим субъективным и объективным причинам недостающие отчеты 1970–80-х гг. Предпринимались и попытки систематизации архивных дел, не принесшие, правда, положительных результатов. Проработав на посту до июля 2013 г., Е. С. Шве́ц уволилась по собственному желанию, передав на хранение документы архива заместителю директора по научной работе С. Б. Ланцову и ученому секретарю В. Ю. Юрочкину.

С приходом в 2010 г. на должность директора учреждения В. П. Чабая значительные перемены произошли и в оборудовании архива. О работах этого года сообщается: «Проведен ремонт в помещении архива, установлены железные двусторонние шкафы — 6 шт. Проведена расстановка дел архивного фонда по географическому принципу» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 74. Л. 16]. Но, несмотря на материальные изменения, недостаточной оставалась методическая сторона работы с коллекцией архивных документов. Данные о ее состоянии в ежегодных отчетах КФ ИА НАН Украины формальны и противоречивы. Так, в сведениях за 2009 г. имеется запись: «Хранится 2902 дела

Рис. 3. М. М. Петрова.
Фото. 2023 г.

и 1335 негативов» [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73. Л. 24]. При этом в 2010 г. насчитывалось лишь 1763 единицы хранения⁴ [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 74. Л. 14]. В следующем, 2011 г. на хранение были приняты 77 научных отчетов. К цифре 1840 единиц в 2012 г., согласно отчету, прибавилось 30 новых отчетов [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 76. Л. 43]. Обладая самыми общими математическими познаниями, нетрудно усомниться в общем числе «1861 единиц», которое записано в отчете 2013 г. [НА ИАК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 42].

Недостатком более чем семидесятилетней истории учета документов научного архива Института археологии Крыма следует признать крайне неудовлетворительное ведение инвентарных книг и описей. Спорадически предпринимались попытки начать эту работу. В 2015 г. на должность заведующей архивом была принята Ю. В. Монахова, работавшая до этого в Государственном архиве Республики Крым. Она неоднократно предпринимала попытки начать систематизацию большого количества неразобранной архивной документации. Была проведена и очередная сверка документов. Однако эти намерения в силу многочисленных причин не дали положительных результатов. В 2018–2020 гг. должность заведующей временно исполняла О. В. Старовойтова, в 2020–2021 гг. организовывала работу М. С. Лещук. Однако полностью завершить сверку и продолжить систематизацию архива тогда не удалось.

Таким образом, к 2021 г. часть инвентарных книг отсутствовала, а сведения из имеющихся не удавалось соотнести с физически представленными материалами архива. Согласно последней сверке, проведенной в 2015 г., общее число научных отчетов архивной коллекции составляло 1888 единиц. Полная инвентаризация 2021–2022 гг. установила наличие только 1278 единиц. За это время на хранение были приняты 127 единиц. Таким образом, 1405 единиц научных отчетов и полевых материалов удалось оформить в соответствии с требованиями современного российского архивного законодательства в рамках фонда отчетов (ф. О-1). Сведения об этих материалах в 2023 г. были каталогизированы [Архивный каталог, 2023]. В настоящее время завершается подготовка второго тома каталога научных отчетов, куда вошли дополнения и исправления, а также данные о поступлении 2024–2025 гг. из фондов бывшего Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым, которое насчитывает более 800 единиц хранения.

Помимо собрания научных отчетов и полевой документации, в архиве Института археологии Крыма представлены материалы 23 фондов личного происхождения (из которых в научно-технической обработке (НТО) в настоящее время остается только личный фонд П. Н. Шульца (ф. 9)), фонд научно-административной документации (ф. 3, 429 ед. хр.), рукописный фонд (ф. Р-1, 311 ед. хр.), фонд графики (ф. 7, 358 ед. хр.), фонд негативов (ф. 8, в НТО),

⁴ Таким образом, надо полагать, после расстановки материалов научного архива на новые стеллажи не было обнаружено более тысячи единиц хранения.

фонды Тавро-Скифской, Усть-Альминской, Баклинской и Мангупской археологических экспедиций (ф. 1, 215 ед. хр.; ф. 1А, 84 ед. хр.; ф. 4, 38 ед. хр.; ф. 6, 66 ед. хр.), Бахчисарайской научно-исследовательской станции (ф. 2, 136 ед. хр.). Описи этих фондов с исторической справкой и краткой характеристикой состава размещены на официальном сайте Института археологии Крыма (<https://iak-ran.ru/>), что лишает нас необходимости подробно останавливаться на этом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архивный каталог. Отчеты и полевые материалы за 1945–2022 годы: К 75-летию Института археологии Крыма РАН / ред.-сост. Н. Н. Чемодуров. Симферополь, 2023. (История академической археологии Крыма ; вып. 2).
- Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 7–54.
- Вдовиченко И. И. Археолог Ольга Александровна Махнева (1933–2017) // Симферополь на перекрестках истории : материалы научно-практической конференции. Симферополь, 2021. С. 10–13.
- Лозовская Р. П. Кутузовский фонтан // Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР. 1953. Вып. 2. С. 125–130.

М. В. Медведева, В. Ю. Соболев
Санкт-Петербург

**Сергей Антонович Дубинский —
последний заведующий
Рукописным архивом ГАИМК**

Статья посвящена С. А. Дубинскому, слушателю «семинария» А. А. Спицына, выпускнику Петербургского университета, археологу, сотруднику Инбелкульта, одному из основоположников белорусской археологической науки. В начале 1930-х гг. он переехал в Ленинград в надежде избежать репрессий и поступил в штат ГАИМК. С 1935 по 1937 г. С. А. Дубинский был последним заведующим архивом ГАИМК перед реорганизацией учреждения. Он начал активно налаживать работу архива, но летом 1937 г. был арестован и расстрелян.

Ключевые слова: ГАИМК, С. А. Дубинский, научный архив, история археологии.

М. V. Medvedeva, V. Yu. Sobolev
St. Petersburg

**Sergey A. Dubinsky — the Last Head of
the Manuscript Archive of the State Academy
for the History of Material Culture (GAIMK)**

The article is dedicated to Sergei A. Dubinsky, a student of A. A. Spitsyn's course ("seminary"), a graduate of St. Petersburg University, archaeologist, employee of the Institute of Belarusian Culture (Inbelkult), one of the founders of Belarusian archaeological science. In the early 1930s, hoping to avoid repressions, he moved to Leningrad and joined the staff of the State Academy for the History of Material Culture (GAIMK). From 1935 to 1937 Sergey Dubinsky was the last head of the Academy's Archive before the institution's reorganization. He began to actively coordinate its work, but in the summer of 1937 he was arrested and executed by shooting.

Keywords: State Academy for the History of Material Culture (GAIMK), Sergey A. Dubinsky, scientific archive, history of archaeology.

Научный архив ИИМК РАН является настоящей сокровищницей документального наследия отечественной археологии. Архивное собрание начало формироваться еще в XIX в., но в современном понимании архив приступил к работе уже после революции в период активной деятельности Академии истории материальной культуры (РАИМК/ГАИМК); тогда же произошли самые значимые пополнения фондов [Длужневская, 1996, 1998; Белова, Медведева, 2019]. История архива и судьбы первых заведующих уже неоднократно становились предметом изучения для исследователей [Длужневская, 2003, 2013; Мусин и др., 2019], но остается еще множество лакун — как в атрибуции поступивших в 1920–30-е гг. материалов, так и в биографиях сотрудников архива тех лет. Последнее часто связано с тем, что личный состав ГАИМК в 1930-е гг. подвергся репрессиям и подробности жизни арестованных тогда членов академии открылись только в 1990-е гг. К таким персоналиям относится и Сергей Антонович Дубинский. Рукописный архив ГАИМК стал для него последним местом работы перед расстрелом, а для архива С. А. Дубинский оказался последним заведующим на завершающем этапе существования Академии истории материальной культуры перед реорганизацией учреждения и превращением его в Институт истории материальной культуры.

Детали трагической судьбы С. А. Дубинского выяснились благодаря исследованиям, проведенным в последние десятилетия. Его жизненный путь и научные свершения освещены в публикациях, посвященных лично ему [Семянчук, 2010; Семенов, 2018], и в общих работах по истории белорусской археологии [Асоба і помнік... 2021; Аляксандр Мікалаевіч Ляўданскі... 2025]. Источниками послужили автобиографии, составленные в разные годы самим Сергеем Антоновичем, и документы, хранящиеся в архивных собраниях России и Беларуси.

С. А. Дубинский родился 13 (25) октября 1884 г. в с. Наройки (Бельский уезд Гродненской губернии) (в настоящее время сельско-городская гмина Дрохичин, повят Семятыцкий, Подляское воеводство, Польша) в православной семье. Его отец был священником, мать — дочерью священника из г. Бежецка. По наставлению отца С. А. Дубинский окончил духовное училище, а в 1905 г. — духовную семинарию в Вильне [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53235]. Осенью 1905 г., «выдержав большую борьбу с отцом» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 16], он поступил на медицинский факультет Юрьевского университета, но по болезни глаз был вынужден в 1908 г. перевестись на историко-филологический факультет Петербургского университета, где с осени 1909 г. стал слушателем археологического семинария [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 15–17, 22–22 об.]. По окончании лекционного курса приват-доцентом А. А. Спицыным была проведена «археологическая экскурсия» — учебные раскопки, в которых приняло участие большинство слушателей семинария. К изучению оказались намечены два курганных кладбища древнерусского времени в Лужском уезде Санкт-Петербургской

губернии. Перед началом работ группой студентов, в которой состоял и С. А. Дубинский [РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 214. Л. 74], были сняты глазомерные планы курганных групп у деревень Замошье и Удрай. Каждому из студентов А. А. Спицын, осуществлявший общее руководство «раскопкой», назначил по 1–2 разнотипных кургана; студенты самостоятельно руководили нанятыми крестьянами-землекопами, расчищали скелеты и составляли отчетную документацию. Отчеты С. А. Дубинского выполнены на достаточно высоком уровне и хранятся теперь в Научном архиве ИИМК РАН [Медведева, Соболев, 2012; 2013].

В течение нескольких лет (1910–1912; 1914) С. А. Дубинский проводил самостоятельные археологические исследования в родном Бельском уезде. После окончания университета в 1914 г. С. А. Дубинский на 20 лет покинул Петербург, сперва получив место в Вильне, откуда во время Первой мировой войны был вынужден уехать в эвакуацию в г. Белебей (Уфимская губерния), где и проработал преподавателем до конца 1921 г. «Голод в Поволжье, вызов <...>, как белоруса по происхождению, на работу в Белорусскую ССР в конце 1921 года перекинули» его в Минск, где после недолгой работы в «Центр[альном] ком[итете] по ликбезу и главным инструктором школ ликбеза по Минску» он вернулся к преподавательской деятельности [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 17–18]. «Возникновение Археол[огической] комиссии при Институте белорусской культуры в 1925 г. повлекло за собой» его переход «на чисто научную работу в Инбелкульт, позднее — Белор[усская] академия наук» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 18]. Здесь он стоял у истоков белорусской академической археологии.

Уехать, почти бежать из Белоруссии в Ленинград С. А. Дубинскому пришлось в 1933 г. после разгрома «белорусского национал-демократизма», ареста и увольнения с расплывчатой формулировкой «за идеологическую невыдержанность» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 18–18 об.]. В ГАИМК на различных должностях он проработал почти четыре года вплоть до ставшего для него роковым ареста в июне 1937 г.

Впервые заявление о трудоустройстве в ГАИМК С. А. Дубинский подал 1 декабря 1933 г. В заявлении он сделал упор на свою библиографическую работу по археологии Белоруссии и просил задействовать себя в подобной деятельности в академии. В шапке сохранилась резолюция В. И. Равдоникаса: «Уверен, что С. А. Дубинский был бы полезным сотрудником для академии, и, если нет особых препятствий, — его следует взять на работу в академию» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 2]. Заявление долго проходило согласование, и только в апреле 1934 г. С. А. Дубинского зачислили в ГАИМК, в Сектор полевых исследований (СПИ).

СПИ был молодой структурой, его создали в январе 1934 г. как научно-вспомогательное подразделение академии. Сектор ведал единым планом полевых работ и другими вопросами, связанными с организацией и работой экспедиций научных учреждений СССР. Сотрудники СПИ оказывали

консультационные услуги по этим вопросам, разрабатывали методики и техники полевых исследований, принимали и рассматривали заявки на открытые листы, следили за сдачей полевых отчетов, занимались снабжением экспедиций ГАИМК документами и инвентарем, а также ведением археологических исследований на новостройках [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1: 1934. Д. 71. Л. 97–99]. Принимая нового сотрудника на работу, руководство ГАИМК в обязательном порядке согласовывало его прием с различными инстанциями, особенно остро стоял вопрос прописки. Своего жилищного фонда академия не имела, но «по зачислении в штат академии жилплощадь» С. А. Дубинский должен был быть «удовлетворен в общем порядке, как член Секции научных работников из жилфонда, закрепляемого за секцией» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 6–7]. В итоге его поселили в комнате на северной окраине Ленинграда, в районе Лесотехнической академии, на углу Институтского проспекта и Песочной улицы (Песочная ул., д. 16а, кв. 2), где и он прожил последние четыре года своей жизни [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 15, 24; Чубур, 2009, с. 68; НИМРБ. КП 43596/3¹].

В начале 1935 г. в связи с ликвидацией Сектора полевых исследований старшего научного сотрудника С. А. Дубинского уволили из академии с 25 января с выдачей ему выходного пособия [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 14]. Весь год С. А. Дубинский «занимался сдельными работами преимущественно по заказам ГАИМК» и не терял надежды снова стать сотрудником академии [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 19, 22 об.]. Видимо, коллеги сообщали ему о появлявшихся ставках. 1 октября 1935 г. С. А. Дубинский написал заявление о приеме на работу в Институт истории феодального общества ГАИМК с просьбой зачислить его на должность младшего научного сотрудника, но ему отказали. Через два месяца, в декабре того же года, появилась новая вакансия, и С. А. Дубинского взяли в архив академии с резолюцией председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисова: «Назначить старшим архивистом с окладом 225 р. с испытательным стажем 1 месяц с 2.XII.35» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 23, 24].

На тот момент в архиве работали исполняющая обязанности старшего хранителя Г. Ф. Корзухина и старший научный сотрудник А. В. Мачинский. Еще одна работница трудилась сдельно, занимаясь переплетом и реставрацией дел. 5 декабря 1935 г. был подписан акт передачи архива от Г. Ф. Корзухиной С. А. Дубинскому; он включал 26 обработанных или частично обработанных личных и учрежденческих фондов, метрики храмов, собрание эстампажей, а также значительный объем неразобранных документов (анкеты, стенгазеты, карты, картотеки и более 600 кг россыпи). 7 декабря 1935 г. С. А. Дубинский уже приступил к исполнению обязанностей заведующего архивом [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 144. Л. 3–6].

¹ Под указанным шифром в Национальном историческом музее Республики Беларусь хранится паспорт С. А. Дубинского.

Ознакомившись с положением дел в архиве, ученый к 10 января 1935 г. составил план реорганизации архивного хранения и пояснительную записку, подчеркнув необходимость в «немедленном и скорейшем выполнении работ по техническому упорядочению», концентрации материалов в отдельных от библиотеки помещениях, оснащенных специальными стеллажами, созданию картотеки к чертежам и рисункам, в работе над географическим и именным указателями ГАИМК, ремонте и нумерации дел [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 79. Л. 23–24]. Отдельное внимание предполагалось уделить разбору необработанных материалов (россыпи), которых, по примерной оценке, скопилось больше 500 кг. Кроме того, С. А. Дубинский отметил отрядный факт «необычного и даже непредвиденного роста посещаемости и спроса на архивные дела» и совсем не соответствующую этому маленькую площадь читального зала (около 9 кв. м). Поэтому в план работы на 1936 г. он также включил скорейшее расширение площади архива.

«Перспективы на 1936 год по рукописному архиву» включали 12 пунктов и выглядели весьма внушительно. С. А. Дубинский считал возможным силами двух штатных сотрудников архива за год обработать 80 кг россыпи Императорской археологической комиссии, 60 кг небольших личных фондов, выявить для передачи в другие учреждения 50 кг и около 200 не подлежащих хранению в архиве академии дел, составить около 15 тыс. карточек для именных и географических указателей, написать обзор фондов и выдать читателям для работы 2000 дел. На ремонт дел, приобретение карточек и папок, по подсчетам С. А. Дубинского, требовалось 1400 руб. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 79. Л. 25–26].

В 1936 г. в ГАИМК состоялась масштабная отчетная выставка научных достижений, приуроченная к XV пленуму академии (20–23 февраля 1936 г.). Каждое подразделение должно было максимально объективно и полноценно представить свою работу на экспозиции. Распоряжением по ГАИМК ответственной за организацию мероприятия назначили В. В. Гольмстен, а в архиве материалами для выставки поручили заниматься С. А. Дубинскому [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 48. Л. 3] (рис. 1–2). Выполненные им к выставке диаграммы продемонстрировали десятикратный рост числа выданных дел и неуклонный рост количества посещений архива с 1926 по 1936 г., особенно в последние годы.

В начале февраля 1936 г. С. А. Дубинский принял ударное обязательство: «выявить и подготовить для экспозиции чертежи, рисунки и планы для Среднеазиатского пленума (март м[еся]ц), произвести выборку и составить в пригодном для печати виде список дел с краткой аннотацией по раскопкам в Крыму (1820–1935 гг.) из фондов № 1, 2, 3, 4 (ИАК, ГАИМК, РАО, МАО) для Крымского пленума (октябрь), примерно в количестве 400 номеров; для него же подготовить для экспозиции чертежи, рисунки и планы по Крыму; путем уплотнения своего рабочего дня довести выполнением своей плановой работы до 110%» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 79. Л. 27].

Под его руководством техническим совещанием сотрудников архива 8 марта 1936 г. были приняты важные решения по усовершенствованию учета архивных документов ГАИМК. Участники совещания постановили отказаться от валового принципа нумерации дел фонда 2 (РАИМК/ГАИМК) и перенумеровать дела фонда погодно по примеру ИАК, выделяя документацию отдельных подразделений ГАИМК (институты) в подфонды [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2]. Введенный С. А. Дубинским погодный принцип систематизации дел фонда учреждения сохранился до наших дней. Дополнительно к архивной он вел научно-библиографическую работу и составил «Обзор важнейших археологических работ по Белорусской Социалистической Советской Республике за 1919–1936 гг.» для печатного обзора итогов археологических исследований на территории СССР к 20-летию юбилею Октябрьской революции [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1: 1937. Д. 66. Л. 31–33 об.].

К концу марта 1936 г. состав архивных сотрудников полностью поменялся: одна из сотрудниц была переведена на работу в Научно-исследовательский кабинет Н. Я. Марра, а А. В. Мачинский ушел из архива по собственному желанию с 1 апреля. «Таким образом, — сообщал С. А. Дубинский в служебной записке, — архив потерял двух работников — одного, первого, очень ценного, сведущего и дисциплинированного, и второго, недочеты и незаинтересованность которого в работе не раз подчеркивались в отчетах предыдущих подотчетных периодов» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 79. Л. 28]. Кроме того, в штат архива была принята Е. И. Власова.

Отпуск 1936 г. (июль — август) С. А. Дубинский планировал провести в экспедиции Государственного музея этнографии в Западной области и даже собирался взять «Открытый лист» на исследования, однако обнаружить документы, подтверждающие его участие в этих работах, не удалось. Известно только, что в конце отпуска он провел какое-то время у родственников в Бежецке, опоздав с возвращением к служебным обязанностям на двое суток из-за болезни [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 27–29].

В начале 1937 г. С. А. Дубинский вновь составил программу деятельности архива на год, причем к тому времени под его руководством объединились рукописный и фотоархив. 10 февраля 1937 г. он представил подробный план для рукописной части, рассчитанный на постоянную работу двух сотрудников, и подготовил предварительную смету на приобретение картонных папок, карточек и других необходимых материалов. Штатным специалистам предписывалось отработать 520 чел.-дн., также к работам архива предполагалось привлечь дополнительных сотрудников на условиях сдельной оплаты. Среди видов работ перечислялись ремонт и реставрация дел, составление каталогов и указателей, заказ картонных папок и карточек [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 79. Л. 30–31]. Дирекция ГАИМК одобрила выделение средств на нужды архива, и в конце февраля ученый секретарь запросил у С. А. Дубинского подробный расчет средств, необходимых на ремонт дел и заказ архивных папок на 1937 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 79. Л. 35].

Руководство академии было вполне довольно работой С. А. Дубинского. Весной 1937 г. его представили к званию старшего научного сотрудника. 13 апреля М. И. Артамонов написал ему самую положительную характеристику, подытожив, что «...право Дубинского на звание старшего научного сотрудника совершенно бесспорно» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 31, 31 об., 32]. Инициатива была полностью поддержана специальной комиссией: «Дубинский, С. А. — беспартийный. Сын священника. Окончил дореволюционную школу и университет. В 1930 г. был арестован в связи с делом белорусской организации нац[ионал]-демократов, но вскоре освобожден. В ГАИМК работает с 1934 г. (с перерывом в 1935 г.). В настоящее время работает в качестве заведующего архивом академии, хороший архивист. Принимал участие в археологических экспедициях. Имеет большие знания по археологической библиографии. В общественной жизни академии принимает слабое участие. — Треугольник поддерживает предложение Академии о предоставлении Дубинскому С. А. звания старшего научного сотрудника» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 6. Д. 4. Л. 24].

В мае 1937 г. С. А. Дубинский был утвержден в состав Владимиро-Суздальской экспедиции под руководством Н. Н. Воронина. Экспедицию планировалось провести с 1 июля до 1 августа; в ее задачи входили продолжение работ 1936 г. в детинце Владимира, вскрытие стены и окончание раскопа ворот, разведки около Дмитровского собора и в Боголюбове. С. А. Дубинского назначили старшим научным сотрудником экспедиции [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1: 1937. Д. 76. Л. 123–124], но он не смог принять в ней участие.

Ученый был арестован 17 июня 1937 г. [Аляксандр Мікалаевіч Ляўданскі... 2025, с. 306], хотя в списке арестованных научных сотрудников ГАИМК за 1937 г. указано, что арест произошел 19 августа [РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 6. Д. 3. Л. 3]. Июньская дата косвенно подтверждается распоряжением по ГАИМК от 26 июня 1937 г. о его исключении из состава Владимиро-Суздальской экспедиции и назначении вместо него другого сотрудника [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192. Л. 34], а также записями в «Краткой объяснительной записке к отчету о работе рукописного архива за 1937 г.», составленной новой заведующей архивом ГАИМК Т. Н. Барсуковой: «С VII заведующий Дубинский снят с работы», «с /VII по /IX м-цы работала одна сотрудница-архивист» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 79. Л. 33, 38].

В 1936–1937 гг. в Ленинграде происходили массовые аресты по делу «Террористической организации ГАИМК» [Застрожнова, Медведева, Поникаровская, 2024], но арест С. А. Дубинского не был связан с его деятельностью в академии. Исследователя привлекли по делу его белорусских коллег [Кошман, Мяцельскі, 2025]. Сразу же после ареста он был этапирован в Минск, что объясняет отсутствие дела С. А. Дубинского в архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и подтверждается передачей его личных документов (паспорт и профсоюзный билет) в конце 1990-х в Национальный музей истории и культуры Беларуси из архива КГБ РБ (НИМРБ. КП 43596/3; НИМРБ.

КП 43596/2²). 27 августа 1937 г. С. А. Дубинский вместе с другими представителями белорусской археологии был расстрелян по обвинению в шпионско-разведывательной деятельности для Польши [Кошман, Мяцельскі, 2025, с. 178].

С. А. Дубинский попал в ГАИМК в самый сложный период истории учреждения перед его ликвидацией. Устроившись в архив, он, казалось, нашел свое спасение в архивной размеренной работе и академической жизни Ленинграда. С. А. Дубинский стремился хорошо и качественно выполнять свои обязанности, а его начинания в архиве ГАИМК можно считать довольно прогрессивными. Во многих архивных делах, оформленных в 1935–1937 гг., можно встретить его заверительные подписи. Столкнувшись с репрессивными механизмами на предыдущем месте работы, исследователь избегал чрезмерной общественной активности, но его трагическая судьба уже была предопределена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аляксандр Мікалаевіч Ляўданскі. Лёс і навуковая спадчына (да 130-годдзя з дня нараджэння) / склад. В. І. Кошман, А. У. Вайтовіч, Э. А. Ляшкевіч [і інш.] ; навук. рэд. В. І. Кошман. Мінск, 2025.
- Асоба і помнік. Беларуская археалогія у фотаздымках 1920–1930-х гг. Мінск, 2021.
- Белова Н. А., Медведева М. В. Архив Академии истории материальной культуры в 1920–1930-е годы и документальные собрания археологических учреждений двух столиц // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 5. М., 2019. С. 46–65.
- Длужневская Г. В. Из истории формирования фонда фотоархива Института истории материальной культуры РАН // Археологические вести. Вып. 4. СПб., 1996. С. 298–303.
- Длужневская Г. В. Фотография — память народов. Материалы фотоархива Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург) // Культурное наследие Российского государства. СПб., 1998. С. 99–118.
- Длужневская Г. В. Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН // Археологические вести. Вып. 10. СПб., 2003. С. 349–360.
- Длужневская Г. В. Научный архив ИИМК РАН: история архива и хранители «вечности» // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 292–317.
- Застрожнова Е. Г., Медведева М. В., Поникаровская М. В. Следственное дело ГАИМК (1936–1937): предпосылки, формирование, итоги // Российская археология. 2024. № 3. С. 171–182.
- Кошман В. І, Мяцельскі А. А. Трагедыя вучонага: арышт і справа А. М. Ляўданскага (май — жнівень 1937 г.) // Аляксандр Мікалаевіч Ляўданскі. Лёс і навуковая спадчына (да 130-годдзя з дня нараджэння) / склад. В. І. Кошман, А. У. Вайтовіч, Э. А. Ляшкевіч [і інш.] ; навук. рэд. В. І. Кошман. Мінск, 2025. С. 167–182.

² Под указанным шифром хранится профсоюзный билет С. А. Дубинского.

- Медведева М. В., Соболев В. Ю. Раскопки у дер. М. Удрай в 1910 году: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А. А. Спицына // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 26 : Материалы научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности. Новгород, 2012. С. 396–414.
- Медведева М. В., Соболев В. Ю. Раскопки у д. Замошье в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А. А. Спицына // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.). М. ; Псков, 2013. С. 346–358.
- Мусин А. Е., Медведева М. В., Длужневская Г. В., Белова Н. А. История формирования архива Императорской археологической комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы : коллективная монография : в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1 / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. СПб., 2019. С. 29–40.
- Семенов С. А. Из Петербурга в Ленинград. Вехи профессионального пути археолога С. А. Дубинского // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). № 8. СПб., 2018. С. 241–247.
- Семянчук Г. Н. Пасьляслоуе // С. А. Дубінскі. Бібліографія па археолёгіі Беларусі і сумежных краін. Спадчына археолага. Беласток, 2010.
- Чубур А. А. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Минск, 2009. (Люди белорусской науки).

А. А. Галушкин, Т. С. Ткаченко
Санкт-Петербург

Обеспечение сохранности архивных фондов и основные принципы их реставрации

В статье рассмотрены общие правила хранения, консервации и реставрации музейных, архивных и библиотечных фондов, а также специфические особенности, касающиеся хранения, обследования и реставрации архивных документов. Отмечено, что разнообразие архивных материалов ограничивает применение массовых механизированных методов дезинфекции и реставрации. Консервационные обработки, включая реставрационные мероприятия, как правило, проводятся ручными классическими методами.

Ключевые слова: консервация, реставрация, памятник, документ, обследование, сохранность, кодекс, этика, научный подход, воссоздание.

A. A. Galushkin, T. S. Tkachenko
St. Petersburg

Preservation of Archival Holdings and the Basic Principles of Their Restoration

The article discusses the general rules for the storage, conservation and restoration of museum, archive and library holdings, as well as specific features related to the storage, examination and restoration of archival documents. It is noted that the variety of archival materials limits the use of mass mechanized disinfection and restoration methods. Conservation treatments, including restoration measures, are usually carried out using manual classical methods.

Keywords: conservation, restoration, monument, document, examination, preservation, code, ethics, scientific approach, reconstruction.

Одной из основных задач архива является обеспечение сохранности документальных фондов, хранящихся в них документов от целого ряда факторов, влияющих на старение материальной основы памятника истории и культуры: климатических, биологических, химических, а также от механического и светового воздействия [Лелеков, 1986; 1989].

Существуют общие правила хранения, консервации и реставрации музейных, архивных и библиотечных фондов.

1. Хранение документов на бумажном носителе, включая фотодокументы, должно осуществляться при соблюдении рекомендованных климатических норм: температура 18–20° С, относительная влажность воздуха 45–55%. Хранение фотодокументов на пленочном или стеклянном носителе (негативов) должно осуществляться при температуре 11–14° С, относительной влажности воздуха 50–65% [Брегман, 2002].
2. Проведение периодического обследования хранилищ на предмет их запыленности и наличия в воздухе и на поверхностях полок стеллажей, коробов и папок спор бумагоразрушающих грибов [ГОСТ 7.50-2002].
3. Научно-реставрационные работы на памятнике представляют собой комплекс мероприятий, которые зависят от состояния сохранности материальной основы документа, средств записи (изображения), биологических и механических повреждений, объема и характера предыдущих реставрационных вмешательств [Зверев, 1999]. Комплексные научные исследования включают [Свод реставрационных правил... 2009]:
 - визуальный осмотр и определение характера и степени повреждения;
 - проведение химических, физических, рентгенографических исследований;
 - определение наличия или отсутствия биологического поражения.
4. Аналитическая обработка собранных данных.
5. Составление методики реставрационных мероприятий на основании проведенных исследований, составление научно-реставрационной документации.
6. Проведение (при необходимости) заседаний Реставрационно-методического совета для выбора или уточнения методик и технологии проведения консервационно-реставрационных мероприятий.
7. Документирование основных реставрационных мероприятий, включая фотофиксацию до, в процессе и после проведения реставрационных работ с масштабной и цветовой шкалой.
8. Проведение консервационно-реставрационных работ по выбранной в результате предварительных анализов при осуществлении НИР методике.
9. Паспортизация работ с подробным описанием проведенных консервационно-реставрационных мероприятий и кадрами документирующей съемки.

В то же время имеются специфичные особенности, которые относятся именно к архивам и касаются работы с архивным документальным фондом, что вносит свои коррективы в вопросы хранения и реставрации. Основная особенность документальных материалов, хранящихся в архивах, заключается в том, что, как правило, это смешанное хранение, включающее в себя материалы разного времени создания, на различном носителе, различного формата, с различными средствами письма и нанесения изображений, в т. ч. рисунки, фотодокументы и книги. В одном фонде, даже в одном деле, могут быть документы различного характера и происхождения, в разной степени физической сохранности. Поэтому проведение общепринятого в библиотеках выборочного комплексного обследования фондов на предмет выявления расчетными методами доли документального фонда в хранилище, нуждающегося в срочной или плановой реставрации, некорректно и имеет очень высокую степень погрешности. Учитывая смешанное хранение документов в архивах, обследование должно проводиться методом сплошной проверки (полистно). Только так можно получить объективную картину физического состояния фондов и выявить документы, для которых могут оказаться необходимыми срочная или плановая реставрация, дезинфекция, выявление угасающих изображений, замена папок, обложек, листов использования и т. п.

Необходимо также отметить, что разнообразие архивных материалов ограничивает применение массовых механизированных методов дезинфекции и реставрации. Консервационные обработки, включая реставрационные мероприятия, как правило, проводятся ручными классическими методами [Галышевич, Сизов, 1999].

Современная реставрация архивных фондов, как и вообще любых движимых и недвижимых памятников материальной культуры, видит одной из своих главных задач их восстановление в состоянии, наиболее близком к первоначальному; при этом реставрированный объект не должен обновляться до такой степени, чтобы восприниматься как новодел.

Именно такой подход к реставрируемым памятникам истории и культуры заложил основы современной теории консервации, предполагающей максимально бережное отношение к «патине» времени и различным историческим наслоениям, отражающим бытование объекта реставрации, каждый этап которого признается ценным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров Ю. Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия : дис. ... д-ра иск-ведения. СПб., 1997.
- Брегман Н. Г. Фотодокументация как часть информационной базы в реставрации живописи // Исследования в реставрации : материалы Международной научно-методической конференции (Москва, 4–6 декабря 2001 года). М., 2002. С. 20–25.

- Галышевич А. А., Сизов Б. Т. Концепция образовательной программы «Консервация и реставрация памятников материальной культуры» // Теоретические и естественно-научные основы реставрации и сохранения музейных фондов : материалы конференции (4–6 августа 1999 г., Ферапонтово). М., 1999. С. 124–130. ГОСТ 7.50-2002 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Консервация документов. Общие требования».
- Зверев В. В. От поновления к научной реставрации. М., 1999.
- Лелеков Л. А. Проблемы теории и методологии реставрации. М., 1986. (Реставрация памятников истории и культуры ; вып. 2).
- Лелеков Л. А. Теоретические проблемы современной реставрационной науки // Художественное наследие : сб. науч. трудов. М., 1989. С. 34–38.
- Свод реставрационных правил СРП-2007 «Рекомендации по проведению научно-исследовательских, изыскательских, проектных и производственных работ, направленных на сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» (2-я редакция) (рассмотрен и рекомендован к применению циркулярным письмом Министерства культуры РФ от 13 ноября 2009 г. № 7747–01–39/05-АБ). [Электронный ресурс]. URL: <https://files.stroyinf.ru/Data1/58/58906/index.htm> (дата обращения: 01.07.2025).

Н. В. Чернова
Санкт-Петербург

Этические аспекты сохранения памятника как исторического источника

В статье представлена концепция этических норм при реставрации архивных библиотечных материалов в целях сохранения их как исторического источника.

Ключевые слова: этика, реставрация, исторический источник.

N. V. Chernova
St. Petersburg

Ethical Aspects of Preserving a Monument as a Historical Source

The article presents the concept of ethical standards in the restoration of archival library materials in order to preserve them as a historical source.

Keywords: ethics, restoration, historical source.

Существует множество определений, что такое исторический источник. «Материалы, по которым мы можем изучать прошлое человеческого общества, называются историческими источниками», — такое определение дал Г. П. Саар [Саар, 1930, с. 12]. Некоторым источникам требуется консервация или реставрация.

Порой можно слышать мнение, что если памятник прошел реставрацию, то после этого можно уже не заниматься историческими исследованиями на его основе. Но памятники сохраняют именно для того, чтобы их исследовать. Современные технологии дают хорошие результаты при исторических изысканиях, а лет через двадцать возможности новой техники будут еще выше. Поэтому самая главная задача хранителя и реставратора — сохранить памятник как исторический источник.

При поступлении в реставрацию архивных, библиотечных памятников реставратор не всегда получает историческую справку либо строгий наказ

хранителя, который полагает, будто реставратор и так знает, что и как делать. Да, реставратор чаще действует по инструкции или разработанным методикам, но историю памятника и его бытование он знает не всегда.

Например, бывают письма с проколами от креплений; такие бумаги проходили санитарную обработку в зонах заражения инфекционными болезнями, и если хранитель не укажет этого момента, то реставратор, естественно, заклеит дырочку. Встречаются восковые пятна в церковных книгах, их ставили служители церкви в качестве пометок, а реставратор при механической очистке памятника должен убрать воск с бумаги, т. к. воск разрушает бумажную основу документа. Если хранитель не обращает на это внимания, то так и происходит.

Первое и наиглавнейшее действие хранителя во время сдачи архивных и библиотечных объектов в реставрацию — обсуждение исторических и художественных ценностей памятника с реставратором. Современная научная реставрация развивается на основе изучения материалов и технологии создания объекта, причин и видов его разрушений и привнесенных искажений, глубокого изучения истории искусства и материальной культуры. Но непосредственный контакт художника-реставратора с хранителем-историком играет главную роль в сохранении памятника как исторического источника.

В становлении принципов реставрации в России сыграла наибольшую роль Императорская археологическая комиссия в Санкт-Петербурге (1859–1917; в 1918–1919 гг. — Российская археологическая комиссия). Задачами организации являлись изучение, реставрация и сохранение памятников древности. Проводилась работа по прекращению церковной реставрации (поновления). В 1877 г. Синод издал указ, запрещающий перестройку, ремонт и реставрацию церковной архитектуры, стенописей, икон без согласования с Археологическим обществом. В 1889 г. по императорскому указу Археологическая комиссия получила исключительное право на раскопки и реставрацию в России [Рославский, 2015].

Во второй половине XIX в. начинают применять технико-технологические методики в реставрационной деятельности (химические лаборатории, фотофиксация, создание копий для музеев в провинциях и т. п.). В 1934 г. создается Лаборатория консервации и реставрации документов (ЛКРД) Академии наук СССР, которую с момента своего основания и до начала войны возглавлял Н. П. Тихонов. М. В. Фармаковский в своем труде «Консервация и реставрация музейных коллекций» [Фармаковский, 1947, с. 103] указывал, что идейно эта лаборатория должна быть связана с именем академика Н. Я. Марра. Будучи директором Публичной библиотеки в Ленинграде, Н. Я. Марр предложил в 1925 г. Институту археологической технологии обследовать фонды библиотеки, выяснить причины различных ненормальных явлений, наблюдавшихся там, и изыскать средства по их устранению. Институт образовал комиссию из специалистов по технологии бумаги,

энтомологов, микологов и др. В состав комиссии был введен и Н. П. Тихонов — как один из работников института, занимавшихся вопросами бумаги. В дальнейшем работа по консервации книжного фонда в библиотеке превратилась в постоянную, а Н. П. Тихонов стал ее бессменным представителем от института. В 1934 г. он перенес работу в Библиотеку Академии наук СССР и основал там специальную лабораторию.

Благодаря специалистам ЛКРД дело консервации и реставрации бумажного материала получило научную базу и государственную организацию в СССР. С самого начала проблему сохранности документов в ЛКРД решали двумя путями: исследовательским и практическим. Как показал опыт, путь сочетания научно-прикладных разработок и практической реставрации оказался жизненным и плодотворным. С одной стороны, ставили и решали теоретические вопросы, рождаемые всей практикой хранения документов, а с другой, благодаря научно обоснованным технологическим приемам консервации и реставрации, — спасали и возвращали в научный оборот документы бесценных фондов научных учреждений, в первую очередь академических.

Сегодня реставрация понимается как наука, призванная прежде всего сохранить подлинность объекта. Современные реставраторы исходят из принципа, что консервационное вмешательство должно иметь свои пределы. Наука не стоит на месте, и сегодня в арсенале реставратора новые технологии, которые позволяют избежать вмешательства в структуру бумаги и при этом придать ей вид, близкий к первоначальному.

Как положительный пример можно вспомнить совместную с Н. А. Павличенко деятельность по сохранению коллекции эстампажей СПбФ АРАН. Коллекция эстампажей поступила в СПбФ АРАН в 1930 г. из расформированной после смерти Ф. И. Успенского Византийской комиссии, куда они были переданы после возвращения имущества Русского археологического института в Константинополе (РАИК) вместе с другими научными материалами РАИК. В коллекцию входят эстампажи и прорисовки надписей, а также эстампажи икон и элементов архитектурного декора, датирующиеся с I в. до н. э. по 1342 г., на греческом, латинском и арабском языках. Директор ЛКРД Н. П. Тихонов, специалист в области археологической и фотографической технологии, продолжительное время являлся сотрудником Государственной академии истории материальной культуры, поэтому первое время лаборатория территориально находилась на территории структурного подразделения ГАИМК — Института исторической технологии, который Н. П. Тихонов возглавлял в 1932–1934 гг. В ГАИМК с 1931 г. находилось более 4500 эстампажей, переданных туда из Ленинградского института философии, лингвистики и истории [Чернова, 2019, с. 347–366].

Очевидно, что сотрудники лаборатории стремились выработать методики хранения и реставрации эстампажей. Об этом свидетельствует, в частности, перевод американской статьи «Химическое сохранение эстампажей» [Caley,

Meritt, 1940]. Он был заказан Н. П. Тихоновым в довоенном 1940 г. и сохранился в библиотеке лаборатории. После гибели Н. П. Тихонова во время блокады Ленинграда в 1942 г. работа лаборатории была приостановлена. После войны ее восстановили на территории Библиотеки Академии наук СССР. Работа же по реставрации и выработке методики хранения эстампажей возобновилась только более полувека спустя.

В 2017 г. в СПбФ АРАН были атрибутированы и описаны Н. А. Павличенко около 70 бумажных эстампажей. Этот вид копирования активно применяется всеми учеными, изучавшими различные надписи — как античные, так и древнерусские и восточные, поскольку эстампажи не только сохраняют очертания букв, вырезанных на камне, но и точно воспроизводят размер, контуры и расположение надписей. Как правило, эстампажи снимаются в момент находки надписи, и поэтому они отражают наилучшую степень сохранности памятника. Наряду с фотографиями они являются необходимым пособием для проведения исследований в эпиграфических изысканиях.

В связи со спецификой изготовления эстампажей структура бумаги меняется; некоторые из оттисков имеют разрывы на краях букв, возникшие при их изготовлении. В результате длительного хранения эстампажи разрушаются еще больше: разрывы на бумаге увеличиваются, и возникают утраты основы и букв. Также снижается механическая прочность материала-основы. По этой причине рельеф букв изменяется, а тонкие детали или даже хорошо видимый текст могут стереться, также появляются изломы по сгибам бумажной основы. Крупноформатные эстампажи в процессе бытования рвутся и ветшают [Caley, Meritt, 1940]. Некоторые эстампажи требуют реставрации, т. к. их невозможно прочитать из-за того, что они помяты и их бумага-основа ветхая. После продолжительных исследований в ЛКРД была разработана методика реставрации эстампажей, и их коллекция была сохранена и введена в научный оборот [Тункина и др., 2020; Bondar, 2022; Balakhvantsev etc., 2022; Адаксин и др., 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаксин М. К., Балахванцев А. С., Бондарь Л. Д., Виноградов А. Ю., Коган Л. Е., Лявданский А. К., Павличенко Н. А., Поникаровская М. В., Тункина И. В., Чернова Н. В. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // История письма от Античности до Нового времени: Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / сост. В. Г. Вовина-Лебедева ; отв. ред. А. В. Си-ренев. М. ; СПб, 2022. С. 101–126.
- Иосифовский В. М. Москва — Петроград. Два центра отечественной реставрации. М., 2015.
- Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930.

- Тункина И. В., Бондарь Л. Д., Поникаровская М. В., Павличенко Н. А., Чернова Н. В. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: Научная реставрация, комплексное изучение, создание высокоточных цифровых 3D-моделей // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2020. № 4 (28). С. 194–203.
- Фармаковский М. В. Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947.
- Чернова Н. В. Разработка методики реставрации бумажных эстампажей // Архивный поиск. Вып. 1. М., 2019. С. 358–379.
- Balakhvantsev A. S., Kogan L. E., Lyavdansky A. K., Tunkina I. V. An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople // Вестник древней истории. 2022. № 4 (82). P. 911–940.
- Bondar L. Three-Dimensional Copy of a Three-Dimensional Copy: Database of Estampages of Proto-Bulgarian Inscriptions // Challenges and Solutions in the Digital Economy and Finance / ed. by A. Rumyantseva, V. Plotnikov, A. Minin, H. Anyigba. London ; Berlin ; New York, 2022. (Springer Proceedings in Business and Economics). P. 257–265.
- Caley E. R., Meritt B. D. Chemical Preservation of Squeezes // Journal of Documentary Reproduction. 1940. Vol. 3, № 3. P. 204–205.

ИСТОРИЯ НАУКИ

DOI 10.25990/archiveras.tunkina.q8qc-nq21

В. А. Горонcharовский

Санкт-Петербург

Еще раз о римско-боспорском конflikте 40-х гг. I в. н. э.*

В статье рассматриваются события в Боспорском царстве (известные по описанию Тацита и Диона Кассия), которые происходили при царе Митридате VIII в 39–49 гг. н. э. Автор дополняет сведения о Боспорской войне времени правления императора Клавдия, основываясь на последних археологических открытиях и новой интерпретации письменных источников.

Ключевые слова: Боспорское царство, Митридат VIII, Боспорская война 45–49 гг. н. э.

V. A. Goroncharovsky

St. Petersburg

Once More on the Roman-Bosporan Conflict of the 40s of the 1st Century AD

The article deals with the events in the Bosporan Kingdom (known from a description by Tacitus and Cassius Dio), which took place under King Mithradates VIII in 39–49 AD. The author adds information about the Bosporan War during the reign of Emperor Claudius on the basis of recent archaeological discoveries and a new interpretation of written sources.

Keywords: Bosporan Kingdom, Mithradates VIII, Bosporan war 45–49 AD.

События, связанные с обострением боспоро-римских отношений в 40-е гг. I в. н. э., существенно повлияли на военно-политическую ситуацию в Северо-Восточном Причерноморье и в силу этого неоднократно привлекали внимание историков и археологов [см., напр.: Латышев, 1909, с. 108–109;

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественно-научным данным» (FMZF-2025–0010).

Гайдукевич, 1949, с. 326–328; Каллистов, 1952, с. 228; Щукин, 1994, с. 205–206; Зубарь, 1998, с. 31–35; Сапрыкин, 2002, с. 243–259]. Этой теме была посвящена и наша статья [Горончаровский, 2003, с. 161–170], со времени публикации которой прошло уже больше двадцати лет. Появившаяся с тех пор археологическая информация, как и дополнительные соображения по данному поводу, позволяют на новом уровне знаний рассмотреть ряд затронутых ранее вопросов.

Как известно, боспорский царь Аспург (6/7–37/38 гг. н. э.)¹ ушел из жизни в сложный момент смены власти в Риме, когда после смерти императора Тиберия она досталась Калигуле. Сложившаяся практика в данном случае требовала обновления договора о дружбе (*amicitia*) и подтверждения полномочий очередного претендента [Надэль, 1948, с. 212; Сапрыкин, 2002, с. 161; Braund, 1984, p. 106]. Решение этого вопроса затянулось, несмотря на то, что преемственность боспорской династии была вполне обеспечена наличием у Аспурга двух сыновей — Митридата и Котиса. Тем не менее, судя по данным нумизматики, контроль над царством, по крайней мере на полтора года, перешел к жене Аспурга, представительнице фракийского царского дома Гепеирии. Традиционно считается, что Митридат и Котис являлись ее детьми, но имя «Гепеирия» известно только по монетам. В сохранившем Петром Патрикием (VI в.) сообщении Диона Кассия говорится о том, что «Митридат... поднял мятеж и стал готовиться к войне с римлянами. Но его мать выступила против этого решения и после того, как не сумела его переубедить, решила бежать»² [Dio Cass. LX. 28.7]. Если допустить ошибку средневекового переписчика³ с заменой *μητρία* («мачеха») на *μήτηρ*, то причина таких разногласий становится понятной. Скорее всего, недолгое правление Гепеирии стало возможным по причине отсутствия молодого Митридата на родине. Ничего удивительного в этом нет: многие вассальные правители государств на окраинах империи, демонстрируя ей свою верность, отправляли наследников к императорскому двору фактически в качестве заложников, чтобы те с ранних лет привыкали к римским порядкам [Braund, 1984, p. 23]. Уже Август «многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими» [Suet. Aug. 48]. Обычно они пользовались полной свободой передвижения, посещали римские школы, общались с представителями знати. Все это делалось в расчете на то, что в дальнейшем такие люди станут преданно защищать интересы Рима. Поскольку среди совоспитанников Калигулы упоминаются будущие цари припонтских стран Реметалк III, Котис IV и Полемон II [Орешни-

¹ О дискуссии относительно начала правления Аспурга см.: Завойкина и др., 2018 С. 680–692.

² Пер. под ред. А. В. Махлаюка [Кассий Дион Коккеян, 2014, с. 530].

³ Этот отрывок из «Истории» Петра Патрикия сохранился в компиляции «*Excerpta de Legationibus*», составленной в середине X в. по распоряжению императора Константина Багрянородного.

⁴ Второй женой Аспурга считает фракийскую царевну Гипеирию и А. В. Махлаюк [Кассий Дион Коккеян, 2014, с. 530, примеч. 239].

ков, 1921, с. 3], не исключено, что в их числе оказался и молодой Митридат Боспорский⁵. Во всяком случае, на особый характер его отношений с Калигулой (полное имя — Гай Юлий Цезарь Август Германик)⁶ может указывать такой элемент титулатуры, как *φιλοεργα(vi)κου*⁷. Ни до, ни после этого имя правящего императора в титулатуре боспорских царей не использовалось. Впрочем, такой эпитет вполне соответствует также имени императора Клавдия (полностью — Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик), который подтвердил права Митридата на престол [Dio Cass. LX. 8.2]. Отправленное позднее в Рим посольство, которое возглавил младший брат царя, вероятно, должно было выразить признательность правителя Боспора за оказанные благодеяния и подтвердить его лояльность. Котис использовал эту поездку в своих интересах. Очевидно, его подтолкнула к такому решению оппозиция политике Митридата во главе с Гепепирией. Насколько серьезными были обвинения в подготовке войны с Римом, трудно сказать. При всей известной подозрительности Клавдия [Suet. Claud. 37], резко реагировавшего на действия вассальных правителей в отношении накопления оружия или усиления крепостных стен [ср.: Fl. Ios. Ant. Jud. XVIII. 7. 2; XIX. 7. 2], это вполне могло вызвать конфликт, приведший к войне. Видимо, Митридат VIII, носивший имя великого противника Рима, с самого начала сделал главную ставку на неограниченные воинские ресурсы соседних варварских племен. Несомненно, уже тогда среди союзников мятежного царя находилось могущественное сарматское племя сираков на восточных границах государства. Все это вполне согласуется с историческим опытом, накопленным его предшественниками.

Вряд ли ответные действия Рима последовали сразу, поскольку трудно представить, чтобы какая-то крупная внешнеполитическая акция началась одновременно с вторжением римских легионов в Британию в 43 г. н. э. Только два года спустя поход на Боспор для утверждения там проримски настроенного Котиса возглавил Авл Дидий Галл, ставший в 44 г. н. э. наместником провинции Мёзия [ILS. 970]. В результате предпринятых им военных действий Митридат был вынужден покинуть столицу, а римский ставленник Котис получил боспорский трон и начал чеканку золотых статеров, самые ранние из которых датируются 45/46 г. н. э. [Анохин, 1986, с. 151].

Так завершился первый этап Боспорской войны. Очевидно, Авл Дидий Галл посчитал свою основную задачу выполненной и оставил для продолжения военных действий на Боспоре несколько когорт под командованием Гая

⁵ Далее он будет именоваться Митридатом VIII.

⁶ На медных боспорских монетах имя императора представлено в форме — Гай Цезарь Германик [Фролова, 1997, с. 73].

⁷ На прошедшей 2–6 июня 2025 г. в ИИМК РАН конференции «Эпиграфика и эстампажи. От полевых исследований до музейных и архивных коллекций» Н. В. Завойкина (ИА РАН) в своем докладе «О титулатуре Митридата сына Аспурга в надписи КБН 1123» аргументированно обосновала на основе аутопсии именно такое чтение этого слова, что ранее подвергалось сомнению.

Юлия Аквилы⁸, дополненных вооруженными римским оружием отрядами боспорцев [Тас. Ann. XII. 15], а общий контроль был возложен на администрацию провинции Вифиния, перешедшей вскоре под управление императорского прокуратора.

Лакуну в письменных источниках относительно дальнейшего хода войны восполнили данные, полученные в ходе раскопок небольшой цитадели на городище Артезиан, всего в 30 км к западу от Пантикапея, которую в 46/47 г. н. э. занимали сторонники свергнутого царя. Об этом определенно свидетельствует находка уникального золотого статера Митридата VIII с соответствующей датой [Абрамзон, Винокуров, 2016, с. 713–714]. На аверсе монеты помещен портрет римского императора — как символ законно полученной в свое время царской власти, а вокруг него, как демонстративное противостояние, располагается легенда «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ». На реверсе представлена бородатая голова без диадемы — скорее всего, самого опального царя, чтобы подчеркнуть его статус изгнанника [Абрамзон, Винокуров, 2016, с. 732, рис. 2].

Из посвяtitельной надписи царя Фарнака (63–47 гг. до н. э.) и состава находок следует, что на городище Артезиан находилась царская крепость, имевшая особый статус [Винокуров, 2025, с. 52]. Возможно, она использовалась как одно из мест, где размещалась государственная казна. Для отца Фарнака, Митридата VI Евпатора, это была распространенная практика. По сообщению Страбона, он построил в восточных областях своих владений 75 укреплений, где хранил большую часть принадлежавших ему сокровищ [Strab. XII. 28]. По-видимому, Митридат VIII, потеряв столицу, удалился не на Азиатский Боспор, как считалось ранее, а в западном направлении, сделав своей опорой небольшие крепости с гарнизонами из военных поселенцев, контролировавшие дороги, ведущие к столице. Надо полагать, что при этом он имел поддержку или, по крайней мере, нейтралитет со стороны Крымской Скифии. Судя по всему, ему удалось сохранить часть своих богатств и даже без профессиональных резчиков штемпелей наладить, пусть и в ограниченном объеме, чеканку золотых монет.

Раскопки Артезиана показали, что крепость хорошо подготовилась к возможной осаде, вследствие чего ей удалось пережить первое нападение, когда оказались сожжены постройки с внешней стороны оборонительных стен [Винокуров, 2018, с. 59–65]. Полученная после этого передышка дала возможность укрепить оборону за счет постройки южного бастиона и восстановления поврежденных крепостных стен. Враг отступил лишь временно, и обстановка продолжала оставаться тревожной. Отложения мусора, перекрывшие жилой горизонт прямо по периметру оборонительной линии, говорят о том, что все

⁸ Гай Юлий Аквила был состоятельным уроженцем Амастрии, о чем можно судить по оставленной им надписи в 4 км от родного города на скале у дороги, сооруженной им на собственные средства в консульство Авла Габиния Секунда и Тита Статилия Тавра (43 г. н. э.). Там же упоминается о том, что он занимал пост префекта инженерных войск (*praefectus fabrum*) [ILS. 5883].

отходы уже не выносили, а просто сбрасывали за ее пределы. В ходе последовавшего второго штурма цитадель городища Артезиан была захвачена и сгорела вместе со всеми защитниками [Винокуров, 2018, с. 66–68]. По-видимому, это произошло не позднее сентября 47 г. н. э. Ту же участь разделили и другие крепости, расположенные в данном районе: городища Багерово-Северное, Ново-Отрадное, Маяк, Тасуново, Михайловка и др. [Абрамзон, Винокуров, 2016, с. 716].

Итак, военные действия против сторонников Митридата VIII на Европейском Боспоре, скорее всего, завершились в 47 г. н. э. Это свидетельствует о том, что на первых порах у Котиса и Аквилы было недостаточно сил для быстрой ликвидации очага сопротивления в непосредственной близости от столицы. Только потерпев здесь поражение, Митридат ушел на территорию Азиатского Боспора, где война вступила в новую фазу.

Далее, по словам Тацита, царь «блуждал по разным местам» [Тас. Ann. XII. 15], очевидно, за пределами своих бывших владений. Когда Митридату удалось привлечь на свою сторону племена на восточных границах государства, он «прогоняет царя дандариев и захватывает его престол» [Тас. Ann. XII. 15]. На волне этих успехов ему удалось вновь привлечь к антиримскому союзу царя сираков Зорсина. В 49 г. н. э. создалась ситуация, когда Котис со дня на день мог ожидать вторжения, ведь область дандариев находилась в непосредственной близости от городских центров Азиатского Боспора. В этой ситуации молодой боспорский царь и Аквила, «не рассчитывая на свои силы, <...> стали искать поддержки извне и направили послов к Евнону, правившему племенем аорсов» [Тас. Ann. XII. 15]. Таким образом, был заключен союз, обеспечивший участие в войне всадников, способных по численности и качеству вооружения противостоять коннице противника.

Вероятно, одним из участников похода 49 г. н. э. был Юлий Каллисфен, погребение которого с набором предметов наступательного и защитного вооружения было открыто в тщательно отделанном каменном склепе на территории пантикапейского некрополя в 1894 г. [Мацулевич, 1941, с. 61 сл.]. Особый статус этого человека подчеркивал обнаруженный в его погребении золотой перстень с великолепной аметистовой инталией, где император Клавдий представлен в образе Зевса [Неверов, 1976, с. 38, 109, ил. 131]. На инталии сохранилось имя ведущего придворного резчика того времени — мастера Скилакса. Здесь нельзя не упомянуть, что, согласно Плинию Старшему, во время принципата Клавдия существовало «необычное отличие для тех, кому его вольноотпущенники разрешили доступ к нему, — право носить на пальце изображение принцепса» [Plin. Hist. Nat. XXXIII. 12, 41]. Найденные в захоронении шесть стеклянных сосудов позволяют датировать его второй половиной I в. [Шаров, 2022, с. 22, рис. 29, 1–6]⁹. Возможно, Юлий Каллисфен

⁹ Попытка О. В. Шарова отнести умбон щита из склепа Каллисфена, как и все сделанные там захоронения, к середине — второй половине II в. представляется необудительной [см.: Масякин, 2018, с. 299–308].

принадлежал к боковой ветви боспорской династии Тибериев Юлиев [Мацулевич, 1941, с. 72]. Не исключено, что жена Ульпия Антимаха, начальника острова (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου), носившая редкое для Боспора имя — Каллисфения, была его дочерью [Горончаровский, 2023, с. 171]. Согласно надписи, обнаруженной в родовом склепе Ульпиев, она скончалась в 106/107 г. н. э. (КБН 697).

Когда военные действия переместились на земли сираков, наступил поворотный момент в ходе всей кампании — осада города Успе, находившегося на возвышенности, за рекой Пандой, в трех днях пути от Танаиса [Тас. Ann. XII. 16–17]. Главный город сираков, по Тациту, был окружен рвами и стенами «не из камня, а из сплетенных прутьев с насыпанной посередине землей» [Тас. Ann. XII. 16]. Несмотря на известную примитивность таких укреплений, сходу взять их не удалось, и римляне перешли к развертыванию осадных работ, где Юлий Аквила в полной мере мог проявить свои профессиональные навыки. Добившись с помощью наскоро сооруженных высоких башен господства над оборонительной стеной Успе, римские солдаты забросали ее защитников пылающими факелами и копьями. На следующий день они проникли в город с помощью осадных лестниц, и все закончилось беспощадной резней. Массовое истребление жителей города заставило сираков задуматься о том, стоит ли продолжать эту войну. В конце концов Зорсин «дал заложников и простерся ниц перед изображением Цезаря, что принесло великую славу римскому войску» [Тас. Ann. XII. 17]. Это означало, что была проведена особая процедура сдачи на милость победителей (*dedititio*), означавшая, что представители сдавшегося племени сохраняли личную свободу, но все их земли и имущество формально становились достоянием римского народа [ср.: Liv. I. 38; V. 27]. Процедура сопровождалась выдачей оружия, коленопреклонением варварского вождя перед императором или его изображением, выдачей заложников (обычно детей знати) и возвратом пленных. Еще одно обычное в такой ситуации условие — предоставление молодых воинов для зачисления во вспомогательные войска. Возможно, именно это имели в виду сираки в начале осады Успе, предлагая «победителям десять тысяч рабов» [Тас. Ann. XII. 17]. На счет того, как понимать эту фразу, существовали различные мнения: это обычные рабы [см., напр.: Гайдукевич, 1949, с. 329; Сапрыкин, 2002, с. 255]; земледельческое население страны сираков [Нефедкин, 2001, с. 204]; профессиональные воины-рабы, наподобие египетских мамлюков, поскольку такой институт существовал в кочевых обществах [Пьянков, 2015, с. 45–46]. Судя по всему, в данном контексте термин «рабы» следует воспринимать как отражение отношений «господства и подчинения, устанавливающихся в результате победы одного народа над другим» [Тохтасьев, 2013, с. 93]. Таким образом, сираки в случае пощады Успе были готовы предоставить для набора в римские вспомогательные подразделения десять тысяч воинов из числа подчиненных им племен.

Утрата поддержки сираков привела к тому, что Митридат VIII был вынужден прибегнуть к милосердию вождя аорсов Евнона, который добился от императора согласия не вести пленника в триумфальном шествии и сохранить ему жизнь [Тас. Ann. XII. 19–20]. Последняя попытка Боспора отстоять независимую от Рима позицию оказалась неудачной, но в конечном итоге способствовала проведению более взвешенной политики империи по отношению к этому вассальному государству и отказу от постоянного присутствия здесь римских войск.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // Вестник древней истории. 2016. № 3. С. 712–743.
- Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Винокуров Н. И. Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49 гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму // Древности Боспора. 2018. Т. 23. С. 56–72.
- Винокуров Н. И. Царская крепость Артезиан на стыке варварства и цивилизации // XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху Античности и Средневековья. Археология. История. Искусство : материалы научной конференции. М., 2025. С. 51–62.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. ; Л., 1949.
- Горончаровский В. А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н. э. // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 161–170.
- Горончаровский В. А. Склеп Ульпиев и представители этого рода в эпиграфике Боспора // Археологические вести. 2023. Вып. 41. С. 162–174.
- Завойкина Н. В., Новичихин А. М., Константинов В. А. Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгиппии // Вестник древней истории. 2018. № 3. С. 680–692.
- Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
- Калистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952.
- Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LIII / предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб., 2014.
- Латышев В. В. Pontika: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.
- Масякин В. В. Умбон щита из склепа Юлия Каллисфена // XIX Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации : материалы Международной научной конференции. Симферополь ; Керчь, 2018. С. 299–308.
- Мацулевич Л. А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // Советская археология. 1941. Т. 7. С. 61–80.
- Надэль Б. Боспорская надпись IosPE II, 33 // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 212–214.
- Неверов О. Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.

- Нефедкин А. К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб., 2011.
- Орешиников А. В. К нумизматике преемников Аспурга // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. 1. С. 1–8.
- Пьянков И. В. Воинские дружины састаров в Северном Причерноморье и у древних арьев // Боспорские исследования. 2015. Вып. 31. С. 45–49.
- Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Тохтаев С. Р. Graeco-Iranica из Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время : сб. науч. трудов, посвященный 65-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013. С. 93–96.
- Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (сер. I в. до н. э. — сер. IV в. н. э.). Ч. 1. М., 1997.
- Шаров О. В. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы (середина II — середина IV в. н. э.). М., 2022.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
- Braund D. Rome and the Friendly King. London, 1984.

О. Ю. Климов
Санкт-Петербург

С. И. Ковалев и рождение советской концепции эллинизма

В статье рассматриваются труды профессора С. И. Ковалева (1886–1960), в которых дается характеристика эллинизма. В 1937 г. С. И. Ковалев делал акцент на взаимодействии греческого и восточного миров, но в 1949 г. стал определять эллинизм в качестве одного из этапов рабовладельческой общественно-экономической формации. Это изменение подходов было вызвано изменением политического климата в стране, превращением исторического материализма в единственно возможную методологию в исторических исследованиях, резкой критикой самого С. И. Ковалева и его пребыванием в заключении. Идеи С. И. Ковалева, выраженные кратко, предвосхитили те концепции эллинизма, создание которых традиционно связывают с именами А. Б. Рановича и К. К. Зельина.

Ключевые слова: античная история, советская историография эллинизма, советская концепция эллинизма, профессор С. И. Ковалев.

О. Yu. Klimov
St. Petersburg

S. I. Kovalev and the Birth of the Soviet Concept of Hellenism

The article examines the works of Professor S. I. Kovalev (1886–1960), which provide a description of Hellenism. In 1937, S. I. Kovalev emphasized the interaction of the Greek and Eastern worlds, but in 1949 he began to define Hellenism as one of the stages of the slave-owning socio-economic formation. This change in approach was caused by a change in the political climate in the country, the transformation of historical materialism into the only possible methodology in historical research, harsh criticism of S. I. Kovalev himself and his imprisonment. S. I. Kovalev's ideas, briefly expressed, anticipated those concepts of Hellenism, the creation of which is traditionally associated with the names of A. B. Ranovich and K. K. Zelin.

Keywords: classical history, Soviet historiography of classical history, Soviet concept of Hellenism, Professor S. I. Kovalev.

Советская концепция эллинизма складывалась в течение нескольких десятилетий. В ходе этого процесса были выдвинуты две основные позиции, которые принято связывать с именами А. Б. Рановича и К. К. Зельина. Эти ученые предложили и сформулировали определения эллинизма, дали емкие характеристики указанного исторического феномена. В начале 50-х гг. XX в. прошла научная дискуссия, в ходе которой были обсуждены и уточнены многие аспекты эллинистической истории [Сапрыкин, 2024, с. 163–181]. В результате в отечественной историографии малозаметными стали идеи, которые высказывались до этого времени С. И. Ковалевым, но которые удивительным образом предвосхитили концептуальные положения, выраженные в дальнейшем А. Б. Рановичем, К. К. Зельиным и другими учеными. Важную роль С. И. Ковалева в выработке советской концепции эллинизма отмечали И. А. Ладынин, а также С. Б. Крих и А. А. Тарасова, но это было сделано кратко, тезисно, поэтому некоторые важные аспекты темы не были раскрыты [Ладынин, 2024, с. 63; Крих, Тарасова, 2014, с. 56–59].

В истории отечественного антиковедения С. И. Ковалеву принадлежит особое место: он явился одним из тех ученых, которые ставили советскую науку о классической древности на рельсы марксистско-ленинской методологии, сыгравшей в XX в. важную роль в развитии отечественных общественных наук. Путь С. И. Ковалева к марксистско-ленинской методологии был непростым. На начальном этапе своей научной деятельности он находился под влиянием идей Эд. Мейера, в частности теории циклического развития общества. Как и Мейер, Ковалев характеризовал античное общество в категориях, относящихся к иным эпохам истории, поэтому при оценке экономики и социального строя древности применял термины «пролетариат», «буржуазия», «феодализм» [Климов, 2022, с. 64–67, 73–75, др.; Крих, 2013, с. 79, 81–82]. В 30-е гг. XX в. С. И. Ковалев искренне принял марксистскую методологию, в частности учение об общественно-экономических формациях, стал разрабатывать историю античного мира на основе этой концепции исторического развития [Фролов, 2006, с. 468–469, 472–476; Крих, 2013, с. 79–82, 135–136]. Соответственно, изменилась вся система категорий и терминов, которыми ученый пользовался в своей научной деятельности. Для С. И. Ковалева античное общество являлось примером рабовладельческого строя. Круг научных интересов ученого был весьма широк. С. И. Ковалев исследовал главным образом вопросы римской социально-экономической истории, проблемы социальной и политической борьбы, зарождения и развития христианства. Эллинизм как историческое явление и как отдельный период античной и ближневосточной истории не вызывал у ученого большого специального интереса, но тем не менее С. И. Ковалев в своих трудах общего характера, в учебных изданиях был вынужден в большей или меньшей степени анализировать особенности эллинизма и предлагать собственную оценку этого периода. Как известно, в научном наследии С. И. Ковалева немаловажное место занимают труды, посвященные истории Александра Македонского: данной теме он посвятил первую в советской

историографии подобную книгу и серию статей [Ковалев, 1937а]. Но поскольку этот сюжет заслуживает отдельного рассмотрения, речь в статье пойдет только о трудах, посвященных эллинизму после походов Александра Македонского.

Для целей нашей статьи важно, что С. И. Ковалев явился фактически первым советским ученым, который на основе теории общественно-экономических формаций предложил системную комплексную характеристику эллинистического мира. Проблемы эллинистической истории после Александра рассматривались С. И. Ковалевым только в трудах общего характера: ученый не оставил специальных исследований, посвященных данной теме. В двухтомном труде «История античного общества» (1937) С. И. Ковалев впервые в советской историографии предпринял попытку дать определение и общую характеристику эллинизма. Через 12 лет в предисловии к русскому переводу книги В. Тарна «Эллинистическая цивилизация» ученый снова предложил читателям свое понимание эллинизма. В содержании этих двух публикаций имеется несомненное сходство, но обнаруживаются и некоторые различия, вызванные эволюцией взглядов ученого, о которых далее будет сказано. В «Истории Рима» [Ковалев, 1948б], которая вышла годом раньше перевода книги В. Тарна, С. И. Ковалев охарактеризовал внешнюю политику эллинистических государств и историю их противостояния Риму. Системного анализа эллинизма как исторического явления ученый в этом труде не представил.

Анализируя взгляды С. И. Ковалева, важно подчеркнуть, что он во многом выступал новатором и первопроходцем: известных ныне советских публикаций по эллинизму — работ А. Б. Рановича, К. К. Зельина [Ранович, 1950; Зельин, 1953; 1955; 1959] и др. — еще не было. Зарубежная наука, несмотря на немалое число трудов, посвященных конкретным историческим сюжетам, также делала только первые шаги в сторону системного теоретического осмысления эллинизма как исторического феномена. Ко второй половине 30-х гг. XX в., когда С. И. Ковалев опубликовал «Историю античного общества», были известны труды И. Г. Дройзена, трехтомный обзор политической истории эллинистических государств, написанный Б. Низе, появилась в английском издании книга В. Тарна «Эллинистическая цивилизация» [Дройзен, 1890–1893; Niese, 1893–1903; Tarn, 1927], но еще не были опубликованы фундаментальная работа М. И. Ростовцева [Rostovtzeff, 1941] и многие другие труды, ставшие классическими для исследователей эллинизма. Таким образом, С. И. Ковалев в тот период выступал в роли пионера в советской науке, в некоторой степени и в мировом антиковедении.

В 1937 г. в своем труде «История античного общества» (ч. 2: «Эллинизм. Рим») ученый начинал эллинистический период с распада империи Александра, с эпохи диадохов. Эпоху Александра ученый включил в собственно греческую историю. Географические рамки эллинистического мира С. И. Ковалев определял достаточно широко, включая в его состав Балканский полуостров, страны Ближнего Востока. Кроме того, ученый считал возможным относить к миру эллинизма Сицилию и Южную Италию. В отношении Бактрии,

Парфии и Западной Индии он высказался неопределенно: «...мы еще очень плохо знаем историю этих стран <...>» [Ковалев, 1937б, с. 4]. Такое определение географических рамок показательно: ученый в данном случае рассматривает эллинизм не только как региональное явление, но как период всей греческой и древневосточной истории. Окончание эпохи эллинизма исследователь относит к 30 г. до н. э., что по-прежнему делают многие отечественные и зарубежные ученые (во всяком случае, в сфере политической истории).

Определение сущности эллинизма, сделанное С. И. Ковалевым в 1937 г., настолько показательно, что следует привести его дословно: «В эту эпоху происходит до известной степени объединение двух исторических процессов, развивавшихся до сих пор более или менее изолированно: истории “классического” Востока и истории Эгейского бассейна. В эллинистический период было достигнуто довольно значительное экономическое, политическое и культурное объединение переднеазиатского, североафриканского и эгейского миров, объединение, подготовленное всем предыдущим развитием их. Это, в свою очередь, послужило базой для римского объединения Средиземноморья — последнего в истории древнего мира. Без эллинистических монархий, без их широких торговых связей и культурного синкретизма, без их тесных политических связей было бы невозможно образование мировой римской державы, последней стадии в развитии рабовладельческого общества Средиземноморья» [Ковалев, 1937б, с. 9].

Важно подчеркнуть, что эта центральная идея — о взаимодействии и объединении мира греческого и восточного — являлась одним из важнейших положений взглядов М. И. Ростовцева, отраженных в его классическом труде «Социальная и экономическая история эллинистического мира». В несколько иной терминологии фактически эта же идея легла в основу взглядов К. К. Зельина, которые были им выражены в статьях 50-х гг. XX в., а затем оказались восприняты И. С. Свенцицкой, Г. А. Кошеленко и рядом других ученых.

Характеризуя взаимодействие греческого и восточного миров, С. И. Ковалев сформулировал идею соединения восточной монархии и греческого полисного строя. Отметим, что это также одно из важных положений в труде М. И. Ростовцева об эллинизме, который был издан в 1941 г. Каким образом данная идея вошла в концепцию С. И. Ковалева? Первоначально она была им выражена в 1937 г., т. е. до издания М. И. Ростовцевым знаменитой «Социальной и экономической истории эллинистического мира». Возможное объяснение состоит в том, что в период с 1910 по 1915 г. С. И. Ковалев обучался на историко-филологическом факультете С.-Петербургского/Петроградского университета, где в то время преподавал М. И. Ростовцев. Известно, что до своего отъезда в эмиграцию М. И. Ростовцев вел занятия по эллинизму; сохранился текст его лекций по истории эллинизма, подготовленных в Санкт-Петербурге, как предполагал Ю. Н. Литвиненко, в 1906–1908 гг., в которых были выражены некоторые идеи, высказанные позднее С. И. Ковалевым [Литвиненко, 2003, с. 309, 311–314, 315].

Через двенадцать лет, в предисловии к переводу труда В. Тарна «Эллинистическая цивилизация», С. И. Ковалев снова предпринял попытку определить сущность эллинизма, но на этот раз в его характеристике стали звучать новые идеи. Ученый писал: «Эллинизм — не только исторический период, охватывающий около трех столетий, с конца IV до конца I века до н. э.; это не только эпоха распространения эллинской культуры далеко на восток и на запад: эллинизм — это, прежде всего, определенная стадия развития рабовладельческой социально-экономической формации. Как установлено советской исторической наукой, рабовладельческая формация проходит в своем развитии четыре этапа: древневосточный, греческий, эллинистический и римский. Каждый этап характеризуется не только определенными хронологическими и территориальными рамками, но и представляет известный шаг вперед в развитии рабовладельческого способа производства» [Ковалев, 1949г, с. 9].

Из сказанного ясно, что концепция эллинизма, которую традиционно связывают с именем А. Б. Рановича, — эллинизм как новый, более высокий по сравнению с классической Грецией этап развития рабовладельческой общественно-экономической формации, — первоначально была сформулирована С. И. Ковалевым. При этом ученый не отказывался от признания эллинизма в качестве процесса взаимодействия Греции и Востока. В его только нарождавшейся концепции эллинизма именно это взаимодействие Греции и Востока и привело рабовладельческую формацию на более высокий уровень развития.

По мнению ученого, сложность эллинизма кроется как раз в его двойственности, в том, что у него два корня — греческий и восточный: «Сложность его в том, что он образовался путем военно-колониционной экспансии греков и Македонии на Восток, в том, что эта экспансия в огромной степени активизировала социально-экономические и политические процессы, происходившие в Персии, и привела к переходу примитивно-рабовладельческой стадии к стадии более высокой» [Ковалев, 1949г, с. 11]. Далее ученый задается вопросом: «...действительно ли эллинистический период представлял более высокий этап рабовладельческой формации не только по сравнению с древним Востоком, но и по сравнению с классической Грецией?» [Там же], — и вполне определенно дает на него положительный ответ. С. И. Ковалев твердо продвигал идею, согласно которой переход к эллинизму стал прогрессивным явлением. Исходит он при этом из догматически понимаемого в историческом материализме понятия прогресса как, прежде всего, развития производительных сил. Ученый продолжает вопрошать: «...что в большей степени содействовало росту производительных сил, что открывало большие возможности для дальнейшего развития?» В данном случае он сравнивает эллинистический период с периодом классической Греции и империи Ахеменидов. Вывод С. И. Ковалева звучит весьма конкретно: «И здесь ответ может быть только один: прогрессивнее была монархия III–II веков. <...> Можно только привести еще одно соображение: эллинистическая монархия была

непосредственной предшественницей Римской империи, с одной стороны, и ряда государственных образований в Восточном Средиземноморье — с другой. Такие государства, как новоперсидская держава Сассанидов, арабский халифат и пр., были бы также немыслимы без предпосылок, заложенных в эпоху эллинизма» [Ковалев, 1949г, с. 17]. В другой части «Предисловия», формулируя этот же тезис, он писал: «Предпосылки эллинизма нужно искать как в классической Греции, так и на Востоке, в персидской державе Ахеменидов. И тут и там главной предпосылкой был рост производительных сил, поэтому переход к этой новой стадии рабовладельческой формации был прогрессивным...» [Ковалев, 1949г, с. 9–10].

Таким образом, во взглядах С. И. Ковалева на эллинизм наблюдается некоторая двойственность. В 1937 г. он констатирует в качестве главного содержания эллинистического периода соединение и взаимодействие двух миров — греческого и восточного. Позже, во введении к труду В. Тарна, появилась характеристика эллинизма как одного из четырех этапов развития рабовладельческой общественно-экономической формации. Каждый из этапов характеризуется особым уровнем развития рабства и его спецификой. Тем самым С. И. Ковалев соединяет и примиряет позиции, которые в дальнейшем стали ассоциироваться с именами А. Б. Рановича и К. К. Зельина. Более того, важно обратить внимание на то, что С. И. Ковалев опередил и А. Б. Рановича, и К. К. Зельина в выражении тех идей, которые стали составлять центральное содержание их концепций эллинизма.

Следует обратить внимание читателя также на то, что во взглядах С. И. Ковалева на эллинизм произошла заметная эволюция. В 30-е гг. XX в. он определял эллинизм в академическом духе, в соответствии с теми идеями, которые были сформулированы М. И. Ростовцевым еще в его лекциях, прочитанных в Санкт-Петербургском университете до эмиграции, а затем в классическом труде «Социальная и экономическая история эллинистического мира». На этом этапе научного творчества С. И. Ковалев не подчеркивал тесную связь своего понимания эллинизма с теорией марксизма-ленинизма. Но позже, в 1940-е гг., С. И. Ковалев положил в основу характеристики эллинизма теорию общественно-экономических формаций, определяя этот исторический феномен как новый, более высокий этап развития рабовладельческой общественно-экономической формации. Несомненно, на рубеже 1930–40-х гг. во взглядах ученого произошли заметные изменения: С. И. Ковалев твердо встал на позиции исторического материализма и с этих методологических позиций трактовал всю античную историю. Такому повороту способствовала обстановка, которая сложилась в отечественных общественных науках: прежде всего, безоговорочная победа догматического марксизма-ленинизма в качестве единственно возможной методологической основы исторического исследования. Несомненно, на позицию ученого повлияла также та жесткая и несправедливая критика, которая обрушилась в 1930-е гг. на ряд советских антиковедов, в т. ч. и на него самого. Весьма показательно, что С. И. Ковалева

в некоторых публикациях того времени определяли как ««историк» Ковалев» (в кавычках и без инициалов!) или «псевдоисторик Ковалев». О его взглядах говорилось, что он «протаскивал» буржуазные позиции или, что было еще опаснее, «идет по стопам фашистских историков» [Мишина, 1938, с. 135; Машкин, 1939, с. 78; Крих, 2013, с. 137]. С. И. Ковалев, кроме того, был подвергнут аресту и пробыл в заключении в течение нескольких месяцев. После таких испытаний подчеркнутое следование принципам исторического материализма стало для ученого вынужденным средством спасения и выживания, хотя, как известно, никому не гарантировало безопасности [Крих, 2013, с. 122, 126–1227, 135]. Не случайно в предисловии к переводу труда В. Тарна С. И. Ковалев заявил: «Научное определение эллинизма может быть дано только с позиций единственно передовой марксистско-ленинской исторической науки» [Ковалев, 1949г, с. 9]. В этом же тексте он неоднократно резко критиковал «буржуазную» науку.

Вместе с тем С. И. Ковалева невозможно считать ученым, который лишь приспособлялся к внешним обстоятельствам: его путь к историческому материализму был длительным, осозанным, основанным на увлечении революционными идеями, а также на обширных знаниях и стремлении понять логику исторического процесса. Он являлся искренним сторонником именно марксистской методологии в исторических исследованиях и демонстрировал в науке «безусловную личную честность», что неоднократно справедливо и с большим уважением к С. И. Ковалеву подчеркивал Э. Д. Фролов [Фролов, 2006, с. 468, 473–475, 490].

Итак, важнейшим нашим выводом будет утверждение о том, что в советской марксистской науке С. И. Ковалев явился первым ученым, который предпринял попытку определить эллинизм как исторический феномен и дать его системную характеристику. Идеи С. И. Ковалева не были в должной мере замечены и оценены по той причине, что он излагал свои характеристики кратко, хотя это делалось им весьма емко и содержательно. Другая причина состояла в том, что он не посвятил эллинизму специального основательного исследования, но выразил свои идеи в одном случае — на страницах общего обзорного труда по истории античного общества, который был подвергнут резкой критике за методологические и идеологические отступления в пользу «буржуазной» науки [Машкин, 1939, с. 78, 79, 83–84], а в другом случае — в форме краткого предисловия к переводу монографии В. Тарна. Появившиеся в 1950 г. монография А. Б. Рановича, а затем в последующие годы статьи К. К. Зельина и развернувшаяся в МГУ дискуссия по проблемам эллинизма сместили внимание на концепции, высказанные после С. И. Ковалева и в определенной степени опиравшиеся на его положения. Несомненно, что в настоящее время, в условиях активного интереса к отечественной историографии XX в., анализируя процесс рождения советской концепции эллинизма, надлежит воздать должное С. И. Ковалеву и отметить его немалые заслуги в становлении данной концепции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1–3. М., 1890–1893.
- Зельин К. К. Основные черты эллинизма // Вестник древней истории. 1953. № 4. С. 145–156.
- Зельин К. К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма // Советская археология. 1955. Т. 22. С. 99–108.
- Зельин К. К. О государстве в эллинистический период // Вестник древней истории. 1959. № 1. С. 147–149.
- Климов О. Ю. Эдуард Мейер: жизнь, посвященная науке // Эд. Мейер. Об истории, рабстве и экономике древних обществ. СПб., 2022. С. 7–88.
- Ковалев С. И. Македонская оппозиция в армии Александра // Известия Ленинградского университета. 1930. Т. 2. С. 148–183.
- Ковалев С. И. Александр Македонский. Л., 1937а.
- Ковалев С. И. История античного общества. Ч. 2 : Эллинизм. Рим. Л., 1937б.
- Ковалев С. И. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция // Вестник древней истории. 1946. № 3 (17). С. 46–56.
- Ковалев С. И. Заговор «пажей» // Вестник древней истории. 1948а. № 1. С. 34–42.
- Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948б.
- Ковалев С. И. Александр и Клит // Вестник древней истории. 1949а. № 3. С. 69–73.
- Ковалев С. И. Александр, Филота и Парменион // Ученые записки ЛГУ. 1949б. Сер. «История». № 112, вып. 4. С. 280–308.
- Ковалев С. И. Монархия Александра Македонского // Вестник древней истории. 1949в. № 4. С. 29–40.
- Ковалев С. И. Предисловие // В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М. ; Л., 1949г. С. 5–18.
- Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013.
- Крих С. Б., Тарасова А. А. С. И. Ковалев и «открытие» эллинизма в советской историографии // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 56–59.
- Ладынин И. А. Очерки по истории советской науки о древнем мире. М., 2024.
- Литвиненко Ю. Н. М. И. Ростовцев. Эллинизм как термин. Характерные черты эллинизма как эпохи и значение этой эпохи в истории человечества // Парфянский выстрел / под ред. Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко. М., 2003. С. 309–317.
- Машкин Н. А. Спорные вопросы истории древнего мира // Историк-марксист. 1939. № 4 (74). С. 77–84.
- Мишина З. Выступление Максимиана и позиция сената // Вестник древней истории. 1938. № 3 (4). С. 133–146.
- Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М. ; Л., 1950.
- Сапрыкин С. Ю. Научная дискуссия по проблемам эллинизма на кафедре истории древнего мира МГУ в 1953 г. // Кафедра истории древнего мира исторического факультета МГУ (1934–2024 гг.). М., 2024. С. 163–181.
- Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2006.
- Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. 1–3. Gotha, 1893–1903.
- Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1–3. Oxford, 1941.
- Tarn W. Hellenistic Civilization. London, 1927.

О. В. Кулишова
Санкт-Петербург

Русская наука об античности в курсе историографии античной истории в ЛГУ/СПбГУ

В центре внимания автора статьи находится история курса историографии античности, входящего в учебные планы исторического факультета ЛГУ/СПбГУ со времени его организации в 1934 г. Этот курс был задуман С. И. Ковалевым (1886–1960), который преподавал его в 1930–50-х гг., уделяя при этом преимущественное внимание истории зарубежного антиковедения. Разработка раздела, посвященного русской науке об античности, связана с именем Э. Д. Фролова (1933–2018), читавшего курс историографии вослед своему учителю С. И. Ковалеву в 1958–2018 гг. История науки об античности занимала важное место в научных штудиях Э. Д. Фролова, поэтому структура и содержание курса по историографии, который он читал студентам кафедры истории Древней Греции и Рима ЛГУ/СПбГУ на протяжении шести десятилетий, нашли отражение как в составленных им учебно-методических пособиях, так и в многочисленных научных публикациях.

Ключевые слова: историография античности, С. И. Ковалев, К. М. Колобова, Э. Д. Фролов, Ленинградский/Санкт-Петербургский университет.

O. V. Kulishova
St. Petersburg

Russian Science on Antiquity in the Historiography Course on Classical Antiquity at Leningrad / St. Petersburg State University

The author focuses on the history of the course on the historiography of antiquity, which has been included in the curricula of the History Faculty of Leningrad/St. Petersburg State University since its organization in 1934. This course was devised by S. I. Kovalev (1886–1960), who taught it in the 1930–50s, paying preferential attention to the history of foreign ancient studies. The development of the section dedicated to the Russian science on antiquity is associated with the name of E. D. Frolov (1933–2018), who delivered

the historiography course following his teacher S. I. Kovalev in 1958–2018. The history of the science on antiquity occupied an important place in E. D. Frolov's scholarly studies, therefore, the structure and content of the historiography course, which he taught to the students of the Department of Ancient Greece and Rome History at Leningrad/St. Petersburg State University for six decades, were reflected both in the educational and methodical manuals he compiled and in numerous scientific publications.

Keywords: historiography of classical antiquity, S. I. Kovalev, K. M. Kolobova, E. D. Frolov, Leningrad / St. Petersburg State University.

В Ленинградском/Петербургском университете курс по историографии античной истории был включен в учебные планы исторического факультета со времени его организации в 1934 г. после известного постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР об открытии исторических факультетов в МГУ и ЛГУ. Учебный курс по историографии имеет особое значение в профессиональной подготовке университетских историков; он, как правило, читается на последних курсах обучения и в определенном смысле завершает образовательную программу. О большой роли, которая отводилась занятиям по историографии в учебном плане будущих специалистов по античной истории, красноречиво свидетельствует и то обстоятельство, что разработка и преподавание данного курса были связаны с именами наиболее авторитетных ученых, в разное время возглавлявших кафедру истории Древней Греции и Рима ЛГУ/СПбГУ, — Сергея Ивановича Ковалева (1886–1960), Ксении Михайловны Колобовой (1905–1977) и Эдуарда Давидовича Фролова (1933–2018)¹.

У истоков разработки курса историографии античности на историческом факультете ЛГУ стоял С. И. Ковалев, которого в 1958 г. сменил в качестве преподавателя этого курса Э. Д. Фролов. Примечательно сделанное Э. Д. Фроловым посвящение в его самой первой книге по проблемам истории науки об античности в России: «Памяти профессора Сергея Ивановича Ковалева, зачинателя историографических занятий на кафедре античной истории ЛГУ» [Фролов, 1967, с. 5]. Э. Д. Фролов неоднократно и на лекциях по историографии, и во время своих докладов, посвященных различным проблемам истории науки об античности, подчеркивал, что курс по историографии на кафедре ЛГУ был задуман С. И. Ковалевым. С. И. Ковалев читал курс по античной историографии в 1930–50-е гг., по-видимому, с некоторыми перерывами — по крайней мере, на время ареста с 1938 по 1940 г., а также в период эвакуации

¹ С. И. Ковалев возглавлял созданную во многом его усилиями кафедру истории древнего мира (позднее — кафедру истории Древней Греции и Рима) на вновь открытом в ЛГУ историческом факультете с 1934 г., с 1956 г. кафедрой заведовала К. М. Колобова, а в 1971–2015 гг. заведующим кафедрой являлся Э. Д. Фролов.

во время войны². О содержании этого курса и о его значении для последующего преподавания данной учебной дисциплины свидетельствует весьма важный источник: в личном архиве Э. Д. Фролова среди множества других материалов хранится машинописная рукопись С. И. Ковалева «Историография античности» (288 л.)³, которая во многом и стала результатом читавшегося им учебного курса [подробнее об этой рукописи см.: Кулишова, 2025].

Общий замысел курса С. И. Ковалева раскрывается на л. 4 рукописи, где автором выделены основные этапы науки об античности. Первая часть курса имела в виду историю западноевропейской науки об античности, начиная с Византии и эпохи раннего Средневековья на Западе до начала 40-х гг. XX в. — этот материал и составляет текст рукописи (которая имеет дополнительный подзаголовок «Часть I»). Во вторую часть, по замыслу С. И. Ковалева, должны были войти русская дореволюционная историография, наука об античности советского периода, а также разделы по зарубежной историографии 1940-х — середины 1950-х гг. Однако этих материалов рукопись, по крайней мере в том виде, в котором она нам известна, не содержит⁴; по словам Э. Д. Фролова, С. И. Ковалев «читал только историю зарубежного антиковедения»⁵, хотя отечественная наука об античности неоднократно становилась предметом его научных занятий⁶. Подчеркнем, что рукопись С. И. Ковалева «Историография античности», хотя и осталась неопубликованной, оказалась чрезвычайно востребованной в дальнейшем преподавании — она стала основой для первой части учебного курса (по зарубежной историографии античности)⁷ и во многом сохраняет свою актуальность в этом качестве до сих пор.

² С. И. Ковалев был арестован 11 июня 1938 г. по делу «Ленинградского меньшевистского центра» и освобожден после прекращения дела 26 января 1940 г., см.: Ковалев Сергей Иванович // Биография СПбГУ [Электронный ресурс]. URL.: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/111-kovalev-sergey-ivanovich.html> (дата обращения: 16.08.2025).

³ Выражаем глубокую признательность Елене Михайловне Фроловой за предоставленную возможность ознакомиться с материалами архива и текстом данной рукописи (в настоящее время начата передача личного архива Э. Д. Фролова в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН).

⁴ Э. Д. Фролов, упоминая рукопись С. И. Ковалева в своей книге, посвященной истории российского антиковедения, также замечает, что «истории русской науки об античности Ковалев в своей рукописи не касался» [Фролов, 2006, с. 7].

⁵ Интервью с Э. Д. Фроловым 19 апреля 2018 г.

⁶ С. И. Ковалев активно участвовал в теоретической работе, направленной на осмысление марксистского учения в приложении к истории древнего мира, в дискуссиях об общественно-экономических формациях и роли рабства в античности, а также неоднократно обращался в своих работах к проблеме периодизации и теоретическим аспектам изучения древней истории после 1917 г. [подробнее см.: Фролов, 2006, с. 470–475; Сворцов, 2024].

⁷ В последующем курс по историографии античности состоял из двух частей, которые назывались в учебном плане «Западноевропейская историография античной истории» и «Русская историография античной истории».

Русская наука об античности стала предметом особого внимания Э. Д. Фролова, который читал курс историографии вослед своему учителю С. И. Ковалеву в 1958–2018 гг. Именно эти занятия, наряду с источниковедческим семинаром для аспирантов, неизменно оставались за ним до самого его ухода, т. е. 60 (!) лет. Во введении к своей книге «Русская наука об античности» Эдуард Давидович, рассказывая о побудительных мотивах своих историографических штудий, замечает, что «первым толчком явилась необходимость читать вослед С. И. Ковалеву, на место которого я заступил в Ленинградском университете в 1958 г., специальный курс историографии античности» [Фролов, 2006, с. 7].

Здесь же Э. Д. Фролов рассказывает и о замысле К. М. Колобовой, которая сменила С. И. Ковалева на посту заведующего кафедрой, «представить взамен ковалевского курса <...> новую версию историографии античности в виде ряда очерков, которые должны были охватить историю антиковедных занятий как на Западе, так и в России»; при этом, по замечанию Э. Д. Фролова, «западную часть Колобова брала на себя, а русская была предоставлена мне ввиду моего уже тогда определившегося особенного интереса к истории отечественной науки. Болезнь помешала К. М. Колобовой завершить работу над первым очерком по истории западного антиковедения, где предполагалось дать обзор судеб античного наследия в эпоху Средневековья (с VI по XIII в.). Что до меня, то я с увлечением обратился к обработке своей темы» [Фролов, 2006, с. 7].

С этого времени история русской науки об античности становится одним из важнейших направлений в научных занятиях Э. Д. Фролова, на что уже неоднократно обращали внимание в юбилейных статьях, а также в статьях, посвященных памяти ученого и его научным занятиям [Климов, Кулишова, Пантелеев, 2013; Климов, Кулишова, Пантелеев, Холод, 2018; Кулишова, Карпюк, 2024 и др.]. Однако впервые, по словам Э. Д. Фролова, с историей науки и ее отдельными персонажами он столкнулся еще раньше, будучи студентом 3-го курса университета, когда К. М. Колобова отправила его в Архив АН СССР (сегодня — СПбФ АРАН) поработать с фондом А. В. Никитского, к личности и творчеству которого она в ту пору проявляла особый интерес. Эдуард Давидович отмечал, что не помнит точно, когда это было — в конце 1952-го или начале 1953 г. [Фролов, 2006, с. 516]. Обратившись к листу использования архивного дела, с которым работал Э. Д. Фролов в фонде А. В. Никитского [СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 55: Письма Ф. Ф. Соколова А. В. Никитскому 1882–1885 гг. 34 л.], мы можем определенно сказать, что это произошло в сентябре 1953 г.

Новым побудительным мотивом для систематических занятий Э. Д. Фролова историей науки стала работа над очерком об истории антиковедения и византистики в России в XIX в. для второго тома «Истории Академии наук в трех томах». В последующие годы этот интерес только укреплялся: сначала появилось специальное исследование об истории антиковедения

в России до середины XIX в. [Фролов, 1967], а затем — множество содержательных статей и обзоров, посвященных отдельным сюжетам из истории науки об античности в России в XIX–XX вв.

Результаты научной работы стали также основанием постоянного обновления содержания учебного курса, посвященного историографии античности. Укажем только на некоторые, особенно значимые, публикации Э. Д. Фролова по этой теме. Прежде всего, отметим два важных издания (оба они появились в 1980 г.), в подготовке которых Э. Д. Фролов принял участие. Первое — коллективная работа обобщающего характера «Историография античной истории» под редакцией В. И. Кузищина, для которой Э. Д. Фролов составил разделы об изучении античности в России в XIX в. [Фролов, 1980, с. 70–80, 124–138]. Для второго издания — «Die Geschichte des Altertums im Spiegel der sowjetischen Forschung» («История древности в отражении советских исследований»), инициатором, переводчиком и редактором которого был немецкий профессор Х. Хайнен, — Э. Д. Фролов написал очерк, который знакомил западное научное сообщество с изучением истории Древней Греции в СССР [Frolov, 1980; см. об этом: Кулишова, 2017, с. 481 сл.].

Науке об античности в России и фигурам выдающихся ее представителей было также посвящено множество работ Э. Д. Фролова, связанных с изучением и публикацией архивных материалов из фондов СПбФ АРАН. В частности, особо отметим совместную с Ириной Владимировной Тункиной публикацию историографических очерков С. А. Жебелёва [Тункина, Фролов, 1993].

Итогом многолетнего изучения истории антиковедения в России стала упомянутая выше книга Э. Д. Фролова «Русская наука об античности» [Фролов, 1999], второе издание которой, дополненное новыми материалами, появилось в 2006 г. [Фролов, 2006]. Книга состоит из трех частей: в первой представлены накопление знаний о греко-римском мире и развитие занятий античностью в России до середины XIX в., во второй подробно разбираются основные направления в русской науке об античности в период ее расцвета (во второй половине XIX — начале XX в.), в третьей рассматривается история антиковедения в советский период. Размышляя над историей антиковедения в России от самых его первых шагов в допетровской Руси до начала XXI в., Э. Д. Фролов привлекает и активно использует огромное количество материала: научные труды десятков ученых, которые упоминаются в книге, мемуары, множество архивных свидетельств и др.; данную работу отличают не только богатство представленного материала и поистине энциклопедические знания автора, но и прекрасный литературный язык и манера изложения. Этот труд Э. Д. Фролова до настоящего времени остается важнейшим пособием и основой второй — посвященной истории науки об античности в России — части курса по историографии.

Разделы читавшегося Э. Д. Фроловым учебного курса по историографии в части российского антиковедения во многом соотносятся со структурой книги «Русская наука об античности», что нашло отражение в составленных

им учебно-методических пособиях по курсу «Историография античной истории», опубликованных в 2000-е гг. [Фролов, 2002б; 2009]:

1. Русское общество и античность в допетровское время (XI–XVII вв.).

Исторические корни античной традиции на Руси.

Сведения об античном мире в древней и средневековой Руси XI–XV вв.

Рост знаний об античном мире в Московском государстве XVI–XVII вв.

2. Начало изучения античности в России (XVIII в.).

Петровские преобразования и приобщение русского общества к традициям западноевропейского классицизма.

Академические и университетские занятия античностью в середине XVIII в.

Успехи классицизма в России в екатерининское время.

3. Формирование главных направлений в русском антиковедении в XIX в.

Явление неоклассицизма в русской культуре начала XIX в.

Начало археологических изысканий в Северном Причерноморье.

Граф С. С. Уваров и его программа классицистического образования и науки.

Развитие университетского антиковедения в России в первые две трети XIX в.

Формирование главных антиковедных направлений в последней трети XIX в.

4. Расцвет русской науки об античности на рубеже XIX–XX вв. Историко-филологическое направление⁸.

Старшее поколение «соколовцев» — В. К. Ернштедт, В. В. Латышев, А. В. Никитский, Н. И. Новосадский. Младшее поколение «соколовцев» — С. А. Жебелёв, И. И. Толстой.

Культурно-историческое направление в русском антиковедении на рубеже XIX–XX вв. Его виднейшие представители — Ф. Ф. Зелинский, Э. Р. Штерн, Б. В. Варнеке, Ю. А. Кулаковский, И. В. Нетушил.

Социально-политическое направление в русском антиковедении на рубеже XIX–XX вв. Его главные представители — В. П. Бузескул и Э. Д. Гримм.

Социально-экономическое направление в русском антиковедении на рубеже XIX–XX вв. Его главные представители — И. М. Гревс, М. И. Ростовцев, М. М. Хвостов.

Археологические изыскания в Северном Причерноморье на рубеже XIX–XX вв.

⁸ В определении направлений в истории русской науки об античности в конце XIX — начале XX в. Э. Д. Фролов во многом опирался на историографические работы В. П. Бузескула. См., напр.: «Наряду с эпиграфическим направлением школы Соколова, существовало в русской историко-филологической литературе, в области изучения греческого мира, и иное направление, которое можно назвать историко-литературным и культурно-историческим» [Бузескул, 1931, с. 149].

5. Русское антиковедение в новейшее время (после 1917 г.)

Судьба антиковедения в России в первые десятилетия советской власти (1917–1945 гг.).

Русское антиковедение в новейший период (1945–2000 гг.).

Э. Д. Фролов и в своих научных занятиях, и в своем курсе по историографии античной истории обращался и к зарубежной, и к отечественной науке об античности. По его мнению, в истории русской культуры классицизм не был столь интегральным явлением, как на Западе; наука об античности в России во многом формировалась под влиянием западно-европейского антиковедения. Э. Д. Фролов неоднократно отмечал решающее значение немецкого вклада в формирование и развитие русской науки об античности и к истории немецкого антиковедения, к вопросу о его влиянии на русскую науку об античности обращался в своих историографических штудиях особенно часто [Фролов, 1980; Frolov, 2016 и др.], посвятив также специальные статьи крупнейшим немецким антиковедам — У. фон Виламовицу-Мёллендорфу [Фролов, 2002a] и Э. Мейеру [Фролов, 1995]. Среди других внешних импульсов он выделяет французское влияние (этот сюжет стал важным дополнением, сделанным автором во втором издании «Русской науки об античности») [см.: Фролов, 2006, с. 561–585]. Прекрасные очерки Э. Д. Фролова были посвящены французскому исследователю римской истории и культуры Г. Буассье [Фролов, 1993] и итальянскому историку Г. Ферреро [Фролов, 1997]. Таким образом, содержание курса по историографии было существенно дополнено и обновлено Э. Д. Фроловым и в отношении зарубежного антиковедения, однако общая структура курса С. И. Ковалева была им в основном сохранена, о чем свидетельствуют и подготовленные им учебно-методические пособия [Фролов, 2002б; 2009]⁹. Э. Д. Фроловым были восприняты и сохранены и другие важные идеи С. И. Ковалева, прежде всего его взгляд на особенности развития исторической мысли об античности. Так, примечательны слова Эдуарда Давидовича об общей идее курса по историографии: «Безусловно, главный импульс и замысел — связь антиковедения с историей общественной мысли и культуры — сформировался у меня под влиянием Сергея Ивановича Ковалева»¹⁰.

⁹ Кроме того, уже упомянутую рукопись С. И. Ковалева «Историография античности» Э. Д. Фролов первоначально приносил с собой на занятия по историографии и знакомил с этим историографическим источником студентов и аспирантов (автор настоящей статьи также была свидетелем подобной практики, когда слушала курс Э. Д. Фролова по историографии в 1986/87 уч. г.). Позднее, в начале 2000-х гг., текст рукописи был переведен в электронный формат, в нем были учтены все исправления и дополнения Э. Д. Фролова, который с этого времени использовал на занятиях данный новый вариант текста.

¹⁰ Интервью с Э. Д. Фроловым 19 апреля 2018 г.

В заключение еще раз отметим значение историографических занятий, на которое Э. Д. Фролов неоднократно указывал и в своих научных работах, и в лекциях. По его мнению, обращение к истории науки имеет не только научный, но и учебно-воспитательный смысл, поскольку помогает поддерживать преемственность научного знания, учиться на лучших образцах, а также отдавать долг памяти учителям. Как уже отмечалось, в своих работах Э. Д. Фролов постоянно подчеркивал эту преемственность и обращался к наследию предшественников — прежде всего В. П. Бузескула, С. И. Ковалёва, С. А. Жебелёва и др. Сохранить эту традицию историографических занятий кафедра истории Древней Греции и Рима Института истории СПбГУ и сейчас считает одной из главных своих задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 2. Л., 1931.
- Климов О. Ю., Кулишова О. В., Пантелеев А. Д. К 80-летию со дня рождения Эдуарда Давидовича Фролова // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 215–217.
- Климов О. Ю., Кулишова О. В., Пантелеев А. Д., Холод М. М. Выдающийся петербургский антиковед Эдуард Давидович Фролов (1933–2018) // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63, вып. 4. С. 1256–1276.
- Кулишова О. В. Поверх барьеров: Хайнц Хайнен и советские историки античности // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры : альманах. Т. 6. М., 2017. С. 475–488.
- Кулишова О. В. С. И. Ковалев и курс историографии античности на историческом факультете Ленинградского государственного университета // История : электронный научно-образовательный журнал. 2025. Т. 16, вып. 6. URL: <https://history.jes.su/s207987840035918-8-1/> (дата обращения 1.09.2025).
- Кулишова О. В., Карпюк С. Г. «Утешение и опора»: история отечественной науки об античности в творчестве Э. Д. Фролова // Несущий факел Прометея. Памяти профессора Э. Д. Фролова / науч. ред. и вступ. ст. А. Х. Даудова и О. Ю. Климова. СПб., 2024. С. 201–212.
- Скворцов А. М. Неизданная статья С. И. Ковалева 1932/1933 г. об истории антиковедения в России // Вспомогательные исторические дисциплины. 2024. Т. 43, вып. 4. С. 56–92.
- Тункина И. В., Фролов Э. Д. Историографические этюды С. А. Жебелёва (вступит. статьи и публикация текста) // Вестник древней истории. 1993. № 1. С. 182–194; № 2. С. 172–201; № 3. С. 180–202; № 4. С. 187–209.
- Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967.
- Фролов Э. Д. Изучение античности в России (1800–1890). Немецкая историография античности (1917–1975) // Историография античной истории / под ред. В. И. Кузищина. М., 1980. С. 70–80, 124–138, 208–225, 296–307.
- Фролов Э. Д. Римская история в трудах Г. Буассье // Г. Буассье. Собрание сочинений. Т. 1 : Цицерон и его друзья. СПб., 1993. С. 7–37.

- Фролов Э. Д. Эдуард Мейер и русская наука о классической древности // Проблемы истории, филологии, культуры. 1995. Вып. 2. С. 91–97.
- Фролов Э. Д. Гульельмо Ферреро — мастер актуализированного историописания // Г. Ферреро. Величие и падение Рима. Кн. 1. СПб., 1997. С. VII–XV.
- Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999.
- Фролов Э. Д. Исповедь великого ученого: к публикации латинской автобиографии Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа // Вестник древней истории. 2002а. № 3. С. 191–199.
- Фролов Э. Д. Историография античности // Э. Д. Фролов. История античного мира. Программы основных курсов по специализации: Всеобщая история / История Древней Греции и Рима. СПб., 2002б. С. 45–64.
- Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2006.
- Фролов Э. Д. Историография античной истории : уч.-метод. пособ. для студентов гуманитарных факультетов. СПб., 2009.
- Frolov E. D. Griechische Geschichte // H. Heinen (Hrsg.). Die Geschichte des Altertums im Spiegel der sowjetischen Forschung. Darmstadt, 1980. S. 46–68.
- Frolov E. D. Academic Links between Russia and Germany in the 18th — 19th Centuries // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2016. № 3. С. 57–67.

Е. В. Ляпустина

Москва

***Corpus inscriptionum Latinarum*
и тщеславный трактирщик из Эфеса
(об одном эстампаже из собрания РАИК)**

Один из хранящихся в СПбФ АРАН эстампажей из собрания РАИК, воспроизводящий эпитафию Гая Юлия и его жены Наиды [CIL III 13680], отличается от других как по языку (латинскому), так и по месту происхождения (Эфес). Кроме того, не имеет параллелей в данной коллекции и надпись на самом эстампаже, сделанная в ноябре 1893 г. Й. Д. Карпузасом, имя которого встречается также и в лемме CIL III: *apud Karpouzam cauponet*. Автор приходит к выводу, что это указание основано не на записи в полевом дневнике Отто Бенндорфа, скопировавшего надпись на месте в 1895 г., а на присланном Отто Керном и хранящемся ныне в Берлине эстампаже, возможно, подписанном так же, как и тот, что хранится в Петербурге. Оба могли быть изготовлены или заказаны Йоргосом Карпузасом, основавшим в 1873 г. первую гостиницу в Эфесе.

Ключевые слова: архивные материалы, эстампажи, латинские надписи, Эфес, CIL III.

Е. V. Lyapustina

Moscow

***Corpus inscriptionum Latinarum and Ambitious Innkeeper
from Ephesus (on a Squeeze of the RAIC's Collection)***

In the squeeze collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople (now held in the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS) there is an item that can be considered unique. Made at Ephesus, it reproduces a Latin epitaph of Gaius Iulius and his wife Nais [CIL III 13680]. Furthermore, the squeeze itself is inscribed and dated to November 1893 by J. D. Karpouzas whose name is indicated also in the CIL III entry: *apud Karpouzam cauponet*. The author comes to the conclusion that this note does not come from the *Skizzenbuch* 1895 of Otto Benndorf, but from the squeeze sent by Otto Kern. Both squeezes, now held in St. Petersburg and in Berlin, could have been made or ordered by George Carpouzas, the founder (1873) of the first hotel at Ephesus.

Keywords: archival documents, squeezes, Latin inscriptions, Ephesus, CIL III.

В первом печатном отчете РАИК, опубликованном в 1896 г., одной из задач института было названо собирание эпиграфического материала, «который попадает там и сям во всех городах побережья и который далеко еще не вполне издан» [цит. по: Тункина, 2025, с. 165]. Результатом такой деятельности за неполных 20 лет (до 1914 г.) стала, в частности, значительная коллекция эстампажей разновременных надписей, хранившаяся в музее РАИК и разделившая его драматическую судьбу [Тункина и др., 2020, с. 195–196; Басаргина, 1995, с. 86–87]. Часть этой коллекции, насчитывающая около 70 единиц, которая хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, в последние годы стала предметом научной реставрации и комплексного историко-филологического исследования, на основе которых была создана база данных, размещенная на интернет-портале академического архива (<https://estampage.ranar.spb.ru/estampages>). Она включает в себя изображения (фото), 3D-модели эстампажей и леммы к надписям [Bondar, 2022].

В последнее десятилетие наблюдается рост интереса к эстампам. Среди многочисленных электронных ресурсов, связанных с эпиграфикой, появились такие, которые целиком или в значительной степени посвящены эстампам. В разных странах реализуются проекты оцифровки соответствующих коллекций [The Oxford Handbook of Roman Epigraphy, 2015, p. 83; Paganoni, 2020, p. 6; Bondar, 2022, p. 263–264]; роли цифровых библиотек эстампажей в эпиграфических исследованиях посвящаются отдельные заседания на профильных конференциях [Bozia, 2017] и специальные статьи [Bozia, 2018; Bondar, 2022]. В самом крупном собрании эстампажей латинских надписей (Abklatsche), которое находится в архиве *Corpus inscriptionum Latinarum* Берлинско-Бранденбургской академии наук и насчитывает более 20 000 единиц хранения, к настоящему времени в порядке эксперимента изготовлено около 200 3D-копий, и оцифровка эстампажей, наряду с другими архивными материалами, фигурирует среди основных задач на ближайшие годы (<https://cil.bbaw.de/index.php?id=16>).

Эстамп как средство наиболее точной фиксации эпиграфического текста может использоваться как для его публикации, так и для последующих исследований [The Oxford Handbook of Roman Epigraphy, 2015, p. 8]. Этот дешевый и относительно несложный способ получения точных копий надписей или изображений особенно широко применялся во второй половине XIX — начале XX в., когда фотофиксация обходилась значительно дороже и требовала привлечения специально обученного персонала [Тункина и др., 2020, с. 196–197]. По мере того как фотография становилась все более технически и финансово доступной, популярность эстампажей падала, и их стали рассматривать как сугубо вспомогательный, побочный продукт деятельности эпиграфиста, тем более что и доступ к ним оказывался ограничен едва ли не более, чем к самим надписям. Ситуацию изменила оцифровка эстампажей, и в особенности создание их 3D-моделей. Во-первых, это позволило сделать использование точных копий по прямому назначению более эффективным и бережным

по отношению к их хрупким бумажным носителям [Bondar, 2022, p. 258]. Во-вторых, публикация оцифрованных коллекций эстампажей в интернете сделала их доступными не только для ученых различных специальностей, но и для студентов и широкого круга интересующихся, вводя тем самым эти памятники историко-культурного наследия в полноценный научный оборот [Тункина и др., 2020, с. 199], тем более что эстампажи нередко оказываются лучшим, а то и единственным свидетельством той или иной надписи.

В настоящей статье речь идет именно о таком случае. Среди эстампажей из собрания РАИК имеется эпитафия Гая Юлия и его жены первых веков нашей эры на латинском языке, из Эфеса [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 6. Л. 1; <https://estampage.ranar.spb.ru/estampages/asia-minor/gaius-julius>]. О современном местонахождении этой небольшой (высота 0,11 м, ширина 0,32 м, толщина 0,06 м) мраморной таблички из колумбария (?) ничего не известно, хотя считать ее окончательно утраченной, учитывая положение с изданием надписей Эфеса¹, возможно, и нет оснований. Сама же эпитафия в составе неоднородной коллекции академического архива занимает совершенно отдельное место: это единственный эстампаж на латинском языке, а также единственный, связываемый с Эфесом, т. к. в левом нижнем углу на лицевой стороне имеется надпись на новогреческом языке:

Ἐφέσου

18/30/11/93

Ι. Δ. Καρποῦζας

(В Эфесе 18/30 ноября 1893 г. Й. Д. Карпузас).

Чтобы установить смысл и значение этой надписи, прежде всего рассмотрим, какие пометы и надписи встречаются на других эстампажах РАИК². Их можно разделить на две группы: одни делались директором института Ф. И. Успенским, его сотрудниками или участниками экскурсий и экспедиций, другие — посторонними лицами, например русскими консулами в турецких городах и местными корреспондентами, присылавшими эстампажи по просьбе РАИК³.

¹ См. раздел «Die Inschriften von Ephesos» на сайте Австрийского археологического института (ÖAI) (<https://www.oeaw.ac.at/oeai/forschung/altertumswissenschaften/epigraphik/die-inschriften-kleinasien/>), где есть такие строки: «Ein Corpus der Inschriften von Ephesos stellt seit fast 50 Jahren ein Desiderat der altertumswissenschaftlichen Forschung dar».

² Здесь уместно напомнить, что, «к сожалению, научный каталог музея РАИК не был составлен его сотрудниками, не сохранились и музейные инвентари» [Басаргина, 1995, с. 83], хотя «обе инвентарные книги библиотеки, инвентарные книги музея и фотографической коллекции» в 1914 г. «были направлены в Одессу казенной посылкой» [Басаргина, 1995, с. 86, 87].

³ См. предисловие Н. А. Павличенко к описи «Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе (1895–1914)» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. С. 3].

Эстампажи могли снимать с уже известных и опубликованных надписей, как, например, во время экскурсии членов РАИК в Малую Азию в начале мая 1898 г., и тогда на эстампаже указывались место находки и библиографическая ссылка⁴. В иных случаях указывалось место хранения⁵, в т. ч. и в музее самого РАИК⁶. Карандашные пометы технического характера (высота текста и букв), как и прорисовка карандашом отдельных букв, встречаются на эстампажах, выполненных в ходе экспедиций и экскурсий членов РАИК ими самими, что свидетельствует о работе с этими материалами в дальнейшем, в частности в ходе подготовки соответствующих надписей к публикации или обсуждения в научной печати тех, что были опубликованы ранее, но с неправильным чтением⁷. Больше всего таких помет на эстампажах, снятых во время археологического путешествия в северо-восточной Болгарии, предпринятого РАИК весной — летом 1899 г.⁸, а также полуторамесячной экспедиции в Сирию в апреле — мае 1900 г.⁹ Сопроводительные надписи могли

⁴ (Здесь и далее, в примеч. 4–11, приводятся археографические комментарии из базы данных на сайте СПбФ АРАН.)

На эстампажах карандашом проставлены номера листов и строк надписи. Некоторые буквы обведены карандашом; на л. 6 надпись простым карандашом «Никея. Большая надпись. Была издана Ж<урнале> М<инистерства> Н<ародного> Просв<ещения> Регелем» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 4. Л. 1–8. Стихотворная эпитафия уроженца Никеи Сакердота и его жены Северы]. Имеется в виду статья: *Регель В. Э., Новосадский Н. И.* Надгробная надпись из Никеи // ЖМНП. 1886. № 7. Отд. 5. С. 25–36.

⁵ На эстампаже надпись синим карандашом «Брусса. Музей» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 3. Л. 1. Эпитафия Хреста, сына Аполлония, Асклепиада, сына Аполлония, Мекрата, сына Аполлония].

⁶ 1) На л. 1 надпись графитным карандашом — «Музей» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 43. Л. 1. Надгробная надпись Квинта Кердона]; 2) На эстампаже надпись графитным карандашом — «Музей Института» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 44. Л. 1. Эпитафия Велисария, сына Феодора]. Обе эти надписи были изданы: *Лепер Р. Х.* Несколько греческих и римских надписей // ИРАИК. 1904. Т. 9. С. 235–260.

⁷ На обоих эстампажах надпись карандашом — «Артавазд», некоторые буквы обведены карандашом. На л. 2 надпись графитным карандашом «выс. 6, высота первых строк 9» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 5. Л. 1–2. Надпись о сооружении башни патриkiem и куропалатом Артаваздом из Никеи (Вифиния) (современный г. Изник, Турция)]. Эстампаж выполнен весной 1896 г. во время экскурсии директора Ф. И. Успенского в Никею. *Успенский Ф. И.* Две исторические надписи. 1: Надпись на башне Артавазда // ИРАИК. 1898. Т. 3. С. 180–183.

⁸ 1) На лицевой стороне л. 1 слева имеется надпись простым графитовым карандашом: «Никюп № 1 Гордиян II 9» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 17. Л. 1–5. Надпись на постаменте статуи Марка Антония Гордиана (Гордиана III)]; 2) На л. 1 в левом верхнем углу имеется надпись простым графитовым карандашом — «II. 13 Никюп № 1* Адриан» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 16. Л. 1–2. Надпись на постаменте статуи Луция Элия Цезаря].

⁹ 1) На лицевой стороне в области нижнего края имеются надписи графитовым карандашом: «Бальбек. Англ. школа» и правее неразборчивая надпись на латинице. В верхнем левом углу надпись синим карандашом: «13» и рядом чернильное пятно. На оборотной стороне в верхнем правом углу имеется надпись в виде цифры «13», выполненная синим карандашом. В районе буквы «хи» имеются вкрапления зеленого

помещаться не на самих эстампажах, а на отдельных этикетках¹⁰. Таким образом, пометы и надписи, сделанные сотрудниками РАИК, содержат указание на место происхождения или хранения надписи и те или иные ее внешние характеристики. Ни точных дат, ни личных имен в них не встречается.

На всех 10 эстампажах из Герасы (Джераша) в Иордании нет вообще никаких помет, что хорошо согласуется с отсутствием каких-либо данных о посещении этого города сотрудниками РАИК. Скорее всего, эти эстампажи дополнили музей института в Константинополе, будучи кем-то подарены, возможно, даже самим отцом Жозефом Жерме-Дюраном, учитывая, что все эстампажи из Герасы, за исключением одного, были выполнены с надписей, опубликованных в 1895 и 1899 гг. в «Revue biblique» именно им. Этот августинец, французский религиозный деятель и археолог преподавал

цвета [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 36. Л. 1. Надпись о сооружении башни из Баальбека]; 2) На лицевой стороне имеется надпись в виде цифры «11.», выполненная синим карандашом в левом верхнем углу. Внизу справа расположена надпись чернографитным карандашом — «Магалула (1.19)». На оборотной стороне в правом верхнем углу также имеется помета в виде цифры «11.», сделанная синим карандашом; внизу справа серым графитовым карандашом выполнена надпись — «Маалюля (Klyge)» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 39. Л. 1. Строительная надпись Созма, сына Диодора]; 3) На лицевой стороне имеются надписи в виде цифры «8», выполненная синим карандашом в нижнем правом углу, и надпись сверху графитовым карандашом — «Шейх Баракат» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 37. Л. 1, 2. Посвятительная или строительная надпись с горы Джебель-Шейх-Баракат]; 4) Имеются четыре надписи в виде цифры «7», выполненные синим карандашом: в левом и правом верхних углах лицевой стороны, в левом и правом верхних углах оборотной стороны [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 41. Л. 1. Надпись на купели из Садада]; 5) На лицевой стороне л. 1 имеется надпись в виде цифры «6», выполненная синим карандашом в левом верхнем углу. На оборотной стороне л. 1 также имеется надпись в виде цифры «6», сделанная синим карандашом в правом верхнем углу. Внизу справа расположена надпись черным графитовым карандашом: «Каср ел Бенат» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 42. Л. 1, 2. Надпись об установлении границ]; 6) На лицевой стороне л. 1 имеется надпись в виде цифры «10», выполненная синим карандашом в левом верхнем углу. На лицевой стороне л. 1а в правой части сделана надпись черным графитовым карандашом: «Кариатеин (?) ...» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 40. Л. 1, 1а. Надпись с гробницы Зенобия]; 7) На лицевой стороне в левом и правом верхних углах имеются надписи в виде цифры «9», выполненные синим карандашом. На оборотной стороне также есть надписи в виде цифры «9.», выполненные синим карандашом в левом и правом верхних углах. В верхней части правого края расположена надпись серым графитовым карандашом — «Сирия Б<ольшая> мечеть. Ст<е>на. Дамаск» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 38. Л. 1. Строительная надпись первого архитектора Митрофана, сына Филиппа].

¹⁰ 1) Л. 3 представляет собой этикетку из оберточной бумаги с текстом графитовым карандашом: «Надпись в Траянополе» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 19. Л. 1–3. Надпись о дорожных работах, фрагмент В]; 2) Л. 3 представляет собой этикетку с текстом надписи минускулами, описанием памятника и указанием места его находки: «Эстампаж надписи на белой мраморной плите, разбитой на 2 части: в июле 1912 находилась в Конаке в Демотике; найдена недалеко от Αγία Πέτρα в Демотике. Длина плиты по направлению строк — 0,86 м, наиб[ольшая] ширина — 0,60 м, толщина плиты 0,075 м» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 20. Л. 1–3. Надгробная надпись Адолия].

в католической школе библейских наук в Иерусалиме и ежегодно проводил археологические экскурсии профессоров и стипендиатов (преимущественно из Франции) по Сирии, Палестине и Синайскому полуострову, так что его пути вполне могли каким-то образом пересечься с кем-то из РАИК.

Отдельную группу составляют три эстампажа [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 49. Л. 3; Д. 50. Л. 2, 3], несущие на себе выполненные одной и той же рукой пометы на новогреческом и французском языках. На одном из них (Д. 50. Л. 2) имеется среди прочих помета в виде цифры «1901», которая означает, вероятнее всего, дату изготовления эстампажа, что позволяет датировать этим годом и всю серию. По всей видимости, эстампажи были переданы в коллекцию института в 1901 г. бывшим консулом Российской империи в Конье (совр. Конья, Турция) А. Д. Левитским, который, как сообщает Ф. И. Успенский в отчете о деятельности РАИК за 1901 г., «представил 35 копий и эстампажей из местности к югу от Конии» (<https://estampage.ranar.spb.ru/estampages/asia-minor/filodespot>). К сожалению, не все надписи удастся разобрать¹¹; ясно лишь, что указаны места происхождения и размеры (по-французски), а также прослеживается некая нумерация (№ 16, 7 и 28), нанесенная синим карандашом и вполне согласующаяся с числом копий и эстампажей (35), упомянутым в отчете за 1901 г. Надписи на новогреческом — краткие по верхнему (Д. 49. Л. 3) либо нижнему (Д. 50. Л. 3) краю или многострочные на левом поле эстампажа (Д. 50. Л. 2) — совсем не похожи на аккуратную, напоминающую почтовый штемпель или библиотечный шифр надпись на эстампаже с эпитафией из Эфеса.

Итак, приведенная выше надпись (*В Эфесе 18/30 ноября 1893 г. Й. Д. Карпузас*) не имеет параллелей среди надписей на других эстампажах из собрания РАИК. Зато она находится в полном соответствии с данными, которые

¹¹ 1) На оборотной стороне имеется несколько надписей. В левом верхнем углу расположена надпись в виде цифры «16.», сделанная синим карандашом. Вдоль верхнего края сделана надпись на новогреческом языке, выполненная черным графитовым карандашом. Далее идут надписи графитовым карандашом на французском языке: «longueur 0,75 largeur 0,47 épaisseur 0,21», «Orta-Kara-Veran au...» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 49. Л. 3. Эпитафия сына Филодеспота]; 2) На лицевой стороне имеется несколько надписей. В левом верхнем углу находится надпись синим карандашом: «7.». В левой части листа сделана помета «No 7». Ниже расположен текст из 10 строк на новогреческом языке, выполненный черным графитовым карандашом. Под ним есть помета в виде числа «1901» и еще несколько слов на новогреческом языке. Еще ниже находятся надписи графитовым карандашом на французском языке: «0,72 longueur[,] 0,64 largeur inférieure[,] 0,47 largeur supérieure», «village d' Alan[?]...» [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 50. Л. 2. Надгробная надпись (?)]; 3) На лицевой стороне имеется несколько надписей. В левом верхнем углу имеется надпись синим карандашом: «28 b». В правой части листа сверху расположена надпись «№ 28.», сделанная черным графитовым карандашом. Ниже находятся надписи графитовым карандашом на французском языке: «longueur 0,74 largeur 0,48», «{ Dere[?]...». Еще ниже сделана помета «No 28». Вдоль нижнего края расположена надпись на новогреческом языке, выполненная черным графитовым карандашом [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 50. Л. 3. Фрагмент посвятельной надписи (?)].

содержатся в лемме, сопровождающей публикацию нашей эпитафии в *Corpus inscriptionum Latinarum* [CIL III 13680; рис. 1], где местом нахождения надписи названо заведение Карпузаса (Ephesi apud Karpuzam cauponem). И, в свою очередь, упоминание Карпузаса отличает эту лемму от других подобных: на той же странице, рядом с нашей эпитафией, помещена еще одна мраморная табличка [CIL III 13677], которую изготовил (*v[ivus] f[ecit]*) для любимой жены Олимпиады сборщик податей, *telonarius*, Квинт. Про табличку сказано кратко: *tabula marmorea Ephesi*, без каких-либо уточнений. Сравнение это представляется оправданным, т. к. в остальном леммы совпадают: в обоих случаях указано, что надпись прочитал и списал непосредственно с камня О. Бенндорф, эстампаж (*ectypum*) прислал О. Керн, а рисунок надписи по эстампажу выполнил А. С. Мюррей. Больше такое сочетание в CIL III, по крайней мере в связи с Эфесом, не встречается ни разу.

13680 *tabula marmorea Ephesi apud Karpuzam cauponem.*

C • IVLIVS • C • F • FAL •
NAIDI • VXOR I • SV^{ae}
et SIBI • VIVOS • FECIT

Descriptam ex lapide misit Benndorf; ectypum misit Kern; ad id descriptam dedit Murray.

2 non est LAIDI.

Рис. 1. CIL III Suppl. Pars posterior. Berolini, 1902. P. 2235

Том, в котором была опубликована надпись [CIL III Suppl. 2], вышел в 1902 г. В нем Эфесу посвящены три раздела, расположенные соответственно на с. 2072, 2235 и 2316^{24–31} (здесь и далее пагинация с верхним индексом соответствует вставным страницам. — Е. Л.). Интересующие нас две эпитафии находятся во втором их них. Первый раздел, в самом начале тома, представляет собой последние добавления Т. Моммзена к латинским надписям Эфеса, которые он поместил в основном томе, вышедшем в 1873 г.¹² Последний,

¹² CIL III. 1, p. 81–82. N 424–443 (основная часть); III. 2, p. 978–982. N 6065–6091 (*additamenta*); p. 1064. N 6574–6575 (*additamentorum auctarium*). Неоднократные возвращения к латинским надписям Эфеса объясняются тем, что первые серьезные археологические исследования этого города, в результате чего были сделаны в том числе и важные эпиграфические находки, велись как раз во время подготовки и редактирования CIL III, и Т. Моммзен стремился учесть как опубликованный, так и еще не опубликованный материал, которым с ним делились исследователи. Показательный пример — две надписи, найденные экспедицией британского архитектора и инженера

третий, раздел находится в части, озаглавленной *Additamenta postrema*, сама пагинация которой свидетельствует о том, что соответствующие страницы были добавлены позже¹³. Там воспроизведены материалы, которыми щедро поделился О. Бенндорф (1838–1907)¹⁴, «Шлиман Эфеса», под руководством которого в 1895 г. начались австрийские раскопки древнего города [Szemethy, 2016, S. 277–279]. На с. 2235 всего восемь позиций (N 13674–13681), и во всех упоминается О. Бенндорф: он осматривает надпись на акведукe, внося свои уточнения (13674: Benndorf recognovit), списывает надпись на башне византийской крепости (13675) и зарисовывает еще несколько фрагментов, очевидно, найденных во время разведок и прогулок в крепости и поблизости от нее (13676, 13678, 13679 и 13681: Benndorf descripsit). И посреди этого рядом помещены две уже упомянутые эпитафии на мраморных табличках с одинаковыми леммами, в которых фигурируют эстампажи. Можно предположить, что в распоряжении редакции *CIL III Suppl.* после того, как были напечатаны все добавления к уже изданным в основном томе надписям, осталось только несколько прорисовок, которые сделал О. Бенндорф до начала раскопок, а в двух случаях в дополнение к ним имелись еще и эстампажи, присланные О. Керном, на основе которых А. С. Мюррей и выполнил окончательные рисунки.

За годы работы над *CIL III* роль эстампажей изменилась. Если в основном томе (1873 г.), где издавались надписи главным образом на основе имеющихся разрозненных публикаций или записей путешественников начиная с Кириака Анконского, упоминания об использовании эстампажей, иногда нескольких для одной и той же надписи, встречаются регулярно¹⁵, то в последнем разделе (1902 г.), включающем как неопубликованные, так и уже опубликованные материалы текущих раскопок, об эстампажах, как правило,

Джона Тергла Вуда в марте и апреле 1873 г. у храма Дианы: именно ими заканчивается самый последний (перед указателями) раздел второго тома *CIL III*, вышедший в конце 1873 г. Лемма к ним гласит: «I. T. Wood repperit misitque». Эти надписи Т. Моммзен воспроизвел еще раз в первой части *Supplementum*, снабдив одинаковыми леммами: «Recognovi ad ectypum. I. T. Wood qui repperit misit mihi ediditque *inscr. from the temple of Diana* n. 4» [*CIL III* 7126, 7127 (n. 5)]. См. также: Curtius C. *Inschriften aus Ephesos* // *Hermes*. 1870. Bd. 4. S. 174–228; Wood J. T. *Discoveries at Ephesus: including the site and remains of the great temple of Diana*. Boston, 1877.

¹³ Подробнее о сложной истории многолетней подготовки к публикации *CIL III Suppl.* см. предисловие издателей, датированное мартом 1902 г. [*Praefatio editorum*, p. XXXIX]. Кстати, список тех, кому выражается благодарность в конце этого краткого, но насыщенного деталями текста, открывает Benndorf Vindobonensis.

¹⁴ Effossiones ab archaeologis Austriacis institutae quos titulos nuper dederunt, eorum corpiam nobis fecit solita liberalitate Benndorfius [*CIL III Suppl.* 2, p. 2316²⁴].

¹⁵ Ср., напр., выше, в примеч. 12. См. также многочисленные примеры использования Т. Моммзеном в *CIL III* эстампажей, в т. ч. для уточнений, дополнений и исправлений предложенных предшественниками чтений. Именно по эстампам он, в частности, издал надписи, оставленные «туристами» римского времени на ногах колоссов Мемнона в египетских Фивах [*CIL III* 30–63].

речи нет. Так, надписи Эфеса изданы по прорисовкам руководившего с 1895 г. раскопками О. Бенндорфа или даже чаще Р. Хебердея¹⁶. Поэтому эстампажи двух мраморных табличек с эпитафиями, скорее всего, никак не были связаны с разведками О. Бенндорфа, который их только списал и отправил Т. Моммзену в Берлин.

Именно об этом и свидетельствует первая часть леммы («*Descriptam ex lapide misit Benndorf*»). Шотландский археолог Александр Стюарт Мюррей (1841–1904), куратор отдела греческих и римских древностей Британского музея, упоминается в связи с еще одним эстампажем: в примечании к небольшому обломку надписи, найденному в Эфесе и хранящемуся ныне в Британском музее, Т. Моммзен указывает, что выполнил рисунок по эстампажу, который прислал А. С. Мюррей¹⁷. Так что в том, что именно Мюррею выпало заняться двумя эстампажами с надписями из Эфеса, ничего удивительного нет.

Осталось выяснить, как вышло, что эстампажи двух эпитафий из Эфеса прислал филолог и эпиграфист Отто Керн (1863–1942), который в 1891–1894 гг. по поручению Берлинских музеев участвовал в раскопках Магнесии-на-Меандре (в 19 км от Эфеса). Находясь на месте с самого начала работ до конца января 1893 г., а затем с октября по декабрь того же года, О. Керн следил за открытием и копированием надписей с помощью рисунков и эстампажей, а в начале 1893 г. на него возложили и задачу их публикации [Kern, 1900, Vorwort]. В предисловии к изданию упоминается о двух надписях («Nr. 94. 228»), которые стали известны автору случайно уже после завершения раскопок. В первом из двух случаев речь идет не о самой надписи, находившейся в мечети за городом и уже опубликованной самим О. Керном в 1895 г. по эстампажу, снятому бывшим сотрудником экспедиции, а об оказавшихся в его распоряжении позже еще двух эстампажах, которые изготовили Р. Хебердей и Э. Калинка, и благодаря им удалось прочесть имя упомянутого в надписи должностного лица [Kern, 1900, S. 79, Nr. 94]. Во втором случае — о надписи, также находящейся за пределами Магнесии: в апреле

¹⁶ Чаще всего встречается «*Descriptsit Heberdey et edidit*» (со ссылкой), а также «*Descriptsit Heberdey*» (для еще не опубликованных или совсем небольших фрагментов). В одном случае — «*Descriptam ad Heberdeyo misit Benndorf*» [CIL III 14195]. Несколько раз в сочетании с «*Benndorf descriptsit*» место нахождения указано по-немецки, а не на латыни. Рудольф Хебердей (1864–1936) получил университетское образование как филолог-классик в Вене, где учился эпиграфике у Е. Бормана и защитил диссертацию у О. Бенндорфа. Именно он вел систематические раскопки в Эфесе с 1897 по 1904 г. и публиковал надписи в первых отчетах об их результатах [Das Theater von Ephesos, 2017, S. 10].

¹⁷ CIL III 7120: Ephesi rep., nunc Londinii in museo. Descripti ad ectypum quod misit Murray. Эта надпись помещена в первой части *Supplementum*, в разделе (P. 1285–1289, N 7116–7145), где Т. Моммзен вносит добавления и уточнения к тем надписям, что уже были опубликованы им же в двух частях тома в 1873 г., и чаще всего ограничивается кратким «*Descripti ad ectypum*». Это были надписи из раскопок Дж. Т. Вуда, хранившиеся в Лондоне, поэтому, чтобы учесть ранее не описанный фрагмент, Т. Моммзен использовал эстампаж, присланный А. С. Мюрреем как сотрудником музея.

1896 г. Г. Шрадер увидел ее «im Hofe des Ourou Коууэ, поблизости от которого она, скорее всего, и была найдена», зарисовал и снял эстампаж, а в июне того же года ее списал Б. Осулье. О. Керн благодарит обоих ученых за предоставленные рисунки, а Г. Шрадера еще и за эстампаж, «изготовленный при неблагоприятных условиях» [Kern, 1900, S. 144, Nr. 228]. Столь скрупулезное описание двух эпизодов, связанных с оборотом эстампажей среди эпиграфистов, в сочетании с тем, что сам О. Керн находился совсем недалеко от Эфеса в то самое время, которым датирован эстампаж из собрания РАИК, делает весьма вероятным предположение, что именно тогда в его распоряжении могли оказаться те два эстампажа эфесских эпитафий, которые он прислал в Берлин, возможно, вместе с эстампажем из Магнесии¹⁸.

Осталось объяснить описание местонахождения эпитафии Гая Юлия и его жены Наиды в *CIL* III: *apud Karpuzat sauronet*. В издании надписей Эфеса, вышедшем в 1980 г., без каких-либо дополнительных деталей и привязки к местности указано: «Im Hof des Gasthauses; weißer Marmor» — «Во дворе трактира; белый мрамор» [IK 16. 2292, S. 204]. Учитывая имеющуюся в лемме ссылку на полевой дневник О. Бенндорфа за 1895 г., когда он начал раскопки в Эфесе (*Skizzenbuch* 1895, III S. 3 nr. 1), он мог обнаружить эту мраморную табличку и списать ее именно тогда. Однако имя хозяина заведения в дневнике, судя по всему, названо не было. Нам оно известно в латинской форме по лемме *CIL* III 13680 и в греческой — по эстампажу этой надписи в коллекции РАИК [СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 6. Л. 1]. Напрашивается предположение, что эстампаж, присланный О. Керном, тоже был подписан, и А. С. Мюррей (или даже сам Т. Моммзен?) не только исправил по эстампажу первую букву имени жены Гая Юлия («non est LAIDI»), но и добавил имя хозяина заведения — Йоргоса Д. Карпузаса, основавшего в 1873 г. в Эфесе первую гостиницу. Поток путешественников, посещавших древний город, постоянно рос, и эстампаж надписи, находящейся во дворе, мог служить популярным сувениром. Указанная дата (ноябрь 1893 г.) наводит на мысль, что эстампаж мог быть подарен РАИК в связи с его основанием или вскоре после¹⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 62–92.
- Тункина И. В. Русский археологический институт в Константинополе и М. И. Ростовцев // Вестник древней истории. 2025. Т. 85, № 1. С. 163–185.

¹⁸ Среди единичных надписей из Магнесии-на-Меандре в берлинском корпусе фигурирует фрагмент, обнаруженный на форуме еще до начала раскопок, 13 апреля 1892 г. Лемма сообщает: «Otto Kern descripsit et ectypum dedit» [*CIL* III 12249].

¹⁹ Институт, основанный в 1894 г., был торжественно открыт 26 февраля 1895 г. [Тункина и др., 2020, с. 195].

- Тункина И. В., Бондарь Л. Д., Поникаровская М. В., Павличенко Н. А., Чернова Н. В. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: Научная реставрация, комплексное изучение, создание высокоточных цифровых 3D-моделей // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2020. № 4 (28). С. 194–203.
- Bondar L. Three-Dimensional Copy of a Three-Dimensional Copy: Database of Estampages of Proto-Bulgarian Inscriptions // Challenges and Solutions in the Digital Economy and Finance. Proceedings of the 5th International Scientific Conference on Digital Economy and Finances (DEFIN 2022), St. Petersburg 2022 / ed. by A. Rumyantseva, V. Plotnikov, F. Minin, H. Anyigba. London ; Berlin ; New-York, 2022. P. 257–265.
- Bozia E. Assessing the Role of Digital Libraries of Squeezes in Epigraphic Studies // Digital and Traditional Epigraphy in Context. Proceedings of the EAGLE 2016 International Conference / ed. by S. Orlandi, R. Santucci, F. Mambrini, P. M. Liuzzo. Roma, 2017. P. 405–409.
- Bozia E. Ektypa and 3D models of Ektypa: the reality(ies) of a digital object // Authenticity and cultural heritage in the age of 3D digital reproductions / ed. by P. Di Giuseppantonio Di Franco, F. Galeazzi and V. Vassallo. Cambridge, 2018. P. 97–110.
- Das Theater von Ephesos. Archäologischer Befund, Funde und Chronologie. Textband / Hrsg. von F. Krinzinger und P. Ruggendorfer. Wien, 2017. (Forschungen in Ephesos ; Bd. II/1).
- Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900.
- Paganoni E. Epigraphic Squeezes: Digitisation, Publication, and Enhancement // Studia UBB Digitalia. 2020. Vol. 65 (LXV), iss. 1. P. 5–16.
- Szemethy H. D. Otto Benndorf, der “Schliemann von Ephesos”, und seine Beziehung zu Heinrich Schliemann // Mitteilungen aus dem Heinrich-Schliemann-Museum Ankershagen. 2016. Heft 10/11. S. 277–307.
- The Oxford Handbook of Roman Epigraphy / ed. by Ch. Bruun and J. Edmondson. Oxford, 2015.

Сокращения

- CIL III. 1–2 = Corpus inscriptionum Latinarum. Vol. III : Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae / ed. Th. Mommsen. Berolini, 1873 (Pars prior: N 1–4711; Pars posterior: N 4712–6575).
- CIL III. Suppl. 1–2 = Corpus inscriptionum Latinarum. Vol. III : Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae. Supplementum : Inscriptionum Orientis et Illyrici Latinarum Supplementum / ed. Th. Mommsen, O. Hirschfeld, A. Domaszewski. Berolini, 1902 (Pars prior: N 6576–12035; Pars posterior: N 12036–15220).
- IK 16 = Die Inschriften von Ephesos. Tl. VI. Nr. 2001–2958 (Repertorium) / Hrsg. von R. Merkelbach und J. Nollé u. a. Bonn, 1980. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien ; Bd. 16).

И. Ф. Попова
Санкт-Петербург

**К истории организации в СССР
XXV Международного конгресса востоковедов в 1960 г.**

Публикуется документ из Архива востоковедов ИВР РАН — «Протокол заседания Организационного комитета по подготовке XXV Международного конгресса ориенталистов в Ленинграде в 1960 г.». Документ датируется 20 февраля 1958 г. и отражает начало работы по подготовке конгресса и выработке его концепции в научном и идеологическом отношениях.

Ключевые слова: XXV Международный конгресс востоковедов, Ленинград, подготовка, работа оргкомитета.

I. F. Popova
St. Petersburg

**On the Organization History of the XXV International
Congress of Orientalists in the USSR in 1960**

The article publishes a document from the Archive of Orientalists of the RAS Institute of Oriental Manuscripts — “Minutes of the meeting of the Organizing Committee for the preparation of the XXV International Congress of Orientalists in Leningrad in 1960”. This document, dated February 20, 1958, reflects the start of the preparation for the Congress and the development of its concept in scientific and ideological aspects.

Keywords: XXV International Congress of Orientalists, Leningrad, preparation, work of the organizing committee.

В 1960 г. в истории отечественного востоковедения произошло большое событие: в нашей стране был проведен XXV Международный конгресс востоковедов. Начало таких конгрессов восходило к 1873 г., когда в Париже был организован первый конгресс; затем второй состоялся в Лондоне в 1874 г., и третий прошел в Санкт-Петербурге на базе Азиатского музея и Санкт-Петербургского

университета в 1876 г., что явилось свидетельством признания европейским обществом значения и авторитета российского востоковедения.

Осмысление предназначения востоковедения (науки, придуманной европейцами) в разные века являлось неодинаковым. Для европейских держав оно долгое время было «ориенталистикой», «имперской игрушкой», обоснованием собирания редких ценностей, но потом во многом благодаря «Большой игре» появилась осознанность понимания Азии как достойного политического игрока, который очень сильно может влиять на международную жизнь. И в данном случае Россия сыграла большую роль как государство, которое пережило трансформацию от собирателя «ориентальных редкостей» до державы, понимающей свое предназначение как «моста» между Европой и Азией.

Наши коллекции остаются частью культурного наследия не только Китая, Ирана, Индии, арабских стран, но и всего мира. Русские люди раскапывали, реставрировали, изучали все то, что могло быть утрачено и безвозвратно потеряно. И мы это храним. В 1960 г. в Москве состоялся XXV Международный конгресс востоковедов. Как тщательно и с какой заботой к нему готовились. Мои Учителя, тогда совсем молодые Евгений Иванович Кычанов и Лев Николаевич Меньшиков, сопровождали из Москвы маститых европейских ученых; в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР для них специально была организована выставка наших редчайших рукописей. И это было очень высоко оценено.

Публикуемый ниже архивный документ отражает всю ответственность подхода руководства отечественной востоковедной науки к организации мероприятия, которое пользовалось тогда большим международным авторитетом.

Приложение

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА
ПО ПОДГОТОВКЕ XXV МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ОРИЕНТАЛИСТОВ В ЛЕНИНГРАДЕ В 1960 г.

20 февраля 1958 г.
Москва (?)

Присутствовали: Акад. АН Тадж[икской] ССР Б. Г. Гафуров — председатель, А. С. Перевертайло, акад. И. А. Орбели, акад. В. В. Струве, акад. В. В. Виноградов, акад. И. М. Майский, член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, член-корр. АН СССР Н. И. Конрад, член-корр. АН СССР С. П. Толстов, д. ф. н. А. Н. Кононов, д. и. н. Д. А. Ольдерогге, д. и. н. В. И. Авдиев, д. эк. н. В. Я. Васильева, член-корр. АН Арм[янской] ССР Б. Б. Пиотровский, к. и. н. А. П. Векилов, д. и. н. Б. Н. Заходер, д. и. н. А. Ф. Миллер, к. и. н. Г. В. Ефимов, к. и. н. А. Х. Рафиков,

д. и. н. И. И. Потехин, д. и. н. Н. А. Смирнов, д. и. н. С. Л. Тихвинский, д. и. н. Х. Т. Эйбус, к. и. н. В. В. Балабушевич, к. и. н. Г. Л. Бондаревский, к. э. н. Е. Ф. Ковалев, к. и. н. М. Ф. Юрьев, О. К. Дрейер, к. и. н. И. М. Дьяконов (секретарь).

Председатель (Б. Г. Гафуров) открывает первое заседание оргкомитета. Согласно решению XXIV Конгресса в Мюнхене, XXV Международный конгресс ориенталистов должен быть созван в Ленинграде в 1960 г. В условиях распада колониальной системы, в условиях, когда поднимается Восток, значение XXV Конгресса выходит далеко за пределы востоковедения. Наша партия и правительство, наш ЦК придают этому конгрессу большое значение. Нужно продумать все необходимые мероприятия для того, чтобы провести его на высоком уровне. В этом конгрессе будут принимать участие страны Востока, ранее слабо или вовсе не представленные; так, на XXIII и XXIV конгрессах совсем не было представительства Китайской Народной Республики, теперь ученые Китая будут представлены очень широко; примут участие Индия и другие зарубежные страны Востока. Представительство их будет более широким. Мы рассчитываем, что конгресс будет проходить под знаком укрепления связей между Западом и Востоком, под знаком дружбы советского народа с народами Востока. Чтобы не опозориться, нам нужно заблаговременно провести все необходимые мероприятия. Время остается немного. Конгресс намечено провести около 20 августа 1960 г. — в наиболее удобное для большинства делегатов, и, в частности, для делегатов стран Востока, время.

Есть предложение создать в составе оргкомитета два бюро — в Ленинграде и в Москве. Имеется также предложение создать для проведения подготовительной работы ряд подкомитетов: 1) истории древнего Востока, 2) издания литературных и рукописных памятников, 3) восточного языкознания. На Мюнхенском конгрессе выявилось наше отставание именно в этих областях.

В порядке подготовки к конгрессу намечается провести ряд отраслевых всесоюзных совещаний востоковедов. Так, в 1958 г. состоится всесоюзное совещание иранистов, состоится также совещание арабистов, индологов, тюркологов. Нужно обсудить возможность создания органа оргкомитета (2–3 номера).

В ближайшее время необходимо уточнить, какие издания нужно выпустить к конгрессу. Нужно выбрать наиболее первоочередные, не вызывающие сомнения.

Обо всем этом и нужно нам сейчас обменяться мнениями. Мы будем приветствовать предложения, которые могут быть сделаны.

В. В. Струве сообщает, что в ближайшее время состоится всесоюзная сессия, посвященная юбилею ассириологии. Может быть, эту сессию также следует включить в число тех подготовительных к конгрессу сессий, о которых шла речь.

Б. Г. Гафуров: Правильно, чтобы дать этой сессии более солидное значение.

А. Ф. Миллер предлагает создать подкомитет по подготовке печатной продукции к конгрессу.

Б. Г. Гафуров — поддерживает.

В. Я. Васильева.

И. М. Дьяконов отмечает, что поддержание связей с зарубежными учеными, подготовка приглашений и т. п. может быть налажена только с помощью специалистов в каждой данной области. Поэтому целесообразно уже сейчас выработать хотя бы предварительный список секций и подсекций, с тем чтобы отдельные участки работы были бы сразу закреплены за отдельными членами оргкомитета, которые будут являться руководителями секций и будут нести за них ответственность. Целесообразно, чтобы по примеру Мюнхенского конгресса во главе каждой секции стояло два ученых — два председателя секции или председатель и заместитель председателя. Целесообразно также, чтобы из них один был москвич, другой ленинградец, кроме тех случаев, когда по тем или иным соображениям предпочтительнее, чтобы в составе руководства был тот или иной представитель из союзных республик. В случае особо сложных секций или там, где необходима координация работы по разным республикам, можно создать в секции руководящую коллегию. Состав секций, по мнению И. М. Дьяконова, должен в какой-то мере отражать традицию предыдущих конгрессов, так как каждая секция имеет свой более или менее постоянный контингент слушателей; однако принципы деления на секции должны соответствовать нашей научной классификации. Приведя список секций, существовавших на XXIV Конгрессе, И. М. Дьяконов предложил для XXV Конгресса предварительно следующую примерную структуру: I. Египтология, II. Изучение клинописи и переднеазиатская археология, III. Семитская филология, гебраистика и библеистика, IV. Византиноведение, сириология, эфиопистика и коптология (вместо «Византиноведения и христианского Востока»), V. Арабская филология, VI. История Ближнего Востока (вместо секции «Исламоведение — история и религия»), с подсекциями: 1) арабских стран, 2) Ирана и Афганистана, 3) Турции; VII. Литература и искусство стран Ближнего Востока и Средней Азии (вместо секции «Исламоведение — литература и язык»), с подсекциями: 1) арабских стран, 2) Ирана и Афганистана, 3) Турции, 4) Средней Азии, VIII. Истории Средней Азии, IX. Кавказоведения, X. Иранской филологии (языкознания), XI. Индии, XII. Тюрко-монгольской филологии, XIII. Китая, может быть, с подсекциями языка и литературы, отделив от этой секции Японию и Корею в отдельные секции (XIV и XV) или подсекции (XIV); XV или XVI. Юго-Восточной Азии и XVI или XVII. Африканистики.

В зависимости от хода подготовки к конгрессу, от наличных заявок и т. п. структура может в дальнейшем быть уточнена, отдельные секции разделены или слиты.

Приведенный перечень показывает, что по некоторым разделам науки (семитология, иранское языкознание и др.) в составе оргкомитета не имеется

представителей, по другим разделам имеется только по одному представителю. Возможно, что к руководству секциями следует в дальнейшем привлечь и не членов оргкомитета.

В. И. Авдиев высказывает мнение, что предварительные секции необходимы как рабочий аппарат для оргкомитета.

И. М. Майский задает вопрос, правильно ли объединять всю Африку в одной секции. Делается разъяснение, что африканистика охватывает только т[ак] наз[ываемую] «Черную Африку», а арабские страны Африки относятся к арабистике.

В. В. Струве говорит о необходимости отделения секции Китая от других дальневосточных секций.

Н. И. Конрад решительно настаивает на том, что Корея не должна соединиться в одной секции с Японией. По языку Корея ближе к тюрко-монгольским и маньчжурским языкам, исторически связана с Китаем.

А. Ф. Миллер считает нецелесообразным упразднить секцию тюркологии (как секцию, занимающуюся вопросами Турции). Турцией занимается большое число ученых, и политически соединение Турции в одну секцию с Ближним и Средним Востоком нежелательно. Лучше, наоборот, создать отдельные секции как для Турции, так и для арабских стран.

О. К. Дрейер указывает, что подготавливать издания к конгрессу нужно немедленно. Имеется план изданий Институты востокведения и китаеведения и перспективный план к конгрессу, рассмотренный на РИСО. Но этого недостаточно. Надо детально рассмотреть эти планы и все предложения по изданию литературы к конгрессу в соответственной рабочей группе. Последний срок сдачи работ — декабрь 1959 г., иначе мы не справимся.

Б. Б. Пиотровский считает, что декабрь 1959 г. — слишком поздний срок.

В. И. Авдиев отмечает, что на Мюнхенском конгрессе каждый делегат получил пачку отлично изданных книг и журналов. Для того, чтобы мы могли сделать то же, декабрь 1959 г. — слишком поздний срок, необходимо установить срок, по крайней мере, на полгода раньше. Надо серьезно обдумать план изданий, чтобы они представляли действительный научный интерес и отвечали назначению в идеологическом отношении.

И. А. Орбели: С созданием секций нужна осторожность, нужно отказаться от некоторых навязших слов, кое-чего следует избегать. Не следует соединять Корею с Японией, Ближний Восток со Средним Востоком; едва ли делегатам будет приятно соединение Сирии с Турцией по признаку ислама. Термин «исламоведение» — это фиговый листок, под которым обычно скрывается просто арабистика. К старому списку нужно отнестись осторожно, продумать термины. Тюркское языкознание можно организационно отделить от тюркологии в смысле истории и литературы современной Турции. Не надо пугаться слов «Христианский Восток», надо лишь объяснить, что мы имеем в виду. Мы боимся религиозных терминов, а, с другой стороны, откликаемся на «исламоведение», хотя можно сказать «арабистика».

В отношении изданий нельзя согласиться со сроком декабрь 1959 г., и не только потому, что издание книг может сорваться. Нельзя, чтобы вся литература, которую будут иметь перед собой делегаты, была датирована одним и тем же 1960 годом, как будто нарочно. Нужно, чтобы книги к конгрессу выходили и в 1958, и в 1960 г., пусть на некоторых будет помечено даже 1957 год.

О. К. Дрейер: Говоря о декабре 1959 г., я имею в виду только последнюю партию. Книги будут выходить в течение всего периода. Но мы обещаем сдать заранее, а сдаем за два месяца.

И. А. Орбели: Даже за полгода нельзя сдавать книги. К III Конгрессу иранской археологии в 1934 [г.] некоторые книги вышли в самый момент конгресса, еще краской пахли. Надо форсировать уточнение списка и сдачу материалов.

С. Л. Тихвинский: Англичане, составляя список секций к XXIII Конгрессу, исходили из своих возможностей. Мы тоже должны исходить из наших возможностей и наших политических соображений. На конгрессе будет много ученых из стран Востока, поэтому нужно учитывать мнение самих народов Востока. Лучше в период подготовки придерживаться более дробного деления, создать много подсекций, в случае надобности их можно впоследствии слить, но секциям не надо давать старых названий. Второй вопрос — нужно установить пропорции. В Кембридже некоторые секции были перегружены, не могли заслушать всех докладов, другие секции быстро кончили работу. Нужно составить список секций с учетом важности данной отрасли науки, с тем чтобы привлечь возможно больше местных ученых. В Кембридже было много бессмысленных докладов. Нужно учитывать, что на конгрессе будет много ненастоящих ученых, [прибывших] с туристскими или совсем иными интересами.

Целесообразно заблаговременно информировать ученых КНР, КНДР, МНР о подготовке к конгрессу, развернутым образом рассказать им об истории и целях международных конгрессов востоковедов.

В. В. Виноградов рассказывает об опыте подготовки к конгрессу славистов. Начиналось с выработки структуры конгресса. Создавались лингвистические и литературные секции, объединяющие разные специальности, специальные секции и подсекции. Могут еще быть комиссии по различным проблемам в пределах секций — запрашивалось по этому вопросу мнение отдельных ученых разных стран. Был поднят вопрос о выставке. Договорились о получении литературы за последние 10 лет для такой выставки. Эта литература останется в СССР в дар.

А. Ф. Миллер: Хорошая мысль.

В. В. Виноградов: Вместе с иностранными учеными мы выработали тематику съезда — разослали и обсудили проекты. Затем поступили заявки на доклады, они оказались неравномерно распределенными по секциям. Мы условились, что все доклады должны быть напечатаны за полгода до съезда в соответствующих странах. В советский комитет будет прислано по

200 экземпляров каждого доклада. Часть наиболее важных докладов будет прочитана, остальные будут только розданы. Наконец условились о деловых языках конгресса.

Б. Б. Пиотровский: К сожалению, здесь не присутствует директор Эрмитажа М. И. Артамонов. Эрмитаж ведет подготовку к конгрессу по линии Министерства культуры. Министерство отпускает средства на выставку, на издание книг через издательство «Искусство» и другие издательства, но это дело нужно тесно координировать с оргкомитетом. Эрмитаж не будет делать своими средствами ни международной, ни общесоюзной выставки. Я думаю, что это неправильно. Если оргкомитет возьмет на себя инициативу, то Эрмитаж может выставить памятники из Китая, из Индии и других стран, но в организационном отношении он бессилён что-либо сделать. За две недели до III Конгресса по иранской археологии мы смогли открыть в Эрмитаже большую выставку, для которой дали вещи Иран, Лувр, отдельные коллекционеры.

И. М. Дьяконов: М. И. Артамонов просил меня выступить от его имени. Эрмитаж сможет обеспечить помещениями почти половину секций; готовится к изданию литературы; но издательство Эрмитажа и издательство «Искусство» со всем не справятся, понадобится помощь оргкомитета и издательства восточной литературы. Со своей стороны, кое в чем, может быть, сможет помочь и издательство Эрмитажа. В отношении выставки следует отметить, что если делегатам съезда не предполагается предоставить широкой возможности посещать союзные республики, то следовало бы в Эрмитаже создать общесоюзную выставку; в противном случае, лучше, если с вещами делегаты будут знакомиться на местах. Это нужно решить, и оргкомитет тут должен помочь.

Н. В. Пигулевская: Следовало бы, не расходясь, сегодня же создать рабочие группы. Затем, в порядке подготовки к конгрессу следует обратить внимание на то, что на базе ЛО ИВ можно создать большую выставку рукописей, миниатюр и редких востоковедческих книг, а также выставку работ русских и советских востоковедов. Следует поставить вопрос о продаже книг. Вероятно участие иностранных фирм, которые организуют продажу литературы, нужно организовать и наши книжные киоски.

Для организации книжной выставки нужно обратиться за помощью к Библиотеке Академии наук СССР. В отношении издания трудов не нужно действовать хаотически. Мы в Ленинграде организовали пересмотр всего того, что лежит без движения, в частности, работ покойных востоковедов, составили список; теперь надо отобрать, что можно издать реально, установить очередность. Некоторую группу старых работ следует переиздать. Нужно также распределить очередность изданных работ пока здравствующих востоковедов. Сейчас особо остро встанет вопрос о восточных шрифтах, надо это дело подтолкнуть, в том числе в издательстве АН СССР. Хотелось еще сказать о налаживании связей. Небольшие организационные ячейки,

которые должны быть созданы, должны установить тесную связь с союзными республиками и держать их в курсе, чтобы они тоже работали. Нужно усилить личные связи с зарубежными учеными.

В. В. Струве отмечает необходимость так поставить дело, чтобы ведущие зарубежные ученые могли показать гостям свою кухню, свою лабораторию, показать, что не только методологически, но и методически мы работаем не хуже их, а, может быть, и лучше.

С. П. Толстов полагает, что работу оргкомитета надо начать с установления проблематики. Неправильно ждать, пока заявки на доклады поступят самотеком. Надо обсудить, что мы, советские ученые, считаем необходимым поставить на конгрессе, и поставить об этом в известность зарубежных ученых, сориентировать заявки в определенное русло. Проблематика определит и секции. Я бы затруднился сейчас принимать решение об ответственных лицах по секциям — это зависит от тематики. Нужно поручить узкой группе выработать проблематику.

И. М. Дьяконов соглашается с С. П. Толстовым в отношении необходимости выработки проблематики, но считает, что по каждому разделу этим должны заниматься специалисты, а поэтому целесообразно вначале создать рабочие группы (или секции) по специальностям, которые и выработают проблематику.

И. А. Орбели: С. П. Толстов прав, проблематику должны определить мы; из традиционности не надо исходить; мы не должны выдвигать на первый план тех направлений науки, которые в силу тех или иных причин слабо представлены в советской науке. По некоторым секциям нам нечего показать; зачем же нам влезать голым? Так, в области библейской критики у нас после П. К. Коковцева никто не работал. Нужно, чтобы не было самотека. Когда собирался III Конгресс по иранской археологии, я поставил задачу, чтобы не было дилетантских докладов, как было на II (Лондонском) конгрессе.

Вряд ли целесообразна перевозка по республикам 1500 делегатов, может быть, лучше ориентироваться на выставку в Ленинграде или в Москве. Наиболее замечательные вещи из советских раскопок должны быть выставлены здесь. Опыт III Конгресса по иранской археологии показывает, что под предлогом конгресса в наши пограничные районы пытались проникнуть «архитекторы» и «ученые», которые потом организовывали пресловутую экспедицию на Арарат, но им удалось не дать визы.

Эрмитажу надо помочь, он прекрасно выставит все памятники, но добить их должен оргкомитет и более высокие инстанции. На III Конгрессе по иранской археологии мы отмахивались от коллекционеров; в основном у нас была выставка, созданная силами СССР. Нельзя отбирать и выставлять или не выставлять вещи по капризу отдельных археологов или музеев. Единственное, чего нельзя временно взять для такой выставки из республик, — это памятников, которые составляют там предмет национальной гордости. Но широко представить на выставке музеи страны можно. Надо заранее

выработать и обсудить принципы устройства выставки. Некоторые республики в 1934 г. прислали вещи в день открытия.

И. И. Потехин: Я считаю, что XXV Конгресс востоковедов должен значительно отличаться от всех предыдущих конгрессов, на нем должна лежать печать нашей идеологии, нужно, чтобы по составу это был конгресс точный, чтобы как можно шире было представительство народов Востока и Африки; нужно подчеркнуть, что историей Востока занимаются они сами. Но это надо обеспечить задолго и заранее.

Ученых в странах Востока немного, они скромные, нужно принять особые меры, чтобы привлечь их. Это будет первое принципиальное отличие нашего конгресса от предыдущих. Наш конгресс должен отличаться и по структуре. Существуют традиции, секции и направления. Но жесткой структуры нет, каждый конгресс имеет свою структуру. Структура Кембриджского конгресса была лучше, давала больше возможностей ставить желательные нам проблемы. Традиция отражает существующие в науке направления, а мы должны, учитывая ее, сказать свое слово. Для обеспечения полезно размножить и раздать членам оргкомитета структуру XXII, XXIII и XXIV конгрессов, это облегчит работу. Прежде всего нужно разработать проблематику. Я согласен с С. П. Толстовым. Тут нужно установить тесную связь с учеными Китая, Кореи, Вьетнама и найти путь привлечения их к работе. Только привлекая их, мы сможем обеспечить реализацию всего намеченного.

А. С. Перевертайло: Наш конгресс должен быть неизбежно конгрессом несколько особым; во-первых, он будет происходить в СССР, и за его идеологическую направленность мы должны взять ответственность. Во-вторых, Восток получит возможность сказать свое слово. В-третьих, на предыдущих конгрессах не получили отражения современные процессы, происходящие на Востоке. У нас невозможно такое положение. Прежде всего надо решить вопрос, как мы будем ставить вопрос, как мы будем ставить проблемы, связанные с кризисом колониальной системы, с созданием независимых стран Востока, с процессами в народных демократиях. Такая поста[но]вка встретит известную оппозицию. Мы не должны вставать в положение персонажей, фехтующих на шпагах, надо выработать приемлемые позиции для участников конгресса. Важен вопрос о предварительных связях со странами Востока. До более или менее окончательного установления программы съезда нужно связаться с народными демократиями и другими странами. Далее мне кажется, что мы еще не готовы дать ответ о принципах программы конгресса и деления на секции. Я считаю необходимым создать небольшое количество групп в составе оргкомитета по региональному признаку, например, группу стран Дальнего Востока и такие же группы и по другим странам и группам стран. Они должны представить оргкомитету конкретные предложения. Срок — месяц на предложения по программе и структуре. Нужно учесть, что ежегодно приводятся синологические конференции: в 1958 г. будет синологическая конференция в Венеции, в 1960 г. у нас (совместно с конгрессом;

этот вопрос решается в соответствующих инстанциях). Это нужно учитывать, т[ак] к[ак] это отразится на программе конгресса. Это не исключает, конечно, что проблемы Китая нужно будет поставить в полной мере.

Б. Н. Заходер: Мне хотелось бы пофилософствовать о сегодняшнем заседании, о вопросах и задачах конгресса. Большая удача, что очередной конгресс состоится в Ленинграде. Но здесь нет полной аналогии со съездом славистов. Положение нашей славистики в мировой науке ведущее и определяющее; с востоковедением дело обстоит иначе, наше востоковедение всюду искусственно изолировано. Или не читают, замалчивают, или искажают, изучают в разведывательных целях. На международных конгрессах нас принимают вежливо, но изолируют. Но к нам тянутся и не только коммунисты, например, и представители некоторых религиозных групп, с другой стороны, например, во Франции вряд ли найдет сочувствие даже среди либералов наша точка зрения по вопросам Северной Африки.

Наша задача — прорвать изоляцию. Я присоединяюсь к И. М. [Дьяконову], надо сразу же завязывать дружеские связи, создав рабочие группы. Какие секции лучше всего создать? С. П. [Толстов] предлагает начать с проблематики? Но мы предложим проблематику нашу, типа кризиса колониальной системы: вокруг такой проблематики будут сгруппированы наиболее передовые люди, а многие отойдут от нашего конгресса, могут создать параллельный конгресс. Этого нужно избежать, но уступить, заменить нашу тематику археологическими проблемами — не наша задача. Надо встать на позиции международной науки.

Организации Института востоковедения предшествовали дискуссии, в которых многие из присутствующих принимали участие. В будущем будет создаваться всеобщая история, всеобщая история литературы; востоковедения как такового не будет, и нужно предвидеть развитие науки.

Надо разбить оргкомитет на группы: группы истории средних веков, древней, новейшей истории, то же — по литературоведению, то же — по языкознанию, этнографии, археологии; тогда и выставка пригодится. Тогда в академическом плане мы сможем выяснить проблематику. Я говорю не голословно. В. Ф. Минорский писал мне, что ему очень нравятся статьи по дифференциации наук (статьи Н. И. Конрада, Б. Н. Заходера), в Англии они получили важные отзывы.

С. П. Толстов: Означает ли это ликвидацию востоковедения?

Б. Н. Заходер: Ликвидировать востоковедение неплохо, но пока не своевременно. Востоковедения нет в наших республиках, есть развитие истории отдельных республик; это будущее науки, нужно видеть развитие.

Б. Г. Гафуров предлагает перейти к организационным вопросам. Предлагает избрать Московское бюро оргкомитета в составе: Г. Л. Бондаревский, И. С. Брагинский, Б. Г. Гафуров, О. К. Дрейер, Б. Н. Заходер, Н. И. Конрад, И. М. Майский, А. С. Перевертайло, И. И. Потехин, Н. А. Смирнов, С. П. Толстов.

И. М. Майский выступает с самоотводом как не востоковед. Предложение об избрании Московского бюро оргкомитета принимается; Б. Г. Гафуров избирается руководителем бюро.

Б. Г. Гафуров предлагает избрать подкомитет для подготовки проекта программы и структуры конгресса в составе А. А. Балабушевича, В. В. Виноградова, А. А. Губера, И. М. Дьяконова, Н. И. Конрада, Д. А. Ольдерогге, И. А. Орбели, Н. В. Пигулевской, А. С. Перевертайло, В. В. Струве, С. П. Толстова.

Предложение принимается.

Б. Г. Гафуров предлагает создать три подкомитета: 1) Древнего Востока, руководитель В. В. Струве; 2) издания рукописей, руководитель И. А. Орбели; 3) восточного языкознания, руководитель Н. И. Конрад.

Предложение принимается.

Г. Л. Бондаревский предлагает создать подкомитет по новейшей истории и связаться со странами народной демократии. Предлагает составить проект программы и структуры конгресса в месячный срок и этот проект направить всем заинтересованным организациям и членам оргкомитета, а также размножить структуру XXII, XXIII и XXIV конгрессов.

И. А. Орбели предлагает избрать Ленинградское бюро оргкомитета в составе А. П. Векилова, И. М. Дьяконова, Д. А. Ольдерогге, И. А. Орбели, Н. В. Пигулевской, Б. Б. Пиотровского, В. В. Струве.

Предложение принимается.

Председатель закрывает заседание.

Председатель оргкомитета (Акад. АН Тадж. ССР Б. Г. Гафуров)

Секретарь (И. М. Дьяконов)

М. Д. Бухарин
Москва

В. В. Бартольд: между молотом и наковальней

Жизнь и научная деятельность выдающегося востоковеда В. В. Бартольда может рассматриваться как квинтэссенция процессов, происходивших в российской (советской) науке и культуре на протяжении более 30 лет. Ученик В. Р. Розена, В. В. Бартольд отошел от идеалов, которыми руководствовались его наставник и его поколение европейских востоковедов. Просветительская деятельность была так же важна для В. В. Бартольда, как и научная, и значительную часть своей жизненной энергии он потратил на участие в формировании и деятельности сети просветительских и образовательных учреждений в Туркестанском генерал-губернаторстве (Туркестанской СФР, АТССР, ТССР, УзССР). Идеалы В. В. Бартольда были связаны с научной и просветительской деятельностью, искоренением колониалистского подхода в науке и организационной деятельности, развитием местных органов власти в сфере изучения и охраны памятников истории и культуры. Принципы, которыми руководствовался В. В. Бартольд в организационно-административной деятельности, в целом противоречили генеральной линии Советского государства в его политике в отношении с «периферией». В практических решениях В. В. Бартольд был вынужден идти наперекор своим принципам, так и не став в полном смысле слова частью советской научной системы.

Ключевые слова: научная политика, культурная политика, колониализм, просвещение, Туркестан, В. В. Бартольд.

М. D. Bukharin
Moscow

V. V. Bartold: Between a Rock and a Hard Place

The life and scholarly activities of an outstanding orientalist V. V. Bartold can be seen as quintessence of the processes that were taking place in Russian (Soviet) science and culture for more than 30 years. A student of V. R. Rosen, V. V. Bartold moved aside from the ideals that guided his mentor and that generation of

European orientalists. V. V. Bartold's educational activities were as important to him as the scientific ones, and he spent a significant part of his life energy on the participation in forming and operating a network of educational and training institutions in the Turkestan General Government (Turkestan Soviet Federative Republic, Autonomous Turkestan Republic of the Russian Socialist Soviet Federation, Turkestan Soviet Socialist Republic, Uzbek Soviet Socialist Republic). V. V. Bartold's ideals were related to scientific and educational activities, eradication of the colonialist approach in science and organizational issues, as well as development of local authorities in the field of studying and protecting historical and cultural monuments. On the whole, V. V. Bartold's principles in organizational and administrative activities contradicted the general line of the Soviet state in the aspect of relations with "the periphery". In practical solutions, V. V. Bartold was forced to go against his principles, never becoming part of the Soviet scientific system in the full sense of the word.

Keywords: scientific policy, cultural policy, colonialism, education, Turkestan, V. V. Bartold.

Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) — во многих отношениях знаковая персона для российской науки и высшего образования как императорского, так и советского времени. Ученик и продолжатель дела В. Р. Розена, в 1891 г. В. В. Бартольд окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду и всю жизнь работал в науке, не ограничивая себя каким-то одним направлением. В. В. Бартольд оставил исключительно значимый след в арабистике, иранистике, тюркологии и ряде смежных дисциплин. Он постоянно совершенствовал свои знания как в «кабинетной» деятельности, так и в работе «в поле». Существенным было влияние В. В. Бартольда и на развитие высшего образования, и на организацию просветительной деятельности в Русском Туркестане. Несмотря на то, что научная и частная биографии В. В. Бартольда известны, казалось бы, хорошо, регулярно в научный оборот вводятся новые источники [Бухарин, Попова, 2018; Бартольд... 2018; Ананьев, Бухарин, 2018; 2020a], которые позволяют не только лучше понять Бартольда как исследователя и преподавателя, но и значительно точнее реконструировать те обстоятельства, в которых его деятельность развивалась.

А развивалась эта деятельность, с одной стороны, в то время, когда Россия уже укрепилась в Средней Азии и нуждалась в совершенствовании механизмов «мягкой силы» на местах, с другой — когда это влияние пришлось воссоздавать. Всю жизнь в науке В. В. Бартольд стремился избегать смешения исследовательской деятельности и политики, занимая руководящие посты в советских научных учреждениях. В. В. Бартольд, в отличие от старых

друзей и старших коллег С. Ф. Ольденбурга и, прежде всего, Н. Я. Марра, максимально сторонился идеологизации своей работы. Тем не менее, хотел сам В. В. Бартольд того или нет, его работы интересны еще и тем, что их автор воплощал в них особенности мировоззрения наиболее просвещенных ученых империи, работавших как на благо империи, так и в интересах имперских окраин, изучению которых они посвящали свою жизнь. Взгляды В. В. Бартольда на историю в целом, место России в историческом процессе, суть научной деятельности в значительной степени отличались от воззрений его учителя В. Р. Розена¹. Тем интереснее проследить, как практическая — исследовательская и организационная — деятельность В. В. Бартольда, которую он вел от имени двух империй — Российской и Советской, воплощалась в конкретных делах. Цели, которые ставил перед собой В. В. Бартольд, далеко не всегда совпадали с целями, которое преследовало государство. Так чем же был «ориентализм» В. В. Бартольда: «чистой» наукой без мировоззренческих примесей, инструментом (далеко не всегда явным) сознательной борьбы с имперским колониализмом или механизмом проведения колониальной политики? Возможно, полная ясность в этом вопросе будет достигнута еще не скоро. Дело в том, что архивное наследие В. В. Бартольда — исключительное по своему объему, на основе которого только и возможно вести подобные изыскания, — распылено между несколькими хранилищами в России и Узбекистане, а скоординированная деятельность по его введению в научный оборот не ведется. Так, переписка В. В. Бартольда с В. Р. Розеном лишь в текущий момент стала предметом исследования — автора настоящей публикации.

Один из биографов В. В. Бартольда, автор фундаментальных для советского времени трудов по истории изучения Средней Азии Б. В. Лунин представил «канонический» взгляд на научно-организационную деятельность В. В. Бартольда вдали от столиц: «В этом отношении Бартольду суждено будет занять особое место в истории востоковедения. Он был одним из организаторов, деятельным сотрудником и наставником Туркестанского кружка любителей археологии (1895–1917) и других научно-краеведческих учреждений и организаций Средней Азии, покровителем и защитником интересов местных краеведческих музеев и библиотек, ревнителем местной периодической прессы и научно-краеведческих изданий, активно сотрудничая на их страницах,

¹ Емкое их изложение представил сам В. В. Бартольд в некрологе своего учителя. В. В. Бартольд не постеснялся процитировать даже явно уничижительные высказывания Розена в отношении ислама [Бартольд, 1909, с. 34], впрочем, явно не разделяя их, но и не находя нужным критиковать в некрологе. Впрочем, пренебрежительное отношение к исламу оказалось весьма устойчивым в русской академической среде. Ср. высказывания индолога, буддолога академика Ф. И. Щербатского: «Как и в других странах, ничто в Индии не могло противостоять дикой энергии ислама. И, как и в других странах, мусульманство, по крайней мере в начале, являлось силой только разрушительной» [Щербатской, 1924, с. 2].

поддерживая сочувственными отзывами в центральной и местной печати» [Лунин, 1981, с. 18–19].

Организационная деятельность В. В. Бартольда была искренне и по достоинству оценена местными просветителями, в частности Н. П. Остроумовым, уже в конце XIX столетия [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 449. Л. 3]. И позднее один из ближайших к В. В. Бартольду деятелей туркестанского просвещения Н. П. Остроумов оправлял Василию Владимировичу от имени Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) поздравления по тем или иным случаям: защиты диссертации или избрания почетным членом ТКЛА [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 449. Л. 16].

Впрочем, подобный идиллический образ не вполне вписывается в некоторые «программные» заявления В. В. Бартольда, охотно цитировавшиеся в советской науке. Тот же Б. В. Лунин ничтоже сумняшеся воспроизводит [Лунин, 1981, с. 19] фрагмент «Двух лекций студентам, кончающим курс Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, об их задачах в Туркестане и о деятельности туркестанских научных обществ», прочитанных в 1900 г., который был призван укрепить в сознании читателя светлый образ В. В. Бартольда — борца с колониальным чванством и бескорыстного культуртрегера: «От большинства других стран научное значение востоковедения отличается тем, что оно не может удовлетвориться работой специалистов из крупных научных центров, где сосредоточены необходимые для них пособия и источники, и которые только изредка могут совершать более или менее продолжительные поездки для непосредственного изучения жизни восточных народов. Оттого они не могут обойтись без услуг представителей европейской образованности, имеющих возможность на месте, иногда в течение долгих лет, изучать восточную жизнь, конечно, с большей полнотой, чем это возможно при каких бы то ни было научных командировках» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–2].

Внимательное прочтение данного высказывания молодого столичного приват-доцента, вернувшегося из длительных командировок в Туркестан середины 1890-х гг. и пережившего немало трудностей, рисковавшего если не жизнью, то здоровьем и нажившим в результате неудачного лечения в Ташкенте тяжелой травмы хроническую хромоту, может составить иной образ В. В. Бартольда — колониального ученого, для которого распространение европейской образованности «на местах», в частности в Туркестане, имело вполне «практическую» цель: облегчить работу столичным исследователям, избавив их от необходимости подолгу задерживаться в тех областях, которые служат предметом их научных интересов и где риски для жизни слишком высоки.

Впрочем, эта мысль быстро эволюционировала в «системном» направлении: в переписке с генеральным консулом в Кашгаре Н. Ф. Петровским уже с 1904 г. В. В. Бартольд неоднократно обращался к необходимости учреждения должности «агента по археологии» и корреспондента Академии

наук в Туркестане по аналогии с подобными представительствами в Риме и Константинополе (явно желая занять эту должность). Эта идея не была реализована, и В. В. Бартольд видел основную причину в косности и пренебрежительном отношении к Туркестану, его жителям и его истории со стороны высшего военно-гражданского чиновничества («нового режима», по выражению самого В. В. Бартольда) [Бухарин, Попова, 2018, с. 312–313, 316]. Во всяком случае, равная ценность истории западноевропейской и истории восточной и совершенное непонимание этой ценности местными властями были для В. В. Бартольда совершенно очевидны.

Научное credo В. В. Бартольда

В. В. Бартольд всю свою сознательную жизнь старательно дистанцировался от политической деятельности, от участия в работе партий, хотя его ближайший старший товарищ и коллега С. Ф. Ольденбург был политически активен — во всяком случае, в дореволюционный период. Даже в то время, когда те или иные политические взгляды — либеральные или консервативные — являлись практически неотъемлемой составляющей образа любого крупного ученого императорского времени, В. В. Бартольд стремился, во всяком случае в публичных выступлениях, дистанцироваться от деятельности ненаучной и освободить, как верно показала В. Тольц [Тольц, 2013, с. 156], свои работы от любого «центризма», т. е. в конечном итоге предубеждений, влиявших на точность выводов. Впрочем, исследование В. Тольц основано только на опубликованных работах, что до определенной степени обедняет его значимость. Особенно ярко это обстоятельство видно при трактовке В. Тольц взглядов С. Ф. Ольденбурга. В этой связи именно неопубликованные работы В. В. Бартольда представляют наибольший интерес.

Так, в неопубликованной статье «О задачах молодой русской интеллигенции в ближайший послевоенный период», написанной в 1916 г. для издания «Война и петроградская высшая школа», В. В. Бартольд излагает свои взгляды, которые до некоторой степени можно было бы назвать общественно-политическими. В. В. Бартольд отмечает, что молодежи (а основной пафос полемики концентрировался вокруг роли молодых поколений интеллигенции в послевоенном устройстве России) «необходима вера в науку, причем в науку общечеловеческую <...> чтобы русская молодежь продолжала работать для осуществления общечеловеческих идеалов и не поверила тому, что ей приходится слышать и читать о каких-то идеалах славянских и латинских. Необходимо, однако, и вера в русскую науку, конечно, только как неразрывную часть науки общечеловеческой» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 380. Л. 1].

Здесь В. В. Бартольд явно идет вразрез с господствовавшим в то время настроением в научной среде: начальный период Первой мировой войны был особенно ярко отмечен ростом националистических настроений по всему научному (и ненаучному) миру, противопоставлением «своей» (правильной)

науки — науке чужой [Jacob, Shaw, Demy, 2018, p. 7]. Впрочем, тот же В. В. Бартольд, уже действительный член Императорской академии наук, в то время, когда коллеги по академии рассуждали о сворачивании научного сотрудничества с Германией и ее союзниками, предложил на Торжественном заседании академии 29 декабря 1914 г. выступить с докладом «О задачах русского востоковедения в Туркменистане» [Летопись... 2007, с. 249].

Здесь же В. В. Бартольд представляет свой взгляд на «глобальные процессы» всемирной истории: он делит народы на «малые» и «большие», признает справедливым все, что ранее было написано о правах и заслугах народов малых, о вреде империализма, однако признает, что движущей силой истории были именно народы «большие» и «мировые государства». В. В. Бартольд обозначает финальную цель истории — создание общечеловеческой культуры, приближение которой на момент написания статьи признает недоступной.

В «Записке о значении памятников архитектуры Средней Азии и необходимости охранять их» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–8], составленной не позднее октября 1917 г., В. В. Бартольд определенно сформулировал важный пункт своего научного мировоззрения. История Востока для него не являлась процессом «россиецентричным»: «История еще в XVI в. поставила Россию лицом к лицу с мусульманским миром, <...> но только в Туркестане в состав России вошла древняя культурная страна, <...> где мусульманская культура достигла блестящего развития задолго до крещения Руси» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 69. Л. 1]. Далее В. В. Бартольд выделял исторические памятники от Ферганы до Прикаспия, которые заслуживали изучения. Ученый напомнил о том, что в 1885 г. англичане разрушили мечеть XV в.², и выражал настоятельное требование к местным властям об охране вверенных их попечению памятников [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 69. Л. 7].

Один из главных деятелей евразийства П. Н. Савицкий в некрологе В. В. Бартольда цитирует письмо³ ученого к нему (не называя даты написания), в котором представлено научное и мировоззренческое *credo* его визави: «Давая название своей книге, я не имел в виду какой-либо исторической доктрины. Если бы я начал свое изложение хотя бы со средних веков, я, может быть, употребил бы термин “Западная Европа”, но в моей книге довольно много места занимает античный период, когда Западной Европы, как особого культурного мира, еще не было. Поэтому я счел себя вправе рассматривать европейскую науку о Востоке как одно целое, не смущаясь тем, что эта наука

² Речь идет о битве за Герат во время русско-британской войны 1884–1885 гг., когда англичане для улучшения обзорности уничтожили высокие сооружения, мешавшие наблюдению за противником.

³ О месте хранения писем В. В. Бартольда к П. Н. Савицкому можно лишь догадываться. Из общих соображений следует предположить, что они отложились в безбрежном фонде П. Н. Савицкого в ГАРФ [ГАРФ. Ф. Р-5783]. Их выявление и публикация — насущная задача для исследования истории общественно-политической мысли 1920-х гг., в частности вклада В. В. Бартольда (вольного или невольного) в эволюцию евразийства.

получила начало на западном берегу Малой Азии, что главным местом ее процветания был некоторое время африканский город (Александрия), что несколько веков прерванная в Европе научная работа продолжалась в Багдаде и других центрах мусульманской культуры. Изучение Востока в России я рассматривал отдельно совершенно независимо от вопроса, причислять ли Россию к Европе или нет. Я руководствовался только тем, что в России отношение к Востоку и связанное с ним изучение Востока развивалось особыми путями, не утратившими своего значения даже после подчинения русской науки влиянию западноевропейской. Мне и теперь кажется, что изучение Востока в России в гораздо большей степени, чем “русская географическая наука”, представляет “особый научный мир”» [Савицкий, 1931, с. 268].

Исходя из вышесказанного, В. В. Бартольд рассматривал российскую науку о Востоке как несамостоятельную, подчиненную науке западноевропейской, т. е. руководствующуюся теми принципами (и принципами, вводящими в заблуждение, в частности — противопоставлением Востока Западу⁴), которые были выработаны предшествующим поколением западноевропейских ученых. С другой стороны, очевидно, что для В. В. Бартольда изучение Востока в России представляет собой явление, отдельное от западноевропейской научной мысли, что эволюция российского востоковедения, искаженная влиянием европейской научной мысли, должна быть исцелена от европоцентризма. Признание «особости» российской науки о Востоке в письме к видному представителю евразийства могло быть спровоцировано точкой зрения адресата: в известных публикациях В. В. Бартольда прямым текстом об этом не говорится. Впрочем, возможно, что именно такие документы, как частные письма, и являются в полной мере *confession de foi*.

П. Н. Савицкий, как и В. В. Бартольд, выступал активным защитником памятников историко-культурного наследия. В 1936 г. он издал брошюру, в которой представил ужасающую панораму разрушения памятников истории и культуры по всему СССР, распродажи музейного фонда и уничтожения музеев. Положению дел в Туркестане и экспонированию предметов восточного искусства в этой работе уделено немного внимания [Савицкий, 1936], с. 26–29, 31, 36–37], однако вполне очевидно «духовное родство» между П. Н. Савицким и В. В. Бартольдом. Последний пережил культурно-исторические реституции 1920-х гг. [см., напр.: Ананьев, Бухарин, 2020б], призванные обеспечить политическую лояльность «периферии» политическому центру, но не дожидаясь кампании музейных распродаж [Ильин, Семенова, 2000; Государственный Эрмитаж... 2006; Государственный Эрмитаж... 2014; Государственный Эрмитаж... 2016], инициированной с целью получения валюты, в первой половине 1930-х гг.

Ранее уже предоставлялся случай обратить внимание на одну важную особенность работ В. В. Бартольда, опубликованных при его жизни. Как

⁴ На это обратила внимание, в частности, В. Тольц [Тольц, 2013, с. 156].

в небольших заметках, так и в крупных фундаментальных трудах ученый не делил всемирную историю на отдельные направления — историю Востока и историю Запада [Ананьев, Бухарин, 2020а, с. 17–18]. Определение, посмертно данное Н. Я. Марром В. В. Бартольду, согласно которому он «не меньший историк Запада, чем историк Востока» [Марр, 1931, с. 8], находит свое подтверждение и на материале неизданных работ В. В. Бартольда. В данном контексте показательна работа «О ханствах Бухарском и Хивинском» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 77]. В ней определенным фазам и явлениям из истории среднеазиатских обществ, в частности оппозиции духовной власти властям светским, В. В. Бартольд находит типологические параллели из истории Западной Европы (например, централизация ханской власти у среднеазиатских кочевников в XVII–XIX вв. на фоне абсолютизации светской власти в Европе), при этом, безусловно, делая и необходимые различия. Не состоявшийся полностью выход народов Средней Азии из условий «средневековой жизни» В. В. Бартольд сопоставлял с переходом к Новому времени в европейской истории, который, по его мнению, начался только после XVIII в. [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 77. Л. 29].

Миссия русской науки в Азии

Несмотря на ярко выраженную аполитичность, В. В. Бартольд прекрасно понимал суть российской политики в Средней Азии во второй половине XIX в. Так, еще в 1896 г. в неопубликованной рецензии на книгу Н. П. Остроумова «Сарты. Этнографические материалы» В. В. Бартольд обращал внимание на необходимость избегать крайностей при изображении жизни того или иного народа (либо в черных, либо в розовых тонах). Н. П. Остроумов полагал, что влияние русской культуры на жизнь туркестанцев будет положительным. В. В. Бартольд соглашался с Н. П. Остроумовым в том, что не внешняя русификация, т. е. усвоение образа жизни, а инфраструктурные реформы (строительство социально значимых объектов) должны стать ядром распространения русской культуры в Туркестане [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–7]. Об этом же В. В. Бартольд писал и в работе «О ханствах Бухарском и Хивинском». Он говорил о преимуществах русской системы управления в сравнении с системой ханской [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 77. Л. 17], т. к. при новой системе управления при совместной работе двух начал Средняя Азия быстрее реализует потенциал экономического развития.

В этой же работе В. В. Бартольд уже констатирует зависимость экономического положения и политической стабильности Средней Азии от состояния дел в Центральной России. Так как это состояние, по мнению ученого, было неудовлетворительным, то прочность государственности в Средней Азии также оказывалась под вопросом [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 77. Л. 30].

Мысли о роли и положении русской науки и культуры «в азиатских владениях России» В. В. Бартольд кратко, но определенно развил

в неопубликованной статье «О задачах молодой русской интеллигенции в ближайший послевоенный период», цитированной выше [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 380. Л. 1–8]. Ученый отмечает, что русские являются единственными представителями европейской культуры в этих местах, что у России есть определенная просветительская миссия в регионе с богатейшим культурным прошлым, но оторванном от мирового прогресса. По его мнению, потребуется еще несколько поколений ученых, чтобы научные методы привились в научной среде в Азии. Центральной является следующая идея: на момент написания статьи и в ближайшей перспективе только русская научная мысль способна дать в Средней Азии результаты, свободные от одностороннего национализма и религиозной догматики. И здесь следует отметить тонкую грань в мировоззрении В. В. Бартольда: неся свет просвещения на Восток, он стремился освободить эту миссию от неравноправия донора и реципиента, от порабощения среднеазиатской науки российской. Порабощение, неравноправие, вторичность одного по отношению к другому — характерные признаки колониального мышления и практики. Именно от этих составляющих ученый стремился избавить российское востоковедение и в этом видел особенность его миссии.

С другой стороны, В. В. Бартольд отмечает разнонаправленные тенденции в культурном развитии различных народов: русские, живущие вне исторических пределов, не демонстрируют следов прогресса, тогда как другие народы (ученый приводит в пример татар, армян и грузин) как раз показывают «несомненный прогресс». В завершение статьи В. В. Бартольд высказывает мнение о том, что если русская наука не выполнит свои просветительские задачи, то совершит преступление не только перед Россией, но и перед мировой культурой.

В «Программе по отделу “Культурный уровень и потребности населения”», которая перекликается с работой «История культурной жизни Туркестана»⁵, В. В. Бартольд собирался остановиться на таких щекотливых материях, как «уничтожение ханской власти», «уничтожение родового строя кочевников и аристократического сословия», «политика игнорирования ислама», «попытки насаждения русской школы», «вопрос о колонизации», «роль русских и татар в деле ознакомления туркестанцев с европейской культурой» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2]. Впрочем, в 1918 г. обо всех этих составляющих политики колонизации можно было говорить вполне безбоязненно. Однако пункты эти составляли *credo* В. В. Бартольда во всякую пору его научной деятельности.

Цитированные выше архивные документы показывают, что мировоззрение ученого отличалось от взглядов большинства его коллег-востоковедов. Он стремился сохранять абсолютную аполитичность, видел смысл своей деятельности и деятельности следующих поколений русских интеллигентов

⁵ Этим наблюдением мы обязаны Н. Н. Туманович [Туманович, 1976, с. 242].

в служении чистой науке, не омраченной этнополитическими симпатиями. В. В. Бартольд ясно осознавал собственную просветительскую миссию, которую он рассматривал в контексте более широких воззрений — просветительской миссии России в Азии, прежде всего, но не исключительно, в Туркестане. Соглашаясь с тезисом об отрицательном влиянии империализма на «малые народы», В. В. Бартольд тем не менее исходил из того, что народы все же делятся на малые и большие и что решающая роль в истории принадлежит именно народам большим, которые должны выполнить определенную, просветительскую, миссию в отношении других народов, не ставя их при этом в неравноправное положение. С этой точки зрения следует анализировать деятельность В. В. Бартольда как археолога и администратора.

Бартольд-администратор: идеалы и реальность

В. В. Бартольд не только исследовал письменные памятники тюркской, иранской, арабской, античной традиций. Он являлся археологом и в современном смысле этого слова, т. е. он руководил экспедициями, члены которых должны были вскрывать слои земной поверхности, фиксировать их стратиграфию, а также находки предметов материальной культуры, хотя его личное участие в полевых работах можно признать скорее эпизодическим. С другой стороны, необходимо принимать во внимание, что в ту пору, на которую пришлось деятельность Бартольда-археолога, предметное поле археологии не существовало отдельно от искусствознания [см. подробнее: Ананьев, Бухарин, 2018]. Конечно, далеко не каждый искусствовед рубежа XIX–XX вв. мог претендовать на то, чтобы считаться археологом, однако практически каждый археолог в современном смысле этого слова мог считаться искусствоведом и фактически таковым и являлся.

Судя по письмам Н. Ф. Петровского барону В. Р. Розену, декану восточного факультета Санкт-Петербургского университета, председателю Восточного отделения Русского географического общества, первые самостоятельные экспедиции В. В. Бартольда были нацелены на исследование памятников уйгурской письменности Восточного Туркестана⁶. Однако уже в середине 1894 г. он был занят археологией, т. е. осмотром и исследованием древних и средневековых городищ⁷.

В фонде В. В. Бартольда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся неизданные документы, свидетельствующие о значительно более существенном месте, которое археология занимала в его научной работе как в начале XX в., так и в 1920-е гг. В 1904 г. В. В. Бартольд не просто осматривал

⁶ См. письма от 18 июня, 2 июля, 15 июля, 15 сентября 1893 г. [Бухарин, Тункина, 2018, с. 113, 115–116, 119].

⁷ См. письмо от 3 июня 1894 г. [Бухарин, Тункина, 2018, с. 140].

городище Афрасиаб — один из главных центров древней Согдианы и средневекового Мавераннахра [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–2], он фактически вел раскопки на месте бывшей цитадели [см.: Вяткин, 1908, с. 22]. Особенно подробны «Материалы к раскопкам городища Афрасиаб в Самарканде» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 65]. Дальнейшими раскопками руководил В. Л. Вяткин — один из основоположников русской археологии в Средней Азии, который, однако, отдавал должное сделанному В. В. Бартольдом. Его центральное открытие В. Л. Вяткин так и называл: «Столб В. В. Бартольда» [Вяткин, 1908, с. 29, 32, 34]. В фонде В. В. Бартольда сохранился значительный объем документации — обмеров, планов, описания слоев, находок, фотографий, в т. ч. сделанных В. Л. Вяткиным.

В. В. Бартольд выработал широкую программу археологических исследований в Средней Азии, охватывавшую не только Самарканд, но и Анау, Мерв, Урумбай. Он формировал список памятников, которые должны были быть взяты под охрану Туркомстарисом. Эта программа и список памятников были составлены в 1918 г., а сам список входит в сборное дело «Археологические работы в Средней Азии» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 73. Л. 5–6].

Академик В. В. Бартольд был не только исследователем и педагогом. Собственный опыт кабинетной и полевой работы пригодился ему в административной деятельности. Осуществляя руководство научной сферой, ученый, безусловно, пытался реализовать на практике те мировоззренческие идеалы, которые он выработал в ходе исследовательской деятельности. Среди прочего он занимал посты председателя Постоянной Туркестанской комиссии (ПТК) Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 1–22], организованной вместе с С. Ф. Ольденбургом в начале 1921 г., и председателя Коллегии востоковедов при Азиатском музее⁸. Документы по деятельности В. В. Бартольда в РАИМК собраны в одном из наиболее важных дел в фонде ученого [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 439], однако почти две сотни листов этого дела не исчерпывают материалов, касающихся данной сферы его научной и административной деятельности в 1919–1930 гг. — с момента основания академии до дня кончины В. В. Бартольда.

В РАИМК В. В. Бартольд заведовал разрядами (отделами) мусульманской археологии и археологии Средней Азии. ПТК РАИМК фактически определяла направления археологических работ в Средней Азии, распределяла бюджет, отпускаемый на их осуществление. Важность этих документов для современной науки не очевидна: в аннотированном описании архивного фонда В. В. Бартольда указанным документам не уделено ни строки [Туманович, 1976, с. 357], а ранее был издан и прокомментирован лишь первый протокол заседания ПТК [Бухарин, Тункина, 2019; Первое заседание... 2020].

⁸ См. вариант устава коллегии в фонде В. В. Бартольда, записанный его собственной рукой [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 432. Л. 578].

Деятельность ПТК РАИМК ранее практически не привлекала внимание исследователей, даже дата ее основания и хронология работы в исследованиях указываются ошибочно [Лунин, 1981, с. 138–139]. Первое заседание ПТК состоялось 8 января 1921 г. Протокол заседания отложился не в фонде В. В. Бартольда, а в фонде С. Ф. Ольденбурга [СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 192. Л. 80–82]; в фонде В. В. Бартольда отложились протоколы заседаний со второго по девятое [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444].

Сама РАИМК и ее Туркестанская комиссия за несколько лет прошли длительную структурную эволюцию. К 1921 г. фактически прекратилась деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Его полномочия были переданы Коллегии востоковедов, председателем которой и являлся В. В. Бартольд, и РАИМК, в главе которой стоял Н. Я. Марр. РАИМК оказалась создана на базе Российской государственной археологической комиссии, бывшей Императорской археологической комиссии — главного и единственного органа управления археологическими исследованиями в императорской России [Императорская... 2009]. В структуре РАИМК в начальный период ее деятельности отделений было три: Этнологическое, Археологическое и Отделение истории искусств. Отделения, в свою очередь, состояли из разрядов (отделов). В. В. Бартольд заведовал Археологическим отделением в целом и разрядом археологии Средней Азии в частности.

Советское государство рассматривало деятельность по реставрации памятников старины в Туркестане как имеющую значительное политическое значение. «Собирание земель» бывшей Российской империи в рамки СССР требовало обеспечения лояльности местного населения. В этой связи неудивительно положительное отношение Совета народных комиссаров и Наркомпроса к запросам о дополнительном финансировании реставрационных работ. «<...> Восстановление исторических памятников мусульманского зодчества в Туркестане имеет несомненно крупное политическое значение», — говорится в письме руководителей Рабоче-крестьянской инспекции в СНК от 8 июня 1923 г. [ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 1644. Л. 98].

Непосредственным толчком к созданию ПТК РАИМК, безусловно, послужили результаты успешной командировки В. В. Бартольда в 1920 г. в Среднюю Азию [см.: Бартольд, 1921]. Командировка носила комплексный характер: наряду с вопросами институциональными (учреждение кафедры истории Востока в Туркестанском университете), исследовательскими (работа с местными рукописными собраниями) В. В. Бартольд должен был собрать сведения о положении дел с охраной памятников старины, выработать план археологических исследований по соглашению с местными властями.

Некоторые подробности положения и деятельности В. В. Бартольда в системе «центр — периферия» освещает его письмо к С. Ф. Ольденбургу от 4 сентября 1920 г. В нем В. В. Бартольд описывает тяжелый быт советского

Туркестана, приводит мрачные подробности своей повседневной жизни. Явным контрастом служит описание благополучного состояния библиотечного дела. В. В. Бартольд также говорит об «условиях соединения с академией», однако подробностей не приводит: если под академией определено имеется в виду РАИМК, то что и на каких условиях предполагалось соединять — из письма с полной определенностью не следует.

Особенно показателен в этом контексте следующий отрывок: «Не удалось пока сговориться с местными властями насчет археологии. Помимо составленных здесь самостоятельных и не всегда удачных планов, отчасти уже приводимых в исполнение, например, в Самарканде, придется бороться с влиянием Москвы. Троцкая⁹ с успехом играет роль гр. Уваровой¹⁰ и совершенно игнорирует Академию истории материальной культуры, но разница та, что прежде Археологическая комиссия обладала властью, гр. Уварова — нет. Теперь наоборот» [Ананьев, Бухарин, 2020а, с. 263].

В этом несколько витиеватом изложении сути дела можно легко выделить следующие главные элементы: вся фактическая власть в области археологии и охранного дела находилась в руках Музейного отдела Наркомпроса и его главы Н. И. Троцкой. Полномочия РАИМК были скорее номинальны. Свою научно-организационную миссию в Туркестане в 1920 г. В. В. Бартольд видел в том, чтобы поставить дело планирования и ведения раскопок в этом регионе и по возможности оградить местных коллег и местные учреждения науки и культуры от деструктивного влияния Наркомпроса.

На первом публичном заседании Научного общества при гуманитарных факультетах Туркестанского университета 14 ноября 1920 г. В. В. Бартольд прочел доклад «Ближайшие задачи изучения Туркестана» [опубл.: Бартольд, 1922а]. В этом докладе он сформулировал главные цели по развитию археологии в регионе: регистрация и охрана памятников в Бухарской и Хивинской республиках (не входивших в административную структуру Российской империи и, соответственно, существенно менее изученных), а не только в пределах прежнего Туркестанского генерал-губернаторства; издание археологической карты Туркестана и подготовка материалов для издания археологического атласа; издание альбома (по сути, хронологического каталога) сохранившихся памятников архитектуры; завершение раскопок, начатых американской экспедицией Р. Пампели в 1903–1904 гг.; организация

⁹ Наталья Ивановна Троцкая (Седова) (1882–1962) — вторая (гражданская) жена Л. Д. Троцкого, заведующая Музейным отделом Наркомпроса в 1918–1928 гг.

¹⁰ Имеется в виду графиня Прасковья Сергеевна Уварова (урожд. Щербатова; 1840–1924) — сестра князя Н. С. Щербатова, директора Исторического музея в 1917–1921 гг., супруга графа А. С. Уварова, основателя Московского археологического общества (МАО). После кончины супруга в 1884 г. П. С. Уварова взяла на себя управление деятельностью МАО, заняв должность председателя. После переворота 1917 г. жила на Северном Кавказе, вела научную и преподавательскую работу. С 1919 г. — в эмиграции. П. С. Уварова оставила исключительный след в развитии археологии как исследователь и как организатор.

раскопок в Мерве, на Афрасиабе (в Самарканде); изучение памятников архитектуры в Самарканде, топографии Бухары, а также так называемых «жилых курганов».

Материалы командировки 1920 г. были изложены и в другой публикации [Бартольд, 1922б]. В ней В. В. Бартольд также предлагает необходимые меры по охране исторических памятников Самарканда, сообщает о результатах раскопок близ медресе Улугбека, о планах восстановления падающего минарета при нем, ход работ на Афрасиабе, обсуждает вопросы отношений между различными учреждениями науки и культуры. Также он предлагает план наиболее неотложных работ в Туркестане, в частности он говорит о важности топографического изучения Бухары, отмечает важнейшие археологические находки, в т. ч. оссуарий, обнаруженный возле Пишкека, а также христианские сирийские надписи, обнаруженные близ Ургута.

В целом план работ, изложенный в журналах «Наука и просвещение» и «Известия РАИМК», и лег в основу деятельности ПТК РАИМК.

На первом заседании В. В. Бартольд был избран председателем ПТК, а ее секретарем — археолог, художник, фотограф, этнограф С. М. Дудин. Это объясняет то обстоятельство, что все протоколы записаны рукой С. М. Дудина. Тогда же среди прочего было принято решение систематизировать накопленные материалы по охране памятников истории и культуры Туркестана, главным образом сконцентрированные в Самарканде, — материалы эти хранились «в различных ученых учреждениях г. Петрограда» [СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 192. Л. 80].

Член ПТК Н. Б. Бакланов¹¹ огласил список из четырех групп памятников, классифицированных по степени их важности для реставрации, и выдвинул инициативу об отправке в Самарканд специальной экспедиции. Важность отправки и начала работы этой экспедиции заключалась еще и в том, что местных специалистов по изучению и реставрации памятников истории и культуры не хватало, и они, местные кадры, были готовы работать с коллегами из «центра». Кроме того, экспедиция могла бы положить конец «грабительскому» направлению раскопок, которые вели местные археологи. При этом решили воздержаться от раскопок важнейшего памятника — Афрасиаба.

Данные протокола первого заседания ПТК РАИМК приобретают большую яркость в свете документов из другого архивного собрания — Государственного архива Российской Федерации. Решение об отказе от проведения раскопок на Афрасиабе, принятое ПТК РАИМК, шло вразрез с постановлением Самаркандской комиссии по охране и реставрации памятников. В «Объяснительной записке к смете на археологические работы Самаркандской комиссии

¹¹ Николай Борисович Бакланов (1881–1959) — художник, архитектор, профессор Института гражданских инженеров (1918), Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств (1932), действительный член РАИМК (1919) и ученый секретарь Московской секции (1919), член Секции общей архитектуры РАИМК (на 1926 г.).

по охране и реставрации памятников на 1922 г.» говорится: «Согласно постановления Комиссии по охране и реставрации памятников старины и искусства в Самарканде от 7 октября 1920 года за № 21 под председательством Д. И. Нечкина и при участии представителя от Центрального органа по охране старины академика В. В. Бартольда и профессора А. Э. Шмидта, археологической секции этой Комиссии поручено произвести археологические раскопки на Афросиабе, причем и самые места будущих раскопок осмотрены поименованными лицами с участием других членов Комиссии и намечены в натуре» [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 86. Д. 2780. Л. 24].

Таким образом, в октябре 1920 г. В. В. Бартольд как представитель «Центрального органа по охране старины» поддержал решение Самаркандской комиссии о проведении раскопок на Афрасиабе, а через три месяца был вынужден отказаться от этого решения и, будучи председателем ПТК РАИМК, подчиниться прямо противоположному мнению.

Н. Б. Бакланов выступил с жалобой на «местные власти», т. е. на ташкентский Отдел по охране памятников древности в Туркестанской Республике (ООПДТР): «...отдел, предприняв ряд работ по реставрации памятников в Самарканде, не считает, по-видимому, необходимым испрашивать на этот счет указаний и санкции Академии материальной культуры» [СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 192. Л. 82]. Было решено положить конец этой «самодеятельности»: все экспедиции в Туркестане должны были работать только под эгидой РАИМК. Таким образом, первое же заседание ПТК фактически лишило местные власти полномочий по ведению самостоятельной исследовательской и реставрационной деятельности.

На втором заседании ПТК 10 апреля 1921 г. В. В. Бартольд озвучил информацию о строительстве железной дороги, которая должна была пройти через Афрасиаб. По его инициативе было принято важнейшее решение: «принять все меры с целью изменения направления ветви железной дороги таким образом, чтобы она миновала Афрасиаб, что, по-видимому, вполне возможно, и тем сохранить его в неприкосновенности для будущих научных изысканий. В ряду этих мер пока намечено отправление телеграммы от Российской академии истории материальной культуры в Туркомстарис с копией ее в Самаркандскую комиссию о настоятельной необходимости отклонения линии железнодорожной ветви в сторону от Афрасиаба» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 4 об.]. Уже на следующем заседании ПТК 27 ноября 1921 г. В. В. Бартольд выступил с сообщением о том, что «пока опасность, грозившая Афрасиабу, миновала» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 6].

ПТК в духе времени взялась за решение такого вопроса, как перераспределение между музеями их фондов. Было решено образовать в Ташкенте два музея: Экономический и Научно-исторический; соответственным образом должны были быть проведены работы по перемещению частей коллекций, в частности из Главного краевого музея [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 7]. Таким образом, ПТК РАИМК стремилась действовать в Туркестане в рамках

той же «генеральной линии», которая была выработана и для столичных музеев, с легкостью перемещая экспонаты из одного собрания в другое [см. подробнее: Ананьев, Бухарин, 2022]. При этом для пополнения фондов Художественного музея в Ташкенте, основу которого составляло собрание картин великого князя Николая Константиновича, было решено вывозить экспонаты из Петербурга — Москва уже «поделилась» своими коллекциями. Кроме того, было решено открыть в Ташкенте Музей Октябрьской революции, отделение Московского археологического института, восстановить отделение Русского географического общества [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 7 об. — 8]. Казалось бы, отношения «центр — периферия» в музейном вопросе складывались противоположным колониальному образом: столичные музеи выступали донорами, а периферийные — реципиентами. С другой стороны, цель создания таких музеев была далека от тех идеалов, которыми руководствовался В. В. Бартольд. Новые музеи создавались с «воспитательными» целями, вопросы просвещения при их формировании имели подчиненный характер.

На этом же заседании ПТК разбирался конфликтный вопрос относительно прав собственности на памятники истории и искусства, добываемые в ходе раскопок. Туркомстарис категорически возражал против их вывоза, даже для изготовления копий. В конечном итоге сопротивление Туркомстариса было подавлено и ПТК решила «считать работы экспедиции собственностью Российской академии истории материальной культуры, настаивать на том, чтобы они остались в академии и разрабатывались здесь же, и просить академию известить о таком ее постановлении Туркомстарис» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 10].

Приблизительно таким же образом оказался решен вопрос и о том, в чьей власти будут находиться средства, выделяемые Наркомпросом на проведение реставрационных и ремонтных работ. Этот вопрос дебатировался на заседании 18 июня 1922 г., и речь шла об огромной сумме — 125 000 руб. золотом. Главным распорядителем бюджета выступил Музейный отдел Главнауки во главе с Н. И. Троцкой [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 12 об.].

На заседании ПТК 7 февраля 1924 г. рассматривалось «Положение о Самаркандской комиссии Туркомстариса». ПТК приняла решение добавить в положение пункт о том, что «научным центром» Самаркандской комиссии выступает РАИМК, т. е. и в данном вопросе было принято решение в пользу столичных органов власти, не допускавших никакой самостоятельности на местах.

Фактически деятельность Туркомтариса оказалась обесмыслена, т. к. само учреждение было полностью лишено каких-либо полномочий. Естественным образом, когда 9 марта 1924 г. ПТК РАИМК обсуждала вопрос о возможном упразднении Туркомстариса «ввиду его бездеятельности», А. П. Удаленков предложил передать все полномочия Туркомстариса в РАИМК, «для чего она может использовать местный фонд и средства общегосударственные» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 21 об.]. В. В. Бартольду ПТК поручила «заявить,

что на месте необходимо сохранить ячейку из местных деятелей, работы ее должны вестись по соглашению и под наблюдением Российской академии истории материальной культуры. Поднять вопрос об этом теперь же. Заявить, что председатель В. В. Бартольд Постоянной Туркестанской комиссии не отказывается принять участие в организации указанной ячейки» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 21 об. – 22].

Заключение

Таким образом, деятельность Постоянной Туркестанской комиссии РАИМК под председательством В. В. Бартольда привела к итогу, прямо противоположному в сравнении с тем, на который, как кажется, ориентировалась деятельность и самого В. В. Бартольда в течение четверти века до учреждения ПТК. Местные учреждения, уполномоченные вести работы по изучению и реставрации памятников истории и культуры, должны были быть полностью «переформатированы» и подчинены «центру». Бюджет, отпускавшийся на ведение реставрационной деятельности, целиком сосредотачивался в «центре». Центр по образу и подобию деятельности в столицах брался за формирование новых и реорганизацию старых музеев. Единственной ложкой меда, призванной подсластить эту горькую пилюлю, явилась готовность ходатайствовать о передаче ряда памятников изобразительного искусства в ташкентские музеи.

По иронии судьбы и сама ПТК РАИМК как экспертный и руководящий орган оказалась упразднена после трех лет в целом бесплодной деятельности. Туркомстарис же уступил свое место Средазкомстарису, которому должен был после завершения национально-территориального размежевания СССР наследовать Узкомстарис¹². Узкомстарис, созданный на руинах Средазкомстариса в 1928 г., функционировал до 1939 г., пока его полномочия не были переданы Комитету по охране памятников старины, революции и искусства при Совнарком УэССР [Лунин, 1990, с. 43].

В 1920–1925 гг. Главнаука не сумела выстроить понятную всем участникам научную и культуроохранную политику на территории Туркестанской АССР. Те учреждения, которые имели властные полномочия, не обладали компетенцией должного уровня, и наоборот, научное сообщество было лишено реальных полномочий по контролю за финансированием и ведением работ.

Организационный и институциональный хаос, царивший в советской науке до середины 1930-х гг., когда практически все научные учреждения были подчинены Академии наук СССР, заставлял В. В. Бартольда искать пути оптимизации деятельности по охране историко-культурного наследия Средней

¹² См. дело «О ликвидации Средазкомстариса и передаче учреждений его УэССР» [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 21. Д. 256. Л. 1–6]. Документы дела датируются 19 апреля – 14 мая 1928 г.

Азии. В 1927 г. В. В. Бартольд сделал сообщение по данному вопросу на заседании Историко-филологического отделения АН СССР, в котором говорилось: «Сосредоточение в *одном* комитете изучения памятников старины всех среднеазиатских республик представляется мне совершенно необходимым как ввиду единства культурных традиций всего Туркестана, так и вследствие возможности, по количеству имеющихся научных сил, учредить отдельный комитет для каждой республики» [СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 446. Л. 51].

В. В. Бартольд, следуя мировоззренческим принципам, выработанным еще в начальный этап своей научной деятельности, стремился вывести вопрос о политике в области сохранения историко-культурного наследия среднеазиатских республик из-под контроля центральной власти в Москве и Санкт-Петербурге, усилить позиции местной исполнительной власти, туркестанских учреждений науки и культуры, обеспечив их властными полномочиями. Однако отсутствие реальных возможностей реализовать планы, явно противоречившие «генеральной линии» государственной власти, заставляло его ограничиваться одними декларациями, впрочем, весьма смелыми. Можно предположить, что лишь преждевременная кончина избавила В. В. Бартольда от необходимости сделать окончательный выбор: стать молотом или остаться наковальней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. История искусства и археология в образовательном пространстве революционной России: два неизвестных проекта 1917 г. // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 268–286.
- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. «Имена, которые никогда не будут забыты...» Российское востоковедение в переписке В. В. Бартольда, Н. Я. Марра и С. Ф. Ольденбурга. М., 2020а.
- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. Российская академия наук и проблема перемещения памятников историко-культурного наследия грузинского происхождения в 1920-е гг. // Византийский временник. 2020б. Т. 104. С. 360–378.
- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. «Нужен совершенно новый музей»: Российская академия истории материальной культуры и проект создания Центрального музея истории материальной культуры в 1920-е гг. // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 267. М., 2022. С. 437–449.
- Бартольд В. В. Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм // Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов В. Р. Розена. СПб., 1909. (Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества ; т. 18 (прил.)). С. 31–38.
- Бартольд В. Отчет о командировке в Туркестан. Август — декабрь 1920 г. // Известия Российской академии наук. Сер. VI. 1921. Т. 15. С. 188–219.
- Бартольд В. В. Ближайшие задачи изучения Туркестана // Наука и просвещение : журнал Наркомпроса Туркеспублики. 1922а. С. 1–11.

- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан // Известия РАИМК. 1922б. Т. 2. С. 1–22.
- Бартольд В. В. Историческое значение древнетюркских надписей / публ. М. Д. Бухарина, Н. П. Лучишкина, В. В. Тишина // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 2 : Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики). М., 2018. С. 641–671.
- Бухарин М. Д., Попова И. Ф. Переписка Н. Ф. Петровского и В. В. Бартольда // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 1 : Эпистолярное наследие из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 299–341.
- Бухарин М. Д., Тункина И. В. Переписка Н. Ф. Петровского, В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 1 : Эпистолярное наследие из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 83–197.
- Бухарин М. Д., Тункина И. В. Постоянная Туркестанская комиссия РАИМК: первый протокол заседания 8 января 1921 г. // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V. М., 2019. С. 87–103.
- Вяткин В. Л. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 году // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1908. № 8. С. 22–36.
- Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи / сост. Е. Ю. Соломаха. СПб., 2006.
- Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1929. Архивные документы. Ч. I. СПб., 2014.
- Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1930–1931. Архивные документы. СПб., 2016.
- Ильин Н. Ю., Семенова Н. В. Проданные сокровища России. М., 2000.
- Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009.
- Летопись Российской академии наук. Т. 4 : 1901–1934 / отв. ред. Э. И. Колчинский, Г. И. Смагина. СПб., 2007.
- Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981.
- Лунин Б. В. Из истории изучения памятников старины и искусства Средней Азии (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис) // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 3. С. 37–44.
- Март Н. Я. Василий Владимирович Бартольд // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1. С. 8–12.
- Первое заседание Постоянной Туркестанской комиссии 8 января 1921 г. / публ. М. Д. Бухарина, И. В. Тункиной // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. 4 : Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С. Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 595–601.

- Савицкий П. Н.* В. В. Бартольд как историк // *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines* : сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова. Вып. 4. Прага, 1931. С. 261–271.
- Савицкий П. Н.* Разрушающие свою Родину (снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). [Берлин], [1936].
- Тольц В.* «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013.
- Туманович Н. Н.* Описание архива академика В. В. Бартольда // И. И. Умняков. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда; Н. Н. Туманович. Описание архива академика В. В. Бартольда. М., 1976. С. 233–365.
- Щербатской Ф. И.* Научные достижения древней Индии // Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 год, составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом, читанный в публичном заседании 2 февраля 1924 года. Ленинград, 1924. С. 1–25.
- Jacob F., Shaw J., Demy T.* Introduction // *War and the Humanities. The Cultural Impact of the First World War*. Leiden, 2018. P. 1–21.

Л. Чжэн

Дуньхуан, Китай

С. Е. Малов и его этнографические исследования в Северо-Западном Китае

Исследования С. Е. Малова в области этнографии Северо-Западного Китая оставили значительный след в истории иностранных экспедиций и научных изысканий по этнологии северо-западных народов в поздний период династии Цин. В статье раскрываются тесная связь С. Е. Малова с Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, детальный контроль за его перемещениями со стороны Синьцзянского дипломатического управления МИД, а также меры по защите и сопровождению его экспедиции со стороны местных властей Синьцзяна. На основе анализа китайских и русских архивных материалов впервые установлены точные маршруты и хронология пребывания С. Е. Малова в различных регионах Северо-Западного Китая. Собранные С. Е. Маловым материалы о языке и культуре уйгуров представляют собой яркий пример межэтнического взаимодействия и интеграции в рамках китайской народности.

Ключевые слова: С. Е. Малов, уйгуры, северо-западные экспедиции, этническая интеграция, межкультурное взаимодействие.

L. Zheng

Dunhuang, China

S. E. Malov and His Ethnographic Research in Northwest China

The research carried out by S. E. Malov in the field of Northwest China ethnography left a considerable mark in the history of foreign expeditions and scientific studies on the ethnology of northwestern peoples in the late Qing Dynasty. The article reveals S. E. Malov's close relationship with the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in historical, archaeological, linguistic and ethnographic relations, detailed control over his movements by the Xinjiang Diplomatic Department of the Ministry of Foreign Affairs, as

well as measures to protect and support his expedition by the local authorities of Xinjiang. Based on the analysis of Chinese and Russian archival materials, the exact routes and chronology of S. E. Malov's stay in various regions of Northwestern China have been established for the first time. The materials collected by S. E. Malov on the language and culture of the Uighurs are a vivid example of interethnic interaction and integration within the framework of the Chinese nationality.

Keywords: S. E. Malov, Uighurs, northwestern expeditions, ethnic integration, intercultural interaction.

На рубеже XIX–XX столетий Северо-Западный Китай привлекал исследователей, прежде всего, археологическими памятниками, рукописями на мертвых языках, памятниками изобразительного искусства; в этих сферах были получены богатые результаты. Русские археологи, геологи и филологи обратили внимание на археологию, искусство и географию этого региона. Параллельно с ними работали тюркологи. Жители Северо-Западного Китая как носители живых тюркских наречий, в первую очередь уйгурского, вызывали живой интерес тюркологов. При финансовой поддержке и по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (далее — Русский комитет) экспедиции под руководством таких исследователей, как Г. Н. Потанин, К. Г. Маннергейм, С. Е. Малов и С. Ф. Ольденбург, направлялись в отдаленные районы Синьцзяна и Ганьсу для изучения древних памятников, исторической географии, реликтовых диалектов и древних религий Северо-Западного Китая. Особый вклад в изучение тюркских языков на северо-западе Китая внес Сергей Ефимович Малов (1880–1957).

Биография С. Е. Малова хорошо известна [Убрятова, 1955; Кононов, 1989, с. 153]. Следует подчеркнуть, что его отец, Евфимий Александрович Малов (1835–1918), церковный востоковед, тюрколог и миссионер, с 1870 по 1884 г. заведовал кафедрой еврейского языка и библейской археологии Казанской духовной академии, потом перешел в миссионерский отдел, преподавая татарский язык и этнографию тюркских народов. Воспитываясь в такой научной атмосфере, С. Е. Малов с детства интересовался историей тюркских народов. Он окончил Казанскую духовную семинарию (КДА), изучал татарский язык, посещал лекции Н. Ф. Катанова, идеи которого во многом воспринял. После окончания КДА в 1904 г. С. Е. Малов поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Он учился у лучших востоковедов — В. Д. Смирнова, П. М. Мелиоранского, ираниста В. А. Жуковского.

Войдя в научные круги Петербурга, С. Е. Малов установил тесные отношения с директором Музея антропологии и этнографии В. В. Радловым, с которым С. Е. Малов занимался тюркскими языками Алтая. Благодаря

поддержке В. В. Радлова в 1908 г. С. Е. Малов был командирован Русским комитетом к шорцам и чулымцам Томской губернии: «Доложено и единогласно одобрено Комитетом следующее предложение В. В. Радлова и Жуковского: Имеем честь представить о командировании летом текущего года студента факультета восточных языков Сергея Ефимовича Малова в Томскую губернию для изучения языка томских, чулымских и кузнецких татар и телеутов. На выполнение этой командировки просим назначить г. Малову 200 р.» [см. протокол заседания Русского комитета за 9 февраля 1908 г., § 15: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 48. Л. 4].

В Томской губернии С. Е. Малов изучил шаманство, опубликовал статью о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губернии [Малов, 1909]. Эта экспедиция заложила основу его путешествия в Северо-Западный Китай. 20 апреля 1909 г. В. В. Радлов предложил командировать С. Е. Малова на запад Китая на два года, возлагая на него от имени Русского комитета задачи лингвистического и этнологического характера. В протоколах заседаний Русского комитета записано: «Последние археологические исследования в Китайском Туркестане привели к открытию значительного числа уйгурских рукописей и фрагментов; можно ожидать, что подобные находки будут сделаны также экспедицией, снаряжаемой комитетом в настоящее время. Для лучшего понимания языка этих памятников представляется существенно необходимым подвергнуть подробному исследованию последние живые наречия, сохранившие лингвистические особенности уйгурского языка, особенно диалект саларов, живущих в местности между городами Лань-чжоу и Хэ-чжоу <...>. Краткими сведениями об этих диалектах мы обязаны Г. Н. Потанину; <...> но сведения, недавно полученные мной от путешественника бар[она] Манхейма, заставляют полагать, что и среди шираёгуров турецкое наречие в настоящее время более распространено. Списки слов саларов, доставленные упомянутыми исследователями, наглядно показывают, что эти наречия, особенно последнее, своей древностью резко отличаются от всех прочих известных турецких диалектов. Мы находим в орхонских надписях и в уйгурских документах и не встречаем ни в каких более поздних литературных памятниках. — Для производства лингвистических исследований в указанной местности я предложил бы командировать туда на два года С. Е. Малова, уже в 1908 г. выполнившего с полным успехом возложенное на него комитетом поручение лингвистического характера. На обратном пути г. Малов мог бы собрать материалы для проверки и дополнения данных о языке турецкого населения всего Китайского Туркестана, от Хами до Кашгара и Хотана. Для выполнения этой командировки я полагал бы назначить г. Малову по 2000 р. в год из турфанских сумм» [см. протокол заседания за 20 апреля 1909 г., § 33: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 48. Л. 41–42].

Сведения об этих диалектах ранее были получены от барона Карла Густава Маннергейма (1867–1951) и Григория Николаевича Потанина (1835–1920). Г. Н. Потанин предпринял несколько экспедиций в Ганьсу и Цинхай, изучая

социальную структуру, религиозные верования и повседневную жизнь таких этнических групп, как монголы, тибетцы и дунсян. Особое внимание он уделял разнообразию монгольских диалектов. К. Г. Маннергейм в 1906–1908 гг. совершил путешествие по северо-западным регионам Китая, подробно документируя культурные обычаи уйгуров, хуэй и саларов. В ходе своих исследований оба ученых случайно обнаружили наличие исчезающих диалектов малых народов Северо-Западного Китая, которые были отражены в орхонских надписях и в уйгурских документах, но не встречались в более поздних литературных памятниках. В этой связи Русский комитет решил отправить С. Е. Малова на запад Китая, для более тщательного изучения диалектов уйгуров и саларов, живущих в местности между городами Лань-чжоу и Хэ-чжоу, и собирания рукописей на территории от Хами до Кашгара и Хотана, выделив 4000 руб. на два года [см. также: Бондарь, Бухарин, 2025, с. 98].

27 августа 1909 г. С. Е. Малов выехал из Казани, через Самару, Омск, Семипалатинск и 24 сентября был в г. Чугучаке [Малов, 1912а, с. 93]. К началу января 1910 г. он добрался до провинции Ганьсу и 25 января из г. Сучжоу направил письмо на имя председателя Русского комитета; в письме из того же города от 11 февраля 1910 г. извещал, что приступил к выполнению главной из возложенных на него задач — изучению диалекта уйгуров (сары-уйгуров, желтых уйгуров) [см. протокол заседания за 5 апреля 1910 г., § 25: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 59. Л. 12]. Выполнив все возложенные на него задачи, С. Е. Малов вернулся в Петербург в середине июня 1911 г. [см. протокол заседания за 28 марта 1911 г., § 23: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 59. Л. 35]. За полтора года он обработал собранные им лингвистические и рукописные материалы [см. протокол заседания за 24 сентября 1911 г., § 53: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 59. Л. 44].

13 октября 1912 г. В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург и Л. Я. Штернберг сделали следующее предложение: «Ввиду успешного выполнения тюркологом С. Е. Маловым возложенного на него комитетом поручения по изучению желтых уйгуров в Западном Китае, просим комитет командировать его же с 1 мая 1913 г. на 2 года 3 месяца, по 1 августа 1915 г. в Западный Китай для следующих целей: 1) лингвистическая: изучение уйгурского языка и изучение китайского языка в Западном Китае; 2) этнографическая: обследование древностей уйгуров и других народов в Гань-су и сведения об омонголившимся уйгурах; 3) археологическая: разведки древних памятников буддизма в Западном Китае, приобретение старинных рукописей (орхонских, уйгурских, китайских и других письменностей). Согласно прилагаемой смете на 2 года и 3 месяца потребуется 10 000 р., из них 5000 р. из турфанских сумм» [см. протокол заседания за 13 октября 1912 г., § 40: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 68. Л. 15]. Несмотря на ограниченные финансовые возможности (бюджетное финансирование в размере всего 10 000 руб. и общий бюджет в размере 16 125 руб.), Русский комитет принял решение организовать экспедицию С. Е. Малова, что наглядно демонстрирует то приоритетное значение,

которое российские ученые придавали этнографическим исследованиям народов Северо-Западного Китая.

Задачи были многочисленными (лингвистические, этнографические, разведочно-археологические), однако исследования в области языков должны были выйти на первый план [см. протокол заседания за 1 декабря 1912 г., § 47: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 68. Л. 16–17]. В мае 1915 г., выполнив задачи, возложенные Русским комитетом, С. Е. Малов вернулся в Петербург. По приглашению Этнографического отделения Русского географического общества С. Е. Малов сделал доклады о шаманизме у жителей Западного Китая [см. протокол заседания за 24 октября 1915 г., § 68, 71: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 81. Л. 60, 61]. Предметы, привезенные из поездки, сохранились в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого; рукописи и валики были переданы в Азиатский музей [см. также: Бондарь, Бухарин, 2025].

***Контроль со стороны синьцзянских чиновников
над передвижениями С. Е. Малова по территории
Китая и реконструкция маршрута его экспедиции***

18 февраля 1913 г. С. Е. Малов через председателя Русского комитета получил от главы китайской миссии заграничный паспорт [см. протокол заседания за 9 февраля 1913 г., § 8: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 68. Л. 21]. С. Е. Малов выехал в Китай 27 марта 1913 г. и двигался по территории Китая следующим маршрутом: Чугучак, Урумчи, Бишбалык, Турфан, Хами, Ганьчжоу; Лобнор, Аксу, Яркенд, Хотан, Кашгар [см. протокол заседания за 30 марта 1913 г., § 19: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 68. Л. 32]. Маршрут пролегал через основные почтовые станции. Из Чугучака С. Е. Малов прошел вдоль северного ответвления Великого шелкового пути до Ганьчжоу (Чжанье). Обратный путь был проделан через Яркенд, Хотан, южное ответвление Шелкового пути. Территорию Китая С. Е. Малов покинул через Кашгар, посетив ключевые оазисные города Синьцзяна [ср. Бондарь, Бухарин, 2025, с. 102].

Вторая экспедиция С. Е. Малова пришлось на время, когда Синьцзяном управлял Ян Цзэнсинь, который проявлял повышенное внимание к деятельности иностранных исследователей в этом регионе. Соответствующие записи сохранились в «Архивных материалах по археологии Синьцзяна, связанных с деятельностью иностранных исследователей Нового времени» [Архивные материалы... 2001]. 11 июля 1913 г. датируется «Донесение чиновника Лу о прибытии и убытии С. Е. Малова из Урумчи», 16 июля — «Донесение чиновника Сзу о прибытии и убытии С. Е. Малова из уезда Фукан», 25 июля — «Донесение чиновника Лей о прибытии и убытии С. Е. Малова из Фуюаня». В этих донесениях тщательно указывались даты прибытия и отъезда С. Е. Малова, маршрут, цели исследований, велись ли картографические работы: «Член Географического общества Малов выехал из провинции 6 июля», «9 июля упомянутый российский исследователь Малов въехал в уезд, а 10 июля был

сопровожден за границу», «Направляется в Фукан на востоке для изучения диалектов», «Направляется в Синьцзян, Ганьсу и другие регионы для лингвистических исследований» и т. д. [Архивные материалы... 2001, с. 293–294].

В соответствии с китайской традицией местные чиновники считали своей обязанностью обеспечивать защиту и сопровождение иностранных исследователей до границ уезда: «Приказать всем местным властям надлежащим образом обеспечить защиту в соответствии с договорами и укреплять дружественные отношения». После того как Ян Цзэнсинь возглавил Синьцзян, он назначил Чжан Шаобо начальником Синьцзянского управления по иностранным делам, ответственным за все внешние связи региона. В своих записях «Бугочжай взньду» Ян Цзэнсинь неоднократно упоминал Чжан Шаобо, характеризуя его как «осторожного и опытного, хорошо знакомого с пограничными делами» [Документы... 2012, с. 92], и считал его своим доверенным лицом.

Что касается сведений о передвижении С. Е. Малова, информация передавалась следующему уездному чиновнику; кроме того, отчеты направлялись на рассмотрение Чжан Шаобо, начальника Синьцзянского управления по иностранным делам: «Помимо донесения губернатору, настоящим представляется отчет начальнику Синьцзянского управления по иностранным делам Чжану» [Архивные материалы... 2001, с. 293]. Это свидетельствует об осторожном подходе синьцзянских властей к взаимоотношениям с иностранцами в начале периода Китайской Республики, а также о тщательном контроле со стороны Министерства иностранных дел деятельности иностранных исследователей. Когда уездный начальник Фуюаня Лэй Сюй получил сообщение о прибытии С. Е. Малова из Фукана, он немедленно направил солдат для выяснения обстоятельств и организации сопровождения. Однако, не обнаружив путешественника, Лэй Сюй сразу же запросил у начальника Фукана объяснения, почему С. Е. Малов через неделю не прибыл в Фуюань и было ли организовано сопровождение: «Немедленно направил солдат для поисков и организации сопровождения, но следов не обнаружено. Опасаясь недоумений, на следующий день запросил у начальника Фукана подробного объяснения: если упомянутый исследователь был сопровожден за границу вашего уезда 10-го числа, почему он не прибыл в Фуюань через шесть дней?» [Архивные материалы... 2001, с. 294]. Поскольку сведений о С. Е. Малове не поступало, Лэй Сюй не мог сообщить даты въезда и выезда и доложил об этом в Синьцзянское управление по иностранным делам: «Упомянутый господин Малов до сих пор не обнаружен, поэтому даты въезда и выезда не могут быть указаны <...>. Настоящим докладывается начальнику Синьцзянского управления по иностранным делам Чжану». Лэй Сюй понимал важность ситуации и немедленно доложил Чжан Шаобо. Не получив отчета от властей Чугучака о дате въезда С. Е. Малова, Чжан Шаобо приказал чиновникам Чугучака выяснить обстоятельства и доложить губернатору Ян Цзэнсиню: «Местные власти не организовали сопровождение <...>. Немедленно приказано властям

Чугучака выяснить дату въезда и доложить. На данный момент ответа не получено. Докладывается губернатору Ян Цзэнсиню» [Архивные материалы... 2001, с. 294]. 30 июля управление по иностранным делам выпустило «Распоряжение и официальное письмо о расследовании перемещений Малова, адресованное Чан Юнцину и Сян Бинлиню». В начальный период Китайской Республики в пограничных городах Синьцзяна (таких как Или, Чугучак и Кашгар) были созданы управления по иностранным делам или филиалы управлений, отвечавшие за торговлю, пограничные споры и консульские вопросы. Чан и Сян являлись, соответственно, чиновником филиала управления в Чугучаке и уездным начальником. В распоряжении четко требовалось выяснить, «когда [С. Е. Малов] прибыл в Чугучак, когда отправился на восток, почему не было сопровождения», а также объяснить причины отсутствия сопровождения.

20 августа начальник Чан представил специальный отчет о дате въезда С. Е. Малова («Официальное письмо Чан Юнцина о датах въезда и выезда Малова из Чугучака, адресованное Чжан Шаобо»), который стал ответом на распоряжение от 30 июля: «Установлено, что российский исследователь Малов прибыл в Чугучак 6 июня и отправился на восток в сторону провинции 9 июня».

Из вышеизложенного видно, что местные власти Чугучака проявили халатность в вопросах въезда иностранных исследователей, в то время как Синьцзянское управление по иностранным делам демонстрировало высокий уровень внимания к дипломатическим вопросам и тщательность в работе. Впоследствии начальник уезда Хами Бай Вэньчао проявил особую педантичность в отчете о передвижении С. Е. Малова, подтвердив его личность, цели исследования, маршрут и даты въезда и выезда: «Направлены специальные посыльные для проверки, нарушений или картографических работ не обнаружено». Он организовал сопровождение и уведомил уезд Аньси: «Направлены солдаты для сопровождения 28-го числа и уведомлены власти Аньси для защиты и отчета» [Архивные материалы... 2001, с. 295]. В итоге Синьцзянское управление по иностранным делам подготовило полный отчет о перемещениях С. Е. Малова и представило его Ян Цзэнсиню.

Эти два официальных документа фиксируют маршрут экспедиции С. Е. Малова: въезд в Чугучак в 1913 г. и путь до Чарклыка в конце 1914 г. С. Е. Малов не оставил подробных дневников своей экспедиции, а в русских архивных материалах отсутствуют детальные записи о маршруте и датах прибытия и отъезда из различных городов. Однако китайские архивные источники позволяют полностью восстановить маршрут его экспедиции по Синьцзяну: 6 июня путешественник прибыл в Чугучак, 20 июня — в Усу, 24 июня — в Суйлай, 29 июня — в Урумчи, 6 июля — отъезд из Урумчи, 7 июля прибытие в Фукан, 10 июля — в Фуюань, 11 июля — в Читай, 25 июля — в Хами, 28 июля — пересечение границы с провинцией Ганьсу. 23 января 1914 г. возвращение в Синьцзян через Хами; 1 апреля — прибытие в Шаньшань,

5 апреля — в Турфан, 26 июня — в Яньцзи, 1 июля — в Синьпин, 14 июля — в Жоцян, 17 ноября — в Чарклык.

О пребывании С. Е. Малова в провинции Ганьсу, из-за утраты части исторических материалов, аналогичных записей в китайских источниках не обнаружено. Однако русскоязычные материалы, такие как письма С. Е. Малова к С. Ф. Ольденбургу и протоколы заседаний Русского комитета, позволяют частично восполнить этот пробел. «Среди уйгуров С. Е. Малов был с конца августа до середины декабря 1913 г.» [Отчет... 1914, с. 85]. В ноябре 1913 г. С. Е. Малов писал в Русский комитет, что в конце декабря он находился в пути из Сучжоу в Хами и отправился из Хами 12 января [см. протокол заседания за 29 марта 1914 г., § 25: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 81. Л. 9]. В сентябре 1914 г. С. Е. Малов из Чарклыка написал С. Ф. Ольденбургу: «В Турфане, проездом весной, мне удалось приобрести за дорогую плату небольшую коллекцию уйгурских рукописей, из коих часть — буддийские тексты, а часть — юридические документы»; «Сам я живу в Чархлыке, проживу здесь до 10–15 октября, а затем: Керия, Хотэн, Яркенд (январь[арь] 1915), Аксу и Кашгар (приблизительно в начале апреля)» [СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 369. Л. 1–2 об.]. Из вышеизложенного можно четко установить, что с августа по декабрь 1913 г. С. Е. Малов проводил полевые исследования у уйгуров; в сентябре 1914 г. работал в Турфане; в январе 1915 г. — в Яркенде, а до апреля 1915 г. — в Аксу и Кашгаре.

Необходимо подчеркнуть, что вторая экспедиция С. Е. Малова выпала на начальный период истории Китайской Республики (1912–1949), когда междоусобные войны милитаристских группировок и другие факторы привели к социальной нестабильности, а грабежи и насилие стали обычным явлением. В ходе своей экспедиции С. Е. Малов получил защиту и поддержку со стороны Лу Дянькуя, начальника уезда Фукаан Сюй Цяня и начальника уезда Фуюань Лэй Сюя. Ему также тайно оказывали сопровождение и помощь начальник уезда Турфан Чжан Хуалин, начальник уезда Жоцян Пань Цзюю и начальник уезда Аксу Чжу Жуйчи. Чиновники всех уездов на маршруте «надлежащим образом обеспечивали защиту», «оказывали заботу» и «сопровождали до границы». Начальник уезда Хами Бай Вэньчао «принял его как иностранного гостя», проявив гостеприимство и соблюдая «договоренности и укрепляя дружественные отношения», что создало относительно стабильные условия для проведения экспедиции С. Е. Малова.

Коллекции и основные результаты исследований С. Е. Малова

С. Е. Малов использовал в своей полевой работе основные методы, применяемые этнографами: непосредственное наблюдение и многократные расспросы сведущих людей. Большую эффективность при проведении полевых этнографических изысканий приносило умелое сочетание С. Е. Маловым стационарной работы (1910–1911) с поездками: разъездами по уйгурским

селениям, монастырям и кочевьям с пребыванием в них от двух-трех дней до двух недель. На наречиях Синьцзяна (помимо словарного материала и различных выражений) он записал 4 рассказа, 17 пословиц, 9 загадок и 47 песен. Все это составит содержание особой статьи. На языке уйгуров в Ганьсу С. Е. Малов записал 69 сказок и рассказов разного содержания, 15 рассказов по шаманству, 11 торжественных речей, 32 песни, 31 этнографический рассказ, 52 загадки и 19 пословиц. Записал в общей сложности около 100 восковых валиков, на которых в том числе была сутра «Золотое сияние», зафиксированная С. Е. Маловым в 1910 г. в селении Вуншигу около города Сучжоу в провинции Ганьсу. Сутра переведена с китайского языка в X в. в Бишбалыке. Значение этой записи весьма велико: она дает возможность составить словарь и грамматику уйгурского языка X в. Сегодня эта сутра хранится в ИВР РАН (№ 4171).

Поездки были плодотворными. На заседании Русского комитета 22 сентября 1909 г. С. Е. Малов представил свои статьи текущего года: 1) «Остатки шаманства у желтых юйгуров»; 2) рецензия на книгу «C. G. E. Mannerheim, A visit to the Saro and Shera Yijgurs. Helsingfors, 1911» [см. протокол заседания за 2 мая 1915 г., § 43: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 81. Л. 53]. С. Е. Малов высоко оценил этнографические исследования Западного Китая, проведенные К. Г. Маннергеймом, и его работы, посвященные изучению уйгуров, хуэй, саларов и дунсян, дополнил новыми данными о языке, культуре и религиозных верованиях уйгуров.

Во время второй экспедиции самое пристальное внимание ученый уделял одной из узловых проблем: проблеме шаманизма у уйгуров в Ганьсу, которая вызывает большой интерес и в наши дни. Антропометрическими инструментами было измерено 55 человек. За время разъездов по уйгурским стоянкам С. Е. Малов записывал названия этих мест, мужские и женские личные имена, собирал экономические и статистические данные. Также на уйгурской земле проводил маршрутную съемку (инструментами служили обыкновенный компас и буссоль). С. Е. Малов довольно подробно изучил церемонию шаманских молений и обрядов, гадание при помощи монет и веревочки. Прежняя шаманская коллекция была пополнена такими предметами, как бубен, колотушка, шаманская коса, «сумка шамана с полным содержимым (зубы и шерсть овец, лошадей и коров, копыто коровы, рога овец, зуб верблюда <...>)». Несмотря на то, что фотоаппарат ученого был довольно громоздким, С. Е. Малов привез в общей сложности 93 негатива. На пути из Дуньхуана к Анси он имел в спутниках кашгарлыка и не упустил случая записать от него кашгарские рассказы и песни. Ученый записал пространное сказание о Гесер-хане [Отчет... 1914, с. 88]. Кроме отчета, С. Е. Малов опубликовал также несколько работ [Малов, 1912б; 1914; *Suvarṇaprabhāsa...* 1913–1917].

Кроме того, в мае 1914 г. С. Е. Малов отправил в комитет из Урумчи этнографические предметы в трех посылках [см. протокол заседания за 1 ноября

1914 г., § 64: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 81. Л. 19]. В феврале 1915 г. послал из Яркенда отчет о работах, выполненных им в 1914 г. в Хами и Турфане [см. протокол заседания за 14 февраля 1915 г., § 7: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 81. Л. 33]. В ноябре 1914 г. на таможенную прибыли 20 ящиков с личным багажом исследователя и научными коллекциями [см. протокол за 22 ноября 1914 г., § 81: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 81. Л. 29], 13 мая 1915 г. зафиксированы 13 монет, полученных в дар или купленных С. Е. Маловым во время второй экспедиции.

С. Е. Маловым было вывезено и представлено в Русский комитет: 1) 100 фотографических негативов (типы, жилища и этнографические группы уйгуров и саларов); 2) 59 номеров этнографической коллекции (уйгурская одежда, предметы по шаманству, одежда саларских женщин, музыкальные инструменты, китайские вещи); 3) археологическая коллекция: 25 глиняных пластинок из кумирни Вуншигу (на юге от Сучжоу в 30 ли); 4) 400 больших листов уйгурских текстов буддийского содержания (23×60 см), в т. ч. три датированные рукописи, а именно: а) рукопись на пяти листах 1688 г., б) конец рукописи (только с. 54–58), написана в 41-й год царствования Канси, т. е. в 1702 г.; в) большая рукопись, до 350 листов, «Золотое сияние», составлена в 1687–1688 гг. Часть рукописей С. Е. Малов нашел в Вуншигу, часть купил, часть получил от одного из начальников в Сучжоу.

С. Е. Малов привез из второй экспедиции следующие предметы: 1) образы Будды на холсте из кумирни уйгурского монастыря в Вуншигу, около Сучжоу; 2) тибетские рукописи из уйгурского монастыря, в основном гадательного характера с изображениями; 3) листок китайской буддийской ксилографии, любопытный тем, что текст расположен в горизонтальных строках слева направо; 4) две бронзовые статуэтки из Хотана — вероятно, танского времени, но, может быть, привезенные из Индии. Музыкальный инструмент было решено передать в Музей им. императора Александра III, остальные предметы — в Музей антропологии и этнографии; рукописи и валики — в Азиатский музей [см. протокол заседания за 24 сентября 1911 г., § 53: СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 59. Л. 44]. С. Е. Малов собрал по поручению Русского комитета шесть этнографических коллекций, поступивших в 1911, 1912 и 1914 гг. в Музей антропологии и этнографии в Петербурге. Часть предметов из этих коллекций экспонируется сегодня в музее. Коллекции собраны среди желтых уйгуров в провинции Ганьсу (66 позиций, 93 предмета) и уйгуров Западного Китая (11 позиций, 15 предметов), среди саларов (6 позиций, 8 предметов), тангутов (2 позиции, 3 предмета) и китайцев (18 позиций, 31 предмет) в провинции Ганьсу. Всего в настоящее время в музее хранится свыше 150 предметов, собранных С. Е. Маловым¹. Наибольший интерес представляют коллекции, относящиеся к желтым уйгурам, саларам и уйгурам Синьцзяна.

¹ Коллекции под № 1873, 1874, 1875, 1876, 2012 и 2337. Основная часть экспонатов из этих коллекций находится в фондах.

Практическое значение экспедиций С. Е. Малова и перспективы

С. Е. Малов был одним из первых ученых, осуществлявших систематическое изучение языка уйгуров. Он сосредоточился на изучении диалектов, зафиксировав фонетические, лексические и грамматические особенности этого языка. Его записи о жизни и истории уйгуров в начальный период Китайской Республики представляют собой ценный этнографический материал. Полевые заметки, рукописи и записанные от информантов материалы, собранные С. Е. Маловым, обеспечили раннюю фиксацию уйгурского языка и предоставили уникальные данные для изучения этнических групп внутренней Евразии. Опубликованные труды, такие как тексты на уйгурском языке, способствовали углублению понимания исторической эволюции уйгурского народа.

Этнографическое изучение уйгуров и саларов, осуществленное С. Е. Маловым, стало важным звеном в развитии российской этнографии. В конце XIX — начале XX в. экспедиции российских исследователей в Северо-Западном Китае отличались преемственностью и поступательным развитием. При координирующем участии Русского комитета Г. Н. Потанин и К. Г. Маннергейм задокументировали социальную структуру, религиозные верования и повседневный быт этнических групп Синьцзяна, включая уйгуров, тибетцев, саларов и дунсян. С. Е. Малов продолжил, дополнил и углубил изыскания своих предшественников, систематизировав записи народных преданий, эпосов и ритуальных практик. Его работы внесли важный вклад в изучение этнических сообществ Северо-Западного Китая, открыв новые горизонты в российских исследованиях уйгуров и саларов.

Исследования С. Е. Малова показали, что уйгурская языковая группа, находясь в районе Хэсийского коридора, испытала глубокое влияние тибетского буддизма и культуры засушливых регионов. Шаманские верования уйгуров интегрировали элементы тибетского буддизма, а в уйгурском языке заметно влияние монгольского и китайского языков. Например, система числительных от 11 до 29 в уйгурском языке не является «консервативной», а представляет собой сочетание монгольского порядка слов и китайских заимствований (например, смешанная морфология слова «двадцать»). Буддийские тексты на уйгурском языке, такие как «Сутра Золотого Блеска», собранные С. Е. Маловым, позволили миру увидеть связь религиозных верований уйгуров с культурой Центрального Китая, отражая взаимодействие множества культур на Великом шелковом пути и являясь ярким примером этнической интеграции.

Материалы по этнографии, языковые записи и артефакты, собранные С. Е. Маловым среди уйгуров, саларов и других народов, представляют собой ценное наследие для изучения этнических групп, языков и религий Северо-Западного Китая. Эти материалы до сих пор служат важным источником для исследований в области этнографии, лингвистики и истории Центральной Азии. Внешнеполитические чиновники Синьцзяна тщательно отслеживали перемещения С. Е. Малова, оказывали ему гостеприимство, обеспечивали

защиту и сопровождение на всем маршруте. Несмотря на социальную нестабильность и междоусобные войны милитаристских группировок в Западном Китае в начальный период Китайской Республики, указанные меры способствовали успешному течению экспедиции С. Е. Малова и гарантировали его безопасность. Уйгуры как малочисленная этническая группа, проживающая вдоль маршрутов современного проекта «Один пояс — один путь», могут стать точкой входа для трансграничного культурного сотрудничества. В будущем Китаю и России следует усилить научное сотрудничество, обмениваться историческими архивными материалами, совместно подавать заявки на исследовательские проекты и вносить вклад в изучение исчезающих языков, гуманитарное взаимодействие в рамках проекта «Один пояс — один путь» и развитие этнографических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архивные материалы по археологии Синьцзяна, связанные с деятельностью иностранных исследователей Нового времени / гл. ред. С. Синьцзян. Урумчи, 2001 (许新江、中国新疆维吾尔自治区档案馆、日本佛教大学尼雅遗址学术研究机构:《近代外国探险家新疆考古档案史料》, 乌鲁木齐: 新疆美术摄影出版社, 2001年). (На кит. яз.)
- Бондарь Л. Д., Бухарин М. Д. Научная и организационная деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1910–1915): германские экспедиции, экспедиции С. Е. Малова // Новая и новейшая история. 2025. Т. 69, № 3. С. 94–104.
- Документы из Кабинета исправления ошибок / гл. ред. В. Фухуань. Вып. 4. Урумчи, 2012 (吴福环主编:《补过斋文牍》第四辑, 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2012年). (На кит. яз.)
- Кононов А. Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, перераб. М., 1989.
- Малов С. Е. Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губернии // Живая старина. 1909. Т. 18, вып. 2–3. С. 38–41.
- Малов С. Е. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Сер. II. 1912. № 1. С. 94–99.
- Малов С. Е. Сказки желтых уйгуров // Живая старина. 19126. Т. 21, вып. 1. С. 468–476.
- Малов С. Е. Рассказы, песни, пословицы и загадки желтых уйгуров // Живая старина. 1914. Т. 23, вып. 3–4. С. 305–316 (отд. отт.: Пг., 1915).
- Отчет о втором путешествии к уйгурам С. Е. Малова // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Сер. II. 1914. № 3. С. 85–88.
- Убрятова Е. И. Сергей Ефимович Малов (К 75-летию со дня рождения) // Известия Академии наук СССР. Отд. литературы и языка. 1955. Т. 14, № 1. С. 93–98.
- Suvarṇaprabhāsa. (Сутра Золотого Блеска). Текст уйгурской редакции / изд. В. В. Радлов, С. Е. Малов. Т. 1–4. СПб., 1913–1914; Т. 5–8. Пг., 1915–1917 (Bibliotheca Buddhica ; vol. 17).

Р. В. Козлов

Санкт-Петербург

Невозвращенцы XVII в. как первые миссионеры в Китае. Начало неофициальной Пекинской духовной миссии

В данной статье дается краткий экскурс в историю возникновения христианства в Китае, а также рассматривается заметный вклад албазинцев в историю дипломатических, культурных и торговых отношений двух великих государств: России и Китая. Еще до появления и прибытия первой Пекинской духовной миссии албазинцы явили собой феномен маньчжурского дворянства, стали аристократией в чужой стране со своей религией и традициями. Появление албазинцев в «Срединной Империи» навсегда изменило роль Русской православной церкви на территории средневекового Китая и современной Китайской Народной Республики. Именно потомки пленных казаков стали образцом христианских мучеников и первыми православными святыми в Китае во время боксерских восстаний.

Ключевые слова: албазинцы, Пекинская духовная миссия, дивизия маньчжурского дворянства, архимандрит Петр (Каменский), священник Максим Леонтьев, император Канси, русско-китайские отношения, иеромонах Николай (Адоратский).

R. V. Kozlov

St. Petersburg

The Non-returnees of the 17th Century as the First Missionaries in China. The Beginning of the Unofficial Beijing Spiritual Mission

The article provides a brief overview of the history of Christianity in China, as well as examines the significant contribution of the Albazinthians to the history of diplomatic, cultural and trade relations between the two great states: Russia and China. Even before the appearance and arrival of the first Beijing Ecclesiastical Mission, the Albazinthians, being a kind of phenomenon of the Manchurian nobility, became an aristocracy in a foreign country with their own religion and traditions. The appearance of the Albazinthians in the Middle Empire forever

changed the role of the Russian Orthodox Church in medieval China and the modern People's Republic of China. It was the descendants of the captured Cossacks who became the model of Christian martyrs and the first saints in China during the Boxer uprisings.

Keywords: Albazinians, Beijing Ecclesiastical Mission, division of the Manchurian nobility, Archimandrite Petr Kamensky, priest Maxim Leontiev, Kangxi Emperor, Russian-Chinese relations, Hieromonk Nicholas (Adoratsky).

Изучение и анализ истории России и Китая в аспекте их культурного, политического, торгового и пр. взаимодействия и общего развития невозможны без обращения к истории албазинцев, которые явились предтечами Пекинской духовной миссии. Именно албазинцы сыграли ключевую роль в формировании и развитии контактов между такими разными нациями, как русские и китайцы.

История албазинцев, живших на реке Амур, изучена и подробно описана в трудах начальников миссии, синологов и прочих исследователей. Но хочется сделать акцент на том факте, что более чем за четверть века до создания и отправки первой Российской духовной миссии в Пекин весть о Христе, церковное богослужение и истоки православной веры уже были известны в Поднебесной империи [Сагарда, 1900, с. 4] благодаря пленным казакам, т. н. албазинцам.

В книге «Краткая история русской православной миссии в Китае», изданной по благословению епископа Иннокентия Фигуровского, имеется небольшой, но любопытный пассаж о христианстве в Китае. Из этого труда мы узнаем, что провозвестником Слова Божия в китайских землях явился апостол Фома [Иннокентий (Фигуровский), 1916]. Этот вывод доказывают древние церковные книги Малабарской церкви; в них сказано, что апостол Фома нес благовест Слова Божия в Эфиопии, Персии, Индии и Китае. Другим свидетельством проповеди в «Срединном государстве» служат сочинения христианского учителя Оригена в его «Комментариях Книги Бытия» и церковного историка Евсевия Кесарийского в книге «Церковная история». Проповедь Евангелия продолжалась и после мученической кончины апостола.

Христиан и церквей в Китайской империи было множество, особенно в V–VI вв. Это аргументирует хронологическая таблица арабского писателя Амру. Кафедра митрополита китайского поставлена после кафедры митрополита индийского, «древность которой доказана Лакрозом» [Иннокентий (Фигуровский), 1916, с. 2]. Прочие доводы о проповеди в «Срединном племени хуа» представляет Г. И. Спасский, изображая разрушительные и опустошительные гонения на христиан [Спасский, 1826]. С VIII по XVII в. это становится известным от несторианских и арабских историков, благодаря сирским летописям за 1279 г.

Доминиканцы и францисканцы, приехавшие в 1291 г., получили яркий, но весьма недолгий успех от своей проповеди. В 1368 г. из-за смены династий на китайском престоле император Чжу начал репрессии в отношении чужеземного элемента. К нему причислили и христианских проповедников. Причем мучили и убивали не только т. н. «пятую колонну»: диверсантов, шпионов и агентов влияния, — но и христиан, уничтожали их имущество и все, что хоть отдаленно напоминало о заморской вере. От христианских памятников не осталось и следа. После таких трагических исторических событий китайцы замкнулись, им стали чужды традиции, верования, быт иноземных людей. Это значительно тормозило проповедь о Христе. С 1368-го и вплоть до 1591 г. христианства на территории Китая не было. А местные жители, у которых имелись предметы богослужения (иконы, христианские книги и пр.), преследовались, подвергались репрессиям и казням. «В 1581 году иезуиты, попав в Поднебесную империю, увидели мерзость запустения, душа китайского обывателя, по их словам, превратилась в пустошь» [Иннокентий (Фигуровский), 1916, с. 4].

Появление русских землепроходцев начинается с освоения Сибири Ермаком Тимофеевичем, однако казаки не расценивали свои действия в контексте государственных задач — скорее, ими двигал простой авантюризм. «Поиски новых земель и жажда наживы: рыба, золото, пушнина, земля, пригодная для земледелия (что в то время было не так), а также принуждение тунгусов платить русскому царю ясак» [Ravenstein, 1861, p. 9].

Области Западной Сибири являлись нейтральной зоной между двух империй. «По мнению историка Сюй Цзинсюэ, в Китае до XVI века географическое понятие “Сибирь” означало территорию, расположенную в среднем и нижнем течении рек Иртыш и Обь. Позднее китайские путешественники расширили это географическое понятие и стали считать Сибирь от Урала на западе до Берингова пролива на востоке, прилегающую к Северному Ледовитому океану на севере, а на юге граничащую с Китаем и Монголией. Эта территория простирается приблизительно на 13 миллионов квадратных километров» [Погодин, Ли, 2020, с. 163].

Параллельно с освоением северной части Сибири небольшие группы казаков осели возле Амура и там столкнулись не с малым сопротивлением отрядов туземцев, а с организованной силой в лице Китая. Занятость молодой маньчжурской династии своими внутренними делами не дала Китаю возможности и времени на освоение новой местности. Новая власть занималась наведением порядка и укреплении своего влияния на территории Китайской империи. Именно эти две причины и позволили русским осваивать территорию на границе с Маньчжурией, строить остроги и поселения на Амуре, самыми большим и важным из которых стал Албазин, поселение на территории нынешнего Приморья.

Ерофей Хабаров в 1651 г. поставил первый русский острог на слиянии рек Шилка и Аргунь, на месте даурского городка князя Албазина, от чего

и получила свое название будущая крепость. Этот год вошел в историю как время установления русского влияния на Амуре, где стали появляться русские города. Наиболее известным населенным пунктом был Албазин, защитники которого и стали первыми посредниками и участниками русско-китайских дипломатических отношений и прародителями Русской духовной миссии в Китае.

«Российско-китайские отношения представляли необычный феномен в мировой истории, феномен двух крупных империй в полном размахе их территориального расширения и распространения, которые, однако, смогли установить границы распространения своего влияния и согласиться провести государственную границу без необходимости прибегать к военным действиям в течение трех столетий» [Pavlovsky, 1949, p. 7]. Что касается казаков на территории Приамурья, то они действовали самочинно, и китайские власти относились к ним как к преступным бандам. Император Канси считал в то время Амур китайской рекой [Бантыш-Каменский, 1882, с. 264].

За 30 лет с момента своего основания Албазин смог превратиться из казачьей сечи в центр казачьей жизни, неофициальный гарнизонный городок со своим воеводой Алексеем Толбузиным. Такая активность русских тревожила императора новой маньчжурской династии в Китае. И в 1685 г. после долгих увещеваний через грамоты и своих вельмож он решает идти походом против бесчинств и бесконтрольной деятельности казаков. Пример одной из грамот 1684 г., которая была адресована в Албазин и пришла незадолго до наступления войск китайского императора, можно найти в очерке И. И. Серебренникова «Албазинцы»: «Вы пришли на мою землю, моих ясачных людей изгоняете, у промышленных людей отнимаете соболей и запасы. Приняли Гантимура (князя тунгусов) с товарищами. И много лет на моем рубеже делаете худо. Я, богдыхан, послал на вас большое войско, но убить и погубить вас не желаю. Бросьте делать худое: идите назад. Вот мои люди к вам сдались, я просил их назад и Спафарию об это говорил. Но вы не понимаете этого и еще хуже стали воровать: моих подданных ловите и жжете на огне; так, в прошлом году заманили вы моих людей в избу и сожгли. Албазинские и Нерчинские люди, бросьте злое, отдайте Гантимура и уходите сами. И мы будем жить в любви и согласии. Но если вы добра не понимаете и станете жить на моей земле, то ни небом, ни землею вы управитесь. Убить вас не желаю. А если идти вам далеко, придите ко мне, я вас пожалую» [Серебренников, 1922, с. 5–6]. Довольно миролюбивое послание — спокойный слог и сдержанное повествование. Удивительно, насколько пророческим оказался этот текст. Все с точностью, буква в букву, и произошло.

Российский академик, синолог и буддолог Василий Павлович Васильев (1818–1900) в очерке «О сношениях России с Китаем» приводит и другие свидетельства просьб и писем: «(Когда) в 15-м году Кан-Си (1675) торговый купец Ни-го-лай (Николай) с прочими прибыл (в столицу), (и[мперато]р) Шэн-цзу принял его на аудиенции и послал с ним письмо к Чагант-Хану, в котором

приказывал обуздать ло-ча, чтобы не вторгались в наши границы, но на это не было ответа» [СПбФ АРАН. Ф. 775. Оп. 1. Д. 103. Л. 4].

Иеромонах Николай Адоратский в своих заметках ярко и красочно излагает военный экспедиционный поход императора Канси: «При множестве пушек, отлитых католическими миссионерами, набрали солдат не только в Маньчжурии, но и внутри собственного Китая. Всего войска собрано более 15 000 человек, с 100 пушками и 50 осадными орудиями, под предводительством генерала Лан-таня и католических миссионеров. И вся эта армия шла против небольшого острога, в котором кроме пашенных людей и женщин с детьми сидело всего 450 казаков, с 3 пушками и 300 оружиями» [Николай (Адоратский), 1997, с. 38].

Силы были неравны, и 22 июня гарнизон Албазина, страдавший от осады и различных эпидемий, вынужден был прекратить сопротивление. Несмотря на жесткие нравы того времени и особенности отношения к пленным со стороны восточных деспотов, китайский генерал Лантань по приказу императора Канси разрешил русским вернуться в Нерчинск. Албазин же был сожжен дотла.

Объяснение этому милосердию лежит в том, что мудрый император Канси уже в то время прекрасно владел искусством, называемым в наше время «психологической войной» [Петров, 1956, с. 18]. К этому прибегали правители и других стран в отношении миссионеров, оказывавшихся в их владениях. Можно вспомнить произведение Грэма Грина «Сила и слава», где священникам католической миссии, отказавшимся от Христа, предлагались удобства, льготы и ежемесячное денежное довольствие, лишь бы они не смущали мексиканцев своей проповедью. Аналогично в романе Сюсаку Эндо «Молчание» иезуитам за их отступничество жаловались чин, положение в Японской империи и приличное денежное довольствие. И чтобы в будущем не тратить колоссальные средства на военные походы, император Поднебесной обещал предоставить условия для комфортной, безбедной жизни в Китае.

В различных китайских источниках можно обнаружить описание албазинского похода армии Канси. Одно из описаний под заглавием «Пиндин лоча фанлюэ», что означает в свободном переводе «Метод умиротворения русских», подробно излагает способы борьбы китайцев с албазинскими казаками [Pavlovsky, 1949, p. 14].

Однако не все казаки стали возвращаться на территорию отечества, 25 защитников крепости решили отдаться на милость богдыхана. Архимандрит Петр (Каменский), начальник десятой Пекинской духовной миссии, в своих записках таким образом повествует о пленных казаках в Китае: «В первый период моего в Пекине пребывания слышал я от албазинских стариков, будто мудрый император Кан-Си, по взятии их из Албазина, спросил, желают ли они возвратиться в свое отечество, в Россию, или же хотят остаться у него? Те, кои пожелали возвратиться под знамена природного своего Государя, были похвалены, награждены и сопричислены к Маньчжурскому дворянству,

а кои пожелали остаться у него, названы неверными своему Государю» [Петр (Каменский), 1906, с. 11].

Насильно удерживался и албазинский священник Максим Леонтьев. Именно он задолго до первой Пекинской духовной миссии стал проповедником Слова Божия, продолжателем и последователем апостола Фомы. Скромному и смиренному иерею Максиму Леонтьеву, прибывшему в Пекин уже не молодым человеком и до конца дней своих в неволе старавшемуся нести благую весть Евангелия, должно быть отведено важное место в истории Русской православной церкви. Заботясь не только о сегодняшнем дне пасомых в вере гужоу (т. е. родных по происхождению) [Петр (Каменский), 1906, с. 4], но и — самое важное — принимая меры для проповеди китайцам через благочестивый образ жизни и богослужения, отец Максим нес свое послушание до конца своих дней.

Некоторые источники указывают цифру не 25, а 45 человек — для албазинцев, добровольно перешедших на китайскую сторону [Петров, 1956, с. 16]. Важно, что сам богдыхан предоставил русским капище, китайскую кумирню (небольшую языческую молельню с идолами), прежде приказав ее очистить от буддийских болванчиков и божков, для устройства церкви, которая и была переделана в православную часовню. Эту часовню китайцы называли Лочамяо. В ней с 1696 г. началось неукоснительное совершение литургии иереем Максимом. А до этого, в 1695 г., тобольский митрополит Игнатий прислал албазинцам верхотурского священника Григория и диакона Лаврентия со святым антиминсом (тем самым делегировав епископское право служения литургии священнику), миром, богослужебными книгами, церковной утварью.

В особой грамоте митрополит Игнатий утешал пленников и отца Максима: «Преподаю благословение и разрешение устроить и освятить храм во имя Святой Софии Премудрости Божией, подобно тому, как в Константинополе, Киеве, Новгороде и других главных городах при начале в них христианства строились Софийские храмы». Архипастырь писал: «О Святом Духе сыну и сослужителю нашего смирения, проповеднику Святого Евангелия в китайском царствии, архипастырское благословение. Пленение ваше не без пользы китайским жителям, яко Христовы православные веры свет им вами открывается, и вам спасение душевное небесная мзда умножается» [Иннокентий (Фигуровский), 1916, с. 15]. Также тобольский владыка дает повеление и благословение в публичных молитвах всегда молиться за императора. «Молится сице после государских ектений: Еще молимся Господу Богу нашему помиловати раба своего (имя рек) богдыханова величества, как его в титулах пишут, умножи лето живота его и даровати ему благородные чада в наследие рода их, и избави его и боляр его от всякие скорби, гнева и нужды от всякие болезни душевные и телесные, и открыти им свет Евангельского просвещения» [Иннокентий (Фигуровский), 1916, с. 15]. В сослужении присланных из Тобольска священнослужителей отец Максим освятил в 1696 г. албазинскую часовню, наименованную храмом Святой Софии — Премудрости Божией.

Обязанности чтецов и певцов, а также церковного старосты исполняли при нем сами албазинцы [Николай (Адоратский), 1997, с. 38].

Более 25 лет пастырская деятельность иерея Максима ограничивалась совершением богослужения и треб для православных албазинцев и приезжавших в Пекин русских (священнослужители, позже прибывавшие с торговыми караванами, не имели возможности и дозволения китайского правительства для священнодействия и отпуска треб). Так было положено начало православно-русскому богослужению в Китае. Несмотря на то, что храм был освящен в честь святой Софии, эта первая православная церковь в Пекине по-прежнему называлась албазинцами Никольской — в честь иконы Святителя Николая, особенно чтимой ими и взятой иереем Леонтьевым из острога. Икона была Можайского письма; именно перед этим образом пастырь и стал совершать богослужения, обслуживая нужды абазинской паствы. И. И. Серебренников в своей заметке помещает фотографию этого образа [Серебренников, 1922, вклейка между с. 4 и 5].

Однако было необходимо укрепить православие и дать небольшой пастве в Пекине прочную организацию и юридическое право на существование. «Отец Максим через посольских людей стал усиленно хлопотать перед русским правительством об учреждении в Пекине Миссии» [Сагарда, 1900, с. 6].

Стоит заметить, что т. н. «невозвращенцы» имели веские причины остаться при дворе китайского императора, боясь сурового наказания и расправы на родине за свои преступления. Именно они и получили свое историческое название — албазинцы. Даже в письменном документе, описывающем кампанию против Албазина, русские казаки, которые действовали привольно на Амуре, называются «лоча», тогда как «хорошие» русские, подданные русского царя, назывались «элосоы» [Петров, 1968, с. 19].

В. П. Васильев в очерке «О сношениях России с Китаем» приводит пояснение и дословный перевод с китайского языка термина «лоча»: «Ло-ча — название, данное русским маньчжурами. Ло-ча на кит[айском] яз[ыке], собственно, значит “ракшас” или “якшас”, злое существо, поедающее людей» [СПбФ АРАН. Ф. 775. Оп. 1. Л. 3 об.].

Мы можем назвать число казаков, перешедших в подданство китайского императора: один казак Ифан с несколькими компаньонами в 1649 г.; 33 человека во главе с Чиликоли около реки Сунгари; 72 человека, захваченных в 1684–1685 гг. Всего в Пекин привезено около сотни русских, лоча. Любопытную статистику по албазинцам дает архимандрит Петр Каменский: в 1830 г. он сформировал список, описав всю колонию албазинцев в Пекине с женами и детьми, всего 94 человека [Петр (Каменский), 1906, с. 5–10]. Архимандрит подробно описывает характер, нрав, здоровье (физическое и ментальное) всех семей и их отношение к христианству.

Начальник десятой миссии архимандрит Петр в 1824 г. открыл училище для албазинцев. Кроме китайского языка и толкования различных китайских классических книг внимание было обращено на знакомство учеников

с истинами христианской веры. Для этой цели им преподавали катехизис и другие христианские книги, переведенные в разное время членами русской миссии. По воскресным и праздничным дням, до литургии или после нее, в училище проходило чтение дневного Евангелия и Апостола. Обучение осуществлялось в целом успешно. У занятий имелся только один существенный недостаток — слабое преподавание русского языка. Лишь несколько учеников обучались чтению и могли прислуживать и помогать в церкви во время богослужения. Остальные воспитанники язык вовсе не учили, не понимая, что они читают и поют на клиросе¹.

Огромная польза последовала от открытия училища для албазинцев. Из отчета Н. И. Любимова узнаем: «Что касается до пользы, которую можно извлечь из отношений к нам албазинцев, то полагаю, что она может быть тройкая. Во-первых, образование нескольких мальчиков для отправления причетнических должностей в храмах Пекина, каковая цель уже успешно достигнута. Во-вторых, приготовление учителей китайского языка для вновь приезжающих миссий. И наконец, в-третьих, образование нескольких людей, вроде эксплораторов, для собрания всяких полезных для нас сведений внутри Китая» [РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 25. Л. 10 об.; ср. Феклова, 2020, с. 296].

Нерчинский договор от 27 августа 1689 г. положил начало торговым отношениям с Китаем и погасил конфликт на Амуре вплоть до XIX в. Албазинцы, оказавшиеся в Пекине, поступили на службу в императорскую гвардию. Их не распыляли по различным маньчжурским сотням, а создали специальную русскую сотню в составе гвардейской части «Знамя с желтой каймой», считавшейся самой аристократической и пополнявшейся исключительно из рядов лучшей и верной маньчжурской молодежи [Pavlovsky, 1949, p. 157]. То есть они были сопричтены к дивизии маньчжурского дворянства, или, как характеризует в своих дневниковых записках архимандрит Петр (Каменский), «Маньчжурского восьмого дивизионного дворянства». Стоит заметить, что этнические китайцы как народ, покоренный маньчжурской династией, туда категорически не принимались.

Наследственное военное сословие занимало высокое положение в иерархии «Срединной империи». «В Китайской империи самым высоким классом, ее аристократией, были гражданские чиновники — мандарины (именно этими титулами впоследствии и награждались члены пекинской духовной миссии, начальник миссии — мандарин 5-й степени, священник с диаконом — мандарины 7-й степени, ученики-церковники причислялись к военному сословию), на втором месте было военное сословие, что, вероятно, соответствовало дворянскому классу. На третьем месте были земледельцы, на четвертом — ремесленники, на пятом — торговцы и на последнем, шестом

¹ См. «Отчет Н. И. Любимова “по политической части” и материалы к нему: о внутреннем положении Китая, об албазинцах, о состоянии духовной миссии и других вопросам» [РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 25. Л. 11–13].

месте были рабы и другие люди низших разрядов, такие как актеры, нищие и прочие» [Петров, 1968, с. 12].

Русские получили богатые дары: земли в вечное пользование, дома, деньги и хорошее годовое содержание. Кроме того, албазинцы с самого начала были обласканы богдыханом, получили помощь натурой в виде риса; им было разрешено иметь свою часовню в северо-восточной части внутреннего Пекина, т. н. «берестовом урочище». В хоапичанге, как называли его китайцы, и по сей день находится здание посольства России в Китае. Русские имели также кладбище за стенами города, им были даны жены [Петров, 1968, с. 15]. Этот жест не без скорби описывает член шестнадцатой миссии, впоследствии епископ и духовный писатель, иеромонах Николай Адоратский: «Последняя мера [то есть предоставление албазинцам жен] <...> едва ли не была одною из главных причин быстрой нравственной порчи наших казаков. Языческие развращенные жены внесли полную дисгармонию в их семейную жизнь. Китайская пища, одежда, помещение, служба, связи, знакомства, — все это раскрыло албазинцам иной мир, влило в них чуждый дух и постепенно вытеснило в потомстве их родное наследие <...>» [Николай (Адоратский), 1887, с. 339].

Во главе русской сотни первое время были русские начальники. Таким образом, албазинцы вошли в историю как русская сотня императорской гвардии богдыхана в Пекине. Нужно, однако, сказать, что албазинцы не составляли первое ядро этой сотни: «Фактически они только пополнили ряды сотни, которая была сформирована еще до осады Албазина и состояла из казаков, захваченных ранее, в среднем течении Амура, среди которых были группы Чи-ли-ко-ли (Григория) Мыльникова и Ко-ва-ли-ла (Гаврилы) Флорова» [Pavlovsky, 1949, p. 159].

После Нерчинского договора политическое значение русской сотни албазинцев стало падать, нужды в ней более не было, и сотня стала одной из регулярных частей гвардии под командованием одного из принцев маньчжурской династии. Русское правительство совершенно не интересовалось их судьбой хотя бы потому, что они являлись «невозвращенцами», или, как их назвал В. П. Петров, «ушкуйниками», т. е. людьми, отрекшимися от родины.

Албазинцы стали быстро ассимилироваться относительно маньчжурского населения китайской столицы, жениться на маньчжурках и, несмотря на свою принадлежность к православной религии и присутствие в Пекине священника Максима Леонтьева, принялись смешивать свои православные обряды с идолопоклонством. Произошло именно то, о чем Господь предостерегал в Книге Исхода: «Не вступай в союз с жителями той земли, чтобы, когда они будут блудодействовать вслед богов своих и приносить жертвы богам своим, не пригласили и тебя, и ты не вкусил бы жертвы их; и не бери из дочерей их жен сынам своим [и дочерей своих не давай в замужество за сыновей их], дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блуждение вслед богов своих» (Исх. 34:15–16). По истечении определенного количества лет албазинцы все больше и больше отходили от русских обычаев

и смешивались с местным маньчжурским населением китайской столицы. Появилось второе, затем третье поколения, которые почти ничего не знали о своем прошлом и смутно слышали что-то о том, что они были потомками русских казаков, пришедших в Китай с севера. У этих потомков албазинцев ничего не осталось от русских обрядов, не осталось ничего, что могло бы напомнить им о принадлежности их дедов к русской национальности или к православной религии. Может быть, в некоторых семьях еще сохранялись иконы или нательные кресты, почитаемые ими не как символы христианской религии, но как фетиши их идолопоклонства.

В течение всей истории своего существования Российская духовная миссия не забросила и не забыла потомков албазинцев, а стала энергично разыскивать их для того, чтобы вернуть их обратно в лоно православия и также напомнить им, что они потомки русских бойцов, казаков, храбрых защитников Албазина. К тому времени, когда миссия принялась за энергичные поиски албазинцев, они почти совершенно были ассимилированы маньчжурами. В ходе терпеливых поисков, с большим трудом удалось обнаружить потомков албазинцев, начавших постепенно принимать православие.

Албазинцы, которых так терпеливо и упорно разыскивала миссия, часто представляли собой людей, лишенных нравственных устоев. Ф. Волгин в 1896 г. писал об албазинцах, имевших уже двухсотлетнюю историю проживания в Китае, что «в нравственном отношении это в лучшем случае тунеядец, живущий подачками, а в худшем — пьяница и плут» [Волгин, 1896, с. 14].

Однако с течением времени Пекинская духовная миссия окормляла албазинцев, привлекала их к служению и работе при миссии, а затем и при посольстве; под благотворным влиянием миссионеров албазинцы буквально переродились и стали большими приверженцами православия. Вначале они помогли открыть миссию, затем уже миссия помогала им.

К началу XX в. в Пекине и других городах Китая насчитывалось до тысячи албазинцев, которые являлись приверженцами православной веры не по одному названию, а именно по образу жизни, молитвы и участию в богослужениях. В. П. Петров пишет, что «жизнь потомков плененных казаков, в обстановке того времени из-за их принадлежности к православной религии, не была особенно легкой и безопасной ввиду враждебного отношения к ним со стороны фанатичных последователей быстро растущей организации “Большого кулака”, добивавшейся изгнания иностранцев и иностранного влияния из Китая» [Петров, 1956, с. 40].

Большинство албазинцев трудились и даже жили в Пекинской духовной миссии, постепенно изучая русский и церковнославянский языки (последний был необходим для богослужения и чтения церковных книг), параллельно служили чтецами, пономарями в храме.

Другие изучили ремесла, получив профессию и став искусными типографскими наборщиками и переплетчиками (рис. 1), полезными членами общества и доброй паствой миссии.

АЛБАЗИНЦЫ - НАБОРЩИКИ:

*О. Игнатій Шуанъ
(31 лѣтъ).*

*Никита Дэ
(28 лѣтъ).*

*Феофанъ Жуй
(27 лѣтъ).*

*Іона Бао
(18 лѣтъ).*

Рис. 1. «Албазинцы-наборщики».
Фото [Серебренников, 1922, вклейка между с. 8 и 9]

«Здесь в типографии помощником заведующего являлся албазинец протодиакон Василий Дэ. Заведующим русскою наборною был албазинец диакон Федор Дэ, заведующим складом албазинец диакон Владимир Дэ. Среди наборщиков и печатников были албазинцы: Никита Дэ, Савва Дэ, Игнатий Шуан, Феофан Жуй, Иона Бао. Переpletную мастерскую завидовал албазинец Иван Жун. В общежитии мужского монастыря проживал престарелый монах Папий, в миру Лука Цюань. В женском монастыре проживали албазинки: монахиня Фива и рясофорная послушница Феодора Хэнь» [Серебренников, 1922, с. 13].

С большой гордостью эти, в сущности, китайцы, с чисто китайскими фамилиями Ли, Ван, Сун и др., говорили, что их настоящие фамилии — Романов, Иванов, Григорьев.

В трагичном 1900 г., когда Китай фактически оказался в руках фанатичных «боксеров» и настало время мученичества для сотен православных албазинцев, жертвами фанатизма пали многие из албазинцев, явив собою пример подлинного мужества и стойкости своих религиозных убеждений. «Боксерами» было убито свыше 200 православных китайцев, в большинстве — потомков плененных казаков, лоча. «Русские резиденты Пекина и чины Духовной миссии укрылись в стенах Посольского квартала, где выдержали осаду “боксеров” под защитой штыков международных войск, тогда как сотни албазинцев: мужчины, женщины и дети, — были зверски умучены за их принадлежность к чужой вере. По официальным сведениям Духовной миссии, из ее имущества не удалось спасти ничего. Самым страшным оказалось избиеание албазинцев, ютившихся около миссии и работавших и молившихся там. Из общего числа до 1000 албазинцев, паствы Русской духовной миссии, до 300 было убито, и многие, спасая свои жизни, не отреклись от православия» [Петров, 1956, с. 40].

В ходе кровавого восстания было утрачено и культурное достояние Пекинской духовной миссии, которое приумножалось трудами и заботами албазинцев, — около 30 000 типографских иероглифов, уникальные переводы богослужебных книг, бесценные труды архимандрита Палладия (Кафарова), начальника двенадцатой миссии.

Позже, со стабилизацией обстановки, на месте разрушенного православного подворья были восстановлены церковные здания, среди которых оказался выстроен прекрасный храм Всех Мучеников, прямо над склепом убитых во время “боксерских” беспорядков албазинских и китайских христиан. Этот храм был возведен архиепископом Иннокентием Фигуровским. Ежегодно 11 июля в нем совершается поминовение мучеников, убиенных за веру; в честь Святых мужей была написана икона — «Собор китайских православных мучеников» (рис. 2).

О работе Пекинской духовной миссии после завершения восстания В. П. Петров пишет следующим образом: «Деятельность миссии за последние годы от Боксерского восстания до русской революции была особенно интенсивной и благотворной, в особенности ее миссионерская активность.

Рис. 2. Икона «Собор китайских православных мучеников»

В это время миссия состояла из епископа, архимандрита монастыря, 78 иеромонахов, 2 иеродиаконов, 4 монахов, 4 рясофорных, 12 послушников и также 3 священников и 3 диаконов из китайцев (главным образом албазинцев)» [Петров, 1956, с. 41] (рис. 3). После Февральской революции отсутствие финансовой помощи из Российской империи затормозило развитие миссии в Пекине. Но к этому времени духовный облик албазинцев качественно улучшился. Они больше не расценивались как люди без определенного вида деятельности; напротив, «...с наплывом русской эмиграции в крупные портовые города Китая, как Тяньцзинь и Шанхай, албазинцы стали главными поставщиками типографского труда в русские эмигрантские газеты. Эти газеты почти исключительно пользовались трудом албазинцев, наборщиков и печатников, предпочитавших работать там под своими русскими фамилиями. Почти никогда на них не было нареканий, и, наоборот, можно было слышать только похвалу их трудолюбию» [Петров, 1956, с. 42].

Рис. 3. Отец Михаил Тан с детьми прихода. После 1901 г. Оригинальное фото, вклеенное в издание [Иннокентий (Фигуровский), 1916, вклейка л. 45], переданное автором с посвянительной надписью «В Петроградскую публичную библиотеку»

После окончания Второй мировой войны и образования Китайской Народной Республики положение албазинцев сильно изменилось. Произошла окончательная китаизация лоча. В особенности это было спровоцировано политикой правящей Коммунистической партии и запретом всякой религиозной

деятельности. Однако преследования за религиозные убеждения не смогли положить конец этому важному и дорогому соработничеству в истории русско-китайских отношений и в деятельности Русской духовной миссии: «После образования Китайской Народной Республики Православная миссия продолжала возглавлять православные общины по всей стране и развивать свою религиозную деятельность. В 1956 г. большинство русских эмигрантов покинуло Китай; часть православных белоэмигрантов возвратилась в Советский Союз, другая часть уехала в капиталистические страны, например Австралию, Новую Зеландию и т. д. После 1956 г. пекинская православная община была преобразована в Китайское православное общество, и впервые руководить им стал албазинец — архиепископ Яо Фуань, имевший русские корни. В 1966 г. во время “культурной революции” Китайское православное общество больше не могло существовать, религиозная деятельность была полностью прекращена» [Фэн, 1997, с. 381].

После 1978 г. в некоторых районах Китая с разрешения местных властей православная церковь возобновила свою деятельность. В настоящее время в городе Харбине (провинция Хэйлунцзян) восстановлен православный храм.

На сегодняшний день албазинцы продолжают жить в Пекине, а некоторое их число — в городе Тяньцзинь. В настоящее время можно встретить албазинцев также в Харбине, Ухани, Шанхае. Общую численность потомков лоча определить сложно. Из приведенных на территорию Китая родов до сегодняшнего времени точно сохранились представители русских фамилий в сокращенной китайской интерпретации — Ду, Яо, Хэ (Дубинины, Яковлевы, Хабаровы).

Итак, албазинцы определили появление в Китае Русской православной миссии. В общей сложности в Китай были направлены двадцать православных миссий, и плодом их деятельности стало рождение Китайской православной церкви. Редкий пример того, как малая горсть людей, заброшенная в совершенно чужую среду, не только не растворилась в ней, не исчезла совсем и не забыла о своем происхождении, но смогла из невозвращенцев, лоча, превратиться в святых мучеников Китая и достойных сынов и мужей Восточной церкви.

Именно российские албазинцы-миссионеры стали первыми отечественными исследователями Центральной и Восточной Азии: историками, филологами, географами, этнографами, культурологами, чьи труды заложили прочный фундамент российской востоковедческой науки [Андреева, 2002, с. 3]. Многие научные достижения членов Пекинской духовной миссии не утратили своей практической значимости и являются актуальными с позиции опыта российско-китайских взаимоотношений по сей день.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албазин // Новый энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. 1 : А — Александр Михайлович. СПб., 1911. С. 829.
- Андреева С. Г. Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений (1715–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
- Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.
- Волгин Ф. Амур. Природа и люди Амурского края. СПб., 1896.
- Иннокентий (Фигуровский), епископ. Краткая история Русской православной миссии в Китае. Пекин, 1916.
- Китай // Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 2. СПб., 1913. Ст. 1316–1320.
- Николай (Адоратский), архимандрит. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887, март. С. 317–351.
- Николай (Адоратский), архимандрит. Об источниках истории Пекинской духовной миссии в первый и второй периоды ее деятельности. Казань, 1888.
- Николай (Адоратский), иеромонах. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) // История Российской духовной миссии в Китае : сб. статей / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1997. С. 14–164.
- Петр (Каменский), архимандрит. Записка об албазинцах. Пекин, 1906.
- Петров В. П. Албазинцы в Китае. Вашингтон, 1956.
- Петров В. П. Российская духовная миссия в Китае. Вашингтон, 1968.
- Погодин С. Н., Ли Ц. Очерки по истории Российской духовной миссии в Пекине (середина XVIII — начало XX в.). СПб., 2020.
- Сагарда Н. И. Русская православная миссия в Китае. Полтава, 1900.
- Серебренников И. И. Албазинцы. Пекин, 1922.
- Спаский Г. И. Описание древнего христианского памятника, открытого в Китае 1625 года. СПб., 1826.
- Феклова Т. Ю. Меж двух империй: китайцы-албазинцы на службе Российской империи в XIX веке // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков : материалы девятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2020. С. 295–298.
- Фэн Ю. Православные проповедники и культура Китая // История Российской духовной миссии в Китае : сб. статей / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1997. С. 376–381.
- Pavlovsky M. N. Chinese-Russian Relations. New York, 1949.
- Ravenstein E. G. The Russians on the Amur. London, 1861.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ. XVIII В.

DOI 10.25990/archiveras.tunkina.gpa2-r717

Е. Ю. Басаргина
Санкт-Петербург

«Генеральной чертеж Санктъпитербурху» Ж.-Б. А. Леблона 1717 г.: история бытования памятника

Статья посвящена судьбе памятника картографии, имеющего исключительную культурно-историческую и научную ценность. Рукописный план новой российской столицы, выполненный по указанию Петра Великого Ж.-Б. А. Леблоном в 1717 г., хранится в СПбФ АРАН. Текстологический анализ рукописных помет на плане позволил собрать достоверную информацию об этапах и особенностях бытования памятника. Привлечение дополнительных архивных материалов помогло уточнить шифр памятника после его поступления в Академию наук.

Ключевые слова: картография, проектный план Санкт-Петербурга, Петр Великий, французский архитектор, пометы, Архив Академии наук.

E. Yu. Basargina
St. Petersburg

J.-B. A. Le Blond' "General Drawing of St. Petersburg", 1717: History of the Monument's Existence

The article focuses on the fate of the 1717 St. Petersburg plan, which is a monument of exceptional cultural, historical and scientific value. The handwritten plan of the new Russian capital, carried out for Peter the Great by J.-B. A. Le Blond has been kept in the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS. Using textual analysis of handwritten notes on the plan, the author collected information on the stages of the monument's existence and could specify the cipher of the monument after its admission to the Academy of Sciences.

Keywords: cartography, plan of St. Petersburg, Peter the Great, French architect, handwritten notes, Archive of the Academy of Sciences.

Статья посвящена памятнику, который составляет гордость собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН; вместе с тем она посвящена и юбилею, которого, как всем известно, отличает особое, благоговейное отношение к архивным раритетам...

К 8 января 1717 г. Жан-Батист Александр Леблон (*Jean-Baptiste Alexandre Le Blond*; 1679–1719), незадолго до этого принятый Петром I на русскую службу генерал-архитектором, составил проектный план новой российской столицы — «Генеральной чертеж Санктъпитербурху». Первый единый проектный генеральный план объединил реальную застройку и стратегический план развития градостроительной культуры Санкт-Петербурга, заложив основы городских ансамблей.

План представляет собой настенный рукописный чертеж размером 99 × 158 см; он выполнен на тряпичной бумаге, наклеенной на холст, исполнен черной тушью и раскрашен акварелью. План составлен из десяти склеенных внахлест фрагментов — восьми больших, размером 40,5 × 51,6 см, и двух маленьких, 11,8 × 51,6 см.

В настоящее время этот уникальный картографический памятник хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 1. Д. 627. Л. 1] (рис. 1). План хорошо известен специалистам, изучен ими вдоль и поперек [Столпянский, 1913; Исторический очерк... 1961, с. 72–73; Калязина, 1984, с. 94–123; Семенцов, 2000, с. 53–61; Базарова, 2004, с. 47–49; 2016, с. 269–278; Семенцов и др., 2004, с. 73–97; Каптиков, 2019, с. 62–67; Мазаев, 2020, с. 92–99]. Однако история бытования памятника до сих пор не была раскрыта в полном объеме. Разобраться в этом вопросе и проследить этапы перемещения плана позволяют многочисленные рукописные пометы, которые, однако, нуждаются в расшифровке и интерпретации.

Пометы на лицевой стороне плана

Пометы на лицевой стороне написаны тушью на русском языке. В левом нижнем углу помещено название плана: «Генеральной чертеж Санктъпитербурху». Ниже стоит подпись архитектора «Leblond», указаны место и дата: «Санктпетербурх. 8 Генваря 1717». Под чертежом стоит подпись-автограф архитектора. В правом нижнем углу имеется помета и нарисована линейка с масштабом во французских туазах 1:4450. Выше написан следующий текст: «За скорым отъездом куриера я не успел самъ сделать планъ ситуации Санктъ Питербурхской и принужденъ былъ реглементи[ровать] по планам, которые я получил от господина Трезина. Чертеж былъ сделан с поспешением в 4 дни. И ежели явятца какие фоуты, прошу, да не повелит Ваше Императорское Величество причесть мне в вину». Через несколько дней А. Д. Меншиков отправил план Ж.-Б. А. Леблona Петру за границу; Петр получил план 17 февраля 1717 г. в Нидерландах, но отложил его утверждение до возвращения домой.

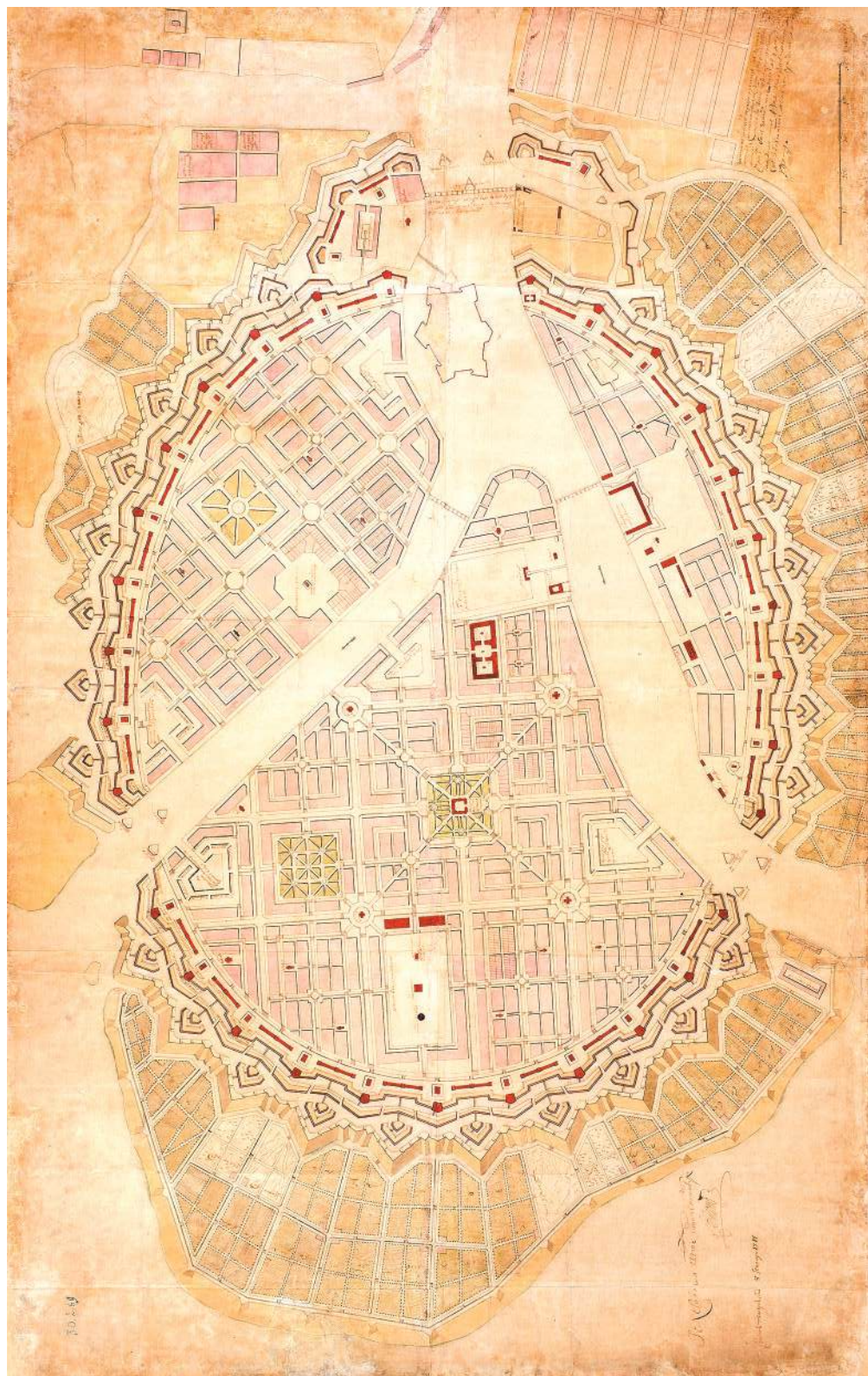

Рис. 1. «Генеральной чертеж Санктъпитербурху» Ж.-Б. А. Леблona 1717 г.
© СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 1. Д. 627. Л. 1

План Ж.-Б. А. Леблona во многом был схож с планом Д. Трезини, который Петр I утвердил еще в начале 1716 г., до своего отъезда за границу. Окончательную победу в состязании двух архитекторов одержал Д. Трезини (местонахождение его плана сейчас неизвестно). План Ж.-Б. А. Леблona находился в личном собрании (Кабинете) Петра I, а после смерти императора вместе с другими принадлежавшими ему вещами, книжными и графическими собраниями поступил в Академию наук.

Картографические материалы Петра I сдавались из дворцов в Академию наук согласно «Реестрам» в течение нескольких лет. План Ж.-Б. А. Леблona вошел в «Реестры карт, планов, атласов, чертежей, рисунков и гравюр собрания Петра I», датированные 1729 г. («Приниманы в 1729 г.») [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2330. Л. 166 об.; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела... 1961, с. 25–47]. В разделе «Инженерные карты» под № 56 значится: «Генеральной чертеж Санкт Питерс бурха 1717 г., подклеен холстом» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2330. Л. 135 об.; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела... 1961, с. 26].

Поступившие собрания находились в ведении библиотекаря Академии наук И. Д. Шумахера, который передал часть картографических материалов астроному и географу Ж.-Н. Делилю (1688–1768), работавшему в Академии наук с 1726 г. и возглавлявшему в академии картографические работы. Ж.-Н. Делиль установил специальные шифры картам и планам, для указания мест, откуда они поступили. Для картографических документов из Кабинета Петра I он использовал аббревиатуру СВ (первые две согласные буквы слова *Cabinet*); кроме общего условного знака он ввел дополнительные обозначения, состоявшие из цифры и/или буквы и указывавшие на порядок в систематическом разделе. Так, план Ж.-Б. А. Леблona имел шифр 3S.

В 1735 г. в связи с созданием в Академии наук Географического бюро началась концентрация картографических материалов в этом новом учреждении. Составлением каталогов карт и планов, сосредоточенных в Географическом бюро (преобразованном в 1739 г. в Географический департамент), занимались Петр Людовик Леруа и Христофор Шварц¹. Согласно протоколам Географического бюро, которые вел Леруа, работа по шифровке карт Кабинета с шифром «СВ» была начата 1 ноября 1735 г. и окончена 10 ноября того же года [Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела... 1961, с. 14–15].

31 января 1736 г. Леруа записал в протоколе: *«J'ay livré à M-r Christoph Schwartz, par ordre de M-r Schumacher 23 plans, tirés d'entre les cartes qui m'ont été remises par M-r de L'Isle, lesquelles cartes étaient ci devant dans le Cabinet et*

¹ Петр Людовик Леруа (*Pierre-Louis Le Roy*; 1699–1774) — историк, экстраординарный академик новой истории со специальным поручением иметь надзор за хранением карт (1735–1748). Христофор Яков Шварц (*Christophor Jacob Schwartz*; ?–1756) — саксонец, участник посольства в Китай под началом С. Л. Владиславича-Рагузинского (1725–1728), автор нескольких карт; учитель музыки Елизаветы Петровны и активный участник возведения ее на престол в 1741 г.

dont le Catalogue se trouve au № 25 des actes de l'année 1735» («Я предоставил г-ну Христофу Шварцу, по приказанию г-на Шумахера, 23 плана из числа тех карт, которые были переданы мне г-ном Делилем, а прежде были в Кабинете, и каталог которых находится под № 25 в делах 1735 года») [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 2/2. Л. 10–10 об.; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела... 1961, с. 14–15].

Каталог 1735 г. под № 25 имеет название: «Catalogue des Cartes M. S. du Cabinet, ci devant confiées par Mr Schumacher à Mr De L'Isle, lesquelles il m'a remises, et que j'ai rangé et numéroté, suivant l'ordre et les Numero précédens de Mr De L'Isle marquées CB» («Каталог рукописных карт из Кабинета, вверенных г-ном Шумахером г-ну Делилю, которые он мне передал, а я их расположил и пронумеровал в порядке и по номерам, указанным г-ном Делилем, они помечены "CB"») [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 4. Л. 70–74; Д. 171. Л. 9 об. – 13; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела... 1961, с. 53–58]. В этот каталог с № 42 вошел план Ж.-Б. А. Леблona под шифром: «CB. 3S. Projet pour Petersbourg par Mr. Le Blond»².

Пометы на оборотной стороне плана

На оборотной стороне (холсте) пометы выполнены железо-галловыми чернилами на русском, французском и немецком языках (рис. 2).

В средней части чертежа на русском языке было написано: «Генералной Чертеж питербурху».

В нижней части листа Х. Шварц сделал запись на немецком языке о получении им плана 31 января 1736 г.: «Diesen Riß habe Quÿtiren Müßen CS 1736 d. 31 Januar» («За этот план я должен был расписаться. CS 31 января 1736 г.»). За инициалами CS скрывается имя C[hristophor] S[chwartz].

Позже под этой записью была сделана рабочая помета на французском языке с указанием названия документа, материала, времени создания, имени автора и шифра (?): «Projet pour Pitersbourg, par[je] 1717 le Blond. C.B. / CS.» («Проект Питерсбурга, бумага, 1717, Леблон. C.B. / CS.»). Если ошибка анонимного автора пометы в написании слова Петербург может указывать на вариативность в транскрибировании названия города, то запись C. B. / CS. (буквосочетания написаны в столбик, одно под другим) — результат его непонимания вышестоящей записи. Автор пометы принял инициалы Христофора Шварца CS за шифр документа и занес их в нижний индекс шифра; зная же о том, что план Ж.-Б. А. Леблona происходит из «кабинетного» собрания Петра I, он

² План Ж.-Б. А. Леблona числится под № 76 в составленной в 1728–1729 гг. «Росписи чертежам, в разных кабинетах Петра Великого находившимся» («Consignation der Charten, welche in denen Caizerl. Cabinets sind») [Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела... 1961, с. 50]. План также указан в «Каталоге планов, переданных г-ном библиотекарем Шумахером 31 января 1736 г.» («Catalogue des Plans remis à Mr le Bibliothecaire Schumacher le 31 Janvier 1736») [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 171. Л. 43].

присвоил ему верхний шифр С. В. Так появился псевдошифр плана, который мог сбить с толку сотрудников Географического департамента. Впрочем, шифры, присвоенные картографическим материалам Ж.-Н. Делилем, утратили свое значение после того, как в 1799 г. Географический департамент прекратил свое существование.

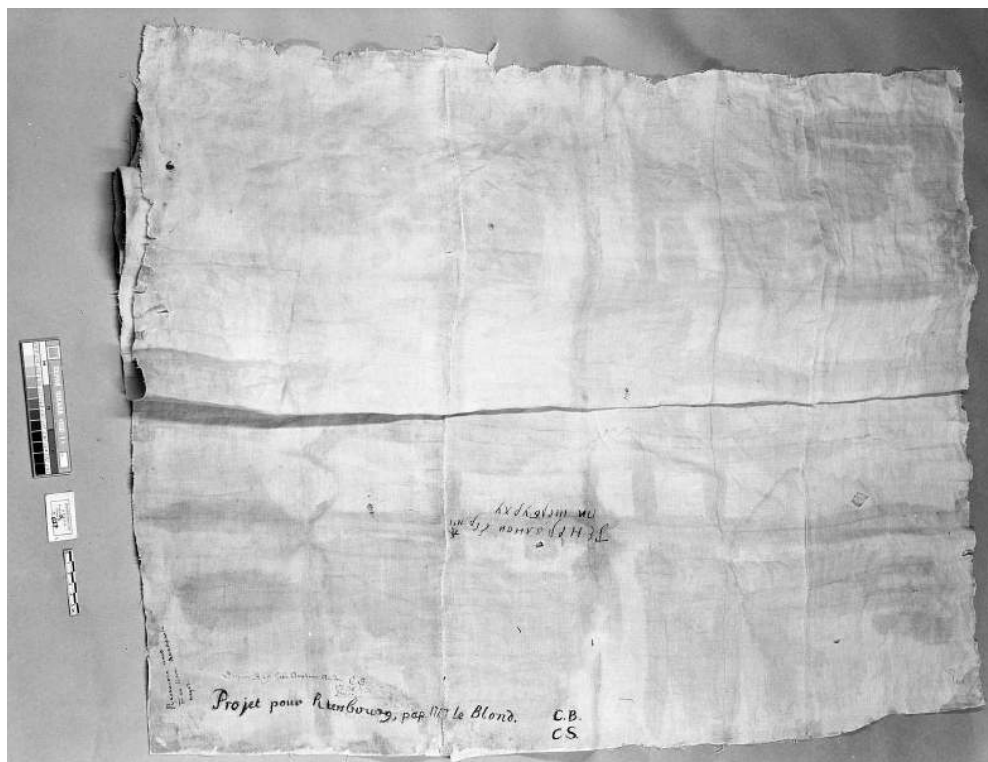

Рис. 2. Пометы на оборотной стороне плана Ж.-Б. А. Леблona «Генеральной чертеж Санктъпитербурху», 1717 г. © СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 1. Д. 627. Л. 1 об.

План Ж.-Б. А. Леблona поступил в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук, где ему был присвоен новый шифр, записанный синим карандашом в левой верхней части лицевой стороны плана: 30.2.69. На обороте плана появилась запись: «Рукописное отд[еление] Б-ки Имп. Академии наук». В раме и под стеклом план находился там почти 140 лет. По словам библиографа библиотеки К. И. Шафрановского, «сотрудники Рукописного отделения всегда очень гордились этим планом и показывали его посетителям библиотеки» [СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 1. Д. 253. Л. 41].

В разгар лета 1938 г. план Ж.-Б. А. Леблona был передан в Архив АН СССР. К. И. Шафрановский стал свидетелем переноса плана из Библиотеки АН СССР в находившееся неподалеку здание Архива АН СССР. «Как-то раз в начале

тридцатых годов, — вспоминал он через много лет, что объясняет аберрацию его памяти, — я шел по Университетской линии и вижу, несут куда-то план Леблona. У меня тогда мелькнула мысль: с какой легкостью расстается Библиотека АН СССР с принадлежащими ей материалами, вещами. Хорошо, что план Леблona попал в надежные руки» [СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 1. Д. 253. Л. 41].

1 июля 1938 г. был составлен акт: «О передаче из Рукописного отделения Библиотеки в Архив Академии наук рукописного плана С.-Петербурга, составленного архитектором Леблоном в 1717 г. под шифром 30.2.69. План находится в застекленной раме. Сдала Уткина Г. Ф.; принял Черников» [СПбФ АРАН. Дело фонда (разряда) IX. Т. 1. Л. 22]³. В «Книге для записи поступлений рукописей архивного материала Архива Академии наук СССР за 1938 г.» под № 83 была сделана соответствующая отметка [СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 282а. Л. 23 об. – 24]. План был присоединен к Разряду IX (Карты, планы, чертежи, рисунки и другие графические документы), опись 1 (Рукописный картографический материал), дело 627.

Передача плана Ж.-Б. А. Леблona из Рукописного отделения Библиотеки АН СССР в Архив АН СССР была частью большой кампании перераспределения архивных фондов, хранившихся в учреждениях АН СССР. Изъятие архивных материалов из Библиотеки АН СССР началось в связи с «Академическим делом», поводом к которому стало обнаружение в Библиотеке и других академических учреждениях якобы неучтенных архивных материалов политического характера, актов об отречении от престола императора Николая II и вел. кн. Михаила Александровича, документов партий эсеров и кадетов. Начались репрессии против академических ученых. В конце 1929 г. был снят с должности и расстрелян заведующий академическим архивом, бывший офицер А. С. Путилов-Янович (1876–1931). На его место Центрархив прислал своего сотрудника Г. А. Князева (1887–1969), который сразу приступил к учету и перераспределению рукописных фондов, хранившихся в академических учреждениях. Г. А. Князев был сторонником централизации архивных комплексов в Архиве АН СССР, куда в течение 1930-х гг. поступило около сотни личных фондов и фондов учреждений.

В 1938 г. при Архиве АН СССР была создана Комиссия по истории Академии наук, что позволило Г. А. Князеву провести комплектование архива новыми ценными научными и изобразительными материалами по академической истории. Среди прочего он забрал из Рукописного отделения Библиотеки АН СССР в Архив АН СССР два плана С.-Петербурга — план Ж.-Б. А. Леблona 1717 г. и план И. Трускотта 1753 г.

В июле 1941 г. оба плана вместе с другими особо ценными материалами были переданы на временное хранение в Эрмитаж и вместе с сокровищами

³ Уткина (урожд. Подозерская) Глафира Федоровна (1904–1992) — историк права, библиотековед. Черников Александр Митрофанович (1907–2002) — архивист, научный сотрудник (1930–1941), ученый секретарь (1960–1963) Архива АН СССР.

музея эвакуированы в Свердловск. В августе 1946 г. раритеты возвратились в архив [СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 508. Л. 1–2].

27 августа 1946 г. директор архива Г. А. Князев написал директору Эрмитажа И. А. Орбели письмо со словами благодарности [СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 390. Л. 14]:

«Глубокоуважаемый Иосиф Абгарович. В июле 1941 г. Архив Академии наук СССР передал на хранение в руководимый Вами Государственный Эрмитаж ряд уникальных предметов, являющихся традиционными реликвиями Академии наук; среди них портрет Петра I работы М. В. Ломоносова, рукописный план С.-Петербурга 1717 г. работы архитектора Леблona и т. д. Тяжелые испытания войны и блокады Ленинграда много раз заставляли меня опасаться за судьбу уникальных ценностей. Однако Вашими стараниями и стараниями вверенного Вам коллектива работников Эрмитажа столь дорогие для истории русской культуры ценности были сохранены. 27 августа 1946 г. Государственный Эрмитаж возвратил эти предметы в Академию наук СССР. Позвольте, глубокоуважаемый Иосиф Абгарович, принести Вам искреннюю благодарность за заботу и труды, которые привели к сохранению этих исключительно ценных предметов.

Искренне уважающий Вас
директор Архива АН СССР Г. А. Князев».

За время 300-летнего бытования памятник сильно пострадал от плохих условий хранения, на подложке (холсте) имелись многочисленные водные подтеки, пятна неизвестного происхождения. В один из моментов бытования чертежа он был подвергнут неумелому ремонту и подклеен канцелярским клеем, в результате чего со временем рисунок в местах склейки обесцветился.

В преддверии 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга план Ж.-Б. А. Леблona был отреставрирован сотрудниками Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН К. И. Андреевой, Н. И. Маршенниковой и Л. Г. Олейник [Андреева, Олейник, Маршенникова, 2004, с. 44–46]. Прежде чем приступить к реставрации, специалисты лаборатории провели комплекс физико-химических исследований памятника (был определен состав бумаги, выполнены микологический анализ, химический анализ клея, проведено тестирование красочного слоя и чернил). С учетом результатов научно-исследовательской работы была подготовлена программа реставрации плана. Согласно этой программе план был тщательно очищен, затем раздублирован, подложка отделена от документа, укреплена материальная основа, восстановлены физическая прочность и экспозиционный вид.

После переезда архива в новое здание в 2022 г. наступил новый период бытования уникального памятника картографии. Стены хранилища план Ж.-Б. А. Леблona покидает только для экспонирования на временных выставках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева К. И., Олейник Л. Г., Маршенникова Н. И. Реставрация плана Санкт-Петербурга Ж.-Б. А. Леблona // Реликвия. Реставрация, консервация, музеи. 2004. № 2. С. 44–46.
- Базарова Т. А. Генеральный план Петербурга Ж.-Б. А. Леблona 1717 года // Реликвия. Реставрация, консервация, музеи. 2004. № 2. С. 47–49.
- Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого: Очерки. 2-е изд. СПб., 2016.
- Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук : в 2 вып. Доп. к вып. 1 : Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры Собрания Петра I / М. Н. Мурзанова, В. Ф. Покровская, Е. И. Боброва ; отв. ред. А. И. Андреев, Г. А. Чеботарев. М. ; Л., 1961.
- Калязина Н. В. Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX века / под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1984. С. 94–124.
- Калязина Н. В., Калязин Е. А. Жан Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII век. Архитекторы барокко. Ранний классицизм. Строгий классицизм / ред. Ю. В. Артемьева, С. А. Прохвятилова ; введ. В. К. Шуйского. СПб., 1997. С. 87–111.
- Каптиков Ю. А. Ж.-Б. Леблон и русско-французские архитектурные связи в эпоху барокко // Академический вестник УралНИИПРОЕКТ РААСН. 2019. № 3. С. 62–67.
- Мазаев Г. В. Загадка Леблona // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 2. С. 92–99.
- Семенцов С. В. О «Генералном чертеже Санктъпитербурху» Ж.-Б. А. Леблona 1717 г. // Петровское время в лицах: Краткое содержание докладов научной конференции. СПб., 2000. С. 53–61.
- Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004.
- Столянский П. Н. Старый Петербург и его исторический план: Доклад, читанный в Императорском С.-Петербургском обществе архитекторов 2 апреля 1913 г. СПб., 1913.

В. Лефельдт

Гёттинген, Германия

**Даниэль Готлиб Мессершмидт
и Якоб и Иоганн Филипп Брейне,
Христиан Ментцель и Энгельберт Кемпфер, или
Как данцигский ученый готовился к своей службе в России***

В статье рассмотрены сочинения европейских естествоиспытателей, которые, без сомнения, были изучены первым ученым-исследователем Сибири, врачом из Данцига Д. Г. Мессершмидтом до его отъезда в Россию, на русскую службу. Показаны сюжеты, которые могли иметь для ученого особый интерес. Указаны те места работ Д. Г. Мессершмидта (прежде всего в его итоговой рукописи, написанной по результатам сибирского путешествия, «Sibiria Perlustrata»), которые содержат отсылки к рассмотренным работам предшественников.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, Данциг, европейские естествоиспытатели.

W. Lehfeldt

Göttingen, Germany

**Daniel Gottlieb Messerschmidt and Jacob and Johann Philipp
Breyne, Christian Mentzel and Engelbert Kaempfer, or
How the Danzig Scientist Prepared for His Service in Russia**

The article examines the compositions by European naturalists, which, without any doubt, were studied by the first scientist and researcher of Siberia, a physician from Danzig, D. G. Messerschmidt, before his departure to the Russian service. The author shows the plots that could have been of particular interest for the scientist, and points out the passages in D. G. Messerschmidt's works (primarily in his final manuscript "Sibiria Perlustrata" written upon the results of his Siberian journey), containing references to the works of his predecessors.

Keywords: D. G. Messerschmidt, Danzig, European naturalists.

* Приношу сердечную благодарность И. В. Кожушковой, Е. Е. Русановой и Ю. И. Чивтаеву за их неоценимую и бескорыстную помощь при исправлении русских формулировок и редактировании содержания предлагаемой статьи.

В рамках своей второй поездки по Западной Европе царь Петр I с 29 февраля по 11 мая 1716 г. останавливался в Данциге. Здесь он советовался с врачом Иоганном Филиппом Брейне (*Johann Philipp Breyne*; 1680–1764), широко известным за пределами его родного города ботаником и владельцем богатого, унаследованного от отца Якоба Брейне (*Jacob Breyne*; 1637–1697) натурального кабинета, который привлек особый интерес высокопоставленного пациента. При одной из их встреч царь попросил И. Ф. Брейне о рекомендации относительно кандидата, который мог бы собирать природные богатства Российской империи и изучать их. В ответ на эту просьбу И. Ф. Брейне в качестве такого кандидата предложил Даниэля Готлиба Мессершмидта (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735).

Д. Г. Мессершмидт, который родился в Данциге, с октября 1706 г. по май 1713 г. изучал медицину и ботанику сначала в Йенском университете, а затем в университете в Галле, где он в 1713 г. под руководством знаменитого по сей день Фридриха Гофмана (*Friedrich Hoffmann*; 1660–1742)¹ защитил докторскую диссертацию «*De ratione præsidi universæ medicinæ*» [Messerschmied, 1713]. После этого он вернулся в Данциг, где, по всей вероятности, занимался врачебной практикой и одновременно продолжал совершенствовать свое медицинское, ботаническое, зоологическое и минералогическое образование². С этой целью он познакомился и даже подружился с И. Ф. Брейне, сотрудничал с ним и получил от него доступ к его натуральному кабинету, а также к его богатой библиотеке, унаследованной от отца — Якоба Брейне, знаменитого во всей Европе автора ряда ботанических сочинений, о которых в дальнейшем еще будет идти речь.

Следуя рекомендации И. Ф. Брейне, Петр I пригласил Д. Г. Мессершмидта на русскую службу и поручил своему лейб-медику, сопровождавшему его во время путешествия, шотландцу Роберту Арескину (*Robert Erskine*; 1677–1718), договориться с Д. Г. Мессершмидтом о подробностях его будущей службы. Письменные и — дважды — устные переговоры на этот предмет с многократными перерывами продолжались до осени 1717 г. В связи с этим надо подчеркнуть следующее обстоятельство: несмотря на многократно и настойчиво повторенные письменные просьбы на адрес Р. Арескина, Д. Г. Мессершмит до отправления в Санкт-Петербург 19 февраля 1718 г. не получил от последнего документа, в котором были бы конкретно и однозначно установлены его обязанности и права. Согласно позднейшей формулировке самого Д. Г. Мессершмидта, Р. Арескин пригласил его «*ad indaganda Magni Ruthenici Imperii Naturae arcana*», т. е. «для исследования тайн природы великой Российской империи». Не исключено, даже весьма вероятно, что Р. Арескин, страстный ботаник и автор первого в России гербария [Радзюн, 2021; Сытин, 2022;

¹ О жизни и творчестве Ф. Гофмана см. [Stolle, 1731, S. 369–373].

² О данцигском окружении Д. Г. Мессершмидта в 1685–1718 гг. см. [Зенкевич, Басаргина, 2023].

Сытин, Сластунов, 2022], при этом в первую очередь имел в виду исследование растительного мира. Он посоветовал Д. Г. Мессершмидту тщательно подготовиться к будущей службе в России. Следуя этому совету, данцигский ученый время ожидания в летние месяцы 1716 и 1717 гг. использовал для научных, прежде всего ботанических, а также минералогических экскурсий по ближним и дальним окрестностям Данцига. Помимо этого, он, по сообщению на адрес Р. Арескина от 7 ноября 1716 г., вступил в «ученую беседу» («*erudita conversatio*») с И. Ф. Брейне и получил от него разрешение изучать «то обширнейшее природное богатство, которое он сам хранит для себя в своей блестяще снабженной сокровищнице» («*amplissimam illam Naturæ supellectilem, quam ipse in κενήλιφ suo certè instructissimo sibi servat*») [Lehfeldt, 2023, S. 60].

Во время своих ботанических экскурсий Д. Г. Мессершмидт мог, конечно, исследовать только местные растения. При подготовке этих экскурсий он мог опираться на гербарий И. Ф. Брейне. Кроме этого, он мог пользоваться богатой библиотекой своего покровителя и друга. Один из визитеров И. Ф. Брейне, саксонский ботаник Христиан Генрих Эрндель (*Christian Heinrich Erndel*; 1676–1734), в адресованном И. Ф. Брейне письме от 1 ноября 1716 г. завидует тому, «что, помимо редких реликвий природы, под рукой имеется также изысканная библиотека, которая, если говорить о естественной истории, вряд ли найдет себе подобную» («*quod præter rariora Naturæ cimelia exquisita etiam biblioteca ad manus sit, quæ, Naturalem Historiam quod attinet, paucas fortasse habebit sibi similes*») [Erndel, [1716], p. 4]. И. Ф. Брейне сам в одном из писем называет свою ботаническую библиотеку «*completam*», т. е. полной [Reyger, 1766, p. 14].

В этой библиотеке Д. Г. Мессершмидт имел возможность ознакомиться с четырьмя книгами, посвященными описанию растений из окрестностей Данцига и из Пруссии.

1. В 1643 г. королевский и городской врач Николаус Эльхафен (*Nikolaus Oelhafen*; 1604–1643) опубликовал в Данциге свое сочинение «*Elenchus plantarum circa Nobile Borussorum Dantiscum sua sponte nascentium*» («Опись растений, свободно растущих около благородного прусского Данцига»), в котором описываются 346 растений³, — «*catalogus alphabeticus cum synonymis & brevi indicio virum medicarum. Raras aliquas habet*» («алфавитный каталог с синонимами и кратким списком целительных сил. Приводит несколько редких [растений]») [Haller, 1771, p. 466].

2. В 1650 г. также в Данциге вышла из печати книга «*Centuria plantarum circa nobile Gedanum sponte nascentium, adjecta appendici loco, ad elenchum plantarum gedanensium excel. & exper. Dr. Nicolai Ölhafij, regij medici & physici gedanensis ordinarij; Excursu quinque Mensium horni temporis cum aliquot Nobilissimis Adolescentibus facto, Collecta & edita a Christiano Menzelio*»

³ См. об этом сочинении предисловие И. Ф. Брейне к книге [Helwing, 1712, p. 5].

(«Сто дикорастущих около благородного Данцига растений, добавленных вместо приложения к описи данцигских растений Н. Эльхафена, королевского врача и ординарного городского врача данцигского, собранных во время предпринятой в течение теплого времени года совместно с несколькими знатнейшими юношами экскурсии и изданных Христианом Ментцелем»). По словам Альбрехта фон Галлера, в этом сочинении учитываются «*plantæ partim vulgares, partim raræ*» («растения: частично — широко распространенные, частично — редкие») [Haller, 1771, p. 479]. Как вытекает из названия книги, она представляет собой дополнение к сочинению Николауса Эльхафена. Автором книги был Христиан Ментцель (*Christian Mentzel*; 1622–1701), лейб-медик великого курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма⁴. В 1648 г. молодой Христиан Ментцель в данцигской академической гимназии преподавал анатомию и ботанику, в связи с этим заботился о ботаническом саде и вместе со своими учениками проводил несколько ботанических экскурсий в окрестностях города. Для нас особенно важно то обстоятельство, что с этого периода Х. Ментцель был знаком и даже подружился с Якобом Брейне. Тот с раннего детства питал живой интерес к исследованию растительного мира и в 1648 г., в возрасте 11 лет, принадлежал к ученикам Х. Ментцеля, который, по словам Ж. Питтона де Турнефора, «усилил врожденную его склонность к медицине и естественной истории» («*innatam in eo ad Medicinam & naturalem Historiam propensionem auxit*») [Tournefort, 1719, p. XXII]⁵. Несомненно, Я. Брейне принадлежал к упомянутым Х. Ментцелем «знатнейшим юношам». О дружбе Х. Ментцеля и Я. Брейне свидетельствует, например, то, что в письме от 29 июня 1681 г. Х. Ментцель так обращается к своему бывшему ученику: «Благородный <...>, преславный, мой особенно старый, милый, дорогой друг» («*HochEdler, <...> hochbenahmbter, mein insonders hochgeEhrter, alter, lieber, wehrter freund*») [FB Gotha. Chart B-00857b. S. 00196].

3. В 1703 г., спустя почти полвека после смерти автора, в Кёнигсберге Иоанном Готтшедом (*Johann Gottsched*; 1668–1704) была опубликована объемная (562 страницы) книга «*Flora Prussica, sive Plantæ in regno Prussiæ sponte nascentes*» врача и ботаника Иоанна Лезеля (*Johannes Loesel*; 1607–1655). Этой книге предшествовало опубликованное в 1654 г. в Кёнигсберге сыном того же автора сочинение «*Plantas in Borussia sponte nascentes e manuscriptis Parentis mei divulgo Johannes Loeselius, Johannis Filius M. DC. LIV*» [Loesel, 1654]. В новом издании 1703 г. [Loesel, 1703] описываются — в большинстве случаев весьма подробно — 760 «прусских» растений, причем для многих, хотя и не для всех, добавляется еще и рисунок. В основном И. Лезель ограничивается описанием тех растений, «которые растут около Кёнигсберга и в его

⁴ О жизни и творчестве Х. Ментцеля см. [Gohl, 1724; Mangetus, 1731; Stolle, 1731, S. 679–681; Artelt, 1940; Winau, 1970, S. 4–25].

⁵ И. Ф. Брейне в предисловии к книге Г. А. Гельвинга [Helwing, 1712, p. 5] называет Х. Ментцеля «*Parentis mei, p. m. in Botanicis Præceptor*».

окрестностях» («quæ circa Regiomontum inque locis vicinis luxuriant»)⁶. Автор всегда приводит «Synonymias Veterum Botanicorum» («синонимы прежних ботаников»), если, разумеется, такие предшественники есть. Важная особенность описаний заключается в том, что автор по возможности указывает на регион или те регионы, где произрастает данное растение. При этом он использует немецкий язык. Примечательно и то, что автор сознательно учитывает таких читателей, «которые не знают латинского языка» («qui Latinæ gnari non sunt»). С этой целью он для всех без исключения растений приводит их немецкие названия, в большинстве случаев даже несколько названий, и к «index latinus» добавляется «index germanicus». В качестве примера приведем описание двух растений. Для растения «verbasculum pratense odoratum», по-русски «скороспелка», «баранчик», И. Лезель указывает следующие немецкие названия: «Schlüssel-Blumen», «Geel Schlüssel-Blumen», «Himmel-Schlüssel», «St. Peters Schlüssel», «weiß Betonien», «Gicht-Kraut», «Handschuch-Blumen». Оно растёт «ad sylvarum marginem passim», т. е. «повсеместно на опушке леса». Для растения «cuscuta major», по-русски «повилица, повилика, шелковая трава», И. Лезелю известны следующие немецкие названия: «Seiden-Kraut», «Filtz-Kraut», «Flachs-Seiden», «Flachs-Dottern», «Neßel-Rancken Borussis», «Bey Königsberg passim», т. е. «около Кёнигсберга повсеместно» [Loesel, 1703, p. 279].

Тот экземпляр книги И. Лезеля, который принадлежал И. Ф. Брейне, сохранился по сей день. Вскоре после смерти его владельца в 1764 г. он, вместе с остальным наследием ученого, был куплен герцогом Эрнстом II Саксонско-Кобургским и Альтенбургским и с того времени хранится в Исследовательской библиотеке в Готе (Forschungsbibliothek Gotha) [Roob, Hopf, 1988, S. 41].

4. Наконец, в 1712 г. в Данциге вышла книга «Flora Quasimodogenita, sive ENUMERATIO aliquot plantarum indigenarum in Prussia» ангербургского пастора и известного ботаника Георга Андреаса Гельвинга (*Georg Andreas Helwing*; 1666–1748), называемого «прусским Плинием» или же «прусским Турнефором». Как следует из подзаголовка книги — «<...> Quarum in Herbariis hactenus Borussicis aut nulla, aut superficaria facta est mentio, <...> In qua de Scriptoribus Rerum Naturalium Borussiae & Poloniae agitur, & multi errores Florae Prussicae modestè corrigunt», автор ставит своей целью дополнить, уточнить и исправить результаты своих предшественников, по словам А. фон Галлера, в первую очередь И. Лезеля: «Nempe LOESELII potissimum Floram supplere suscepit vir diligens» [Haller, 1772, p. 106]. От упомянутых нами выше книг сочинение Г. А. Гельвинга отличается тем, что оно начинается с пространного предисловия объемом 16 страниц («Præfatio ad lectorem benevolum»), автором которого является И. Ф. Брейне. В нем И. Ф. Брейне перечисляет и обсуждает

⁶ Так сочинение И. Лезеля оценивает И. Ф. Брейне в предисловии к книге [Helwing, 1712, p. 9].

те немногие («*utut pauci*») сочинения, которые печатались с середины XVI столетия в Польше и в Пруссии и были посвящены изучению царства природы этих стран⁷. Д. Г. Мессершмидт должен был знать книгу Г. А. Гельвинга. О его знакомстве с ботаническим творчеством этого автора свидетельствует в особенности то, что в походной библиотеке Д. Г. Мессершмидта находилась вышедшая в 1703 г. книга Г. А. Гельвинга «*FLORÆ CAMPANA seu PULSATILLA*» [Lehfeldt, 2023, S. 627]⁸.

Среди приведенных здесь четырех книг сочинение И. Лезеля имело для Д. Г. Мессершмидта особое значение. Об этом свидетельствуют несколько фактов. Книга входила в его походную библиотеку [Lehfeldt, 2023, S. 640; Зенкевич, Басаргина, Сизова, 2023, с. 181], так что ученый постоянно мог пользоваться этим изданием. То, что Д. Г. Мессершмидт «был очень активным читателем» [Зенкевич, Басаргина, Сизова, 2023, с. 178], явствует не в последнюю очередь из того, что в его отчетной рукописи по итогам путешествия «*Sibiria Perlustrata*» [Messerschmidt, 2020] в списке «*Plantæ Medicæ 1290*» встречаются 235 ссылок на книгу И. Лезеля [[Messerschmidt], 2023; см. также: Lehfeldt, 2023, S. 274, 534].

Помимо названных здесь четырех книг, Д. Г. Мессершмидт в библиотеке И. Ф. Брейне мог изучать те материалы, которые отец последнего собрал с намерением опубликовать описание нескольких «пруссских» растений под заглавием «*Viridarium Pomerelliæ*» («Зеленый сад Помереллии»). К сожалению, болезнь и ранняя смерть не позволили Я. Брейне опубликовать эти материалы⁹, хранившиеся, однако, в его библиотеке, которую унаследовал его сын, где они оказались доступны Д. Г. Мессершмидту.

Если иметь в виду, что Д. Г. Мессершмидт должен был готовиться к исследованию растительного мира России, то становится ясным: он не мог довольствоваться изучением только данцигских и прусских растений, а должен был расширить свой ботанический кругозор. В связи с этим мы должны обратить внимание на следующее важное обстоятельство: приняв приглашение царя, Д. Г. Мессершмидт, по всей видимости, имел еще «дополнительную идею». В чем заключается эта видимость и на что была направлена «дополнительная идея» ученого? Чтобы найти ответы на эти вопросы, обратим внимание на маршрут Д. Г. Мессершмидта во время поездки из Данцига в Санкт-Петербург, в которую тот отправился 19 февраля 1718 г. Во время этой поездки Д. Г. Мессершмидт несколько дней провел в Риге. Здесь он, на основе рекомендательного письма И. Ф. Брейне, познакомился с городовым врачом, аптекарем и естествоиспытателем Николаусом Мартини (*Nicolaus Martini*; 1678–1741), бывшим учеником, как и сам его посетитель, Фридриха

⁷ О сотрудничестве И. Ф. Брейне и Г. А. Гельвинга в области ботаники см. статью [Einige... 1719].

⁸ Список публикаций Г. А. Гельвинга см. в журнале «*Historisch-Critische Nachrichten von verstorbenen Gelehrten und deren Schriften*» (1757. Bd. 3, Tl. 1. S. 322).

⁹ См. об этом предисловие И. Ф. Брейне [Helwing, 1712, p. 7].

Гофмана¹⁰. Здесь нет необходимости вдаваться в более или менее подробный рассказ о встречах и разговорах Д. Г. Мессершмидта и Н. Мартини [см. об этом: Lehfeldt, 2023, S. 67–70]. Мы можем ограничиться следующим фактом: за два дня до отъезда из Риги путешественник получил — скорее всего, по своей собственной инициативе — от Н. Мартини трехстраничное рекомендательное письмо, адресованное Р. Арескину, для которого Н. Мартини играл роль «литературного агента». В этом письме наше внимание привлекает к себе следующая характеристика: Н. Мартини хвалит «способность и поведение» своего гостя и затем продолжает, что он «на самом деле узнал не много людей, которые имели бы такое сведение об этом», а именно «о способности» «предпринимать путешествия не только около Москвы, а также путешествовать до Китая и Персии и составлять различные коллекции». Здесь в первый раз, насколько нам известно, проявляется упомянутая «дополнительная идея» путешественника: с большой долей вероятности мы имеем право предположить, что планируемое Д. Г. Мессершмидтом пребывание в России и научная деятельность там не были для него самоцелью, а скорее своего рода неизбежным связующим звеном для достижения настоящей цели, а именно — путешествия до Китая и/или Персии и пребывания в этих экзотических странах. Что касается Сибири, которую он затем, с 1719 по 1726 г., изучал, то мы можем быть уверены в том, что она в планах и желаниях самого Д. Г. Мессершмидта до его отправления туда в ноябре 1718 г. не играла никакой роли. До этой даты Сибирь ни разу не упоминается в письмах и других написанных им документах.

Иначе обстоит дело, как мы уже видели, с желанием Д. Г. Мессершмидта путешествовать до Китая и/или Персии. Это вытекает не только и не столько из беглого замечания в письме Н. Мартини, а основывается на более убедительных наблюдениях, которые, взятые в целом, свидетельствуют о том, что Д. Г. Мессершмидт в 1719 г. загорелся непреодолимым, страстным желанием путешествия в Китай, страну его мечтаний.

Почему мы можем быть уверены в этом? Ответ на данный вопрос следующий. После отправления в Сибирь царским указом от 15 ноября 1718 г., находясь в Москве с 21 марта по 5 сентября 1719 г. и занимаясь дальнейшей подготовкой путешествия до Тобольска, Д. Г. Мессершмидт получил важную информацию: «После того как доктор Гарвин, англичанин по происхождению, вместе с одним лейтенантом, по имени Ланге, родом из Стокгольма, вернулись из своей поездки в Китай и привезли с собой оттуда различные редкости, некоторые из которых были представлены его всероссийскому императорскому величеству, то он [император] сразу соизволил снова отправить туда амбасаду, на какой конец лейтенанту Ланге поручили скупить несколько редкостей в качестве подарков для китайцев, которые там были

¹⁰ В 1703 г. Н. Мартини как ученик Ф. Гофмана в Галле защитил диссертацию «De prudenti virium medicamenti exploratione» [Brennsohn, 1905, S. 281; Richter, 1817, S. 281].

бы приятны» [Unverzagt, 1725, S. 1]¹¹. Руководителем посольства был назначен капитан Преображенского полка Лев Васильевич Измайлов (1685–1738). Данная информация всколыхнула давнее страстное желание Д. Г. Мессершмидта путешествовать до Китая и разведать эту таинственную и закрытую страну. Теперь, как ему казалось, представилась благоприятная возможность достичь этой цели, а именно посредством участия в «китайской амбаскаде». Само собой разумеется, что для этого надо было получить позволение самого царя, т. е. отмену указа от 15 ноября 1718 г. и издание нового распоряжения. С этой целью ученый 2 апреля 1719 г. послал своему новому (после внезапной смерти 29/30 ноября 1718 г. Р. Арескина) начальнику Иоанну Деодату Блюментросту первый рапорт и попросил архиатра и руководителя Аптекарской канцелярии выхлопотать у царя разрешение вместе с посольством «окончательно доехать до Китая». Пока же, т. е. до получения окончательного решения царя, пусть ему будет разрешено вместе с посольством доехать до Тобольска.

Чтобы придать больше веса своей просьбе, ученый обратился также к другому влиятельному человеку, И. Д. Шумахеру, библиотекарю царя, с просьбой ходатайствовать за него у И. Д. Блюментроста. В своем втором рапорте от 25 июня 1719 г. Д. Г. Мессершмидт повторил свою просьбу и привел целый ряд аргументов в ее пользу.

24 июля 1719 г. Д. Г. Мессершмидту был вручен ободряющий ответ его высокопоставленного начальника, вместе с ясным разрешением «вместе с китайской амбаскадой продолжить свое путешествие [до Тобольска]». Также от И. Д. Шумахера до рук ученого дошло многообещающее письмо¹².

1 августа 1719 г. посольство прибыло в Москву. 5 сентября оно отправилось в дальнейший путь. Почти полуторамесячное речное путешествие до Казани, куда посольство прибыло 19 октября, Д. Г. Мессершмидт провел в основном в долгих разговорах со шведским лейтенантом Лоренцом Ланге (*Lorenz Lange*; ок. 1690–1752), который уже во второй раз участвовал в царском китайском посольстве и поэтому мог удовлетворить желание своего попутчика получить как можно больше сведений о той стране, ознакомиться с которой тот страстно надеялся, — несмотря на то, что он еще не знал об окончательном решении царя, которое было принято еще в сентябре.

В Казани посольство пробыло до 27 ноября 1719 г. В этот день оно отправилось санным путем и 24 декабря 1719 г. прибыло наконец в Тобольск. Здесь

¹¹ «Demnach der Doct. Garwin, ein Engelländer von Gebuhr / mit einem Lieutenant / Nahmens Lange / aus Stockholm gebürtig / von ihrer Reise nach China wiederum zurücke gekommen / und unterschiedene Raritäten von dannen mit sich gebracht / deren einige Ihro Rußisch-Kayserl. Majestät präsentiret wurden / haben sie sogleich ein Belieben getragen / eine Ambassade aufs neue dahin abzufertigen / zu welchem Ende auch dem Lieutenant Lange die Commission gegeben wurde / einige Raritäten / so da angenehm seyn würden / als Präesenten vor denen Chinesen aufzukauffen».

¹² Публикацию переписки Д. Г. Мессершмидта этого времени см. [Первый исследователь... 2019, с. 208 сл.].

Д. Г. Мессершмидт из второй, крайне сухой инструкции И. Д. Блюментроста от 24 сентября 1719 г. узнал (несомненно, к своему большому разочарованию), что Петр I отказал ему в дальнейшем путешествии в Китай, будучи «более заинтересованным в исследовании того, что природа производит в его собственном, нежели в чуждых государствах». Одновременно И. Д. Блюментрост без всякого обоснования, а также без повышения жалованья расширил задачи своего ученого подчиненного: помимо лечебных трав и «редкостей», Д. Г. Мессершмидт должен был заняться также изучением фауны и минералов Сибири. Таким образом, И. Д. Блюментрост грубо принудил его раз и навсегда отказаться от страстного желания, которое он лелеял долгие годы. Лишь тогда и уже необратимо начался сибирский период в жизни данцигского ученого¹³.

После необходимой экскурсии в мир «китайских мечтаний» нашего героя вернемся в тот период, когда Д. Г. Мессершмидт в Данциге готовился к той ботанической деятельности, которая его ожидала в России, несмотря на то, что точные рамки этой деятельности еще не были установлены. Мы уже видели, что он не мог довольствоваться ботаническими и минералогическими экскурсиями в ближние и дальние окрестности своего родного города, а также чтением соответствующей научной литературы, но должен был еще расширить свой ботанический кругозор. Мы теперь знаем, что данная необходимость соответствовала собственному желанию будущего ученого путешественника. В связи с этими надеждами Д. Г. Мессершмидт, несомненно (подобную уверенность мы обоснуем ниже), направил свой взор на растительный мир Китая и более широко — на растительный мир всего Дальнего Востока. Это конкретно означало, что он должен был и хотел получить сведения о том, какими знаниями об этом мире европейские ученые располагали к началу XVIII в. Более или менее полный ответ на данный вопрос Д. Г. Мессершмидт в интересующий нас период мог найти прежде всего и, по всей видимости, только лишь в библиотеке своего друга и покровителя И. Ф. Брейне. Также мы с самого начала должны иметь в виду, что сам И. Ф. Брейне, как и его отец, в высшей степени был заинтересован в изучении растительного мира стран Дальнего Востока, а также Африки и Америки. Исходя из этой предпосылки, мы располагаем своего рода духовным руководителем при поиске хотя бы приблизительного ответа на наш вопрос. Наша задача не заключается в том, чтобы реконструировать список всех «кандидатов» на принадлежность к библиотеке И. Ф. Брейне, т. е. всех вышедших к концу XVII — началу XVIII в. книг, посвященных изучению и описанию растений Дальнего Востока. Читателя, заинтересованного в этом вопросе, отсылаем к статье Вольфганга Мутшика [Mutschik, 1993], которая содержит раздел под заглавием «Раннее ботаническое изучение Азии, в особенности Японии, европейцами».

¹³ О стараниях Д. Г. Мессершмидта см. главу V книги [Lehfeldt, 2023].

Итак, довольствуемся здесь упоминанием и рассмотрением нескольких книг из интересующей нас области, по отношению к которым мы можем быть стопроцентно уверены, что они находились в библиотеке И. Ф. Брейне, и которые по своему «экзотическому» содержанию не могли не привлечь к себе внимания Д. Г. Мессершмидта.

В первую очередь следует упомянуть ботанические публикации самих отца и сына Брейне. Я. Брейне¹⁴ со времени своего пребывания в Лейденском университете поддерживал тесные контакты с голландскими учеными и стал широко известным в Европе ботаником. От своих голландских партнеров он получал семена экзотических растений, в т. ч. растений, распространенных в Японии и в Китае. В своем саду из этих семян он выращивал растения, которые затем анализировал и описывал. Данные ботанические занятия нашли свое первое отражение в опубликованном в 1678 г. в Данциге в издательстве самого автора сочинении «*Jacobi Breynii Gedanensis Exoticarum aliarumque minus cognitarum plantarum centuria prima, cum figuris æneis summo studio elaboratis*» [Breyne, 1678]. Неслучайно это заглавие напоминает заглавие книги Х. Ментцеля «*Centuria plantarum circa nobile Gedanum sponte nascentium*» [Mentzel, 1650]. Мы уже знаем, что Я. Брейне и Х. Ментцель с 1648 г. были знакомы друг с другом. Х. Ментцель публично называл ставшего знаменитым ботаником Я. Брейне своим бывшим учеником и другом (см. об этом ниже).

В своем роскошно изданном сочинении («*splendidum opus*»), по оценке А. фон Галлера [Haller, 1771, p. 570], Я. Брейне¹⁵ рассматривает лишь два растения, растущие в Японии и Китае, но обоим посвящает особенно тщательное, подробное и пространное описание: не только в главной части книги, но и в приложении — «*Appendix*». Жозеф Питтон де Турнефор (*Joseph Pitton de Tournefort*; 1656–1708) в своем знаменитом сочинении «*Institutiones rei herbariæ. Tomus primus*» подчеркивает, что Я. Брейне «был первым, кто исследовал чайный куст и камфорное дерево» («*primus de Théе fruticè & de Arbore Camphoriferâ disseruit*») [Tournefort, 1719, p. XXIII].

Первое растение — это «*Arbor camphorifera Japonica*», т. е. «японское камфорное дерево» [Breyne, 1678, p. 11–17, Appendix, p. I–IV; красивая гравюра на меди: p. 12]. В рамках подробного ботанического описания этого дерева Я. Брейне особое внимание уделяет свойствам («*vires*»), которые в Японии приписываются его плоду. Так, например, «утверждают, что он способен

¹⁴ Краткая биография Я. Брейне, «*Vita Jacobi Breynii, botanici celeberrimi*», написанная Георгом Даниэлем Зейлером (Georg Daniel Seyler), помещена в разделе «*Icones rariores plantarum*» книги [Breyne, 1739, p. 5–8]; см. также биографический очерк ученого в «*Botanicorum elogia, Tournefortianæ isagogi addenda*» в книге [Tournefort, 1719, p. XXI–XXIII; ср.: Seyler, 1722]. Ср. также список ботанических публикаций Я. Брейне и их высокую оценку в «*Bibliotheca Botanica*» А. фон Галлера [Haller, 1771, p. 569–570]. Более обширную биографию можно найти в работе [Bujack, 1840, S. 193–198]. См. также другие биографии Я. Брейне и раздел, посвященный ему, в третьем томе «*Zedlers Universallexikon*» [Grosse vollständige Universallexicon... 1733, S. 1345].

¹⁵ Ср. об этом сочинении предисловие И. Ф. Брейне [Helwing, 1712, p. 5–6].

высушить качество человека и совсем остановить производительную способность рода человеческого» («statuitur, eandem hominis naturam exsiccare ac generationem humani generis prorsus impedire posse»). Автор, однако, сомневается в этом: «и не знаю, можно ли привести много примеров» («nescio multa in media exempla adduci queant»). Не менее подробно и пространно описывается «The Sinensium, sive Tsia Japonensibus» [Breune, 1678, p. 111–117, Appendix, p. I–IV]. К этому описанию на с. IX–XVII прибавляются «Excerpta ex observationibus Japonicis, physicis, &c. Wilhelm ten Rhyn, de frutice thee» («Выписки из японских, физических и т. д. наблюдений Виллема тен Райна о чайном кусте»). В этой главе во всех деталях описываются время и способ посадки чайного куста, время и способ урожая, обрабатывание чайных листьев, тщательный выбор самых лучших листьев для императора и его двора, приготовление чайного напитка и т. д. Врача Д. Г. Мессершмидта не могли не интересоваться *vires*, т. е. лечебные свойства, приписываемые чаю, например: «Итак, он очищает кровь, прогоняет ужасную бессонницу, защищает мозг от плохих паров, снимает боли в спине и головную боль (особенно вследствие тошноты), сморщивает водянку, т. к. обладает мочегонными свойствами; устраняет головной ревматизм, улучшает кислоту соков, устраняет запыряние внутренностей, восстанавливает зрение»¹⁶. Кстати, на это описание японского чая ссылается Энгельберт Кемпфер. В третьей тетради «Amoenitatum exoticarum» он пишет, что «известный господин *тен Рейне* (прежде того мой предшественник и почтеннейший друг во время пребывания в Японии)», «через знаменитого Брейне в приложении к [его сочинению] “Centuria exoticarum”» опубликовал «подробную и довольно точную» «историю японского чая» [Kempfer, 1712, p. 505]. Из этого недвусмысленно вытекает, что Э. Кемпфер был знаком с ботаническим творчеством данцигского ученого.

Спустя два года после выхода «Exoticarum aliarumque minus cognitarum plantarum centuria prima» Я. Брейне опубликовал в Данциге свое сочинение «Prodromus fasciculi rariorum plantarum» [Breune, 1680]. В этом «предшественнике» он «summo studio»¹⁷ описывает растения, которые он в 1679 г. наблюдал в голландских ботанических садах. Главное место там занимают растения, распространенные в Индии, на Цейлоне, в Африке (в особенности в Эфиопии), Бразилии и т. д., а также в «Кассубии». Однако сразу в начале труда [Breune, 1680, p. 6–17] помещено пространное письмо голландского врача и ботаника Виллема тен Рейне (*Willem ten Rhijne* (у Я. Брейне — *Wilhelm ten Rhyn*); 1647–1700)¹⁸ из Батавии на адрес Я. Брейне, где подробно описывается «*Arbor samphorifera Japonica*», т. е. «японское камфорное дерево». Автор письма,

¹⁶ «Sanguinem igitur purificat, horrenda pellit insomnia, vapores à cerebro arcet malignos, vertiginem capitisque dolorem (præsertim à crapula ortum) mitigat, hydropicis conducit, egregie enim diuretica est; capitis rheumata exsiccat, humorum acrimoniam corrigit, obstructions viscerum tollit, visum instaurat».

¹⁷ Так пишет его сын, И. Ф. Брейне, в предисловии [Helwing, 1712, p. 6].

¹⁸ О жизненном пути Виллема тен Рейне см. [Werger-Klein, 1993].

который с 1674 по 1676 г. пребывал в Японии, упоминает те регионы, где он видел это дерево, например «*prope pagum Senongi in Insulæ Japonicæ Конкоко*», («в окрестностях округа *Сенонги* японского острова *Конкоко*»), и объясняет качества разных продуктов, которые можно производить из разных частей дерева. Особое внимание врача Д. Г. Мессершмидта, наверное, привлекло описание целительных сил камфоры.

Спустя девять лет после выхода «продрома» Я. Брейне опубликовал объемное продолжение под заглавием «*Prodromus fasciculi rariorum plantarum secundus*» [Breune, 1689]. В этом сочинении растениям, распространенным в Японии, а также, хотя и в меньшей степени, в Китае, отводится больше места, чем в первом труде. Так, например, автор упоминает «*Alcea arborescens Japonica*» — «японский проскурняк розовый», «*Matricaria Japonica flore minore albo simplici*» — «японскую сливовую пальму», «*The Sinensium, sive Thsia Japonensibus, flore simplici*» — «чайный куст с белым полным цветом, китайцами называемый *The*, японцами *Thsia*».

О том, что Д. Г. Мессершмидт основательно знал и это сочинение Я. Брейне, в особенности свидетельствует следующее обстоятельство: в списке «*Plantarum Medicinalium, potissimum Exoticarum*» своего отчета «*Sibiria Perlustrata*» он при описании 16 растений ссылается на него [[Messerschmidt], 2023, с. 298–301].

И. Ф. Брейне был достойным продолжателем ботанического творчества своего отца¹⁹. Из его многочисленных публикаций упомянем здесь только защищенную им в 1700 г. в Лейдене диссертацию «*De radice Gin-Sem <...>*» [Breune, 1700]²⁰. Как вытекает из заглавия и из классификации диссертации как «ботанико-медицинской», эта первая публикация молодого врача и ботаника была посвящена описанию экзотического, растущего в Китае и в других странах Дальнего Востока растения, которое с появления сведений о нем в Европе привлекло к себе живой интерес медиков, а также более широкого круга людей, потому что ему приписывались многообразные целительные силы. Именно поэтому И. Ф. Брейне в своей диссертации обратил особое внимание на более точное выявление этих сил. Кстати, к тем ученым, которые еще до И. Ф. Брейне занимались растением джин-сен, принадлежал учитель его отца, врач и ботаник Х. Ментцель, в 1687 г. в «Эфемеридах» «Леопольдины» опубликовавший о нем подробное «наблюдение» («*observatio*») [Mentzel, 1687]²¹.

О том, что и Д. Г. Мессершмидт питал живой интерес к джин-сену как целебному растению, свидетельствует следующий факт: позже, т. е. во время своей экспедиции по Сибири, он интенсивно искал его в тех регионах, которые проезжал. К его разочарованию, а также, конечно, к разочарованию

¹⁹ См. его биографию в книге [Reyger, 1766, p. 1–24].

²⁰ Список публикаций И. Ф. Брейне см. в журнале «*Historisch-Critische Nachrichten von verstorbenen Gelehrten und deren Schriften*» (1757. Bd. 3, Tl. 1. S. 106).

²¹ Об этом растении см. также «*Caput IX. De radice sinensium ninsing, sive gin-sem*» в книге [Valentini, 1716, p. 109].

центральных медицинских ведомств, эти старания не увенчались успехом. В «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидт в списке «Plantarum Medicinalium potissimum Exoticarum» под № 1119 констатирует, что джин-сен растёт «In Coræa Chinensium Insulâ et in Cæthajæ Provincia Sijamsa» («на китайском острове Корея и в сиамской провинции Катаи») и что он до сих пор нигде не нашёл его в Сибири: «In Sibiria mihi quidem nullibi hactenus reperta» [Messerschmidt, 2020, л. 156 об.].

После краткого обзора ботанических публикаций отца и сына Брейне, которые Д. Г. Мессершмидт мог читать и, несомненно, читал в библиотеке своего покровителя и друга, обратим внимание ещё на двух авторов, о которых стопроцентно известно, что их публикации находились в этой библиотеке, где они в силу своей тематики привлекли внимание готовящегося к поездке в Россию врача и ученого.

В первую очередь речь должна идти об известном нам уже Х. Ментцеле, бывшем учителе Я. Брейне²². В 1682 г. Х. Ментцель опубликовал монументальный труд под заглавием «Index nominum plantarum universalis, Diversis Terrarum, Gentiumque Linguis» [Mentzel, 1682]. На титульном листе автор ссылается на «prodromus» Я. Брейне. Помимо этого, он в «Elenchus Auctorum plerorumque, tam Veterum, quam Recentiorum Alphabeticus, quorum Cognomina Abbreviata in INDICE continentur, eorumque Scripta Botanica ad quælibet Plantarum Nomina pro Auctoritate citantur» так характеризует своего бывшего ученика: «Botanophylorum Clariss. & rerum Botanicarum nostro 16. [sic!] seculo instructissimus. Discipulus quondam meus in re Herbaria»²³.

Если иметь в виду, что Д. Г. Мессершмидт позже, при исследовании растительного мира Сибири, составлял списки, где приводил не только латинские названия описываемых новооткрытых растений, но также и названия, которыми пользовались сибирские племена и народы, то мы можем предположить, что побуждением к такому подходу служила не в последнюю очередь память о многоязычном «индексе» Х. Ментцеля, который учитывает названия растений в языках европейских, азиатских, африканских и американских народов.

Почему мы можем быть уверены в том, что «Index nominum plantarum universalis» находился в библиотеке И. Ф. Брейне и был там доступен Д. Г. Мессершмидту? Дело в том, что в интернете можно найти электронное факсимильное издание экземпляра, хранящегося в библиотеке Гданьского политехнического университета. Там на странице перед титульным листом помещено пространное посвящение, написанное Х. Ментцелем и адресованное своему «бывшему ученику в ботанике», «покровителю и верному другу» Я. Брейне:

²² О Х. Ментцеле как ботанике см. [Artelt, 1940, S. 34–40].

²³ О Х. Ментцеле как учителе Я. Брейне см. также [Helwing, 1712, p. 5; Tournefort, 1719, p. XXII; Artelt, 1940, S. 8].

«VIRO
Nobilissimo, Acutissimo, Rerumq[ue] Botanicarum
hòc seculo Clarissimo, atq[ue] Instructissimo,
DNº JACOBO BREYNIO,
Discipulo quondam in Botanicis meo
Diligentissimo simul et Dilectissimo,
jam vero
Patricio Dantiscano Primario,
S. Rom. Imp. Academico Curioso etc
Domino Fautori et Amico certo
in tesseram
Candidi Amoris
et
Perpetui Honoris
cum Omni officiorum obligatione
D. D. D.
Christianus Mentzelius D.
Auctor».

Итак, «Index» как подарок автора нашел путь в библиотеку Я. Брейне, позже унаследованную его сыном, где его мог читать и, несомненно, читал будущий путешественник Д. Г. Мессершмидт.

В библиотеке И. Ф. Брейне, без сомнения, находилось еще одно сочинение Х. Ментцеля, а именно изданный после смерти автора «*Lexicon plantarum polyglotton universale*» [Mentzel, 1715]. Эта книга представляет собой перепечатку «*Index nominum plantarum universalis*» 1682 г. [Stolle, 1731, S. 681]. Более чем вероятно, что при печатании этой книги были использованы те же самые печатные матрицы, что и для предыдущего издания. Есть, однако, одно важное для нас различие, на которое указывает название книги: к исходному тексту добавлено — «*Pugillus Plantarum Rariorum cum Figuris aliquot æneis & brevibus descriptionibus*» («горсть редких растений с некоторыми гравюрами на меди и краткими описаниями»). В послесловии автор следующими словами обосновывает этот шаг: «В эти описания мы вплели также другие, которые попали [нам] в руки, чтобы получился полный алфавитный каталог, а именно редкие растения знаменитого Якоба Брейне, то есть те [растения], которые охватывает его “*Prodromus*” — тетради редких растений до буквы “R” (потому что эта книга дошла до меня только тогда, когда наш “*Index*” был доведен почти до середины и буква “R” гремела под прессом), которые, напротив, его “*Prodromus*” представляет до последней буквы»²⁴. Из этого

²⁴ «Hisce descriptionibus intertextuimus quoque alia [sic!], quæ ad manus pervenerant, ut Unus esset Catalogus ABCeticus, videlicet: Clariss Jacobi Breynii rariores plantas, eas nempe, quas Prodromus ejus Fasciculi rariorum plantarum usque ad Lit. R. possidet: (quoniam liber denu[m] mihi afferebatur, cùm Index noster fere ad umbilicum esset perductus, & litera R sub prælo streperet) quas vero Prodromus ejus ad ultimam literam habet».

вытекает, что у Х. Ментцеля при подготовке своего «Index» к печати просто не было достаточно времени, чтобы учесть опубликованный двумя годами ранее, в 1680 г., «Prodromus» своего бывшего ученика. Тем самым перепечатка «Index» вместе с «Pugillus» представляет собой посмертное осуществление желания автора.

Большое значение «Prodromus» Я. Брейне для составления «Pugillus» подчеркивается тем, что эта «горсть» открывается рисунком большой вазы со следующей надписью: «C · M · D | PUGILLUS | RARIORUM | PLANTARUM | INDICI BOTANICO | POLYGLOTTO | Appendicis loco | adjectus | & cum | Cl. Iacobi Breynii | Prodromo Fasciculi | rarior. Plantarum || nec non | INDICULO | Brasiliensium Plantarum | nondum | editarum per-|mixtus».

Почему «Lexicon plantarum polyglotton universale» заслуживает нашего особого внимания? Дело в том, что Д. Г. Мессершмидт непосредственно ссылается на это сочинение в своей рукописи «Sibiria Perlustrata» [Messerschmidt, 2020, л. 140 об., № 860] и тем самым дает знать, что он держал его в руках. Рядом с кратким описанием растения *Tubera testiculorum forma* читаем: «Mentz. Pugil.». И действительно, в книге с рисунками разных растений над изображением одного растения в верхнем правом углу помещена надпись: «*Tubera subterranea testiculorum forma* March. Br.» [Mentzel, 1715, p. 6].

С именем Х. Ментцеля связано еще одно сокровище этой библиотеки, а именно объемный труд под заглавием «Flora Japonica». Данная рукопись представляет собой неполную копию одноименной двухтомной рукописи, которую торговец и ботаник Андреас Клейер (*Andreas Cleyer*; 1634–1697/98) по побуждению Х. Ментцеля купил во время пребывания в Японии. Это сочинение содержит цветные изображения 1360 растений и птиц. Каждое изображение сопровождается японским названием соответствующего вида, к которому А. Клейер добавил транслитерацию латинскими буквами «sine ulla tamen vocum Barbarum explicatione» («без всякого, однако, объяснения варварских слов») [Erndel, [1716], p. 7]. Сочинение до сих пор хранится неопубликованным в Государственной библиотеке в Берлине.

По просьбе И. Ф. Брейне саксонский ботаник Христиан Генрих Эрндель (*Christian Heinrich Erndel*; 1676–1734) при возвращении из Данцига в Дрезден остановился на одну неделю в Берлине, чтобы сравнить хранящуюся там рукопись «Flora Japonica» с той версией, т. е. копией, с которой он ознакомился в библиотеке И. Ф. Брейне. О результатах сравнения Х. Эрндель проинформировал И. Ф. Брейне в письме от 1 ноября 1716 г. Это письмо позже (к сожалению, без указания года) было опубликовано [Erndel, [1716]]. Из этого письма мы узнаем, что А. Клейер поручил японскому художнику изготовить копию рукописи «in favorem Clarissimi Parentis Tui» («в пользу твоего знаменитого отца»). «Ex qva re constare potest omnibus, qvantæ existimationis qvondam fuerit apud Cleyerum *Jacobus Breynius*» («Из этого всем могло стать ясным, насколько высоко Клейер в свое время ценил Якоба Брейне») [Erndel, [1716], p. 9].

Если помнить, что Д. Г. Мессершмидт, как мы видели, до окончательного отправления из Тобольска в экспедицию по Сибири имел желание поехать дальше в Китай и что он до этого времени всеми силами старался выхлопотать для этого разрешение царя, то кажется достойным хотя бы беглого упоминания следующее: Х. Ментцель был не только врачом и ботаником, а также, как это ни удивительно, одним из основателей синологии²⁵. Укажем здесь только на две его синологические публикации: 1) в 1685 г. под заглавием «*Sylloge Minutiarum LEXICI LATINO-SINICO-CHARACTERISTICI*» он издал краткий латинско-китайский словарь [см. об этом: *Memoria Mentzeliana...* 1702, p. 202]; 2) через 11 лет, в 1696 г., вышла его более объемная (на 16 + 152 страницах) работа — «Краткая китайская хронология, или Временной реестр всех китайских императоров», основанием которой, по словам Х. Ментцеля, служила маленькая китайская книжечка, попавшая ему в руки. В случае этой книжечки мы имеем дело с историческим сочинением для начинающих читать детей. Помимо хронологии, книга как прибавление содержит еще и краткое, на пяти страницах, описание путешествия торговца и дипломата Эверта Избранта Идеса (*Evert Ysbrants (Ysbrandszoon) Ides*; 1657–1708), который в 1692 г. царями Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем был отправлен в Пекин во главе посольства для выяснения положения дел с ратификацией Нерчинского договора. Во время поездки в Китай, с 1692 по 1695 г., Э. Идес вел путевой дневник, куда записывал все, что его интересовало: свои впечатления от увиденного и то, о чем узнавал от местных жителей. Он также собирал сведения о природе, истории, горячих источниках, необычных камнях, развалинах древних поселений. Впервые его записки в полном объеме были изданы на голландском языке в Амстердаме в 1704 г.

Не будем дальше углубляться в тему «Христиан Ментцель как синолог» — прежде всего потому, что мы, насколько до сих пор известно, не располагаем данными, которые свидетельствовали бы о знакомстве Д. Г. Мессершмидта с синологическими публикациями близкого друга отца его покровителя И. Ф. Брейне. Исключить эту возможность, однако, все же нельзя, если обратить внимание на то, что «*Sylloge*» вышла еще при жизни Я. Брейне, получателя ботанических сочинений его бывшего учителя.

Мы знаем, что Д. Г. Мессершмидт был не только страстным ботаником, но и не менее страстным орнитологом. Поэтому мы можем быть уверены в том, что рукопись «*Flora Japonica*» имела для него большое значение сразу с двух точек зрения, тем более что она происходила непосредственно из того региона мира, который он желал лично посетить с научными целями.

Углубляясь в чтение ботанических сочинений Брейне-старшего и Брейне-младшего, Х. Ментцеля, а также таких «классиков» ботаники, как, например,

²⁵ О Ментцеле как синологе см. [Artelt, 1940, S. 20–33; Böger etc., 2021, S. 88–104]. По словам А. фон Галлера [Haller, 1771, p. 479], Х. Ментцель «*ipsam Chinensium linguam sibi propriam fecit*».

Каспар Баугин (*Caspar Bauhin*; 1560–1624) и Ж. де Турнефор²⁶, книги которых, разумеется, также находились в библиотеке И. Ф. Брейне, Д. Г. Мессершмидт мог значительно расширить свой ботанический кругозор, который теперь распространился до Японии. Сверх того, копия рукописи «*Flora Japonica*» дала ему возможность приобрести знания о незнакомых ему до этого экзотических, прежде всего о живущих в Японии, птицах. Однако такого рода знаниями ученый не мог довольствоваться. Мы знаем, что Д. Г. Мессершмидт позже, с самого начала своей экспедиции по Сибири, непрестанно обращал внимание не только на флору и фауну тех регионов, которые он объезжал, но и на бытовые условия, обычаи, религию и языки живущих там народов и племен. Об этом свидетельствуют, например, его многочисленные списки с разноязычными обозначениями чисел, а также то, что при исследовании сибирских растений, птиц и других животных он систематически старался узнавать и фиксировать их названия на языках разных народов и племен. Так, например, еще в начале своей экспедиции, 2 ноября 1720 г., вместе с 5-м рапортом он послал из Каменского И. Д. Блюментросту многоязычный список названий 52 видов птиц.

Исходя из этих и других подобных соображений и наблюдений, мы можем предположить, что Д. Г. Мессершмидт еще при подготовке предстоящей поездки в Санкт-Петербург не ограничивал круг своих интересов только лишь флорой и фауной. Поэтому его не могло не радовать, что ровно в данный период или незадолго до этого библиотека его друга и покровителя пополнилась книгой, которая как нельзя лучше соответствовала широкому кругу его интересов. Речь идет о вышедшем в 1712 г. в вестфальском городе Лемго, охватывающем 944 страницы с многочисленными картинками монументальном сочинении «*Amœnitatum exoticarum politico-physico-mediciarum fasciculi V, Quibus continentur variæ relationes, observationes & descriptiones rerum persicarum & ulterioris Asiæ, multaa attentione, in peregrinationibus per universum Orientem, collectæ ab Auctore Engelberto Kæmpfero, D.*». Автор книги — врач и ботаник, как и сам Д. Г. Мессершмидт, Энгельберт Кемпфер (*Engelbert Kaempfer*; 1651–1716). В 1683 г. он как секретарь шведского посольства проехал через Россию в Персию, подробно описав в своих опубликованных лишь в 2003 г. записках путешествие в Москву и по городам Поволжья [Kaempfer, 2003]. В Москве на царском приеме он видел малолетних царей Иоанна и Петра, описав церемонию представления посла.

29 марта 1684 г. посольство прибыло в сефевидскую столицу Исфахан. Там Э. Кемпфер пробыл 20 месяцев. Закончив свою службу в составе посольства, он в июне 1688 г. поступил в качестве хирурга на крейсировавший в то время в Персидском заливе голландский флот, посетил Аравию, Индостан, Яву, Суматру, Сиам и наконец Японию. В Японии он провел два года. Морским путем он вернулся в Европу и в октябре 1693 г. прибыл в Амстердам. Во время своего

²⁶ О жизни и творчестве Ж. Питтона де Турнефора см. [Stolle, 1731, S. 682–688].

пребывания в Голландии Э. Кемпфер в Лейденском университете защитил докторскую диссертацию «*Disputatio Medica Inauguralis Exhibens Decadem Observationum Exoticarum*». Диссертация содержала десять «экзотических наблюдений», т. е. десять достигнутых автором во время его путешествий научных результатов. Тем самым она представляет собой своего рода предвестник того *opus magnum* (см. выше), в котором все эти наблюдения в более широком объеме еще раз нашли свое место. Вернувшись в конце концов в свой родной город Лемго, Э. Кемпфер стал лейб-медиком владетельного графа Липпского. Лишь за четыре года до смерти ученому удалось опубликовать часть собранных им в течение своего десятилетнего путешествия «экзотических драгоценностей» [Kaempfer, 1712].

«*Amoenitates exoticæ*» сразу после их выхода в свет привлекли к себе живейший интерес европейских ученых. К этим ученым принадлежал и И. Ф. Брейне. Прежде чем обратиться к рассмотрению содержания «*Amoenitates*», необходимо показать, что книга действительно находилась в библиотеке данцигского ученого и что Д. Г. Мессершмидт читал ее.

В 1726 г. И. Ф. Брейне в журнале Лондонского королевского общества «*Philosophical Transactions*» опубликовал «маленькую диссертацию» («*dissertatiuncula*»), посвященную некоему загадочному животному-растению, получившему в специальной литературе наименование «*Agnus Scythicus*», т. е. «скифский агнец» [Breune, 1726a; 1726b]. Нет необходимости вдаваться в дискуссию о «скифском агнце», в борьбу мнений об этом загадочном объекте²⁷. Для нас важно только следующее обстоятельство. После изучения научной литературы о «скифском агнце» И. Ф. Брейне приходит к заключению, что рассказы о зоофите, именуемом «*Agnus Scythicus*» или «баранец», есть не что иное, как вымысел. Чтобы подкрепить этот вывод, И. Ф. Брейне в первую очередь апеллирует к доводам Э. Кемпфера: «Поскольку ученейший и сведущий в натуральных науках доктор Энгельберт Кемпфер имел возможность провести поиски на предполагаемой родине этого агнца, однако ничего на него похожего не было обнаружено» [Breune, 1726a, p. 355–356]. Здесь [Breune, 1726a, p. 356] И. Ф. Брейне приводит обширную дословную цитату Э. Кемпфера, прочитанную им «in *Amoenitatum Exoticarum Fasciculo* III. Obs. 1», т. е. в первом «наблюдении» третьей «тетради» цитируемого сочинения. На самом деле в указанном месте *operis magni* Э. Кемпфера помещено четырехстраничное «наблюдение» под заглавием «*Agnus Scythicus; s. Fructus Borometz*» [Kaempfer, 1712, p. 505–508]. Как вытекает из примечания на с. 356, И. Ф. Брейне был знаком не только этот текст, но также его «предвестник», который можно найти в диссертации Э. Кемпфера [Kaempfer, 1694], где это «наблюдение» также занимает первое место²⁸. Итак, не подлежит ни малей-

²⁷ См. об этом [Лефельдт, Бондарь, 2021].

²⁸ «§ 1. De Agno Scytica, seu fructu Borometz». Это «наблюдение» было опубликовано также в книге [Valentini, 1716, p. 320–323].

шему сомнению, что И. Ф. Брейне хорошо знал научное творчество высоко ценимого им ученого из Лемго. К слову, в списке «*Plantarum Medicinalium, potissimum Exoticarum*» своей рукописи «*Sibiria Perlustrata*» Д. Г. Мессершмидт под № 1175 также упоминает «*Agnus Scythicus*», несмотря на то, что тот «*Per Sibiriam nullibi observabilis*» («В Сибири нигде не встречается») [Messerschmidt, 2020, л. 161]. При этом, однако, на Э. Кемпфера он не ссылается²⁹.

Что касается знакомства Д. Г. Мессершмидта с монументальным сочинением Э. Кемпфера, то оно явствует из следующего наблюдения: в списке «*Plantarum Medicinalium, potissimum Exoticarum*», как мы уже видели, под № 1119 он упоминает «*Ninzin et Ginszeng*» и регионы распространения этого растения, причем он ссылается на «*Kämpf. Am. Ex. F. 5 Cl. 3*» [Messerschmidt, 2020, л. 156 об.]. Действительно, в указанном месте «*Amœnitates*» в пятой «тетради» как первый представитель III класса «*Plantæ Oleraceæ, Frugiferæ & Siliquosæ variæ*» подробно описывается растение «*Sju sjin, vulgo Nisji, Nindsin & Dsin dsom, Sinice Som, Tartarice Soasai*» [Kaempfer, 1712, p. 818]. При перечислении регионов его распространения, как уже указывалось выше, Д. Г. Мессершмидт пишет: «*In Coreæ Chinensium Insula et in Cæthajæ Provincia Sijamsa Kämpfero*». Итак, мы убедились в том, что и Д. Г. Мессершмидт знал и читал книгу знаменитого путешественника.

Перейдем теперь к краткому обзору содержания «*Amœnitates*», уделяя при этом внимание, прежде всего, тем разделам книги, которые, насколько мы можем судить об этом, пробудили к себе особый интерес Д. Г. Мессершмидта.

Путешествие шведского посольства через Финляндию, Нарву, Великий Новгород до Москвы, пребывание там и дальнейшая поездка через Казань, Саратов, Астрахань, Каспийское море до Персии лишь коротко упоминаются в предисловии. Обширные дневниковые записи Э. Кемпфера об этом этапе путешествия остались неопубликованными при жизни их автора. Лишь в 2003 г. они были изданы с научным комментарием Михаилом Шиппаном как 6-й том критического издания сочинений путешественника [Kaempfer, 2003].

Первая «тетрадь» «*Amœnitates*» в объеме 250 страниц содержит 16 «*relationes*» («сообщений»), посвященных «*aulæ persicæ statu hodierno*», т. е. «сегодняшнему состоянию персидского двора». В них освещены следующие темы: «1. *Persona Regis Persarum, status hodierni Regni, & regimini ratio in genere*» («Личность короля персов, сегодняшнее состояние королевства и система царствования вообще»); «2. *Coronatio Regis SOLYMANNI*» («Коронование короля Солимана»); «5. *Duces Militum & Militia Persica*» («Военачальники и персидское войско»); «7. *Ærariorum Curatores; reditus & expensa Regis*» («Управители государственной казны; приходы и расходы короля»); «8. *Antistites spirituales. Ædificia sacra*» («Духовные начальствующие лица. Сакральные здания»); «10. *Provinciarum Urbiumque Præpositi*» («Начальники

²⁹ Ср. также «*Caput XIX. de agno scythico boromez, ovibus vulgaribus et orientalibus, lana, vesypo et similibus*» в книге [Valentini, 1716, p. 320–323].

провинций и городов»); «12. Extremus Aulæ splendor; ac primo magnificentia urbis Regiæ» («Внешний блеск двора, прежде всего также великолепие королевского города»); «15. Pompa equitationis Regiæ» («Торжественная кавалькада королевской конницы»); «16. Admissio hospitem coram Serenissimo: vulgo Audientia» («Допущение гостей в присутствии его высочества: обыкновенно называемое аудиенцией»).

Если вспомнить, что в рекомендательном письме Н. Мартини (см. выше) упоминается «способность» Д. Г. Мессершмидта «путешествовать до Китая и Персии и составлять различные коллекции», то напрашивается предположение, что в этой формулировке отражено (косвенно) знакомство Д. Г. Мессершмидта с этой «тетрадью».

Вторая «тетрадь», объемом 252 страницы, содержит 14 «relationes & observationes historico-physicas de rebus variis» («историко-физических сообщений и наблюдений о различных предметах»). Большинство этих наблюдений так или иначе снова относится к Персии, как, например, «3. Turris cornuta in Regia Persarum urbe Isphahano» («Рогатая башня в персидской столице Исфахане») или «9. Memorabilia montis *Venna*» («Памятники горы *Венна*»). Однако сообщения 13 и 14 посвящены Японии: «13. Chartopoia Japonica» («Японское производство бумаги»); «14. Regnum Japoniæ optima ratione clausum» («Царство, как нельзя лучше замкнутое»). В 13-м «сообщении» подробно описывается способ производства бумаги из коры шелковичного дерева, в связи с чем автор приводит не менее подробное ботаническое описание этого дерева с иллюстрациями листьев и плодов. В 14-м «сообщении» Э. Кемпфер пишет о том, что японцы всеми средствами стараются свое царство «ab exterorum convictu, accessu, communicatione, claudere & munire; repellere advenas, admissos hostiliter custodire» («держат закрытым от знакомства с иностранцами, их прибытия и сожития с ними; отсылать пришельцев, враждебно иметь надзор над впущенными»).

Третья «тетрадь» содержит «observationes physico-medicas curiosas», т. е. «любопытные физико-медицинские наблюдения». Девять из шестнадцати «наблюдений» представляют собой расширенное повторение соответствующих им глав из диссертации. Здесь, конечно, нет ни места, ни необходимости представлять все содержание этой «тетради». Ограничимся четырьмя «наблюдениями», которые не могли не вызвать интереса врача-ботаника Д. Г. Мессершмидта.

«OBSERVATIO III. *Muminahi*, seu Mumia nativa Persica» («Наблюдение III. *Muminahi*, или Туземная персидская мумия»). Термин «мумия» (на языке персов «*Muminahi*») означает «дар Божий и природы» («a DEO & natura munus») и представляет собой горько-смолистую жидкость, которая просачивается из каменистой горной поверхности. Самый драгоценный ее сорт встречается только в одной узкой пещере в гористом ненаселенном регионе провинции Дарааб, где ее каждый год летом собирают в сопровождении древнего ритуала. Из нее готовится бальзам, «прекраснейшее лекарство»

(«*nobilissimum Medicamentum*»), которое предоставляется исключительно королевскому дому. Ему приписываются необыкновенные целительные силы, в особенности при лечении переломов костей.

«OBSERVATIO IV. *Dracunculus Persarum, in littore Sinùs Persici*» («Наблюдение IV. *Dracunculus* персов на берегу Персидского залива»). Здесь термин «*dracunculus*», дословно «маленький дракон», обозначает вид волосатиков, т. е. подкожных червей, которые живут в мышцах человека и являются причиной страшных язв. От них часто страдают люди, живущие под знойным солнцем, в т. ч. жители северного побережья Персидского залива, а также арабы, живущие около Медины и Черного моря. Э. Кемпфер подробно описывает этого червя, симптомы вызванных им болезней и способы их лечения.

«OBSERVATIO VIII. *Perical, i. e. Hypersarcosis ulcerosa pedum; sive Pedathrocaces, morbus Malabaridis vernaculus*» («Наблюдение VIII. *Perical*, т. е. превеликий гноящийся мясистый нарост на ногах, туземная болезнь жителей Малабарии»). В этом «наблюдении» Э. Кемпфер описывает «отечную опухоль» («*tumor Oedematosus*»), которая поражает только ноги, в особенности голень. Эта «страшная болезнь» («*monstrum*») начинается подкожным воспалением, а именно при нарождающейся луне, и в итоге так «расширяется, что создает форму, похожую на ногу слона» («*ita tandem expandit, ut similem elephantino curi figuram exhibeat*»). Она распространена у жителей Малабарии. Э. Кемпфер подробно описывает и анализирует ее симптомы. Что касается лечения, то нет другого средства, кроме выжигания хронических образований в области колена.

Если помнить, что в тот период, когда жил и занимался исследованиями Д. Г. Мессершмидт, чай считался целебным средством и что тогда, когда ученый совершал свою экспедицию, одна из его задач заключалась именно в том, чтобы узнать, растет ли чай также и в Сибири, то легко представить себе: в третьей «тетради» особое внимание Д. Г. Мессершмидта привлекло тринадцатое «наблюдение»: «OBSERVATIO XIII. *Theæ Japonensis historia*» («Наблюдение XIII. История японского чая»)³⁰. В начале этого «наблюдения» автор приводит краткое ботаническое описание чая, с тем чтобы читатель как можно легче смог составить себе представление о нем («*quo ejus ideam Lector facilius conciperet*»). Затем следует более подробное описание растения, даются сведения о его выращивании и сборе листьев. Э. Кемпфер различает несколько сортов чая-напитка, в зависимости от молодости листьев, способа приготовления, времени сбора. Затем он переходит к описанию средств и способов приготовления чая-напитка, способа хранения и употребления чая. Внимание Д. Г. Мессершмидта, безусловно, привлек раздел, посвященный чаю как средству лечения, а также приписываемым ему вредным свойствам — «*vitia*». Э. Кемпфер разделяет мнение, что чай годится для того, «чтобы устранять запоры внутренностей, чистить кровь,

³⁰ Это «наблюдение» было опубликовано также в книге [Valentini, 1716, p. 135–143].

в особенности, однако, вымывать страшную каменистую материю, что́ затем имеет то бросающееся в глаза преимущество, что среди пьющих чай людей я под этим небом никогда не видел страдающих каменной болезнью и по-дарпой» (*obstructiones viscerum reserare, defœcare [sic!] sanguinem, præsertim verò eluere tartaream calculi materiam: Quod posterius adeo præstat insigniter, ut calculosos & podagricos inter theæ bibulos hõc cœlo nunquam invenerim*) [Kaempfer, 1712, p. 626]. Что касается вредных качеств, то чай, например, снижает действие лекарств и вредит при приступах колик, а поэтому тогда необходимо всячески уклоняться от его употребления: *«Omnis theæ potus supprimit medicamentorum efficaciam; in colica (endemia) nocet & maxime vitandus est»* [Kaempfer, 1712, p. 627].

Предмет четвертой «тетради» — одно-единственное растение, а именно «*palma dactylifera, in Perside crescens*» («растущая в Персии финиковая пальма»). Эта пальма более чем на ста страницах [Kaempfer, 1712, p. 661–784] самым подробным образом описывается в десяти «*relationibus*», т. е. «докладах». Так, например, во втором «докладе», «*Palmae historia generalis*» («Общая история пальмы»), описанию финиковой пальмы предшествует описание двух видов пальмы: «*palma sylvestris*» («дикорастущая пальма») и «*palma hortensis*» («садовая пальма»). В четвертом «докладе» приводится «*Palmae descriptio botanica*» («Ботаническое описание пальмы»). Предмет пятого «доклада» представляет собой «*Palmei foetus historia & anatomica botanica*» («История и анатомическое описание плода пальмы»), кокосового ореха. Особый интерес врача Д. Г. Мессершмидта, вероятно, вызвал раздел «*Usus medicus*» («Медицинское использование»), который помещен в десятом «докладе» — «*Palmae usus triplex*» («Тройное использование пальмы»). На первом месте среди приписываемых плоду пальмы целительных сил упоминается его свойство (как «доказал опыт» / «*experientia docuit*»), способность «*conciliare vires ventriculi, <...>, intestina, uterus & foetus roborare*» («содействовать выделению желудочных соков, <...>, крепить внутренности, матку и утробный плод»)³¹.

В заключение бросим взгляд на самую важную для ботаника и врача Д. Г. Мессершмидта часть сочинения Э. Кемпфера — на пятую, последнюю «тетрадь» [Kaempfer, 1712, p. 765–912]. Эта «тетрадь» содержит названия японских растений и их китайские эквиваленты, которые автор узнал во время своего пребывания в Японии с 1690 по 1692 г., а также (в качестве образцов) «полные описания» нескольких растений с их изображениями.

В «предуведомлениях» («*Præfanda*») к пятой «тетради» Э. Кемпфер пишет: «Я желаю, чтобы читатель знал наперед, что каталог, который передаю, создавался сразу в течение первой поездки по Японии и еще совсем без методики сегодняшних ботанических знаний. В нем я поместил подряд все растения, которые я нашел, руководствуясь лишь единственным намерением — выучить слова и письма того народа, у которого я решил остаться

³¹ Ср. повторную публикацию этой «тетради» в книге [Valentini, 1716, p. 554–573].

довольно долго. Для этого предприятия можно было довольствоваться предлагаемым здесь более грубым разделением на пять классов или на более общие понятия, при помощи которых я мог бы наскоро записывать названия всех растений, а также предварительные описания незнакомых растений»³².

Приводимый Э. Кемпфером каталог выглядит следующим образом: «Класс 1: растения, которые обыкновенно называют ягодно- и сливоносными; класс 2: яблоко- и орехоносные растения; класс 3: овоще- и плодоносные растения; класс 4: растения, которые привлекают внимание необыкновенно красивым цветом; класс 5: разные растения».

Рассмотрим несколько примеров. В классе 1 представлено, среди прочего, подробное описание камфорного лавра — «*Laurus Camphorifera*» — с его изображением [Kaempfer, 1712, p. 770–773]³³. Помимо ботанического описания этого растения, Э. Кемпфер приводит сложный способ, которым крестьяне извлекают из него камфорное масло. В классе 2 приведено не менее подробное описание (с изображением) знаменитого растения «*Ginkgo, vel Gin an, vulgo Itsjo*» [Kaempfer, 1712, p. 811–813]. Ботаническое описание этого дерева сопровождается сведениями о полезных свойствах его плода — ореха: «*Nuclei a prandio adsumpti, coctionem promovere, ac tumentem ex cibo ventrem laxare dicuntur*» («говорят, что ядра, съеденные на завтрак, способствуют пищеварению, а также облегчают вздутое пищей брюхо»). Стоит подчеркнуть, что здесь мы имеем дело с первым опубликованным в Европе описанием этого растения вообще [Weiß, 2012, S. 76]. Первое место в классе 3 занимает еще более подробное описание (с изображением) [Kaempfer, 1712, p. 818–821] растения «*Sju sjin, vulgo Nisji, Nindsin & Dsin dsom, Sinice Som, Tartarice Soasai*», которое «является самым знаменитым растением всего Востока (за исключением чая) и, привезенное из Кореи в Японию, разводится в садах города Меако и урождается лучше, чем на самой родине, однако не имеет почти никаких полезных свойств»³⁴ [Kaempfer, 1712, p. 818–821].

В классе 4 тщательно выполненным рисунком привлекает к себе внимание растение «*Obai или Robai*. Жасминный куст с полным, неприятно-сладковатым пахнущим цветом, с круглым плодом, с семенем, похожим на боб. — Ввезенный первоначально из Нанджина куст высаживают в садах из-за

³² «Lectorem praescire cupio (1) Catalogum quem trado, in ipso primo per Japoniam itinere, adeoque citra methodum hodiernae βοτανωσοφίας natum esse. In eo plantas quas-cunque obvias promiscuè adoptavi, sanè non alia intentione, quam ut vocabula & characteres addiscerem Gentis, apud quam diutule commorari constitueram. Sufficiebat proposito crassior hæc Plantarum distinctio in V. Classes, seu locos communes, in quibus omnium nomina & characteres, tum ignotarum prima quoque lineamenta raptim deponerem».

³³ Это растение учитывает также Д. Г. Мессершмидт в «*Sibiria Perlustrata*», в списке «*Plantarum Medicinalium, potissimum Exoticarum*» под № 1227 и № 1228 [Messerschmidt, 2020, л. 169], причем он ссылается на книги Я. Брейне [Breyne, 1680; 1689].

³⁴ «<...> omnium Orientis (si Theam excipio) celebrantissima planta est, quæ ex Corea Japoniæ illata, in hortis urbis Měaco colitur, & magis, quàm in ipsâ Patriâ, luxuriat, sed virtutum fere exors».

его красоты. Он отличается тугой коричневой *корой*, легкой бесполезной древесиной с пышной сердцевинной, нерегулярно разветвленными тонкими молодыми ветвями. <...> Цветочный аромат похож на аромат фиалки и приятен, если нюхать его редко, но невыносим, если часто. Вкус в определенной степени острый, как в случае белокопытника, и раздражает горло. За цветком непосредственно следует плод длиною в полтора дюйма, состоящий из двойной кожистой оболочки и выворачивающийся из длинноватого тонкого начала, с большим открытым зубчатым пупом, с чешуйчатой, при достижении зрелости морщинистой и невзрачной, черноватой поверхностью» [Kaempfer, 1712, p. 879].

В классе 5 рассмотрим растение, которое также сопровождается тщательно выполненным рисунком: «Его научное, а также обыкновенное название *Seo & Sansjo*, а народное *Naru fatsi* или *Kawa fasi kawa*. Благовонное деревце с шипами, с листьями, как у ясеня, с семенем, похожим на перец кубеба. *Японский перец*. Это маленькое деревце славится по всей Японии ароматным вкусом <...> перца, протекающим сквозь все его части, но сильнее всего, однако, из коры, листьев и околоплодника. Поэтому его обычно называют *Fatsi kami*, т. е. незрелым имбирем. <...> Нерегулярно разветвленный ствол при медленном росте достигает высоты в две сажени, с зеленой, как трава, и становящейся багровой корой, с легкой бесполезной древесиной, с большой рыхлой сердцевинной, с отдельными, в полдюйма длиной, округленными темно-коричневыми вертикальными шипами, которые опадают вместе с корой. — Свежие листья, высушенная кора и особенно завязь употребляются для ароматной приправы блюд, вместо добавления перца или имбиря» [Kaempfer, 1712, p. 892, 894].

Итак, мы дошли до конца нашей попытки хотя бы приблизительно представить себе ту духовную атмосферу, в которой Д. Г. Мессершмидт с зимы/весны 1716 г. до своего отправления в Санкт-Петербург в феврале 1718 г. готовился к будущей, хотя еще и не однозначно очерченной службе в России. При этом нужно подчеркнуть несовершенство нарисованной нами картины, потому что не подлежит сомнению, что будущий исследователь растительного царства Сибири не ограничивался чтением представленных нами книг. Нетрудно убедиться в этой оценке. При работе над «*Sibiria Perlustrata*» Д. Г. Мессершмидт разделил рассматриваемые им 1290 «медицинских» растений на классы и роды, руководствуясь в первую очередь системой, разработанной Ж. Питтоном де Турнефором в его книге «*Institutiones Rei Herbariae*»³⁵, один экземпляр которой находился в походной библиотеке ученого путешественника. Трудно представить себе, что Д. Г. Мессершмидт только в России ознакомился с этой системой, а также с сочинениями других знаменитых ботаников, как, например, Джона Рея (*John Ray*, лат. *Joannes Rajus*; 1627–1705), отца английской ботаники Каспара Баугина и других.

³⁵ О системе Турнефора см. [Stolle, 1731, S. 682].

При выезде из Данцига в Санкт-Петербург Д. Г. Мессершмидт был уже блестяще образованным ботаником. Благодаря своим знаниям он смог стать первым крупным исследователем царства растений таинственной Сибири³⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басаргина Е. Ю., Зенкевич С. И. К реконструкции походной библиотеки Д. Г. Мессершмидта // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. М., 2020. С. 663–667.
- Бондарь Л. Д. Lego, scribo, delineo: об одном документе из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, отражающем работу Д. Г. Мессершмидта (1685–1735) с палеонтологическим материалом // Берковские чтения — 2023. Книжная культура в контексте международных контактов : материалы VII Международной научной конференции (Брест, 24–25 мая 2023 г.) : в 2 т. / сост. Л. А. Августь, Н. В. Вдовина. Т. 1. М. ; Минск, 2023. С. 106–112.
- Зенкевич С. И., Басаргина Е. Ю. Еще раз о данцигском окружении Д. Г. Мессершмидта в 1685–1718 гг. // *Isidis Sibiricae xenium*: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта : сб. статей / ред.-сост. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 23). С. 243–253.
- Зенкевич С. И., Басаргина Е. Ю., Сизова А. А. Д. Г. Мессершмидт и его «библиографический список» // «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи : [коллективная монография] / под ред. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункиной. Изд. 2-е, испр. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 14). С. 170–201.
- Лефельдт В., Бондарь Л. Д. «Gaudet Mundus noster lactari mendaceis»: И. Ф. Брейне, Д. Г. Мессершмидт и загадочный *Agnus Scythicus* // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13, № 4. С. 89–115.
- Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 7).
- Радзюн А. Б. Роберт Арескин и его гербарий // Кунсткамера. 2021. № 2 (12). С. 17–24.
- Сытин А. К. Гербарий Роберта Арескина и начало ботаники в России // Петр I и становление российской науки : материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 3–5 октября 2022 г.). СПб., 2022. С. 113–115.
- Сытин А. К., Сластунов Д. Д. Гербарий Роберта Арескина, лейб-медика Петра Великого, архиатра. СПб., 2022.
- Artelt W. Christian Mentzel Leibarzt des Großen Kurfürsten, Botaniker und Sinologe. Leipzig, 1940.
- Böger A., Hartmann W. D., Koch S., Mollitor M., Nixdorf B., Scholz M., Strohfeldt G. Christian Mentzel (1622–1701): Leibarzt des Großen Kurfürsten, Botaniker und Sinologe. Berlin, 2021.

³⁶ О том, как Д. Г. Мессершмидт готовился к русской службе в области палеонтологии, см. статью [Бондарь, 2023].

- Brennsohn I.* Die Ärzte Livlands: von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Ein biographisches Lexikon nebst einer historischen Einleitung über das Medizinalwesen Livlands. Riga, 1905.
- Breyne J.* Exoticarum aliarumque minus cognitarum plantarum centuria prima, cum figuris æneis summo studio elaboratis. Gedani, 1678.
- Breyne J.* Prodromus fasciculi rariorum plantarum, anno MDCLXXIX in hortis celeberrimis Hollandiæ, præsertim incomparabili & notabilissimo illo floræ pandoeo illustrissimi atque excellentissimi domino, Hieronymi van Beverningk etc., etc. Gedani, 1680.
- Breyne J.* Prodromus fasciculi rariorum plantarum secundus, exhibens catalogum plantarum rariorum, anno MDCLXXIIX in hortis celeberrimis Hollandiæ observatarum. Gedani, 1689.
- Breyne J.* Prodromi fasciculi rariorum plantarum primus et secundus, quondam separatim, nunc nova hac editione multum desiderata coniunctim editi, notulisque illustrati. Accedunt Icones rariorum et exoticarum plantarum aeri incisae, <...>, quibus præmittuntur vita et effigies auctoris / cura et studio Joannis Philippi Breynii, Jac. Fil. Gedani, 1739.
- Breyne J. Ph.* Dissertatio botanico-medica, De radice Gin-Sem, seu nisi, et chrysanthemo bidente Zeylanico Acmeila dicto. Lugduni Batavorum, 1700.
- Breyne J. Ph.* Dissertatiuncula de Agno Vegetabili Scythico, Borametz vulgo dicto // Philosophical Transactions. Vol. 33. For the Years 1724, 1725. Nr. 390. For the Months of September and October, 1725. London 1726a. P. 353–360 (fig.).
- Breyne J. Ph.* Dissertation sur l'agneau végétal de Tartarie, appelé vulgairement Borametz. Dantzick, 1726b.
- Bujack J. G.* Ueber preußische Naturforscher des 16ten, 17ten und 18ten Jahrhunderts. Biographisch-literarische Skizzen (Die Danziger Jacob Breyn, Johann Philipp Breyn und Jacob Theodor Klein) // Vaterländisches Archiv für Wissenschaft, Kunst, Industrie und Agrikultur, oder Preußische Provinzialblätter. Dreiundzwanzigster Band. Königsberg, 1840. S. 193–209, 344–359.
- Einige in Schlesien dieses Jahr aufgebrachtte ausländische Gewächse // Sammlung von Natur- und Medicin- wie auch hierzu gehörigen Kunst- und Literatur-Geschichten. Breßlau, 1719. S. 1615–1616.
- Erndel Chr. H.* De Flora Japonica, Codice Bibliothecæ Regiæ Berolinensis rarissimo. Epistola ad Clarissimum & Excellentissimum Virum, Dominum D. Joh. Philippum Breynium, Jacobi Filium, Medicum apud Gedanenses celeberrimum. Dresdæ, [1716].
- Gohl J. D.* Succinta Vita Christiani Mentzelii, Archiatri Brandenburgici // Decad. II. Actorum Medicorum Berolinensium, in Incrementum Artis & Scientiarum collectorum & digestorum in Volumen IV. Berolini, 1724. P. 3–5.
- Grosse vollständige Universallexicon aller Wissenschaften und Künste. Bd. 3. Halle ; Leipzig, 1733.
- Haller A. von.* Bibliotheca Botanica qua scripta ad rem herbariam facientia a rerum initiis recensitur. T. I : Tempora ante Tournefortium. Tiguri, 1771.
- Haller A. von.* Bibliotheca Botanica qua scripta ad rem herbariam facientia a rerum initiis recensitur. T. II : A Tournefortio ad nostra tempora. Tiguri, 1772.

- Helwing G. A. Floræ campana seu Pulsatilla, cum suis speciebus et varietatibus methodice considerata, et interspersis variis observationibus oculis curiosorum exposita, cum XII iconibus, quarum nonnullæ nunquam ante hac æri incisæ. Lipsiæ, [1704].*
- Helwing G. A. Flora Quasimodogenita, sive Enumeratio aliquot plantarum indigenarum in Prussia, quarum in Herbariis hactenus Borussicis aut nulla, aut superficaria facta est mentio, additis nonnullis Iconibus, Descriptionibus & observationibus, nec non annexo Florilegio, ad clima Prussiæ accomodato: In gratiam botanophilorum, adornata studio M. Georgii Andreæ Helwing, Past. Angerburg. & Reg. Scient. Membri, cum præfatione Johannis Philippi Breynii, Med. D. In qua de Scriptoribus Rerum Naturalium Borussiæ & Poloniæ agitur, & multi errores Floræ Prussicæ modeste corrigunt. Gedani, 1712.*
- Helwing G. A. Supplementum Floræ Prussicæ, seu Enumeratio plantarum indigenarum post editam Floram Qvasimodogenitam Additis Synonymiis, Appellationibus Latino-Germanico-Polonicis, nec non observationibus quibusdam curiosis, ultra numerum quadringentesimum. Gedani, [1726].*
- Kaempfer E. Disputatio medica inauguralis exhibens decadem observationum exoticarum quam favente divina gratia. Lugduni Batavorum, 1694.*
- Kaempfer E. Amœnitatum Exoticarum Politico-Physico-Medicarum Fasciculi V, Quibus continentur Variæ Relationes, Observationes & Descriptiones Rerum Persicarum & Ulterioris Asiæ, multâ attentione, in peregrationibus per universum Orientem, collectæ. Lemgovia, 1712.*
- Kaempfer E. Briefe 1683–1715 / Hrsg. von D. Haberland // Engelbert Kaempfer Werke. Kritische Ausgabe in Einzelbänden. Bd. 2. München, 2001.*
- Kaempfer E. Rußlandtagebuch 1683 / Hrsg. von M. Schippan // Engelbert Kaempfer Werke. Kritische Ausgabe in Einzelbänden. Bd. 6. München, 2003.*
- Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidt 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen grossen Wissenschaftler. Unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen, 2023. (Abhandlungen der Niedersächsischen Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Neue Folge ; Bd. 54).*
- Loesel J. Plantas in Borussia sponte nascentes e manuscriptis Parentis mei. Regiomonti, 1654.*
- Loesel J. Flora Prussica; sive, Plantae in regno Prussiæ sponte nascentes. Regiomonti, 1703.*
- Mangetus J. J. Bibliotheca Scriptorum Medicorum Veterum et Recentiorum. T. 2; pars 1. Genevæ, 1731.*
- Martini N. Dissertatio inauguralis medica De prudenti virium medicamenti exploratione. Riga, 1703.*
- Memoria Mentzeliana // Miscellanea Curiosa sive Ephemeridum Medico-Physicarum Germanicarum Academiæ Cæsareo-Leopoldinæ naturæ Curiosorum Decuriæ III. Norimbergæ, 1702. P. 191–208.*
- Mentzel Ch. Centuria plantarum circa nobile Gedanum sponte nascentium. Dantisci, 1650.*
- Mentzel Ch. Index Nominum Plantarum Universalis, diversis Terrarum, Gentiumque Linguis, quotquot ex Auctoribus ad singula Plantarum Nomina excerpti & juxta seriem A. B. C. collocari potuerunt. Berolini, 1682.*

- Mentzel Ch.* Sylloge Minutiarum Lexici Latino-Sinico-Characteristici, Observatione sedula ex Auctoribus & Lexicis Chinsensium Characteristicis eruta, inque Specimen Primi Laboris ulterius exantlandi Erudito & Curioso Orbi exposita. Norimbergæ, 1685.
- Mentzel Ch.* Observatio XXXIX. De Radice Chinsensium Gin-Sên // *Miscellanea Curiosa sive Ephemeridum Medico-Physicarum Germanicarum Academiae Naturæ Curiosorum Decuriæ II.* Norimbergæ, 1687. P. 73–79.
- Mentzel Ch.* Kurtze Chinesische Chronologia oder Zeit-Register aller Chinesischen Katmyser von ihrem also vermeinten Anfang der Welt bis hieher zu unsern Zeiten des nach Christi unsers Seligmachers Gebuhrt 1696sten Jahres an einer richtigen Ordnung von Jahren zu Jahren mit ihren rechten Characteren, Nahmen und Beschreibungen <...>. Berlin, 1696.
- Mentzel Ch.* Lexicon plantarum polyglotton universale, ex diversis Europæorum, Asiaticorum, Africanorum & Americanorum, Antiquis & modernis Linguis, earumque dialectis variis <...>. *Berolini*, 1715.
- Messerschmied D. G.* Dissertatio solennis medica, De ratione præside universæ medicinæ. *Halæ Magdeburgicæ*, 1713.
- Messerschmidt D. G.* Sibiria Perlustrata, etc. [Факсимильное издание]. СПб., 2020.
- [*Messerschmidt D. G.*] «Pinacis simplicium Regnum vegetabile, etc.» / публ. А. А. Сизовой, Л. Д. Бондарь, А. В. Зорина, М. В. Поникаровской, А. К. Сытина // «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи : [коллективная монография] / под ред. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункиной. Изд. 2-е, испр. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 14). С. 233–301.
- Michel W.* Engelbert Kaempfer und die Medizin in Japan // Engelbert Kaempfer — Werk und Wirkung. Vorträge der Symposien in Lemgo (19.–22.09.1990) und in Tokyo (15.–18.12.1990) / Hrsg. von D. Haberland. Stuttgart, 1993. S. 248–293.
- Michel W.* On Engelbert Kaempfer's "Ginkgo" // Kyshu University Institutional Repository. Research Notes Revised 2011. URL: https://catalog.lib.kyushu-u.ac.jp/opac_download_md/2898/Ginkgo_biloba.pdf (дата обращения: 01.06.2025).
- Mutschik W.* Engelbert Kaempfer als Erforscher der japanischen Pflanzenwelt // Engelbert Kaempfer — Werk und Wirkung. Vorträge der Symposien in Lemgo (19.–22.09.1990) und in Tokyo (15.–18.12.1990) / Hrsg. von D. Haberland. Stuttgart, 1993. S. 222–247.
- Ölhafen N.* Elenchus plantarum circa Nobile Borussorum Dantiscum sua sponte nascentium. Earundem sinonima latina & germanica, loca natalitia, florum tempora & vires exhibens. Dantisci, 1643.
- Reyger G.* Tentamen florae gedanensis methodo sexuali adcommodatae tomus II. Adcessit Ioannis Philippi Breynii vita et Christiani Menzelii Centuria plantarum gedanensium. Dantisci, 1766.
- Richter W. M. von.* Geschichte der Medicin in Russland. Tl. 3. Moskwa, 1817.
- Roob H., Hopf C.* Jacob und Johann Philipp Breyne — zwei Danziger Botaniker im 17. und 18. Jahrhundert. Gotha, 1988.
- Seyler G. D.* Vita Iacobi Breynii, Botanici Celeberrimi // Das Gelahrte Preussen oder Monathlicher Außzug aus neuen und alten gedruckten und ungedruckten großen und kleinen Preußischen Schrifften. Tl. 2; Stück 6 (September). Thorn, 1722. S. 385–398.
- Stolle G.* Anleitung zur Historie der Medinischen Gelahrtheit, in dreyen Theilen. Jena, 1731.
- Tournefort J. P.* Institutiones rei herbariæ. T. 1. Parisiis, 1719.

- Unverzagt G. J.* Die Gesandschafft Ihro Käyserl. Majest. von Groß-Rußland an den Sinesischen Käyser, wie solche Anno 1719. aus St. Petersburg nach der Sinesischen Haupt- und Residentz-Stadt Pekin abgefertiget; bey dessen Erzählung die Sitten und Gebräuche der Chineser, Mongalen und anderer Tartarischer Völcker zugleich beschrieben. Lübeck, 1725.
- Valentini M. B.* Historia Simplicium Reformata, sub Musei Museorum titulo antehac in Vernacula edita jam autem in gratiam Exterorum, sub directione, emendatione & locupletatione. Francofurti ad Moenum, 1716.
- Valentini M. B.* Historia Moxæ cum Adjunctis in fine Meditationibus de Podagra <...>. Lugduni Batavorum, 1786.
- Weiß L.* Die exotischen Köstlichkeiten des Engelbert Kaempfer. Eine Annäherung. Bielefeld, 2012.
- Werger-Klein K. E.* Engelbert Kaempfer, Botanist at the VOC // Engelbert Kaempfer — Werk und Wirkung. Vorträge der Symposien in Lemgo (19.–22.09.1990) und in Tokyo (15.–18.12.1990) / Hrsg. von D. Haberland. Stuttgart, 1993. S. 39–60.
- Winau R.* Christian Mentzel und die Academia Naturae Curiosorum. Mainz, 1970.

Ю. И. Чивтаев
Усть-Кут

О средствах передвижения экспедиции Д. Г. Мессершмидта по водным дорогам Сибири

Путешествие Д. Г. Мессершмидта охватило огромную территорию. Не менее половины пути проходило по большим и малым рекам на применяемых в Сибири водных средствах передвижения. В статье на основе содержания «Hodogeticum», являющегося своего рода путеводителем, и дневника ученого приведены многочисленные примеры использования различных типов судов, подсчитано пройденное по рекам расстояние, превышающее 11 тыс. км, выявлены некоторые конструктивные характеристики этих судов и элементы оснастки. Умелое использование различных способов и средств передвижения позволило Д. Г. Мессершмидту выполнить намеченную им обширную программу изучения Сибири.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, путешествие, водные средства передвижения, типы судов.

Yu. I. Chivtaev
Ust-Kut

On the Transportation Means of D. G. Messerschmidt's Expedition Along the Waterways of Siberia

D. G. Messerschmidt's journey covered a vast territory. At least half the way went along large and small rivers on water vehicles used in Siberia. On the basis of the contents of "Hodogeticum", being a kind of a travel guide, and the scientist's diary, the article provides numerous examples of using various types of vessels, calculates the distance traveled along the rivers, which exceeds 11 thousand km, and identifies some of the design characteristics of these vessels and equipment elements. The skillful use of various methods and means of transportation allowed D. G. Messerschmidt to carry out the extensive planned programme of studying Siberia.

Keywords: D. G. Messerschmidt, journey, water vehicles, types of vessels.

Немецкий врач и ученый Даниэль Готлиб Мессершмидт (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735), приглашенный на службу в Россию Петром I и отправившийся в Сибирь по царскому указу от 15 ноября 1718 г. для изучения флоры, фауны и минералов, по своей инициативе разработал и осуществил более обширную программу, дополнив поставленные задачи исследованиями в области географии, истории, палеонтологии, этнографии, филологии, метеорологии [Новлянская, 1970; Лефельдт, 2018; 2019; Басаргина, Бондарь, Тункина, 2019; Lehfeldt, 2023].

Не в последнюю очередь реализация намеченного плана зависела от возможностей путешествия по краю еще мало освоенному, где в весеннюю и осеннюю распутицу всякое движение приостанавливалось, где во многих местах вообще не было сухопутных дорог, а дорогами издавна служили лишь реки. Предстояло работать в таких необычных для европейца условиях.

В течение семи лет путешествия по Сибири (1720–1726 гг., из Тобольска на Урал, затем из Тобольска на восток и возвращение в Тобольск) Д. Г. Мессершмидт изучил огромную территорию: от заводов Каменского (сейчас г. Каменск-Уральский) и Уктусского (сейчас территория Екатеринбурга) на западе до Аргунского завода (сейчас Нерчинский район Забайкальского края) на востоке; от Мангазеи (сейчас д. Старотуруханск, Туруханский район Красноярского края) на севере до местности южнее 50° с. ш. в среднем течении р. Онон (сейчас граница с Монголией в Забайкальском крае) на юге.

Перечень всех географических объектов на пройденном в России с 1 марта 1719 г. по 27 марта 1727 г. пути содержится в первом разделе первого тома отчета «*Sibiria Perlustrata*» [Messerschmidt, 2020; «*Sibiria Perlustrata*»... 2023] — «*Hodogeticum sive Consignationes susceptorum per Sibiriam qua late patet itinerum anniversariae*» («Описание маршрута, или Годичные записи путешествий, предпринятых по просторам Сибири»), являющегося своего рода путеводителем. Чтение «*Hodogeticum*» облегчает подготовленная В. Лефельдтом полнотекстовая публикация этого документа в комментариях к рукописи «*Sibiria Perlustrata*» [Messerschmidt], 2023].

Весь путь Д. Г. Мессершмидт разделил на 130 «поездок» (*Reise*) различной продолжительности — от одного местопребывания с более или менее продолжительной остановкой до другого; указывал даты начала и окончания поездок. В каждой «поездке» названы средства передвижения по суше и/или по воде. К примеру, в 77-й «поездке»: «12 марта: из города Удинского в устье реки Уда и реки Селенги в Даурии; на легких санях 8-ю подводами»¹ [Messerschmidt], 2023, с. 97].

Путешествие в теплое время года по рекам давало возможность изучать мир флоры и в значительной мере предопределяло знакомство с миром фауны (особенно водоплавающих птиц) и минералов; по берегам рек располагались

¹ «Von Udinskoi-gorod am Uda-reka-ostio und Silinga Strohme in Davurien; mit leichten Schlitten à 8 Podwod».

остроги, города и другие населенные пункты русских, селения и стоянки полукочевых народов Сибири. В зависимости от особенностей водных маршрутов и предоставляемых властями возможностей Д. Г. Мессершмидт пользовался различными типами плавательных средств. Их русские наименования он записывал средствами латинской графики, иногда приводил эквиваленты из немецкого языка. В дневнике и других документах путешественника есть некоторые сведения о конструкции и оснастке судов.

Согласно записям в «Hodogeticum» Д. Г. Мессершмидт пользовался стругами. В записях о шестой — восьмой поездках читаем, что он отправился «на одном струге-шестерике»² («mit einer Schesterick-Struyen» [[Messerschmidt], 2023, с. 97]. С этим видом судов Д. Г. Мессершмидт познакомился еще до прибытия в Тобольск, во время путешествия с отправившимся из Москвы китайским посольством Льва Васильевича Измайлова (1685–1738). Так, о путешествии на стругах он пишет в письме к секретарю Аптекарской канцелярии Иоганну Даниэлю Шумахеру (*Johann Daniel Schumacher*; 1690–1761): «Как мы были вынуждены скрашивать наше безделье на этих стругах, Вы увидите из писем господ Ланге и Граве»³ [Первый исследователь... 2019, с. 227].

В «поездках» 55–57 (начались с 1 июня 1723 г.) вниз по Енисею до Мангазеи использовался струг-шестерик без мачты («mit einer Schesterick-Struyen ohne Masten») [[Messerschmidt], 2023, с. 90], и от Мангазеи до устья Нижней Тунгуски и вверх по ней до Ерёмского порога в «поездках» 58–65 также шли на струге-шестерике («mit einer Schesterick-Struyen»), об отсутствии мачты здесь не говорится [[Messerschmidt], 2023, с. 90–93].

Однако этот же тип судов Д. Г. Мессершмидт называет и дощаником. Из записей в дневнике от 27 и 30 мая 1723 г. выясняется, что для сплава по Енисею требовался и был предоставлен дощаник (*Dostschanik*) [Messerschmidt, 1964, S. 56; Путевой журнал... 2021, с. 311]. На этот же дощаник в Мангазее 17 и 18 июня изготовили мачту и парус, на нем же Д. Г. Мессершмидт добрался до Ерёмского порога и здесь казенный дощаник передал сопровождавшим его мангазейским служилым, а те оставили судно на хранение местному жителю [Messerschmidt, 1964, S. 73, 124, 125; Мессершмидт, 2018, с. 32, 36, 119, 120].

При сопоставлении записей, относящихся к спуску вниз по Ангаре в 1725 г., из «Hodogeticum» и дневника выясняется, что, по «Hodogeticum», от Иркутска шли на одном дощанике («mit einer Dostscheniken») (98-я «поездка»), от Братского острога до Енисейска (99-я — 102-я «поездки») — на одном дощанике-шестерике⁴ («mit einer Schesterick-Dostschenicken») [[Messerschmidt], 2023, с. 101–102], но колонтитул, сопровождающий дневниковые записи спуска по Ангаре, начинается фразой «Mit Strughen von Irkutskoi»

² Шестерик — судно с шестью парами бортовых весел.

³ Лоренц Ланге (*Lorenz Lange*; ок. 1690–1752) и Давид Граве (*David Grave (Graf)*) — в указанное время участники китайского посольства Л. В. Измайлова.

⁴ Дощаник в пути от Иркутска до Енисейска не менялся.

[СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 148]. И в дневнике одно и то же судно автор в один и тот же день называет то стругом, то дощаником.

Проиллюстрируем записью от 1 июля 1725 г.: «В 11.00 держал курс по-прежнему на восток и достиг деревни Падунская <...>, около которой мне пришлось остановиться, так как необходимо было выгрузить из струга (*Strughen*) вещи и для безопасности отправить их за порог (*Porog*) на повозках. Вож <...> тотчас же распорядился, чтобы подошли необходимые повозки, и из дощаника (*Dostschenick*) все было выгружено <...>. <...> [Дощаник] потянули против течения обратно <...>, <...> Вслед за отправившимся стругом (*Strughen*) я должен был с имевшимися у меня вещами идти к повозке и двинуться дальше от деревни Падунская <...> и <...> ждать на открытом воздухе, когда прибудет прошедший порог (*Porog*) дощаник (*Dostschenick*)» [Мессершмидт, 2025, с. 108–109]. По «*Nodogeticum*», в «поездках» 104–108 (спуск от Маковского острога по р. Кеть до Нарыма и по Оби до Сургута и дальше) шли на одном старом дощанике-шестерике («mit einer alten Schesterick-dostscheniken») [Messerschmidt], 2023, с. 103–104], но в дневнике 10 октября 1725 г., когда из-за ледостава прекратился сплав у д. Зенково на Оби, была сделана запись, в которой это же судно названо и струг (*struse*), и дощаник (*dostschanik*) [Messerschmidt, 1968, S. 253–254].

Также и в самом начале сибирского путешествия этот тип судна назывался по-разному. 2 августа 1720 г. крестьянин И. Чагин дает в «Исецком остроге» расписку о том, что он принял у доктора Мессершмидта «государев дощаник, <...> две бечеvy, четыре ноги, два дрога⁵, парус ветхой» и обязуется «спровадит[ь] до Tobолска» [Первый исследователь... 2019, с. 258–259], но в «*Nodogeticum*» этой части путешествия соответствует 17-я «поездка», и в ней говорится о плавании до Исецкой слободы на одном струге-шестерике («mit einer Schesterick Struen») [Messerschmidt], 2023, с. 82].

В Сибири дощаники были наиболее употребительными средствами передвижения с XVII в. и представляли собой палубные плоскодонные речные суда [Вершинин, 2021, с. 91]. По дневнику Д. Г. Мессершмидта можно выявить некоторые конструктивные характеристики использовавшихся им судов. Во время путешествия по р. Кеть шум от перекрикивания «на палубе» гребцов между собой и его денщиками не давал ученому спокойно работать [Путевой журнал... 2021, с. 422]. На дощанике была постройка, которую Д. Г. Мессершмидт называл каютой. Перед отправлением из Иркутска он получил дощаник и 21 июня 1725 г. записал: «Я обустроил свою каюту для удобства работы и около 1.30 лег отдыхать» [Мессершмидт, 2024, с. 183]. Из дневника можно понять, что при большой волне вода, перехлестывая через борт, могла попадать в каюту. Так, к примеру, на Падунском пороге Ангара для

⁵ Бечева — волочи́льная веревка; ноги — канатный (веревочный) такелаж для крепления мачты к бортам (растяжки); дроги — веревочный такелаж (фалы) для удерживания в горизонтальном положении на мачте рея, к которому крепился парус.

проводки разгруженного (!) дощаника «окна <...> [были] забиты войлоком» [Мессершмидт, 2025, с. 109], вероятно, ввиду того, что на этом пороге «волны значительно больше, чем на Похмельном (*Pochmely-*) и Пьяном (*Piano-Porog*) пороге» и поток воды падал через три «ступени, примерно 2–3 фута высотой» [Мессершмидт, 2025, с. 112].

В холодное время года каюта обогревалась печью. Так, 30 сентября 1725 г. во время плавания по Оби «на шестерике-дощанике» (107-я «поездка») [[Messerschmidt], 2023, с. 103] от печи в каюте затлела балка; Д. Г. Мессершмидт распорядился «иссечь» (*aushauen*) балку (вероятно, очистить топором обугливавшуюся часть) и это место «под печью утрамбовать мокрой глиной с обломками кирпича» [Messerschmidt, 1968, S. 245]. Во время вынужденной стоянки в ледовом плену 12 октября 1725 г. на Оби у д. Зенково он записал в дневнике, что «горящие уголья в печке <...> давали мало тепла» [Messerschmidt, 1968, S. 257].

Есть сведения о размерах этих судов, об их оснастке. В Енисейске для спуска по Енисею и дальнейшего плавания по Нижней Тунгуске был получен дощаник длиной 6 сажень (12,78 м), шириной 4 аршина (почти 2,85 м), осадка составляла $\frac{3}{4}$ аршина (почти 53,5 см) [Мессершмидт, 2018, с. 44]. В Иркутске был предоставлен дощаник « $7\frac{1}{2}$ сажень [почти 16 м] с 12 веслами» [Мессершмидт, 2024, с. 121], к дощанику «поносна, да кормовое веслы⁶, две причаски⁷ <...> да при том же дощанике лотка однонабойная⁸ с веслы»⁹.

Дощаники Д. Г. Мессершмидта были укомплектованы парусами. В Енисейске 28 мая 1723 г. получено «300 аршин [ок. 21,4 м] льняного полотна» для паруса [Путевой журнал... 2021, с. 311]. Парус для этого дощаника был подготовлен тунгусскими аманатами в Мангазее 18 июня 1723 г. перед плаванием по Енисею и Нижней Тунгуске [Мессершмидт, 2018, с. 36]. Встречаются сведения о плавании под парусом. К примеру, 28 июня 1723 г. парус помог пройти вверх один из сильных порогов на Нижней Тунгуске [Мессершмидт, 2018, с. 46]. 16 ноября 1725 г. после плавания по Оби Д. Г. Мессершмидт сдал в Самаровском яме 18 аршин старых парусов весом 3 пуда 25 фунтов¹⁰. О размерах парусов сведений в дневнике нет.

Итак, для Д. Г. Мессершмидта «струг» и «дощаник» были равнозначными понятиями — названиями одного и того же типа судов. Столкнувшись

⁶ Поносное и кормовое весла — навесные тяжелые весла на носу и корме для управления дощаником при сплаве и при парусном ходе, рулевые весла.

⁷ Прическа («причалка») — веревка с небольшим грузом на конце, привязанная к концу более толстой веревки (подчал). Причалку бросали с судна на берег, за нее вытягивали толстую веревку (подчал), которую крепили к надежной неподвижной опоре на берегу — мертвяку (столб, дерево, камень и т. п.).

⁸ Однонабойная лодка — легкая мелкоседающая лодка с набивными бортами (по одной тесаной доске на борт), придавалась к дощанику для связи с берегом.

⁹ Промемория Иркутской земской конторы от 18 июня 1725 г. [см.: Мессершмидт, 2025, с. 194].

¹⁰ Запись за 16 ноября 1725 г. [Дневники: Нарым...].

в Сибири с дощаниками, он, по всей видимости, употребил ставшее ему известным за Уралом название «струг». Поскольку дощаник выполнял ту же функцию пассажирско-грузовых перевозок, был плоскодонным с небольшой осадкой парусно-гребным судном, имел укрытие от непогоды (каюту), то различия во внешнем облике, конструкции волжского струга и сибирского дощаника для экспедиции не имели никакого значения, и Д. Г. Мессершмидт, по-видимому, не обращал на это внимания.

Д. Г. Мессершмидтом использовались также каюки и лодки. В литературе каюки обозначаются как вид лодок: «Сибирский каюк представлял собой парусно-гребную беспалубную крытую лодку» [Вершинин, 2001, с. 99]; «Каючка — род лодки или судна, употребляемого в Сибири для прохода по малым речкам» [Вахтин, 1894, с. 110].

Действительно, Д. Г. Мессершмидт пользовался такими судами для путешествия по мелководьям и на сравнительно небольшие расстояния, а также при движении с применением конной тяги против течения рек. В 1721 г. в «Hodogeticum» отмечено путешествие на трех каюках («mit drey Cajoucken») вверх по р. Томь, начавшееся 4 июля (29-я и 30-я «поездки»), — из Томска до Кузнецка [[Messerschmidt], 2023, с. 85–86] (это около 580 км¹¹); 6 сентября 1721 г. отправились «на каюках» от устья р. Уйбат вниз по р. Абакан до Абаканского острога (34-я «поездка») [[Messerschmidt], 2023, с. 86] (здесь прошли 53 км); после посещения Саянского острога 29–30 сентября 1721 г. спускались «на каюках» вниз по Енисею в Абаканский острог (36-я «поездка») [[Messerschmidt], 2023, с. 86–87] (это 130 км).

В 1722 г. Д. Г. Мессершмидт воспользовался каюком и тремя рыбацкими лодками или челноками («mit einem Cajouck und 3 fischer Kähnen oder Nachen») для возвращения с 21 сентября по 3 октября вниз по Енисею из Абаканского острога в Красноярск (51-я «поездка») [[Messerschmidt], 2023, с. 89], пройдя 427 км. В 1723 г. на трех каюках или лодках («mit drey Cajoucken oder Bothen») с 8 до 19 мая спускался из Красноярска вниз по Енисею в Енисейск (53-я «поездка») [[Messerschmidt], 2023, с. 89–90], пройдя здесь 396 км. В 1724 г. в верхнем течении Нижней Тунгуски из-за мелководья пришлось отказаться от продолжения путешествия на дощанике и от Фарковой пашни с 2 сентября идти, согласно записи в «Hodogeticum» (66-я «поездка»), на трех каюках («mit 3 Cajoucken») [[Messerschmidt], 2023, с. 93]; до д. Васильевой Подволочной¹² было пройдено около 428 км.

Путешествие на трех каюках продолжалось и 23 сентября 1724 г. вверх по Лене («mit 3 Cajouckchen») (69-я «поездка») [[Messerschmidt] 2023, с. 95] с применением конной тяги — почти до д. Усть-Илга, пройдено около 680 км.

¹¹ Здесь и далее расстояния указываются по карте СССР 1990 г. (https://retromap.ru/14199019_z12_58.466232,99.839286; дата обращения: 18.05.2025) с учетом данных Государственного водного реестра (<https://textual.ru/gvr/>; дата обращения: 18.05.2025).

¹² Сейчас д. Подволошино.

В дневнике Д. Г. Мессершмидт подробно описывает загрузку этих судов: на первом каюке находился кормщик, он же проводник, управляли этим судном посменно шесть гребцов (по три в смену); на втором каюке размещались сам путешественник, его багаж, кормщик, кухня и т. д., управляли им четверо гребцов (по два в смену); третий каюк предназначался для денщика с провиантом и с вещами подводчиков, им управляли кормщик и два гребца (по одному на смену) [Мессершмидт, 2018, с. 149]. Вероятно, такое распределение кормщиков и гребцов было оптимальным, поскольку соответствовало загрузке каюков. Последний раз на двух каюках («mit zwey Cajoucken») Д. Г. Мессершмидт отправился 15 апреля 1725 г. от Никольской заставы вниз по Ангаре в Иркутск (97-я «поездка») [[Messerschmidt], 2023, с. 101]; расстояние здесь около 60 км.

На рыбацких лодках (татарских), или челноках («mit Tattarischen fischerkahnen oder Nachen»), поднимались по р. Томь от Кузнецка до устья р. Балыксу (31-я «поездка»; с 9 августа 1721 г.) [[Messerschmidt], 2023, с. 86], пройдя к 20 августа 182 км. В 1722 г. путешествие продолжалось в тех же местах, и с 11 июня до 20 июня шли вверх по р. Чулым от д. Усть-Кемчуг у устья р. Большой Кемчуг на татарских лодьях — рыбацких лодках, или челноках («mit Tattarischen Lodjen Fischerkähnen oder Nachen») — до Ачинского острога (41-я «поездка») [[Messerschmidt], 2023, с. 87–88]. При этом часть поклажи поместили на спаренные лодки. Лодка Д. Г. Мессершмидта имела берестяное покрытие [Путевой журнал... 2021, с. 149]; по всей видимости, это была своего рода каюта, а лодка напоминала каюк. Как видим, здесь появляется еще одно название судов — «Lodjen» (в ед. ч. «Lodja»), равнозначное названию татарских рыбацких лодок. На этом участке Д. Г. Мессершмидт намеревался подниматься до р. Урюп, но отказался от своих планов, и от Ачинского острога пошли на вьючных лошадях («mit Packpfeerden») (42-я «поездка») [[Messerschmidt], 2023, с. 88]. Следовательно, водой здесь прошли 193 км.

При сплаве в отсутствие судов Д. Г. Мессершмидт пользовался плотами. Так, выйдя из Красноярска к устью р. Большой Терехтюл¹³, экспедиция 31 мая 1722 г. пошла вниз по р. Большой Кемчуг на плотях («mit Plotten, oder Flößen») (40-я «поездка») [[Messerschmidt], 2023, с. 87] и 6 июня прибыла в д. Усть-Кемчуг, пройдя около 250 км. Плоты строили местные жители: «Наши татары работали сегодня сообща над 4 плотами» [Путевой журнал... 2021, с. 137]. Таким же образом поступили в 1724 г., отправившись на трех плотях («mit drey Plotten, oder Flößen») (82-я и 83-я «поездки») вниз от Читинского плотбища по р. Чита, затем по рекам Ингода и Шилка до впадения в последнюю р. Нерча [[Messerschmidt], 2023, с. 98]; здесь прошли 405 км. О конструкции плотов в дневнике никакой информации не находим, кроме того, что поверх бревен, по-видимому, устраивался настил из досок. Об этом можно судить по одной записи от 22 июля 1724 г., когда в конце спуска на плотях до Нерчинска —

¹³ Сейчас — р. Большая Терехтюль.

конечной точки водного маршрута по р. Шилка — по указанию Д. Г. Мессершмидта с его плота были сняты четыре доски, которые пошли на изготовление ящиков для упаковки шкур животных и других вещей [Экспедиционный дневник... 2024, с. 84].

По содержанию дневника и «Hodogeticum» мы можем подсчитать, какое примерно расстояние пройдено по рекам. На дощаниках: в 1720 г. по Тоболу и Исети — 437 км; в 1723 г. от Енисейска до устья Нижней Тунгуски — 1338 км, от устья Нижней Тунгуски до Мангазеи и обратно — около 40 км, по Нижней Тунгуске до Ерёмского порога — 2272 км; в 1725 г. от Иркутска до Енисейска — около 1853 км, от Маковского острога по р. Кеть до Нарыма — примерно 1190 км, от Нарыма по Оби до Сургута — примерно 740 км, от Сургута до д. Зенково — примерно 220 км; всего около 7653 км. На каюках — в общей сложности около 2754 км; на лодках или челноках — около 375 км; на плотах — около 655 км.

По рекам Д. Г. Мессершмидтом было пройдено около 11 874 км, это не менее половины всего его пути (рис. 1).

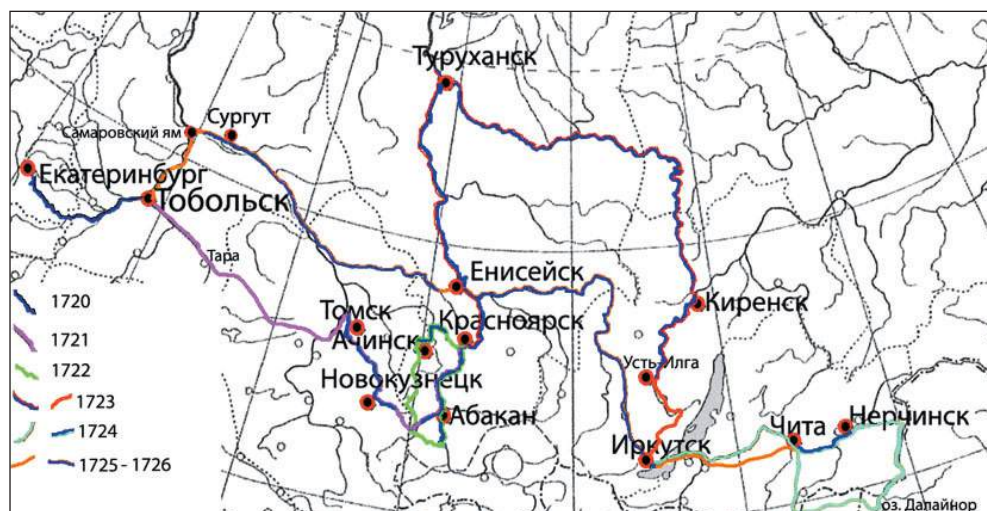

Рис. 1. Путь Д. Г. Мессершмидта в Сибири. 1720–1726.
Чертеж Ю. И. Чивтаева. Водные маршруты показаны синим цветом

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басаргина Е. Ю., Бондарь Л. Д., Тункина И. В. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готтлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11, № 3. С. 120–134.
- Вахтин В. В. Объяснительный морской словарь (Настольная книга для имеющих отношение к морскому делу). Изд. 2-е, доп. СПб., 1894.

- Вершинин Е. В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Вып. 4 : Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 87–130.
- Лефельдт В. Тобольский рапорт Д. Г. Мессершмидта как образец программы учебного по исследованию Сибири // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной конференции (24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург) / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14). С. 387–394.
- Лефельдт В. Д. Г. Мессершмидт: биографическая канва и хронология событий // Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 7). С. 19–32.
- Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / сост., ред. Ю. И. Чивтаев. Иркутск, 2018.
- Мессершмидт Д. Г. «В Иркутском при впадении реки Иркут в реку Ангара» (дневник: апрель — июнь 1725 г.) / пер. с нем. О. Д. Лазуткиной, М. Н. Додеус при участии С. В. Харлашиной под ред. Л. Д. Бондарь ; коммент. Л. Д. Бондарь, М. Кнүппеля ; сост. Ю. И. Чивтаев ; под общ. ред. Л. Д. Бондарь, Ю. И. Чивтаева ; приложения подгот. В. Лефельдт, пер. С. И. Вершининой, В. Лефельдта. Иркутск, 2024. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 16).
- Мессершмидт Д. Г. «На струге от Иркутского». Спуск по Ангаре от Иркутска до границ Илимского дистрикта (дневник: 25 июня — 7 июля 1725 г.) / пер. с нем. Л. Д. Бондарь, В. В. Рулёвой, О. Д. Лазуткиной ; сост. Ю. И. Чивтаев ; под общ. ред. Л. Д. Бондарь, Ю. И. Чивтаева ; публ. док. Ю. И. Чивтаева при участии В. Лефельдта. Иркутск, 2025. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 17).
- Мессершмидт Д. Г. Дневники: Нарым — Самаровский ям — Тобольск (24 сентября 1725 г. — 21 марта 1726 г. [Электронный ресурс]. URL: https://torummaa.ru/wp-content/uploads/2022/12/messerschmidt_rukopis.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
- Новлянская М. Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
- Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 7).
- Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта: Научная экспедиция по Енисейской Сибири. 1721–1725 годы / пер., сост., коммент.: Г. Ф. Быконя, И. Г. Федоров, Я. И. Федоров. Красноярск, 2021.
- Экспедиционный дневник Д. Г. Мессершмидта. Забайкалье. Май 1724 года — февраль 1725 года / под ред. О. В. Корсуна ; сост. Н. О. Викулова. Чита, 2024.
- Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidt 1685–1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen grossen Wissenschaftler. Unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen, 2023. (Abhandlungen der Niedersächsischen Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Neue Folge ; Bd. 54).

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tl. 2 : Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin, 1964.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tl. 4 : Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin, 1968.

Messerschmidt D. G. Sibiria Perlustrata, etc. [Факсимильное издание]. СПб., 2020.

[*Messerschmidt D. G.*] «Hodogeticum, etc.» / публ. В. Лефельдта // «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи : [коллективная монография] / под ред. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункиной. Изд. 2-е, испр. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 14). С. 77–109.

«Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи : [коллективная монография] / под ред. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункиной. Изд. 2-е, испр. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 14).

А. К. Сытин
Санкт-Петербург

**Самуэль Готтлиб Гмелин в Астрахани (1772–1773):
подготовка экспедиции к восточному берегу
Каспийского моря (по материалам
Государственного архива Астраханской области)**

В статье освещен реальный эпизод взаимодействия ученого с представителями власти. Преодоление бюрократических барьеров открыло путь в неизведанное и опасное пространство Каспийского моря ради поисков истины и процветания государства под скипетром Екатерины Великой. Впервые публикуется полный текст письма естествоиспытателя Самуэля Готтлиба Гмелина к астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову. Ряд фрагментов, выбранных из писем, комментируют основной документ. В нем обсуждаются цель и ход подготовки морской экспедиции по изучению восточного берега Каспийского моря летом 1773 г. Синтез ботаники и полевой этнографии, свойственный методу С. Г. Гмелина, применявшемуся ученым в прикаспийских странах, формировал особый раздел науки — этноботанику. Идеи физиократов оказались результативными на русской почве: культивирование шелковичных деревьев, винограда, сарептской горчицы в Астраханской губернии во время наместничества Н. А. Бекетова становилось экономически успешным проектом.

Ключевые слова: Самуэль Готтлиб Гмелин, Никита Афанасьевич Бекетов, академические Физические экспедиции, последняя треть XVIII в., Каспийское море, восточный берег, острова, флора, этноботаника.

А. К. Sytin
St. Petersburg

**Samuel Gottlieb Gmelin in Astrakhan (1772–1773):
Preparation of the Expedition to the Eastern
Coast of the Caspian Sea (based on the materials
of the Astrakhan Region State Archive)**

The article highlights a real episode of the scientist's interaction with government officials. Overcoming bureaucratic barriers opened the way to the unexplored and dangerous expanse of the Caspian Sea in search for truth and prosperity

of the state under the scepter of Catherine the Great. The complete text of a letter from naturalist Samuel Gottlieb Gmelin to Astrakhan Governor Nikita Afanasyevich Beketov is published for the first time. A number of fragments selected from the letters comment on the main document. It discusses the purpose and course of preparation of a marine expedition to study the eastern coast of the Caspian Sea in the summer of 1773. The synthesis of botany and field ethnography, characteristic of S. G. Gmelin's method in the Caspian countries, formed a special branch of science — ethnobotany. The ideas of the physiocrats proved effective on Russian soil: cultivation of mulberry trees, grapes, and Sarepta mustard in Astrakhan province during N. A. Beketov's governorship became economically successful projects.

Keywords: Samuel Gottlieb Gmelin, Nikita Afanasyevich Beketov, academic “physical” expeditions, last third of the XVIII century, Caspian Sea, eastern coast, islands, flora, ethnobotany.

«Дело о командировке в Персию профессора Гмелина по изучению восточного берега Хвалынского моря. 1772», хранящееся в Государственном архиве Астраханской области [ГАО. Ф. 394. Оп. 1 (новая). Д. 3572], освещает ход подготовки к последней экспедиции Самуэля Готтлиба Гмелина (1744–1774), профессора ботаники Петербургской академии наук, начальника Астраханского отряда Физических экспедиций Академии наук. Дело насчитывает 460 листов. Наиболее интересны письма С. Г. Гмелина на русском языке, написанные предположительно рукой студента Ивана Михайловича Комова¹. Они обращены к астраханскому губернатору Н. А. Бекетову², а также в Астраханскую губернскую канцелярию (АГК). Ряд документов, выбранных для данной публикации, даны в сокращении.

Изучение Каспийского моря в первой половине XVIII в.

Восточный берег Каспийского моря лежал на пути торговых караванов, связывавших Азию и Европу. Преодолевая безводье, пыльные бури, разбойные нападения, купцы доставляли в Астрахань сарачинское пшено (рис), шелка, пряности и ароматические бальзамы. По мысли Петра I, от каспийского побережья открывался путь в Индию через Хиву. Сухое русло Узбоя следовало превратить в судоходный канал до Аральского моря, а далее продвигаться по Амударье до Самарканда и Бухары. Шагом к осуществлению утопического

¹ Михайлов (Комов) Иван Михайлович (1750–1792) — академический студент в отряде С. Г. Гмелина, находился с профессором до самой смерти последнего в плену у хана Усмея и доставил материалы экспедиции в Петербург.

² Бекетов Никита Афанасьевич (1729–1794) — генерал-поручик, астраханский губернатор (1763–1773).

проекта было составление навигационной карты Каспийского моря экспедицией князя А. Бековича-Черкасского³ (1715). Следующая попытка к покорению Востока и «склонению к верности и подданству» хивинского хана обернулась катастрофой и гибелью большинства участников миссии, в т. ч. и самого князя А. Бековича-Черкасского в 1717 г. [Андреев, 2020].

В 1719 г. лейтенант Ф. И. Соймонов⁴ по заданию Петра I исследовал акваторию Каспийского моря совместно с голландцем на русской службе К. Верденом⁵, В. А. Урусовым⁶, топографом А. И. Кожиным⁷. Они составили первую точную обзорную карту Каспийского моря, напечатанную в Санкт-Петербурге и представленную в 1721 г. в Парижскую академию наук. Работа с участием П. Дефремери⁸ по исследованию восточного берега (в т. ч. открытию прохода в залив Кара-Богаз-Гол) закончена в 1726 г. Результаты изложены в работе «Описание Каспийского моря, от устья Волги, от притока Ярковского до устья р. Астрабацкой» (СПб., 1731). Летописцем исследований акватории Каспия морскими отрядами стал историограф Г. Ф. Миллер [Описание... 1763]. Гидрографические работы английских моряков Джона Эльтона (*John Elton*) и Томаса Вудруфа (*Thomas Woodroffe*) на двух кораблях, построенных на верфях в Казани, имели практическое значение для навигации. Г. Ф. Миллер в сочинении «Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россиею граничат» (1761) оценил их новизну: «Елтон и Вудруф приметили нечто больше вдоль Восточного берега; что они особливо описали залив Балханской; что склонение магнитной стрелки отчасти снова, а отчасти в большем числе мест наблюдали; что глубины вдоль берегов снова вымеряли, также в некотором месте измеряли глубину поперег моря, на другом месте среди моря нашли мель, и везде показали грунты, какого они состояния. Признаться должно, что Каспийское море чрез то стало гораздо известнее, нежели как до того было, и что сия карта пред прежними безспорная имеет преимущества» [Миллер, 2006, с. 696].

³ Бекович-Черкасский Александр (?–1717), до крещения Девлет-Гирей-мурза — кабардинский князь, сподвижник Петра I, путешественник, дипломат, картограф.

⁴ Соймонов Федор Иванович (1692–1780) — гидрограф, географ и историк.

⁵ Верден Карл (Клаус; Карл Петрович) (?–1731) — гидрограф и картограф, составитель первой генеральной карты Каспийского моря (1720).

⁶ Урусов Василий Алексеевич, князь (1690–1741) — генерал-поручик, контр-адмирал. После смерти Петра I заведовал Астраханским портом, один из создателей Каспийской военной флотилии.

⁷ Кожин Александр Иванович (? — после 1773) — картограф. В 1716 г. послан Петром I в помощь князю А. Бековичу-Черкасскому для составления карты Каспийского моря с тайным поручением разведать все возможные водные пути до Индии, но самовольно оставил экспедицию в 1717 г. В 1718 г. под командованием В. А. Урусова исследовал восточный берег Каспийского моря, в т. ч. нанес на карту бывшее русло Амударьи. А. И. Кожин, отличавшийся своеволием и буйством, умер в ссылке в Сибири.

⁸ Дефремери Пьер (Петр) (*Pierre De Frémerý*; ?–1737) — автор описи Каспия вместе с Ф. И. Соймоновым.

О Дж. Эльтоне и Т. Вудруфе известно немного, но в контексте «Большой игры» («The Great Game»), геополитического противостояния Российской и Британской империй в центре Азии, они представляются лицами, действующими в ее прологе. Как астроном и математик Дж. Эльтон входил в Оренбургскую экспедицию, созданную по проекту обер-секретаря Сената И. К. Кирилова⁹ специальным сенатским распоряжением от 16 марта 1735 г. Дж. Эльтон проектировал военные укрепления по Яику и Самаре, посетил и соленое бессточное озеро в Прикаспийской низменности, по одной из версий, получившее имя в честь британского авантюриста¹⁰. Впоследствии, на службе у правителя Персии Надир-шаха¹¹, Дж. Эльтон реализовывал коммерческие интересы английского парламента, утвердившего права Русско-персидской торговой компании по договору 1738 г. Одновременно он строил для Персии не только торговые, грузовые, но и военные суда, оснащенные пушками. Ряд инцидентов у кавказских берегов Каспия грозил военным конфликтом, что крайне беспокоило императрицу Елизавету Петровну. Дж. Эльтон, способствовавший милитаризации персидского флота, вынудил русских эмиссаров к решительным действиям. Он был убит, а военные объекты на южном побережье Каспия оказались уничтожены. В ночь с 17 на 18 сентября 1751 г. персидские корабли были сожжены в устье р. Сефид-Руд в ходе спецоперации под командой лейтенантов М. Рогозео и И. В. Токмачёва¹². В октябре 1752 г. под Дербентом И. В. Токмачёв атаковал и уничтожил последний из построенных Дж. Эльтоном кораблей. За эти успешные действия ему было присвоено очередное звание — капитан-лейтенант, также он получил почетное назначение — главным командиром Астраханского порта [Кирокосян, 2013]. Эту должность И. В. Токмачёв занимал и во время пребывания С. Г. Гмелина в Астрахани. И. В. Токмачёв знал непредсказуемый характер природы Каспия, и суждения старого моряка влияли на судьбу грядущей экспедиции, но профессор С. Г. Гмелин, видимо, не искал с ним личных встреч, хотя не раз обращался с запросами о его навигациях в Астраханскую канцелярию.

⁹ Кирилов Иван Кириллович (1695–1737) — экономико-географ, историк, картограф, составитель «Атласа Всероссийской империи» (1734).

¹⁰ Название оз. Эльтон, по версии П. С. Палласа, является производным от калмыцкого «Алтын-Нор» («золотое дно»); на картах и в сочинениях XVIII в. оно называется Алтан, Елтон, Elton, Jelton.

¹¹ Надир-шах (?–1747) — выдающийся полководец, шах Персии (1736–1747), основатель династии Афшаридов.

¹² Токмачёв Илья Васильевич (?–?) — капитан второго ранга, главный командир Астраханского порта (1752–1776). В 1764 г. руководил экспедицией, проводившей съемку восточного берега Каспийского моря на двух галиотах. Были описаны о. Кулалы, Киндерлинская коса с огражденным ею заливом, о. Челекен. Недостаточные запасы продовольствия и воды не позволили выполнить задание: участники экспедиции дошли только до Красноводского залива вместо Астрабадского из-за повальной цинги, которой болели 69 человек команды, а 15 умерли. Материалы экспедиции были переданы гидрографу адмиралу А. И. Нагаеву (1704–1781) и были использованы при составлении генеральной карты Каспийского моря.

Первое путешествие С. Г. Гмелина в Персию (1770–1772)

В 1772 г. внешнеполитические действия Екатерины II были направлены на раздел Польши в составе тройственной конвенции с Австрией и Пруссией, предотвращение войны со Швецией и подготовку мирного договора с Турцией. Государыню до поры не слишком тревожили междоусобицы боровшихся за власть ханов — владельцев персидских сатрапий в Прикаспии, но зависимость их от влияния Османской империи создавала напряжение на Кавказе и постоянную угрозу вторжения в христианские области Армении и Грузии. На эту опасность указал российский консул в Энзели Гавриил Петрович Боголюбов в своей реляции в ноябре 1772 г., направленной в Коллегию иностранных дел [Арабаджян, 2024, с. 219]. Екатерина не забывала о провинциях, некогда присоединенных Петром I к России в результате Персидского похода. Гилян, Мазендаран и Астрабад были возвращены Персидской империи по Рештскому (1732) и Гянджинскому (1735) трактатам. Русские консулы в Энзели и Реште осуществляли дипломатические функции, способствовавшие безопасности торговых связей. К их помощи и поддержке прибегал С. Г. Гмелин, вынужденный совершать исследовательские вылазки под бдительным оком местных начальников. Поручение императрицы касательно сбора сведений о состоянии экономики и природных ресурсах персидских владений на Каспии С. Г. Гмелин воспринял как знак высочайшего благоволения. В посвящении монархине, в первом томе описания путешествия, С. Г. Гмелин высказал намерение «объехать западной берег Каспийского моря даже до внутренних Персидских пределов. Там надеюсь я открыть неизвестные чудеса естества» [Гмелин, 1771, с. 3–4]. С. Г. Гмелин выполнил обещание: он посетил Шемаху и Сальяны, а также Дербент и Баку на западном берегу Каспийского моря, но наиболее интересные результаты дало исследование Гиркании — области, занимающей Южно-Каспийскую низменность и северные склоны гор Эльбурса (Alb-ortz). Рисовые поля и рощи цитрусовых и тутовых деревьев, господствовавшие на равнинных территориях, почти вытеснили там аборигенную флору. Антропогенные изменения оказались так сильны, что С. Г. Гмелин сетовал на скудость ботанических находок. Реликтовые представители третичных лесов гирканской флоры обитали на северных склонах Эльбурса. Среди них С. Г. Гмелин нашел «дерево чувствительное», которое он отождествил с *Mimosa arborea* L. (актуальное название *Albizzia julibrissin* Durazz.). Перистые листья этого растения были лакомством дикого барана — описанного С. Г. Гмелином нового вида азиатского муфлона (*Ovis orientalis* Gmelin): «хотя на тех горах, на которых они живут, не недостает вкусных трав, однако сказывают, что они крайне любят листья чувствительного дерева» [Гмелин, 1785, с. 715]. *Albizzia julibrissin*, или шелковая акация, культивируется в области субтропического климата обоих полушарий как декоративное растение; тогда же она представляла величайшую редкость для европейцев. С. Г. Гмелин замечает, что «когда сие дерево цветет, то Гилянцы почитают сие знаком, что шелковые

черви свой пузырек (кокон. — А. С.) уже отделали, и для того в самой скорости делают распоряжения для мотания шелку» [Гмелин, 1785, с. 551]. Производству шелка в книге посвящено немало страниц, как и растительным domestикатам: сортам лимонов и померанцев, абрикосов и персиков, граната и инжира, — использованию фисташки, миндаля, мушмулы, алычи и винограда. Наблюдения С. Г. Гмелина относительно традиционного отношения местного населения к растениям формируют особое направление науки на пересечении культурной антропологии и ботаники. Впоследствии оно будет называться экономической или этноботаникой.

С. Г. Гмелин сообщает о применении в быту персов разного рода злаков: тростник (нем. *Schilf*, *Phragmites australis* s. l.), используемый как кровельный материал при строительстве «гилянских камышевых домов» [Гмелин, 1785, с. 164]; «калам» — заостренный конец полого стебля злака, с несколькими междоузлиями: «тростник из Испагани или Ширазы, употребляемый для письма» [Гмелин, 1785, с. 407]. Другой род злаков — *Sacharum officinarum* L., или «сахарной камыш, который в Мазендаране распложают, там дикой не растет, но разведен он в сей области трудами» [Гмелин, 1785, с. 693]. Перспективы культивирования сахарного тростника на юге империи особенно интересовали Екатерину II, и, как мы увидим, опыты производства кристаллического сахара велись в немецкой колонии Сарепта, близ Царицына, где С. Г. Гмелин жил подолгу. Ученый свидетельствовал не только о применении свойств растений в материальной культуре народов северного Ирана, но интересовался суевериями гилянцев, отличавших растения, пользовавшихся дурной славой, например кустарники бересклет (*Evonymus*) или дерен кроваво-красный, свидину (*Cornus sanguinea* L.), прикосновение к которым грозило несчастьем.

Влажный климат Гиркании, болотистые почвы, заросли колючих лиан, рой насекомых способствовали недугам. Болел сам начальник экспедиции, и его отряд нес тяжелые потери. В октябре 1771 г. смерть настигла рисовальщика Ивана Борисова: «чрез то я лишился одного из нужнейших и полезнейших сочленов моей экспедиции» [Гмелин, 1785, с. 685]. Скончался прилежный студент Яков Ключарев, не вернувшийся с порученного задания для сбора семян и трав на горе Делиман, умер чучельник Михаил Котов, болели и гибли солдаты и матросы конвоя. Злоупотребление крепкими напитками вконец расшатало дисциплину. Поэтому, несмотря на добытые материалы и богатые коллекции натуралий, возвращение уцелевших участников экспедиции из Персии в Астрахань в апреле 1772 г. не было триумфальным.

Подготовка второго каспийского путешествия Гмелина (1773–1774)

В ответ на просьбу С. Г. Гмелина о дальнейшем исследовании восточного берега Каспийского (Хвалынского) моря императрица направила губернатору Н. А. Бекетову именной указ:

«Профессора Гмелина с экспедицею его отправить исследовать будущим летом восточный берег Хвалынского моря, снабдив его судном и всем потребным, отправьте теперь в путь на том же основании, как и при посылке его на Западные, оно же моря страны в 1770 году уже вами по повелению нашему учинено, я же есмь всегда вам доброжелательна, Екатерина. Санкт-Петербург. 1772 года октября 15 дня. — Получено декабрь 5 дня 1772 года по ординарной почте» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (новая). Д. 3572. Л. 2].

Н. А. Бекетов ответил рапортом: «Всеподданнейше донести имею щастие, что оно го профессора Гмелина с ево экспедицией в назначенной путь за покрытием реки Волги лдом отправить ныне невозможно <...>. При самом открытии лда неотменно [как] в 1770 году посылали на казенном боте со всем удовольствием. Декабря 7 дня 1772 года» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (новая). Д. 3572. Л. 3 об.].

Однако морская экспедиция началась не сразу после схода льда в дельте Волги, а только почти в середине лета. Затянувшаяся подготовка к отплытию была вызвана разными обстоятельствами, но прежде всего тем, что Н. А. Бекетов был вызван в Петербург для награждения орденом Св. Анны и получения звания сенатора 21 апреля 1773 г. Он покинул Астрахань 10 мая 1773 г. [ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (новая). Д. 3572. Л. 165]. «Пред отъездом своим Его Превосходительство господин Генерал поручик, кавалер и Астраханский Губернатор Никита Афанасьевич Бекетов в присутствии Астраханской Губернской Канцелярии почтеннейшего члена Господина Полковника Муравьева изволил мне объявить, что он все касающиеся до отправления моей Экспедиции на восточную сторону Моря Каспийского препоручил Астраханской Губернской Канцелярии. <...> Профессор Гмелин. Маия 4 дня 1773 г.» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (новая). Д. 3572. Л. 174]. Губернаторская должность передавалась генерал-майору Петру Никитичу Кречетникову (1727 — после 1800).

Ботанико-экономический сад

Благожелательный и умный администратор, Н. А. Бекетов любезно разрешал многие затруднения, возникавшие в отряде С. Г. Гмелина. Невыполненным долгом руководителей академических Физических экспедиций оставалось создание «Ботанико-экономического сада» в Астрахани, где следовало выращивать редкости заморской флоры и культивировать полезные растения с целью их интродукции в южные районы России. Такой сад заложить не удалось, но С. Г. Гмелин воспользовался существующим обустройством Государственной садовой виноградной конторы, возглавляемой родным братом астраханского наместника П. А. Бекетовым:

«Физическим Экспедициям от императорской Академии наук по именному Ея Императорского величества указу в Астраханскую губернию отправленным приказано было, чтобы в Астрахани Ботанико-Экономической сад для употребления Экспедиций служащий сами устроили. Предводители

помянутых Экспедиций приехавши в Астрахань к устройению такого сада толикие трудности увидели, что не можно было оного развести, не причинив излишней траты интересу Государственному. Между тем, излишки дали к сему делу некоторые способы, и об оных должные представления посылали. Теперь я, будучи одной из оных Экспедиций Предводителем, возвратившись из Персии, и в следующую весну на восточный берег моря Каспийского по именному Ея Императорского величества [указу] отправлен быв имея усмотрел, что вышереченные оные способы не соответствуют моим желаниям, ниже оставлено намерение о заведении помянутого сада для экспедиции, а трудности еще того же к произведению, для оного в действо [испорчена бумага] крайнею необходимостью, следующею просьбою Ваше Превосходительство утрудить вознамерен. В садах Государственных, до виноградной конторы принадлежащих имеются две оранжереи, одна большая, а другая малая; [вставка — “парник”]. И в обеих теперь никакой нужды садовая Контора не имеет: того ради Ваше превосходительство сим покорнейше прошу, дабы благоволили на некоторое время дозволить мне в самонужнейшую Экспедиции моей пользу пользоваться обеими оными оранжереями и виноградной конторе повелеть, чтобы она на первой случай потребным числом дров; для помянутых оранжерей и водою и бочками для поливания трав и дерев меня снабдила; хотя это будет на счет моей Экспедиции; или садовой конторы, что Ваш превосходительство определить благоизволите. Если при сем Ваше Превосходительство заблагорассудите собственным вашим приказанием повелеть находящемуся теперь при садовой конторе садовому ученику, чтобы он имел смотрение над травами, которые я в оранжереях поставлю, и вперед пересылать буду, то тем наградится урон от недосугов моих учиненный, и в будущий путь учинится имеющей. как необходимо потребно, чтобы для караулу и для надзирания трав, шесть, по крайней мере, человек при оранжереях. бессменно были для того что им [я дал особ]ливое наставление, по которому они труды свои отправлять должны будут: то Ваше Превосходительство на рассуждение поручаю, каких людей к этой должности избрать изволит, но между тем, одного именно прошу Абакума Миронова из Катаржных Астраханских, которого искусство в надзирании трав я довольно изведal. Естли для починки окончин в помянутых оранжереях или для других вещей каких иждивения потребны будут, то садовая контора может из кошта моей экспедиции от меня требовать, или оставить во власти Вашего Превосходительства, дабы все было в готовности, что потребно будет для сохранения растений в оранжереях поставленных. Обозревая сие, Ваше Превосходительство, покорнейше прошу, дабы вы соблаговолили скорым на сие ответом меня удостоить, чтобы я прежде моего отъезда мог об оном в императорскую Академию наук представить, дабы она меня от заведения собственного сада освободила, которой в отсутствие моего никакой пользы приносить не может, и которого необходимость разрешите своею благосклонностью;

которую я с своею экспедицией чувствовал. Декабря 14 дня 1772 года Гмелин» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (новая). Д. 3572. Л. 20–21].

Как видно из письма, С. Г. Гмелин был предприимчивым и не робким работодателем, использовавшим труд преступников на благо ботаники. Особо выделив Абакума Миронова, «которого искусство в надзирании трав ... довольно изведаль», С. Г. Гмелин проявил свойственную ему чуткость и умение выявить призвание и навыки человека. Благорасположенность к людям молодого профессора нравилась его подчиненным, которые платили ему благодарностью и преданностью. Доказательством этому служит пример самоотверженного поведения студентов, не оставивших профессора во время его заключения и с огромными трудностями доставивших материалы экспедиции в Петербург после трагической смерти С. Г. Гмелина в плену у хана Усмея в Дагестане.

**Никита Афанасьевич Бекетов —
астраханский губернатор (1763–1773)**

О романтических отношениях с императрицей Елизаветой Петровной, случившихся в юности Н. А. Бекетова, написано много. Имеются сведения о его литературных связях, известны его поэтические и драматургические опыты [Степанов, 1988]. Слабее освещена деятельность Н. А. Бекетова в должности астраханского губернатора, а она, безусловно, заслуживает изучения. Н. А. Бекетов рачительно использовал природные ресурсы, которыми богата Нижняя Волга. Это прежде всего соль, неисчерпаемые запасы которой сосредоточены на Эльтоне и Баскунчаке, и рыба — источник благосостояния богатейших предпринимателей. Однако Н. А. Бекетов, разводя виноградники, насаждая тутовые рощи и фруктовые сады, доказал возможность рукотворного изменения ландшафта в области засоленных пустынь Прикаспийской низменности. Дух этих аграрных преобразований был инспирирован идеями французских физиократов эпохи Просвещения, в первую очередь Франсуа Кэне (*François Quesnay*; 1694–1774). На русской почве они претворялись в деятельности Вольного экономического общества и аффилированных с ним участников академических Физических экспедиций. В Астраханской губернии примером может служить деятельность географа и путешественника, участника отряда П. С. Палласа, адъютанта Императорской академии наук Николая Петровича Рычкова (1746–1784), асессора, в 1772 г. назначенного «главным над Ахтубенскими шелковыми заводами смотрителем». Н. П. Рычков повел дело так умно и энергично, что уже на следующий год Екатерина II именным указом распорядилась перевести 1300 семей из экономических деревень в окрестности Царицына и обучить их разведению шелковичных деревьев [ПСЗРИ, 1830, т. 19, с. 845–846] и даже предполагала перенести опыт Н. П. Рычкова в Левобережную Украину.

Шелководство становилось эффективной отраслью экономики в Нижнем Поволжье, способной конкурировать с рыбными промыслами. Однако расцвет благосостояния, достигнутый при губернаторстве Бекетова, был недолог, он составил всего одно десятилетие. «Других обогащал, а сам как стоик жил / И умер посреди безмолвных пустыни!», — писал в эпитафии его племянник Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), поэт, член Государственного совета и министр юстиции [Дмитриев, 1985, с. 145].

Сарепта как научный центр

Получив отставку, Н. А. Бекетов удалился в свое имение Отрада «с виноградными садами, мраморными водоемами, роскошной мельницей, в которой не было ни малейшего стука, ни малейшей пыли, и стояли красного дерева ломберные столы для игры в карты; наконец ему же принадлежали богатые рыбные ловли на Волге, от которых произошла бекетовская икра, некогда знаменитая. При Екатерине он был астраханским губернатором и много содействовал к устройству тамошнего края. Между прочим, при нем была заведена и устроена знаменитая колония гернгутеров, или моравских братьев, под названием Сарепта». Так писал литератор Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866), внучатый племянник Н. А. Бекетова [Дмитриев, 1985, с. 144]. Сарепта, расположенная близ Царицына, стала одним из форпостов развития естествознания в России, а также центром разработки точных аграрных технологий. Успех достигался благодаря взаимодействию науки и практики. Одним из первых поселенцев стал медик Иоганн Иоахим Вир (*Johann Joachim Wier*; 1728–1782) — ботаник, химик, минералог и бальнеолог, исследователь и открыватель Ергенинских минеральных вод, «трудолюбивый и благоразумный доктор», по словам неоднократно бывавшего в Сарепте П. С. Палласа. С. Г. Гмелин жил здесь подолгу и 15 июля 1772 г. сочетался браком с Анной Шапизо, падчерицей астраханского купца Николауса Рентеля. Давид Ренат Ничман (*David Renatus Nitschmann*; 1748–1778), превосходный рисовальщик-анималист, сопровождал С. Г. Гмелина в экскурсиях по окрестностям колонии. С. Г. Гмелин убедил талантливого колониста Иоганна Иерига (*Johann Jährgig*; 1747–1795) в ценности владения им языком калмыков и знаниями об их культуре для академической науки. Он показал ему перспективы развития его ученой карьеры, и И. Иериг, уже под руководством П. С. Палласа, стал одним из основоположников отечественного монголоведения и первым составителем грамматики тибетского языка [Дюльденко, 2017, с. 37]. Следует сказать в заключение, что аскетическая секта моравских братьев, имевшая целью несение евангельской проповеди язычникам-калмыкам, хотя и не преуспела в своей миссии, но разрушила междоцивилизационный барьер со степняками вполне гуманными средствами — лечением, торговлей и просвещением. В свою очередь, изучение языка калмыков, их обрядов,

способов использования лекарственных и пищевых растений обогащало быт колонистов и становилось достоянием человечества. Таким образом, рациональное начало познания чуждой культуры степных кочевников, осуществляемое мирными средствами колонистов-миссионеров, было обоюдно приемлемым и плодотворным.

Разыскания К. М. Бэра о Н. А. Бекетове

Почти столетие спустя, в середине XIX в., когда воспоминания о Н. А. Бекетове уже становились легендой, Сарепту посетил академик Карл Максимович Бэр (*Karl Ernst von Baer*; 1792–1876), не упускавший возможности собирать свидетельства о прогрессивном опыте хозяйствования губернатора и его развитии в перспективе истекшего века: «Высокая береговая степь перед Камышиным отступает далеко назад и образует здесь глубокую долину. В ней расположены многие поместья, в том числе Отрада, основанная Бекетовым. Здесь, как говорят, был некогда очень хороший лес, но его сильно вырубili» [Каспийская экспедиция... 1984, с. 145]. «В Сарепте г-н Лангерфельд¹³ производит кристаллический сахар из *Sorghum saccharatum*¹⁴. Здесь снова начали заниматься шелководством, которое было распространено во времена Палласа, а с тех пор долгое время было совсем заброшено» [Каспийская экспедиция... 1984, с. 338]. Производство знаменитой сарептской горчицы¹⁵ принадлежало предпринимателю и любителю естествознания Константину Теодору Гличу (*Constantin Theodor Glitsch*; 1820–1883), наследнику дедовских горчичных фабрик. По сведениям К. М. Бэра, «первые семена горчицы получили из имения Отрады, где этот промысел, однако, был введен не Бекетовым» [Каспийская экспедиция... 1984, с. 338].

Особый интерес К. М. Бэра как ихтиолога вызывало устройство рыбных промыслов в устье Волги и на северо-западном берегу Каспия, которые, по его мнению, «благодаря попечению Бекетова значительно усилились» [Каспийская экспедиция... 1984, с. 48]. Сплаваясь по одной из протоков в дельте Волги (р. Гандурино), К. М. Бэр разыскал бекетовские рыбные угодья в с. Образцово¹⁶: «Образцовая издали выглядит парадно, благодаря своей красивой церкви на горе, но вблизи становится видным запустение. Окна

¹³ Лангерфельд Франц Генрих (*Langerfeld Franz Heinrich*; 1805–1878) — аптекарь, изобретатель «Сарептского бальзама» — спиртового экстракта 20 видов степных растений, владелец сахарного завода.

¹⁴ Актуальное название *Sorghum bicolor* (L.) Moench., Сорго двухцветное. Сладкостебельные сорта сорго используются как кормовые для получения силоса.

¹⁵ Капуста сарептская (*Brassica juncea* (L.) Czern.) культивируется в южной части Европейской России и в Западной Сибири для получения горчичного порошка. В семенах содержится высокоценное горчичное масло. В одичалом состоянии известна в Средней Азии, Закавказье, Северо-Западном Китае и Гималаях, нередко сорничает.

¹⁶ В настоящее время — с. Образцово-Травино, Камызякский район Астраханской области.

и двери домов, очевидно, со времен Бекетова не чинились и не красились <...> Портрет Бекетова находится в плохом состоянии. <...> После завтрака пришли несколько старых рыбаков. Один из них знал еще Бекетова. Они хвалили прежние рыбные богатства» [Каспийская экспедиция... 1984, с. 130]. К. М. Бэр упоминает красную рыбу, белуг, осетров, севрюгу, сазанов.

Очевидно, к усадебным службам относилось и четырехэтажное каменное строение, отмеченное К. М. Бэром. Изучая Волго-Ахтубинскую пойму, К. М. Бэр остановился в богатом селе Селитренном: «Мы поехали в усадьбу Оленина¹⁷, чтобы посмотреть его библиотеку. В ней оказалось много интересных книг, например, указы государыни Екатерины 1762 года и жизнеописания замечательных русских людей, в том числе жизнеописание Бекетова» [Каспийская экспедиция... 1984, с. 335].

Началово (Черепаха)

Длительное процветание суждено было усадьбе Черепаха, расположенной в 12 верстах к востоку от Астрахани. Она была куплена Н. А. Бекетовым в 1766 г., а в 1771 г. переименована им в с. Началово. Проведя мелиоративные работы в болотистой местности трудами перемещенных крепостных и турецких военнопленных, Н. А. Бекетов выстроил систему поливного земледелия, прорыл оросительные каналы, создал дамбы, плотины и мельницы. В усадебном парке высаживались дубы (через полстолетия ставшие могучими великанами) и несметное число розовых кустов. Лепестки роз ежедневно собирали пудами и использовали для производства розовой воды и масла. Здесь выращивали лозы редких сортов винограда и производили вина высокого качества, хранившиеся в больших бочках в сводчатом подвале под домом. П. С. Паллас, посетивший Началово 21 августа 1793 г., не только оценил изысканный вкус производимых вин, но и отметил успехи шелководства, плодоводства и бахчеводства. Он составил здесь список сорняков в винограднике, положив тем самым начало изучению адвентивной флоры [Pallas, 1799, S. 206]. Меньше чем через год после визита великого натуралиста, 9 (20) июля 1794 г., Н. А. Бекетов скончался в имении Отрада и был погребен в Черепахе, в склепе заложенной им церкви Рудненской иконы Божией Матери, но село со знаменательным названием Началово будет известно как «земной эдем» еще более столетия [Меркулов, 2011].

В известной мере Н. А. Бекетов претворил на практике то, к чему стремилась Екатерина II, организовывая грандиозные Физические экспедиции, — к улучшению благосостояния государства и устройению ландшафта не в борьбе, а в гармонии с природой. Таким образом, С. Г. Гмелин имел дело не столько с чиновником, сколько с облеченным властью созидателем.

¹⁷ Оленин (?–1854) — полковник, командир Астраханской казачьей конной батареи.

Письма С. Г. Гмелина к Н. А. Бекетову

Письма к Н. А. Бекетову написаны на русском языке, вероятно, студентом С. Г. Гмелина, И. М. Комовым, от имени и с подписью профессора. Они отражают быт отряда во время пребывания в Астрахани. Обсуждаются проблемы финансирования, комплектации экспедиционного оборудования, фрахтовки судна и выбора команд моряков и конвоя, приглашение рисовальщика Ф. Бауэра¹⁸ из Саратова, отправление отряда студента Карла Габлица в Гилян (Персия). В письмах нашли отражение и многие другие вопросы, возникавшие на завершающем этапе подготовки академического отряда, в т. ч. множество живых подробностей экспедиционного быта. Мы ограничимся обнародованием полного текста только одного письма из этого корпуса. Дата на документе не обозначена, но, исходя из контекста этого и других документов, письмо могло быть написано в первой половине апреля 1773 г. Оно отличается от прочих серьезным обсуждением общего замысла экспедиции, включая меры безопасности. Ободряемый доброжелательным отношением Н. А. Бекетова при возросшей степени доверия к губернатору, С. Г. Гмелин в письме высказывает свои сомнения и предположения, касающиеся успеха предприятия. В известной степени это письмо неофициальное, как можно понять из обращения к Н. А. Бекетову С. Г. Гмелина: «ныне несколько посмелее и надежнее». С. Г. Гмелин осторожно касается тем, сомнительных с точки зрения морали и протокола. Он избегает называть вещи своими именами из уважения к должности Н. А. Бекетова как сановника высокого ранга и просто честного человека. Но, согласно максиме «*Finis sanctificat media*» («цель оправдывает средства»), профессор С. Г. Гмелин приравнивается к роли «авантюриста Просвещения», ради исследовательских целей использующего тактику «политической навигации» [Строев, 1998, с. 264], прием, которым отнюдь не пренебрегали в эпоху просвещенного абсолютизма Екатерины II. Сложность позиции заключалась в том, чтобы получить желаемое, соблюдая нормы бюрократического этикета, проявляя уважение к иерархическому устройству служебной лестницы. Желание договориться с губернским правлением требовало гибкой тактики. Бестактность грозила срывом проекта. С. Г. Гмелин рисковал получить отказ и запрет на выход в море.

Контакт с «трухменами», по мнению С. Г. Гмелина, мог быть смертельно опасен и требовал благовидного «прикрытия», т. е. имитации коммерческих действий под видом «купца» или функций парламентаря, доставляющего

¹⁸ Бауэр Федор (Кристиан Фридрих) (Bauer Christian Friedrich; ?-?) — художник, участник экспедиции С. Г. Гмелина. В 1773 г. находился на службе у полковника Вьюшкова в Саратове. В марте — апреле 1773 г. Ф. Бауэр был принят в экспедиционный отряд С. Г. Гмелина на должность рисовальщика с жалованьем в 200 руб. в год (в 2–2,5 раза больше стандартного жалованья других рисовальщиков — участников академических экспедиций); возможно, это связано с тем, что он выполнял обязанности картографа.

письма о мирном договоре. О том, что стремление туркменов установить торговые отношения с Россией совпадало с планами русского правительства, Н. А. Бекетов знал и следовал указанию, полученному от Иностранной коллегии и подписанному графом Н. И. Паниным. В интересах правительства следовало «с тамошними обывателями трухменцами обходиться ласково, объявляя им, что как напредь сего сами они трухменцы, да и ханы хивинские просили о учреждении с ними торгу, имея в оном нужду, особливо для получения хлеба из Астрахани». При этом не предполагалось создавать на «трухменском» берегу форпостов и крепостей, но дальнейшие действия решать с договороспособным вождем номадов.

Коротко содержание письма сводится к следующим положениям.

1. С. Г. Гмелин требовал полного единоначалия и подчинения своим требованиям командира корабля. В качестве поощрительной меры он настаивает на повышении его в звании по окончании экспедиции.

2. Высадка отряда С. Г. Гмелина на берег, населенный «трухменами», исключала военный конфликт, но для демонстрации силы экспедиции требовались вооруженный конвой и пушки.

3. С. Г. Гмелин предлагал использовать испытанный институт заложничества, т. е. аманатство [Ходарковский, 2019, с. 95]. Подобные операции применялись на степных рубежах России для обеспечения безопасности на время выполнения каких-либо действий на чужой территории. Власти задерживали представителей знатных родов (сыновей ханов) или богатых купцов, которые содержались под караулом на «Аманатном дворе» до окончания предприятия. В разнообразных способах, применяемых в экспансионистской имперской политике, обычай аманатства уже казался архаическим. Об этом можно судить по несколько брезгливому ответу оренбургского губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа (*Johann Heinrich Reinsdorp*; 1730–1782) к которому С. Г. Гмелин просил Н. А. Бекетова обратиться с этой просьбой: «Хивинцов и Трухменцев ныне здесь в приезде нет <...> да, хотя бы и были, то из них, а паче Бухарцов задержания здесь делать нет пристойности, и произошло б в сих купцах в приезде сюда, на ярмонку, к чему их по указанию Ея Императорского Величества всячески ласкать велено, не токмо сумнение, но и отвращение в ярмонке с высочайшим Ея Императорского Величества интересом подтверждена была большому предосуждению» [от 8 мая 1773 г.: ГААО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 3572. Л. 312–312 об.]. Тем не менее просьба С. Г. Гмелина о задержании заложников была выполнена. Об этом свидетельствует письмо в АГК: «Академика Гмелина сообщение. В конце июля нынешнего года достиг я восточного берега Моря Каспийского, где я осмотрел благополучно Святой остров и восточный берег от Магишлага до Тюк Карагана; и, как я в сих местах на берег выходить никакой нужды не имею и намерен вдаль ехать по восточному берегу моря Каспийского, для того Астраханскую губернскую канцелярию покорно прошу, дабы благоволила приказать отпустить из Астрахани

находящихся там Мангишлагских и Тюк Караганских Трухменцев, которые там для безопасности моей задержаны. Сие тем наипаче учинить потребно, что я уже в сих местах не буду, и, следовательно, держать их в Астрахани нет нужды; при том Трухменцы уже знают, что их из Астрахани не выпускают для меня. Что же касается до состояния сих мест, до торгу и построения крепости в сих местах, о том я по приезде в Астрахань представлю в Астраханскую губернскую канцелярию. Из Тюк Карагана. Самуель Гмелин Августа 18 дня 1773» (ГААО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 3572. Л. 401).

4. Следовало подобрать подходящее по грузоподъемности судно из числа купеческих¹⁹. Наиболее сомнительной акцией явилось предложение подмены купеческого флага на экспедиционном судне адмиральским штандартом²⁰, что, по мнению ученого, повышало статус посольства. Получив отказ, С. Г. Гмелин писал: «Что касается до флага и вымпела, то причины от Господина Капитана Такмачова предложенные столь основательны и сильны, что едва могу осмелиться возобновлять мое прошение» [от 26 мая 1773 г.: ГААО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 3572. Л. 276].

5. Обсуждается финансирование экспедиции, которое поступало от Академии наук, из кабинета императрицы и от губернского правительства [ГААО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 3572. Л. 117]²¹. С. Г. Гмелин подчеркивает невыгоду обращения к заимодавцам в случае нехватки денег, т. к. высокий процент от занятой суммы ляжет на него тяжелым долгом.

6. С. Г. Гмелин просит предоставить ему по сходной цене товары, для подарков, обмена или торговли, на сумму десять тысяч рублей, в т. ч. золотые и серебряные цепочки, ткани, а именно разного рода сукна, включая кармазин (тонкое сукно красного цвета), «канцелярное семя» (т. е. кошениль — карминовый красный краситель) и др.

7. С. Г. Гмелин просит Н. А. Бекетова выдать благодарственное письмо Фатали-хану (1736–1789) — правителю Кубинского ханства. Получив от своего отца Гусейн-Али-хана небольшой удел, состоявший из одной Кубы, Фатали-хан объединил вокруг него прилегающие прикаспийские территории, образовав обширное владение, куда вошли Табасаран, Дербентское, Бакинское и Ширванское ханства, вплоть до Ардебиля. С. Г. Гмелин предполагал нанести визит хану, совершив специальную высадку в Дербенте.

¹⁹ В рапорте от 14 января 1773 г. капитан первого ранга Токмачёв описывает изношенность и непригодность для экспедиции имеющихся в распоряжении мореходных ботов, указывает на отсутствие материала и плотников. Предлагает «удобное нанять купецкое судно» [ГААО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 3572. Л. 32 об.].

²⁰ Письмо от 5 мая 1773 г. [ГААО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 3572. Л. 265]. В адмиралтейском флаге и вымпеле было отказано.

²¹ 30 марта 1773 г. С. Г. Гмелин просил выдать ему «четыре тысячи рублей серебряною монетою, а особливо Крестовиками». Крестовик — рубль, битый при Петре I, Петре II и Петре III. На обороте изображены четыре крестообразно расположенные буквы П.

* * *

25 июня 1773 г. на галиоте «Санкт-Петр», арендованном у астраханского купца Ивана Телепнева, отряд С. Г. Гмелина в сопровождении усиленного конвоя вышел из Астрахани. С. Г. Гмелин осмотрел острова Четырех Бугров, Кулалы, направился к северному побережью п-ова Мангышлак и остановился на рейде в заливе Качак-Култук, а затем у м. Тюб-Караган и о. Челекен. Материалы, собранные С. Г. Гмелином, представляют большую ценность для этнографии; ученый убедился в самобытности и мирном характере кочующих туркменских племен. Рисовальщик Ф. Бауэр составил карту островов восточного («трухменского») берега. Морское плавание закончилось в Астрабадском (Горганском) заливе. В Энзели от отряда отделился студент Карл Габлиц: «Проводив Гмелина из Энзелинского порта: я в течение зимы занимался описанием птиц, из северных стран на зиму туда прилетающих, и рыб, в Каспийском море водящихся, между которыми нашел я и некоторые роды, неописанные еще другими Испытателями Натуры. Весною 1774 года приступил я к исполнению данного мне главнейшего поручения: объехал все Гилянские горы с прилежащими к ним местами и посреди оных, близ снеговых их вершин, избрал себе пристанищем небольшую деревушку, откуда я мог делать разъезды мои во все стороны, для собирания разных естественных редкостей. В сем уединенном месте провел я 3 месяца с большим удовольствием, хотя все сообщество мое состояло из четырех только козаков Гребенского войска, кои служили мне стрелками для составления собрания зверей и птиц; в помянутой же деревушке жили одни Персидские пастухи. Но я в сие время так пристрастился к моим занятиям, что забыл весь мир. С раннего утра я каждый день до обеда был в разъездах, а после обеда до глубокой ночи занимался рассматриванием и описанием растений, зверей, птиц, насекомых и пресмыкающихся, мною собранных, и чрез то приобрел основательные познания во всех частях Натуральной Истории, которая потом, даже до самой старости моей, служила мне немалым утешением» [Габлиц, 1821, с. 104–105]. К. Габлиц ничего не знал о трагических событиях пленения и смерти С. Г. Гмелина 27 июля 1774 г. в с. Ахмедкент в Дагестане. Он продолжит изучение Каспийского моря в морской экспедиции графа Войновича в 1781–1782 гг., а потом составит первое научное описание Крымского п-ова. Тяжкий долг сохранения материалов экспедиции С. Г. Гмелина и доставки их в Петербург выполнит студент Иван Михайлов (Комов) [Гурьянов, 1953], рукой которого, судя по всему, были написаны письма, сохранившиеся в астраханском архиве²².

²² Автор благодарит сотрудников Государственного архива Астраханской области за идеальные условия работы с рукописью.

**Письмо С. Г. Гмелина к Н. А. Бекетову
об организации экспедиции на восточный берег Каспия**

[Начало апреля 1773 г.]

[Астрахань]

Губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову.

Как мне по полученному прошедшею осенью именному Ея Императорского Величества повелению следующей весною путешествие на восточный Каспийского моря берег предпринять надлежит, а, чтоб оное путешествие самым хорошим порядком учреждено было, для того Вашему превосходительству вторичным именным Ея Императорского Величества повелением приказано меня к оному путешествию отправить, то я сим Ваше превосходительство сообщением, в котором все те принадлежности, которые мне к сему путешествию нужными кажутся, заключаются, а не выключаются при том и те, которые, может быть, впредь в нужных случаях к достижению важного намерения касающихся на ум придут. Прошу, чтоб дозволено мне было ныне несколько посмелее и надежнее Вашему превосходительству представить о сем деле, тем наипаче, что я уже два года жил в каспийских странах и чрез сие время нравы при Каспийском море обитающих людей выведал старался и потом, ныне уже лучше знаю, чего мне от Вашего превосходительства требовать надлежит, чтобы все намерения к концу привести, о котором я не был без известия, когда странствовал в Персии.

Известно, во-первых, что путешествие, которое от меня для ученых дел на восточный Каспийского моря берег учреждено быть должно, подвержено большим трудностям, нежели наше бывшее, персическое, по той причине, что по тому берегу живут тухменцы и хивинцы, народы злостью, вероломством и хитростью весьма славные, которые над другими народами, так более над россиянами, в рассуждении жизни и вольности пречасто и превеликие делали коварства.

О сих обстоятельствах рассуждая, предусмотреть все не могу, каким бы образом под именем физика, натуральные вещи исследующего, можно было приехать к таким народам, каким я их выше сего описал, а сверх того, и никаких наук не знающим, которые, когда увидят, что я буду упражняться в рассматривании животных, растений и минералов, то не могут что иначе рассуждать, как что под истинным моим видом кроется нечто совсем другое, что им подозрительным и опасным покажется. Того ради, если не можно будет странствовать под видом такого чина, которому я удовлетворить и который хранить должен, в таком случае, думаю, рассмотреть надобно будет, какой бы мне другой на себя принять вид, а принять так, чтоб мне себя в моей должности удовлетворять. В таком случае, думать

было надлежало, что мне можно принять на себя вид купца. Сие возможно бы было, а возможно наипаче под таким видом, что будто б россияне с народами, по восточному берегу Каспийского моря живущим, хотят вступить в коммерцию и для того ныне чрез меня хотят учинить опыт. А в такие места без товаров приезжать невозможно, ибо есть чем другим, то товарами подлинно весьма удобно можно привести в дружество таких людей, которые войною и купечеством жить обвыкли, только сие, чтоб под одним видом купца в будущее путешествие мне находится, с главным путешествием моего намерением несходно будет, что, ежели я купцом себя объявлю, а притом физические, натуральные и экономические наблюдения чинить буду, что да поре хитрые, вероломные и глупые люди подумают, подумают непременно, что я объявлю себя купцом, но кроется подо мною шпион, поступать со мною как с таким человеком, над которым, по справедливости силу употребить должно. Таким образом, и меня не лучший, может быть, рок постигнет, какой представлял князь Александр Черкасской, следовательно, не только я пропаду, но и все те намерения, которые Ея Императорское Величество под видом в сей экспедиции в действо произвести премудро старается. Не упоминаю о издержках, которые на оную экспедицию употребить должно. В таких обстоятельствах Вашему превосходительству предлагаю, не можно ли выдумать какого третьего средства, чтоб оное и безопасность моей экспедиции защищало, а притом бы и производить моей экспедиции намерение свой в действо не только не препятствовало, но и помогало. Пиша сие, припамятовал я, что Ваше превосходительство за несколько месяцев мне сказывали, что тухменцы незадолго пред сим временем присылали послов, которых намерение было сделать некоторой с россиянами договор, касающийся до купечества и строения крепостей и что им в том от Вашего превосходительства отказано для того, что прошение и желание свое непростительным образом предложили и это настоящая с турками война о таких делах помышлять не допускает. Не можно сего учинить, чтоб чрез меня как чрез посла от Вашего превосходительства получили тухменцы ответные письма? Не могу я себя им так отрекомендовать, чтоб меня приняли так, как человека, российскому Величеству служащего, принимать надлежит? Если сего сделать нельзя, то не можно ли употребить угрожения без смертельного их огорчения? Не можно ли сих обеих вещей соединить и сделать мне мое и вместе то, что Ваше Превосходительство прикажете? Не могу я лучше под сим последним видом снабдить вашу инструкцию и людьми, к тому нужными стараниями о исследовании вещей натуральных? Не надобно мне есть ли в сей должности присовокупить то, чтоб состояние коммерции хорошо рассматривать, некоторое количество товаров с собой взять? Я непременно сделаю, что сии люди, которые ничего о науках не знают, поймут, что россияне чрез сию экспедицию никакого против их покушения делать не хотят. Достоинство, которое Ваше Превосходительство мне дадите, есть ли совокуплено будет с угрожительными письмами, не будет ли мне помогать в отправлении моей должности? Не лучше ли с ними дело иметь некоторым

посторонним образом? Если иначе невозможно только, чтобы успеть в намерении? В прочем оставляю на рассуждение Вашего превосходительства. Правда, я знаю способ, каким образом в таких странах, в которые я поеду весной, странствующий о безопасности своей стараться мог: на землю то есть не сходить, если прежде знатнейшие старшины на судно взяты не будут, что и я делать не премину. Но я думаю, что Ваше превосходительство еще более сделать можете. Если меня письмами снабдите, тухменцов и бухарцев в Астрахани, а хивинцов в Оренбурге много приезжает, то не благоволите Ваше превосходительство, пока я странствовать буду, тех, кои в Астрахани приезжают, удерживать до того времени, пока я возвращусь, и не благоволите ли в Оренбург, господину губернатору [Рейнсдорпу] отписать, чтоб и он учинил то же? А в письменных угрожениях для показания мне в должностных местах данных придав следующее: что всех тех нации людей, которые в то время в обоих губерниях, Астраханской и Оренбургской, жить будут, справедливый и престокий постигнет рок. Есть ли или я, или кто-нибудь из моей экспедиции не вынесет ни самого подлого, жизни или вольности лишен будет. Если сие Ваше превосходительство сделаете, то непременно успеете более, нежели употреблять всякую предосторожность успеть могу.

Когда Ваше превосходительство сделаете меня, как должно, безопасным, и предпишете способ, по которому я наилучше странствовать могу, то останется другое, чтоб рассмотреть самое странствование. Когда я прошлые годы ездил в Персию, ничто мне в оном пути столь прискорбно не было, как то время, в которое я принужден был перебирать с судна на судно, которое столь было тесно, что с превеликою трудностью меня с моею экспедициею и с находящеюся при мне командою вместить могло, столь ветхо, что очень часто жизни своей отчаивались. А, как все казенные суда при Астраханском порте находящиеся, боты называемые, такие суть, какой мой некогда был, малы тоже и от долговременности повреждены, и для того к таким путешествиям впредь неспособны, того ради прошу Ваше превосходительство, чтоб для будущего путешествия из купеческих судов дано было такое, которое б величиною, добротой и способностью прочие превосходило, которое, ежели мне благосклонно пожелаете, то оставляю благорассуждения Вашего превосходительства. Матрозы, или музуры, на оном быть должны. Есть ли выбрать на то музур, то выбрать отчасти таких, которые к часто помянутому восточному Каспийскому берегу езжали. За нужное почитаю, чтоб оными управлял некоторой штурман, а при нем бы были боцман, квартирмейстер и юнга для чищения наготове. Вместо штурмана прошу я подштурмана Поликарпа Нестерова, который, как я усмотрел, искусен в своей должности и рачителен. Боцмана Михайлу Калягу, котором особливую к своему делу ревность похваляю, которою он и при путешествии моем в Персию, и при возвратном пути из оной оказывал. Есть ли матросы для сего пути определены будут, то и подштурмана и боцмана того же при мне быть желаю. И при сем прошу, чтоб и матросы из всех лучшие и апробованные выбраны были.

Командиру судна, которой определен будет, дабы соблаговолено было от Вашего превосходительства особливо приказать, чтоб он во время путешествия никаких приказов, кроме моих, не слушал. Туда б с судном ехал, куда я пожелаю, справедливо поступал и строго содержал матрозов. Но как ничем люди более не побуждаются, как награждением, то к сему Ваше превосходительство соблаговолите присовокупить и сие, что он должен ожидать повышение чина, есть ли по возвращении такой покажет аттестат, за которой награжден быть может, тем наипаче, что он два раза был командирован на судне и по именному Ея Императорского Величества повелению по всему ходил морю.

Купеческое судно, которое я от Вашего превосходительства для будущего моего путешествия прошу, должно почитаться за казенное. Не потому, что жалованье на судне из казны выдавано будет, но потому, что оно определено для экспедиции, по именному Ея Императорскому Величеству учрежденной, и для того, думаю, что не несправедливо мое прошение будет, которое состоит в том, чтоб на оном флаг был государственной, а, как в тех странах, в которые я поеду, внешнее достоинство более почитается, то прошу мне на оное судно дать флаг адмиралтейской. Понеже на купеческое судно, которого у Вашего превосходительства прошу, немалое имею подозрение в том, что нельзя на оном не быть обмана следующего: то есть, что без ведома моего или здесь при порте, или на ходу судна отсюда до устья Волги днем или ночью привозимы будет на оное товары чрез музур или чрез тех, кои с музурами дело иметь будут, то прошу при сем приказать командиру судна, чтоб под строгим наказанием прилежно смотрел, дабы не было таких обманов, а, естли такой обман зделан есть и много или им усмотренова будут тайно привезены какие-нибудь товары, то, несмотря ни на что бы ни было, бросать в воду. 15 апреля к отъезду непременно готов буду. Того ради прошу, чтобы к тому времени судно изготовлено было. И сие время назначил я этим намерением, чтоб не издерживать без нужды государственной казны. Прежде, нежели я на самый восточный Каспийского моря берег поеду, для отправления некоторой государственной нужды пристать мне надобно у Дербента, чего ради прошу Ваше превосходительство снабдить меня одобрительными к Феталихану [Фатали-хану] письмами и в оных, естли не противно, поблагодарить ему за хорошей прием, которой он мне прежде трех лет в своих провинциях зделал. Обещать ему всякое доброжелательство и благосклонно просить, чтобы дозволил мне в Дербенте делать то, что надлежит, а наипаче бы ехать в Кубу ему допустил. Ибо он уже подлинно видит, что подозрение то, которое он о прибытии моем в Персию имел, было ложное. О письмах, какие мне на восточном берегу надобны, я уже выше сего Вашему превосходительству упоминал. Итак, то только прибавить должно. Что я должен заехать Астрабат, того ради и в оное место одобрительные мне надобны письмы.

Ест ли то по щастию случится, что я найду в Дербенте купеческое судно, отправляющееся в Астрахань, и буду иметь некоторые вещи нужные к отсылке в Астрахань, а особливо из дерев и корней, которые в России разводить

должно, и если я при каком-нибудь берегу во время моего путешествия возьмею такой способной к пересылке случай, которым воспользоваться могу, то прошу Ваше превосходительство, чтобы благоволили дать мне отверстой приказ, по которому б командир и прикащики, на каких бы судах ни были, обязаны были на возвратном пути в Астрахань, в каком бы мне месте ни попались, не только принимать то, что им от экспедиции дано будет, но и должное о принятых вещах иметь попечение с тем, что они ответ должны будут отдать, ест ли доказать можно будет, что их нерадением или потерянью, или повреждено что-нибудь найдется.

Когда Ваше превосходительство таким же образом отправите меня на восточный берег Каспийского моря, как отправили в прошлом 1770 году в Персию, то не сомневаюсь, что мне и команду солдат из Астраханского батальона, который в то время из осми человек рядовых солдат, из одного барабанщика, также флейщика и цирульника, которые все были в ведомстве одново сержанта, состояла, дадите. Из солдат именно прошу салдата второго баталиона первой роты Сергея Степанова, который со мною уже был в Персии, да Степана Шестерникова второго баталиона пятой роты, да еще третьего баталиона второй роты салдата Назара Галеева, по знанию его турецкого языка; однако для будущего путешествия, о котором я помышляю, гарнизонных салдат недовольно. Путешествие сие гораздо опаснее, нежели бывшее персическое. Надобно также и сухим путем ездить, и потому для охранения в таких местах надобны способные к тому проводники. Того ради прошу Ваше превосходительство определить, чтобы двадцать пять человек гребенских козаков и шесть человек гусар с Терека сюда для провожания меня командированы были. Прошу также в судно погрузить на восемь месяцев провианта, какой для сих людей потребен, и оной им выдать здесь. Что ж касается до лошадей, в которых они нужду иметь будут, то всех я им из сумм моей экспедиции купить постараюсь в тех местах, где оные потребны будут. Но как добрых салдат, так козаков и гусар добрых же прошу у Вашего превосходительства, на которых бы я храбрость надеяться мог и которых амуниция должна быть такой, чтоб они чрез оную храбрость показывать могли, ежели нужда будет. Желание мое, которым я восхищаюсь, хотя достигнуть того конца, которой Ея Императорское Величество чрез сие путешествие получить намеревается, не только сие мое прошение извинит, но и оправдает. О иждивении, которое для будущего путешествия, кроме судна, потребно Вашему превосходительству следующее представляю. Пункт свой я уже лучше знаю, нежели как отправлялся в Персию. Надобно покупать лошадей и верблюдов или на товары оных нанимать, подносить подарки, которые в сем случае более силы иметь будут, нежели как имели прежде и иметь надлежало. Надобно платить толмачам жалованье. Особливый путь, в которой один из моих студентов по представлению моему в Императорскую академию наук поданному, отправится, о чем Ваше Превосходительство особливим сообщением здесь приложенным прошу. Нужные к тому пути приготовления деньги, кои некогда в честь России издержать должно, многие

другие обстоятельства, коих предвидеть невозможно, все сие крепкое есть доказательством, чтобы столько не сделать государственной казне ущерба, сколько прежде от платежа процентов сделалось, когда я жил в Персии, где по двадцати и по десяти процентов за несколько только месяцев платить принужден был. Итак, мне и денег и товаров столько с собою взять должно, сколько, думаю, не только довольно будет для содержания моей экспедиции чрез целой год, но и сколько для уменьшения издержек потребно, которых, может быть, ничего не будет.

Но, как мне во время прежнего моего путешествия приказано было рассматривать коммерцию, то тоже и ныне приказывается. Чего ради в товарах опыт имею нужду, и для того ежели есть издержки вышеописанные и с теми, кои на мою экспедицию употребить должно, вместе счислить, то на каждой месяц три[ста] или чetyреста рублей надобно, думаю, а годовая сумма будет чetyре тысячи восемьсот или три тысячи шестьсот рублей. Как я ету сумму или уменьшить, или совсем уничтожить желаю, а, по крайней мере, стараюсь, чтобы она чрез проценты не увеличивалась и есть, наконец, не хочу быть уроном, до меня и моей экспедиции касающимся, которых предузнать и предвидеть не можно и которые намерениям моей экспедиции противны, то для исполнения всех сих пунктов вчетверо больше кошта потребно, нежели сколько вышеописанная сумма в себе содержит.

Того ради Ваше превосходительство прошу, чтоб судно, в котором я отправляюсь, нагружено было товарами ценою на десять тысяч рублей разными сукнами, а особенно кармазином, канцелярным семенем, золотыми и серебряными цепочками. И прошу чтоб сии тавары куплены были чрез присных маклеров, а я совсем не хочу в покупку оных мешаться, а между тем о цене, по какой они ныне в Астрахани продаются, знать должен, никому оную не открывая, и к самому отъезду для продажи именно оные приготовить. Всем с моей стороны так поступать буду, как верному Ея Императорскому Величеству рабу прилично, но от покупок теперь оных удаляться мне благоразумие повелевает.

А, чтоб прибыль, которую от товаров мною перевезенных ожидать должно, известнее была, того ради Ваше превосходительство прошу, дабы благоволено было выдать мне пять тысяч рублей, кроме тех товаров, чтобы я в случае нужды принужден не был таваров без прибыли или с убытком продавать. Я ето подлинно знаю, что противно законам российскую монету разтощать по внешним странам. Но, во-первых, думаю, что такое количество сребра законов не нарушит, во-вторых, когда чрез сие нарушение больше прибыли будет, то не может ли один закон переменить в другой? В-третьих, есть ли с крайнею потребностью рассуждать о сем, то не можно ли будет переменить здесь российскую монету на азиатские деньги? О протчем как оная сумма из пятнадцати тысяч рублей состоящая смешена и сверх сего из Санктпетербурга мне писано, что расходы для пути на восточной Каспийского моря берег предприемлемого употребляемые не на академической, но на государственной счет причтены будут, то, возвратясь от сего пути, копию приходов и расходов со щетом в Императорскую академию наук посылаемых Вашему

превосходительству вручу, для того наипаче, что я, ожидая на то повеления, прежде моего из Астрахани отъезда шнуrowые мои книги, содержащие щеты с первого дня моего из Петербурга выезда по день моего отсюда на восточный берег отбытия в Петербург, послать намерен.

Профессор Гмелин.

ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (новая). Д. 3572. Л. 70–75.
Подлинник. Автограф рукой И. М. Комова (?).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А. А. «Пребываю верным слугою Вам моему Государю, князь Александр Черкасский». СПб., 2020.
- Арабаджян З. А. Россия и Персия в борьбе за Каспий (XVIII век). М., 2024.
- Габлиц К. И. Краткое описание жизни и службы тайного советника К. И. Габлица (составлено им самим) // Сын отечества. 1821. № 43. С. 97–112; № 44. С. 145–165.
- Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества / пер. с нем. Ч. 1. СПб., 1771.
- Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества / пер. с нем. Ч. 3, половина 1. СПб., 1785.
- Гурьянов В. П. Иван Михайлович Комов, его жизнь и деятельность: К истории русской агрономии и географии. М., 1953.
- Дмитриев М. А. Московские элегии. М., 1985.
- Дюльденко А. А. Иоганн Иериг: исторический портрет представителя российской академической науки второй половины XVIII века. Ставрополь, 2017.
- Каспийская экспедиция К. М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы / сост. Т. А. Лукина. Л., 1984.
- Кирокосян М. А. Русский флаг на Каспии: два столетия Каспийской флотилии (середина XVII — середина XIX века). Пираты Каспийского моря. М., 2013.
- Меркулов Б. Г. Родовые корни. История села Началово, Черепахи тож. Астрахань, 2011.
- Миллер Г. Ф. Избранные труды / сост. С. С. Илизарова. М., 2006.
- Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Государя Императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографии Г. Ф. Миллера. СПб., 1763.
- Степанов В. П. Бекетов Никита Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А — И). Л., 1988. С. 75–76.
- Строев А. Ф. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
- Ходарковский М. Степные рубежи России: Как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / [пер. с англ. А. Терещенко]. М., 2019.
- Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 1. Leipzig, 1799.

Е. Ю. Захарова

Воронеж

А. Н. Бессуднов

Липецк

**Обретение познавательного интереса
к древностям малой родины
в Центральном Черноземье (рубеж XVIII–XIX вв.)**

Публикация посвящена вкладу первых краеведов Центрального Черноземья России (С. И. Ларионова, Е. А. Болховитинова, М. И. Славинского и др.) в становление местной археологии. Дается сопоставительная характеристика «Описаний губерний» с позиций наличия в них археологической составляющей, оцениваются уровень и значимость работы каждого из авторов на поприще изучения и сохранения древностей.

Ключевые слова: история археологии, краеведение, Центральное Черноземье России.

E. Yu. Zakharova

Voronezh

A. N. Bessudnov

Lipetsk

**Gaining Cognitive Interest in the Antiquities of
the Small Homeland in the Central Black Earth Region
(the Turn of the XVIII–XIX Centuries)**

The article deals with the contribution of early local studies experts in the Central Black Earth Region (S. I. Larionov, E. A. Bolkhovitinov, M. I. Slavinsky, and others) to the establishment of local archaeology. It contains the comparative analysis of “Governorate Descriptions” with regard to archaeological components in them, as well as the assessment of level and importance of each writer’s work in the field of exploration and preservation of antiquities.

Keywords: history of archaeology, local studies, Central Black Earth Region.

Интерес к гуманитарным вопросам в городской среде российской провинции начинает наиболее активно проявляться во второй половине XVIII в., что было обусловлено значительным накоплением новых знаний в ходе административных и культурно-просветительских преобразований. Необходимость систематизации и изучения собранных материалов постепенно оформляется в одну из приоритетных (важнейших) задач представителей русского образованного общества. Несомненно, лидирующую роль в этом играют представители столичной интеллигенции, под влиянием которых и «формируются импульсы к сбережению и изучению памятников старины» [Формозов, 1990, с. 34]. Академия наук также активизировала свою деятельность, выразившуюся, прежде всего, в организации акций, направленных на сбор информации об отечественных исторических памятниках.

Постепенно проявления подобного рода процессов становятся все более массовыми, что выражается в значительном росте публикаций краеведческой направленности, посвященных описанию провинциальных нравов, обычаев, местных древностей (см. работы А. А. Засецкого по Вологодской земле, Д. И. Карманова — по Тверскому краю, В. В. Крестинина — по истории Русского Севера, П. И. Рычкова — по Поволжью и Зауралью, Н. С. Сумарокова — по истории Костромы и др.).

Не стало исключением и Центральное Черноземье России, где местная история также вызвала большой интерес у нарождающегося слоя «образованной, просвещенной и умственно развитой части общества», которую С. С. Илизаров метко назвал «провинциальной интеллигенцией» [Илизаров, 1999, с. 8]. Воронежский исследователь А. Н. Акиншин впервые обосновал наличие к концу XVIII в. в губернских городах Черноземья «тонкого слоя интеллигенции» [Акиншин, 2000, с. 44–56]. Состав ее был очень разнороден: потомственные аристократы, выходцы из купечества и духовенства, мещане. Стремление к всестороннему познанию собственной истории стало характерным проявлением общественной и просветительской деятельности этой части населения. Следует отметить, что причины для появления образованной прослойки не везде были одинаковыми. В Воронеже, к примеру, благодатная почва для нее усиленно формировалась с увеличением числа чиновников, учителей (для созданных в 1785 г. народных училищ) и врачей (в связи с открытием больницы при Приказе общественного призрения); способствовали этому и регулярные выпуски семинаристов [Акиншин, 2000, с. 44]. В то же время, как показали В. А. Алленова и Ю. А. Мизис, основной причиной роста численности, к примеру, провинциальной тамбовской интеллигенции и «закладывания исторических и культурных традиций регионалистики» стало появление в губернском городе с конца XVIII в. крупных учебных заведений [Алленова, Мизис, 2002, с. 12–13].

Первым из известных в Воронежской губернии объединений любителей просвещения, активно действовавшим в последние десятилетия XVIII в., становится «болховитиновский кружок», названный так по фамилии его

основателя Евфимия Алексеевича Болховитинова (1767–1837) — «разностороннего ученого-гуманитария» (в оценке С. О. Шмидта), «воронежского Колумба» (по словам О. Г. Ласунского). Кружок стал одним из проявлений московской культурной традиции, охарактеризованной С. С. Илизаровым следующим образом: «<...> В истории московской интеллигенции выделяется ряд фигур, которые становились для современников центром притяжения, образывали вокруг себя особые миры и сообщества. <...> Деятельность Новикова — издателя, гуманиста, просветителя, лидера московских масонов — втягивала в свою орбиту многих других, инициировала начало деятельности новых литераторов, ученых и просветителей, которые, в свою очередь, создавали вокруг себя новые миры русской культуры. Однажды начавшееся движение породило непрерывную культурную традицию <...>» [Илизаров, 1999, с. 10]. В течение трех лет (1785–1788) Е. А. Болховитинов, проживая в Москве, «окончил полный курс Славяно-греко-латинской академии», прослушал ряд дисциплин в университете, сблизился с Н. И. Новиковым, Н. Н. Бантыш-Каменским, Н. М. Карамзиным и другими представителями столичной интеллектуальной элиты, «приобрел опыт работы корректором и переводчиком» [Акиншин, 2011, с. 186–187, 194]. Несомненно, что московская среда определила его дальнейший творческий путь, а личные качества позволили стать в провинции проводником передовых образовательных идей и традиций.

В то время среди столичных ученых археология воспринималась не только как неотъемлемая часть гуманитарных наук, но и как объект исследования в статистике и географии, ввиду расширительного толкования последних. В центре постепенно наметилась тенденция, когда вещественные древности в рамках складывающейся концепции отечественной истории стали также рассматриваться как исторический источник. Интерес к древностям проявляла и бурно развивающаяся этнография. Такая ситуация была характерна для «заключительного этапа зарождения археологии в России», хронологические рамки которого Г. С. Лебедев определил с 1774 по 1825 г. [Лебедев, 1992, с. 68].

Охарактеризованные тенденции развития гуманитарного знания в провинции хорошо прослеживаются, прежде всего, в губернских «Описаниях», отражающих в разной степени развитие всех вышеупомянутых наук. Степень отражения каждой из наук зависит от уровня подготовленности автора. Тем не менее опубликованные в то время труды и по сей день вызывают интерес у представителей самых разных дисциплин гуманитарного профиля. Но к предмету археологии наиболее близки историографические и этнографические исследования.

А. А. Севастьянова при оценке процесса формирования провинциальной историографии для второй половины XVIII в. отмечает «три разновидности изложения местной истории: авторский, летописно-хроникальный и государствоведческий при все более возрастающей роли первой» [Севастьянова,

1998, с. 153]. В 1786 г. увидела свет книга «Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней Расправы Прокурором» (автор — Сергей Иванович Ларионов). Без малого через четверть века, в 1800 г., в Воронеже было опубликовано «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний В[оронежской] С[еминарии] П[рефектом], П[авловским] П[ротоиереем] Е. Болховитиновым» (автор — Евфимий Алексеевич Болховитинов). В Тамбове же первые краеведческие публикации появляются только в середине XIX в. Таким образом, из представленного перечня публикаций мы видим, что самым первым исследователем в нашем регионе по праву считается С. И. Ларионов, однако более профессионален труд Е. А. Болховитинова. Во всех исследованиях для нас важна, прежде всего, археологическая составляющая — как показатель приоритетной для того времени тенденции формирования русской археологии.

К сожалению, сведений о жизни и деятельности С. И. Ларионова почти не сохранилось. Краткая его биография опубликована только С. П. Щавелевым [Историки... 2009, с. 160]. В своем «Описании...» С. И. Ларионов дважды касается археологических свидетельств. В частности, «Думчев курган» он соотносит с местом сражения с татарами в 1623 г. А о Курске он сообщал, что «город древле был укреплен превеликим рвом и валом, по которому был полисад и оборонительные башни, которые позднее были уничтожены» [Ларионов, 1786].

Из первых историков Центрального Черноземья выделяется Е. А. Болховитинов, перечень трудов которого очень обширен и в настоящее время продолжает изучаться. К тому же немало трудов его, представленных рукописями и письмами, еще не опубликовано, да и вышедшие в свет требуют проверки и переиздания. Жизненный путь Евфимия Алексеевича хорошо известен, и тем не менее многое в нем еще требует глубокого изучения [Акиншин, 2011, с. 195–196].

Митрополит Евгений, в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов — известный церковный деятель, ученый-гуманитарий, проявивший себя как историк, археограф, переводчик, библиограф.

Для нас актуальной является та часть научных изысканий Е. А. Болховитинова, которая прямо или косвенно касается истории становления археологии в регионе. Г. С. Лебедев лишь наметил этот аспект в ряду других, указав на его «большую роль в вовлечение вещественных древностей в круг славяноведения», а также подчеркнув, что в воронежский период «для задуманной “Российской истории” он начал широкие историко-краеведческие исследования»; позднее Е. А. Болховитиновым были «впервые описаны древности Новгорода, Пскова, Киева»; «в 1827–1837 гг. организованы раскопки в Киеве, которые привели к открытию Десятинной церкви, Золотых ворот и других памятников архитектуры XI в.» [Лебедев, 1992, с. 65]. Вклад

Е. А. Болховитинова в изучение киевских древностей более детально рассмотрен Т. Б. Ананьевой [Ананьева, 1998]. Краткая оценка использования Е. А. Болховитиновым археологических источников при написании обобщающей работы по Воронежской губернии дана в кандидатской диссертации Н. А. Поташкиной [Поташкина, 2006, с. 18], а затем развернута в докторском исследовании Е. Ю. Захаровой [Захарова, 2015б].

Все, кто изучал творчество Е. А. Болховитинова, единодушно при характеристике его логики научного поиска, но так пока и не пришли к единому мнению о периоде его работы над своим трудом. Сразу по возвращении в Воронеж он приступает к написанию масштабной научной работы «Российская история», от завершения которой отказывается через несколько лет. Такому решению исследователи находят целый ряд объяснений: «явно ощутимый в Воронеже недостаток литературы и источников», постепенно сформировавшееся убеждение, что «труд этот ему не по силам», и дошедшая до Болховитинова информация о том, что аналогичный труд уже начал Н. М. Карамзин [более подробно см.: Акиншин, 2011, с. 188–191]. После отказа от подготовки амбициозного труда Е. А. Болховитинов не опустил руки, а, напротив, сосредоточился на создании первого в своем роде исследования по истории Воронежской губернии, в который были включены сведения и об археологических объектах.

Сам факт включения сведений об археологических объектах в исторический труд особенно важен, т. к. в принципе привлечение вещественных памятников для исторических построений относится к числу наиболее передовых источниковедческих методов последней четверти XVIII в.

В анализируемой работе Е. А. Болховитинова нашла отражение информация об археологических памятниках Средневековья и более позднего времени, маркирующих наиболее значимые события в истории Воронежского края.

Стремясь разрешить вопрос о соотношении современного ему и летописного Воронежа XII в., а также саму проблему основания города — «кем и с коих точно пор», — и не обнаружив «никаких исторических известий», Е. А. Болховитинов обращается к археологическим свидетельствам. С учетом того обстоятельства, что несколько урочищ в окрестностях Воронежа «издревле именуются Козарскими», исследователь заключает, что «на местах города Воронежа жили Козары...» [Болховитинов, 1800, с. 35–37]. Из трех «Козарских» урочищ, известных под Воронежем, для «Старого Козарского городища» и «Козарского поля (поляны)» даны только географические привязки, а для расположенного к северу от города «Козарского городища», вероятно, произведшего на автора наиболее яркое впечатление, имеется развернутое описание: «далее от сей поляны (Козарской. — Е. З., А. Б.) вверх верстах в четырех над самою рекою Воронежем на утесистой горе городище, называемое также Козарским, окопанное двойным валом, заросшим ныне уже лесом» [Болховитинов, 1800, с. 36].

Согласно информации из имеющихся публикаций конца XIX — начала XX в., традиция именовать козарскими (хазарскими) целый ряд расположенных в окрестностях Воронежа городищ по-прежнему сохранялась. И лишь археологические исследования, проведенные членами Воронежской ученой архивной комиссии в первые десятилетия XX в., позволили определить славянскую принадлежность этих археологических объектов (городищ и могильников) [Захарова, 2011].

Следует отметить, что Е. А. Болховитинов также опирается на археологические сведения для доказательства татаро-монгольского нашествия на территорию Воронежского края. К примеру, «великие кости, находимые в с. Костенки», им сопоставлены с остатками слонов хана Батыя, сразившегося здесь с русскими князьями. А факт происходившего между ними «кровопролитного сражения» аргументируется тем, что «жители костенковские и соседственные, в старину на полях своих выкапывали железные стремена, копейные наконечники и прочие военные снаряды» [Болховитинов, 1800, с. 102–103]. Дополнительным подтверждением присутствия татар в Воронежском крае Е. А. Болховитинов считал большое количество расположенных по р. Битюг курганов, «из коих на некоторых стоят каменные статуи, наподобие человека иссеченные, а в селе Мечетке остатки мечети, отчего и село сие название получило» [Болховитинов, 1800, с. 160]. В настоящее время очевидность соотнесения каменных изваяний на курганах с половцами не подвергается сомнению. Более того, это было доказано еще в XIX в. Упомянутые же остатки мечети в XX в. неоднократно исследовались археологами (М. П. Трунов, В. П. Левашева, М. В. Цыбин), и в результате к настоящему времени установлено, что комплекс золотоордынских памятников состоял из двух мавзолеев, поселения, горна для обжига кирпичей. Мавзолей № 1 частично изучен В. П. Левашевой [Левашева, 1960], мавзолей № 2 — полностью экспедицией Воронежского государственного университета [Цыбин, Савицкий, 2019].

При воссоздании событий более поздней истории края Е. А. Болховитинов также опирается на археологические материалы. В частности, говоря о заселении этой территории русскими, указывает на визуально фиксируемые остатки валов вокруг первых крепостей в таких городах, как Воронеж, Землянск, Бирюч [Болховитинов, 1800, с. 61, 134, 151]. Наиболее хорошо сохранившаяся крепость в Валуйках была описана более подробно: «земляная, квадратная... в поперечнике 140, а в окружности 560 сажен» [Болховитинов, 1800, с. 145].

Еще одна группа археологических памятников датируется временем петровских преобразований. Согласно сведениям Е. А. Болховитинова, деревянный «дом священника Прокопия Зиновьева» в Валуйках, где «по дороге в Азов останавливался в 1699 году Петр I», сохранялся «с почтением яко памятник» [Болховитинов, 1800, с. 145–146]. Следует указать, что информация о сохранившихся объектах этого же времени собрана Е. А. Болховитиновым и применительно к другим местностям в губернии. Он пишет, что в Воронеже

сохранились «каменный магазин или цейхгауз»... «и еще сарая два каменных» [Болховитинов, 1800, с. 60]; в бывшем городе Таврове близ Воронежа «видны следы каменных фундаментов строения, ...две разваливающиеся уже каменные казармы, ... да столбы, на коих была крыша для весов, и четверо крепостных ворот каменных же...» [Болховитинов, 1800, с. 98]; близ Павловска «над устьем впадающей в Дон Осереды» располагается «обширная земляная крепость с четырьмя бастионами» [Болховитинов, 1800, с. 109].

Главное, на чем мы акцентируем внимание: обращение Е. А. Болховитинова к вещественным древностям как к историческим источникам было первым опытом при изучении прошлого Воронежской губернии. Мы можем констатировать, что при характеристике сюжетов местной истории он для своего времени успешно применил наиболее передовые методологические принципы российской исторической науки, согласно которым отечественные древности обретали не только эстетическую, но и научно-познавательную ценность [Лебедев, 1992, с. 63]. Для того времени это был серьезный научный прорыв. Также примечателен пример Е. А. Болховитинова как коллекционера. Его экспонаты неоднократно выставлялись. К примеру, коллекция русских монет была представлена в Воронеже в 1912 г. на выставке, посвященной 75-летию со дня его кончины, а по завершении ее пополнила фонды губернского музея [Шестова, 1925, с. 4]. Предположительно с именем Е. А. Болховитинова связывается и первая попытка создания в Воронеже музея древностей [подробнее см.: Захарова, 2015а, с. 180–181].

Возвращаясь же к проанализированной выше книге Е. А. Болховитинова, отметим, что она была издана в Воронеже в 1800 г., уже после отъезда автора в Петербург. Ее текст в виде самостоятельных статей по Воронежской губернии вошел в «Географический словарь Российского государства» (т. 1, 1801 г., изд. Максимовича и Щекатова). Говоря о значении «Описания» Е. А. Болховитинова, важно подчеркнуть, что оно как минимум на протяжении последующего века выступало образцом краеведческих изысканий и одновременно использовалось в качестве первоисточника. Очень важно также и то, что исследовательский пример Е. А. Болховитинова после его отъезда нашел в Воронеже продолжателей, прежде всего из членов «болховитиновского кружка». Уже в 1818 г. в Харькове начинает издаваться «Опыт повествования о древностях русских» Гавриила Петровича Успенского (1765–1820) — одного из наиболее известных представителей болховитиновского окружения в Воронеже.

В этот же год в Воронеже учитель губернской гимназии Матвей Иванович Славинский (1772 (1773)–1824?) завершил подготовку рукописи «Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии» (сохранялось в рукописи, издано в 2014 г.). Как считает А. Н. Акиншин, продолжение работы над «Описанием» после отъезда Е. А. Болховитинова было инициировано воронежским губернатором М. П. Штером; именно по его поручению сведением воедино и обработкой справочных данных занялся

Матвей Иванович Славинский — как единственный в губернии специалист по географии и статистике [Акинъшин, 2014, с. 200]. При этом он отказался работать над составлением «Статистического описания» по шаблонам Вольного экономического общества (1811–1812) и написал авторское сочинение «Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии». Биография и трудовая деятельность Матвея Ивановича достаточно хорошо изучены воронежскими краеведами, что нашло соответствующее отражение в печати [Гайворонский, 1971; Акинъшин, 2014]. Отметим лишь, что образование он получил в Харьковском университете, хотя и не окончил его. С 1808 по 1822 г. преподавал в Воронеже историю, географию, статистику, латинский язык. О его последних годах жизни известно, что провел он их в уездном Бирюче, работая в должности штатного смотрителя местного училища. Исследователи творчества М. И. Славинского справедливо указывали, что в своих исторических сюжетах он несамостоятелен и во всем следует за Е. А. Болховитиновым. Практически такой же алгоритм им избран и при изложении информации об археологических данных. От предшествующего «Описания» его труд отличается тем, что добавлена информация по Острогожскому и Новохопёрскому уездам, что предопределено было присоединением их к губернии уже после выхода в свет труда Е. А. Болховитинова. Примечательно также и то, что во всех текстах М. И. Славинского аналитическая составляющая практически опущена [подробнее см.: Захарова, 2024].

В данном случае обратим внимание лишь на один показательный пример, подчеркивающий все же сформировавшийся у М. И. Славинского интерес к местным древностям. Для подтверждения исторических событий в губернии («Отделение 1») он лишь единожды привлекает археологические памятники: при характеристике древнейшего прошлого края до XVI в. автор указывает на урочища «Поляна и Городище, слывающие под названием Казарских», которые расположены вблизи Воронежа и «служат неоспоримым доказательством, что козары обитали в странах нынешней Воронежской губернии» [Славинский, 2014, с. 11]. Нет необходимости приводить описание этих археологических памятников, весьма близкое к данному Е. А. Болховитиновым, но обращает на себя внимание следующее замечание: «Приметно, что сие городище с продолжением времени весьма умалялось, будучи подмываемо течением реки Воронежа» [Славинский, 2014, с. 11]. Высока вероятность, что эту достопримечательность Матвей Иванович посетил лично.

В «Отделении 2» упоминания об археологических объектах встречаются в тематическом блоке, именуемом «Места в уезде, достойные (достойнейшие) примечания». Всего такого рода сведения имеются относительно семи уездов из тринадцати. Еще раз подчеркнем, что новая информация, по сравнению с «Описаниями» Е. А. Болховитинова, приведена для двух уездов — Острогожского и Новохопёрского, важны также впервые озвученные размеры вала и рва «украинской линии», которую мы сейчас знаем как Белгородскую оборонительную (или защитную) черту.

Таким образом, как мы стремились показать, в «Описаниях» Курской и Воронежской губерний последней четверти XVIII — первой четверти XIX в. впервые проявил себя познавательный интерес к вещественным древностям малой родины. И очень важно, что такого рода информация была включена в общую канву повествования, выступив тем самым в качестве исторического источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акинъшин А. Н. Воронежский круг общения Е. А. Болховитинова // Из истории Воронежского края : сб. статей. Вып. 8 : К двухсотлетию воронежского краеведения / отв. ред. А. Н. Акинъшин. Воронеж, 2000. С. 44–56.
- Акинъшин А. Н. Е. А. Болховитинов — основоположник воронежского краеведения // Е. А. Болховитинов. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 2011. С. 185–198.
- Акинъшин А. Н. Краеведческий труд Матвея Ивановича Славинского // М. И. Славинский. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 2014. С. 193–210.
- Алленова В. А., Мизис Ю. А. История тамбовского краеведения (XIX в. — 30-е годы XX в.). Тамбов, 2002.
- Ананьева Т. Б. Евгений Болховитинов и изучение киевских древностей в первой половине XIX в. // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998. С. 42–62.
- Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800.
- Гайворонский А. И. Второй историк Воронежского края // А. И. Гайворонский. Золотые архивные россыпи. Из истории культуры Воронежского края (конец XVIII — начало XX в.). Воронеж, 1971. С. 81–99.
- Захарова Е. Ю. Дискуссия о летописном Воронеже и археологические работы Воронежской ученой архивной комиссии // Из истории Воронежского края : сб. статей. Вып. 18 / отв. ред. А. Н. Акинъшин. Воронеж, 2011. С. 9–21.
- Захарова Е. Ю. Древности Центрального Черноземья России в трудах первых краеведов (конец XVIII — первая половина XIX века) // Известия Смоленского государственного университета. 2015а. № 2 (30). С. 177–183.
- Захарова Е. Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. — 1970-е гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2015б.
- Захарова Е. Ю. Археологическая составляющая в губернском «Описании» М. И. Славинского (1818) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2024. № 3. С. 74–77.
- Илизаров С. С. Московская интеллигенция XVIII века. М., 1999.
- Историки Курского края: Биографический словарь / сост., отв. ред. С. П. Щавелев. Курск, 2009.
- Ларионов С. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней Расправы Прокурором [Электронный ресурс]. URL: <http://old-kursk.ru/events/okn1786-ii.html> (дата обращения: 03.05.2025)

- Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.
- Левашева В. П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды Государственного исторического музея. Вып. 37. М., 1960. С. 175–185.
- Поташкина Н. А. Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей края (конец XIX — начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.
- Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998.
- Славинский М. И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 2014.
- Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.
- Цыбин М. В., Савицкий Н. М. Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда / отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов. Т. 2. Казань ; Кишинев, 2019. С. 509–520.
- Шестова С. Н. Воронежский государственный историко-культурный музей (Краткий исторический очерк) // Сборник Воронежского государственного историко-культурного музея. Вып. 1. Воронеж, 1925. С. 2–32.

И. Л. Тихонов
Санкт-Петербург

Письма графа А. А. Бобринского Саломону Рейнаку

В архиве Сен-Жерменского музея национальной археологии Франции сохранились пять писем председателя Императорской археологической комиссии графа Алексея Александровича Бобринского (1852–1927), адресованных известному французскому археологу и искусствоведу Саломону Рейнаку (1858–1932) — с 1893 г. помощнику хранителя, а с 1902 г. — хранителю (директору) музея. Они были написаны в период с 1885 по 1905 г. и касаются различных аспектов научной деятельности графа в области археологии.

Ключевые слова: археология, А. А. Бобринский, Саломон Рейнак, письма, русско-французские научные связи.

I. L. Tikhonov
St. Petersburg

Letters from Count A. A. Bobrinsky to Salomon Reinach

The archive of the Saint-Germain Museum of National Archaeology in France contains five letters from Count Alexei Alexandrovich Bobrinsky (1852–1927), the chairman of the Imperial Archaeological Commission. The letters are addressed to Salomon Reinach (1858–1932), a renowned French archaeologist and art historian who served as an assistant curator from 1893 and as the curator (director) of the museum from 1902. They were written between 1885 and 1905 and cover various aspects of the Count's scientific activities in the field of archaeology.

Keywords: archaeology, A. A. Bobrinsky, Salomon Reinach, letters, Russian-French scientific ties.

В 2004 г. во время моего визита в Сен-Жерменский музей национальной археологии Франции (*Musée d'Archéologie nationale, domaine national de Saint-Germain-en-Laye*) директор музея Патрик Перен (*Patrick Périn*) был настолько любезен, что не только показал свой кабинет (бывший королевский) и закрытые для публики залы музея с образцами старой экспозиции начала XX в., но и, узнав, что я интересуюсь деятельностью председателя Императорской археологической комиссии графа А. А. Бобринского (1852–1927), предложил посетить архив музея. В архиве обнаружилось несколько писем графа (*Musée d'Archéologie nationale*, № 29431), адресованных Саломону Рейнаку (*Salomon Reinach*) — с 1893 г. помощнику хранителя, а с 1902 г. — хранителю (директору) музея. Мне предоставили копии этих писем, которые позднее были переведены на русский язык специалистами кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Ими же оказался отмечен очень высокий уровень владения французским языком автором писем. Это не удивительно, поскольку отпрыска богатейшего аристократического рода, ведущего свое начало от сына Екатерины II и Григория Орлова, крестника императора Николая I, с раннего детства обучали иностранным языкам. По свидетельству сына А. А. Бобринского, одно время он даже учился в частном пансионе в швейцарском городе Веве (*Vevey*), расположенном на берегу Женевского озера во франкоязычном кантоне Во [Бобринской, 2003, с. 482]. Свои юношеские дневники, в отличие от детских, граф предпочитал вести на французском языке [РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 275; Выдра, 2019, с. 120]. Помимо французского, А. А. Бобринский свободно владел английским и немецким языками, мог читать латинские тексты.

В архиве Музея национальной археологии сохранились пять писем, написанных в период с 1885 по 1905 г. Все они носят деловой характер и связаны с археологическими занятиями графа. Увлечшись археологией, Алексей Александрович Бобринский в конце 1870-х гг. начал раскопки курганов в окрестностях своего родового имения Смела в Черкасском уезде Киевской губернии, продолжавшиеся много лет. В 1882 г. он был избран действительным членом Русского археологического общества в Санкт-Петербурге, неоднократно выступал на заседаниях с докладами о своих раскопках. В апреле 1884 г. Русское археологическое общество избрало А. А. Бобринского своим представителем на VI Археологический съезд, состоявшийся в Одессе. В 1885 г. он был избран действительным членом Одесского общества истории и древностей и Общества любителей древней письменности, а в Русском археологическом обществе — управляющим Отделением славяно-русской археологии. Последнюю должность он занимал до 1894 г. Соответственно, к моменту своего назначения на пост председателя Императорской археологической комиссии 1 февраля 1886 г. Бобринский считался уже весьма авторитетным археологом [о нем см.: Тихонов, 2002; 2003а]. Наличие опыта археологических раскопок отличало его от обоих предшественников на этом посту — графа С. Г. Строганова и директора Императорского Эрмитажа А. А. Васильчикова.

Адресат А. А. Бобринского, Саломон Рейнак (1858–1932), был известным французским археологом, филологом-классиком, искусствоведам, религиоведом, музееведом и общественным деятелем. Несмотря на незнание русского языка (русским свободно владела его супруга Роза, родившаяся в Одессе), ученый поддерживал активные научные связи с Россией. Среди его корреспондентов — немало русских археологов конца XIX и начала XX в., таких как Гангольф Кизерицкий, Прасковья Уварова, Василий Латышев, Александр Бертье-Делагард, Борис Тураев, Борис Фармаковский, Михаил Ростовцев, Никодим Кондаков и Иван Толстой [Черный, 2021, с. 179]. С 1893 г. С. Рейнак являлся иностранным членом Московского археологического общества, а 9 февраля 1907 г. был избран иностранным членом-сотрудником Русского археологического общества. При его посредничестве во Франции были переведены и изданы три первых выпуска шеститомного труда «Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым». Они вышли в свет в Париже в 1891 г. под названием «*Antiquités de la Russie Méridionale, par le prof. N. Kondakof, le comte J. Tolstoi et S. Reinach*» [Antiquités... 1891]. В 1892 г. С. Рейнак переиздал на французском языке в более дешевом формате со своим предисловием и комментариями «Древности Босфора Киммерийского» 1854 г., посвятив это издание памяти Поля Дебрюкса как основоположника боспорской археологии [Antiquités... 1892]. В свою очередь, выходили переводы трудов Рейнака на русский язык [Рейнак, 1910; 1913].

Интерес к России был также связан с общественной деятельностью Саломона Рейнака, являвшегося вице-президентом Всемирного еврейского альянса — одной из самых влиятельных международных еврейских организаций того времени; а также соучредителем Еврейского колонизационного общества, которое помогало переселяться евреям из России. Ограничение прав евреев в Российской империи становилось предметом постоянной эпистолярной дискуссии между С. Рейнаком и графом И. И. Толстым (1858–1916) — известным нумизматом, археологом, политическим и общественным деятелем либерального направления, выступавшим за отмену этой дискриминации [Толстая, Ананьич, 2006; 2007].

Знакомство А. А. Бобринского с С. Рейнаком, вероятно, состоялось в начале 1885 г. в Париже. Это следует из первого письма (№ 1), написанного в конце марта 1885 г. Из него можно узнать, что А. А. Бобринский в январе этого года был в Париже и встречался с С. Рейнаком. Это довольно интересно, поскольку во всех открытых источниках указывается, что С. Рейнак начал работать в Сен-Жерменском музее только в 1886 г. Речь в письме идет об ископаемом черепе шерстистого носорога, найденном близ Богородицка в Тульской губернии, где также находилось поместье Бобринских. Этот череп граф обещал подарить Сен-Жерменскому музею, и данное письмо сопровождало посылку.

Второе письмо (№ 2) датировано 18 июля 1899 г. и написано в Смеле. Его сюжет посвящен сравнению фрагментов маленького античного сосуда,

найденного сотрудником Императорской археологической комиссии профессором Н. И. Веселовским в 1898 г. на Кубани, с сосудом из музея Лувра, опубликованным хранителем музея Эдмоном Потье (*Edmond Pottier*) в «*Revue archéologique*» [Pottier, 1899, p. 6–7]. В реальности описания изображений на сосудах с Кубани, приведенные А. А. Бобринским, мало походят на опубликованный Потье рисунок коринфского арибалла с цветочным узором, найденного в Беотии.

Следующее письмо (№ 3) от 30 июля 1899 г. продолжает эту же тему и является сопроводительным к посланным С. Рейнаку четырем фотоснимкам с сосуда, найденного на Кубани.

Наиболее информативно и содержательно письмо от 20 февраля 1902 г. (№ 4). В нем А. А. Бобринский излагает адресату свои идеи по поводу происхождения такого широко распространенного с древнейших времен орнаментального символа, как свастика. Он считал ее стилизованным изображением птицы, ведущей борьбу со змеей. На эту тему А. А. Бобринский сделал доклад на Первом областном археологическом съезде, прошедшем в августе 1901 г. в Ярославле¹. Текст указанного доклада был напечатан в «Трудах» съезда [Бобринский, 1902]. Нуждаясь в сторонниках своих идей, А. А. Бобринский пытался привлечь на свою сторону такого авторитетного ученого, в т. ч. в области первобытного искусства, как С. Рейнак². Интересна заключительная часть письма, в которой автор впервые выходит за рамки деловых и научных вопросов и сетует на превратности придворной жизни, отвлекающей его от научных занятий. Еще интереснее последние строчки: «...с нетерпением жду, хотя с некоторым недоверием, новых союзников тиары, которых бы Вы нам назначили!» Речь идет о знаменитой подделке — «тиаре скифского царя Сайтафарна», приобретенной Лувром в 1896 г. за 200 000 франков. Многие русские ученые, сотрудничавшие с Археологической комиссией, — Н. И. Веселовский, Э. Р. фон Штерн, А. Л. Бертье-Делагард, — высказывали сомнения в подлинности этого шедевра, а Штерн даже сделал доклад на X археологическом съезде в Риге «О подделках классических древностей на юге России» и рассказал о деятельности братьев Гохманов и других фальсификаторов. А. А. Бобринский не мог не знать мнения своих коллег — отсюда и некоторый скепсис, звучащий в приведенных строчках. С. Рейнак, наоборот, был одним из самых ярых сторонников подлинности тиары. Окончательное разоблачение фальшивки состоялось только весной 1903 г., через год после написания данного

¹ По нашему мнению, большую роль в организации этого съезда сыграло давнее и хорошее знакомство А. А. Бобринского с ярославским губернатором Б. В. Штюмером — однокашником по университету и участником студенческого кружка «Галерное собрание», получившего свое название по наиболее частому месту сбора — дворцу Бобринских на Галерной улице [РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 387. Л. 3].

² С. Рейнак одним из первых высказал гипотезу о магическом значении палеолитической живописи в ритуалах обеспечения удачной охоты, которую потом развивал Анри Брейль [Ларичев, 1990, с. 211–220].

письма. Однако даже и после этого, не желая признавать свою ошибку, С. Рейнак пытался доказывать археологическую ценность тиары, в своей основе якобы подлинной и доделанной современным мастером-реставратором [Брашинский, 1979, с. 94].

Последнее письмо написано 10 июня 1905 г. на бланке Императорской археологической комиссии для международной переписки, выполненном на французском языке. В письме сообщается о преподнесении в дар Сен-Жерменскому музею гальванопластических копий серебряной вазы «сасанидского» стиля, найденной в Перми в 1873 г., и серебряного блюда из Баку, оригиналы которых находятся в Эрмитаже.

Еще 11 писем, написанных А. А. Бобринским С. Рейнаку в 1900–1914 гг., хранятся в Библиотеке Межан в Экс-ан-Провансе (*Cité du livre (Aix-en-Provence)*). Они были опубликованы Борисом Черным в книге, посвященной корреспонденции С. Рейнака [Czerny, 2020, р. 129–135]. Из них можно узнать, что осенью 1900 г. А. А. Бобринский хлопотал об организации визита С. Рейнака в Санкт-Петербург и сообщал ему, что решил все формальности в Министерстве внутренних дел. В марте 1901 г., когда С. Рейнак с супругой побывали в столице Российской империи, А. А. Бобринский принимал их в своем дворце на Галерной улице, организовал осмотр Эрмитажа и встречу с его директором И. А. Всеволожским. Осенью 1902 г. он писал С. Рейнаку о новых археологических находках в Ольвии, Херсонесе, о скифских курганах и приглашал снова посетить Россию. В конце 1913 — начале 1914 г. А. А. Бобринский опять приглашал С. Рейнака приехать в Россию, чтобы тот своими глазами увидел золотой гребень из кургана Солоха, найденный сыном Бобринского³ во время их присутствия на раскопках [Czerny, 2020, р. 129–135].

Отношениям между А. А. Бобринским и С. Рейнаком не помешали и некоторые политические разногласия, которые могли иметь место между ними. Как уже упоминалось выше, С. Рейнак активно участвовал во всевозможных акциях в поддержку российских евреев, мог выступать с критикой и обвинениями в антисемитизме в адрес российских властей, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и даже непосредственно в адрес императора Николая II [Толстая, Ананьич, 2007, с. 87–89].

А. А. Бобринский же, занявшись активной политической деятельностью, оказался в эпицентре правого лагеря. В 1906 г. он возглавил Постоянный совет «Объединенного дворянства» — правомонархической организации достаточно консервативного направления. Конечно, граф А. А. Бобринский не был антисемитом и даже финансово поддерживал еврейское население Смелы, пострадавшее от погромов. По просьбе местной общины он возглавил комитет по сбору пожертвований, и через несколько месяцев удалось собрать крупную сумму — 50 000 руб. Сам А. А. Бобринский и его мать, С. А. Бобринская, внесли по 500 руб. [РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 129]. Сын А. А. Бобринского

³ Об этом см. [Бобринской, 2003, с. 511; Тихонов, 2003б].

впоследствии вспоминал, что в их доме хранилась Тора в серебряном цилиндре, полученная в подарок от еврейской общины Смелы [Бобринской, 2003, с. 496–497; Тихонов, 2003а, с. 99].

На посту председателя совета «Объединенного дворянства» и депутата III Государственной думы А. А. Бобринской выступал за постепенное снятие ограничений для евреев, предлагал смягчить законы о черте оседлости и создавать сеть государственных еврейских школ, облегчавших вхождение евреев в российское общество. Как человек, имеющий базовое юридическое образование, указывал на несуразности российского законодательства, в частности на продолжение дискриминации евреев, отслуживших в армии. Эту категорию еврейского населения Бобринской предлагал всячески «выдвигать, отличать и поощрять», дать им «свободный доступ во все места империи», права приобретения земли и службы [Миндлин, 2002, с. 14–15]. Однако большинство членов «Объединенного дворянства» придерживалось более консервативных взглядов, чем их председатель, и в целом данная политическая сила выступала против отмены ограничений для российских евреев, видя в этом угрозу для русского народа. Соответственно, в глазах общественности подобная тень могла падать и на главу этой политической организации. В реальности же наиболее объективную, на наш взгляд, оценку положения А. А. Бобринского и в «Объединенном дворянстве», и в Думе дал Ю. Б. Соловьев, полагавший, что тот, из-за своих аристократических манер, безупречной вежливости и мягкости характера, не сумел даже сделаться своим среди правой фракции и остался среди них стоять особняком [Соловьев, 1990, с. 76]. Немало записей в дневниках графа свидетельствуют о том, что он явно дистанцировался от таких одиозных фигур правого лагеря, как Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич, А. И. Дубровин. Тем не менее эта общественно-политическая деятельность А. А. Бобринского могла бы также омрачать его отношения с С. Рейнаком. Кроме того, необходимо учитывать, что весьма негативно к А. А. Бобринскому относился граф И. И. Толстой⁴, с которым у С. Рейнака сложились более тесные связи, подтверждаемые активной перепиской и общими взглядами на этнополитические вопросы в России.

Переписка и отношения А. А. Бобринского с С. Рейнаком не выходили за пределы научной деятельности в области археологии. Их объединяли общие научные интересы и любовь к древностям. Сотрудничество оказывалось достаточно плодотворным и полезным для обеих сторон. При помощи С. Рейнака во французском периодическом издании «Revue archéologique», которое тот редактировал вместе с Э. Потье, появилась обзорная статья А. А. Бобринского об археологических открытиях и находках в России за первые три года XX столетия [Bobrinskoy, 1904]. В конце 1904 г. А. А. Бобринской обращался к С. Рейнаку с просьбой проверить французский перевод подготавливаемого Археологической комиссией двуязычного издания, посвященного мечетям

⁴ Об этом см. [Тихонов, 2003а, с. 97, 98, 106].

Самарканда [Czerny, 2020, р. 134]. В 1905 г. этот хорошо иллюстрированный альбом вышел в свет [Мечети... 1905].

После эмиграции из России граф А. А. Бобринский жил до своей кончины 2 сентября 1927 г. во Франции, в Ницце, но научной деятельностью он уже не занимался, много и тяжело болел. Сведений о том, что он продолжал поддерживать контакты с Саломоном Рейнаком в это время, нет.

Приложения

Письма А. А. Бобринского к С. Рейнаку

№ 1

*26 марта / 7 апреля 1885 г.
Санкт-Петербург⁵*

Сударь.

В январе, когда я был в Париже, вы разрешили мне прислать в музей Сен-Жермен голову носорога, найденную в России.

По возвращении в Санкт-Петербург я обнаружил, что она сохранилась хуже, чем мне казалось, когда я предлагал ее музею Сен-Жермен.

Тем не менее, я все же решил послать ее вам, в надежде, что она может быть хоть сколько-нибудь полезна. Несмотря на повреждения, этот череп, возможно, будет производить большее впечатление, чем простой муляж.

Эта голова носорога происходит из Тульской губернии, Богородицкого округа, где ее случайно откопали крестьяне.

Примите, сударь, выражение моего глубочайшего почтения
А. Бобринский (Алексей Александрович)

№ 2

*30/18 июля 1899 г.
Смела, Киевская губерния*

Сударь.

Может быть, мне стоило писать Вам уже после моего возвращения в Санкт-Петербург. Но тогда бы пришлось отложить письмо до октября, а я хотел бы поскорее сообщить Вам об одном интересном античном памятнике. Речь идет о вазе, которая расписана точно так же, как и беотийская, описанная

⁵ Указан адрес: «(Галерная 58)».

господами Потье и Клермоном-Гано⁶, которая в настоящее время находится в Санкт-Петербурге, в Императорской археологической комиссии. В 1898 г., в ходе раскопок в кургане на Кубани, Веселовский нашел осколки маленькой вазы такой же формы и того же типа, что и ваза Потье.

Реконструировав по осколкам этот предмет в Археологической комиссии, мы получили маленький сосуд той же величины, что луврская ваза, с раковинообразным завершением. Ручка полностью отсутствует, как и база, которую мы реконструировали как плоскую, не догадавшись, что в ней должны были быть проделаны маленькие отверстия. Что касается ручки, то она обозначена с боков двумя отверстиями в верхней части вазы. Рисунок, который воспроизводит вазу из Лувра, точно соответствует высоте и строению вазы, найденной на Кубани. Без всякого сомнения, мы обладаем вторым экземпляром этого любопытного предмета. По странному совпадению эти две вазы, с не известной ранее формой, были найдены почти одновременно на таком большом расстоянии друг от друга. Я надеюсь, что вскоре Вы пришлете мне фотографию вазы, о которой идет речь, потому что я не полагаюсь на свою память. Ваза украшена черным рисунком, того же стиля, что и луврская. Верх раковины и база покрыты зубчатым орнаментом, аналогичным вазе Потье. Если я не ошибаюсь, поверхность не разделена на две зоны; на осколках рисунка изображены человеческие фигуры и два петуха. Кажется, эта сцена относится к петушиному бою, однако петухов уже разняли, и они отдыхают.

Я заканчиваю и обещаю в скором времени прислать Вам фотографические снимки.

Примите уверения в совершеннейшем к Вам почтении,

А. Бобринской.

Член-корреспондент Общества антикваров Франции

№ 3

11 августа / 30 июля 1899 г.

Смела, Киевская губерния

Сударь.

При сем прилагаю четыре фотографии маленькой вазы, найденной на Кубани. Высота вазы — 11,8 сантиметров. Снимки далеко не лучшего качества. Все же Вы сможете рассмотреть на них архаические фигуры, изображения петухов и зубчатый орнамент, — аналогичные тем, что на вазе из Лувра.

Примите, милостивый государь, выражение моего глубочайшего уважения.

А. Бобринской.

⁶ Revue archéologique. 1899. № 1, 3.

№ 4

20 февраля / 5 марта 1902 г.
Санкт-Петербург

Милостивый государь.

Я получил Ваше письмо от 1 марта и благодарю за фотографию вазы со свастикой, которую вы мне прислали. Соединение графического изображения птицы и ее стилизованной эмблемы замечательно. Я не смог бы привести столь поразительного примера. Заметьте неизбежный змеевидный орнамент, опоясывающий двумя лентами внутреннюю полость вазы.

Ваш скептицизм по отношению к стилизованным «гнездам» может быть опровергнут многочисленными примерами этого рисунка. В тех случаях, когда нарисована птица, неизбежно изображение гнезда. Если Вы примете <...>⁷ за птицу, то везде найдете пустое гнездо <...>, птицу в гнезде <...> или чаще <...>, затем наседку — *croix cantonnée* <...>, и, наконец, вылупившихся птенцов. В подтверждение всего этого у меня есть целое собрание рисунков с этими фигурами (на вазах, коврах, бронзовых изделиях, китайских предметах).

Изображение птицы рядом с гнездом встречается довольно часто <...>. Вот, например, крышка маленькой китайской корзинки, которая перед нами <...>.

Возьмем другой пример. Очень грубый глиняный черепок (с процарапанным орнаментом в виде роз или трав), найденный на энеолитической стоянке на берегу реки Донец в Харьковской губернии, исследователь которой недавно прислал мне фотографию (пораженный сходством рисунка с моими фигурами, опубликованными в 3 томе книги «Курганы близ Смелы»): <...> Практически натурального размера.

Другой пример. У меня есть кавказский ковер с изображением птицы и змея; змеи с ярко выраженными головками; спираль с четко выраженной головкой. Все эти типы встречаются часто.

Ящерица фон ден Штейнена⁸ кажется мне случайной. Я почти не нашел аналогий, за исключением этрусских урн, — когда только сосуды с белой инкрустацией Рёслера⁹ (Елизаветполь, Южный Кавказ), одно из наиболее важных (на мой взгляд) открытий ваз с примитивным рисунком за последние

⁷ Здесь и далее знаком <...> обозначены рисунки, помещенные прямо в тексте письма.

⁸ Карл фон ден Штейнен (1855–1929) — немецкий врач, этнолог, антрополог, изучал культуру индейцев Бразилии. О его работах по происхождению искусства и орнаментов см. [Déléage, 2015].

⁹ Рёслер Эмиль Александрович — преподаватель реального училища в Шуше (потом преподаватель Тифлисского кадетского корпуса); в 1891–1905 гг. по поручению Императорской археологической комиссии провел многочисленные раскопки в Закавказье, на территории Нагорного Карабаха и Гянджи. О его работах см. [Рёслер, 1904; Императорская... 2019, с. 968–977].

годы — дает нам (в серии рисунков, изображающих людей, млекопитающих, птиц, сопровождающихся свастикой, гнезд, змей) рисунок ящерицы (если это ящерица), аналогичной той, что у фон ден Штейнена; воспроизведенный много раз в больших размерах.

В заключение, вот список трудов, к которым можно обратиться с целью найти доказательства моей доктрины.

Кончаю, в надежде, что этот указатель поможет Вам сказать что-нибудь по поводу моей свастики-птицы.

Прошу Вас простить меня за столь длинное письмо. Вам известны слова одного писателя классика, который извинялся за то, что больше не мог писать из-за отсутствия времени. Я сейчас в самом разгаре карнавала. Как примерный отец, я должен танцевать со старшей дочерью на балах, которые следуют друг за другом и так похожи. Никто не хочет говорить о свастике на этих вечерах и нужно хорошо спать по утрам, когда мы возвращаемся каждый вечер в невообразимом часу!

Очень крепко жму Вашу руку, сударь, и с нетерпением жду, хотя с некоторым недоверием, новых союзников тиары, о которых Вы нам объявите!

Преданный Вам А. Бобринской.

№ 5¹⁰

10 июня 1905 г.
Санкт-Петербург

Господину Саломону Рейнаку,
члену института и директору Музея Сен-Жермен-ан-Лэ.

Сударь.

Императорская Археологическая комиссия дарит Музею Сен-Жермен гальванопластическое воспроизведение серебряной вазы «сасанидского» стиля, найденной в Перми в 1873 г. Оригинал находится в Императорском Эрмитаже. К этой посылке я со своей стороны прилагаю серебряное блюдо из Баку, оригинал которого также находится в Эрмитаже. Надеюсь, что Музей Сен-Жермен благосклонно примет эти предметы.

Примите, сударь, выражение моего глубочайшего уважения,
А. Бобринской.

*Musée d'Archéologie nationale, domaine national de Saint-Germain-en-Laye.
№ 29431. Подлинники, автографы. Перевод с французского.*

¹⁰ На бланке Императорской археологической комиссии на французском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринской А. А. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902. С. 66–75.
- Бобринской А. А. Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927). Сын об отце / подгот. к публ., предисл. и примеч. И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4 / отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2003. С. 479–532.
- Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.
- Выдра З. Воспитание и повседневная жизнь в аристократической семье эпохи Александра II: граф Алексей Александрович Бобринский и его дневник // Александр II и его время. К 200-летию со дня рождения / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2019. С. 115–129.
- Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы : коллективная монография : в 2 т. / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 2. СПб., 2019.
- Ларичев В. Е. Прозрение: Рассказы археолога о первобытном искусстве и религиозных верованиях. М., 1990.
- Мечети Самарканда (= Les mosquées de Samarcande) / изд. Императорской археологической комиссии ; [ил. А. В. Щусева, П. Покрышкина]. СПб., 1905.
- Миндлин А. Б. Проекты Объединенного дворянства России по «еврейскому вопросу» // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 13–26.
- Рейнак С. Орфей: Всеобщая история религий / пер. с седьмого фр. изд. Paris, 1910.
- Рейнак С. Аполлон: История пластических искусств. Лекции, читанные в высшей школе при Лувре / авториз. пер. И. Г. Самсоновой с последнего (шестого) фр. изд. ; под ред. Н. В. Самсонова. М., 1913.
- Рёслер Э. Д. Археологические исследования Э. Д. Рёслера в Елисаветпольской губернии в 1901 году. [Б. м.], 1904.
- Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990.
- Тихонов И. Л. Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог граф А. А. Бобринской // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета : в 3 т. / отв. ред. Н. Я. Олесич. Т. 1. СПб., 2002. С. 72–88.
- Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр. СПб., 2003а. С. 95–117.
- Тихонов И. Л. Раскопки Солохи: рассказ участника (из рукописи А. А. Бобринского) // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр. СПб., 2003б. С. 160–165.
- Толстая Л., Ананьич Б. И. И. Толстой и еврейский вопрос в России // Времена и судьбы : сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 178–193.

- Толстая Л., Ананьич Б. Граф И. И. Толстой и Саломон Рейнак // Архив еврейской истории. Т. 4. М., 2007. С. 84–91.
- Черный Б. Саломон Рейнак (1858–1932) и еврейский вопрос в России // Judaic-Slavic Journal. 2021. № 2 (6). С. 175–199.
- Antiquités de la Russie Méridionale (edition française des Ruskija drebnosti) / par N. Kondakof, le comte J. Tolstoi et S. Reinach. Paris, 1891.
- Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854): réédités avec un commentaire nouveau et un index général des comptes rendus par Salomon Reinach. Paris, 1892.
- Bobrinsky A. Notes d'archéologie Russe (1900–1903) // Revue archéologique. 1904. Sér. 4. T. 3. P. 1–18.
- Czerny B. Salomon Reinach. Correspondance, 1888–1932. Un Polygraphe sous le signe d'Amalthée. Paris, 2020.
- Déléage P. The origin of art according to Karl von den Steinen // Journal of Art Historiography, Birmingham. 2015. № 12, June. P. 1–33.
- Pottier E. Nouvelles Acquisitions du Louvre (1897). Département de la céramique antique // Revue archéologique. 1899. T. 34, janvier — juin. P. 1–14.

С. В. Кузьминых

Москва

**«Я очарована Средней Азией»:
письмо Е. Г. Пчелиной Э. Х. Миннзу
(по следам раскопок Кара-тепе в 1937 г.)***

Публикуется единственное письмо Е. Г. Пчелиной, выявленное в эпистолярном фонде выдающегося британского историка античности и слависта Э. Х. Миннза в рукописном отделе библиотеки Кембриджского университета [CUL DM&UA. GBR/0012/MS Add. 7722]. Письмо отправлено после весеннего сезона раскопок 1937 г. древнебуддийского монастыря в Кара-тепе (Старый Термез). Пчелина пишет о том, что возобновит раскопки на памятнике в начале осени, кратко информирует о результатах весенних работ, сообщает об отправке Э. Х. Миннзу нескольких оттисков среднеазиатских археологических изданий. Любопытно, что она делится с британским коллегой деталями языковой политики в СССР того времени, когда многие неславянские народы перешли в 1920–30-е гг. на латинскую графику письма, кроме Армении и Грузии.

Ключевые слова: Е. Г. Пчелина, Э. Х. Миннз, археология Средней Азии, Термез, Кара-тепе, международные научные связи.

S. V. Kuzminykh

Moscow

**«I am enchanted by Central Asia»:
Letter from E. G. Pchelina to E. H. Minns
(Following the Excavations of Kara-tepe in 1937)**

The article publishes the only letter of E. G. Pchelina, identified in the epistolary collection of E. H. Minns, an outstanding British historian of antiquity and slavist, in the Manuscript Department of the Cambridge University Library

* Автор признателен за помощь при работе над статьей И. А. Шутелевой и Н. Б. Щербакову (Уфа), Т. Салминену (Хельсинки). Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 25-18-00790 «Отечественная археология в системе международных научных коммуникаций между двумя мировыми войнами» в Институте археологии РАН.

[CUL DM&UA. GBR/0012/MS Add. 7722]. The letter was sent after the spring season of excavations in 1937 at the ancient Buddhist monastery in Kara-tepe (Old Termez). Pchelina informs that she will resume excavations at the site in the early autumn, briefly describes the results of the spring work, and reports on sending E. H. Minns several prints of Central Asian archaeological publications. It is curious that she shares with her British colleague some details of the language policy in the USSR of that time, when many non-Slavic peoples switched to the Latin script, except for Armenia and Georgia.

Keywords: E. G. Pchelina, E. H. Minns, archaeology of Central Asia, Termez, Kara-tepe, international scientific relations.

Единственное письмо Евгении Георгиевны Пчелиной, выявленное в эпистолярном фонде выдающегося британского историка античности и слависта Эллиса Ховелла Миннза в рукописном отделе библиотеки Кембриджского университета [CUL DM&UA. GBR/0012/MS Add 7722], является большой удачей, добавляющей некоторые штрихи к опубликованным¹ и архивным материалам² о раскопках Е. Г. Пчелиной трех пещерных храмов буддийского монастыря I–V вв. н. э. у основания холма Кара-тепе близ Старого Термеза (рис. 1).

Памятник, далекий от ключевого кавказоведческого цикла исследований Е. Г. Пчелиной, стал тем не менее важной вехой в научной биографии исследовательницы: именно по материалам раннебуддийского монастыря Кара-тепе ею позже была защищена кандидатская диссертация [Пчелина, 1946; Блажко, Застрожнова, 2019, с. 20, 21]. Не менее любопытен второй аспект, вытекающий из этого письма, а именно: интерес к буддийским памятникам Средней Азии, проявленный британским ученым, основные научные интересы которого лежали все же в области античной, скифской и славянской истории и археологии.

Об интересе Э. Х. Миннза к Востоку есть немало строк в его письмах М. И. Ростовцеву [Бонгард-Левин, 1997, с. 319, 321; Бонгард-Левин, Бухарин, Тункина, 2003, с. 508–510], но в них не обсуждались ни личность Е. Г. Пчелиной, ни ее исследования в Грузии, Южной и Северной Осетии. Переписка Ивана Егоровича (так величали британского ученого его коллеги в России и СССР) с М. И. Ростовцевым, А. А. Захаровым, писавшим Э. Х. Миннзу в 1936 г. из ссылки в Алма-Ате [ОПИ ГИМ. Ф. 453. Д. 8; CUL DM&UA. GBR/0012/MS Add. 7722], М. Е. Массоном — начальником Термезской археологической комплексной экспедиции 1936–1937 гг. [Массон, 1938; 1940] и другими российскими археологами и востоковедами не позволяет достаточно надежно наметить линию коммуникаций Э. Х. Миннза и Е. Г. Пчелиной в 1930-е гг.

¹ См. подробнее [Пчелина, 1946; 1964; Pchelina, Stavisky, 1963].

² См. подробнее об этих материалах в статье М. Ю. Вахтиной [Вахтина, 2019].

исполн. 4/VI. 37. ПЧЕЛИНА (Э. Г.)
 Автор и
 Писатель
 Губернатору Василию Павлу Егоровичу.

Многие из вернувшихся в
 Ташкент и его окрестности в
 Ташкенте Вам известны среднеазиатских
 фотостудии. Я очарована Средней
 Азией. Рассказки или вернее рассказы
 археологические перед началом больших
 раскопок закончились у меня удачно.
 Мой участок «Кара-Тей» дал мне воз-
 можность найти на территории нашего Сою-
 зного близкий к Афганскому Бальмару
 А наши остатки полихромный фрески на
 второй день раскопки. Наше предприятие
 большие работы. Монеты на полу и на стенах
 конца I в. начала II века нашей эры. Найден
 две бузовых статуэтки 4-5 вв, знак культуры
 и т. д. работы в Ташкенте возобновились с середины
 сентября. Ташкенте Вам известны оттаков
 среднеазиатских археологических изданий.
 У нас все народы восточные нашего Сою-
 зного античный шрифт, только у рус-
 ских русский, у грузин - грузинский и
 армян - армянский шрифты так как
 они имеют глубокие культурные корни.
 Ташкенте Вам всем нашим. Уважатель
 Вас Е. Г. Пчелина.

Рис. 1. Письмо Е. Г. Пчелиной к Э. Х. Миннзу.
 4 июня 1937 г. Автограф.
 © CUL DM&UA. GBR/0012/
 MS Add. 7722. P. 3-3v.

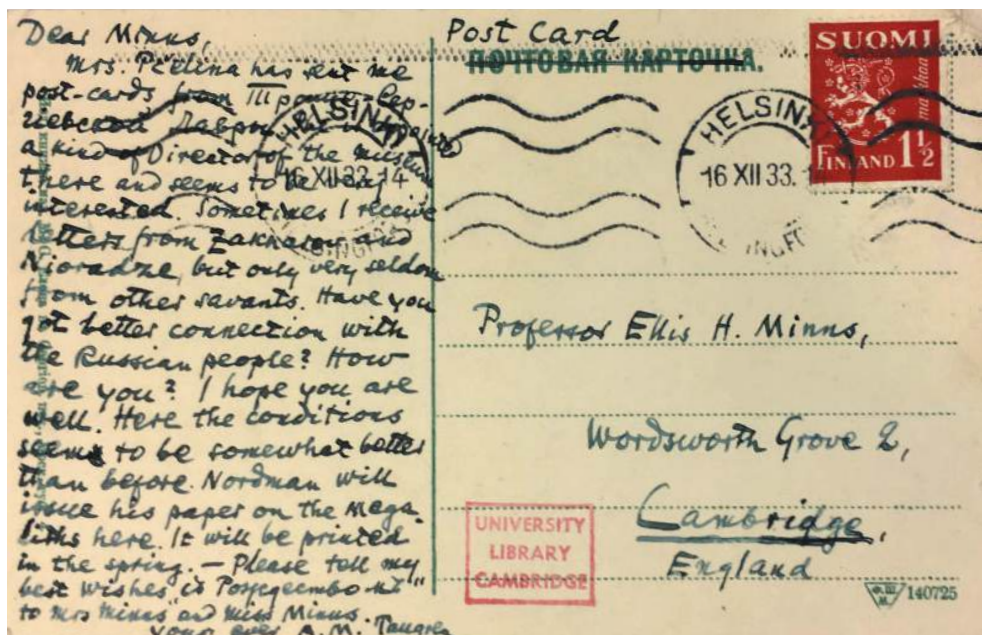

Рис. 2. Письмо А. М. Тальгрена к Э. Х. Миннзу.
 Открытка с видами храмовых построек Гефсиманского скита,
 ранее присланная Е. Г. Пчелиной финскому археологу. [16 декабря] 1933 г.
 Автограф. © CUL DM&UA. GBR/0012/MS Add. 9436

Безусловно, британский ученый был в курсе исследований Евгении Георгиевны на Кавказе; вероятно, в немалой степени благодаря информации, полученной от А. М. Тальгрена и А. А. Захарова.

В предрождественской открытке 1933 г. (рис. 2) финский археолог, возможно, отвечая на вопрос Э. Х. Миннза, сообщает, что Е. Г. Пчелина служит в Троице-Сергиевой лавре (в то время Загорский антирелигиозный музей) [CUL DM&UA. GBR/0012/MS Add. 7722]³. О работе ученым секретарем и заместителем директора этого музея Евгения Георгиевна написала Михаилу Марковичу (так обычно обращались к финскому археологу его русские коллеги) двумя месяцами ранее из Загорска (22.10.1933 г.) [РАТ, папка «Tallgren 7. Kaukasia 3. Kazbek»]. Именно в этом письме впервые в переписке Е. Г. Пчелиной и А. М. Тальгрена возникает тема Рекома, которая будет доминировать в ее письмах 1934–1935 гг. [Кузьминых, 2026].

О раскопках в Кара-тепе в 1937 г. Э. Х. Миннз мог узнать от кого-то из европейских коллег, интересовавшихся археологией Востока, или из советской научной периодики, выдержки из которой появлялись в газетах и журналах Великобритании. В любом случае инициатива исходила от английского ученого. Имеющееся в нашем распоряжении письмо — июньский отклик Евгении Георгиевны (04.06.1937 г.) по завершении весеннего сезона раскопок в Кара-тепе и возвращении в Москву.

Годом ранее Е. Г. Пчелина являлась начальником комплексных работ в святилище Реком, где были произведены археологические раскопки на территории памятника и его реставрация под руководством архитектора И. П. Щеплыкина [Блажко, Застрожнова, 2019, с. 18, 19; Дарчиев, Бондарь, Газданова, 2019, с. 99; Газданова, 2019; Пчелина, 2025]. Как явствует из письма Э. Х. Миннзу, Евгения Георгиевна планировала продолжить работы в Северной Осетии вскоре после возвращения из Средней Азии, но в итоге ни поездка на Кавказ, ни осенние раскопки на Кара-тепе не состоялись.

Разведочные весенние раскопки в апреле — начале июня 1937 г. Е. Г. Пчелина вела в Старом Термезе вместе с Т. Я. Суровым в составе Термезской археологической комплексной экспедиции под руководством М. Е. Массона [Массон, 1938; 1940].

³ А. М. Тальгрэн — Э. Х. Миннзу, 16.12.1933 г.: «Миссис Пчелина прислала мне открытки из *Троице-Сергиевской Лавры*. Она назначена своего рода директором местного музея и, похоже, весьма этим увлечена. Иногда я получаю письма от Захарова и Ниорадзе и крайне редко от других ученых мужей. Удалось ли Вам сохранить переписку с русскими людьми? Как Ваши дела? Я надеюсь, что с Вами все в порядке. Кажется, что положение здесь стало несколько лучше, чем раньше. Нордман планирует выпустить здесь свою статью о мегалитах [Nordman, 1935]. Она будет напечатана этой весной. — Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания “с Рождеством” миссис Миннз и мисс Миннз. Всегда Ваш А. М. Тальгрэн». Перевод Н. Б. Щербакова и И. А. Шутелевой; курсивом — по-русски в английском тексте. Финский археолог не случайно выбрал для Э. Х. Миннза открытку, присланную Е. Г. Пчелиной, с фотографиями видов и построек Гефсиманского монастыря, памятуя о неравнодушии британского ученого к русской церковной старине.

Под ее началом оказались открыты и исследованы три пещерных храма с прилегающими помещениями в комплексе буддийского монастыря первых веков нашей эры на холме Кара-тепе. Результаты исследований были обобщены в рукописи диссертации, подготовленной в тяжелейшие дни эвакуации в Свердловске и защищенной после войны на историческом факультете Московского университета [Пчелина, 1946; Блажко, Застрожнава, 2019, с. 20, 21]; позднее материалы раскопок были частично опубликованы [Пчелина, 1964; Ptchelina, Stavisky, 1963]. Предыстория и исследования буддийского монастыря I–V вв. у основания холма Кара-тепе и сохранившиеся документы в личном фонде Е. Г. Пчелиной подробно раскрыты и проанализированы в статье М. Ю. Вахтиной [Вахтина, 2019].

Дальнейшего продолжения переписка Э. Х. Миннза и Е. Г. Пчелиной не получила. Личные и научные обстоятельства Евгении Георгиевны были в предвоенные годы крайне сложными, переписка с границей в волну репрессий 1937–1938 гг. оставалась небезопасной (в 1935 г. она прервала диалог с А. М. Тальгреном), да и сама проблематика буддизма в Средней Азии не являлась для обоих ученых ключевой в их исследованиях.

Публикуемое письмо Е. Г. Пчелиной тем не менее передает ее первые впечатления о Кара-тепе как раннебуддийском пещерном храмовом комплексе. В нем впервые отмечено его сходство с монастырями Афганистана (Бамиан) и указаны наиболее яркие материалы памятника (остатки полихромной фрески, монеты, бирюзовые статуэтки Будды, знаки Шабургана⁴), т. е. все то, что найдет отражение в последующих публикациях Кара-тепе — уникального памятника кушанской археологии, культуры и искусства [Пчелина, 1946; 1964; Ptchelina, Stavisky, 1963; Ставиский, 1964].

Письмо Е. Г. Пчелиной к Э. Х. Миннзу

4 июня 1937 г.

Москва

Глубокоуважаемый Илья Егорович.

Только что вернулась с раскопок в Термезе⁵ и еду дня через четыре в Осетию⁶. Посылаю Вам два среднеазиатских фотоснимка. Я очарована Средней

⁴ См. об этом подробнее в комментариях к письму.

⁵ См. о раскопках в Термезе в 1937 г. [Массон, 1938; 1940; Пчелина, 1946; 1964; Ptchelina, Stavisky, 1963; Вахтина, 2019].

⁶ Несмотря на множество подготовительных материалов, имеющих в архиве (заметок, подборок аналогий найденным археологическим предметам, типологических таблиц), Е. Г. Пчелина так и не опубликовала в полном виде результаты проведенных археологических раскопок. Вероятно, несостоявшееся продолжение раскопок в 1937 г., множество других, параллельных разведочных работ в разных районах Осетии, а также обстоятельства личной жизни не позволили Евгении Георгиевне завершить начатое вовремя [Газданова, 2019, с. 110].

Азией⁷. Раскопка, или, вернее, археологическая разведка перед началом больших раскопок, закончились у меня удачно. Мой участок Кара-Тепе дал мне возможность найти на территории нашего Союза памятник, близкий афганскому Бамиану⁸. Я нашла остатки полихромной фрески на второй день разведки⁹. Там предстоят очень большие работы. Монеты на полу мне попались конца I и начала II века нашей эры¹⁰. Найдены две бирюзовых статуэтки Будды¹¹, знаки Шабургана¹² и т. д. Работу в Термезе возобновлю с середины сентября¹³.

Посылаю Вам несколько оттисков среднеазиатских археологических изданий. У нас все народы Востока нашего Союза приняли латинский шрифт, только у русских — русский, у грузин — грузинский и армян — армянский шрифты, так как они имеют глубокие культурные корни.

Пожелаю Вам всего наилучшего.

Уважающая Вас Евг. Пчелина.

CUL DM&UA. GBR/0012/MS Add. 7722. P. 3–3 v.

⁷ См. подробнее в дневниковых среднеазиатских записях Е. Г. Пчелиной 1937 г. [Вахтина, 2019, с. 209–211].

⁸ Это наблюдение Е. Г. Пчелина сделала на основании аналогий каменных карнизов стен и капителей колонн с изображенными на них листьями аканфа в раннебуддийских храмах Афганистана — в Бамиане и Балхе [Пчелина, 1964, с. 98].

⁹ См. [Пчелина, 1964, с. 88, 98].

¹⁰ Е. Г. Пчелина сообщает о пяти монетных находках: медная монета сасанидского царя Шапура II (309–379), две бронзовые монеты царя Канишки (78–123) и еще две бронзовые монеты кушанского времени без прочтения имени царя [Пчелина, 1964, с. 88, 96, 97].

¹¹ См. [Пчелина, 1964, с. 90, 96, рис. 406].

¹² См. [Пчелина, 1964, с. 96]. Шабурган (Шеберган, Шебиргхан, Шибарган) — столица провинции Джоузджан на севере Афганистана. Шеберган предложен в качестве места древнего Сидуна, одного из пяти сихоу, или подразделений, ранней Кушанской империи [Hill, 2009, p. 29, 332–341].

¹³ Работы на Кара-тепе производились с 26 апреля по 8 июня 1937 г. [Пчелина, 1964, с. 85]. К 8 июня экспедиция завершила исследования, а 9 июня ее участники «купили билет без плацкарта до Ташкента, чтобы попытаться сесть на поезд Ташкент — Москва» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 17 об.]. Исследования Кара-тепе удалось продолжить лишь через два с половиной десятилетия. В 1961–1962 гг. на памятнике провела раскопки совместная экспедиция Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Ленинград) и Музея искусства народов Востока (Москва) под руководством Б. Я. Ставиского, организованная при поддержке Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР [Ставиский, 1964, с. 7, 8], позже продолжившая систематические раскопки в 1965–1986 гг. [Ставиский, 1989, с. 70]. Е. Г. Пчелина живо интересовалась этими работами, включала основные их результаты в свои исследования [Вахтина, 2019, с. 212].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блажко А. В., Застрожнова Е. Г. Путь ученого: биография Е. Г. Пчелиной // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной : сб. статей по материалам научных чтений (17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 16). С. 3–35.
- Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: от Скифии до Китая и Японии // Скифский роман / под общ. ред. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 305–328.
- Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Тункина И. В. Скифский мир М. И. Ростовцева и Э. Х. Миннза // Парфянский выстрел / под общ. ред. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко. М., 2003. С. 477–544.
- Вахтина М. Ю. Материалы об исследованиях буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе в личном фонде Е. Г. Пчелиной // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной : сб. статей по материалам научных чтений (17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 16). С. 207–216.
- Газданова А. В. Изучение святилища Реком Е. Г. Пчелиной // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной : сб. статей по материалам научных чтений (17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 16). С. 103–113.
- Дарчиев А. В., Бондарь Л. Д., Газданова А. В. Святилище Реком в Цейском ущелье: рукописное наследие Е. Г. Пчелиной // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной : сб. статей по материалам научных чтений (17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 16). С. 95–102.
- Кузьминых С. В. «С каждым годом я с большей и большей грустью уезжаю из гор...»: Е. Г. Пчелина в диалоге с А. М. Тальгреном (1928–1935 гг.). [2026]. В печати.
- Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936–1937 гг. // СОНАТ. 1938. № 7. С. 78–89.
- Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 113–116.
- Пчелина Е. Г. Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе в Термезе : автореф. дис. ... канд. ист. наук // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 4. М., 1946. С. 52–56.
- Пчелина Е. Г. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе // Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский. Кара-Тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961–1961 гг. и индийские надписи на керамике. М., 1964. С. 82–99.
- Пчелина Е. Г. Святилище Реком в Цейском ущелье : в 2 ч. / ред.-сост. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина ; публ. докум.: Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожнова, А. А. Цуциев ; [авт. статей: З. Х. Албегова (Царикаева),

А. В. Блажко, Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова, А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожнова, В. В. Онощенко, А. Ю. Скаков, И. В. Тункина]. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2025. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 15).

Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961–1962 гг. // Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский. Кара-Тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961–1961 гг. и индийские надписи на керамике. М., 1964. С. 7–61.

Ставиский Б. Я. К предыстории археологического изучения Каратепа в Старом Термезе (работы 1936 г.) // Краеведение Сурхандарьи : сб. статей. Ташкент, 1989. С. 70–76.

Hill J. E. Through the Jade Gate to Rome: A Study of the Silk Routes during the Later Han Dynasty, 1st to 2nd Centuries CE. Charleston, 2009.

Nordman C. A. The Megalithic Culture of Northern Europe. Helsinki, 1935.

Ptchelina E. G., Stavisky B. J. Kara-tepe — remains of a Buddhist monastery of the Kushan period in Old Termez (Preliminary communication on excavations of 1937 and 1961) // Indo-Asian studies. Part 1. New Delhi, 1963. (Shata Pitaka Series, Indo-Asian Literatures ; vol. 31). P. 193–202.

Ю. А. Виноградов
Санкт-Петербург

Археология в судьбе Веры Федоровны Штейн*

Вера Федоровна Штейн (1881–1971) — известный советский скульптор, но ее увлекала и археология. В Петроградском университете она слушала лекции Б. В. Фармаковского, затем ее учителем стал С. А. Жебелёв. Вера Федоровна даже создала его скульптурный портрет. В 1929 г. она была арестована и осуждена на три года по делу религиозно-философского кружка «Воскресенье». Несмотря на это, она сохранила любовь к археологии до конца жизни.

Ключевые слова: В. Ф. Штейн, О. В. Яфа, Ольвия, С. А. Жебелёв, финикийский браслет, кружок «Воскресенье», сибирские пряжки.

Yu. A. Vinogradov
St. Petersburg

Archaeology in the Fate of Vera F. Stein

Vera F. Stein (1881–1971), a famous Soviet sculptor, was also fond of archaeology. At Petrograd University, she attended lectures by B. V. Farmakovsky, then S. A. Zhebelev became her teacher. Vera F. Stein even created a sculptural portrait of him. In 1929 she was arrested and sentenced to three years in the case of the “Voskresenie [Resurrection]” Religious and Philosophical Circle. Despite this, she retained her love for archaeology until the end of her life.

Keywords: V. F. Stein, O. V. Yafa, Olbia, S. A. Zhebelev, Phoenician bracelet, “Voskresenie [Resurrection]” Circle, Siberian buckles.

* Работа проведена в рамках выполнения ФНИ ГАН «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественно-научным данным» (FMZF-2025-0010).

С археологической наукой связаны многие люди. В данном случае я, естественно, не говорю о профессиональных археологах, число которых сравнительно невелико. Речь о других. Большинство из них, пройдя в молодые годы через одну-две экспедиции, выбирают иную жизненную стезю и о юношеских увлечениях вспоминают лишь изредка. Для прочих, а их тоже немало, поездки на раскопки становятся настоящей жизненной потребностью, они с нетерпением ждут лета, с увлечением погружаются в изучение древних культур, зачастую становятся хорошими полевиками, способными понять и раскопать любой, даже очень сложный археологический памятник. Совсем немногие, в сердца которых любовь к древностям вошла особенно глубоко, почти профессионально занимаются изучением памятников былых культур. Среди таких людей надо назвать Веру Федоровну Штейн (1881–1971), известного советского скульптора, женщину непростой, отчасти трагичной судьбы (рис. 1).

Рис. 1. В. Ф. Штейн. Портрет.
Фото из открытых
источников

Значительную часть жизни В. Ф. Штейн провела в Новосибирске, где и окончила свои дни. Там Вера Федоровна составила автобиографию (к сожалению, очень краткую), датированную 15 июля 1957 г. [ГАНО. Ф. Р-1742. Оп. 3. Д. 29. Л. 6–7]¹. Публикаций, рассказывающих о В. Ф. Штейн, очень немного. Наиболее крупная из них — очерк В. М. Пивкина, опубликованный в книге «Знаменитые женщины Новосибирска» [Пивкин, 2002, с. 111–138], но о деятельности В. Ф. Штейн в археологической сфере в нем почти ничего не сказано.

Некоторые детали жизни В. Ф. Штейн можно уяснить из тетрадей мемуаров «Жили-были», принадлежащих Ольге Викторовне Яфе (Синакевич) и хранящихся сейчас в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [ОР РНБ. Ф. 163. Д. 352–355]. Ольга Викторовна была осуждена в 1929 г. по одному с Верой Федоровной делу религиозно-философского кружка «Воскресенье». Вместе они отбывали срок на Соловках, а потом были высланы в г. Кадников (Вологодская область), но об этом подробнее будет сказано ниже.

В. Ф. Штейн родилась в Санкт-Петербурге 25 апреля / 5 мая 1881 г. в музыкальной семье. Выдающимся пианистом, виртуозом-импровизатором был ее отец Ф. Ф. Штейн, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

¹ Выражаю благодарность Ольге Владимировне Кибис, внучатой племяннице В. Ф. Штейн, приславшей мне этот документ и оказавшей неоценимую помощь при написании статьи.

Пианистом и прекрасным педагогом стал ее старший брат — Алексей Федорович. Казалось, что и девочка пойдет по этой стезе, но она рано проявила интерес к изобразительному искусству, начала рисовать и лепить. По этому поводу она вспоминала: «Я была девочкой одаренной, с особенной тягой к скульптуре и на даче все время лепила что-нибудь» [ОР РНБ. Ф. 163. Д. 355. Л. 83 об.]. Не удивительно, что Вера Федоровна поступила в Академию художеств, а в 1907 г., перебравшись в Париж, «продолжала занятия живописью и скульптурой в частной Академии Коларосси и в мастерской скульптора Теодора Ривьера» [ГАНО. Ф. Р-1742. Оп. 3. Д. 29. Л. 6].

В Россию В. Ф. Штейн вернулась в 1909 г. В автобиографии относительно своей дальнейшей деятельности она отметила, что тогда занималась частными уроками и частными заказами [ГАНО. Ф. Р-1742. Оп. 3. Д. 29. Л. 6 об.]. Имеющиеся документы позволяют считать, что после возвращения из Парижа она стала популярной и успешной художницей, исполняющей скульптурные портреты для петербургской аристократии.

К революционным преобразованиям в стране Вера Федоровна относилась весьма негативно, что с полной очевидностью ясно из ее эпистолярного дневника «Письма к Люличке»² [Штейн, 2011]. В автобиографии она сообщает, что после революции, когда заказов на скульптурные портреты, по понятным причинам, не было, она работала конторщицей в Красносельской строительной компании [ГАНО. Ф. Р-1742. Оп. 3. Д. 29. Л. 6 об.]. Этот документ позволяет также считать, что, поступив в Петроградский университет в 1919 г., В. Ф. Штейн трудилась уполномоченной по охране памятников старины. В «Письмах к Люличке» говорится, что с этой целью ей пришлось ездить под Лугу, осматривать там оставшиеся имения — «везде запустение и разгром», «все воруют у всех» [Штейн, 2011, с. 101–102].

В 1921 г., продолжая обучение в Петроградском университете, В. Ф. Штейн перерегистрировалась на Музейный цикл, где преподавали увлекавшую ее историю искусства. По признанию Веры Федоровны, она посещала только лекции Б. В. Фармаковского, которые были очень интересными; к тому же обучение в университете имело еще один несомненный положительный момент — студентам выдавали по фунту хлеба в день [Штейн, 2011, с. 108].

Вот тогда под мудрым руководством Б. В. Фармаковского в жизнь В. Ф. Штейн вошла археология, и нет сомнения, что этот предмет ее понастоящему захватил. Обучение в университете было окончено в 1923 г., и в 1924 г. Вера Федоровна, как сказано в автобиографии, поступила на работу в РАИМК на должность научного регистратора [ГАНО. Ф. Р-1742. Оп. 3. Д. 29. Л. 6 об.]. Скорее всего, все так и было, но в «Личном деле» В. Ф. Штейн,

² Люличка — Евгений Федорович Штейн (1869–1961), старший брат Веры Федоровны. Он окончил факультет восточных языков Петербургского университета, работал в Китае и Корее, затем был посланником в Буэнос-Айресе (Аргентина), скончался в 1961 г. в США [Флиге, 2011, с. 32].

хранящемся в Научном архиве ИИМК РАН, имеется всего один документ — справка о направлении на раскопки в Ольвии с 15 августа по 15 сентября 1928 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 736; Виноградов, 2018, с. 403].

Незадолго до этого из жизни ушел Б. В. Фармаковский, но, по всей видимости, еще ранее наставником начинающей исследовательницы стал С. А. Жебелёв. Под его руководством она подготовила публикацию о бронзовом браслете, обнаруженном в 1908 г. при случайных обстоятельствах на территории Березанского некрополя [Штейн, 1927, с. 449] (рис. 2). В 20-х гг. прошлого века браслет находился в фондах ГАИМК, но сейчас место его хранения неизвестно, и очень может быть, что этот предмет вообще утерян³.

Рис. 2. Браслет с о. Березань [Штейн, 1927]

Пластинчатый бронзовый браслет, сохранившийся почти наполовину, является уникальной находкой не только для Березани, но и, как представляется, для всего Северного Причерноморья. Его украшают гравированные изображения, исполненные как в древнегреческой, так и египетской традициях, что было характерно для финикийско-кипрских художественных изделий. В. Ф. Штейн признала браслет изделием финикийских мастеров и датировала его не ранее чем серединой VI в. до н. э. [Штейн, 1927,

³ Благодарю за консультации сотрудников Государственного Эрмитажа С. Л. Соловьева и Д. Е. Чистова, в разное время руководивших раскопками на Березани.

с. 457–458]. С этим заключением вполне можно согласиться: искусство Финикии действительно всегда отличалось эклектизмом [см.: Афанасьева и др., 1976, с. 105–110; Poulsen, 1912, S. 6–37; Lloyd, 1961, p. 212–213, ill. 171–172; Amiet et al., 1981, p. 143]. Охваченная радостью от первой научной публикации, В. Ф. Штейн послала С. А. Жебелёву посвященное ему стихотворение [СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 3. Д. 96. Л. 1–3]:

Вам с благодарностью глубокой
Свой первый труд хочу отдать —
Браслет с далекого Востока,
Впервые вышедший в печать.
Вы поощрением искусства
Меня сумели ободрить,
И Вас хочу с глубоким чувством
За все, за все благодарить!
За мудрость Ваших указаний,
За то, что ныне вышел в свет
Попавший к нам из Березани
Старинный бронзовый браслет.
Когда, как тяжкие вериги,
Сомнений гнет меня сгибал,
Вы мне указывали книги,
Ваш Поульсен⁴ меня спасал!

Наветы черные, как сажа,
Что камнем на сердце легли,
И злые козни Эрмитажа
Вы одолеть мне помогли.
С тяжелым чувством я входила
Тогда в Ваш строгий кабинет,
Но что прошло, то стало мило,
И стал мне памятен браслет.
С тех пор в науке и в скульптуре
Так много дать Вы мне смогли.
И даже в скромной корректуре
Мне так охотно помогли,
Что Вашим опытом богата,
И, чуя почву под собой,
Писать смогу я Митридата
Уже уверенной рукой.

⁴ Имеется в виду книга [Poulsen, 1912].

Хочу сказать Вам без сомненья:
Пройдет, быть может, много лет,
Но с теплым чувством умиления
Я вспомню бронзовый браслет.
И в море критики коварной,
Пуская плыть свою ладью,
Приносит автор благодарный
Вам эту первую статью.

Стихотворение написано очень искренно и, на мой взгляд, очень талантливо. В нем обрисованы не только доверительные отношения, сложившиеся между учителем и ученицей, но и отмечены «злые козни Эрмитажа», явно ставшие следствием долгой неприязни между С. А. Жебелёвым и некоторыми эрмитажными антиковедами. Стоит обратить внимание также, что в заключение стихотворения В. Ф. Штейн заявила, что сумеет писать Митридата. Что тут имелось в виду, с полной определенностью сказать трудно, но, по всей видимости, она совсем не мечтала подготовить исторический труд о судьбе владыки Понта (132–63 гг. до н. э.), его непримиримой борьбе против Рима и трагической гибели в Пантикапее. Скорее всего, начинающая исследовательница хотела изучить иконографию Митридата и на этой основе воссоздать его художественный образ, возможно, скульптурный, однако этого ей сделать не удалось.

Приведенное стихотворное послание позволяет понять, насколько теплые отношения у В. Ф. Штейн сложились с учителем. В известной степени это подтверждается и письмами С. А. Жебелёва, в одном из которых, направленном М. И. Максимовой, он вспоминал, что в июле 1928 г. во дворе Мраморного дворца, где тогда размещалась ГАИМК, состоялась игра в крокет, при этом его команде противостояла другая, участницей которой была Вера Федоровна. Команда академика выиграла, и он радовался этой победе почти как мальчишка [Максимова, 1969, с. 88]. По сообщению М. И. Максимовой, В. Ф. Штейн была автором статуэтки, изображающей С. А. Жебелёва сидящим в кресле [СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 211 об.]. Почти нет сомнения, что именно эта статуэтка находится сейчас в Отделе истории античной культуры ИИМК РАН (рис. 3) [Виноградов, 2018, с. 402, 404]. Не удивительно, что впоследствии между Сергеем Александровичем и Верой Федоровной завязалась переписка, продолжавшаяся многие годы. Сохранились три письма С. А. Жебелёва к В. Ф. Штейн, относящиеся к 1941 г. [СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 211 об. – 216], в т. ч. его последнее послание из блокированного Ленинграда, датированное 13 октября 1941 г. [Виноградов, 2018].

Нет ни малейшего сомнения, что Вера Федоровна полюбила мир археологии и сохранила эту любовь до конца своих дней. Она вспоминала его и в бытность ссылки в Кадникове. В этом отношении стоит привести отрывок из ее письма к О. В. Яфе, посланного 14 февраля 1930 г. [ОР РНБ. Ф. 163. Д. 355. Л. 69]:

Рис. 3. Скульптурный портрет С. А. Жебелёва
в Отделе истории античной культуры ИИМК РАН.
Автор [В. Ф. Штейн]. © Фото Ю. А. Виноградова

«Мы должны с Вами объединиться **обязательно**⁵ для **археологического** макета на пр[имере] скинии, кот[орая] великолепно описана, и там столько золота и пышности, а “херувимы”, хотя в примечании сказано, что неизвестно их изображение, но я знаю, были крылатые быки. <...> Вы увидите, как завлекательно делать археологический макет. Нас сразу освободят!!! Подумайте о проекте».

Нетрудно понять, что Вера Федоровна тогда читала Библию, и в Книге Исхода ее очень впечатлило описание скинии, в которой хранился ковчег Откровения (Исх. 25–31; 35–40). Здесь, однако, важно отметить не только христианскую веру этой женщины, но и то, что археология в ее сознании ассоциировалась со свободой. Совсем не случайно, на мой взгляд, у нее вырвалось восклицание: «Вы увидите, как завлекательно делать археологический макет. Нас сразу освободят!!!»

8 марта 1929 г. В. Ф. Штейн была арестована органами ОГПУ по делу религиозно-философского кружка А. А. Мейера «Воскресенье» [см. о нем: Флиге, Даниэль, 2006; Флиге, 2011, с. 83; Кнорре (Константинова), 2019]. Это дело

⁵ Здесь и далее подчеркивания в документе выделены полужирным шрифтом.

признается вехой в истории становления репрессивной политики советской власти, направленной на искоренение независимой гуманитарной и религиозной мысли в стране [Флиге, Даниэль, 2006, с. 157]. Во главе кружка стоял бывший проповедник А. А. Мейер, стремившийся на религиозной почве создать идеальную общину.

Можно с уверенностью считать, что политикой в прямом смысле этого слова участники общества не занимались, но к большевикам и советской власти никаких симпатий не испытывали, на собраниях рассуждали о еврейском засилье, грядущей победе над Антихристом и т. п. В. Ф. Штейн заявила, что вышла из кружка еще в 1928 г., поскольку «ее пугали конспиративные условия его собраний и отталкивал обряд взаимного целования при встречах» [Флиге, Даниэль, 2006, с. 187]. Несмотря на это, она вместе с 42 осужденными была приговорена к трем годам концлагеря [Флиге, Даниэль, 2006, с. 191].

В заключение на Соловки В. Ф. Штейн была направлена вместе с О. В. Яфой. Две женщины вместе прошли выпавшие на их долю испытания и стали очень близкими подругами. Всего срока заключения на Соловках они не провели и в январе 1931 г. были направлены в ссылку в г. Кадников.

По непонятным причинам В. Ф. Штейн осталась в Кадникове намного дольше, чем О. В. Яфа; правда, и та вышла на свободу через целых семь месяцев (!) после окончания срока наказания. Вера Федоровна тяжело переживала обрушившиеся на нее испытания и писала подруге 21 сентября 1932 г.: «Новостей никаких, и это и ужасно, что даже слухов нет, и безнадежная тишина. У меня впечатлительность до того обострилась, что я болею всякой грубостью, и каждый день для меня пытка. Чувствую себя одна среди людей другой породы, и лучше голод в Лен[инграде], чем один лишний день здесь» [РО РНБ. Ф. 163. Д. 355. Л. 71]. Ольга Викторовна пыталась всячески поддержать измученную подругу, ее письма в Кадников наполнены рассказами о ленинградской жизни, походах в театры, встречах с друзьями и т. д. В одном из них она поведала, казалось бы, о событии вполне обыкновенном — обследовании старого сундука. В нем, естественно, были найдены забытые вещи — эти безмолвные свидетели «прежних существований». В этом обследовании Ольга Викторовна чувствовала «что-то мистическое или археологическое, если хотите, точно на раскопках в Ольвии» [РО РНБ. Ф. 163. Д. 355. Л. 77]. Сама она на раскопках в Ольвии не бывала, но наверняка неоднократно слышала о них от Веры Федоровны, побывавшей там в 1928 г. Наверняка О. В. Яфа хотела напомнить подруге об одном из счастливых моментов в ее жизни и хоть этим скрасить ее печальное существование.

Получив долгожданную свободу, В. Ф. Штейн не могла вернуться в Ленинград, поскольку там, как сказано в автобиографии, была утеряна жилплощадь [ГАНУ. Ф. Р-1742. Оп. 3. Д. 29. Л. 7]. Ей пришлось ехать в Витебск, где ее брат Алексей Федорович преподавал в музыкальном училище. Оттуда он по семейным обстоятельствам в 1933 г. переехал в Новосибирск, и сестра последовала за ним.

С Новосибирском связан очень яркий, насыщенный период в жизни В. Ф. Штейн. Она полностью посвятила себя художественному скульптурному творчеству, в 1934 г. стала членом Союза художников СССР. Вера Федоровна являлась автором скульптурных изображений В. И. Ленина, И. В. Сталина, С. М. Кирова, М. И. Калинина, изобретателя радио А. С. Попова и др. Излюбленным жанром ее произведений являлись сюжетно-символические барельефы [Пивкин, 2002, с. 129].

В. Ф. Штейн занималась преподавательской деятельностью, а помимо того, не забывала об увлечении молодости — об археологии. Естественно, она была знакома с академиком А. П. Окладниковым [Пивкин, 2002, с. 137], писала статьи о произведениях древнего искусства Сибири. В особенности ее интересовали металлические пряжки с изображениями животных. В них она старалась проследить не только стилистические особенности или тонкость приемов работы художников. Ее внимание, в частности, привлекли золотые пластины из Сибирской коллекции Эрмитажа, на каждой из которых, по ее мнению, изображен барсук, обвитый змеей. Такие предметы исследовательница была склонна трактовать как амулеты, защищающие от опасных пресмыкающихся [Штейн, 1966, с. 264], чего, конечно, исключать нельзя. Подобным образом В. Ф. Штейн понимала электровую пряжку из той же коллекции, на которой представлены ежи, кусающие змей [Штейн, 1968, с. 271]. А вот на золотых пластинах с изображением кабана, обвитого змеей, она видела сцену жертвоприношения, когда божественная змея возносила жертву на небеса [Штейн, 1966, с. 264–265; 1974]. Исследовательница отметила при этом, что жертва всегда изображалась реалистично, а хищник, по большей части, фантастично, что, по ее мнению, подчеркивает «нереальный образ божественного зверя» [Штейн, 1974, с. 94].

Трудно сказать, насколько В. Ф. Штейн при трактовке каждого конкретного сюжета приближалась к истине. Однако почти нет сомнения, что она стояла на правильном пути. Все эти разностильные художественные изделия отражают духовный мир древнего населения Сибири, его глубинные представления о связи человека с обителью богов и духов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева В. К., Луконин В. Г., Померанцева Н. А. Искусство Древнего Востока. М., 1976. (Малая история искусств).
- Виноградов Ю. А. Последнее письмо академика С. А. Жебелёва // Археологические вести. 2018. Т. 24. С. 401–404.
- Кнорре (Константинова) Е. Ю. Религиозно-философский кружок А. Мейера «Воскресенье». Концепция «идеальной общины» в философии и жизненной практике // Дружеский круг как начало соборности и солидарности : материалы Международной конференции / [отв. ред. К. Мозгов]. М., 2019. С. 175–187.
- Максимова М. И. Из воспоминаний о С. А. Жебелёве // Советская археология. 1969. № 3. С. 86–90.

- Пивкин В. Жизнь как подвиг. Яркий след... на небосклоне сибирского искусства // Знаменитые женщины Новосибирска / ред. Н. И. Левченко и др. Новосибирск, 2002. С. 111–164.
- Флиге И. Дневник Веры Штейн в архиве ОГПУ // Русский миръ. 2011. № 6. С. 82–89.
- Флиге И., Даниэль А. «Дело А. А. Мейера» // Звезда. 2006. № 11. С. 157–207.
- Штейн В. Ф. Бронзовый браслет с острова Березани // Известия ГАИМК. 1927. Т. 5. С. 449–462.
- Штейн В. Ф. Золотые сибирские пластины с изображением «кабана», обвитого змеей // Сибирский археологический сборник / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск, 1966. (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь ; вып. 2). С. 259–266.
- Штейн В. Ф. Пряжка с изображением ежей из сибирской коллекции Эрмитажа // Советская археология. 1968. № 2. С. 269–272.
- Штейн В. Ф. Сцены жертвоприношений обожествленным хищникам на сибирских пластинах // Бронзовый и железный век Сибири / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск, 1974. (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь ; вып. 4). С. 94–103.
- Штейн В. Письма к Люличке: эпистолярный дневник 1921–1922 годов // Русский миръ. 2011. № 6. С. 90–115.
- Amiet P., Noblecourt Chr. D., Pasquier A., Baratte F., Metzger C. Art in the Ancient World. A Handbook of Styles and Forms. New York, 1981.
- Lloyd S. The Art of the Ancient Near East. [London], 1961.
- Poulsen F. Der Orient und die frühgriechische Kunst. Leipzig ; Berlin, 1912.

Е. Г. Застрожная
Санкт-Петербург

**Письма Григория Иосифовича Боровки
к Екатерине Романовне Малкиной
периода заключения в Ухтпечлаг:
общий обзор и контекст написания**

Опыт восстановления биографий репрессированных ученых крайне важен для расширения источниковой базы и складывания научно-методической основы исследований, а также для формирования соответствующих коммеморативных практик. Ввиду крайне малочисленного и ограниченного комплекса архивных документов по данной тематике большую ценность представляют личные документы, по которым можно восстановить вехи биографий ученых в период нахождения под следствием и в заключении. Особую значимость приобретают в этой связи личные письма археолога, скифолога Г. И. Боровки к Е. Р. Малкиной, считавшиеся ранее утраченными и выявленные в личном фонде В. Р. Лейкиной-Свирской в составе Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ф. 1160).

Ключевые слова: история науки, архивные материалы, политические репрессии, Ухтпечлаг.

E. G. Zastrozhnova
St. Petersburg

**Letters of Grigory I. Boroffka to Ekaterina R. Malkina
During the Imprisonment in Ukhtpechlag:
A General Overview and Context of Writing**

The experience of restoring the biographies of repressed scientists is extremely important for expanding the source base and developing a scientific and methodological basis for research, as well as for the formation of appropriate commemorative practices. Due to the extremely small and limited part of archival documents on this subject, personal documents are of great value,

which can be used to reconstruct the details of scientists' biographies during their time under investigation and in detention. In this regard, personal letters of an archaeologist and scythologist Grigory Boroffka to Ekaterina Malkina are of particular importance. Previously considered lost, these letters were identified in the personal collection of V. R. Leikina-Svirskaya in the Department of Manuscripts of the Russian National Library (F. 1160).

Keywords: history of science, archival materials, political repression, Ukhtpechlag.

На современном этапе развития истории отечественной гуманитарной науки особое значение приобретает восстановление биографий репрессированных в 1930-х гг. исследователей. Строгая регламентация деятельности всей архивной структуры СССР в рамках НКВД в 1938 г. привела к засекречиванию, децентрализации и депаспортизации огромного числа архивных материалов репрессированных ученых. Подавляющее большинство этих документов не возвращено в научное поле до настоящего времени, что делает данное направление исследовательской работы крайне актуальным и востребованным как с научной, так и с мемориальной точек зрения. Наиболее ценной группой документов по восстановлению жизненного пути ученых являются личные документы: переписка с членами семьи и коллегами, дневниковые записи, автобиографии.

Арестованный по «Академическому делу» археолог, скифолог и искусствовед, научный сотрудник Государственного Эрмитажа (ГЭ) и Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) Григорий Иосифович Боровка, после более полугода следствия, которые он провел в Доме предварительного заключения на ул. Воинова (сегодня Шпалерная ул.), д. 25, был приговорен к 10-летнему заключению в Ухтпечлаге¹. В 1940 г. он был освобожден, но остался при лагере в качестве вольнонаемного сотрудника-палеонтолога. После начала Великой Отечественной войны был повторно арестован 5 ноября 1941 г. и в апреле 1942 г. приговорен к расстрелу, который состоялся в июне 1942 г. На всем протяжении периода следствия и заключения с Григорием Иосифовичем поддерживала почтовую связь самый близкий ему человек — Екатерина Романовна

¹ Ухтпечлаг (с 1937 г. — Ухтижемлаг) — один из крупнейших северных лагерей ГУЛАГ ОГПУ/НКВД, охватывал пространство от Котласа до Воркуты. Основная специализация — разведки и добыча нефти и газа в Ижемском и Печорском районах, выявление источников радиоактивных вод, разведка угольных залежей в Воркуте. Отдельные лагерные пункты разрастались по мере открытия участков новых месторождений вдоль течения рек Ухта, Вычегда, Ижма и Ярега.

Малкина². Именно благодаря ее письмам в Потсдам, к старшему брату Г. И. Боровки — Францу Иосифовичу, семье было известно о его жизни в заключении [Zerbst-Boroffka, 2015].

Биография Г. И. Боровки в период проведения следственного процесса в тюрьме ОГПУ/НКВД в Ленинграде и отбывания срока заключения в Ухтпечлаге восстановлена на основе доступных материалов архивно-уголовного дела, отложившегося в архивном отделе Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области [Застрожнава, 2019], и материалов Отдела спецфондов и оказания государственных услуг Информационного центра МВД по Республике Коми в г. Сыктывкаре (ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми) [Застрожнава, 2025]. Важные сведения о жизни Г. И. Боровки в Ухте, а также о быте, условиях содержания и социальном составе заключенных Ухтпечлага были получены из воспоминаний бывших заключенных этого лагеря художника Льва Михайловича Премирова и сотрудника метеостанции Юрия Ивановича Чиркова [Премиров, 2019а; 2019б; Чирков, 1991].

Однако, даже несмотря на это, многие подробности лагерной жизни остаются неизвестными, в первую очередь по причине уничтожения дела заключенного за 1932–1940 гг.³ В данной связи особую ценность приобретают письма Г. И. Боровки к Е. Р. Малкиной, сохранившиеся в составе личного фонда В. Р. Лейкиной-Свирской⁴ в Отделе рукописей Российской национальной

² Малкина Екатерина Романовна (1899–1945) — филолог, к. и. н. Родилась в Царском Селе, окончила факультет общественных наук Ленинградского университета и аспирантуру Государственной академии искусствоведения. В 1919–1930 гг. работала в разряде скифской и сарматской археологии РАИМК/ТАИМК. Занималась переводами древних авторов, обработкой материалов из раскопок курганов юга России. В 1922–1931 гг. — научный сотрудник Эллино-скифского отдела Эрмитажа, Русского музея; была редактором издательств. Докторант ИРЛИ АН СССР (1939–1942). В годы блокады работала редактором в Ленинградском радиокомитете и выполняла весь комплекс оборонных работ в городе: дежурства бойцов МПВО во время налетов вражеской авиации, участие сотрудников в эвакуации детских учреждений, заготовка дров и строительных материалов, работа в подсобных хозяйствах [Деревянко, 1993, с. 87].

³ Согласно нормативам архивного законодательства СССР 1960-х гг. архивные дела заключенных, освобожденных из лагерей, были уничтожены.

⁴ Лейкина-Свирская Вера Романовна (Ревекка Рувимовна) (1901–1993) — историк, источниковед; д. и. н. (1956). Родилась в 1906 г. в Батуми, отец — строительный техник, мать — зубной врач. С 1912 г. проживала в Ленинграде. В 1921 г. окончила филологический факультет Петроградского университета. Направление научной работы — история общественной мысли XIX в. С 1919 по 1937 г. работала в Государственном музее революции, с 1936 по 1941 г. — в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1]. В августе 1941 г. эвакуировалась с ребенком и матерью. В эвакуации преподавала и работала в Краеведческом музее (г. Кудымкар), затем выехала в Москву, где с декабря 1943 г. по 30 августа 1944 г. работала в ГИМ. В сентябре 1944 г. вернулась в Ленинград, была награждена правительственной наградой в связи с празднованием 220-летия АН СССР. До 1952 г. в качестве старшего научного сотрудника входила в состав Комиссии по истории АН СССР (КИАН). В 1944 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Публицист-демократ 60–70-х годов XIX в. Г. З. Елисеев». Тема докторской диссертации (1956) — «Петрашевцы и общественное движение 40-х годов XIX в.» [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4].

библиотеки [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1323]⁵. Крайне важно также отметить, что эти письма считались ранее полностью утраченными вместе с другими документами личного архива, ввиду трагической гибели Е. Р. Малкиной в Ленинграде в январе 1945 г. (причина смерти остается неизвестной, по одной из версий — убита грабителями в собственной квартире). Известие о ее смерти было опубликовано в пятом номере «Литературной газеты» от 27 января 1945 г. за подписью коллег-литераторов, среди которых — А. А. Ахматова, О. Д. Форш, О. Ф. Берггольц, М. Л. Лозинский и др. [Литературная газета, 1945, с. 4]. На основании данных, полученных при обращении в Информационный центр Главного управления МВД России, в коллекции адресных листков на лиц, выбывших из Ленинграда в 1930–40-х гг. и не вернувшихся до 1947 г., имеется листок убытия на Е. Р. Малкину, датированный 21 февраля 1945 г. На данный момент нет никаких сведений, которые могли бы прояснить судьбу личного архива Е. Р. Малкиной, очевидно, находившегося в квартире на момент ее смерти. Каким образом эти материалы могли оказаться в составе личного архива В. Р. Лейкиной-Свирской, возможно, еще удастся выяснить. Очевидно, что данный комплекс писем далеко не полный, тем не менее он представляет большую ценность.

Всего в деле отложилось 11 писем: от 14 февраля 1923 г. из Петрограда; от 26 июля 1925 г. из Верхнеудинска; от 1 февраля 1927 г. из Ленинграда; фрагмент письма без начала и даты, предположительно из Тамани ([1928]); от 24 сентября 1929 г. из Ленинграда; от 25 марта 1930 г. из Ленинграда; от 28 августа 1930 г. из Тамани; от 13 января 1932 г. из пересыльного лагеря в Вологде; от 14 августа 1932 г. из Ухты; письмо без первой страницы и даты (примерно конец 1934 г.) из Ухты; от 1 июня 1941 г. из Ухты; от 26 июня 1941 г. из Ухты и телеграмма от 1 июля 1941 г. из Ухты⁶.

Письма, охватывающие хронологический промежуток за февраль 1923 г. — март 1930 г. содержат в себе информацию о текущей работе и коллегах Г. И. Боровки в Эрмитаже и ГАИМК, о начале кадровых чисток и первых увольнении; сведения о предстоящей Монгольской экспедиции и результатах, полученных в ходе работ, а также о ряде личных конфликтов, произошедших в ходе работ экспедиции; личную оценку происходящих событий и лиц (в частности, приводится положительная характеристика организационной деятельности и личности заместителя председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисова).

⁵ Выражаю благодарность ст. н. с. — заведующей Отделом учета и использования документов СПбФ АРАН к. и. н. Е. Н. Груздевой за предоставленную информацию о местонахождении документов.

⁶ Расширенную публикацию писем Г. И. Боровки к Е. Р. Малкиной предполагается осуществить в сборнике статей по материалам Международной научной конференции «Судьбы археологов в 1930-е годы: к 130-летию со дня рождения археолога, скифолога, искусствоведа Григория Иосифовича Боровки» совместно с публикацией писем на русском языке Е. Р. Малкиной к Ф. И. Боровке в Постдам, переданных автору в 2024 г. г-ном Николаусом Бороффкой и г-жой Ирен Цербст-Бороффка для публикации.

Письмо от 28 августа 1930 г. было отправлено Г. И. Боровкой из Тамани, во время проведения работ Таманской экспедицией ГАИМК [Виноградов, Медведева, Панкратова, 2020]. В письме он сообщал о подробностях проведения археологических раскопок на городище Гермонасса, сетовал на то, что руководитель Таманской экспедиции А. А. Миллер запрещал ему самостоятельные поездки по Таманскому полуострову для ознакомления с теми античными памятниками полуострова, на территории которых Г. И. Боровка еще не был, и жаловался на усталость, надеясь на отдых в Керчи [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1323. Л. 10–11 об.].

1 сентября 1930 г. после завершения работ экспедиции Г. И. Боровка выехал из Тамани в Керчь, где пробыл две недели. На несколько дней он выезжал в Феодосию, остальное время провел, работая в Керченском музее и посещая Пантикапей и Юз-Обу. 20 сентября 1930 г., вскоре после возвращения в Ленинград, он был арестован по ложным обвинениям в рамках следственного процесса по «Академическому делу». В ходе более чем полугодового следственного процесса и ряда допросов к обвинениям в членстве в контрреволюционной организации был добавлен шпионаж, который ученый якобы осуществлял, находясь в Монгольской экспедиции АН СССР, Таманской экспедиции ГАИМК (подтверждением тому стали фотографии горы Митридат, сделанные им в Керчи) и во время выездов в командировки в Европу (в первую очередь в Берлин). 7 октября 1931 г. по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58–6 УК РСФСР, Г. И. Боровка был приговорен к заключению в Ухтпечлаг сроком на 10 лет, куда он должен был отправиться с «первымходящим этапом в г. Архангельск» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 82].

15 ноября 1931 г. Г. И. Боровка отбыл из Ленинграда и пребывал, судя по всему, несколько месяцев в пересыльном лагере в Вологде. Оттуда 13 января 1932 г. он отправил письмо к Е. Р. Малкиной⁷, из которого становится ясно, что этап, в составе которого был Г. И. Боровка, находился в пути от Ленинграда до Вологды более полутора месяцев, на протяжении которых Г. И. Боровка регулярно получал от Е. Р. Малкиной телеграммы и открытки (в т. ч. на свой день рождения — 24 ноября), среди отправлений имелась также продуктовая посылка. В письме Г. И. Боровка извещает Е. Р. Малкину о дате возможного свидания и квартире, где она могла бы остановиться в Вологде. Очевидно, что ранее визит был невозможен ввиду введенного на территории пересыльного лагеря карантина. В письме он также просит привезти ему личные вещи, которые должны были ему пригодиться в ходе следования этапом в Архангельск, планировавшимся на конец января [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1323. Л. 13]. Очевидно, что приезд Е. Р. Малкиной состоялся; в письме к Г. И. Боровке в Потсдам от 2 марта 1932 г. она пишет, что эта поездка оказалась чрезвычайно грустной, увидеться они смогли только мельком и даже поговорить возможности не было [Zerbst-Boroffka, 2015, p. 252].

⁷ На последней странице помета о досмотре текста тюремной цензурой.

Следующее письмо, сохранившееся в деле, было отправлено Г. И. Боровкой уже из Ухты, датируется оно 14 августа 1932 г. Следует отметить, что путь из Архангельска до Ухты (до 1938 г. — пос. Чибыю) занял около месяца. Известно, что этапы заключенных прибывали в Архангельск на пароходах, после чего в течение трех-четырех дней на баржах переправлялись по рекам Северная Двина и Вычегда до с. Усть-Вымь, откуда направлялись пешком по тракту до пос. Чибыю. Село Усть-Вымь находится в 225 км от Ухты, строительство тракта началось в конце 1929 г. Для организации строительства примерно на каждом 20–30-м километре тракта находились отдельные лагерные пункты, где заключенные размещались в армейских палатках при морозах до -40° . Следовавшие из Усть-Выми в Чибыю этапы делали остановки на данных пунктах, что позволяло им дойти до места назначения в среднем за 12 дней. В своих письмах к Ф. И. Боровке Е. Р. Малкина пишет, что получала от Григория Иосифовича редкие открытки, которые он каким-то образом отправлял, будучи в пути.

В своей автобиографии, сохранившейся в деле вольнонаемного работника Ухтижемлага, Г. И. Боровка пишет, что прибыл в поселок в марте 1932 г. и «беспрерывно отбывал срок, работая в системе геологической службы Управления Ухтижемлага» [ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми. Ф. 124. Оп. 49л/с. Д. 241. Л. 6]. В письме он уведомляет Е. Р. Малкину о первом после прибытия в Ухту получении корреспонденции от нее: почтовых открыток (от 26 апреля, 6 мая и 4 июня) и двух писем (от 17 мая и 21–23 июня). Очевидно, что она планировала приезд сразу же после его прибытия в Ухту, но долгий срок получения почтовых отправок не позволил им договориться об определенной дате. В письмах к Г. И. Боровке Е. Р. Малкина писала о планах подать ходатайство на перевод его в другой лагерь и делилась мыслями о возможности приехать самой и устроиться на работу в Управлении лагеря. И тот и другой вариант были признаны Г. И. Боровкой безнадежными ввиду невозможности удовлетворения подобного ходатайства и опасности для карьеры и жизни Е. Р. Малкиной в случае ее нахождения в Ухте. Также Григорий Иосифович отмечает, что, насколько это возможно в его положении заключенного, доволен полученной работой, потому что она относится к научной области [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1323. Л. 15].

С этого времени между Г. И. Боровкой и Е. Р. Малкиной наладилась редкая, но регулярная переписка. В августе 1933 г. Екатерина Романовна смогла доехать до Ухты и пробыла там неделю. К тому времени Григорий Иосифович уже работал в должности преподавателя Горного техникума и, скорее всего, проживал в общежитии при нем [Застрожного, 2025, с. 181]. Летом 1934 г. Е. Р. Малкина снова собиралась поехать в Ухту, но эта поездка не состоялась из-за сложностей с оформлением приезда в лагерь и огромного расстояния. Все это время Григория Иосифовича и Екатерину Романовну поддерживали надежды на некоторое улучшение его положения. Так, Г. И. Боровка рассчитывал в некоторой степени на написание научных работ на

актуальные темы — по истории марксизма. В частности, примерно с 1934 г., насколько это было возможно в лагерных условиях, он начал работу над статьей по анализу азиатского способа производства по К. Марксу: «...чтобы окончательно разработать проблему об азиатском способе производства, я должен еще проштудировать... два тома Капитала — они тут есть, и я за это возьмусь, должно быть, по возвращении с летних работ» [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1323. Л. 16]. В итоге работа была написана, и в своей автобиографии Г. И. Боровка также упоминает о ней: «Еще до первого ареста я разрабатывал вопрос о правильном понимании термина “азиатский способ производства”, здесь в лагере я продолжил эту работу. В результате мною была написана работа объемом примерно в 10 печатных листов под заглавием “Азиатский способ производства и способ производства азиатских обществ по Марксу”. Эту работу я представил в конце 1934 г. руководству лагеря для переправки через ГУЛАГ в ГАИМК. Никакого ответа я не получил» [ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1. Л. 28]. Уточнения о судьбе данной работы, к сожалению, не привели ни к какому результату — по оценке архивных специалистов, она могла быть уничтожена без какого-либо на то уведомления.

Летом 1937 г. Г. И. Боровка попытался еще раз направить на «Большую землю» другую работу по той же теме. По его свидетельству, события, предшествующие этому, были следующими: «В январе 1937 г. в печати были опубликованы материалы правительственной комиссии по учебникам истории. В связи с этим в “Правде” или “Известиях” была напечатана директивная статья члена этой комиссии Карла Радека. В этой статье указывалось как на недостаток <...>, что вопрос об азиатском способе производства остался не разрешен. Я и надумал написать К. Радеку (хотя он мне совершенно не знаком), письмо с кратким изложением своей работы, надеясь, что это может повлиять на мою дальнейшую судьбу, если заинтересуются моей работой». Это письмо Г. И. Боровка отдал начальнику лагеря, а его копию он частным образом попросил отвезти Н. Н. Тихоновича, освободившегося из заключения, в Ленинград и передать Е. Р. Малкиной. В сопроводительном письме он просил ее, «если она найдет какие-нибудь пути к Радеку, посодействовать прохождению и рассмотрению этого письма». Но вскоре начались процессы, в которых сам К. Радек был осужден, и письма не получили никакого движения [ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1. Л. 31].

Летом 1934 и 1935 гг. Е. Р. Малкина также собиралась навестить Г. И. Боровку, однако воспрепятствовали этому ее собственная болезнь и сложности с получением разрешения на приезд в лагерь. Очевидно, что переписка продолжалась, однако писем за этот период не сохранилось.

21 сентября 1940 г. истек срок десятилетнего заключения и, согласно сведениям из справки об освобождении, местом жительства Г. И. Боровки был избран г. Калуга, однако он остался в Ухте, вероятно, стремясь продолжать начатую научную работу. 10 октября 1940 г. он подал заявление об оформлении в качестве вольнонаемного специалиста на должность

палеонтолога-макрофауниста в Центральную геологическую лабораторию Ухтпечтреста.

1 июня 1941 г. Г. И. Боровка писал Е. Р. Малкиной о долгом сроке отсутствия писем, за исключением небольшой записки, переданной ему вместе с кем-то из вернувшихся в Ухту знакомых в портфеле, который был специально ему послан Е. Р. Малкиной. Упоминает Григорий Иосифович также о получении недавнего выпуска журнала «Советская археология», отправленного ему «Еленой Викторовной». Не вызывает сомнений, что здесь имеется в виду Елена Викторовна Ернштедт⁸, отбывавшая срок в Ухтпечлаге с 1931 по 1934 г. и, очевидно, и после отбытия срока заключения поддерживающая связь с Г. И. Боровкой.

Также Григорий Иосифович делился своими планами на ближайший отпуск и командировку, которые он намеревался провести уже в качестве свободного человека, насколько можно понять из письма, за пределами Ухты: «Я тебе столько раз уже писал об отпуске и предполагаемой командировке, что ты, надеюсь, все это уже знаешь, отпуск мне полагается с августа, а вслед за ним в октябре и ноябре предполагается моя командировка» [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1323. Л. 17]. Помимо этого, в письме он упоминает об отправлении в местную командировку: «...на несколько дней или неделю поеду на соседний промысел». Из воспоминаний заключенного Ухтпечлага Ю. И. Чиркова известно, что экспедиция заключалась в исследовании течений рек Ухты и Ижмы, экспедицию возглавил ленинградский профессор-гидролог А. И. Мацейно, в состав входило еще пять человек [Чирков, 1991, с. 306].

Вернулись из этой поездки они 21 июня 1941 г. и на следующее утро «были разбужены громкоговорителем и голосом Левитана, который объявил о нападении Германии. “Могут начать нас расстреливать,” — сказал профессор А. И. Мацейно» [Чирков, 1991, с. 309]. По свидетельству Г. И. Боровки,

⁸ Ернштедт Елена Викторовна (1888–1942) — историк-антиковед. Родилась в семье академика В. К. Ернштедта. В 1908 г. поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, где стала специализироваться по истории античности и истории искусств. Занималась на семинарах Ф. Ф. Зелинского и Г. Ф. Церетели, изучала искусство Древней Греции и Северного Причерноморья у Б. В. Фармаковского и О. Ф. Вальдгауера. В 1918 г. — научный сотрудник отделения греко-римского искусства Отдела древностей Эрмитажа. В марте 1920 г. начала по совместительству работать в РАИМК. В октябре 1929 г. переведена в Эллино-скифский отдел Эрмитажа, чему предшествовала командировка летом 1929 г. в музеи Керчи, Тамани и Одессы для работы по истории Причерноморья. 20 сентября 1930 г. арестована (в один день с Г. И. Боровкой), предъявлено обвинение по ст. 58–6 УК РСФСР, приговорена к пяти годам заключения. В августе 1931 г. была отправлена в Ухтпечлаг. В разное время являлась секретарем отделения связи, секретарем в геологическом секторе, библиотекарем в Горном техникуме. Летом 1934 г. была освобождена и осенью вернулась в Ленинград. С осени 1939 г. начала читать лекции на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, с марта 1940 г. была принята временно и. о. старшего научного сотрудника Сектора древнего Причерноморья ГАИМК. После начала войны оставалась в блокадном Ленинграде, умерла от голода, по одной из версий, 18 марта 1942 г.

начавшаяся война вызвала в нем страх за свою судьбу как бывшего заключенного и немца по национальности: «Я предполагал неизбежность репрессий в отношении меня и других бывших заключенных» [ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1. Л. 24].

Письмо, написанное к Е. Р. Малкиной через пять дней после начала войны, наполнено опустошением и крушением всех надежд: «Прошрое письмо я кончал выражением неверия в скорую нашу встречу. Но на самом деле это было не столько неверие, сколько робость перед предстоящим счастьем. Круто все изменилось и не только в ближайшее время мы не увидимся, встает вопрос, увидимся ли мы вообще когда-нибудь. Мировой кошмар придвинулся вплотную, и сердце в груди замерло комком. Я получил твою телеграмму и, конечно, отлично понимаю, что твое обещание приехать в августе ко мне потеряло силу, так же, как и все мои планы в отношении отпуска и командировка целиком отходят» [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1323. Л. 18] (рис. 1). Однако, несмотря на осознание всех сложностей, Г. И. Боровка просит Е. Р. Малкину приехать при любой возможности вместе с братом Николаем⁹. В завершение он упоминает о работе в прошедшей экспедиции: «Был в 3-х дневной поездке по здешним речкам, было очень интересно и просто хорошо. Ты права, что меня моя здешняя работа глубоко увлекла. Так хочется ее развивать и добиться реальных практических результатов!» [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1323. Л. 19 об.].

Последний документ в деле — телеграмма Г. И. Боровки от 1 июля 1941 г., на основании которой можно заключить, что ответных писем пока получено не было: «Сообщи хоть что-нибудь о себе. Я здоров, посылаю немного денег. Целую, обнимаю» [ОР РНБ. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 1323. Л. 20].

Осенью 1941 г. в Ухту вернулся из Ленинграда бывший заключенный Ухтпечлага и знакомый Г. И. Боровки — П. Л. Низковский, который временно остановился в комнате Г. И. Боровки и с которым они обсуждали положение дел на Ленинградском фронте. Вскоре начались вызовы в СИЗО Ухтижемлага ближайшего круга коллег Г. И. Боровки для дачи показаний о лицах, ведущих «антисоветскую агитацию», а после стали проводиться и сами аресты [ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1. Л. 24–27]. 5 ноября 1941 г. состоялся повторный арест Г. И. Боровки начальником следственного отделения Оперативно-чекистского отдела Ухтижмелага — А. М. Филимоновым [ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми. Ф. 66. Оп. 1-п. Д. 58. Л. 2]. В ходе обыска оказались изъяты: два блокнота с записями, переписка (очевидно, там и были письма Е. Р. Малкиной за период 1930–1941 гг.), военный билет, паспорт, портфель (полученный от Малкиной несколькими месяцами ранее), справка об освобождении из лагеря и деньги в размере 2 тыс. руб. [ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми. Ф. 66. Оп. 1-п. Д. 58. Л. 11].

⁹ Малкин Николай Романович (1899–?) — геофизик-гравиметрист, гляциолог. Репрессирован, освобожден из заключения в начале 1950-х гг. Работал во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте в 1961–1962 гг.

10-летний срок заключения. Приговор в отношении Г. И. Боровки был оставлен без изменений и приведен в исполнение 29 июня 1942 г. [ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми. Ф. 66. Оп. 1-п. Д. 58; Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 2. Л. 199]. Е. Р. Малкина так об этом и не узнала, и, возможно, письма все же преодолевали путь из блокадного Ленинграда в Ухту, но уже не находили адресата...

11 сентября 1957 г. состоялось заседание пленума Верховного суда РСФСР, на котором было пересмотрено дело в отношении Г. И. Боровки. Осуждение признали необоснованным, а дело — подлежащим прекращению. Обвинения по первому делу о шпионаже 1931 г. сняты 13 сентября 1989 г., Г. И. Боровка был полностью реабилитирован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю. А., Медведева М. В., Панкратова Е. Г. Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания // Археологические вести. 2020. № 30. С. 312–329.
- Деревянко С. С. Документы по личному составу Ленинградского радиокомитета (1930–1940-е гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIV. СПб., 1993. С. 83–105.
- Застрожная Е. Г. «Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...»: к биографии археолога Г. И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология. 2019. № 2. С. 154–166.
- Застрожная Е. Г. «Мои действия не заслуживают того, чтобы я был расстрелян...»: Г. И. Боровка — заключенный Ухтпечлага (1932–1942) // Российская археология. 2025. № 1. С. 178–193.
- Литературная газета. 1945. № 19 (1130). 5 мая.
- Премиров Л. М. Исповедь художника Карлага. Алматы, 2019а.
- Премиров Л. М. Я вспоминаю. Караганда, 2019б.
- Чирков Ю. И. А было все так... М., 1991.
- Zerbst-Boroffka I. Leben und Wirken des deutsch-russischen Forschers Gregor Boroffka (1894–1942). Briefe (1913–1935) an die Familie aus Russland nach Deutschland. Hamburg, 2015.

А. В. Смирнов
Санкт-Петербург

**Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746):
набросок портрета ученого**

В статье предпринята попытка нарисовать портрет Георга Вильгельма Стеллера (1709–1746) — одного из первых исследователей растительного и животного мира и этнографии Сибири и Камчатки и пионера исследований Русской Америки. Для воссоздания облика Г. В. Стеллера как исследователя и как человека проанализированы сохранившиеся дневники, служебные рапорты, письма и архивные материалы как самого ученого, так и его современников — участников Второй Камчатской экспедиции. Можно с уверенностью сказать, что это был чрезвычайно одаренный, образованный и работоспособный человек, смелый и твердый в невзгодах, при этом знающий себе цену и независимый в своих суждениях, которые он отстаивал, невзирая на лица. Помимо удивительной трудоспособности, Г. В. Стеллер обладал такими качествами выдающегося ученого, как научная интуиция и умение сопоставлять факты, казалось бы, не имеющие друг к другу отношения, и делать из этого интересные выводы. Особое внимание уделено отношению Г. В. Стеллера к коренному населению Камчатки и его попыткам защитить местное население от притеснений и произвола чиновников и казаков.

Ключевые слова: Г. В. Стеллер, Вторая Камчатская экспедиция, Камчатка, остров Беринга, портрет ученого.

A. V. Smirnov
St. Petersburg

**Georg Wilhelm Steller (1709–1746):
A Sketch of the Scientist's Portrait**

The article attempts to draw a portrait of Georg Wilhelm Steller (1709–1746), one of the first researchers of the flora and fauna as well as the ethnography of Siberia and Kamchatka and a pioneer of Russian America studies. To recreate the image of G. W. Steller as a researcher and as a person, the author has analyzed

preserved diaries, official reports, letters and archival materials of the scientist himself and his contemporaries — participants of the Second Kamchatka Expedition. It is safe to say that he was an extremely gifted, well-educated and hardworking person, brave and firm in troubles, while knowing his own worth and independent in his judgments, which he always defended. In addition to his amazing work efficiency, G. W. Steller possessed such qualities of an outstanding scientist as scientific intuition and ability to compare facts, which might seem unrelated to each other, and draw interesting conclusions. Special attention is paid to G. W. Steller's attitude to the indigenous population of Kamchatka and his attempts to protect the local population from harassment and arbitrariness of officials and Cossacks.

Keywords: G. W. Steller, Second Kamchatka Expedition, Kamchatka, Bering Island, portrait of a scientist.

Георг Вильгельм Стеллер (Штеллер) (*Georg Wilhelm Steller (Stöller)*; 1709–1746) относится к тем удивительным личностям, которые даже через столетия после своего ухода из мира притягивают к себе людей. И дело не в том, что его имя неразрывно связано с истребленной человеком стеллеровой коровой, а он был единственным ученым, который ее описал и изучил. И не в том, что он оказался первым ученым, открывшим для русского и европейского мира северо-западную Америку и Алеутские острова и описавшим их природу и быт местного населения, а также первым ученым, выдвинувшим целый ряд ныне всеми признанных положений в биологии и этнографии. Просто обаяние его личности столь велико, что и спустя почти 300 лет люди пытаются восстановить его облик. Они пишут о нем книги, опираясь на его дневники, письма и свидетельства современников, создают портреты-реконструкции и скульптуры, пытаются представить его физический и духовный образ [Татаренкова, 2017; Липилина, Маматов, 2019], хотя никаких следов, на основе которых можно было бы достоверно воссоздать эти портреты, не сохранилось (рис. 1, 2).

Г. В. Стеллеру, его путешествию и трудам посвящены многочисленные публикации. Под руководством Эдуарда Израилевича Колчинского (1944–2020) была проведена колоссальная работа по составлению библиографии работ Г. В. Стеллера и публикаций о Г. В. Стеллере на русском языке, вышедшей двумя изданиями в виде отдельной книги [Стеллериана... 2009] с интересным предисловием Э. И. Колчинского [Колчинский, 2009]. Наиболее полной работой о Г. В. Стеллере, в которой подробнейшим образом рассмотрены его биография и труды, по сей день остается фундаментальная монография американского зоолога и путешественника, исследовавшего Командорские острова, норвежца по происхождению Леонарда Штейнегера (Штейнегера) (*Leonhard Hess Stejneger*; 1851–1943) [Stejneger, 1936].

Рис. 1. Портрет (реконструкция) Г. В. Стеллера работы художника Ивана Ивановича Станкова (р. 1953). 2016 г. Холст, масло. Тюменский государственный университет

Рис. 2. Скульптурный портрет (реконструкция) Г. В. Стеллера на острове Беринга работы скульптора Ильи Павловича Вьюева (1944–2022). 2016 г. Открыт 11 сентября 2021 г.

Также следует отметить подробный биографический очерк о Г. В. Стеллере историка и архивиста Петра Петровича Пекарского (1827–1872) [Пекарский, 1870, с. 587–616]. Сохранившиеся архивные документы, относящиеся к путешествию ученого по Сибири, и проведенные им работы по исследованию Сибири и Камчатки были изучены лучшим отечественным знатоком биографии Г. В. Стеллера, историком и архивистом Александром Игнатьевичем Андреевым (1887–1959), который указал на целый пласт ранее не известных документов [Андреев, 1965, с. 229–286]. Без этой работы не может обойтись ни одно серьезное исследование о Г. В. Стеллере. Следует также упомянуть главу о Г. В. Стеллере в книге В. Е. Соколова и Я. А. Парнеса [Соколов, Парнес, 1993, с. 123–162], в которой, помимо биографического очерка, приводится частичный перевод на русский язык описания морской коровы и проанализированы работы Г. В. Стеллера по млекопитающим. Роль Г. В. Стеллера, его зоологические, биологические и этнографические исследования во время плавания под руководством Витуса Беринга к берегам Америки и зимовки на неизвестном необитаемом острове, впоследствии названном островом Беринга, в 1741–1742 гг. рассмотрены и проанализированы в книге академика Льва Семеновича Берга (1876–1950), выдержавшей три издания [Берг, 1946, с. 119–285]. В конце 1990-х гг. по инициативе д-ра Виланда Хинтцше (*Wieland Hintzsche*) была основана серия «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» («*Quellen zur geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven*»), которая на протяжении ряда лет издавалась Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН и Фондом Франке (Галле, Германия) [Тункина, Бондарь, 2023]. Было выпущено четыре тома на немецком языке с документами, имеющими отношение к Г. В. Стеллеру [Steller, 2000; 2001; Steller, Krašeninnikov, Fischer, 2000; Steller, Fischer, 2009]¹.

Настоящая работа открывает цикл статей о жизни и исследованиях Г. В. Стеллера и является попыткой представить его краткий портрет на основе доступных биографических источников. Исходя из воспоминаний современников и записок самого Г. В. Стеллера можно с уверенностью сказать, что это был чрезвычайно одаренный, образованный и работоспособный человек, смелый и твердый в невзгодах, при этом знающий себе цену и независимый в своих суждениях, которые он отстаивал, невзирая на лица. Он был «...прирожденный исследователь, вооруженный знаниями, искренне и ревностно, не жалея сил и здоровья, относившийся к своей работе, но требовавший уважения и внимания к своим начинаниям» [Треков, 1960, с. 111].

¹ Том с документами за 1740 г., относящимися к Г. В. Стеллеру, содержащий тексты на русском языке и тексты на немецком языке и их переводы на русский язык, был издан в России в издательстве «Памятники исторической мысли» [Штеллер, 1998].

В своих записках о путешествии по Сибири участник академического отряда Второй Камчатской экспедиции (Великой Северной экспедиции) профессор Академии наук Иоганн Георг Гмелин (*Johann Georg Gmelin*; 1709–1755), который в некоторых отношениях, по-видимому, был противоположен Г. В. Стеллеру, оставил нам краткий его «портрет», дающий представление о характере и образе жизни Г. В. Стеллера: «Мы очень обрадовались здесь, что этот даровитый человек после краткого пребывания здесь достаточно показал, что он был в силах совершить такое великое дело, и добровольно сам предложил себя к выполнению его. Если бы мне пришлось совершать это путешествие, то должен откровенно сознаться в том, что это обошлось бы гораздо дороже Ея Величеству. Для моих занятий я бы взял с собою более людей, а для них потребовалось бы более продовольствия и, следовательно, значительных издержек на переезд. — Мы могли сколько угодно представлять Стеллеру обо всех чрезвычайных невзгодах, ожидающих его в этих путешествиях, — это служило только большим побуждением к тому, к которому он уже проложил себе дорогу своим прежним путешествием. — Никакой одеждой он себя не обременял. Поскольку надо было все имущество везти с собой через Сибирь, у него его было так мало, как только возможно. У него был один сосуд для питья и пива, и меда, и водки. Вина он не употреблял совсем. У него была всего одна посуда, из которой он ел и в которой готовил все свои кушанья; для них ему не требовался повар. Он все стряпал сам, и все как можно проще, так что суп, зелень и говядину он клал разом в один горшок и варил все вместе. Он легко переносил чад от стряпни в комнате, где работал. Ему не нужен был ни парик, ни пудра [sic!], и всякий сапог и башмак был ему впору. При этом он нисколько не досадовал на лишения в жизни; всегда был в хорошем расположении духа, и чем больше было вокруг него кутерьмы, тем веселее становился он. <...> Вместе с тем мы заметили, что, несмотря на всю беспорядочность, высказываемую им в образе жизни, однако в работе был пунктуальным и все выполнял неумолимо; так что при этом отношении у нас не было ни малейшего беспокойства. <...> Ему было нипочем провести весь день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки» [Gmelin, 1752, S. 177–178]².

Г. В. Стеллер был настолько одержим исследованиями, что проводил их в любых условиях, иногда, казалось бы, совершенно невозможных. Так, в своей знаменитой работе «*De bestiis marinis*», описывая морскую корову (рис. 3), он пишет: «Совпадение ряда вещей принесло мне много разочарований. Погода в момент поимки животных была почти постоянно дождливой и холодной. Мои наблюдения приходилось проводить днем. Затем были морские приливы. Стаи голубых лисиц [исатидов] (песцов) все портили зубами и воровали у меня из-под рук. Пока я изучал животное,

² Перевод на русский язык Е. Ю. Басаргиной [цит. по: Петр Великий... 2022, с. 64].

они унесли мои зарисовки животного, книгу и чернила, и беспокоили меня, когда я писал. Большие размеры самого животного и большинства его частей также были помехой, так как мне приходилось быть одновременно и исследователем, и рабочим, поскольку все остальные были заняты строительством корабля для нашего освобождения с острова. Я мог нанять их за свой счет едва ли на час в вечернее время для какой-либо простой помощи, но по своему незнанию и нелюбви к работе они все разносили в пух и прах и действовали по своему собственному разумению, но, несмотря на причиненный ими вред и ущерб, они заслуживают похвалы за то, что не покинули меня полностью. Ни одну кишку я не смог бы вытащить целиком или развернуть, если бы я ее вытащил, чтобы сделать что-то стоящее. Так что при всем удовольствии, которое я получал от некоторых наблюдений, я имел вдвое больше хлопот и досады из-за того, что не смог сделать ряд полезных вещей. Поэтому прошу моих добрых читателей, когда они дочитают это скудное описание, судить о нем по моей воле и моему усердию, а не по обстоятельствам»³ [Steller, 1751, p. 321]⁴.

Работоспособность Г. В. Стеллера, что видно из перечня работ, которые он осуществил во время путешествия по Сибири на Камчатку и обратно, во время плавания к берегам Америки, на острове Беринга и при исследовании Камчатки, поражает [см.: Материалы... 1940, с. 52–55; Андреев, 1965, с. 229–286; Стеллериана... 2009, с. 36–41]. При этом он относился к своему делу чрезвычайно ответственно и был очень тщателен при описании своих исследований. Так, причиной поездки Г. В. Стеллера к мысу Лопатка и северным Курильским островам послужило желание сделать рисунок морского бобра (калана), поскольку в описании этого зверя, сделанном Г. В. Стеллером на острове Беринга, морской бобр «в его рисунке не изображен по его надлежащему натуральному образу» [Андреев, 1965, с. 258].

На обратном пути с Камчатки Г. В. Стеллер в начале апреля 1746 г. прибыл в Соликамск и был радушно принят Г. А. Демидовым, у которого он останавливался и по пути на Камчатку. Здесь он задержался, чтобы спасти

³ «Ne vero omnia ex voto cederent, in culpa fuerunt, tempestas circa illud tempus, cum caperentur, fere con stanter pluulosa, frigida, obseruations subdiu instituendae, aestus maris, greges nequissimarum Isatidum improbo dente omnia lacessantes et sub manibus subducentes, quippe lustranti animal chartas, libros, atramentarium abstulerant, scribenti animal lacessarunt, ipsius animalis vastitas et par tium moles, vbi solus obseruator et operarius esse debui, reliqui omnes de struenda naui et liberatione nostra ab hinc solliciti erant, qui circa vesperam meis sumptibus ad vnam horam conducebantur ad rudes quosdam labores, inscii et pertaesi omnia discindebant, ac pro suo ingenio egerant, eorumque labes et damnum hucdum ne me prorsus destituerent laudari debuerunt. Nullum viscus integrum eximere nec exemptum explicare potui, vt solidi quid agerem, ita vt quantum gaudii e quibusdam obseruatis, decuplo plus tristitiae ac tedii ex iis conciperem, quae vtilia intacta praeterire debui, adeoque beneuolos lectores, ne perlecta hac manca descriptione de mea voluntate et studio, quam potius de circumstantiis iudicare velint rogo».

⁴ Перевод автора. — А. С.

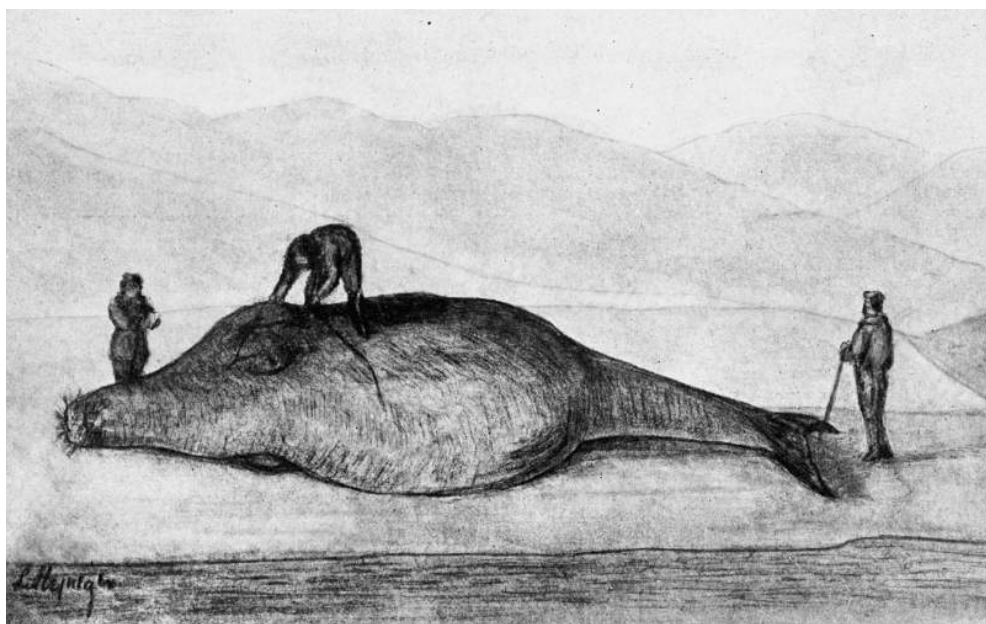

Рис. 3. Г. В. Стеллер делает первые измерения морской коровы на острове Беринга, 12 июля 1742 г.

Рисунок-реконструкция Л. Стейнегера [Golder, 1925]

собранные им в Сибири кусты и другие растения, высадив их в саду Г. А. Демидова [Бондарь, 2016; 2022; Bondar, Bischoff, 2018], и изучал природу Пермского края. Кто знает, если бы не было этой остановки, не сложилась ли бы жизнь Г. В. Стеллера иначе? Многие исследователи, знакомые с трудами и рукописями ученого, отмечали точность и качество его описаний. В качестве примера можно привести выдержку из статьи В. Г. Тилезиуса фон Тиленау, посвященной описанию дальневосточной (тихоокеанской) наваги, также известной как вахня: «В заметках Стеллера я нашел не только точно описанную нашу рыбу, но также [описание] строения и расположения ее внутренних частей, проиллюстрированное анатомическими вскрытиями, и обнаружил такое совпадение наблюдений этого проникательнейшего из наблюдателей с моими собственными, сделанными с интервалом в семьдесят лет, что казалось — я нарисовал свои рисунки, чтобы доказать ценность описаний Стеллера»⁵ [Tilesius, 1810, p. 351]⁶.

⁵ «Ex schedis Stellerianis, in quibus piscem nostrum nonsolm accurate descriptum sed etiam structuram et situm partium internarum ejusdem, dessectionibus anatomicis illustratam inveni, consensum observatoris oculatissimi cum meis observationibus septuaginta annorum intervallo institutis intellexi, ita, ut quasi ipse icones ad descriptiones Stellerianas comprobandas delineasse mihi videar».

⁶ Перевод автора. — А. С.

И к себе самому Г. В. Стеллер относился как к объекту исследования. Познакомившись с жизнью коренного населения Камчатки, Г. В. Стеллер отметил, что они не едят хлеб, а питаются рыбой, луковицами растений (саранкой, *Lilium martagon*) и другими корнями, и решил проверить на себе, сможет ли он обходиться без хлеба: «Едва на Камчатку прибыл, не для скупости, но для любопытства, самовольно через четыре недели опыт учинил: держал себя от хлебного корму, наняв одного из тамошних служивых, чтоб довольствовал меня тем кормом, который они сами имеют, дабы я мог знать, что у них видел, и сам бы тоже при случае (как и ныне случилось) сказать мог. И от употребления по тамошнему обыкновению корму никакой скуки не имел. <...> Как в 1743 году шел я из Большерецкого в Верхний Камчатский острог пеш, когда хотя хлеб и имел, в моем пути не ел, но рыбою, кореньями, травами и иными разными вещами питался; хотя и часто для пешаго ходу утружден бывал, однакож от того ни малого силе моей вреда не имел, но еще при том ту себе пользу имел, что чаще и слаще вкусно было, и лучшего аппетита до смерти не желаю, ибо аппетит изрядным есть здоровья признаком» [Пекарский, 1870, с. 599]. В результате на запрос Якутской провинциальной канцелярии о том, может ли русское население Камчатки обходиться без хлеба, Г. В. Стеллером была составлена специальная записка, которую перевели на русский язык [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 800а. Л. 391–395, 505–509; цит. по: Андреев, 1965, с. 265].

Помимо удивительной трудоспособности, Г. В. Стеллер обладал такими качествами выдающегося ученого, как научная интуиция и умение сопоставлять факты, казалось бы, не имеющие друг к другу отношения, и делать из этого интересные выводы. Примеров, иллюстрирующих аналитический склад ума Г. В. Стеллера, можно привести множество. После неудачной попытки найти землю к югу-востоку от Камчатки «Святой Петр» шел вдоль Алеутских островов. По пути к Америке Г. В. Стеллер указывал на признаки, которые, по его мнению, свидетельствовали о близости земли: «Мы часто видели образчики водорослей, а иногда они приплывали с севера сразу в большом количестве, особенно *Querqus marina glandifera* Bauhini [совр. назв. *Phycodrys rubens*]; *Alga dentata* Raji [совр. назв. *Odonthalia dentata*], *Fuci membranadei calyciformes* [совр. назв. *Constantinea rosa-marina*] — виды, всегда растущие на глубине двух-трех футов на скалах под водой... <...> Если бы они долгое время плавали в море, *Fucus lapathi sanguinei foliis* Tourn [совр. назв. *Delesseria sanguinea*] из-за хрупкости были бы порваны волнами или с аппетитом съедены морскими животными, которых мы постоянно видели в больших количествах. Мы также видели красных и белых жалящих актиний [*urticas marinas rubras et albas* у Стеллера], которые растут под водой на глубине от 5 до 6 футов, если измерять при отливе, на скалистых берегах.» [Стеллер, 1995, с. 31–32; названия водорослей по линнеевской номенклатуре приведены в книге Л. С. Берга [Берг, 1946, с. 190–191], уточнены автором — А. С.].

20 июля 1741 г. корабль бросил якорь у юго-западной оконечности острова Каяк. Г. В. Стеллеру удалось добиться разрешения сойти на берег для проведения исследований вместе с казаком Фомой Лепехиным. Казак подстрелил одну птицу, и Г. В. Стеллер, когда разглядел ее, сразу же вспомнил, что видел ее изображение в описании растений и птиц Каролины, изданной в 1730-е гг.: «...но и одна эта птица достаточно убедила меня, что мы в самом деле находимся в Америке» [Стеллер, 1995, с. 50]. В самом деле, в книге Марка Кейтсби [Catesby, 1731, pl. 15] была изображена голубая сойка — *Cyanocitta cristata* (Linnaeus, 1758), а Г. В. Стеллер встретил близкий вид, впоследствии названный в его честь *Cyanocitta stelleri* (Gmelin J. F., 1788) (рис. 4). Каковы память и эрудиция Г. В. Стеллера!

Рис. 4. Голубая сойка — *Cyanocitta cristata* (Linnaeus, 1758)
[Catesby, 1731, pl. 15] (слева).

Стеллерова черноголовая голубая сойка — *Cyanocitta stelleri* (Gmelin J. F., 1788)
[Bonaparte, 1828, pl. 13, fig. 1] (справа)

Еще один пример — оценка Г. В. Стеллером места, на которое был выброшен «Святой Петр» во время шторма. Относительно вопроса В. Беринга о том, что его спутник думает о земле, где они оказались, Г. В. Стеллер записал: «Я ответил: “Мне она не кажется похожей на Камчатку”. Я объяснил, что обилие животных и их смелость сами по себе указывают, что это должна быть малонаселенная или вовсе необитаемая земля. Тем не менее она не может быть далеко от Камчатки, потому что растения, которые я здесь наблюдал, были точно такими же по числу, виду и размерам, что и на Камчатке, в то время как весьма любопытные растения, обнаруженные мною в Америке, в сходных местах здесь не встречаются. Кроме того,

я нашел тополевый оконный ставень, принесенный сюда несколько лет назад сильным приливом и замытый песком в том месте, где мы построили шалаш. Я показал его и обратил внимание на то, что это, несомненно, русской работы ставень, предназначенный для амбаров, таких, какие выстроены в устье реки Камчатки. Тогда, вполне возможно, мы находимся на Кроноцком мысу, который, по всем рассуждениям, может быть наиболее вероятным местом, хотя требуются более надежные сведения. И все же я не удержался и высказал свои сомнения на этот счет, основанные на других аргументах. Я показал часть капкана на песца, которую нашел на берегу в первый день. У капкана вместо железных зубцов были “зубки” из раковин, которые ученые называют *Entale*. Я сказал, что не слышал о находках таких раковин на Камчатке и сам ни одной не видел. Скорее следует предположить, что капкан принесло сюда из Америки и что эта конструкция объясняется недостатком железа, тогда как благодаря торговле у камчадалов много железных зубцов и иголок, и, несмотря на все мои расспросы, мне никто не рассказывал о таком изобретении. В то же время я высказал свое мнение о неизвестном морском животном, манати, и характере облаков над морем на юге» [Стеллер, 1995, с. 100–101].

Многочисленные примеры, показывающие, как Г. В. Стеллер умел сопоставлять и анализировать факты и делать из этого выводы, можно найти в книге Л. С. Берга [Берг, 1946]⁷. Отдельно нужно отметить интереснейшую статью Стефано Маттиоли [Mattioli, 2019], в которой автор показал, как на основе анализа и сопоставления изученных природных явлений Г. В. Стеллер установил ряд экологических закономерностей, намного опередив свое время.

В отличие от многих врачей того времени Г. В. Стеллер понимал, что с проклятием мореплавателей — цингой — можно бороться, употребляя отвары трав, обладающих противцинготными свойствами, и знал эти травы.

О человеческих качествах Г. В. Стеллера можно судить по записи в его дневнике о беседе, состоявшейся сразу после высадки на остров Беринга, с камчатским служивым казаком Фомой Лепехиным, который входил в «камчатскую группу Стеллера» и которого ученый уговорил отправиться с ним в плавание: «Следующими словами ободрил я своего больного и слабого казака, с чего началась наша будущая дружба, потому что он считал меня причиной своих злоключений и упрекал за мое любопытство, которое и ввергло меня в эти невзгоды. “Крепись! — сказал я. — Бог поможет нам. Даже если это не наша земля, у нас по-прежнему есть надежда туда вернуться. От голода ты не умрешь. Если ты не сможешь работать и служить мне, я буду служить тебе. Я знаю твое честное сердце и помню, что ты

⁷ К сожалению, это капитальное исследование Л. С. Берга малоизвестно за пределами России и крайне редко цитируется.

для меня сделал. Все, что есть у меня, — твое. Только скажи, и я отдам тебе половину того, что имею, пока Бог не поможет нам”. Но он отвечал: “Не надо. Я с радостью буду служить Вашей милости. Но Вы ввергли меня в эти невзгоды. Кто заставил Вас идти с этими людьми? Разве не могли Вы благополучно жить на Большой реке”. Я от всего сердца посмеялся над его прямоотой и сказал: “Благодаря Богу мы оба живы. Если я и вверг тебя в невзгоды, то в моем лице ты, с Божьей помощью, нашел верного товарища и покровителя. У меня добрые намерения, Фома. Пусть будут добрыми и твои. В конце концов, ты ведь не знаешь, что случилось бы с тобой дома”» [Стеллер, 1995, с. 99–100].

При этом Г. В. Стеллер обладал развитым чувством собственного достоинства и был честлюбив и вспыльчив. Из-за этой черты характера у него возникали конфликты с коллегами по путешествию и с камчатскими чиновниками. Следует отметить, что в своих суждениях и характеристиках своих спутников по плаванию ученый часто бывал не прав. По сохранившимся письменным источникам нет возможности установить, чем была вызвана неприязнь между Г. В. Стеллером и высшими офицерами во время плаванья «Святого Петра». Подробно этот конфликт разобран в работе О. В. Фроста [Frost, 1994]. В литературе высказываются самые разные мнения на этот счет, зачастую связанные с субъективными и поверхностными предположениями авторов о чертах характера Г. В. Стеллера и мотивах его действий [Frost, 1994, р. 4]. На наш взгляд, довольно примитивно объяснять конфликты Г. В. Стеллера с офицерами пакетбота его желанием прославиться и отсутствием заботы о команде. Последнее легко опровергается такими очевидными фактами, как предупреждение Г. В. Стеллера о качестве воды, набираемой для пополнения запасов. 30 августа судно с этой целью остановилось на острове Нагай, входящем в группу островов в восточной части Алеутской гряды, но, к сожалению, забранная вода оказалась солоноватой. Предложение Г. В. Стеллера забрать родниковую воду поблизости было отвергнуто со словами: «Почему бы этой воде не быть хорошей? Вода хорошая. Заливайте ее» [Стеллер, 1995, с. 61]. Также было отвергнуто и предложение Г. В. Стеллера о выделении ему нескольких членов команды для сбора противояцинготных трав: «...я <...> попросил несколько человек для сбора противояцинготных растений, какое нам всем потребуется, эти господа презрели даже такое столь ценное для них самих предложение, за которое меня следовало бы благодарить» [Стеллер, 1995, с. 64]. При этом среди команды уже началось заболевание цингой, и эти острова были впоследствии названы В. Берингом островами Шумагина в память первого умершего от цинги члена экспедиции — матроса Никиты Шумагина. В результате Г. В. Стеллер ограничился сбором трав для себя и командора. Едва ли это можно назвать полным отсутствием заботы о команде.

Необъективное объяснение поступков Г. В. Стеллера исключительно желанием прославиться находим и в некоторых российских публикациях⁸. Желание исследователя внести свой вклад в познание изучаемого им предмета, сделать открытия в области своих исследований и, как следствие, занять должное место в науке вполне естественно, если он настоящий Ученый, а Г. В. Стеллер наукой был одержим (см. выше словесный «портрет» Г. В. Стеллера, оставленный И. Г. Гмелиным).

Во время плавания Г. В. Стеллер особенно сильно конфликтовал с мастером Софроном Федоровичем Хитрово (ок. 1700–1756) и лейтенантом Свеном Вакселем (1701–1762) и высказывался о них нелицеприятно по окончании плавания в рапортах, письмах и описании плавания к берегам Америки [Steller's Briefe... 1861, S. 181–185⁹; Стеллер, 1995; 2018]. Высокомерное отношение морских офицеров к Г. В. Стеллеру могло быть связано с тем, что он являлся всего лишь адъютантом, а не профессором, при этом позволял себе

⁸ Автор исторических очерков по истории ботаники А. Н. Куприянов пишет: «В апреле 1740 года Стеллер уговорился с капитаном Шпангербергом отправиться к берегам Японии. Он тут же посылает донесение Сенату об увеличении жалованья до академического себе и живописцу Беркану, в связи с тем, что предстоят большие трудности. В этом же донесении он указывает, что деньги нужны также для поддержки студентов Крашенинникова и Горланова, которые проводили самостоятельные исследования. *Он всячески демонстрирует свою значимость* (здесь и далее выделено мною. — А. С.): “Степан Крашенинников и Александр Горланов, как оные из С.-Петербурга отправлялись, то были в молодых летах и малы, а ныне находятся в совершенном возрасте, и из определенного им жалованья 100 рублей провианту купить и лошадей нанять не могли б, ежели б оным я помощи не учинил из моих собственных денег взаем”. И чуть ниже: “Заносчивость Стеллера становилась помехой делу изучения громадной территории. Везде он видел соперников своих открытий, завистников своей еще не пришедшей славы. Он начинает сочинять секретные проекты для Сената по улучшению правления на Камчатке, заключающиеся в постройке новых острогов, а священному Синоду предлагает легчайшие способы обращения камчадалов в христианскую веру. Вероятно, таким способом он пытался укрепить свой авторитет в экспедиции и стать равным партнером академикам» [Куприянов, 2003, с. 42–43]. Так, по мнению автора, забота об улучшении условий жизни и работы в тяжелейших условиях, с которыми сталкивались участники камчатского отряда Г. В. Стеллера, может трактоваться как демонстрация «своей значимости», а не элементарное желание облегчить и улучшить жизнь себе и своим сотрудникам. Утверждение автора о том, что стремление Г. В. Стеллера к улучшению жизни коренного населения Камчатки, открытию для детей казаков и новокрещенных камчадалов школ и к христианизации местных жителей, вероятно, вызвано стремлением «укрепить свой авторитет и стать равным партнерам академикам», вызывает как минимум удивление. Мысль о том, что глубоко чувствовавший несправедливость Г. В. Стеллер не мог не сочувствовать местному населению и стремился улучшить его жизнь, что должно было послужить и на пользу России и чему он со своей страстью отдал много времени и сил, автора не посетила. Г. В. Стеллер был последователем пиетизма (о чем см. ниже), и поэтому забота об улучшении жизни жителей Камчатки и их просвещении являлась для него естественной потребностью.

⁹ См. перевод О. А. Кириковой на русский язык текста письма Г. В. Стеллера И. Г. Гмелину и оригинальный немецкий текст письма в книге [Петр Великий... 2022, с. 64–69].

высказываться по самым разным вопросам, в т. ч. и тем, в которых не был специалистом. С другой стороны, честолюбивый Г. В. Стеллер, более чем обоснованно считавший себя специалистом в области биологии и медицины, не понимал, как можно пренебрежительно относиться к его рекомендациям, от следования которым или их игнорирования мог зависеть не только успех экспедиции, но и жизнь ее участников. Возможно, что пренебрежение к советам Г. В. Стеллера было связано с некоторыми его ошибками, как в том случае, когда во время нахождения 12 июня 1741 г. «Святого Петра» на 46° северной широты Г. В. Стеллер говорил, что к югу должна быть земля, но оказался не прав. Примеры ряда других ошибочных рекомендаций указаны в книге Л. С. Берга [Берг, 1946]. В то же время оценки и рекомендации Г. В. Стеллера, основанные на его естественно-исторических знаниях, обычно являлись правильными.

Конфликты Г. В. Стеллера с флотскими офицерами и с В. Берингом [Frost, 1994; 2003], как и с чиновниками на Камчатке, по-видимому, связаны с тем, что, как полагал ученый, они необоснованно чинили препятствия его исследованиям. Иногда это было оправданно, когда речь шла о безопасности корабля и экипажа, иногда нет. Одно дело, когда игнорировались его рекомендации, другое — когда ему отказывали в проведении исследований на суше. Понятны разочарование Г. В. Стеллера и его эмоциональные высказывания по этому поводу: «Мы пришли сюда лишь для того, чтобы увезти американскую воду в Азию» [Стеллер, 1995, с. 40] и «Время, затраченное на исследования, можно было выразить арифметическим отношением: подготовка к достижению цели длилась десять лет, самому же делу было уделено десять часов» [Стеллер, 1995, с. 47].

Зимовка и последующее пребывание на острове Беринга привели к изменению взаимоотношений между членами экспедиции. То, что пришлось пережить участникам плавания и как они смогли выжить в тяжелейших условиях, мы знаем из описаний самих участников [Ваксель, 1940; 2018; Стеллер, 1995; Хитрово, 2018]. Г. В. Стеллер и его приятель Фридрих Христиан Плениснер (*Friedrich Christian Plenisner*; 1711 — после 1779) сделали очень много для первоначального обустройства жизни на острове. Они выкопали первую землянку, начали добывать зверей и птиц для своего пропитания и поддержания жизни тяжелобольных, и их примеру последовали другие выжившие участники плавания. Г. В. Стеллер для этого не только употребил свои медицинские и биологические знания, но и проявил способность поддерживать людей в тяжелейших условиях. Хотелось бы привести две свидетельства.

В своем «Извлечении из моего журнала <...> Камчатской экспедиции <...>» С. Ваксель пишет: «Как только, однако, сошел снег и из земли стали показываться зеленые растения, мы стали собирать различные травы и варили из них чай. Большую услугу оказал нам при этом адъютант Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы; из них мы приготовляли чай, а некоторые травы употребляли

в пищу, что приносило заметную пользу нашему здоровью. Могу с полной достоверностью засвидетельствовать, что ни один из нас не почувствовал себя вполне здоровым и не вошел в полную силу, пока не стал получать в пищу и вообще пользоваться свежей зеленью, травами и кореньями» [Ваксель, 1940, с. 89]. Первый историограф русских морских путешествий, руководитель академического отряда Второй Камчатской экспедиции Герхард Фридрих (Федор Иванович) Миллер (*Gerhard Friedrich Müller*; 1747–1783) считал, что Г. В. Стеллер «не токмо болезни телесные, но и смущенный дух пользовал, ободря всякого веселым и приятным своим обхождением» [Миллер, 1996, с. 102].

Как уже было сказано, большинство конфликтных ситуаций возникало в тех случаях, когда Г. В. Стеллеру чинили препятствия в проводимых им и его сотрудниками исследованиях. Помимо приведенных выше эпизодов, случившихся во время плавания, об этом свидетельствует и конфликт, который возник между Г. В. Стеллером и мичманом Василием Андреевичем Хметевским (Хмитевским) (1698 — после 1777), который после отъезда М. П. Шпанберга, А. И. Чирикова и С. Вакселя был старшим по морской части экспедиции и не допускал сотрудников Г. В. Стеллера «свободно разъезжать по Камчатке, будто бы на основании сенатского указа от 27 января 1743 г. “о запрещении поездок без надобности в камчадалские острожки служилых и всяких чинов людей”» [Андреев, 1965, с. 263, примеч. 141].

Также показательно и отношение Г. В. Стеллера к В. Берингу. Несмотря на возникший между ними конфликт, Г. В. Стеллер, что естественно, добросовестно выполнял обязанности врача, собирал для командора лекарственные растения; первое, что сделал, высадившись на остров, — вместе с Ф. Х. Плениснером подстрелил для него несколько куропаток. Свое отношение к В. Берингу Г. В. Стеллер выразил в дневнике, в главе о смерти капитан-командора. Вот как Г. В. Стеллер описывает его уход: «Как бы ни было больно наблюдать его уход из жизни, его самообладание, серьезные приготовления к смерти и сам его избавительный конец, который наступил, пока он еще полностью владел разумом и речью, достойны восхищения. — Хотя он знал, что открыл неизвестную землю, которая станет его могилой, он тем не менее не желал еще более лишать мужества других, сообщая им об этом раньше времени; было видно, что теперь его волнует только благополучие команды и не заботит собственная жизнь. Он ничего не желал более, чем нашего отплытия с этой земли и, от всего сердца, собственного избавления от страданий. Возможно, он не нашел бы лучшего места, чтобы подготовить себя к вечности, чем это смертное ложе под открытым небом» [Стеллер, 1995, с. 114–115]. Отмечу, что имена В. Беринга и Г. В. Стеллера оказались в истории неразрывно связаны. Ни одно исследование и ни одно повествование о плавании В. Беринга к берегам Северной Америки не обходится без упоминаний о Г. В. Стеллере. Показательно, что в своей знаменитой монографии [Берг, 1946] Л. С. Берг назвал XV главу — «Плавание Беринга и Стеллера к берегам Америки».

Нам ничего не известно о том, были ли у Г. В. Стеллера друзья, но, судя по его запискам, во время плавания у него сложились дружеские отношения с Ф. Х. Плениснером, который по протекции В. Беринга служил в чине капрала в Охотском порту [Березницкий, 2020, с. 114–126]. Скорее всего, именно с рисунков Ф. Х. Плениснера, как это предположил Л. Стейнегер [Stejneger, 1936, p. 511–527], были сделаны цветные рисунки стеллеровой коровы, сивуча и северного морского котика на карте из рукописи С. Вакселя, которую Е. А. Бихнер обнаружил в Царскосельской библиотеке [Büchner, 1891, Tafl.; Ваксель, 1940, вклейка между с. 112 и 113], а также рисунок на копии карты 1754 г. с карты, приложенной к журналу С. Вакселя и подписанной «лейтенант Свен Ваксель, Флота мастер Софрон Хитров. 1744 году», опубликованный П. П. Пекарским [Пекарский, 1869]. Возможно также, что рисунки Ф. Х. Плениснера послужили основой для акварелей, изображавших северного морского котика [СПбФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 91. Л. 292, 293; опубли.: Петр Великий... 2022, с. 73], с которых впоследствии были сделаны гравюры, опубликованные в статье Г. В. Стеллера о морских животных [Steller, 1751], и с рисунка Ф. Х. Плениснера была сделана гравюра к «*Zoographia Rosso-Asiatica*» П. С. Палласа [Pallas, [1834–1842]]. Во время путешествия и зимовки у Г. В. Стеллера сложились добрые отношения с целым рядом членов экспедиции, в первую очередь с обитателями землянки Г. В. Стеллера и Ф. Х. Плениснера на острове [Березницкий, 2020, с. 119].

Особо следует отметить внимание Г. В. Стеллера к коренному населению Камчатки. Ученый окончил университет в городе Галле и преподавал в приютской школе Вайзенхаус, основанной Августом Германом Франке (*August Hermann Francke*; 1663–1727), одним из крупнейших деятелей немецкого пиетизма. Г. В. Стеллер, безусловно, разделял основные положения этого религиозного течения. Пиетисты придавали большое значение внутренним эмоциональным переживаниям, молитве и нравственному самоусовершенствованию, а также воспитанию детей, открытию школ и распространению христианства. Первые месяцы пребывания на Камчатке Г. В. Стеллер занимался не только исследованием естественной истории, но и изучением образа жизни коренного населения полуострова, его занятий и обычаев. Ученый с большой симпатией относился к ительменам и характеризовал их следующим образом: «Народ самой смиренной, верной и к измене несклонной, во всем, сколько им возможно, а не против силы, послушной, невоистой, но токмо в ловле рыбы и зверей упражняющейся, простой, приемной и к восприятию лучших обычаев и обхождению весьма склонной. Так же никакого закона и идолов не имеет, к восприятию самой христианской веры тем охотнейшей» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 550 об.; цит. по: Охотина-Линд, 2009]. В своей книге «Описание земли Камчатки» [Стеллер, 2011] Г. В. Стеллер с симпатией описывает местное население полуострова. Он был возмущен отношением к нему со стороны местного начальства и казаков, указывал, что казаки принесли много бед Камчатке, и попытался

донести до верховных властей, как, по его мнению, создать лучшие условия жизни для коренных жителей, какую пользу это может принести государству и какими путями предложенные улучшения можно претворить в жизнь. Еще 5 января 1741 г. Г. В. Стеллер подготовил доношение Синоду [РГИА. Ф. 796. Оп. 27. № 84. Т. 1 за 1746 г. Л. 107–116; цит. по: Охотина-Линд, 2020; Стеллер, 1907; Охотина-Линд, 2020] о необходимости распространения христианства на Камчатке, для чего необходимо было прислать священников, построить церкви и открыть школы. К 17 апреля 1741 г. им было подготовлено также доношение в Сенат [РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 550–561; СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 800. Л. 397–405 об. (копия); цит. по Охотина-Линд, 2009; Андреев, 1965, с. 249; Охотина-Линд, 2009] с предложениями об улучшении управления Камчаткой — настоящий трактат «О политических вещах Камчатки и народа Камчатского, объявляя при том, какое зло страдают, какой помощи требуют, как жителей в лутчее состояние привести можно и как интерес сей земли без обиды всем и без траты казны к начатию надлежащей умножиться может, откуда невольные бунты, убивства россиянам и камчадалам, неверность их российским и откуды так медленно доброй обычай принимают и так трудно исправиться». Оба доношения тогда же были подготовлены для отправки в Санкт-Петербург. Некоторые из выдвинутых Г. В. Стеллером предложений были вполне практичны, другие наивны, но проделанная им работа показывает как заботу об улучшении жизни камчадалов, так и рвение о государственных интересах. Одновременно с Г. В. Стеллером 25 апреля 1741 г. доношение в Правительствующий сенат о бедственном положении коренных жителей Камчатки и о желательности провести на Камчатке христианизацию и завести школы послал и В. Беринг [Беринг, 2018]. И. Г. Гмелин же считал смешным, что Г. В. Стеллер носится со своими проектами и занимается не своим делом [Андреев, 1965, с. 249, примеч. 86].

В ноябре 1741 г. по распоряжению командира Охотского порта была открыта школа для казачьих детей и новокрещеных камчадалов, а по распоряжению Г. В. Стеллера с 1742 г. состоящий на казачьей службе в Большерецке Иван Попов сменил первого негодного учителя и стал обучать казачьих и иноземческих новокрещеных детей русской грамоте. Перед отъездом с Камчатки Г. В. Стеллер позаботился об этой школе [Пекарский, 1870, с. 598; Андреев, 1965, с. 263]. С письмом В. Беринга и доношениями Беринга и Стеллера были ознакомлены в Санкт-Петербурге, и правительство предприняло некоторые, хотя и недостаточные, меры по исправлению дел в жизни полуострова. По решению Святейшего синода была организована Камчатская духовная миссия под руководством архимандрита Иоасафа Хотунцевского (ок. 1700–1759), которая в 1745 г. достигла Камчатки [Базанов, 1939]. В этом же году она начала открывать школы для ительменов, которые просуществовали до 1783 г.

Г. В. Стеллер пытался защитить местное население от произвола камчатских начальников. Он жаловался в Сенат на то, что камчатские власти не исполняют правительственных распоряжений о нечинении обид

и притеснений туземцам на Камчатке и Курильских островах [Пекарский, 1870, с. 600]¹⁰. В первой половине 1743 г. Г. В. Стеллер самовольно освободил из-под стражи 12 камчадалов, которые содержались в Большерецкой избе под караулом как бунтовщики [Пекарский, 1870, с. 601; Андреев, 1965, с. 260]. Это сыграло роковую роль в судьбе ученого, поскольку назначенный командиром Камчатки писарь Михаил Попов (управлял Камчаткой с июня 1743 г. по 5 февраля 1744 г.) написал по этому поводу на Г. В. Стеллера донос [Андреев, 1965, с. 263, примеч. 141], который послужил основой для возбуждения против него судебного дела и косвенно стал причиной смерти исследователя.

В заключение хотелось бы привести слова Г. В. Стеллера из введения к труду «*De bestii marines*» о его неутолимом желании исследовать неизведанное: «Я ничего не желаю больше, как того, чтобы, если я буду путешествовать по Сибири, мне было поручено также обследовать ненаселенные места, поскольку никто другой не окажется подходящим для этого. И если это мое предложение будет принято, то пусть сочтут меня достойным того, чтобы я был отправлен туда в изгнание на несколько лет. Я достаточно долго прожил бы там, вместо того, чтобы, в противном случае, предусматривать для себя слишком короткую жизнь»¹¹ [цит. по: Новиков, 1948, с. 284].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2 : XVIII век (первая половина). М. ; Л., 1965.
- Базанов А. Г. Школы на Камчатке в XVIII веке // Советский Север — 2: Сб. статей, посвященный памяти С. П. Крашенинникова. Л., 1939. С. 177–194.
- Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742. М. ; Л., 1946.
- Березницкий С. В. Фридрих Плениснер и его вклад в российскую науку XVIII века. СПб., 2020.
- Беринг В. Доношение Беринга Сенату о бедственном положении Камчатки, о необходимости прислать туда хорошего командующего, распространить христианство и завести школы (25 апреля 1741 г.) // Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1741–1742. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд ; отв. ред. В. Хинтцше. СПб., 2018. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов ; т. 12). С. 267–269.
- Бондарь Л. Д. Интеллектуальное наследие XVIII в. в XXI в.: Соликамский ботанический сад — первый частный ботанический сад в России // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре общества

¹⁰ Чтобы понять, кто были представители административной власти на Камчатке в первой половине XVIII в. и каким было это управление, достаточно ознакомиться со списком руководителей Камчатки в XVIII столетии [Пирагис, 2008].

¹¹ «Nec magis in votis habeo, quam quod perlustrata Sibiria, desertorum lustrationem, si nemo hanc in se suscipit spartam, mihi commendare, meque si mea conamina placent, eo muneris ergo in exilium ad aliquot annos mittere dignentur, quo aevum ibi longum trahere possim, quod nimis breve futurum hariolor» [Steller, 1751, p. 293].

- XXI века : сб. науч. трудов участников Международной научно-практической конференции. СПб., 2016. С. 126–133.
- Бондарь Л. Д. О судьбе коллекции сибирских растений участника Второй Камчатской экспедиции Георга Вильгельма Стеллера (1709–1746) // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней : материалы IX Сибирского исторического форума (Красноярск, 14–16 сентября 2022 г.) / гл. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск, 2022. С. 656–659.
- Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М. ; Л., 1940.
- Ваксель С. Рапорт Вакселя Адмиралтейств-коллегии, в котором он сообщает о плавании «Св. Петра» к Америке, о зимовке на необитаемом острове, о смерти Беринга и многих членов команды, о постройке нового судна и о возвращении в Петропавловскую гавань (15 ноября 1742 г.) // Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1741–1742. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд ; отв. ред. В. Хинтцше. СПб., 2018. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов ; т. 12). С. 683–699.
- Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.
- Колчинский Э. И. Г. В. Стеллер и российская Стеллериана // Стеллериана в России / отв. ред. Э. И. Колчинский ; сост. Э. И. Колчинский, Д. А. Гоголев, О. О. Кох, В. В. Рыкова. Изд. 2-е, доп. СПб., 2009. С. 6–35.
- Куприянов А. Н. Арабески ботаники. Кемерово, 2003.
- Липилина И. А., Маматов И. Ю. Скульптурный портрет Георга Вильгельма Стеллера — в подарок Виланду Хинтцше // Collegae, amico, magistro : сб. науч. трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 75–80.
- Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В. Ф. Гнучева. М. ; Л., 1940. (Труды Архива Академии наук СССР; вып. 4).
- Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных // Г. Ф. Миллер. Сочинения по истории России. Избранное / сост. А. Б. Каменский. М., 1996. С. 19–126.
- Новиков П. А. Г. В. Стеллер как зоолог // Труды совещания по истории естествознания 24–26 декабря 1946 г. / под. ред. Х. С. Коштыянца. М. ; Л., 1948. С. 265–285.
- Охотина-Линд Н. А. Предложения Г. В. Стеллера Сенату об улучшении условий жизни на Камчатке // Люди великого долга : материалы Международных исторических XXVI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 166–169.
- Охотина-Линд Н. А. Роль Второй Камчатской экспедиции в организации Камчатской духовной миссии // Камчатка — Россия — мир: Забытые имена : доклады Международных исторических чтений / сост. И. В. Витер. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 134–141.
- Пекарский П. П. Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного *Rhytina borealis*. (Со снимком старинного изображения *Rhytina borealis*) // Записки Императорской академии наук. 1869. Т. 15. Прил. № 1. С. 1–33.

- Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870.
- Петр Великий и основание Петербургской академии наук: Документы и материалы : в 2 ч. Ч. 2 / авт.-сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова ; ред.-сост. Е. Ю. Басаргина; отв. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 8).
- Пирагис А. П. Правители Камчатки. 1700–2007: Краткий биографический справочник. Петропавловск-Камчатский, 2008.
- Соколов В. Е., Парнес Я. А. У истоков отечественной териологии. М., 1993.
- Стеллер Г. В. Донесение Стеллера в Синод о необходимости духовной миссии в Камчатке // Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего Правительствующего Синода. Т. 26. СПб., 1907. Ст. 103–109.
- Стеллер Г. В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки: 1741–1742 / пер. с англ. Е. Л. Станюкович ; ред., предисл. и коммент. А. К. Станюковича. М., 1995.
- Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки / Г. В. Стеллер. Описание земли Камчатки; С. Ваксель. Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 13–405.
- Стеллер Г. В. Рапорт адъютанта Штеллера Сенату, в котором он сообщает о плавании на борту «Св. Петра», о пребывании на американском берегу и жалуется на офицеров команды (16 ноября 1742 г.) // Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1741–1742. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд ; отв. ред. В. Хинтцше. СПб., 2018. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов ; т. 12). С. 704–715.
- Стеллериана в России / отв. ред. Э. И. Колчинский ; сост. Э. И. Колчинский, Д. А. Гоголев, О. О. Кох, В. В. Рыкова. Изд. 2-е, доп. СПб., 2009.
- Татаренкова Н. А. Георг Вильгельм Стеллер: увековеченная память // Aus Sibirien — 2017 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2017. С. 155–156.
- Тункина И. В., Бондарь Л. Д. Издательская серия «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» («Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven»): А. Х. Элерт как участник российско-немецкого научного проекта // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. / отв. ред. С. Г. Петров. Новосибирск, 2023. (Археография и источниковедение Сибири ; вып. 42). С. 41–55.
- Хитрово С. Описание С. Хитрово острова Беринга и зимовки на нем команды «Св. Петра» (около 1 августа 1742 г.) // Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1741–1742. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд ; отв. ред. В. Хинтцше. СПб., 2018. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов ; т. 12). С. 557–560.
- Штеллер Г. В. Письма и документы. 1740. М., 1998.
- Bonaparte Ch. L. American ornithology; or The natural history of birds inhabiting the United States, not given by Wilson. Vol. 2. Philadelphia, 1828.
- Bondar L. D., Bischoff U. Der Botanische Garten in Solikamsk — eine Obdach für die sibirische botanische Sammlung Georg Wilhelm Stellers: gestern und heute // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении

- документального академического наследия : материалы второй Международной научной конференции (24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург) / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14). С. 450–456.
- Büchner E. Die Abbildungen der nordlischen Seekuh [*Rhytina gigas* Zimm]. Mit besonderer Berücksichtigung neu aufgefundenen handschriftlicher Materialien in Seiner Majestät Höchst Eigenen Bibliothek zu Zarskoje Sselo // *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. 7-e série. 1891. T. 38, № 7. P. 1–24.
- Catesby M. The natural history of Carolina, Florida and the Bahama Islands: containing the figures of birds, beasts, fishes, serpents, insects, and plants. Vol. 1. London, 1731.
- Frost O. W. Vitus Bering and Georg Steller: Their Tragic Conflict during the American Expedition // *The Pacific Northwest Quarterly*. 1994. Vol. 86, № 1. P. 3–16.
- Frost O. W. Bering. The Russian Discovery of America. New Haven ; London, 2003.
- Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von den Jahre 1738 bis zu Ende 1740. Th. 3. Göttingen, 1752.
- Golder F. A. Bering's Voyages. An Account of the Russians to Determine the Relation of Asia and America. Vol. 2. New York, 1925. (American Geographical Society Research Series ; Nr. 1).
- Mattioli S. Ecology and biogeography in the introduction to «De bestiis marinis» by Georg Wilhelm Steller // *Archives of Natural History*. 2019. Vol. 46, iss. 1. P. 63–74.
- Pallas P. S. Icones ad Zoographiam Rosso-Asiaticam. Fasc. 1–6. [Petropli, 1834–1842].
- Stejneger L. Georg Wilhelm Steller. The Pioneer of Alaskan Natural History. Cambridge, 1936.
- Steller G. W. De bestiis marinis // *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 1751. T. 2. P. 289–398.
- Steller G. W. Briefe und Dokumente. 1740 / bearb. von W. Hintzsche, Th. Nickol und O. V. Novochatko. Halle, 2000. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven ; Bd. 1).
- Steller G. W. Briefe und Dokumente. 1739 / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von Th. Nickol, O. V. Novochatko und D. Schulze. Halle, 2001. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven ; Bd. 3).
- Steller G. W., Krašennnikov S., Fischer J. E. Reisetagebücher 1735 bis 1743 / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von Th. Nickol, O. V. Novochatko und D. Schulze. Halle, 2000. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven ; Bd. 2).
- Steller G. W., Fischer J. E. Reisetagebücher 1738 bis 1745 / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2009. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven ; Bd. 7).
- Steller's Briefe // Joannis Georgii Gmelini, Reliquias quae supersunt commercii epistolici cum Carolo Linnaeo, Alberto Hallero, Guilielmo Stellero et al., Floram Gmelini sibiricam ejusque Iter sibiricum potissimum concernentis, ex mandato et sumtibus Academiae scientiarum Caesareae Petropolitanae / publ. curavit G. H. Th. Pleniger. Stuttgartiae, 1861. S. 157–185.
- Tilesius W. G. von. Piscium camtschaticorum Терпукъ et Вахня // *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Petersburg*. 5-e sér. 1810. T. 2. P. 335–375.

Е. А. Анненкова
Санкт-Петербург

Мозес Харрис, член Лондонского Аурелианского общества, и его энтомологические рисунки в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН

Статья посвящена Мозесу Харрису (*Moses Harris*; 1731–178[7]), английскому ученому-энтомологу, члену и секретарю Лондонского Аурелианского общества (*the Society of Aurelians of London*), а также художнику и граверу. Восемь акварельных рисунков М. Харриса с изображением насекомых (1779) хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, вместе с коллекцией акварелей художницы и ученого-натуралиста Марии Сибиллы Мериан (*Maria Sibylla Merian*; 1647–1717), в разделе работ ее последователей [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8]. Рисунки Мозеса Харриса, выполненные с несомненным художественным мастерством и научной точностью, заслуживают, как и сам автор, отдельного внимания.

Ключевые слова: Мозес Харрис, энтомолог, aurelian, художник, научная иллюстрация, Лондонское Аурелианское общество, XVIII в., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Е. А. Annenkova
St. Petersburg

Moses Harris, Member of the London Aurelian Society, and His Entomological Drawings in the St. Petersburg Branch of the RAS Archive

The article focuses on Moses Harris (1731–178[7]), an English entomologist, member and secretary of the Society of the Aurelians of London, as well as a painter and engraver. Eight watercolor drawings by M. Harris depicting insects (1779) are held in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, along with a collection of drawings by Maria Sibylla Merian (1647–1717), an artist and naturalist, among the works of her followers [SPbB ARAS. R. IX. Op. 8]. Moses Harris' drawings, performed with an undoubted art skill and scientific accuracy, as well as the author himself, deserve special attention.

Keywords: Moses Harris, entomologist, aurelian, painter, scientific illustration, the Society of the Aurelians of London, 18th century, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS.

...my Fondness for Insects made me very industrious, and I have continually endeavour'd to take all Opportunities, to get Knowledge in Times, Seasons, and Manner of breeding them: Part of which Experience, join'd with the Assistance of my Friends, I do now, with all Submission, lay before the Publick.

*Moses Harris*¹

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) хранятся восемь оригинальных акварельных рисунков с изображением насекомых, выполненных английским энтомологом XVIII в. Мозесом Харрисом (*Moses Harris*; 1731–178[7]) [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 186–193]. Акварели датируются 1779 г. Работы Мозеса Харриса продолжают традицию ботанических и зоологических рисунков немецко-голландской художницы и ученого-натуралиста Марии Сибиллы Мериан (*Maria Sibylla Merian*; 1647–1717), поэтому не случайно они размещены вместе с собранием акварелей М. С. Мериан [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 1–184], в разделе работ ее последователей. Находясь в тени великолепных иллюстраций знаменитой предшественницы, рисунки Мозеса Харриса менее известны и заметны; однако, выполненные с несомненным художественным мастерством и научной точностью, они, как и сам автор, заслуживают отдельного внимания.

На каждом из восьми вышеупомянутых рисунков изображены по несколько насекомых (от трех до восьми), в отдельных случаях в разных проекциях. Семь из восьми рисунков имеют подпись автора в следующих вариантах: «Moses Harris» [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 186, 188], «Moses Harris pinx[it]»² [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 187, 190, 192], «Moses Harris ad vivum»³ [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 189], «Mos. Harris on vellum-paper»⁴ [СПбФ АРАН. Р. IX.

¹ «...мой интерес к насекомым пробудил во мне исключительное усердие, и я постоянно стремился использовать любую возможность для обретения знаний о сроках, сезонах и способах их разведения: часть полученного опыта, подкрепленного поддержкой моих друзей, я ныне со всей покорностью представляю на суд публики». Мозес Харрис. Из предисловия к книге «*The Aurelian, or Natural History of English Insects...*» [Harris, 1766a, p. 1 (Preface)]. (Здесь и далее пер. с англ. Е. А. Анненковой).

² Pinxit (*лат.*) — «нарисовал, написал».

³ Ad vivum (*лат.*) — «с натуры».

⁴ Vellum-paper — веленевая бумага; в XVIII в. — дорогостоящий материал для художественных работ, важных письменных документов, книгопечатания, имеющий текстуру, похожую на велён (*фр. vélin, лат. vellum* — «телячья кожа») или пергамент; веленевая бумага изготавливалась из хлопковых или льняных тряпичных волокон и отличалась высокой прочностью и долговечностью.

Оп. 8. Д. 193]. Все рисунки, выполненные на высококачественной веленовой бумаге (*vellum-paper*), сохранены в отличном состоянии. Изображения бабочек, стрекоз, пчел, жуков не только искусно и красиво исполнены, но и отличаются высокой точностью в передаче деталей (ил. 1–4 цветной вклейки).

Будучи одаренным живописцем, Мозес Харрис тем не менее работал исключительно в области научной иллюстрации. Во всяком случае, другие его художественные работы неизвестны. Исключение составляет лишь выполненный им в 1780 г. гравированный автопортрет⁵ с подписями: «Mos. Harris del[ineavit] et sculp[sit]⁶ 1780», а также «Moses Harris Æta[tis] 49»⁷, что позволяет определить год его рождения (ил. 5 цветной вклейки).

Энтомолог и художник Мозес Харрис родился в Лондоне в 1731 г. О его жизни, как и о деятельности Аурелианского общества, членом и секретарем которого он состоял, известно немного, и главным образом из одного источника — им же написанной книги «The Aurelian, or Natural History of English Insects; namely, moths and butterflies, together with the plants on which they feed. A faithful account of their respective changes; their usual haunts when in the winged state; and their standard names, as given and established by the worthy and ingenious Society of Aurelians» [Harris, 1766a]⁸ (ил. 6 цветной вклейки).

Лондонское Аурелианское Общество, или Общество аурелианцев (*the Aurelian Society / the Society of Aurelians*)⁹ — одно из старейших в мире ученых обществ, объединявших специалистов-энтомологов. *Aurelian* (англ.) — архаичный эквивалент термина *lepidopterist* — лепидоптеролог (ученый-энтомолог, занимающийся изучением чешуекрылых насекомых — бабочек). Слово восходит к лат. *aurum* — золото, а именно к его производным *aurelia* и *aureolus*, обозначающих куколку и кокон золотистого цвета, какие бывают у некоторых видов бабочек. Термины *entomologist* и *aurelian* возникли во второй половине XVIII в., а *lepidopterist* — только в XIX в.

Некоторые биографические подробности из своей жизни, в большей степени относящиеся к энтомологическим занятиям, а также факты из истории Аурелианского общества изложены Мозесом Харрисом в предисловии к труду «The Aurelian, or Natural History of English Insects...». Автор сообщает,

⁵ Мозес Харрис. Автопортрет. 1780 г. [Verrall, 1909, фронтиспис].

⁶ *Delineavit et sculp[sit]* (лат.) — «нарисовал и выгравировал».

⁷ *Aetatis* (лат.) — «в возрасте».

⁸ «“Аурелиан” (здесь: энтомология. — Е. А.), или Естественная история английских насекомых, а именно мотыльков и бабочек, а также растений, которыми они питаются. Достоверное описание их превращений; их обычных мест обитания в крылатом состоянии; а также стандартных названий, данных и утвержденных уважаемым и просвещенным Аурелианским обществом».

⁹ В русском языке термин «aurelian» не был распространен и в силу этого не имеет устоявшегося русского эквивалента; встречаются варианты «аурелиан/аврелиан» и «аурелианец/аврелианец»; первые два, возможно, в большей степени относятся к научной деятельности и означают «энтомолог», последние — к членству в Аурелианском обществе.

что начал собирать и изучать насекомых двадцать лет назад, получив первые уроки от дяди, господина Мозеса Харриса, его полного тезки¹⁰. Дядя был членом «старого», т. е. первого Аурелианского общества, которое существовало в 1740-х гг. Его основателем был Джозеф Дендридж (*Joseph Dandridge*; 1665–1747), английский энтомолог-любитель, коллекционер и художник. Штаб общества располагался в таверне «Лебедь» на улице Чейндж-Элли в лондонском районе Корнхилл¹¹. Здесь «аурелианцы» встречались для изучения, обсуждения, обмена, покупки и продажи собранных насекомых. Именно сюда, в таверну «Лебедь», господин Мозес Харрис (старший) однажды привел своего 12-летнего племянника (вероятно, в 1743 г.), после чего мальчик страстно захотел вступить в Аурелианское общество. Однако в силу юного возраста сделать это не получилось, и он был вынужден ждать, пока повзрослеет и обретет достаточную компетенцию, чтобы соответствовать «коллективу этих просвещенных и любознательных людей» («that ingenious and curious body of people»). Однако в 1748 г. в Корнхилле произошел большой пожар, в результате которого таверна «Лебедь» сгорела дотла вместе с ценной коллекцией насекомых, библиотекой и прочим имуществом, включая «регалии» общества¹². Во время заседания общества огонь столь внезапно и стремительно ворвался в окна, что присутствующие едва успели выбраться из комнаты, бросив шляпы и трости¹³. «Аурелианцы» были настолько опечалены утратой, что, хоть и встретились после этой трагедии несколько раз, воссоздать общество им так и не удалось, и в дальнейшем более четырнадцати лет собрания Аурелианского общества не проводились — до тех пор, пока, «подобно птице феникс», новое общество не возникло «из пепла старого»¹⁴.

Чем именно была заполнена жизнь Мозеса Харриса в период между распадом старого и созданием нового Аурелианского общества, доподлинно не известно. Вероятно, не оставив юношеские амбиции, он продолжил занятия энтомологией, а также живописью, накапливая должные знания, умения и опыт. В этот период он уже начал работу над будущей книгой «*The Aurelian...*». В любом случае, время не прошло даром, и в 1762 г. Мозес Харрис стал членом и секретарем основанного в этом году Второго Аурелианского общества (*the Second Aurelian Society*). Общество просуществовало несколько лет и затем распалось по причине возникших разногласий между его членами (подробности неизвестны) [Allen, 1966, p. 93–94].

¹⁰ «It is now about twenty years since I first began to collect and pursue the study of insects: the first hint I received was from Mr. Moses Harris, an uncle of mine» [здесь и далее: Harris, 1766a, preface].

¹¹ «...the old Society of Aurelians... was held at the Swan Tavern, in Change Alley».

¹² «...the Society's valuable collection of insects, books, etc and all their Regalia».

¹³ «The Society was then sitting, yet so sudden and rapid was the impetuous course of the fire, that the flames beat against the windows, before they could well get out of the room, many of them leaving hats and canes».

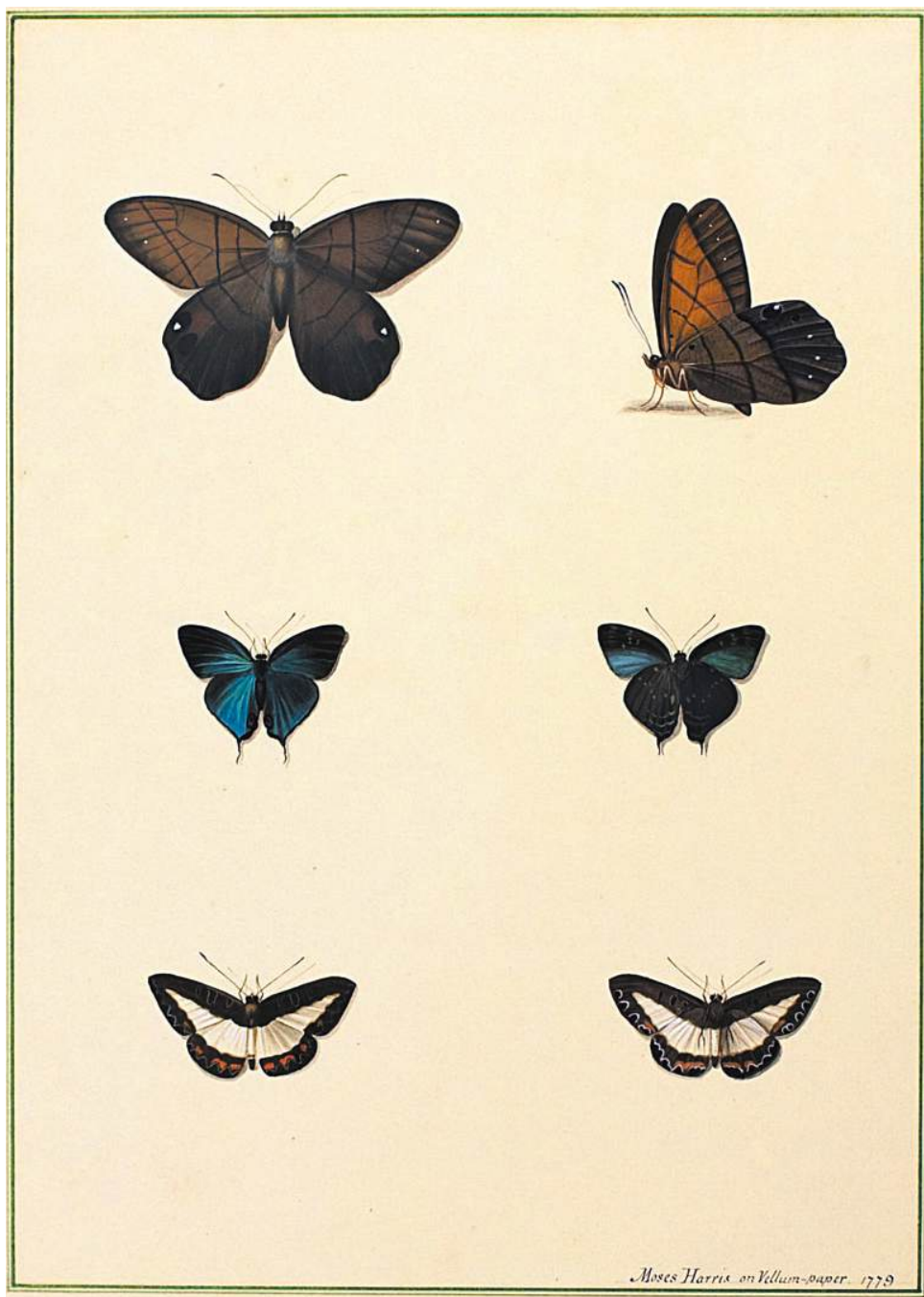
¹⁴ «...for fourteen years, and upward, there was no meeting of that sort, till Phoenix-like our present Society arose out of ashes of the old».

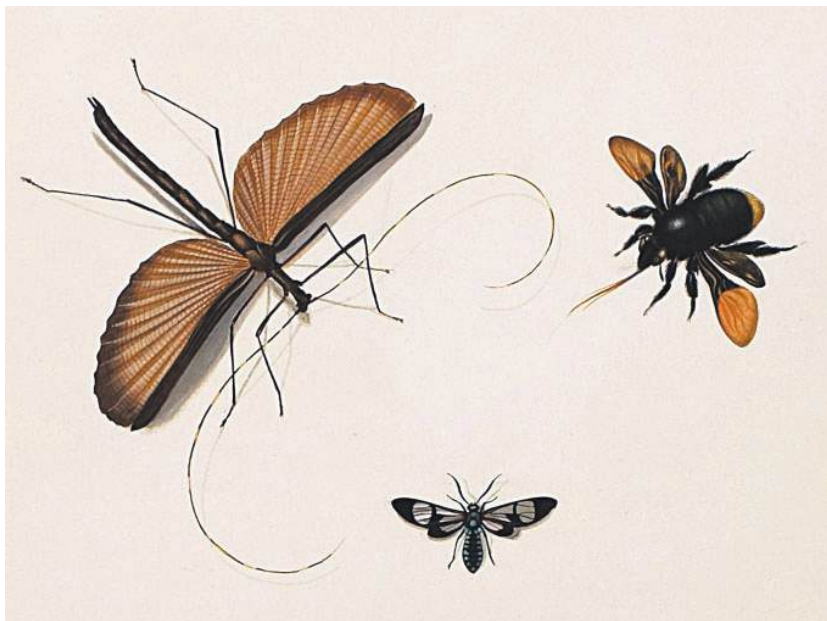
Ил. 1. Мозес Харрис. Акварельный рисунок двух стрекоз и одного жука. 1779 г.

На веленовой бумаге. 24,7 × 32,2 см.

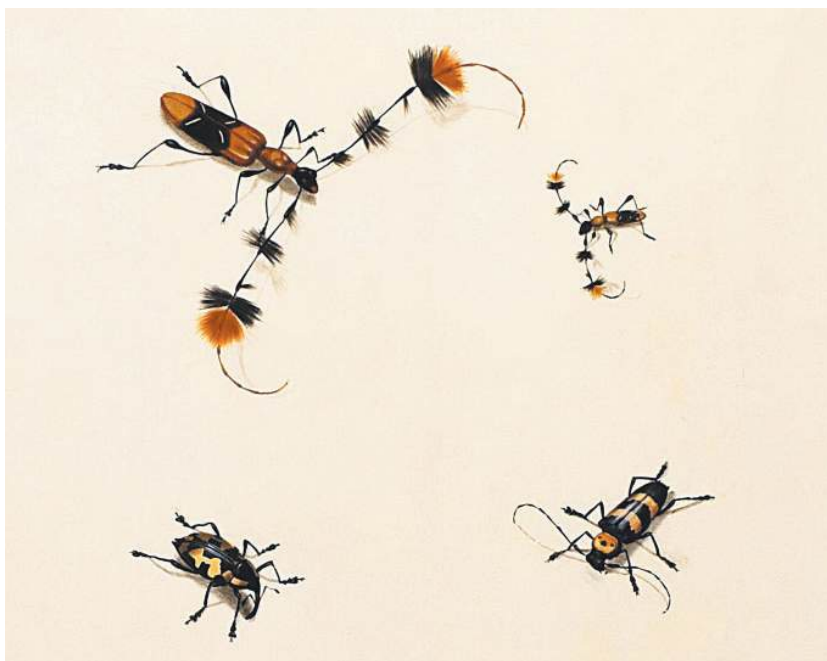
© СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 186. Л. 1

Ил. 2. Мозес Харрис. Рисунок трех бабочек (каждая в двух ракурсах). 1779 г.
На веленовой бумаге. Акварель. 26,3 × 34,7 см
© СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 193. Л. 1

Ил. 3. Мозес Харрис. Акварельный рисунок насекомых. Фрагмент. 1779 г.
На веленовой бумаге. 25,9 × 32,2 см. © СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 187. Л. 1

Ил. 4. Мозес Харрис. Акварельный рисунок жуков. Фрагмент. 1779 г.
На веленовой бумаге. 25 × 32,7 см. © СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 190. Л. 1

Рис. 5. Мозес Харрис. Автопортрет. 1780 г.
[Verrall, 1909, фронтиспис]

T H E
A U R E L I A N :
O R,
N A T U R A L H I S T O R Y
O F
E N G L I S H I N S E C T S ;
N A M E L Y,
M O T H S a n d B U T T E R F L I E S .

Together with the
P L A N T S o n w h i c h t h e y F E E D ;
A faithful Account of their respective Changes ; their usual Haunts
when in the winged State ; and their standard Names, as given and
established by the worthy and ingenious Society of AURELIANS.

Drawn, engraved and coloured, from the natural Subjects themselves.

By M O S E S H A R R I S ,
Secretary to the AURELIAN SOCIETY.

*O Lord, how manifold are thy Works ! in Wisdom hast thou made them all: the Earth
is full of thy Riches.*

L O N D O N :
Printed for the AUTHOR. 1766.

Рис. 6. Титульный лист книги Мозеса Харриса «The Aurelian, or Natural History of English Insects...» [Harris, 1766a]

Рис. 7. Мозес Харрис. Рисунок из книги
«The Aurelian, or Natural History of English Insects...» с посвящением Дрю Друри
[Harris, 1766a, pl. XXXVII]

Рис. 8. Фронтиспис книги Мозеса Харриса
«The Aurelian, or Natural History of English Insects...»
[Harris, 1766a]

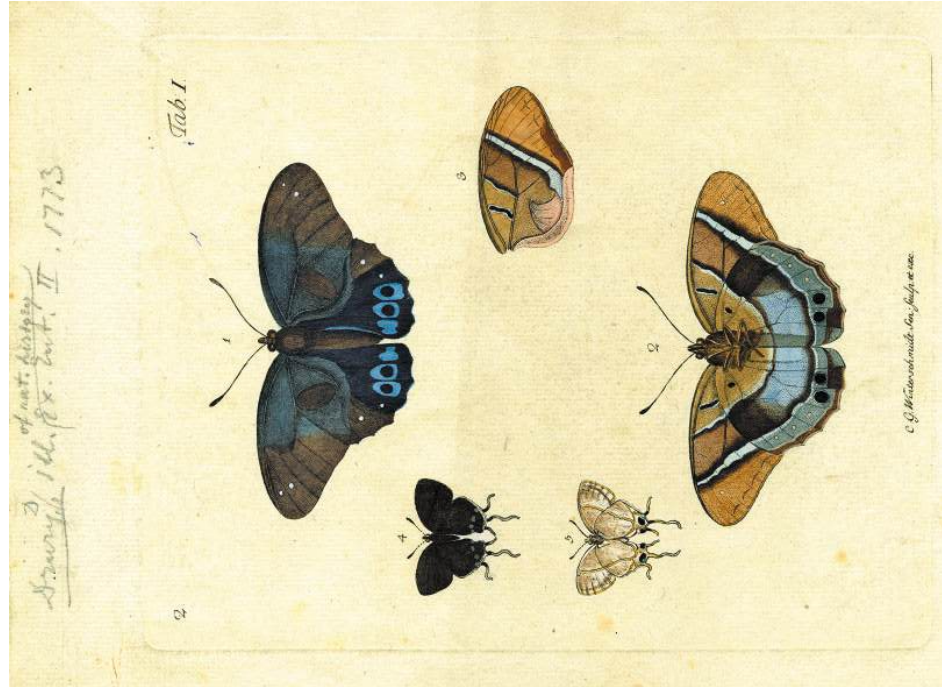

Рис. 9.1. Гравюра [К. Г.] Винтершмидта — старшего (С. G. Winterschmidt Sen.) по рисунку М. Харриса. [1770–1773]. © СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 3. Д. 1. Л. 1

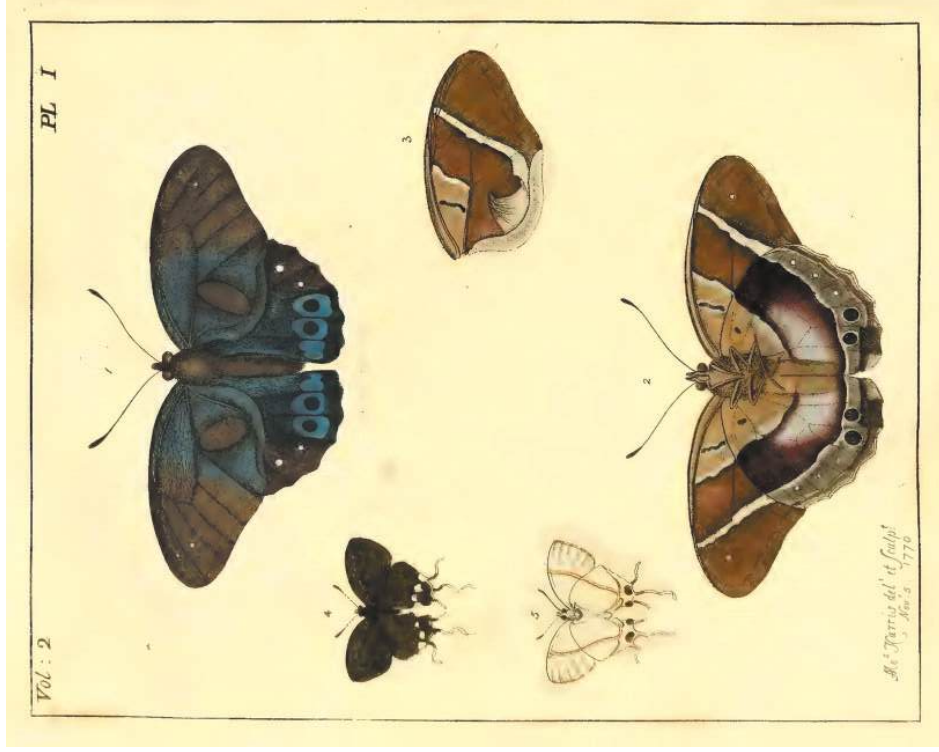

Рис. 9.2. Мозес Харрис. Рисунок из книги Дрю Друри «Illustrations of Natural History...» [Drury, 1773, vol. 2, pl. 1]

В период существования Второго Аурелианского общества деятельность Мозеса Харриса достигла своего расцвета. В эти и последующие годы, помимо работы в обществе, он проявил себя как пытливый ученый-энтомолог, став автором нескольких научных трудов, а также как талантливый художник-иллюстратор, создав множество энтомологических рисунков как для собственных книг, так и для работ других авторов.

Книга «*The Aurelian, or Natural History of English Insects...*», открывающая список изданных трудов Мозеса Харриса, является также одним из первых британских научных трудов по энтомологии. Впервые изданная в 1766 г., книга затем выдержала три переиздания (1778, 1794, 1840 гг.). В ней представлены подробные описания разных видов бабочек и мотыльков. Автор не только описывает внешний вид насекомых, но также рассказывает об их жизненных циклах, среде обитания, поведении, питании и размножении. В книге, кроме того, содержатся рекомендации для коллекционеров насекомых, к примеру: как правильно собирать, сохранять и изучать образцы. Как и в последующих напечатанных трудах, М. Харрис является и автором текста, и художником-иллюстратором. В первом издании «*The Aurelian...*» 1766 г. содержатся 44 листа иллюстраций с изображениями мотыльков и бабочек, вместе с растениями, которыми они питаются¹⁵. На титульном листе обозначено: «*Drawn, engraved and coloured, from the natural subjects themselves by Moses Harris*»¹⁶. Книга «*The Aurelian...*» насыщена прекрасными, высокохудожественными иллюстрациями. Интересно, что большинство из них сопровождаются подписью-посвящением — коллегам автора или высокопоставленным персонам. Например, один из рисунков посвящен известному британскому энтомологу Дрю Друри (*Dru Drury*; 1725–1804), современнику Мозеса Харриса: «*To my ingenious friend and benefactor Mr. Dru Drury this plate is most humbly dedicated by his obliged servant Moses Harris*»¹⁷ [Harris, 1766a, pl. XXXVII] (ил. 7 цветной вклейки). Отдельно стоит упомянуть о прекрасном рисунке на фронтисписе книги с изображением коллекционера-энтомолога во время сбора насекомых на природе (вероятно, автопортрет Мозеса Харриса) [Harris, 1766a, фронтиспис] (ил. 8 цветной вклейки). Рисунок сопровождается цитатой из псалма: «*The Works of the Lord are Great, Sought out of all them that have pleasure therein. Ps. CXI. v. 2*» («Дела Господа велики, вожделенны для всех, любящих оные»)¹⁸. Можно предположить, что, цитируя именно этот стих из Псалтири, автор книги сообщает читателю, что видит смысл в познании мира и обретенные знания вызывают еще большие любовь и восхищение по отношению нему, а также дальнейший интерес к его устройству.

¹⁵ «...moths and butterflies, together with the plants on which they feed...»

¹⁶ «Нарисовано, гравировано и раскрашено с натуры Мозесом Харрисом».

¹⁷ «Моему талантливейшему другу и благодетелю г-ну Дрю Друри этот рисунок скромно посвящает его преданный слуга Мозес Харрис».

¹⁸ Русский текст приведен в соответствии с синодальным переводом Библии (Пс. 110:2).

За книгой «The Aurelian...» последовали еще два труда Мозеса Харриса по энтомологии:

«The English Lepidoptera, or, The Aurelian's Pocket Companion containing a catalogue of upward of four hundred moths and butterflies, the food of their respective caterpillars, the time of changing into chrysalis, and appearance in the winged state, also the places where they frequent and are usually found, with a concise description of each and their dimensions» (первое издание: 1775 г.)¹⁹ [Harris, 1775];

«An Exposition of English insects, including the several classes of Neuroptera, Hymenoptera, & Diptera, or Bees, Flies, & Libellulae. Exhibiting on 51 copper plates near 500 figures, accurately drawn, & highly finished in Colours, from Nature» (первое издание: 1776 г.)²⁰ [Harris, 1782].

В предисловии к книге «The English Lepidoptera...», представляющей собой карманный справочник энтомолога, автор подчеркивает практическое значение издания: «Полезда следующего небольшого издания станет очевидна с первого взгляда любому, кто хотя бы слегка знаком с данной областью естественной истории: автор счел его настолько необходимым, что всегда носил экземпляр в кармане, с тех пор как начал собирать различные виды чешуекрылых»²¹ [Harris, 1775, p. VII].

В сравнении с живописными иллюстрациями в книге «The Aurelian...» рисунки к трудам «The English Lepidoptera...» и «An Exposition of English insects...» выполнены в более научной манере и, возможно, ближе к современному пониманию научной иллюстрации. Восемь оригинальных рисунков Мозеса Харриса, хранящиеся в СПбФ АРАН, по стилю и характеру исполнения сходны с изображениями, представленными в издании «An Exposition of English insects...».

Мозес Харрис стал также одним из иллюстраторов трехтомного труда Дрю Друри «Illustrations of Natural History. Wherein are exhibited upwards of two hundred and forty figures of exotic insects, according to their different genera; on fifty copper-plates. With a particular description of each insect»²²

¹⁹ «Английские чешуекрылые (Lepidoptera), или Карманный спутник энтомолога, содержащий каталог более четырехсот видов мотыльков и бабочек, пищу соответствующих им гусениц, время превращения в куколку и появления в крылатом состоянии, а также мест, где они обитают и часто встречаются, с кратким описанием каждого, включая их размеры».

²⁰ «Описание английских насекомых, включая различные классы: сетчатокрылых (Neuroptera), перепончатокрылых (Hymenoptera) и двукрылых (Diptera), или пчел, мух и стрекоз (Libellulae), с 500 изображениями на 51 листе, точно нарисованными и тщательно раскрашенными, с натуры».

²¹ «The usefulness of the following little work will be obvious at first view, to any one who has the slightest acquaintance with this part of Natural History: the author found it so necessary, that he always carried a copy in his pocket ever since he began to collect the different species of the Lepidoptera».

²² «Иллюстрации естественной истории. В которых представлено более двухсот сокола изображений экзотических насекомых, в соответствии с их различными родами; на пятидесяти медных пластинах. С подробным описанием каждого насекомого».

[Drury, 1770–1782]. В СПбФ АРАН хранятся 24 гравированных рисунка с изображением бабочек, относящиеся ко второму тому этого труда [СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–24]. Рисунки идентичны иллюстрациям в книге. Два из них точно созданы Мозесом Харрисом, что подтверждается наличием его подписи на соответствующих книжных иллюстрациях (на архивных экземплярах подписи М. Харриса нет):

1) рисунок СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 3. Д. 1. Л. 1 (Tab. I; подпись: «C. G. Winterschmidt Sen. sculp[*sit*] et exc[*udit*]²³» — соответствует изображению: «Illustrations of Natural History...», vol. 2, pl. 1 (подпись: «Mos. Harris del[*ineavit*] et sculp[*sit*]: Nov[*ember*] 5, 1770»). То есть, судя по одной подписи, рисунок был создан и гравирован М. Харрисом, однако по другой подписи этот же рисунок был гравирован и напечатан Винтершмидтом (подробности неизвестны);

2) рисунок СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 3. Д. 1. Л. 2 (Tab. II; подпись отсутствует) — соответствует изображению: «Illustrations of Natural History...», vol. 2, pl. 2 (подпись: «Mos. Harris del[*ineavit*] et sculp[*sit*]: Nov[*ember*] 9, 1770») [Drury, 1773, vol. 2, pl. 1, 2] (ил. 9 цветной вклейки).

Помимо книг по энтомологии, Мозес Харрис создал труд о системе цвета в живописи: «The Natural System of Colours: Wherein is displayed the regular and beautiful Order and Arrangement, arising from the Three Primitives, Red, Blue, and Yellow; The Manner in which each Colour is formed, and its Composition; The Dependence which they have on each other; And by their harmonious Connections are produced the Tints, or Colours, of every Object in the Creation; And those Tints, tho' so numerous as 660, are all comprised within the Compass of Three Colours only, which are placed at the Front of the Work»²⁴. В этой работе М. Харрис исследует теорию цвета, основываясь на трех основных цветах: красном, синем и желтом, — и их комбинациях. Книга содержит цветные иллюстрации, демонстрирующие принципы смешивания цветов, и является одной из первых попыток систематизации знания о цвете и его восприятии. Книга «The Natural System of Colours...» была издана в том же 1766 г., что и книга «The Aurelian...». Вероятно, Мозес Харрис одновременно серьезно занимался как энтомологией, так и живописью, отдавая таким образом должное и науке, и искусству. Стоит также отметить, что его научные труды написаны красивым и даже изысканным языком, что говорит и о литературных способностях автора.

²³ [К. Г.] Винтершмидт — старший выгравировал и напечатал.

²⁴ «Естественная система цветов: в которой демонстрируются правильный и прекрасный порядок и расположение, возникающие из трех основных цветов — красного, синего и желтого; способ формирования каждого цвета и его композиция; зависимость цветов друг от друга; и благодаря их гармоничному соединению создаются оттенки или цвета каждого объекта в природе; и это многообразие оттенков, число которых достигает 660, заключено в пределах всего трех цветов, представленных в начале работы» [Harris, 1766b].

Интересно, что книгу «The Natural System of Colours...» Мозес Харрис посвятил своему выдающемуся современнику, британскому живописцу и теоретику сэру Джошуа Рейнольдсу (*Sir Joshua Reynolds*; 1723–1792), первому президенту Лондонской королевской академии художеств (1768–1792): «Сэру Джошуа Рейнольдсу, президенту Королевской академии; Сэр, вдохновленный вашим одобрением следующих страниц, которое было высказано с той исключительной беспристрастностью, что отличает величайшего мастера кисти в Европе, я с величайшей радостью помещаю этот труд под ваше покровительство, как честь, превосходящую любую другую, которая может быть оказана как этому произведению, так и мне самому <...>, с чувством глубочайшей благодарности <...>, Ваш самый покорный, признательный и смиренный слуга, Мозес Харрис»²⁵ [Harris, 1766b, p. 1–2]. Из данного обращения М. Харриса к Дж. Рейнольдсу мы узнаем, что последний ознакомился с содержанием труда М. Харриса и благосклонно к нему отнесся. Однако записей самого Дж. Рейнольдса о его мнении относительно этой книги, как и сведений о взаимоотношениях М. Харриса и Дж. Рейнольдса, не обнаружено.

Отечественных исследований о деятельности Мозеса Харриса на сегодняшний день не существует. Его книги не были переведены на русский язык. В настоящее время оригинальные рисунки, гравюры и книги Мозеса Харриса хранятся в коллекциях нескольких музеев, библиотек и архивов, прежде всего в Лондоне — в Британском музее, Музее естественной истории, Библиотеке Линнеевского общества, Библиотеке и Архиве Королевского общества. Две книги, «The Aurelian...» (1766) и «An Exposition of English insects...» (1782), имеются в библиотеке Зоологического института РАН. СПбФ АРАН, в фондах которого находятся восемь оригинальных рисунков Мозеса Харриса, также вносит свой вклад в сохранение наследия этого талантливого энтомолога и художника, члена Лондонского Аурелианского общества, чьи рисунки остаются примером мастерства научной иллюстрации XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Allen D. E. Joseph Dandridge and the first Aurelian Society // *The Entomologist's Record and Journal of Variation*. Vol. 78. London, 1966. P. 89–94.
- Allen D. E. *The Naturalist in Britain: A Social History*. London, 1976.
- Drury D. *Illustrations of Natural History. Wherein are exhibited upwards of two hundred and forty figures of exotic insects, according to their different genera; on fifty copper-plates. With a particular description of each insect. By D. Drury. To which is added a translation into French*. Vol. 1–3. London, 1770–1782.

²⁵ «To Sir Joshua Reynolds, President of the Royal Academy; Sir, encouraged by your approbation of the following pages, and which was done with that peculiar candours, which marks and distinguishes, the greatest master of the pencil in Europe: I do with the greatest happiness place it under our patronage, as an honour, preferable to any other which can be conferred, either on this work, or myself <...>, with the strongest symptoms of gratitude <...>, Your most humble, obliged, and most obedient servant, Moses Harris».

Harris M. The Aurelian, or Natural History of English Insects; namely, moths and butterflies, together with the plants on which they feed. A faithful account of their respective changes; their usual haunts when in the winged state; and their standard names, as given and established by the worthy and ingenious Society of Aurelians. London, 1766a.

Harris M. The Natural System of Colours: Wherein is displayed the regular and beautiful Order and Arrangement, arising from the Three Primitives, Red, Blue, and Yellow; The Manner in which each Colour is formed, and its Composition; The Dependence which they have on each other; And by their harmonious Connections are produced the Tints, or Colours, of every Object in the Creation; And those Tints, tho' so numerous as 660, are all comprised within the Compass of Three Colours only, which are placed at the Front of the Work. London, 1766b.

Harris M. The English Lepidoptera, or, The Aurelian's Pocket Companion containing a catalogue of upward of four hundred moths and butterflies, the food of their respective caterpillars, the time of changing into chrysalis, and appearance in the winged state, also the places where they frequent and are usually found, with a concise description of each and their dimensions. London, 1775.

Harris M. An Exposition of English Insects, including the several classes of Neuroptera, Hymenoptera, & Diptera, or Bees, Flies, & Libellulae. Exhibiting on 51 copper plates near 500 figures, accurately drawn, & highly finished in Colours, from Nature. London, 1782.

Verrall G. H. British Flies. Vol. 5. London, 1909.

Wilkinson R. S. English Entomological Methods in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Part 3 : Moses Harris' *The Aurelian* // The Entomologist's Record and Journal of Variation. Vol. 80, № VIII. London, 1966. P. 193–200.

М. Н. Додеус, О. А. Кирикова
Санкт-Петербург

**«Быстрыми шагами по славному пути»:
автобиография академика Николая Фусса (1755–1825)**

Ученик Леонарда Эйлера, академик Николай Фусс почти пятьдесят лет был связан с Петербургской академией наук, из них половину не только как ученый, но и как непреременный секретарь. Эти годы были наполнены наукой, государственной службой и общественной деятельностью. Среди самых значимых его достижений: разработка уставов Академии наук и Академии художеств, университетов, гимназий, создание серии учебников по математике.

Ключевые слова: Николай Фусс, Леонард Эйлер, математика, Санкт-Петербургская академия наук.

M. N. Dodeus, O. A. Kirikova
St. Petersburg

**“At a Brisk Pace Along the Glorious Way”:
Publication of Academician Nikolai Fuss’s
Autobiography (1755–1825)**

L. Euler’s student, academician Nikolaus Fuss was associated with the St. Petersburg Academy of Sciences for almost fifty years, half of which he spent not only as a scientist but also as its permanent secretary. These years were filled with science, public service and social activities. Among his most significant achievements are the charters of the Academy of Sciences, the Academy of Arts, those of universities and gymnasiums, a series of textbooks on mathematics.

Keywords: Nikolaus Fuss, Leonhard Euler, mathematics, St. Petersburg Academy of Sciences.

В истории Петербургской академии наук мало найдется таких людей, как Николай Фусс, чьи научные и гражданские заслуги были щедро, а главное, справедливо, вознаграждены еще при жизни. Феномен Фусса во многом можно объяснить тем, что в России его природные таланты и устремления нашли самые благоприятные условия для реализации.

Студенту Базельского университета Николаусу Фуссу еще не исполнилось 18 лет, когда он прибыл в Петербург, чтобы состоять при Леонарде Эйлеру, который лишился зрения, но не вкуса к науке, а потому нуждался в зорком и сообразительном помощнике. Более десяти лет Н. Фусс был благодарным учеником и полезным сотрудником великого математика, а тот с готовностью помогал начинающему ученому. Однако ученик не потерялся в тени своего знаменитого учителя. Уже в ранних работах (о зрительных трубах и микроскопах, о создании ссудных касс), еще не став членом Петербургской академии наук, Фусс проявил себя как оригинальный исследователь, а своим успехом в конкурсе Парижской академии наук 1776 г. показал, что способен и к самостоятельной работе.

Если в исследованиях молодой Н. Фусс шел вперед уверенными и быстрыми шагами, то в продвижении по академической службе оказался не столь скор. Но поскольку все проблемы, с которыми он сталкивался при получении званий адъюнкта (1776) и ординарного академика по высшей математике (1783), не имели ничего общего с наукой, а были связаны лишь с неурядицами в управлении Академии наук, они разрешались, как только наступал порядок в академических делах.

Н. Фусс вырос в небогатой семье и знал цену деньгам, но уже в юности так расставил свои жизненные приоритеты, что на первом месте для него оказалась наука, и если сторонние занятия могли отвлечь от нее, он отказывался от них, невзирая на все материальные выгоды, которые они сулили. Такая преданность делу не замедлила дать результаты: начиная с 1776 г., когда стал адъюнктом, он ежегодно представлял в Конференции две и больше диссертаций по чистой и прикладной математике, физике, астрономии, механике, статистике. Появление в 1784 г. собственной семьи заставило его пересмотреть свои первоначальные взгляды и пойти на совмещение научной деятельности с преподаванием — сначала только в Сухопутном, а потом и в Морском шляхетном корпусе. Его бывшие ученики сражались вместе с А. В. Суворовым против турок, воевали в наполеоновских войнах, служили министрами, дипломатами, управляли губерниями и землями.

С началом нового века перед Н. Фуссом открылась еще и государственная стезя: его стали привлекать к работе в комиссиях по ведомству Министерства народного просвещения. Как член Главного правления училищ он принимал живое участие в составлении регламента Академии наук 1803 г., университетских уставов, новых цензурных правил и т. д.

В 1800 г. Н. Фусс стал непрямым секретарем Академии наук, и к прежним обязанностям прибавились новые, еще более обременительные. Груз ответственности заметно вырос в 1810–1818 гг., когда Академия наук существовала без президента и вице-президента (с 1803 г.) и Н. Фусс являлся фактически ее директором. Эти годы пришлось на окончание затяжного военного конфликта, в который вместе со всей Европой была втянута и Россия и который привел ее к серьезному экономическому кризису. Инфляция в стране усиливала материальное и административное неблагополучие Академии

наук. В этих сложных условиях неприменный секретарь старался сохранить в Академии прежде заведенный порядок: поддерживались международные контакты, выпускались академические журналы, читались научные доклады, снаряжались экспедиции (например, минералогическая А. К. Шлегельмильха на Кавказ в 1810 г., натуралистическая Н. Я. Озерецковского на оз. Селигер в 1814 г.) [Гнучева, 1940, с. 162, 163]. Показательно, что назначенный в 1818 г. президентом С. С. Уваров, отметив жалкое состояние Академии наук и царивший в ней «дух безначалия» [Басаргина, 2016, с. 335], тем не менее попросил императора о награждении неприменного секретаря Н. Фусса за его «многие труды» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1819. Д. 9. Л. 1 – 1 об.].

Потеря, которую понесла Академия наук в 1825 г. со смертью Н. Фусса, была очень точно сформулирована И. Ф. Крузенштерном: «Академия недавно потеряла славного Фусса, <...> для Академии Фусс незаменим, и никто совершенно не представляет себе, кого надо сделать секретарем» [Мументалер, 2009, с. 152].

Почти полвека был связан с Петербургской академией наук Н. Фусс — «родом швейцарец, а сердцем верноподданный России» [Мументалер, 2009, с. 210], но документы из его личного фонда в академическом архиве крайне односторонне отражают его долгую и плодотворную жизнь; в подавляющем большинстве это — рукописи его научных работ [СПбФ АРАН. Ф. 40. Оп. 1]. Есть разрозненные материалы, которые показывают нам Н. Фусса как педагога-реформатора: «Замечания на проект инструкции студентам, отправляющимся для продолжения учебы за границу», «Замечания на проект Лицея в Царском селе», «Черновик письма с замечаниями по поводу преподавания математики и физики в Духовной Академии», «Отзыв об учебниках естествознания для гражданских и народных школ» [СПбФ АРАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 136, 137, 142, 148] и пр., но их сведения слишком фрагментарны, чтобы можно было оценить это направление его деятельности в полной мере. Источники по академической службе Н. Фусса разпылены по фондам Конференции, Канцелярии, Комиссии и Комитета Правления Академии наук, Канцелярий Конференции, президента и вице-президента АН [СПбФ АРАН. Ф. 1, 2, 3, 4, 5] и по коллекциям, в частности отдельные документы собраны в р. V «Персоналия» [СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1. Д. 19]. И это далеко не полный список фондов, где можно обнаружить материалы, связанные с Н. Фуссом.

Тем ценнее возможность ознакомиться с бумагами из семейного архива Эйлеров — Фуссов, который бережно сохраняется их прямыми потомками — Баженовыми (Челябинск). Авторы приносят искреннюю благодарность главе семьи Вадиму Львовичу Баженову и всем ее членам за то, что они решили сделать доступной семейную реликвию — автобиографию Николая Фусса, которую он посвятил своим сыновьям (см. Приложение). Документ этот не датирован, но по содержанию его можно отнести к последним пяти годам жизни ученого (но не позднее 10 октября 1825 г.¹). Кроме того, по самому тону

¹ 10 октября 1825 г. скончался академик Ф. И. Шуберт, о котором Н. Фусс пишет еще как о живом человеке.

этого очерка можно предположить, что составлялся он как духовное завещание сыновьям, которым отец стремился передать не только материальные блага, но и «примеры семейной и гражданской добродетели, безупречное, знаменитое и уважаемое имя».

Надо сказать, что сыновья достойно приняли этот отцовский дар. Старший сын Павел Николаевич (Пауль Генрих, 1798–1855) практически полностью повторил жизненный путь отца: как и он, был академиком по математике, непременным секретарем Академии наук, секретарем Вольного экономического общества, преподавателем математики в Кадетском корпусе, членом многих научных обществ.

Второй сын — Александр — учился в Институте корпуса инженеров путей сообщения, но рано умер, в 17 лет. Третий сын — Вильгельм — изучал медицину в Дерптском университете, практиковал врачом в частной глазной клинике Петербурга.

Егор Николаевич (Георг, 1806–1854) стал астрономом, в составе 11-й духовной миссии посетил Китай, преподавал астрономию в Петербургском университете, после открытия в 1839 г. Пулковской обсерватории был одним из помощников академика В. Я. Струве, в 1848 г. сам возглавил академическую обсерваторию в Вильне.

Самый младший из сыновей — Николай Николаевич (Николаус, 1810–1867) — окончил Дерптский университет и преподавал математику и физику в Морском кадетском корпусе Петербурга. Вместе со старшим братом занимался изданием научного наследия своего прадеда Леонарда Эйлера и отца — Николая Фусса.

Публикуемый документ в оригинале написан по-немецки, его частичный перевод на русский язык, по семейной легенде, был предпринят правнучкой Н. Фусса по линии его сына Егора — Елизаветой Викторовной Баженовой-Фусс (1869–1936), но по неустановленным причинам остался незавершенным. Окончательный перевод выполнен М. Н. Додеус специально для этого издания.

Приложение

**«Николай Фусс. Биографический очерк
(моим сыновьям посвящается)»**

*Не позднее 10 октября 1825 г.
[Санкт-Петербург]*

Каждому человеку любопытно знать, кто были его предки. Если они были низкого происхождения и кто-нибудь из них поднимался на более высокую ступень собственными усилиями, то это будет даже поучительно и интересно, указать, каким путем это было им достигнуто. Удовлетворить это любопытство и передать все поучительное вам, мои дорогие сыновья, вот это цель этого письма, которое написано мной в часы досуга. Кто другой мог

бы вам сообщить о прежних днях вашего отца, если бы провидение решило его отозвать из этого мира прежде, чем вы поймете поучение, которое лежит в основе этого описания моей жизни.

Я родился в Базеле в Швейцарии 30 января 1755 г. в ночь, когда случилось редкое явление — замерз Рейн. Хотела ли природа этим феноменом во время моего рождения мне предсказать, что я однажды буду жителем берегов Невы?

Отец мой был столяр, мать — дочь работника бумажной фабрики². Хотя происхождение моих родителей и было низко, но, несмотря на это, оба были достаточно образованны, как это было принято в аристо-демократическом обществе Базеля, т. к. каждый гражданин считал себя частью гражданства кантона, мог попасть в Совет и этим быть ответственным, для чего требовалось некоторое образование, которое переходило и в более низкие классы и давало чувство правоты и собственного достоинства. На 6-м году жизни свел отец меня в тамошнюю гимназию³, внутренний порядок которой считался образцовым, но где я все-таки, благодаря некоторым отличным учителям и частным урокам у себя на дому, делал такие большие успехи, что при всех полугодовых испытаниях всегда выходил с первым знаком отличия, а в 13 лет был принят в Базельский университет⁴. Уже прежде во мне выказалось стремление к архитектурному рисованию. Все свободное время я проводил, рисуя дома и крепости по рисункам Виньола⁵ и Маролуа⁶. Один искусный инженер по имени Фехтер⁷ предложил мне заняться рисованием.

² Родителей Н. Фусса звали Иоганн Генрих и Сюзанна Фусс (урожд. Баулер).

³ Речь идет об одной из старейших гимназий Европы — т. н. «Гуманистической гимназии» Базеля (*Humanistisches Gymnasium*). Она открылась в 1544 г. на базе латинской школы, основанной еще в XII в. при центральном городском соборе. Гимназия была тесно связана с Базельским университетом, для которого, согласно своему уставу, готовила студентов из числа местных жителей. По этой причине инспектор гимназии всегда назначался из числа университетских профессоров, они же принимали экзамены у гимназистов, по результатам которых особо отличившиеся могли продолжить обучение на двухгодичных публичных курсах университета. Гимназия существует до сих пор и по-прежнему располагается в своем историческом здании на Кафедральной площади, в центре Базеля. Среди ее знаменитых учеников — Иоганн, Даниил и Якоб Бернулли, Леонард Эйлер [Мументалер, 2009, с. 19].

⁴ Н. Фусс был внесен в матрикул Базельского университета 6 октября 1767 г. в качестве студента философского факультета. Изучал в основном математику и военную архитектуру [Die Matrikel... 1980, S. 302].

⁵ Джакомо да Виньола (наст. имя Якопо (Джакомо) Бароцци; *Giacomo da Vignola; Iacopo (Giacomo) Giacomo Barozzi*; 1507–1573) — итальянский архитектор и теоретик архитектуры, живописец.

⁶ Самуэль Маролуа (*Samuel Marolois*; 1572–1627) — голландский математик, военный инженер, автор книг по фортификации и теории перспективы.

⁷ Иоганн Якоб Фехтер (*Johann Jacob Fechter*; 1717–1797) — швейцарский геометр, инженер-строитель, архитектор, геодезист и картограф, работал преимущественно в Базеле. Принял участие в геодезической экспедиции Даниила Бернулли 1755 г., произвел замеры в долине горы Ванненфлю (*Wannenflue*), которые считаются старейшими барометрическими измерениями базельского ландшафта, и нанес их на карту.

После полугодового посещения университета я стал ежедневно заниматься у этого любезного учителя, а остальное время посвящал изучению французского и итальянского языков, алгебры и геометрии. Порой я еще работал в мастерской отца, учился делать шкафы и комоды, не хуже подмастерья или Эмиля из романа Руссо⁸. Это изучение математики, редкое среди юношества Базеля, открыло мне путь к моему счастью. В 1772 г. потребовал ослепший Эйлер через своего друга Даниила Бернулли молодого земляка, который мог быть ему помощником⁹, обещая ему через некоторое время место адъюнкта при Академии в Петербурге, и при этом осведомился обо мне, узнав про меня от одного из находящихся в Петербурге базельцев по имени Гримм¹⁰, который ему про меня говорил. Таким образом я получил после отзыва обо мне Бернулли предложение ехать в Россию на свой счет, жить в доме Эйлера, иметь у него стол, окончить под его наблюдением свое математическое образование и, после данных мной доказательств моих знаний, получить место адъюнкта Академии наук.

Отцу моему казалось невозможным послать молодого 18-летнего юношу, [не обладающего знанием о мире и людях]¹¹, одного и без присмотра за 350 миль, но, уповав на Бога и на мои взгляды, он отпустил меня 10 апреля 1773 г. Я поехал через Страсбург, Мангейм, Франкфурт, Кассель, Ганновер,

⁸ В романе Жан-Жака Руссо «Эмиль, или О воспитании» («Émile ou De l'éducation», 1762) излагалась программа воспитания идеального гражданина путем развития заданных от природы добродетелей. Автор романа мечтал, чтобы его вымышленный герой Эмиль обязательно овладел каким-нибудь «полезным» ремеслом, которое всегда прокормит его во взрослой жизни, не в пример «высоким знаниям», «созданным для того, чтобы питать душу, а не тело» [Руссо, 1912, с. 185].

⁹ В результате осложнения, наступившего после операции на глазах в сентябре 1771 г., Л. Эйлер сильно потерял в зрении и нуждался в помощнике, который бы читал ему вслух и вел за ним записи. В оригинальном тексте воспоминаний Н. Фусса говорится, что Л. Эйлеру был нужен *amanuensis*, что в переводе с латыни как раз и означает «подручный, секретарь ученого, записывающий под диктовку или копирующий набело с рукописи». Сначала эти обязанности выполняли сыновья Л. Эйлера, а также адъюнкт по астрономии А. И. Лексель, работавший под руководством Л. Эйлера с 1768 г., и профессор физики В. Л. Крафт, сын его коллеги по первому академическому периоду профессора Г. В. Крафта. Однако требовался постоянный помощник, способный выдерживать высокий темп научных занятий Л. Эйлера и в то же время понимать его идеи. В поиске помог давний товарищ Л. Эйлера — бывший профессор Петербургской академии наук Даниил Бернулли, который на тот момент являлся профессором физики Базельского университета. Среди своих студентов он особо выделил 17-летнего Н. Фусса. О том, насколько удачным оказался выбор Д. Бернулли, можно судить по отзыву, который он получил от И. А. Эйлера: «Господин Фусс самый приятный молодой человек из всех известных мне, и я был бы счастлив, если бы мои сыновья стали похожи на него» [Лысенко, 1975, с. 13; Мументалер, 2009, с. 62–63, 77–79, 82, 122].

¹⁰ Петер Гримм, уроженец Базеля, приютил у себя Н. Фусса в начале его петербургской жизни. Тот и дальше поддерживал с П. Гриммом связь, встречаясь в его доме с земляками [Мументалер, 2009, с. 122, 199].

¹¹ Здесь и далее фрагменты в квадратных скобках пропущены в переводе Е. В. Баженовой.

Гамбург и Любек в Петербург, куда я прибыл 8 июня, принятый в доме Эйлера с величайшей лаской и радушием всей семьей и самим патриархом. 10 лет я прожил в этой семье, ведя деятельную, но однообразную жизнь¹². С моим учителем я занимался ежедневно от 8 до 10 часов, писал все вычисления, доклады, которые он мне диктовал; вычисления, которые он составлял, я вычислял, читал ему математические сочинения и просил его решать все мои сомнения, которые я встречал при чтении с ним [или при самостоятельном чтении]. Впоследствии я составлял сам доклады, материал для которых он писал мелом на 4 или 5 аспидных досках¹³. От всей этой работы я находил отдых в общении с двумя старшими сыновьями моего учителя и их семьями¹⁴, которые жили с нами под одной крышей. В 1774 году при Академии были напечатаны мои *“Instruction détaillée pour porter toutes fortes de lunettes au plus haut degré de perfection”*¹⁵ (которые профессор Клюгель нашел достойными быть переведенными на немецкий язык¹⁶), но поскольку Эйлер в то время разошелся с директором Академии графом Владимиром Орловым, мое назначение адъюнктом оттянулось до начала 1776 года¹⁷. Однако как

¹² Живя у Эйлеров, Н. Фусс действительно вел довольно однообразную жизнь и сперва настолько монотонную, что в ответ на просьбу отца возобновить ведение дневника заметил, что это бессмысленно, поскольку тогда ему «пришлось бы постоянно записывать, что ел, пил и сколько выкурил трубок, сколько листов бумаги измарал» [Мументалер, 2009, с. 199].

¹³ После неудачной операции Л. Эйлер видел лишь контуры предметов и мог различать большие белые буквы на темном фоне. По многочисленным свидетельствам, на аспидной (т. е. на черной грифельной) столешнице большого стола, находившегося в его кабинете, ученый записывал общие идеи, которые потом Н. Фусс, уже с подробными расчетами, заносил в толстую тетрадь. Размышляя и объясняя, Л. Эйлер имел привычку ходить вокруг стола, держась за него рукой, отчего края столешницы со временем отполировались до блеска [Лысенко, 1975, с. 14–15; Мументалер, 2009, с. 79].

¹⁴ Старшие сыновья Л. Эйлера — Иоганн Альбрехт и Карл. С 1772 г. Эйлеры, и с ними Н. Фусс, проживали в большом каменном доме на углу 10-й линии В. О. и набережной Невы.

¹⁵ Первая научная работа Н. Фусса была издана отдельной книгой в типографии Академии наук в 1774 г.: *Instruction détaillée pour porter les lunettes de toutes les différentes espèces au plus haut degré de perfection dont elles sont susceptibles, tirée de la Théorie dioptrique de Mr. Euler le père et mise à la portée de tous les ouvriers en ce genre par Mr. Nicolas Fuss. Avec la description d'un... microscope qui peut passer pour le plus parfait dans son espèce et qui est propre à produire tous les grossissements qu'on voudra. St.-Petersbourg, 1744 (83 p.)*. Рекомендовавший Н. Фусса Д. Бернулли высоко оценил ее, написав своему бывшему студенту: «Я поздравляю Вас с выходом труда по диоптрике; лучшего вступления в круг ученых нельзя было и желать» [Лысенко, 1975, с. 19].

¹⁶ Георг Симон Клюгель (*Georg Simon Klügel*; 1739–1812) — немецкий математик и физик; почетный член Петербургской академии наук (1794). Через год работа Н. Фусса была переиздана за границей [Мументалер, 2009, с. 125].

¹⁷ В январе 1774 г. отец и сын Эйлеры вступились за проф. Я. Штелина, которого директор гр. Владимир Григорьевич Орлов «хотел собственной властью наказать, наложив на него штраф в размере месячного жалованья». Сочтя подобное обращение с ученым «невозможным для Академии», Л. Эйлер в знак протеста решил оставить всякую работу в ней и участвовать только в заседаниях Конференции, на которых не бывал

только пост директора перешел к Домашневу и я подал дипломную работу, которая была напечатана в первой части Acta, я был назначен адъюнктом и, присутствуя в этой должности при торжествах Академии, имел честь быть представленным при дворе императрицы Екатерины II¹⁸. Между тем мои взаимоотношения и обязанности в доме Эйлера оставались прежними, с той лишь разницей, что теперь оставшееся свободное время я использовал для написания собственных работ, которые представлялись в Академию и печатались в ее журнале. Между другими я прочел в 1778 году на публичном заседании доклад об искусственных магнитах, который был отдельно напечатан и в “*Journal de Physique de Rossier*” вставлен¹⁹. Потом в 1780 году на публичном заседании Конференции, которое посетил наследный принц

директор. Конфликт, однако, не повлиял на желание Л. Эйлера видеть своего ученика и помощника адъюнктом Академии и в мае 1774 г. он просил об этом гр. В. Г. Орлова, и тот пообещал «позаботиться» о Н. Фуссе. Он тем временем завершал работу по диоптрии (о ней см. примеч. 13), рассчитывая в сентябре представить гр. В. Г. Орлову уже готовую книгу. Чтобы ускорить дело с производством Н. Фусса, 13 сентября 1774 г. Л. Эйлер подал гр. В. Г. Орлову соответствующее ходатайство, однако реакции не последовало: того все чаще видели не в Академии наук, а при дворе. Докладывая в заседании Конференции 17 октября 1774 г. о своих новых работах, Л. Эйлер особо хвалил своего ученика, который, по его словам, «весьма преуспел в математике и давно уже пишет для него все представляемые Академии сочинения». Наконец, 4 декабря 1774 г. гр. В. Г. Орлов предложил академикам самим решить судьбу Н. Фусса, и они в тот же день единогласно проголосовали в его пользу, но утвердить результат не получилось, поскольку на следующий день гр. В. Г. Орлов был отправлен в отставку. В апреле 1775 г. Л. Эйлер обратился в Комиссию Академии наук с просьбой наградить Н. Фусса денежной премией, если в отсутствие директора Академия не может иным способом отметить его «прилежание и успехи во всех частях математики» (в ответ Н. Фуссу было выплачено 200 руб.). Только в июле 1775 г. у Академии наук появился новый директор — Сергей Герасимович Домашнев, на которого теперь возлагались все надежды [СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Ф. Д. 19. Л. 44, 45–45 об.; Мументалер, 2009, с. 97–99, 124–126, 128; Протоколы... 1900, с. 153, 162, 165–166, 195].

¹⁸ 11 декабря 1775 г. С. Г. Домашнев впервые присутствовал на заседании Академии наук, чтобы поприветствовать ее членов. В следующий раз, 14 декабря, он уже начал входить в дела Академии и, выслушав рассказ о состоявшихся год назад выборах новых адъюнктов (вместе с Н. Фуссом обсуждались еще кандидатуры И. Г. Георги и М. Е. Головина), обещал решить вопрос окончательно в первом же заседании следующего года, а пока распорядился, чтобы кандидаты представили свои сочинения на латинском языке для издания в академических «Комментариях». Через неделю Н. Фусс это условие выполнил. Наконец, 15 января 1776 г. состоялось его долгожданное производство, 22 января была произнесена полагающаяся случаю вступительная речь, 17 февраля принесена присяга, и 29 декабря 1776 г. адъюнкт по математике Н. Фусс с полным правом вместе со всеми приветствовал императрицу на торжествах по случаю 50-летнего юбилея Академии наук [Протоколы... 1900, с. 217–220, 221, 223, 225, 276–282; СПбФ АРАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 166; Р. V. Оп. 1-Ф. Д. 19. Л. 5].

¹⁹ 13 октября 1778 г. состоялось публичное заседание Академии наук, на котором присутствовало множество важных особ и просто любопытствующей публики. Н. Фусс тогда выступил сначала как дискуссиант по докладу профессора А. И. Лекселя о кометах, а потом рассказал о собственных наблюдениях над искусственными магнитами и продемонстрировал несколько опытов [Протоколы... 1900, с. 377].

Пруссии Фридрих Вильгельм, я сделал доклад “*Sur les satellites des étoiles*”, напечатанный впоследствии в «Астрономическом ежегоднике» в немецком переводе [Бодэ]²⁰. В этих и других работах, частью моих собственных, частью моего учителя, накопившихся до 300 докладов, которые я составлял и вычислял, передавал постепенно в Архив Конференции, заботился об издании в академическом журнале и в “*Opusculis analiticis*”²¹, прошло семь лет без особенного изменения в моей жизни. Но как только княгиня Дашкова вступила в должность директора Академии, по ее почину за мои заслуги я в январе 1783 г. был сделан академиком²².

В том же году доклад был напечатан в Академической типографии отдельной книгой (38 с.): *Observation et expériences sur les aimants artificiels principalement sur la meilleure manière de les faire. Lues à l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg le jour de son assemblée publique de l'année 1778. Par Nicolas Fuss.*

В виде статьи доклад появился в 1782 г. на страницах французского научного журнала, одним из редакторов которого был Ж.-Б. Ф. Розье: *Observations et expériences sur les aimants artificiels; par M. Nicolas Fuss, adjoint de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg // Observations sur la physique, sur l'histoire naturelle et sur les arts, avec des planches en taille-douce; dédiées à Mgr. le compte d'Artois; par M. l'abbé Rozier, de plusieurs Académies, et par M. J. A. Mongez le jeune, etc. Supplément, 1782. T. XXI. P. 3–25.*

²⁰ 19 сентября 1780 г. Академию наук посетил наследный принц Пруссии Фридрих Вильгельм. С. Г. Домашнев, который был тогда директором, предложил показать высокому гостю Библиотеку, Кабинет натуралий и «вообще все, что есть интересного в этом здании» (в Кунсткамере. — М. Д., О. К.), а после прочесть доклады, отражающие текущую деятельность Академии. Такая насыщенная программа оказалась, по-видимому, слишком утомительной для принца, потому что, выслушав первый доклад (П. С. Палласа о разнообразии животного мира), он потерял сознание, едва только начал чтение следующий докладчик — Н. Фусс. Однако, придя в себя, Фридрих Вильгельм «потребовал продолжить заседание» [Протоколы... 1900, с. 491–492].

Эта речь Н. Фусса была издана трижды: на французском, русском и немецком языках. Последняя публикация состоялась благодаря Л. Эйлеру, переславшему французский оригинал речи редактору специального астрономического журнала И. Э. Бодэ, который и выполнил перевод на немецкий язык. См.: 1) *Réflexions sur les satellites des étoiles, présentées à l'Académie et lues dans son Assemblée publique le 19 Septembre; en présence de S. A. R., Msgr. Le Prince de Prusse, par M. Nicolas Fuss // Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae pro anno 1780. Pars posterior. Petropoli, 1784. P. 16–51*; 2) *Фусс Н. Размышления о спутниках звезд, представленные Императорской Академии наук для чтения на ее публичном собрании 19 сентября 1780 г. в присутствии Его королевского высочества монсеньора принца Прусского. СПб., [1780]*; 3) *Betrachtungen über die Fixstern-Trabanten von Hrn. Prof. Fuss in St. Petersburg. Aus dem Französischen übersetzt // Astronomisches Jahrbuch für das Jahr 1785, nebst einer Sammlung der neuesten in die astronomischen Wissenschaften einschlagenden Abhandlungen, Beobachtungen und Nachrichten. Berlin, 1782. S. 132–150.*

²¹ “*Opuscula analytica*” — два тома двадцати восьми ранее не публиковавшихся работ Л. Эйлера, которые были изданы Академией наук в 1783 и 1785 гг.: Leonhardi Euleri *Opuscula analytica*. Petropoli, 1783 (t. 1); 1785 (t. 2).

²² Указ о назначении кн. Екатерины Романовны Дашковой (1744–1810) директором Академии наук был подписан в Сенате 27 января 1783 г. 13 февраля 1783 г. состоялось производство Н. Фусса в ординарные академики по высшей математике [Протоколы... 1900, с. 647, 653].

Этим начинается эпоха увеличенной и многообразной моей деятельности. Эйлер меньше стал нуждаться во мне, т. к. был занят образованием своих внуков — баронов фон Делен²³. Когда я утром списывал все его вычисления с досок, у меня было достаточно материала на несколько часов, чтобы привести его в порядок и разработать для доклада. Остальное время принадлежало мне, и я употреблял его на свои изыскания. Доверие, которое мне оказывала княгиня, давало мне возможность иметь влияние на дела Академии. Многие полезные меры, которые я предлагал, были приведены в исполнение, многие вредные, которые я порицал, были отставлены, не называя меня, т. к. я хотел работать втихомолку, не возбуждая зависти и особого внимания. Например, моя заслуга — то, что члены-корреспонденты стали очень полезным классом Академии²⁴. Через мое посредничество и влияние у княгини я ввел в члены Академии несколько хороших полезных людей, как Фербер, Шуберт, Бернулли²⁵, из которых второй еще до сих пор составляет украшение Академии. Уже в первом году после моего назначения умер мой незабвенный учитель (в сентябре 1783 г.). Конференция, которая почти наполовину состояла из учеников покойного, поручила мне составить похвальную речь. Я это сделал и, благодаря теме и умилению, в котором я находился сам и которое перешло и в души всех слушателей, вызвал такое одобрение, которое вряд ли стоило замалчивать из скромности и которое дошло до Городского совета моего родного города, который попросил меня переслать немецкий²⁶ перевод, оплаченный из государственной казны и напечатанный со всей типографической

²³ Речь идет о детях младшей дочери Л. Эйлера — Шарлотты, которая была замужем за комендантом Пярну Иоганном Якобом фон Деленом (*Johann Jacob von Dehlen*) [Мументалер, 2009, с. 189].

²⁴ С развитием просвещения в России во второй половине XVIII в. начал складываться новый академический класс, официально оформленный лишь Уставом 1803 г. В нем говорилось, что ученые, пока недостаточно известные, но уже обратившие на себя всеобщее внимание своими познаниями, ревностью и старанием, могли стать членами-корреспондентами Академии наук. Первым это звание еще 29 января 1759 г. получил Петр Иванович Рычков (1712–1777). Ко времени, когда кн. Е. Р. Дашкова стала директором, в Академии числилось шесть членов-корреспондентов. Еще один — московский литератор и переводчик Михаил Иванович Веревкин — был избран 17 марта 1783 г., т. е. через полтора месяца после вступления Е. Р. Дашковой в должность. Всего же за одиннадцать лет ее директорства членами-корреспондентами стали семь человек, в основном представители точных и естественных наук [Уставы... 2009, с. 98; Протоколы... 1900, с. 661].

²⁵ Иван Яковлевич (Иоганн Якоб) Фербер (*Johan Jacob Ferber*; 1743–1790) — минералог; ординарный академик по минералогии с 24 апреля 1783 г. по 1 марта 1786 г., почетный член с 1 июля 1787 г.

Федор Иванович (Фридрих Теодор) Шуберт (*Friedrich Theodor von Schubert*; 1758–1825) — математик, астроном, геодезист; адъюнкт по математике с 18 сентября 1786 г., ординарный академик по математике с 18 июня 1789 г., по астрономии — с 1803 г.

Якоб Бернулли (*Jacob Bernoulli*; 1759–1789) — математик; адъюнкт по математике с 20 апреля 1786 г., ординарный академик с 27 сентября 1787 г.

²⁶ Далее перевод М. Н. Додеус.

роскошью. Перевод получил распространение в пределах Швейцарии и был отмечен золотой памятной медалью и лестным благодарственным письмом кантона Базель²⁷.

В следующем, 1784 году я женился на Альбертине — второй дочери старшего сына моего учителя²⁸, и в том же году по приглашению графа де Бальмена я получил должность первого учителя математики в Сухопутном шляхетном корпусе²⁹; здесь в течение почти 20 лет при моем участии было обучено более 1000 офицеров, которые теперь с честью служат в императорских войсках. Внедрение более совершенной методики преподавания математики, составление учебников по всем разделам чистой математики, которые используются по сей день, — вот плод моего труда, который был оценен императором Александром I, назначившим мне пожизненную государственную пенсию в 600 руб., когда в 1803 году он удовлетворил мою просьбу об отставке³⁰.

²⁷ Л. Эйлер скончался от апоплексического удара 7 сентября 1783 г. О его смерти члены Академии наук были официально уведомлены 11 сентября Н. Фуссом, который на время траура исполнял обязанности конференц-секретаря вместо И. А. Эйлера. Тогда же произнес речь по-немецки Я. Штелин, ставший после смерти Л. Эйлера старейшим академиком. Выступление Н. Фусса состоялось 23 октября 1783 г. Оно вызвало «единогласное одобрение всей Конференции» и было опубликовано незамедлительно: *Éloge de monsieur Léonard Euler, lu à l'Académie imperiale des sciences, dans son assemblée du 23 octobre 1783 par Nicolas Fuss. Avec une liste complete des ouvrages de M. Euler. St.-Petersbourg, 1783* (124 p.).

В том же году в Базеле речь была издана на немецком языке в авторском переводе как предисловие к собранию сочинений Л. Эйлера. В 1801 г. состоялось русское издание речи [Протоколы... 1900, с. 696–697, 708; СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 207. Л. 3 об.; Лысенко, 1975, с. 21].

²⁸ Как уже говорилось, Н. Фусс жил в доме Эйлеров и в основном общался с членами этой большой семьи. Ближе всего он сошелся с сыновьями И. А. Эйлера, а дочери ему по-настоящему нравились. Через год после своего приезда в Петербург, в мае 1774 г., Н. Фусс написал отцу в Базель: «Девушки г. профессора [И. А. Эйлера] — три грации, средняя станет чудом». Через десять лет она стала его женой. 6 февраля 1784 г. он сообщил родным о помолвке: «В прошлую пятницу я просил руки второй дочери г. профессора Эйлера, которую уже давно люблю, и получил согласие от ее родителей. <...> Альбертина во всех отношениях превосходная девушка, столь же благовоспитанна, как и красива, столь же умна, как и скромна. Это — выбор сердца, при котором рассудок тоже не бездействовал» [Мументалер, 2009, с. 170, 206].

²⁹ Граф Антон Богданович де Бальмен (*Anton de Balmen*; 1741–1790) — военный и государственный деятель. В 1783 г. был назначен на должность директора Сухопутного шляхетного корпуса и в том же году пригласил Н. Фусса на должность профессора математики, которую тот принял, оставаясь на академической службе.

³⁰ Двадцать лет Н. Фусс отвечал за математическую подготовку будущих офицеров российской армии. За это время он написал несколько учебников, которые выходили как в оригинале на французском языке, так и в русском переводе, и служили учебными пособиями для преподавания математики в военных училищах России в конце XVIII — начале XIX в.: «Начальные основания алгебры», «Начальные основания плоской тригонометрии», «Начальные основания высшей геометрии», «Начальные основания чистой математики» в трех частях.

Видимая польза, которую принесли мои занятия Сухопутному шляхетному корпусу, побудила Морской кадетский корпус, как только тот был переведен из Кронштадта в Санкт-Петербург, предложить мне должность профессора, и после долгих уговоров адмирала Голенищева-Кутузова я дал свое согласие, а в 1797 году приступил к обязанностям³¹.

С юных лет я привык много работать и почти не тратить время на развлечения, это дало мне возможность проводить еженедельно по 20 часов занятий в обоих Корпусах и при этом сохранять вдохновение и силы для проведения напряженных исследований в интересах Академии, обязанностями по отношению к которой (как, впрочем, и к другим своим ведомствам) я никогда не пренебрегал, это я могу сказать честно. Благодаря совмещению нескольких должностей я мог достойно содержать свое многочисленное семейство³² в условиях постоянного роста цен. Лишних денег у меня никогда не было, однако и испытывать нужду не приходилось.

Некоторая экономия и отказ от тех мелочей, которые не являлись необходимостью, давались и мне, и вашей достойнейшей матери без особого труда. Вопреки всем тяготам и невзгодам нам удалось достойно вырастить ваших сестер и вложить в ваше воспитание порядка 10–12 тысяч рублей.

Несмотря на то, что некоторые мои ученые труды были отмечены, никакого чина я до тех пор не имел; и хоть долгое время я относился к этому несправедливому обстоятельству весьма равнодушно, с рождением сына оно стало казаться мне не таким уж неважным, и по представлению президента Академии, барона Николаи, 7 января 1799 г. императором Павлом I я был произведен в коллежские советники, а затем, по прошествии буквально полутора лет, после того как он почтил своим вниманием классы Морского кадетского корпуса (а среди оных был и мой), 25 октября 1800 г. по особому распоряжению директора Корпуса был повышен в должности до статского советника³³. И вот, можно сказать, в одночасье, прослуживши 22 года без чинов, я оказался в почтенном гражданском звании, которое удовлетворяло всем моим пожеланиям; я не стремился получить его, но это была истинная награда за мои заслуги.

Служба в Корпусе хорошо оплачивалась, однако отнимала много времени и сил, поэтому, когда в 1803 г. Н. Фуссу как члену Главного правления училищ было назначено годовое жалованье в 2000 руб. и ожидалось, кроме того, повышение академического содержания, он оставил преподавательскую деятельность [Лысенко, 1975, с. 22–23, 102; Мументалер, 2009, с. 146–147, 149].

³¹ Морской кадетский корпус располагался в Кронштадте в 1771–1796 гг. Его перевод в Петербург состоялся при Иване Логгиновиче Голенищеве-Кутузове (1729–1802), который был директором Корпуса с 1762 г. и до самой смерти.

³² У Николая и Альбертины Фусс было четыре дочери и пятеро сыновей (еще четыре ребенка умерли в младенчестве) [Лысенко, 1975, с. 28; Мументалер, 2009, с. 207–208].

³³ Гражданский чин статского советника по Табели о рангах соответствовал V классу, титуловался «Ваше высочородие», был не равным, но близким полковнику.

В сентябре 1800 года умер мой тесть, и поскольку в последние годы, когда он был уже очень слаб, я часто замещал его в должности секретаря Академии и, к удовлетворению Конференции и президента, вел протоколы, последний назначил меня непременно секретарем³⁴. Такая же честь была оказана мне две недели спустя [Вольным] экономическим обществом, членом которого я был с 1792 года и которое также подавляющим большинством голосов избрало меня своим непременно секретарем по вопросам немецких торговых сделок³⁵.

Такой внезапный рост моей активности вполне мог бы выбить меня из колеи, если бы я не имел привычки находить отдых в чередовании видов своей деятельности. Между тем последующие три года принадлежат, пожалуй, к наиболее интенсивным годам моей жизни, и состояние почти постоянного напряжения могло бы надломить мой хрупкий организм, если бы не благоприятные события, о которых я вскоре поведаю и которые позволили мне отказаться от наиболее утомительных для меня занятий в обоих кадетских корпусах, едва не уничтоживших окончательно мои слабые от природы легкие.

События, которые я имею в виду, стали следствием восшествия на престол императора Александра I. Уже в первые месяцы его благословенного правления мне было лестно узнать, что он осведомлен о моей персоне. Письмо князя Петра Долгорукова (от 6 апреля 1801 г.) содержало поручение императора, за которым последовало много других, переданных через статс-секретарей Муравьева, Энгеля, Сперанского, Молчанова³⁶ и т. д. и которые я выполнил, должно быть, к удовлетворению монарха, потому что в том же году на приеме, устроенном президентом [Вольного] экономического общества, мне посчастливилось получить орден Св. Анны 2-й степени с всемилостивей-

³⁴ И. А. Эйлер умер 6 сентября 1800 г., а 7 сентября являвшийся тогда президентом барон Г. Л. Николаи назначил Н. Фусса конференц-секретарем Академии наук [Протоколы... 1911, с. 847–849].

³⁵ Вольное экономическое общество (Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства) было создано указом Екатерины II от 31 октября 1765 г. Существовало за счет членских взносов, частных пожертвований и целевых государственных субсидий. В XVIII и в начале XIX в. управлялось президентом (до 1778 г. коллегией из трех президентов) и не имело четкой структуры; комитеты и отделения создавались для решения конкретных вопросов [ПСЗРИ, 1830, т. 17, с. 369–373].

³⁶ Кн. Петр Петрович Долгоруков — младший (1777–1806) — военный и государственный деятель, генерал-адъютант, один из приближенных императора Александра I.

Фамилии статс-секретарей Александра I, скорее всего, были внесены в основной текст позже, поскольку написаны над строкой. Вторичный характер вставки косвенно подтверждается тем, что среди перечисленных лиц есть такие, кто занимал эту должность позже описываемых здесь событий. Михаил Никитич Муравьев (1757–1807) был назначен Александром I статс-секретарем в 1801 г., Федор Иванович Энгель (1769–1837) — в 1810 г., Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) служил статс-секретарем в 1801–1812 гг., Петр Степанович Молчанов (1772–1831) — с 1809 (?) по 1815 г.

шим Высочайшим рескриптом³⁷; и потому, что вскоре после этого, в марте 1802 года, пришло распоряжение, согласно которому я, совместно с тайными советниками и сенаторами г-ном Муравьевым и графом Потоцким, должен был рассмотреть в комиссии несколько представленных вниманию монарха новых уставов, а именно: Академии наук, Академии художеств, Московского и Виленского университетов и внести предложения по улучшению этих учреждений, которые считал бы целесообразными³⁸. По исполнении сего Высочайшего распоряжения я не только получил из рук монарха кольцо с бриллиантом в знак всемилостивейшего благоволения, но и был вскоре избран членом только что созданной Комиссии об училищах³⁹.

Итак, начинается еще один важный и примечательный этап моей жизни. Вы, мои дорогие сыновья, найдете кое-что среди моих *portefeuilles*⁴⁰, там будут и наброски моих идей, планов и отчетов, представленных Правлению, и, наряду с моими рекомендациями, просто выдержки из протоколов Правления и поручения Ученого комитета. Вам станет очевидно, насколько я был занят в этой должности. Из своих трудов я привожу здесь только те исследования, проекты университетских уставов, гимназий, уездных и приходских училищ, свой проект Правил цензуры⁴¹, предложения по приоритетному отбору и переводу школьных учебников, план организации географической экспедиции для составления карт, глобусов земной и небесной сфер, план пенсионного обеспечения вдов школьных учителей, что нашли Высочайшее одобрение.

³⁷ В указанный срок президентом Вольного экономического общества являлся один из его основателей, писатель и переводчик Андрей Андреевич Нартов (1737–1813).

³⁸ В 1802–1804 гг. проходила реформа сферы образования, в самом ее начале — 18 марта 1802 г. был создан особый «Комитет для рассмотрения уставов Академии наук, Академии Российской и Московского университета». В него вошли доверенные лица Александра I: сенаторы М. Н. Муравьев и граф С. Потоцкий, а также академик Н. Фусс, которые годом раньше работали над созданием нового регламента Академии наук. Перед членами Комитета стояла задача устроить эти учреждения в соответствии «с целью их учреждения и истинными средствами распространения пользы и их влияния на всеобщее просвещение», ориентируясь на лучшие европейские образцы [ПСЗРИ, 1830, т. 17, с. 75–76; Мументалер, 2009, с. 140, 148].

³⁹ 8 сентября 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, в ведение которого перешли в том числе и вопросы регламентации деятельности академий и университетов, которыми занимался указанный выше Комитет. Н. Фусс за свою работу в нем был пожалован бриллиантовым кольцом стоимостью в 1500 руб. и вместе с академиком Н. Я. Озерецковским, кн. А. Чарторыйским, гр. С. Потоцким, генерал-майорами М. Е. Хитрово и Ф. М. фон Клингером введен в созданную при новом министерстве Комиссию об училищах, переименованную позднее в Правление училищ [ПСЗРИ, 1830, т. 27, с. 243–248, 248–249; Лысенко, 1975, с. 26–27; Мументалер, 2009, с. 148].

⁴⁰ *Portefeuilles* (фр.) — «бумаги».

⁴¹ Как член комиссии при Министерстве народного просвещения в 1804 г. Н. Фусс принял участие в разработке нового цензурного устава (цензурирование, согласно сенатскому указу «Об устройстве училищ», входило в обязанности университетов), который был подписан Александром I 9 июля 1804 г. [ПСЗРИ, 1830, т. 27, с. 440; т. 28, с. 439–444].

Эта работа давалась мне, несомненно, гораздо легче, поскольку я уже занимался подобными вопросами в том самом Комитете г-на Муравьева. Новый проект получил таким образом существенные преимущества в сравнении со старым, поскольку за это время человеколюбие и великодушие монарха в отношении научных учреждений стали заметнее и это позволило быть впредь не такими робкими.

Следствием этого назначения в Правление училищ и более высокой занятости в Академии для меня явилось то, что деятельность моя становилась все более противоречивой — я более не смог продолжать преподавание в обоих кадетских корпусах и попросил об отставке. Лишь таким образом для меня стало возможным (к удовлетворению моего начальства и моему собственному) исполнять возложенные на меня Правлением и возрожденной Академией многочисленные обязанности. В пользу того, что мною были довольны, говорят мое не заставившее себя ждать продвижение и неожиданное назначение действительным статским советником, крест Св. Владимира 3-й степени, пожизненная пенсия в 2900 руб. и дважды возложенное на меня исполнение обязанностей попечителя Петербургского учебного округа⁴².

Итак, дети мои, на примере своего отца, сына плотника, вы видите, каких вершин можно достичь с помощью прилежания, упорства, настойчивости, работоспособности и мастерства. Так пусть же этот близкий вам пример способствует тому, чтобы вы как можно раньше научились быть трудолюбивыми, ценить время, как можно полнее использовать данные вам инструменты для приобретения полезного знания и таким образом стали однажды полезными членами государства, которому ваш отец посвятил все свои силы и которое вознаградило его за это сверх его ожиданий.

Значительная часть этих наград состоит в привилегиях, которые вы получаете благодаря моему положению⁴³. Цените эти привилегии, пользуйтесь ими, если будет необходимо; но прежде на основании собственных заслуг

⁴² Н. Фусс замещал С. С. Уварова в должности попечителя Петербургского учебного округа в 1819 и 1820 гг. Заслуги Н. Фусса не остались незамеченными и были достойно вознаграждены. В марте 1819 г. по представлению президента С. С. Уварова император назначил действительному статскому советнику неперменному секретарю Н. Фуссу «в воздаяние отлично усердной, долговременной и полезной службы и многих трудов, при прохождении оной понесенных», пожизненную пенсию в 2500 руб. в дополнение ко всем выплачиваемым ему пособиям. Орден Св. Владимира 3-й степени, о котором упоминает Н. Фусс, представлял из себя золотой крест, надевавшийся на шейную ленту [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1819. Д. 9. Л. 1-1 об., 2-2 об.].

⁴³ После смерти Н. Фусса его вдове полагались ежегодная пенсия в 1600 руб. (т. е. половина его жалованья по Академии наук, согласно § 20 Устава) и единовременная выплата его полного оклада в 3200 руб. В уважение почти полувековой службы Н. Фусса в Академии наук ее президент С. С. Уваров ходатайствовал о выплате дополнительно по 1000 руб. на несовершеннолетнего сына Николая и незамужнюю дочь Доротею из академического бюджета и 1825 руб. из казны государства. Это прошение было удовлетворено императором 29 марта 1826 г. [СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1-1825. Д. 207. Л. 7-7 об., 9-9 об., 10; Уставы... 2009, с. 86].

изо всех сил стремитесь быть достойными тех преимуществ, которыми государство сочтет правильным наделить вас с учетом моих достижений, когда вы сможете предложить себя к его услугам. Кроме этих преимуществ я оставляю вам свое благословение, хорошее воспитание, примеры семейной и гражданской добродетели, имя не только безупречное, но знаменитое и уважаемое, и надеюсь, что и дети ваши унаследуют его.

(*) Среди моих учеников были мужи, снискавшие почтение на государственной службе и занимающие теперь, когда я пишу эти строки, высокие посты. Здесь назову лишь некоторых для примера:

1) прославившийся своими победами в Финляндии и по ту сторону Дуная, к сожалению, рано скончавшийся генерал от инфантерии граф Николай Михайлович Каменский; 2) президент Дивана в Яссах, тайный советник и сенатор Сергей Сергеевич Кушников; 3) губернатор Симбирска князь Сергей Николаевич Хованский; 4) уполномоченный посол в Касселе, генерал князь Николай Григорьевич Репнин; 5) генерал артиллерии Иван Григорьевич Гогель; 6) служивший гражданским губернатором Санкт-Петербурга действительный статский советник Пасевьев; 7) граф Бобринский; 8) князь Четвертинский; 9) генерал фон Толль; 10) попечитель Казанского университета камергер Михайло Александрович Салтыков, генерал Михайло Степанович Перский, Никита Васильевич Арсеньев, Александр Ильич Хатов⁴⁴.

Архив семьи Баженовых. Автограф Н. Фусса. Перевод с немецкого.

⁴⁴ Ученики Н. Фусса в Сухопутном шляхетном корпусе, «снискавшие почтение на государственной службе»: 1) граф Николай Михайлович Каменский (Каменский 2-й; 1776–1811) — участник Швейцарского похода А. В. Суворова 1799 г., антинаполеоновских военных кампаний 1805 и 1807 гг., русско-турецкой войны, сражений на Дунае и на Балканах 1810 г. во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.; 2) Сергей Сергеевич Кушников (1765–1839) — воевал в русско-турецкую войну 1787–1791 гг., служил адъютантом А. В. Суворова в 1799–1800 гг., был гражданским губернатором Петербурга в 1802–1804 гг., в 1807 г. получил чин действительного статского советника и был назначен сенатором, председательствовал в Диванах в Яссах в 1808–1810 гг.; 3) кн. Сергей Николаевич Хованский (1767–1817) был Симбирским губернатором в 1802–1808 гг.; 4) кн. Николай Григорьевич Репнин (Репнин-Волконский; 1778–1845) — участник войн с Наполеоном (отличился в сражении под Аустерлицем), в октябре 1813 г. был назначен генерал-губернатором королевства Саксонского для послевоенного восстановления края, в 1816 г. стал Малороссийским генерал-губернатором; 5) Иван Григорьевич Гогель (Гогель 1-й; 1770–1834) — в 1806–1830 гг. служил директором Пажеского корпуса, в 1810, 1812–1826 гг. являлся вице-директором артиллерийского департамента Военного министерства; 6) Петр Степанович Пасевьев (1759–1816) — в 1801 г. был произведен в действительные статские советники, в 1804–1808 гг. служил гражданским губернатором Петербурга; 7) гр. Алексей Григорьевич Бобринский (1762–1813) — сын Екатерины II и Г. Г. Орлова, генерал-майор; 8) кн. Борис Антонович Четвертинский (1784–1865) — с 1805 г. участвовал во всех войнах России с Наполеоном; 9) Карл Федорович фон Толль (1777–1842) — участвовал в Швейцарском походе А. В. Суворова 1799 г., воевал с Наполеоном в 1805, 1812–1814 гг., сражался в русско-турецкую войну 1806–1812 гг.; 10) Михаил Александрович Салтыков (1767–1851) — в 1801 г. получил звание камергера, в 1812–1818 гг. являлся попечителем Казанского учебного округа; генерал Михаил

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басаргина Е. Ю. Сергей Семенович Уваров // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. Кн. I. СПб., 2016. С. 332–357.
- Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М. ; Л., 1940.
- Лысенко В. И. Николай Иванович Фусс (1755–1826). М., 1975.
- Мументалер Р. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век. СПб., 2009.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVII : 1765–1766.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXVII : 1802–1803.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXVIII : 1804–1805.
- Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3 : 1771–1785. СПб., 1900.
- Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 4 : 1786–1803. СПб., 1911.
- Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / пер. с фр. М. А. Энгельгардта. СПб., 1912.
- Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М., 2009.
- Die Matrikel der Universität Basel / Hrsg. von M. Triet, P. Marrer, H. Rindlisbacher. Bd. 5 : 1726/27–1817/18. Basel, 1980.

Степанович Перский (1776–1832) — воевал в Итальянскую кампанию 1798–1799 гг., участвовал в Швейцарской кампании А. В. Суворова 1799 г., в 1820 г. был назначен директором Первого кадетского корпуса, участник подготовки военной реформы Александра I; Никита Васильевич Арсеньев (1775–1847) — в 1816 г. получил звание генерал-майора, был директором Императорского Военно-сиротского дома и Петербургского Мариинского института в 1817–1828 гг.; Александр Ильич Хатов (Хатов 1-й; 1780–1846) — генерал-майор, участвовал в Аустерлицком сражении, отличился при осаде Свеаборга в ходе войны со Швецией 1808–1809 гг., в 1814 г. возглавил Топографическое отделение Канцелярии генерал-квартирмейстера, в 1820 г. был назначен начальником Генерального штаба.

А. И. Пеший

Одесса

П. Д. Лукин

Буррон-Марлотт, Франция

Французский негоциант Луи Альбрандт (1759–1834)

Статья посвящена уроженцу Французского королевства (провинция Дофине) Луи Альбрандту, поселившемуся в России в XVIII столетии и получившему российское подданство. Он стоял у истоков торговых отношений между Россией и Францией на юге России, неоднократно избирался херсонским городским головой и внес большой вклад в благоустройство г. Херсона. Статья повествует о его происхождении, его торговой и общественной деятельности в г. Херсоне и о его семье.

Ключевые слова: Луи Альбрандт, Лев Осипович Альбрандт, Амбрён, Антуан д'Антуан, Дофине, Ле Крот, Очаков, Эммануил Осипович де Ришелье, Луи де Рошешуар, Херсон, Херсонский уезд.

A. I. Peshy

Odessa

P. D. Lukin

Bourron-Marlotte, France

French Merchant Louis Albrand (1759–1834)

The article is dedicated to Louis Albrand, a native of the Kingdom of France, Province of Dauphiné, who settled in Russia in the 18th century and received a Russian citizenship. He was at the origin of trade relations between Russia and France in the south of Russia and was also repeatedly elected head of the city of Kherson having made a great contribution to its improvement. The article focuses on his origin, his trade and social activities in Kherson and his family.

Keywords: Louis Albrand, Lev Osipovich Albrand, Embrun, Antoine d'Antoine, Dauphiné, Le Crottes, Ochakov, Emmanuel Osipovich de Richelieu, Louis de Rochechouart, Kherson, district of Kherson.

Тот, кто никогда не обращает взора
к исчезнувшим горизонтам минувшего,
не способен ни мыслить, ни любить.

В. Гюго. *Отверженные*

Происхождение. Луи Альбрандт является представителем древнего рода Альбрандт из с. Ле Крот (*Les Crottes*)¹, располагавшегося близ города Эмбрен/Амбрён (фр. *Embrun*, окс. *Ambrun*), провинция Дофине (*Dauphiné*) Французского королевства, где в 1701 г. в местечке Бовиллар (*Beauvillard*) прихода Ле Крот Жаном Альбрандтом была основана церковь Святой Марии Магдалины, а также находились альбрандтовские часовни Святого Иоанна Крестителя и Святого Рока [Roman, 1887, p. 27].

Род является довольно древним, и первые упоминания о представителях этой фамилии встречаются в первой метрической книге прихода Ле Крот за 1615 г.

Луи Альбрандт стал первым представителем этого рода, поселившимся в России, в г. Херсоне, в 1784 г. В конце XVIII в. он стоял у истоков торговых отношений между Россией и Францией через порты Черного моря, и за заслуги перед Российской империей ему было пожаловано дворянское достоинство.

Луи Альбрандт родился 17 ноября 1759 г. в с. Ле Крот, крещен 18 ноября. Восприемниками при крещении были: Людовик Дюплан Данел (*Louis Duplan Danel*) — бывший капитан полка Божоле, возможно, двоюродный дед, и Мария-Виктория Альбрандт (*Marie-Victoire Albrand*), вероятно, тетя [ADdHA. 5 MI 261. Acte Les Crottes 1755–1759. P. [49]].

Отцом Луи Альбрандта являлся Иосиф Альбрандт (*Joseph Albrand*; род. 08.10.1727, с. Ле Крот). Восприемниками при крещении были: Иосиф Эмбер (*Joseph Imbert*) и Екатерина Бернар Энфуа (*Catherine Bernard Enfoi*) [ADdHA. 5 MI 260. Acte Les Crottes 1726–1730. P. [39]]. Его жена и мать Луи — Анна-Мария Мондэ (*Anne-Marie Mondet*). Их венчание состоялось 26 января 1759 г. в с. Вал-де-Пре-Ла Вашет (*Val-des-Prés-La Vachette*) близ г. Амбрён, пров. Дофине [ADdHA. 2 E 179/1/12. Acte Val-des-Prés-la Vachette 1738–1765. P. [66]].

Их дети: Луи (Людовик) (*Louis*; 1759–1834), Екатерина (*Catherine*; 1761–1774), Лоран (*Laurent*; 1762–1763); Жан-Иосиф (*Jean-Joseph*; умер в младенчестве в 1764 г.); Жак (*Jacques*; 1765–1841); Жанна (*Janne*; умерла в младенчестве в 1768 г.) и Иосиф-Антуан (*Joseph-Antoine*; 1771–?).

¹ Село Ле Крот (*Les Crottes*) довольно древнее. Церковный округ Ле Крот существовал уже в XII в., а в 1458 г. в этом селе упоминается церковь Святой Троицы. Расположено с. Ле Крот в особо красивом месте в Альпийских горах, над р. Дюранс, недалеко от г. Амбрён. Город был известен еще в период Римской Галлии и являлся столицей галльского племени катуригов. В 1970 г. с. Ле Крот было переименовано в с. Ле Кро (*Les Crots*) и сегодня относится к департаменту Верхних Альп (*Hautes-Alpes*).

Дедом героя статьи был Лоран Альбрандт (*Laurent Albrand*; ок. 1690–24.04.1740; с. Ле Крот), королевский нотариус с. Ле Крот. Его жена — Тереза, урожденная Данел (*Thérèse Danel*), дочь Иосифа Данела (*Joseph Danel*), прокурора окружного суда. Их венчание состоялось 17 июля 1713 г. в с. Баратье (*Baratier*) близ г. Амбрён, пров. Дофине, при участии его высочества архиепископа принца Амбрёна (*Ambrun*). Свидетелем жениха стал его высочество Антуан Филипп (*Messire Antoine Philip*) — дядя жениха; свидетелями невесты были: господин Жак Данел (*Jacques Danel*) — доктор теологии; Антуан и Иосиф Данелы (*Antoine et Joseph Danel*) — братья невесты [AddHA. 49/111 3 E 1419. Acte Baratier 1705–1726. P [73]].

Их дети: Магдалена (*Madeleine*; 1718–?); Елизабет (*Elisabeth*; 1721–?); Тереза (*Thérèse*; 1724–?); Иосиф (*Joseph*; 1727–?) и Мария-Виктория (*Marie-Victoire*; 1731–1811).

В прошлом существовал старинный охотничий термин «албранд» (*albrand*), или «алебран» (*alebran*), которым называли молодых утят и который в настоящее время более не используется. Весьма вероятно, что фамилия Альбрандт (*Albrand*) произошла именно от этого охотничьего термина; т. к. во французском языке конечное «д» не произносится, то фамилия звучала как «Албран» или «Альбран» [Encyclopédie... 1751, p. 28]. Позднее в русском переводе возникли некоторые разночтения этой фамилии, и в официальных документах встречаются следующие варианты написания: Албранд, Алебранд, Альбранд, Альбрант и т. д.

В России в официальных документах Луи Альбрандт указывался как Лев (Луиз) Осипович Альбрандт.

В формулярном списке о службе Луиза Осиповича Альбрандта значилось: «Уроженец Французского королевства провинции Дофине города Амбрён, купеческого звания. Занимался торговыми оборотами в разных портах, наконец прибыл для таковых на собственном своем корабле с товарами Российской империи в Херсонский порт в 1784 году, где по заведении связей коммерческих остался в звании иностранного негоцианта, женился, и таким образом основал здесь всегдашнее и постоянное для себя жилище» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1428. Л. 5].

Торговая и общественная деятельность. В 1784 г. по поручению Антуана Игнаса д'Антуана² Лев Осипович Альбрандт возглавил в г. Херсоне торговый

² Антуан Игнас д'Антуан, барон де Сен-Жозеф (*Antoine Ignace d'Anthoine Baron de Saint-Joseph*; 1749–1826) был уполномочен французской стороной вести переговоры с Россией для установления торговых отношений с портами на Черном море. В 1783 г. было дано разрешение его кораблям ходить под российским флагом. Главный командир Херсонской крепости генерал-аншеф И. А. Ганнибал определил Антуана Игнаса д'Антуана жителем г. Херсона, где им был основан торговый дом «Братья Антуан, Сорон и К^о». При содействии князя Г. А. Потемкина д'Антуаном было подано прошение императрице Екатерине II о ведении торговли с Россией через порты на Черном море, на что в 1784 г. последовало разрешение. Мэр г. Марселя (назначен в 1805 г.). Получил титул барона де Сен-Жозефа (1808). Кавалер ордена Почетного легиона. Автор воспоминаний: «*Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire*» («Исторический

дом «Братья Антуан, Сорон и К°», после того как первые его основатели — брат д'Антуана Луи, капитан Сорон, французский негодант Фабр, братья Шарль и Каликта — скончались от эпидемии.

Антуан д'Антуан, вспоминая о Льве Осиповиче, писал: «Из всех французов, которых я нанимал в Херсоне, господин Альбрандт, счастливый продолжатель предприятия, которое я основал, единственный, который до сих пор живет в этом портовом городе. Достойный уровень его предприятия и его жизни в разные времена способствовали неоднократно его избранию в городскую администрацию. Император Александр, посетивший город Херсон, был извещен о его заслугах и удостоил его несколькими наградами от своих щедрот. Этот авторитетный коммерсант полностью оправдал мое доверие своим талантом и честностью. <...> Он пользуется в городах Херсоне и Одессе всеобщим уважением и полным почтением, на которое может претендовать человек этой профессии. Мои с ним отношения позволяли быть в курсе происходящих там событий после моего отъезда, и он мне казался способным заинтересовать коммерсантов и судовладельцев» [Anthoine, 1820, p. 118–119].

Торговый дом «Братья Антуан, Сорон и К°» занимался поставками товаров: из Франции в Россию — вина, сахара, кофе, суконных товаров, оливкового масла, сыров, мебели, шляп, серы для пороха и т. д.; из России во Францию — сала, пшеницы, ржи, мачт, древесины дуба и вяза, шерсти, парусины, табака, пуха, железа, кожи и т. д.

В 1789 г. Лев Альбрандт был поверенным Антуана Игнаса д'Антуана при продаже его дома в Херсоне, который был куплен князем Г. А. Потемкиным-Таврическим для казенных нужд (для госпиталя) за 10 000 руб. [ГАОО. Ф. 1. Оп. 218 (1805 г.). Д. 8]. Поводом для продажи дома стало то, что в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Антуан д'Антуан потерял три корабля, а также то, что с началом Французской революции им была прекращена торговая деятельность в России.

Лев Осипович Альбрандт становится продолжателем дела Антуана д'Антуана. После подписания договора с Турцией в 1802 г. первое французское консульство было образовано не в Одессе, а в Херсоне и в Севастополе. Именно с Херсоном после революции завязались первые коммерческие отношения, установленные главным образом компанией Антуана д'Антуана. Эту деятельность и продолжил его бывший служащий Альбрандт; компания стала работать под названием «Луи Альбрандт, Жув и К°» [Méditerranée... 2003, p. 71; Pingaud, 1886, p. 338].

очерк торговли и навигации на Черном море»; Paris, 1820). Его жена — Мари-Роз, урожд. Клари (*Marie-Rose Clary*), брак состоялся в 1786 г. Ее сестра Мари-Жюли (*Marie-Julie Clary*; 1771–1845) в 1794 г. вышла замуж за Жозефа Бонапарта (*Joseph Bonaparte*; брат Наполеона Бонапарта) и носила титул королевы Неаполитанской (1806–1808), а позднее — королевы Испанской (1808–1813). Ее вторая сестра Дезире Клари (*Désirée Clary*; 1777–1860) являлась невестой Наполеона Бонапарта; брак не состоялся, и Дезире Клари в 1798 г. вышла замуж за маршала Франции Жана-Батиста Бернадота (*Jean-Batiste Bernadotte*; позднее король Швеции и Норвегии Карл XIV).

В октябре 1789 г. Лев Осипович оказал радушный прием прибывшему в Херсон Джону Говарду³, которого поселил в номерах трактира купца Ивана Дофине на Суворовской улице⁴.

В 1794 г. по поручению вице-адмирала и кавалера Николая Семеновича Мордвинова Львом Осиповичем был выписан из Константинополя и доставлен в Николаевский порт на пробу дубовый лес [РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Т. 1. Д. 210].

Лев Осипович вел переписку с адмиралом, главным командором черноморских портов маркизом Иваном Ивановичем де Траверсе; некоторые из этих писем на французском языке сохранились в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота [РГА ВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–6].

В этот период Лев Осипович начинает заниматься общественной деятельностью и 1 января 1800 г. единогласно избирается херсонским городским головой сроком на три года. При избрании его характеризовали так: «Отправляя всегда дела свои по коммерции на непременных правилах честности и сопровождая жизнь свою примерным в благонравии поведением, приобрел чрез то всеобщее уважение к себе граждан города Херсона»⁵.

24 декабря 1800 г. по поручению жителей г. Херсона Лев Осипович обращался с прошением на Высочайшее имя о переносе из Очакова в Херсон или Глубокую пристань портовой таможни [РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 360].

На должности городского головы Лев Осипович «все старания обратил на умножение городских доходов, и благоразумными распоряжениями своими столько оные увеличил, что обыватели херсонские, делавшие ежегодно складку для городских непременных расходов не менее шести рублей от дому, платили уже не более как по одному рублю — при чем еще уплатил большую часть долга на обществе бывшего».

В 1805 г. в Херсоне по Высочайшему повелению был учрежден Комитет для устройства города, и по предписанию херсонского военного губернатора герцога Э. О. де Ришелье Лев Осипович Альбрандт «как человек, приобретший

³ Джон Говард (*John Howard*; 1726–1790) — родился в Энфилде близ Лондона, член Королевского научного общества (с 13 мая 1756 г.), шериф графства Бедфорд (с 1773 г.). Участвовал в борьбе с эпидемией чумы в турецких городах Смирне и Константинополе. Посещал Марсель, Флоренцию, Венецию, Рим и Неаполь для изучения опыта создания противочумных карантинных домов. Впервые оказался в России в 1781 г., где изучал состояние тюрем и больниц, посетив Кронштадт, Тверь, Вышний Волочёк, Москву и Варшаву. 6 октября 1789 г. с сопроводительным письмом от императрицы Екатерины II прибыл в Херсон, где свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Ежедневно посещая военные лазареты, тюремный замок и карантинный госпиталь, бескорыстно занимался лечением бедных людей. В январе 1790 г., оказывая врачебную помощь, заразился и 20 января умер от сыпного тифа. В благодарность жители Херсона установили в его честь памятник. Автор трудов «Состояние тюрем Англии и Уэльса» (1777), «Лазареты Европы» (1778). См. подробнее: [Ревенко, 1976].

⁴ Сведения предоставлены М. Б. Тарасовой (Херсон).

⁵ Здесь и далее цитирование по «Формулярному списку коммерции советника и кавалера Луиза Осипова сына Альбрандта» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1428. Л. 4–9].

к себе доверие начальства, определен в оном со стороны граждан к неременным членам для присутствия в означенном комитете» (с 15 ноября 1805 г.). «Находясь здесь, г[осподин] Альбрандт по доверенности к нему прочих сочленов всегда занимается закупкою потребных к производству комитетских строений материалов, и сие исполняет с примерным бескорыстием и экономией».

А. А. Скальковский, вспоминая о деятельности Льва Осиповича, писал: «Из Одесского Генерал-Губернаторского архива во время моего пребывания в Херсоне (1835) я видел остатки работ, произведенных в 1805-м и последующих годах; все жители отдадут по сему случаю полную справедливость тогдашнему градскому главе, купцу Альбранду, как первой причине восстановления торговли в Херсоне» [Скальковский, 1838, с. 94].

Занятие коммерцией сочеталось у Льва Осиповича с проявлением гостеприимства и заботой о других людях, которую испытал на себе прибывший в Одессу 10 мая 1805 г. граф Луи де Рошешуар⁶. Он был представлен градоначальнику Одессы и херсонскому военному губернатору герцогу Э. О. де Ришелье его старшим братом Луи-Франсуа⁷, состоящим у герцога на службе. Луи де Рошешуар, позднее прибыв в Херсон, узнал о смерти своей матери, графини Элизабет де Рошешуар⁸, вспоминая об этом трагическом событии так: «Я про-

⁶ Луи-Виктор-Леон де Рошешуар (*Louis-Victor-Léon de Rochechouart*; 1788–1858) — адъютант одесского градоначальника и военного губернатора Херсона герцога Э. О. де Ришелье (1811), занимался надзором за выполнением строительных работ в Одессе, о чем свидетельствуют многочисленные его рапорты, подаваемые в Одесский строительный комитет [ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 65. Л. 84, 86, 96, 100, 109, 111, 118, 121, 123, 125, 135, 137, 139, 141, 143, 145, 147, 163, 167, 171, 175, 179, 189, 195, 197, 203, 204]. В 1812 г. по поручению герцога де Ришелье занимался строительными работами («приступил я к деланию около театра тротуаров и починке лестниц»), сооружением каменных мостов вместо деревянных [ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 65. Л. 96, 109, 167].

⁷ Луи-Франсуа де Рошешуар (*Louis-François de Rochechouart*; 1782–?) — военный инженер, занимался строительством мостов через Днестр для переправки войск. Состоял на службе у одесского градоначальника и военного губернатора Херсона герцога Э. О. де Ришелье. В 1805 г. обращался с прошением в Одесский строительный комитет о выделении под застройку места по смежности «г[осподина] инженер полковника и кавалера Ферстера, состоящего на берегу моря, позади малой крепости, между военною гаванью и карантинною пристанью» [ГАОО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 13. Л. 232]. По поручению герцога де Ришелье занимался строительными работами, в связи с чем подавал рапорта в Одесский строительный комитет: в 1806 г. — «порученная смотрению моему обделка канав по городу Одессу ныне уже кончена» [ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 16. Л. 40]; в 1808 г. занимался «отысканием напротив Платоновской пристани ключа воды» [ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 26. Л. 56]. Поручик свиты его императорского величества по квартирмейстерской части (1806). Подполковник (1812). В 1812 г. обращался с прошением в Одесский строительный комитет о выделении под застройку места, находящегося «на пересыпе при самом спуске вниз по Херсонской дороге от города, которое напедь сего принадлежало статскому советнику Карпову» [ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 65. Л. 93].

⁸ Элизабет-Франсуаза Армида Дюри де Морсан (*Élisabeth-Françoise Armide Durey de Morsan*; 1757–1805; в замужестве графиня де Рошешуар) — из приближенных королевы Марии-Антуанетты, супруги короля Франции Людовика XVI. В 1794 г. была вынуждена покинуть пределы Франции вместе с сыном Луи (старшим) после неудачной попытки

снулся после этого ужасного кошмара в доме г-на Альбранда, французского негоцианта, родом из Марселя, жившего долгое время в Херсоне. Он был мэром города, и меня привезли к нему по его приказу. Он узнал мое имя от моего слуги, который ехал со мной. Как только я пришел в себя, г-н Альбранд объяснил, что он написал в Одессу, но что, вероятно, его письмо пришло после моего отъезда. Он и его супруга заботились обо мне и взяли на себя заботы по погребению, которое состоялось на следующий день» [Rochechouart, 1933, p. 86].

1 января 1806 г. Лев Осипович вторично единогласно «от всего херсонского общества» был избран херсонским городским головой, и «должность сию в течении целого трехлетия г[осподин] Альбрандт продолжал с тем же усердием и благоразумием, как и прежде».

В 1806 г., с началом русско-турецкой войны 1806–1812 гг., на основании Высочайшего манифеста от 30 ноября того же года, «собираемо было земское войско, горя пламенным усердием и благоразумием, как и прежде, воли августейшего монарха убеждениями своими пригласил многих из граждан, одних к добровольному поступлению на службу, а других к значительным пожертвованиям», за что получил благодарность от главнокомандующего армией, генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского.

За отличия и усердие к службе был представлен к награждению чином коммерции советника (27 ноября 1807 г.).

В 1808 г. по поручению герцога Э. О. де Ришелье Лев Осипович «нанял временно мореходные лодки для перевоза лесов в Сулину и Килию, купленных к построению казенных магазинов, сим сохранена немалая казенная польза, ибо впоследствии чрез протечение целого лета на наем судов существовали цены намного выше».

Кроме того, в должности городского головы в этот период Лев Осипович «стараниями своими столько увеличил городские доходы без отягощения впрочем граждан, что не токмо выплатил весь бывший на градском обществе долг, но с дозволения начальника губернии выстроил еще каменный двухэтажный общественный дом из 44 покоев, который ныне занимается многими губернскими присутственными местами, а также уездным судом, магистратом и думою».

В декабре 1808 г. Лев Осипович был в третий раз единогласно избран херсонским городским головой и в продолжение этого трехлетия отличился следующим.

9 декабря 1809 г. по поручению герцога Э. О. де Ришелье и херсонского вице-губернатора И. Х. Калагеорги Лев Осипович нанял 22 мореходные лодки для доставки провианта в Дунайскую армию и по настоятельным

организовать побег королевы Марии-Антуанетты. Прибыла в Швейцарию, затем в Бельгию, Голландию и, наконец, в Россию, в Крым. Проживала в Херсоне, где умерла 9 мая 1805 г. в возрасте 45 лет и была похоронена на Старом кладбище города [ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 105. Л. 59 об.].

требованиям генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона в то время, как «жестокость зимы, хотя ужасала шкиперов и хозяев лодок, которые через то не соглашались нанимать лодки, но для примера сам г[осподин] Албрандт приказал шкиперам своих лодок немедленно быть в готовности, что другие, увидевши, и сами согласились и, невзирая на сделавшуюся тогда сильную погоду, отправились из Херсона 12 декабря, хотя с большим усилием, ибо и река не замедлила покрыться льдом, при всем том цена, каковою наняты были лодки, была гораздо ниже той, по каковой наняты были таковые весною здешним адмиралтейством для перевозки в Мингрелию. Сии лодки в продолжении целой зимы доставляли армии провиант, ибо Дунай не замерз, чем доставлена войскам и казне чрезвычайная выгода». За это он был награжден золотой медалью с надписью «За усердие» на Аннинской ленте (26 декабря 1810 г.).

В 1810 г. по поручению херсонского гражданского губернатора Г. Н. Рахманова Лев Осипович нанял до 20 лодок для перевозки провианта в Молдавскую армию на все лето 1811 г. «по весьма умеренной цене, по которой доставка обошлась вполовину дешевле той, какая производилась сухим путем».

По Высочайшему указу, данному Правительствующему сенату 3 декабря 1811 г., пожалован чином коммерции советника⁹. Чин был пожалован Льву Осиповичу при содействии герцога Э. О. де Ришелье, который в одном из писем к министру уделов и финансов России графу Д. А. Гурьеву от 28 апреля 1811 г. писал: «Я осмеливаюсь умолять Вас немного ускорить принятие решения по двум просьбам, которые я имел честь Вам представить на рассмотрение. Я рекомендовал Вашему покровительству, повышение двух вице-губернаторов Херсона и Крыма, и просил титул коммерции советника для херсонского головы [Альбрандта], одного из самых достойных людей, с которым я знаком» [Герцог... 1886, с. 318].

Во время Отечественной войны 1812 г. Лев Осипович Альбрандт пожертвовал 500 руб. на пользу отечества, принял присягу на верность Всероссийскому престолу и вступил в вечное российское подданство (28 марта 1812 г.).

В 1814 г. был избран на четвертое трехлетие херсонским городским головой «единогласно всем херсонским обществом».

31 октября 1817 г. избран херсонским городским головой на пятое трехлетие, и «сию должность продолжает он с примерным усердием к службе, никогда не упуская из виду малейшие общественные выгоды», за что по представлению херсонского военного губернатора графа А. Ф. Ланжерона награжден медалью, украшенной алмазами на голубой ленте, с надписью «За усердие» (1817).

После посещения Александром I Херсона 7–8 мая 1818 г. по представлению херсонского гражданского губернатора графа К. Ф. Сен-При Лев Осипович «в воздаяние столь долговременно прodelываемой на пользу общества

⁹ Коммерции советник — почетное звание, жалуемое лицам торгового сословия, учрежденное в 1800 г. и приравненное к гражданскому чину VI класса, т. е. коллежскому советнику.

г[осподином] Альбрандтом службы, основанной всегда на правилах честности, всегда с непременным усердием и как достойнейший гражданин», был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (указ от 15 августа 1818 г., дата выдачи грамоты — 30 октября 1818 г.).

В грамоте к ордену указывалось: «В воздаяние усердию, оказанному Вами по званию херсонского градского главы к пользе общественной, и содействия Вашего в распространении торговли и промышленности города Херсона, тамошним гражданским губернатором во время личного Нами обозрения сего города засвидетельствованных, с оставлением в прежнем купеческом звании, всемилостивейше пожаловали Мы Вас указом в 15-й день августа 1818 года Капитулу данным, Кавалерам ордена Святого Владимира четвертой степени» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1428. Л. 10–10 об.].

«Сверх сего всеобщая в городе Херсоне и околичных местах молва гласит с достоверностью, что приобретенные г[осподином] Альбрандтом от всех доверенность и уважение к себе, доставляли ему многократно честь быть судьей множества споров и тяжб между гражданами и, кои он большейю частью прекращая миром, сделался через то известным миротворцем».

Лев Осипович Альбрандт избирался на должность херсонского городского головы пять раз на трехлетия: 1800–1802; 1806–1808; 1809–1811; 1814–1816; 1817–1820 гг., — и находился в этой должности в общей сложности 15 лет.

26 января 1829 г. Лев Осипович из иностранных негоциантов был числен в одесское 1-й гильдии купечество, производя торговлю по гостевой статье с объявленным капиталом 50 тыс. 25 руб. [ГАОО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 753, утрачено].

Являлся мануфактур-корреспондентом департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов в г. Херсоне (1832–1834) [Месяцеслов... 1833, ч. 1, с. 645; Месяцеслов... 1834, ч. 1, с. 695].

Недвижимость. 13 ноября 1804 г. Лев Осипович Альбрандт обращался в Одесский строительный комитет с прошением о выделении ему участка земли под торговое заведение, на которое была наложена резолюция: «Выправиться, ежели есть еще место порожной у набережной между Карантинной и Военной гаванью, в таком случае ежели есть, выдать ему, г-ну Албранту, двадцать саженей для построения магазина» [ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 4. Л. 397] (рис. 1).

Рис. 1. Автограф Льва Альбрандта, 1804 г. © ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 4. Л. 397

11 мая 1805 г. Львом Осиповичем был куплен дом у генерал-майора Ивана Григорьевича Бардаки (Бардака), располагавшийся в Одессе на Военном форштадте в IV квартале под № 27 и 28, «со всем к нему принадлежащим под оными номерами существующим строением» за 6000 руб.¹⁰ [ГАХО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 8. Л. 21 об. – 23 об.].

25 августа 1808 г. Л. О. Альбрандт продал Государственной коммерц-коллегии для Херсонской отпускной заставы собственный каменный дом, «состоящий в городе Херсоне I-й части в I-м квартале по улице Софиевской, смежностью с таковыми ж домами входя в оной с правой стороны артиллерии генерала Сиверса, а левой сторон херсонского купца Перта Рожнова, а напротив чрез улицу титулярного советника Грудницкого, со всем принадлежащим к нему каменным и деревянным строением, под которым домом земли в длину от ворот двадцать четыре, а в ширину по улице восемнадцати трех аршинных сажений» за 6000 руб. Сделка была совершена при посредничестве херсонского военного губернатора и кавалера герцога Э. О. де Ришелье [РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1697. Л. 26–27; ГАХО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 17. Л. 55 об. – 58] (рис. 2).

Рис. 2. Фасад дома Льва Альбрандта в г. Херсоне, в Греческом предместье по Софиевской ул., план архитектора коллежского асессора Ф. Вунша, 1804 г. © РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1697. Л. 6

12 сентября 1808 г. Лев Осипович купил у жены умершего херсонского купца Степана Калашниковой, Анны Леонтьевны, дворовое место, «лежащее в городе Херсоне в предместьи Греческого форштадта по смежности домов: с одной купорного мастера Шмита, с другой казенного адмиралтейства,

¹⁰ Участки смежные: № 27 располагался по Ланжероновской ул. между улицами Екатерининской и Ришельевской; № 28 — Ланжероновская ул., угол Ришельевской ул.

третей собственного моего, а с четвертой стороны с площадью, где собирается збиржа, обонесеное каменным и деревяным строением под коим земли в длину тридцать, а поперешнику тридцать три с половиной трех аршинных сажений» за 600 руб. [ГАХО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 17. Л. 64–66].

28 сентября 1810 г. Льву Осиповичу было отведено место в Одессе под застройку (вероятно, под торговые заведения) на Греческом форштадте в LXV квартале под № 699¹¹ [ГАОО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 433. Л. 98, 99].

Лев Осипович владел следующими землями.

В 1812 г. по приказанию херсонского военного губернатора герцога Э. О. де Ришелье ему было отведено 5084 десятины земли в Тираспольском уезде Херсонской губернии в оброчное содержание из участка № 29, к отведенным уже 2800 десятинам земли на правой стороне речки Висуни, по плану под буквою В № 182 и 183, по смежности с участками надворного советника Якимовича и дворянина Томашевского [ГАХО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 778. Л. 4–4 об., 16–16 об.] (рис. 3).

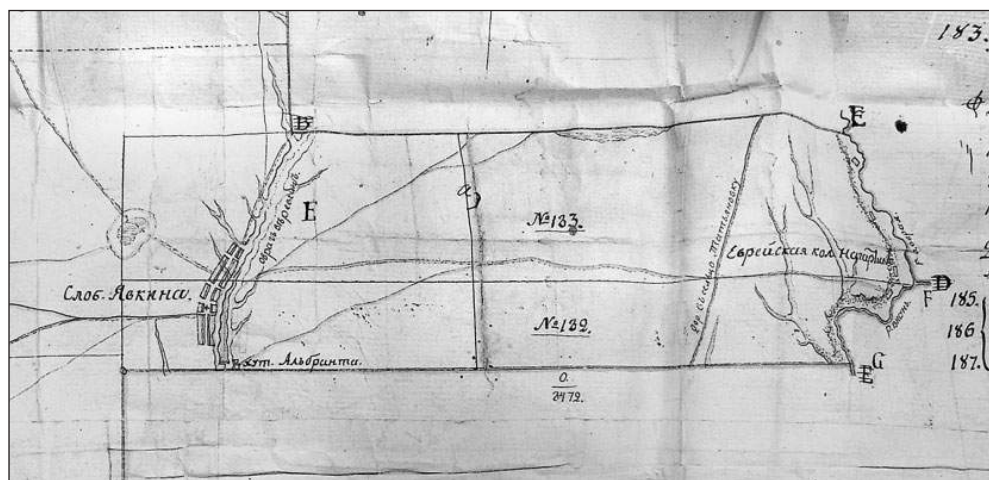

Рис. 3. Фрагмент плана Херсонского уезда с указанием места расположения хутора Льва Альбрандта, 1814 г. © ГАХО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1094. Л. 6

13 апреля 1819 г. Лев Осипович обращается с прошением к херсонскому военному губернатору графу А. Ф. Ланжерону о выделении земли из двух участков, взятых им в оброчное содержание, на которых им были поселены 12 семей крестьян, устроен пруд с разведенной в нем рыбой, заведены испанские овцы, табун лошадей и «хорошей породы» рогатый скот. Просил выделить 3000 десятин земли в Херсонском уезде под № 28 и 30, «состоящей между помещичьими владениями прапорщика Чернопольского, коллежского

¹¹ Участок располагался по Гаванной ул., угол Малого пер.

советника Бредихина и капитан-лейтенантши Рафтопуловой» [ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1819 г.). Д. 2. Л. 7, 11].

В отведении земли в Херсонском уезде Льву Осиповичу оказывал содействие, уже будучи министром иностранных дел и председателем Совета министров Франции, герцог Э. О. де Ришелье, который в письме к императору Александру I отмечал: «Говоря о городе Херсоне, я не могу не упомянуть услуги иностранца, который давным-давно живет в России и стал одним из самых преданных и усердных слуг его величества. Речь идет о французском негоцианте, которого зовут Альбранд и который, почитаемый всеми, был выбран пять раз мэром Херсона и является мэром на сегодняшний день. Таким образом, он посвятил пятнадцать лет своей жизни на общественную пользу и всегда ставил благо своих сограждан выше своих интересов. Следовательно, у него небольшое состояние и у него двенадцать детей¹², которых он должен воспитать и поставить на ноги. Такой человек заслуживает щедрости Вашего величества, и, если Ваше величество соизволит предоставить ему участок, который он ходатайствовал поблизости с г. Херсоном, он будет щедро вознагражден за свое усердие на благо общественности и за свою привязанность к России» [Герцог... 1886, с. 527].

Отведенная с Высочайшего соизволения земля была исключена из казенного ведомства и из оброчного оклада со времени ее выделения [РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 477; Ф. 1341. Оп. 24 (1823 г.). Д. 1099].

В 1822 г. Лев Осипович владел в Херсонском уезде при д. Альбрандтовке «удобной 3000 и неудобной под дорогами, в отвершках оврагов и водоройнах, также под ложиною водою наполняющеюся 53 десятины 1480 квадратных сажень земли по всемилостивейшему пожалованию отведенной под скотоводство» [ГАХО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1432].

Дворянство. 14 ноября 1821 г. Херсонское дворянское депутатское собрание слушало прошение помещика Херсонского уезда коммерции советника и кавалера Льва Осиповича Альбрандта о признании его в правах потомственного дворянства на том основании, что он «в воздаяние усердия и заслуг по разным случаям оказанных, при особых монарших наградах, засвидетельствованных от главного начальства, всемилостивейше пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени и на сей орден получил Высочайшую грамоту», и постановило внести его вместе с потомством в 1-ю часть Дворянской родословной книги Херсонской губернии и выдать грамоту [РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1428. Л. 12 – 15 об.]. Однако Правительствующий сенат это определение не утвердил — по причине получения Львом Осиповичем ордена Св. Владимира 4-й степени не на действительной государственной службе; при этом новое определение было утверждено 4 февраля 1826 г. Определение о внесении детей Л. О. Альбрандта в I часть Дворянской

¹² В письме герцог допустил неточность: у Льва Альбрандта было 10 детей.

родословной книги Херсонской губернии оказалось утверждено 6 ноября 1836 г. [РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1428. Л. 33–36].

Позднее, 22 марта 1900 г., по прошению внука Льва Осиповича, Александра Петровича Альбрандта, был высочайше утвержден родовой герб дворян Альбрандтов [РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 19. Л. 20] (рис. 4).

По проекту, представленному А. П. Альбрандтом, герб имел следующее описание: «В лазуревом щите, золотой, чернью дамасцированный, щиток. В золотой главе щита три якорных креста, средний — червлёный, крайние — черные. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три страусовых пера, среднее золотое, обремененное черной лилией, а крайние — лазуревые. Намет: лазуревый с золотом» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 19. Л. 13].

В 1904 г., по прошению правнука Льва Осиповича, Владимира Николаевича Альбрандта, герб дворян Альбрандтов был внесен в XVIII часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 19. Л. 24; Лукомский, Тройницкий, 2004, с. 18].

Семья. Лев Осипович Альбрандт был женат дважды: первым браком на «благородной» Анне де Клесс (де Клессе; р. до 1870) [РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1428. Л. 72–72 об., 100], цесарскоподданной, брак состоялся примерно в 1797 году; вторым браком (между 1813 и 1820) — на Анне Ивановне Панголо [РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1428. Л. 15], родившейся около 1777 г.; брак состоялся примерно в 1797 г. Анна Ивановна являлась дочерью дворянина Ивана Яковлевича Панголо¹³, херсонского городского головы (в течение трехлетий: 1821–1823, 1841–1843; 1843–1845 гг.).

15 ноября 1805 г. цесарская негоциантка Анна Альбрандт приобрела продаваемый за долги конторский дом коммерческой компании графа

Гербъ рода Дворянъ
Альбрандъ.

Рис. 4. Герб дворянского рода Альбрандт.

© РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 108. Л. 23

¹³ Иван Яковлевич Панголо, греческой нации, из дворян о. Зея, уроженец города того же имени, сын Якова Николаевича Панголо. На 1795 и 1811 гг. владел в Херсонском уезде при хуторе на Веревченой балке девятью мужского и пятью женского пола крестьянами. Определением Херсонского дворянского депутатского собрания от 17 апреля 1841 г. все семейство было внесено в IV часть Дворянской родословной книги, но определением Правительствующего сената от 20 сентября 1845 г. было отказано в утверждении этого определения за недостатком оснований для дворянского звания. Указом Правительствующего сената, данным Херсонскому дворянскому депутатскому собранию 28 декабря 1845 г., сообщено о том, что определение Херсонского дворянского депутатского собрания от 17 апреля 1841 г. за недостаточностью оснований не утверждено [РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 566].

Протопотоцкого¹⁴, «с аукционного торгу состоящий в городе Херсоне в 1-й части дом, называемой Канторским, и по разделении оно на три части продало дворовое угольное пустое место с ветхим небольшим деревянным сараем и воротами, обнесенное с двух по улицам и с третьей задней стороны до половины каменным забором — лежащее по Софиевской улице в смежности с домами надворного советника Ивана Миллера, коллежской ассесорши Мельниковой, майорши Шулеповой, губернского секретаря Петра Семенюты и цесарского подданного Петра Дере, в коем дворовом месте земли длины двадцать пять — ширины двадцать три трепаршинных сажень» за 325 руб. [ГАХО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 8. Л. 50–52].

В январе 1834 г. Анной Ивановной вместе с мужем, Львом Осиповичем Альбрандтом, в Одессе было сделано приношение в пользу бедных вместо праздничных визитов на Новый год [Одесский вестник, 1834а].

3 марта 1834 г. Анна Ивановна принимала участие в благотворительных спектаклях, устроенных в Одессе графиней Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой в пользу бедных, которые проходили в зале Новой биржи (ныне здание Одесской городской думы)¹⁵.

Испытывая материальные трудности, семья Льва Осиповича была вынуждена брать ссуду под залог недвижимости, которую не всегда удавалось выплатить. Так, в 1818 г. им оказался заложен дом в Херсоне на 8 лет под 15 тыс. руб., а в 1822 г. заложена земля на 12 лет под 30 тыс. руб. — ссуда, которую после смерти отца выплачивала его дочь Мария Львовна Богданович [ГАХО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 106. Л. 111–118]. В 1828 г. он обращался в канцелярию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова с прошением «об исхodataйствовании ему разсрочки должных Херсонскому приказу общественного призрения денег на 10 лет» [ГАОО. Ф. 1. Оп. 190 (1828 г.). Д. 8, утрачено].

В «Одесском вестнике» от 16 сентября 1833 г. было опубликовано следующее сообщение: «В Херсонском Приказе общественного призрения будет продаваться 7000 дес. земли, с постройкою, состоящих в Херсонском уезде при овраге Вереvченном, принадлежащих коммерции советнику Альбранду и жене его Анне, за неплатеж должных сему приказу 61 358 р. 68 к., каковая земля оценена в 28 000 р., а доходу в год приносит 300 р.; желающие купить оную имеют явиться в сей Приказ через 4 месяца от позднейшего пропечатания» [Одесский вестник, 1833].

¹⁴ Потоцкий, граф Антон Протазий (польск. *Antoni Protazy Potocki*; известный под именем *Прота*), происходит из польского рода Потоцких герба Пилява, магнат и банкир. В 1780-х гг. основал на Украине, в Махновке и Херсоне банковские конторы, а также основал в своем имении в Махновке (недалеко от Бердичева) суконные, мебельные, фаянсовые и др. мануфактуры. Один из основателей «Компании восточной торговли» в Виннице (1783). Руководил торговыми отношениями между Подолией, Волынью и Одессой. Организовал перевозку пшеницы с р. Днепр через Маяки в Одессу. Основал контору в Херсонском порту, откуда вел торговлю польскими товарами по Черному морю. Позднее, из-за финансового кризиса объявил банкротство.

¹⁵ В этих благотворительных спектаклях также принимали участие: графиня Е. К. Воронцова, княгиня Голицына, г-жа Нарышкина, г-жа Щербинина, г-жа Штигилиц, г-жа Жеванова, г-жа Пионтковская, г-жа Поджио, г-жа Кирьякова, г-жа Е. Черномская и др. (см. программу спектакля) [Де-Рибас, 1913, ил. между с. 144 и с. 145].

В «Одесском вестнике» за 14 апреля 1834 г. появилось следующее сообщение: «От Херсонского Приказа общественного призрения будет продаваться 4000 дес. земли с имеющеюся на ней постройкою жены коммерции советника Альбранда Анны, за неплатеж должных сему приказу и в сумму сельск[ой] промышленности 38 502 р. 41 к., каковая земля оценена в 16 635 р., а доходу в год приносит 800 р.; по сему желающие купить ту землю имеют явиться в сей приказ для торгу чрез 4 месяца от позднейшаго пропечатания сего в ведомостях» [Одесский вестник, 1834, объявления].

Анна Ивановна Альбрандт являлась восприемницей при крещении: внучки Софии Васильевны Богданович (30 мая 1820 г.) [ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 230. Л. 51 об.]; внука Иосифа Карловича Комстадиуса (6 августа 1822 г.) [РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 5866. Л. 29 об. – 30; запись в метрическую книгу не была внесена] и своей сестры, Анны Ивановны Панголо¹⁶ (12 сентября 1824 г.) [ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 263. Л. 46 об.]. Также была поручительницей при бракосочетании: крепостных д. Альбрандтовки Иова Загородного с девицею Прасковьею Темеенковой (8 февраля 1821 г.) [ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 238. Л. 54] и крепостных Василия Попова и Настасии Ткачевой (31 октября 1821 г.) [ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 238. Л. 55 об.].

Лев Осипович Альбрандт стал поручителем при бракосочетании капитана 1-го ранга и кавалера Петра Андреевича де Дотта и Александры Балтазаровны Скадовской, дочери надворного советника Балтазара Скадовского (13 ноября 1819 г.) [ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 220. Л. 44 об.].

Лев Осипович Альбрандт умер в 1834 г. Эту дату удалось установить из ревизских сказок Херсонского уезда за 1835 г., где он указан уже как умерший [ГАХО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 7. Л. 52 об. – 53]. Весьма вероятно, что Анна Ивановна Альбрандт умерла в том же году, т. к. в дальнейшем о ней более упоминаний не встречается.

Лев Осипович и Анна Ивановна Альбрандт были похоронены в д. Дарьевке Херсонского уезда¹⁷; на могильной плите высечена надпись: «Здесь покоятся лучшие из родителей Лев и Анна Альбрандтовы, скончавшиеся в 1830 году» [Река времен... 1996, с. 13]¹⁸.

В семье Льва Осиповича Альбрандта родились дети, которые были крещены в римско-католическом костеле г. Херсона: Иосиф (ок. 1798 — до 1842); София (1799–1876) — первым браком за Орестом Яковлевичем Кричевским (ок. 1779–1815) [ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 181. Л. 78], вторым за Карлом Федоровичем Комстадиусом (ок. 1779–1842); Иван (1803–1882), жена Надежда Стефановна Богаевская (ок. 1813–1873) [ЦГИАУ Киев. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 1589. Л. 735 об.]; Елена (ок. 1802–1869), в замужестве не состояла; Лев (1804–1849), жена София

¹⁶ Так указано в документе. Очевидно, у отца Анны Ивановны Альбрандт был второй брак.

¹⁷ Ныне с. Дарьевка (Херсонский район Херсонской области).

¹⁸ Вероятно, на период составления некрополя в силу ветхости надгробия дата смерти как 1830 г. была определена неверно.

Оттоновна Либгарт (1815–1843) [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 309. Л. 109 об. – 110]; Петр (1809–1864), жена Стратоника Казимировна Чарномская (ок. 1813–1853); Александр (1811–1847) — капитан парохода «Одесса»; Андрей (1812–1857), жена Ольга Васильевна Тулаева (?–1857); Елизавета (ок. 1813–1883), муж Платон Иванович Курис (ок. 1797–1855) [ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 302. Л. 583]; Мария (? — ок. 1844), муж Василий Иванович Богданович (ок. 1782–1854) [ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 193. Л. 68 об.].

В дальнейшем представители рода Альбрандт породнились с баронами Типольтами и Штакельбергами, а также с дворянами Базили, Булатовичами, де Витт, Деминитру, Ергомышевыми, де Карриерами, Леонтовичами, Пуришкевичами, Скадовскими и другими дворянскими родами Российской империи.

*Приложения*¹⁹

№ 1

**«Дело по предложению министра коммерции его сиятельства
князя Гавриила Петровича Гагарина
с препровождением просьбы херсонского градского главы
Ал[ь]бран[д]та на имя его императорского величества
о переводе Очаковской таможни в Херсон»**

*24 декабря 1800 г.*²⁰

Херсон

*Всепресветлейшему державнейшему
великому государю императору и самодержцу всероссийскому*

херсонского градского главы
Ал[ь]бран[д]та по препорученности городского собрания
всеподданнейшее прошение.

Город Херсон, устроенный в полуденном краю державы Вашего императорского величества при устье реки Днепра, впадающего чрез залив, соединяющий и реку Буг, в Черное море, имел у себя портовую таможню для торговли чрез Черное море. Жители того города взирая на выгодное его положение снискивая пользы свои чрез торговлю, оставя свои жилища, из разных стран света переместились в Херсон со всем их коммерческим производством. И готовыми капиталами, употребя их на построение домов, товарных пакгаузов и прочего служащего для портовой торговли, в чаянии при лучшем распространении коммерции иметь от того выгоды. Но в самой середине содействий сих, воспрепятствовала дальнейшему в том споспешествованию вшедшая в 1782-м

¹⁹ Текст публикуемых в приложении документов передан с сохранением стилистики и, в отдельных случаях, орфографии.

²⁰ Отметка о получении 14 января 1801 г.

и продолжавшаяся по 1784-й год моровая язва, а по прекращении ее, лишь только предначатие коммерции начало приходить в цветущее состояние, при-ведя паки с собою новых жителей как российских, так и иностранных в вечное Вашего величества подданство, то тут разрушение Оттоманскою Портою мира с 1787-го по 1792-й год пресекло течение коммерции по Черному морю, за-ставило херсонских жителей яко ближайших к расположению армии нести многие тягости по надобностям армии, что сносили они со всеподданнейшею ревностью, надеясь паки по прекращении войны вознаградить свои убытки торговлею. Только же лишь война приняла свое окончание, то ея величеству, в Бозе почивающей августейшей родительницы Вашего императорского величества угодно было перевести портовую таможеню из Херсона в Очаков. Цель сего учреждения, конечно, была та, что Очаков, будучи расположен при самом Черном море, удобнее для торговли и приведет в лучшее состояние новоприобретенную с ним от Порты землю; но сие высокомонаршее милосердие не имело успеха по невыгодному положению Очакова ради мелких при нем берегов от моря и залива; по неимению никакой защиты во время водяных штурмов и что река Буг, протекающая между Очакова и городов Херсона и Николаева, широтою более трех верст, препятствует доставке товаров, при всех сих неудобствах силились они поддерживать течение чрез Очаков торговли по 1796-й год, но когда в 1792-м, 1793 и 1795-м году волнением разбило 5 купеческих кораблей и меньших суден с грузом и без грузу, то всяк потерял охоту торговать чрез такое место, которое подвержено опасности и оттого и страховая кантора начала взывать лишние проценты пред другими до Очаковского порта, купечеству оказались ощутительные убытки чрез перевозку товаров от Очакова в Херсон и из Херсона в Очаков мелкими судами, при разгрузке и нагрузке во время состояния кораблей в карантине, ибо нет там никакого портового заведения, а все то находится в Херсоне, поездка же купцам для объявления в таможене и платежа за товары пошлин наводила несносные медленности течению коммерческих их дел, неизчисленные упущения в оборотах, ибо река Буг в бурные погоды, весенние и осенние времена, часто по десяти дней в проезде удерживала. По сим причинам Очаковский порт лишился торговли, а херсонские купцы, торгуя чрез отдаленные порты, лишаются всех выгод торговли при своем городе, оставя в пусте все их заведения в Херсоне.

Для того, припадая к священным стопам Вашего императорского величества, и всеподданнейше прошу: учредить вместо Очакова в Херсоне или Глубокой пристани в 30 верстах ниже Херсона портовую таможеню, отчего подданные Вашего императорского величества и иностранные купцы, в Херсоне обитающие, воспользуются надлежащими выгодами, возрастет коммерция и коммуникация по рекам Днепру и Бугу на пользу государственную, обитателей города Херсона и всего здешнего края, изобилующего своими продуктами и могущего производить заграничную торговлю. Подлинное подписал Херсонской градской глава Луиза Ал[ь]бран[д]т.

РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2382. Л. 2–3 об. Копия. Рукой писца.

№ 2

**«Дело по Высочайшему повелению о рассмотрении
в Коммерц-коллегии прошения херсонского градского главы
Ал[ь]бран[д]та, просящего от имени всего города учредить
по-прежнему в Херсоне или в Глубокой пристани портовой таможни»**

№ 2.1²¹

11 января 1801 г.
Санкт-Петербург

Милостивый государь, князь Гавриил Петрович!

Его императорское величество высочайше указать изволил рассмотреть в Коммерц-коллегии препровождаемое при сем в оригинале прошение Херсонского градского главы Ал[ь]бран[д]та, просящего от имени всего города об учреждении по прежнему в Херсоне или в Глубокой пристани портовой таможни, переведенной по повелению покойной государыни императрицы в Очаков, о чем Вашему сиятельству для исполнения сообщая, честь имею быть с совершенным высокопочитанием, милостивый государь, Вашего Сиятельства

покорнейший слуга, граф Павел Кутайсов.

С.-Петербург,

января 11-го дня

1801-го года.

Его сия-ву князю Гагарину.

РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 360. Л. 1. Подлинник. Рукой писца. Подпись-автограф.

№ 2.2²²

28 января 1801 г.
[Санкт-Петербург]

1801 года января 28 дня в журнале Коммерц-коллегии записано.

По предложению господина министра коммерции, его сиятельства князя Гавриила Петровича Гагарина с приложением полученного им от господина статс-секретаря графа Кутайсова подлинного прошения, поданного от херсонского градского главы Ал[ь]бран[д]та по порученности от городского собрания, в коем написано: город Херсон, устроенный в полуденном краю державы Вашего императорского величества при устье реки Днепра, впадающего чрез залив, соединяющий и реку Буг, в Черное море, имел у себя портовую таможню для торговли чрез Черное море; жители того города, взирая на выгодное его положение, снискивая пользы свои чрез торговлю,

²¹ Входящий № 14; канцелярская помета: «получено 15-го января 1801-го года».

²² Канцелярские пометы: «получ[ено] 8 февраля 1801», «смотрена в I экспедиции».

оставя свои жилища, из разных стран света переместились в Херсон со всем их коммерческим производством и готовыми капиталами, употребляя их на построение домов, товарных пакгаузов и прочего, служащего для портовой торговли, в чаянии при лучшем распространении коммерции иметь от того выгоды; но в самой середине содействий сих воспрепятствовала дальнейшему в том споспешествованию вшедшая в 782-м и продолжавшаяся по 784-й год моровая язва; а по прекращении ея, лишь только предначатия коммерции начало приходить в цветущее состояние, приведя паки с собой новых жителей как российских, так и иностранных в вечное его императорского величества подданство, то тут разрушение Оттоманскою Портою мира с 1787-м по 1792-й год пресекло течение коммерции по Черному морю, заставило херсонских жителей яко ближайших к расположению армии нести многие тягости по надобностям армии, что сносили они со всеподданнейшею ревностью, надеясь паки по прекращении войны вознаградить свои убытки торговлею, только же лишь война приняла свое окончание, то ея величеству покойной императрице угодно было перенести портовую таможенную из Херсона в Очаков. Цель сего учреждения, конечно, была та, что Очакову, будучи расположен при самом Черном море, удобнее для торговли приведет в лучшее состояние новоприобретенную с ним от Порты землю; но сие высокомонаршее милосердие не имело успеха по невыгодному положению Очакова ради мелких при нем берегов от моря и залива по неимению никакой защиты во время водяных штурмов, и что река Буг, протекающая между Очакова и городов Херсона и Николаева, широтою более трех верст препятствует доставке товаров; при всех сих неудобствах силились они поддерживать течение торговли чрез Очаков по 1796-й год, но когда в 792-м, 793 и 795 году волнением разбило пять купеческих кораблей и меньших судов с грузом и без груза, то всякой потерял охоту торговать чрез такое место которое подвержено опасности, а от того и страховая кантора начала взимать лишние проценты пред другими до Очаковского порта, купечеству оказались ощутительные убытки чрез перевозку товаров от Очакова в Херсон и из Херсона в Очаков мелкими судами, при разгрузке и нагрузке во время стояния кораблей в карантине, ибо нет там никакого портового заведения, а все то находится в Херсоне, поездка же купцам для объявления в таможенную и платежа за товары пошлин наводила несносные медленности течению коммерческих их дел и неисчисляемые упущения в оборотах, ибо река Буг в бурные погоды, в весенние и осенние времена, часто по десяти дней в проезде удерживала. По этим причинам Очаковской порт лишился торговли, а херсонские купцы, торгуя чрез отдаленные порты, лишаются всех выгод торговли при своем городе, оставя в пусте все их заведения в Херсоне; почему и просит учредить вместо Очакова в Херсоне или Глубокой пристани в тридцати верстах ниже Херсона портовую таможенную, от чего российские подданные и иностранные купцы, в Херсоне обитающие, воспользуются надлежащими выгодами, возрастет коммерция и коммуникация по рекам Днепру и Бугу на пользу государственную, обитателям города Херсона и всего тамошнего края, изобилующего своими продуктами

и могущего производить заграничную торговлю. Таковое прошение его сиятельство господин министр коммерции препровождая, уведомляет, что его императорское величество высочайше указать соизволил рассмотреть оное сей коллегии; вследствие чего и предлагает немедля приступить к исполнению высочайшей воли. Приказали: дабы коллегия могла быть удостоверена о справедливости описываемых в прошении херсонского градского главы Ал[ь]бран[д]та обстоятельств и причин, по коим выгоднее и полезнее таможене быть в Херсоне или Глубокой пристани, нежели в Очакове, то отнестись к Новороссийскому гражданскому губернатору г-ну тайному советнику Николеву сообщением, чтоб благоволил по известности ему местоположению портов той губернии уведомить сию коллегия в самоскорейшем времени, действительно ли пребывание таможни в Очакове для торговли стесненно и неудобно и столько ли выгодно и полезно для казны и торгующих там купцов будет, если оную таможню перевести в Херсон или в так называемую Глубокую пристань, в 30-ти верстах ниже Херсона отстоящую, и в которое имянно из сих двух мест; а также есть ли какие-либо в тех местах казенные или партикулярные строения таковые, в коих бы с удобностию таможню поместить и привозимые к оной товары складывать можно было, о чем дать знать указом к Новороссийскому таможенному инспектору Зильбергарниту, в котором предписать, чтоб он без малейшего промедления коллегии рапортовал, не может ли по случаю перевода таможни из Очакова в показанные места, где-либо быть тайного провоза товаров, нужно ли в Очакове оставить какое-либо таможенное заведение и какие, по его мнению, принять должно способы, дабы всякое по сей части злоупотребление отвращено быть могло, дабы коллегия по надлежащем всего того рассмотрении и соображения могла сделать согласно с законами и выгодой для коммерции положение.

Протоколист: верно.

РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 360. Л. 5–7. Копия. Ручкой писца.

№ 2.3²³

24 января 1802 г.
[Санкт-Петербург]

1802 года, января 24-го дня Коммерц-коллегии докладывавано по выписке из дела, производившегося в сей коллегии по предложению бывшего министра коммерции князя Гавриила Петровича Гагарина, при котором препроводил по высочайшему государя императора повелению прошлого 1801 года января 16 дня прошение херсонского градского главы Ал[ь]бран[д]та, поданное по препорученности от градского собрания, коим описывая разные неудобства для торгующих в тамошнем крае от учреждения таможни в Очакове, просил учредить оную в Херсоне или в Глубокой пристани, в 30-ти верстах от оног

²³ Входящий № 89; канцелярская помета: «получ[ено] января 24, 1802».

отстоящей. По таковому случаю собраны были сведения от господина Новороссийского гражданского губернатора, тайного советника Миклашевского, и от Новороссийского таможенного инспектора Зильбергарнита, из коих оказалось, что пребывание таможни в городе Очакове действительно по разным обстоятельствам неудобно; и для того по указу его императорского величества Коммерц-коллегия приказали: как о упразднении Очаковской таможни и учреждении таможни при Глубокой пристани, так равно о дозволении привоза товаров из Херсонской заставы, доколе при оной пристани выстроится таможенной дом и пакгаузы, и о усилении по берегам лимана таможенной стражи заготовить всеподданнейший его императорскому величеству доклад следующего содержания: по Высочайшему от 16-го января прошлого 1801 года повелению бывший министр коммерции князь Гагарин при предложении своем препроводил на рассмотрение коллегии полученное им от бывшего статс-секретаря графа Кутайсова прошение, поданное от херсонского градского главы Ал[ь]бран[д]та при препорученности от гражданского собрания, коим описывая разные для торгующих в тамошнем крае неудобства от учреждения таможни в Очакове, просил, чтоб портовую таможню по выгодности местоположения и по причине большого пред Очаковым заселения и жительства торгующих учредить в Херсоне или в Глубокой пристани, в 30-ти верстах от оного отстоящей; вследствие того Коммерц-коллегия для удостоверения о справедливости описываемых в том прошении причин требовала от Новороссийского гражданского губернатора сведения, действительно ли пребывание таможни в Очакове для торговли стеснено и неудобно и столько ли выгодно и полезно для казны и торгующих там купцов будет, есть ли оную таможню перевести в Херсон или в так называемую Глубокую пристань и в которое именно из сих двух мест; а также есть ли какие-либо в тех местах казенные или партикулярные строения, таковые, в коих бы с удобностию таможню поместить и привозимые к оной товары складывать можно было? На каковое требование Новороссийский гражданский губернатор тайный советник Миклашевский коллегию уведомил, что пребывание таможни в городе Очакове действительно по испытанию его на месте оказалось неудобным и что продолжавшаяся тут прежде небольшая торговля ныне дошла до совершенного упадка, как по невыгодности Очаковского порта в рассуждении мелких берегов и по неимению при оном гавани для нужной прибывающих судов защиты от штурмов, так и потому, что купечество должно нагружать товары свои во-первых при Глубокой пристани на транспортные суда для перевозки их от оной к Очаковскому порту для объявления в таможне, а по тому перегружать в другой раз на мореходные уже суда, напротив же сего, есть ли бы кто-либо в отвращение случающихся на море опасностей пожелал из Очакова к Херсону и далее в другие места или из них в Очаков доставлять сухим путем, то нет достаточного количества фурищиков, а при том и состоящая при городе Николаеве на реке Буге переправа, имея расстояние с лишком на три версты и находясь весьма часто в волнении, не только причиняет остановку, но угрожает нередко и опасностию

в потере товаров; и для того, как по сим причинам, а равно и по случаю уничтожения ныне в Очакове карантина, торговля во оном и совсем прекратилась, признает удобным таможеню и карантин учредить по левой стороне реки Буга на Глубокой пристани, состоящей в 30-ти верстах ниже Херсона, по неимению ж при сей пристани никаких свободных казенных строений, надлежит выстроить для того особые дома с принадлежащими к ним пакгаузами вновь. Впрочем же означенный гражданский губернатор изъясняется, что очаковскую таможеню перевести в Херсон, по мнению его, нет возможности потому, что река Днепр, изливаясь при Глубокой пристани в лиман, имеет тут глубины не более 6-ти футов, по которой суда, доставляющие груз свой свыше 5000 пудов, проходить никак не могут. Коммерц-коллегия, входя в рассмотрение вышеписанных обстоятельств и сообразив пользу торговли с казенными выгодами, мнением своим полагает, чтоб находящуюся в Очакове таможеню яко неудобную и остающуюся ныне ненужною упразднить, а учредить портовую таможеню вновь при Глубокой пристани. Но как ныне в сем месте, по отзыву Новороссийского гражданского губернатора, никакого казенного строения для помещения оной таможни не имеется; в построении ж оных пройтить может немалое время, следовательно, и стеснение всех торгующих продолжится; то в отвращение сего, доколе при Глубокой пристани таможеня учредится, дозволить привозить товары в Херсонскую заставу, точно на таком же основании, как в Очаковскую таможеню; а как при оной заставе по штату ея находится ныне из чиновников только цолнер²⁴ и пакгаузной инспектор, то для лучшего и поспешнейшего отправления дел определить достаточное число чиновников и служителей. О таковом положении Коммерц-коллегия, представляя на высочайшее Вашего императорского величества благоизволение, всеподданнейше при том доносит, что, когда сие положение высочайшей удостоится конфирмации, то по учреждении при Глубокой пристани портовой таможни, находящаяся ныне в Херсоне отпускная заставка будет уже не нужна; а напротив того, как за уничтожением очаковской таможни берега Днепровского лимана останутся открытыми, то для отвращения тайного провоза товаров необходимо нужно будет оные берега оградить таможенною стражею, для чего и предполагает ея прибавить для присмотра с правой стороны лимана от Очакова до устья реки Буга одного надзирателя и 16-ти человек объездчиков, а с левой от Кинбурна до Голой пристани в рассуждении пространства сего берега — одного ж надзирателя и 24-х человек объездчиков и в то уже время и сочинить коллегии штат как таможене, назначаемой при Глубокой пристани, так и прибавляемой страже; а по сношению с Новороссийским гражданским губернатором, об отводе мест для таможни и ея пакгаузов, а равно и для надзирательских и объездческих домов составить план и смету и о потребной на все то сумме всеподданнейше представить Вашему императорскому величеству. По изготовлении же вышеписанного доклада всеподданнейшего поднесения его императорскому величеству доставить

²⁴ Надзиратель за сбором таможенных пошлин.

оний к господину министру коммерции, его сиятельству графу Николаю Петровичу Румянцову при копии с сего определения.

Подлинное за подписанием Коммерц-коллегии²⁵.

РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 360. Л. 9–12. Копия. Рукой писца.

№ 3

**«Дело по предложению г[осподина] министра коммерции
о покупке для Херсонской заставы
у купца Ал[ь]бран[д]та за 6000 руб. дома»**

15 октября 1808 г.

[Херсон]

Опись купленному Государственной коммерц-коллегиею для Херсонской отпускной заставы у херсонского градского главы Льва, Осипова сына, Ал[ь]бранд[т]а в городе Херсоне дому

Учинена октября 15 д[ня], 1808 год

Звание строения		Какое строение прочное и какое требует подчинки
Первой флигель		Сие строение все прочное
Верхнее оногo строения деревянное:		
Комнат	7	
Окошек	10	
Дверей на железных крючках	10	
Груб кирпичных с прибором	3	
Пол во всех комнатах деревянный	1	
При выходе из сего строения крыльцо деревянное, с сходцами сверху деревянными, а снизу каменными	1	
В нем дверей деревянных	2	
Под исподом сего строения:		Сие строение все прочное
1-е		
Погреб каменный:	1	
В нем окошен с стеклом	2	
Двери деревянные	1	
Пол деревянный	1	
2-е		
Магазин каменный первый:		
Окошен с железными решетками без стекол	4	
Пол деревянный	1	
Двери деревянные на железных крючках	1	

²⁵ Канцелярская скрепа: «Секретарь Андреев»

Звание строения		Какое строение прочное и какое требует подчинки	
3-е		Прочное	
Магазин второй каменный, в нем:			
Окошен без стекол с железными гратами	3		
Пол деревянный	1		
Двери деревянные на железных крючках	1		
Все вышеписанное строение состоит под одною связью и крышею дощатою и драбью		Крыша средственной прочности	
Второй флигель близ сего строения, в весь каменный под земляною крышею, в нем:		Сие строение все прочное	
Комнат	4		
Груба	1		
Очаг	кирпичные		1
Печь			1
Окошен с стеклом	5		
Дверей деревянных на железных крючках	4		
Пол во всех комнатах деревянный	1		
Под сим строением погреб каменный с выходом каменным	1		
В нем двери деревянные	1		
Пол деревянный	1		
Третий флигель особо отделенный, в весь деревянный, в нем:		Стены сего строения в двух комнатах подгнилые, а в других прочные	
Комнат	6	Прочные	
Дверей деревянных	с стеклом		2
	без одного		7
Груба кирпичная	1		
Печь кирпичная	1	Ветхая	
Окошен стеклянных	8	Прочные	
При них ставень деревянных на железных крючках с четырьмя пробоями	5		
Во всех сих комнатах пол деревянный	1	В четырех комнатах прочный, а в двух комнатах ветхий	

Звание строения		Какое строение прочное и какое требует подчинки
На верху сего строения крыша деревянная из досок и драни	1	Ветхая во вся
4-е		Прочные
Сарай, приделанный к стене каменной, принадлежащей другому смежному хозяину, в нем стены каменные с трех сторон		
Окошек без стекол	2	
Двери деревянные	1	
Пол деревянный	1	
При нем конюшня в одной связи и под одною крышею, сделанная с деревянных досок		Конюшня вся и помост ветхие, а крыша на сарае и конюшне — средственной прочности
Стен деревянных	3	
Ворота деревянные на железных крючках	1	
Двери на железных крючках деревянные	1	
Пол деревянный	1	
На сим строении крыша из драни и досок	1	
5-е		
Колодез близ ворот во дворе каменный с деревянным колесом	1	Колодез прочный, а колесо ветхое; следуемых же быть у сего колодезя двух бадей и каната не имеется
Ворота въездные, утвержденные на железных крючках в каменной стене деревянные	1	Прочные
Двери выходные в той же стене на железных крючках	1	

Касательно ж до ограды, к сему двору принадлежащей, то оной в трех сторонах вовсе не имеется, а окружен сей двор соседних хозяев строением, с четвертой же стороны между двумя флигелями имеется каменная стена, в коей, как по сей описи объяснено, утверждены въездные ворота и выходные двери.

В должности инженера пакгаузный инспектор 10-го класса Яновский.

РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1697. Л. 31–32 об.
Подлинник. Рукой писца. Подпись-автограф.

№ 4

**Письмо А. Розенкампа
к тираспольскому уездному землемеру,
коллежскому асессору Афанасию Семеновичу Шаржинскому²⁶**

18 сентября 1812 г.
Одесса

Милостивый государь мой Афанасий Семенович!

По приказанию его сиятельства дюка Эммануила Осиповича де Ришелье прошу вас, милостивый государь мой, съехав на места поселения бобылецких крестьян, обойти по плану Межевой конторы земли, для водворения их предположенные; из № 29-го назначить на основании предложения его сиятельства, данного Херсонской казенной палате, в оброчное содержание г-ну Альбран[д]ту 5084 десятины к отделенным уже ему из № 182-го и 183-го 2800 десятинам. Также показать на плане 4000 десятин, следующие к выделу в оброчное содержание жене г-на Херсонского вице-губернатора и назначить прожект для наделения пятнадцати-десятиною пропорцією земли на каждую мужеска пола душу бобылецких крестьян.

План с прожектом и объяснением, достаточно ли будет там на все упомянутые предметы земли, судя по выгодам и количеству десятин оной, доставьте мне для представления его сиятельству.

Честь имею быть с истинным почтением и совершенною преданностию, милостивый государь мой, Вашего высокоблагородия покорнейший слуга
А. Розенкампф.

ГАХО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 778. Л. 4–4 об. Подлинник.
Рукой писца. Подпись-автограф.

№ 5

**Письмо землемера Ярославского к тираспольскому уездному землемеру,
коллежскому асессору Афанасию Семеновичу Шаржинскому²⁷**

29 ноября 1813 г.
[Херсон]

Тираспольскому уездному землемеру г-ну
коллежскому асессору Шаржинскому.

Херсонская казенная палата предписала мне отвезть разным чиновникам в оброчное содержание казенные земли по Херсонскому уезду, в том числе из двух участков на правой стороне речки Висуни под № 182 и 183-м, за

²⁶ Исходящий № 664.

²⁷ Исходящий № 137. На верхнем поле листа пометы: «27 января 1814», «№ 2-й».

назначением поселенных на сих участках евреям подлежащего количества десятин, остальные 2800 десятин коммерции советнику Альбран[д]ту. А как из прежнего указа Казенной палаты явствует, что его сиятельство г-н Херсонский военный губернатор и кавалер предписал Вам сделать прожект, каким образом нарезать сию землю для отделения от прочей казенной, то и прошу Вашего высокоблагородия без замедления доставить мне таковой план, дабы я мог заблаговременно, по наступлении весеннего времени, между прочими отводами оброчным содержателям земель учинить и сей г-ну коммерции советнику Альбран[д]ту.

Херсонский губернский землемер Ярославский.

ГАХО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 778. Л. 16–16 об.
Подлинник. Рукой писца. Подпись-автограф.

№ 6

**«Дело касательно отвода земли
негодцианту Альбран[д]ту в Херсонском уезде»**

№ 6.1²⁸

[Январь 1819 г.]
[Санкт-Петербург]

Господину Херсонскому военному губернатору.

Предместник Вашего сиятельства дюк де Ришелье из Ахена 8/20 ноября минувшего года пишет ко мне, что он, получив от негодцианта херсонского градского главы Альбран[д]та просьбу исходатайствовании ему до двух тысяч десятин земли в Новороссийском крае для овчарного заведения и зная во время управления Новороссийскими губерниями сего иностранца с весьма хорошей стороны, воспользовался случаем в бытность государя императора в Ахене довести сие искание до высочайшего сведения, и что его императорское величество соизволил принять оное с благоволением.

Почему дюк де Ришелье, сообщив мне записку по сему предмету, просит содействия моего к окончательному разрешению дела согласно желанию г[осподина] Альбран[д]та.

Из записки сей видно, что Альбран[д]т в вознаграждение трудов и издержек, употребленных им по обзаведению земли в Херсонском уезде, бывшей прежде у него в оброке, а потом поступившей под поселение бобылецких крестьян, желает ныне получить до 2 т[ыс]. десятин, оставшихся якобы в излишестве при селениях бобылецких и находившихся между смежными помещичьими владениями.

²⁸ Исходящий № 12. Тема письма: «По просьбе негодцианта Ал[ь]бран[д]та об отводе земли в Херсонском уезде». Входящий № 1738; пометы: «получ[ено] 30 января 1819», «Пересмотреть дело и узнать, есть ли лишние земли».

Поелику бобылецкие крестьяне наделены землею по распоряжению учрежденной для устройства сего поселения комиссии, мнение коей утверждено, как небезызвестно Вам, милостивый государь мой, по журналу комитета г[оспод] министров 16 февраля 1815, и я не имею сведения на счет излишка в земле, могущего оставаться при бобылецких селениях по обмежеванию оных в натуре, то покорнейше прошу Ваше сиятельство доставить мне удостоверение Ваше, какая именно земля, которую просит ныне в числе 2 т[ыс]. десятин негоциант Ал[ь]бран[д]т, не может ли она потребоваться для самих крестьян и буде по точнейшем изыскании действительно окажется она излишнею и к отводу ея никаких не встретится препятствий, то сообщите мне самый план сей земли с показанием смежностей.

Министр внутренних дел Осип Козодавлев.
Директор Степан Джунковский.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1819 г.). Д. 2. Л. 1, 4.
Подлинник. Рукой писца.
Подписи-автографы.

№ 6.2²⁹

Не позднее 5 мая 1819 г.
[Херсон]

*Его сиятельству господину генералу от инфантерии,
Херсонскому военному губернатору и кавалеру
графу Александру Федоровичу Ланжерону*

Херсонского гражданского губернатора
рапорт.

Что земля 6000 десятин Херсонского уезда в участках под № 30 и 28 состоящая, из которой коммерции советник Альбран[д]т просит пожалования ему, есть свободная и ни на какое употребление от казны не назначенная, Ваше сиятельство изволите усмотреть из прилагаемого у сего подлинником представления ко мне Херсонской казенной палаты.

Сим исполняя предписание Вашего сиятельства № 716 и возвращая при сем просьбу Альбран[д]та, имею честь испрашивать о последующем предписании.

Херсонский гражданский губернатор Карл Сен-При³⁰.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1819 г.). Д. 2. Л. 5–5 об.
Подлинник. Рукой писца. Подпись-автограф.

²⁹ Входящий № 779; на верхнем поле листа помета: «получ[ено] 5 мая 1819».

³⁰ В оригинале фамилия передана как «Сент При».

№ 6.3³¹

29 января 1819 г.

[Херсон]

*Его Сиятельству господину действительному статскому советнику
Херсонскому гражданскому губернатору и кавалеру
графу Карлу Францевичу Сен-При³²*

из Херсонской казенной палаты.

На предложение Вашего сиятельства от 22-го числа января месяца сего года за № 348-м о доставлении сведения, сколько из 6000 десятин земли Херсонского уезда, находящейся под № 28-м и 30-м, состоит свободною от наделения казенных поселян и может ли она кому-либо пожалована, Ваше сиятельство палата сия уведомляет: что означенная в участке № 28-м и 30-м земля 6000 десятин по наделении белорусских бобылецких крестьян слобод Заселья, Явкиной и Снигоровки, водворенных на разных участках, в том числе и на № 28-м и 30-м, положенным им от Комитета г[оспод] министров количеством десятин земли, как значится из рапортов бывшего губернского землемера Ярославского от 26-го июля 1815-го и 31-го числа августа 1817-го годов и приложенного при последнем рапорте плана всем бобылецким крестьян землям, состоит в казенном ведомстве и при приведении в 1816-м годе в известность всех казенных земель, на основании высочайшего указа, последовавшего в том годе на имя г-на Херсонского военного губернатора и кавалера графа Ланжерона, от казенного употребления остается свободною. Отдана сею палатою в оброк с 1818-го по 1822-й год половинная часть, смежная с помещиком Чернопольским, 3000 десятин поручику Чернопольскому по 517 р[уб]. 50 коп. в каждый год, а другая часть, 3000 десятин, смежная с дачами помещицы Рафтопуловой и коммерции советника Альбрандта, ему, Альбрандту, по 337 р[уб]. 50 коп. в каждый год с условием, что оныя земли от содержателей можно отобрать во всякое время, когда только нужны они будут для казенной или частной надобности. Кроме сих оброчных земель выделено еще из участка № 30-го особо 4000 десятин по смежности владельческих дач села Балицкого действительной статской советницы Калагеоргиевой, деревни Христофоровки действительного тайного советника Энгельгарда и земель казенного селения Полтавского и болгарской колонии Ингулки. Земля сия также отдана в оброчное содержание с 1818-го по 1822-й год титулярному советнику Семенюте по 200 р[уб]. в год с таким же точно условием, как вышесказанным

³¹ Имеется помета: «№ 380-м. Января <...> дня 1819-го года».

³² В оригинале имя передано как «Сент-При».

содержателям Чернопольскому и Альбран[д]ту. Но о том, может ли быть из вышеозначенных 6000 десятин и какое количество пожаловано кому-либо из чиновников в награду, в палате сей сведения не имеется.

Советник Сибирский
Советник Ярославский
Губернский казначей Андреев
Советник Кармазин
Ассесор Билим
Стола начальник Ромашкин

ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1819 г.). Д. 2. Л. 6–6 об., 12–12 об.
*Подлинник. Рукой писца.
Подписи-автографы.*

№ 6.4³³

13 апреля 1819 г.
[Херсон]

*Его сиятельству господину генералу от инфантерии
Херсонскому военному губернатору
и разных орденов кавалеру
графу Александру Федоровичу Ланжерону*

коммерции советника Луиза Ал[ь]брандта
прошение.

В 1804 году взяты были мною в оброчное содержание на десять лет два пустопорожные в Херсонском уезде земли с участка под № 29 и 182, составляющие вместе 18 тыс. десятин, совершенно безводные, один только Сухой овраг, проходящий чрез оную давал мне некоторую надежду сделать там гать, чтобы удерживать воду. В продолжении двух лет земля сия была для меня вовсе бесполезна и только большими издержками и усилиями успел я остановить малую часть воды, но сие не было для меня непреодолимым препятствием сделать сию землю плодоносною. Несмотря на великие для сего издержки, чем в течение шести лет я успел довести греблю до самого лучшего состояния, в каком она и теперь находится, завел рыбу, на что, кроме трудов неусыпных попечений, употреблена и значительная сумма.

Все сие я делал в надежде, что буду когда-либо пользоваться плодами своих трудов, в таких мыслях устроил я там немаловажное хозяйственное обзаведение, поселил 12 семей крестьян, завел испанские волосские овцы,

³³ Входящий № 683. Пометы: «Получ[ено] 4 апреля», «Спросить графа С[ен]-При о удостоверении свободности сих земель».

табун лошадей и хорошей породы рогатый скот. Более же поощряло меня не щадить ничего на таковое устройство сего хозяйственного обзаведения, неоднократно представление его сиятельства дюка Эммануила Осиповича де Ришелье, бывшего тогда военным губернатором, высшему начальству об отводе мне из всего числа 8000 десятин, полученные ответы подавали мне полную надежду.

После сего на том самом месте, где я сделал греблю, поселено селение до 200 семей белорусских поселенцев, которые довольствуются водою только из того става и имеют рыбу, заведенную мною, в довольном количестве для своего употребления.

В 1817 году все околичные ставы высохли почти до дна, он один только при сильных жарах и засухах всегда имел довольно воды для напоения более нежели 200 штук рогатого скота; со времени поселений белорусских крестьян мне велено оттуда удалиться. Я снял все мое хозяйственное заведение и оставил выгоды для поселян, а сам понес чувствительнейшие убытки.

Представляя на благоуважение Вашего сиятельства выгоды, какие получает казна от устроенного мною става, чрез который совершенно дикая степь на пространство 30.000 десятин сделалась обитаемою, понесенные мною убытки, важими (?) издержками на сию землю употребленные, и совершенного расстройства хозяйства, осмеливаюсь нижайше просить Ваше сиятельство о представлении, куда следует, о награждении меня 3000 десятин землею из участка 6000 десятин № 30 и 28, вовсе свободного и безводного, состоящий между помещичьими владениями прапорщика Чернопольского, коллежского советника Бредихина и капитан-лейтенантши Рафтопуловой.

Коммерции советник и кавалер Луиз Ал[ь]бранд[т].

ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1819 г.). Д. 2. 1819 г. Л. 7–7 об., 11.
Подлинник. Рукой писца. Подпись-автограф.

№ 6.5³⁴

31 мая 1819 г.
[Санкт-Петербург]

Господину Херсонскому военному губернатору.

Ваше сиятельство от 7 мая сего года изволили относиться ко мне об исходатайствовании херсонского градскому главе коммерции советнику Ал[ь]бран[д]ту в отвод трех тысяч десятин в Херсонской губернии в награду за службу его и труды, понесенные им в обрабатывании земли, отшедшей под бобылецкое поселение.

³⁴ Исходящий № 331. Входящий № 1018; пометы: «получ[ено] 17 июня 1819», «Известить <нрзб.> С[ен]-При».

Имея в виду об оказанных г[осподином] Ал[ь]бран[д]том заслугах неоднократно отзывать как от Вашего сиятельства, так и предместника Вашего дюка де Ришелье, я охотно готов с своей стороны употребить настояние в пользу его искания. Но, как ныне вследствие известных вам, милостивый государь мой, высочайших повелений производится рассмотрение на счет наделения землями казенных крестьян Новороссийского края и потому отвод частным людям пустопорожних казенных участков в сем крае, а особливо в Херсонской губернии, вовсе остановлен, то по сей причине, не находя возможности приступить на сей раз к какому-либо по просьбе Ал[ь]бран[д]та распоряжению, я покорнейше прошу Ваше сиятельство объявить ему о том с тем, что, когда на раздачу земель последует вновь разрешение, я не оставлю о награждении его просимым количеством земли войти с представлением куда следует.

Министр внутренних дел Осип Козодавлев
Директор Степан Джунковский

ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1819 г.). Д. 2. Л. 9–9 об.
Подлинник. Рукой писца. Подписи-автографы.

№ 6.6³⁵

31 октября 1821 г.
[Санкт-Петербург]

Господину Херсонскому военному губернатору.

Бывший Херсонский гражданский губернатор действительный статский советник граф Сен-При в поданной мне записке, ходатайствуя об отводе коммерции советнику Ал[ь]бран[д]ту взамен отшедшей от него под поселение бобылецких крестьян земли, остающегося в излишестве от того поселения участка в 3000 десятин, свидетельствовал об отличном усердии Ал[ь]бран[д]та, оказанном во время служения его херсонским градским главою на пользу общества.

Имея в виду об оказанных г[осподином] Ал[ь]бран[д]том заслуг, отзывать как от Вашего сиятельства, так и предместника Вашего дюка де Ришелье и принимая во уважение удостоверение Вашего сиятельства, изъясненное в отношении к г[осподину] управляющему Министерства внутренних дел тайному советнику князю Голицыну от 13 сентября 1819 года № 1876, что, по донесению Херсонской казенной палаты, просимая Ал[ь]бран[д]том земля из участков Херсонского уезда под № 28 и 30, где считается 6000 десятин,

³⁵ На бланке Министерства внутренних дел; исходящий № 469. Тема письма: «Об отводе коммерции советнику Ал[ь]бран[д]ту 3000 десятин земли под овцеводство и скотоводство». Входящая помета: «Дать предписание губернатору».

от казенного употребления свободна и вследствие коего удостоверения по высочайше утвержденному 20 декабря 1819 года журналу Комитета г[оспод] министров отведено из тех участков грекам Амарандо 1000 десятин земли, я входил в Комитет г[оспод] министров с представлением об отводе Ал[ь]бран[д]ту из упомянутых участков 3000 десятин под овцеводство и скотоводство, на основании общих по сему правил и согласно прежде изъявленному им желанию.

Комитет г[оспод] министров журналом от 31 августа сего года утвердил мое представление, а 11 октября последовало на сие высочайшее соизволение.

Сообщая о сей высочайшей воле Вашему сиятельству, я считаю долгом покорнейше просить вас, милостивый государь, о учинении распоряжения об отводе упомянутого количества земли Ал[ь]бран[д]ту из участков Херсонского уезда под № 28 и 30 с тем, чтобы на основании правил, изъясненных в высочайше подтвержденных 12 января 1804 и 12 октября 1806 докладах министра внутренних дел о разделе земли под овцеводство и скотоводство, в точном исполнении оных разведением иностранных пород овец и другого скота, взято было от Ал[ь]бран[д]та надлежащее обязательство, и с оного копию мне доставить вместе с планом тем двум участкам с означением на оных, в каком месте сделана нарезка Ал[ь]бран[д]ту, а также грекам Амарандо.

Управляющий Министерством внутренних дел граф Кочубей
Директор Степан Джунковский

ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1819 г.). Д. 2. Л. 16–16 об., 24.
Подлинник. Рукой писца. Подписи-автографы.

№ 6.7³⁶

6 сентября 1822 г.
[Херсон]

*Его сиятельству господину генералу от инфантерии
Новороссийскому генерал-губернатору и кавалеру
графу Александру Федоровичу Ланжерону*

Херсонского губернского правления
представление.

Херсонский нижний земский суд и губернский землемер Гречина на предписание сего правления относительно отвода коммерции советнику и кавалеру Альбран[д]ту высочайше пожалованной 3000 дес[ятин] под овцеводство и скотоводство земли доносят: первый, что ему, Альбран[д]ту, показанное количество десятин земли из участков, состоящих под № 28 и 30-м,

³⁶ Пометы: «Донести министерству», «По Херсонской части». Исходящий № 46991.

по надлежащему отведено, и взятое от него, Альбран[д]та, обязательство при том представляя, докладывает, что жена Альбран[д]та вместо его самого выполнила в полной мере обязательство, состоявшийся на основании докладов высочайше конфирмованных 27 ноября 1803-го и 12-го января 1804 годов прогоном скота на ту отведенную землю рогатого 250, овец гишпанских мериносов 1400, волоских 1200 и лошадей 200 штук, а последний, что он, отведа в январе месяце по всемилостивейшему повелению под скотоводство коммерции советнику Л[ь]ву Альбран[д]ту из участков Херсонского уезда № 28 и 30 земли удобной 3000 дес[ятин] и неудобной под дорогами в отвершках оврагов, водороинах и под лощинною водою наполняющиеся 53 десятины 1480 квадратных сажень, всего 3053 десятины 1480 сажень, при бытности члена земского суда в том самом месте, где прошедшего четырехлетия он же, Альбран[д]т, владел из оброка. Сочиненный план участков земли казенным бобылецким крестьянам в поселение Комитетом г[оспод] министров утвержденных и из оных в казенном ведомстве составленных с означением из последних отвода коммерции советнику Альбран[д]ту означенного выше количества препроводил в Херсонскую казенную палату и, таковой же представляя на рассмотрение сего правления, докладывает: 1-е, что местоположение сей отведенной земли, хотя мало имеет потребных для скотоводства выгод и в особенности не заключает ныне водопоя, но принять оную Альбран[д]т согласился. 2-е, в положении границ он, землемер, старался уравнить сенокосные места и оставил в казенном участке овраг Белозерку, на котором можно устроить водопой, и, 3-е, во всем округе бобылецких земель, на плане значащихся, на казенных оброчных и на отведенной Альбран[д]ту части лес не произрастает.

Вследствие чего Вашему сиятельству на предписание, от 23 ноября 1821 года за № 2760 последовавшее, Губернское правление с представлением плана и копии обязательства, коммерции советником Альбран[д]том данного, сим честь имеет донести.

Советник Бужинский

Экспедитор Кострицкий

ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1819 г.). Д. 2. Л. 19–20 об.
Подлинник. Рукой писца. Подписи-автографы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герцог Арманд-Эммануил Ришелье. Документы и бумаги о его жизни и деятельности. 1766–1822. СПб., 1886. (Сборник Императорского Русского исторического общества ; т. 54).
- Де-Рибас А. Старая Одесса: Исторические очерки и воспоминания. Одесса, 1913.
- Лукомский В. К., Троицкий С. Н. Перечень родам и лицам, гербы которых утверждены или пожалованы российскими монархами, а также утверждены Правительствующим сенатом Временного правительства России. СПб., 2004.

- Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833 год. СПб., [б. г.].
Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1834 год. СПб., [б. г.].
Одесский вестник. 1833. № 73. 16 сентября.
Одесский вестник. 1834. № 1. 3 января.
Одесский вестник. 1834а. № 30. 14 апреля (объявления).
Ревенок Н. Д. Рыцарь добра и справедливости: К 250-летию со дня рождения Джона Говарда // Медицинская сестра. 1976. № 12. С. 61–64.
Река времен. Книга истории и культуры : [альманах]. Кн. 4 : Русский провинциальный некрополь: Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея. М., 1996.
Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Ч. 2 : С 1796 по 1823 г. Одесса, 1838.
Anthoine M., baron de Saint-Joseph. Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire. Paris, 1820.
Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / mis en ordre et publié par M. Diderot ; et quant à la partie mathématique, par M. D'Alembert. Vol. 2. Paris, 1751.
Méditerranée, Moyen-Orient: deux siècles de relations internationales recherches en hommage à Jacques Thobie / sous la direction de Walid Arbid [et al.]. Paris, 2003. (Varia Turcica ; 37).
Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris ; Perrin, 1886.
Rochechouart L.-V.-L. de. Souvenirs sur la révolution, l'empire et la restauration. Paris, 1933.
Roman J. Tableau historique du département des Hautes-Alpes. État ecclésiastique, administratif et féodal antérieur a 1789, histoire, biographie, bibliographie de chacune des communes qui le composent. Paris ; Grenoble, 1887.

В. В. Онощенко
Санкт-Петербург

**Академик В. В. Латышев — неизвестный житель
«Дома академиков»**

В статье представлены некоторые адреса, по которым жил филолог-классик академик В. В. Латышев в Санкт-Петербурге и Казани, а также рассказывается о неизвестном ранее адресе. Эта квартира, в которой жил В. В. Латышев последние два года своей жизни, располагалась в известном «Доме академиков» на 7-й линии Васильевского острова. Новые данные позволили восполнить пробел в истории жизни академика В. В. Латышева и «Академического дома».

Ключевые слова: академик В. В. Латышев, «Дом академиков».

V. V. Onoshchenko
St. Petersburg

**Academician V. V. Latyshev — an Unknown Resident
of the “House of Academicians”**

The article presents some addresses where academician V. V. Latyshev, a classical philologist, lived in St. Petersburg and Kazan, and also focuses on a previously unknown address. This apartment, where V. V. Latyshev resided for the last two years of his life, was located in the famous “House of Academicians” on the 7th Line of Vasilevsky Island. The new data made it possible to fill a gap in the life story of academician V. V. Latyshev and the “House of Academicians”.

Keywords: academician V. V. Latyshev, “House of Academicians”.

Жизнь известных людей, представителей науки и искусства интересна не только их деятельностью, научными достижениями и трудами, но и более простыми, бытовыми моментами: личными отношениями, семейным и дружеским кругом, местами отдыха, адресами и многим другим.

Академик Василий Васильевич Латышев (1855–1921), филолог, эпиграфист, прожил интересную и насыщенную жизнь. Он известен как своими научными достижениями [Тункина, 1999], так и работой в качестве чиновника в Министерстве народного просвещения, а также деятельностью на посту директора Петербургского историко-филологического института. Благодаря

активной и разноплановой деятельности ученого адресов мест его пребывания, включая места проживания во время командировок, довольно много. Однако годовой рабочий режим В. В. Латышева был цикличным: зиму он проводил в Санкт-Петербурге (за исключением периода работы в Казани), а два летних месяца — на отдыхе.

Установить адреса, по которым жил В. В. Латышев, нам удалось по сохранившимся письмам [Письма... 2021] и другим архивным документам. Дадим небольшой обзор основных адресов ученого начиная с лета 1882 г., когда он вернулся из командировки по Греции.

С 1882 по 1890 г. В. В. Латышев занимал сначала должность преподавателя греческого языка, а затем — заведующего гимназией при Петербургском историко-филологическом институте, и проживал в служебных квартирах при этом институте: № 12, № 11 и № 6. В связи с назначением помощником попечителя Казанского учебного округа в ноябре 1890 г. В. В. Латышев с семьей переехал в Казань и поселился по адресу: Поперечно-Воскресенская ул., д. 8 (дом Петрова). Через год он сменил место проживания, переехав в дом Черноярова по Ново-Комиссариатской улице.

В 1893 г., получив место вице-директора Департамента народного просвещения, В. В. Латышев вернулся в Санкт-Петербург. В 1896 г. он был назначен на должность директора Департамента народного просвещения, которую занимал до апреля 1896 г. Адрес, по которому В. В. Латышев жил в этот период, пока не установлен. Далее, с 1898 по 1900 г., ученый проживал по адресу: Чернышев пер., д. 16, кв. 6. В 1901 г.: 3-я линия Васильевского острова, д. 12. В 1903 г. В. В. Латышев вступил в должность директора Петербургского историко-филологического института и переехал на положенную ему служебную квартиру в институте. В письмах к своим корреспондентам В. В. Латышев указывал следующий адрес: Санкт-Петербург, В[асильевский] о[стров], Университетская наб., д. 11. Здесь он прожил 15 лет — до августа 1918 г.

Ученый сложно переживал революционные события 1917 г. Не принимая новую власть, он был вынужден отказаться от руководства институтом и, следовательно, покинуть служебную квартиру. Вот что он писал С. Ф. Платонову 25 августа 1918 г.: «Глубокоуважаемый Сергей Федорович! По всей вероятности, Вам известно, что мне <...> приходится переезжать на частную квартиру. За 15 лет пребывания в просторной институтской квартире у меня скопилась такая масса мебели, что вместить ее в частную квартиру немыслимо, и потому приходится спешно продавать лишнее». С мая 1918 г. С. Ф. Платонов занимал должность директора Петроградского археологического института, тогда же институту было предоставлено новое здание. В этой связи В. В. Латышев продолжал: «Предполагая, что для устройства Археолог[ического] института в новом большом помещении мебель понадобится, я позволяю себе предложить Вашему благосклонному вниманию список вещей, которые могли бы оказаться подходящими для института. <...> Продать их было бы желательно к 1-му сентября» [Письма... 2021, с. 175].

Из институтской квартиры В. В. Латышев переехал в квартиру по адресу: 4-я линия Васильевского острова, д. 21, кв. 5 [Тункина, 1999, с. 218]. До недавнего

времени это был последний известный адрес академика. Однако, ознакомившись с записью о смерти В. В. Латышева, автор обратила внимание на то, что указанный адрес не совпадает с известным адресом 1918 г. Можно предположить, что, переехав на частную квартиру, В. В. Латышев начал хлопотать о получении казенного жилья. 27 марта 1919 г. Канцелярия Правления Академии наук уведомила коменданта здания Российской академии наук о том, «что Правление определило предоставить квартиры, освободившиеся в доме № 2 по 7 линии за смертью академиков А. С. Лаппо-Данилевского, А. М. Ляпунова и А. С. Фаминцина следующим академикам: кв. № 1 — В. А. Стеклову, № 9 — В. В. Латышеву, кв. № 17 — Н. Я. Марру» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1919. Д. 10. Л. 26]. Через три недели академик Ф. И. Успенский на заседании отделения ввиду отсутствия в Академии какого-либо помещения для библиотеки и архива «Византийского временника» просил разрешения отвести «в освобождающейся квартире А. М. Ляпунова помещения для означенной надобности» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 28-1919. Д. 10. Л. 40]; при этом академик В. В. Латышев принимал на себя заведывание архивом и библиотекой. 30 апреля 1919 г. Правление РАН обращалось в Жилищную коллегию Василеостровского района с просьбой «выдать ак. Латышеву разрешение на перевозку из занимаемой им ныне квартиры (4 л[иния], [д.] 21, кв. 5) всей принадлежащей ему обстановки (библиотеки, мебели, домашней утвари, <...> белья, посуды и проч.) в отведенную ему отделением казенную квартиру за № 9 в доме № 2 по 7 линии» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1919. Д. 10. Л. 44–45]. 30 ноября 1919 г. в письме к нумизмату А. В. Орешникову В. В. Латышев писал: «В мае я переехал на казенную квартиру в доме Академии наук, адрес которой, если не ошибаюсь, своевременно сообщил Вам: Васильевский остров, 7-я линия, д. 2, кв. 9».

В этой квартире академик В. В. Латышев прожил два года, до своей смерти 2 мая 1921 г. В свидетельстве о смерти значится д. 1/2 по Николаевской набережной [ЦГИА СПб. Ф. 457. Оп. 1. Д. 152. Л. 37]. Это адрес «Дома академиков», который выходит фасадом на набережную Невы, а боковыми частями — на 7-ю линию и Академический переулок. В работах, посвященных жителям «Академического дома», академик В. В. Латышев до сих пор не упоминался. В этом доме он прожил относительно недолго, а домовые книги, содержавшие записи о жильцах, погибли во время наводнения 1924 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Князев Г. А. Дом академиков // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., 1973. С. 79–92.
- Наумов В. Б. Сорок пять лет на берегах Невы // Дом академиков: История и судьбы. СПб., 2016. С. 349–358.
- Письма академика В. В. Латышева / ред.-сост. Д. В. Серых, В. В. Онощенко. Т. 1. СПб., 2021.
- Тункина И. В. В. В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб., 1999. С. 172–288.

О. В. Иодко
Санкт-Петербург

**«Подневольный исследователь языка
и фольклора чукчей» — В. Г. Богораз-Тан**

Статья содержит сведения о научных заслугах и свойствах личности этнографа, одного из инициаторов изучения народов Севера и создателя их письменности, автора художественной прозы и стихов, публициста, революционера-народника Натана Менделевича (Владимира Германовича) Богораза (1865–1936).

Ключевые слова: В. Г. Богораз-Тан, институт, комитет, Север, член-корреспондент, чукчи, экспедиция.

O. V. Iodko
St. Petersburg

**“A Forsed Researcher of the Chukchi Language
and Folklore” — V. G. Bogoraz-Tan**

The article contains information about the scientific merits and personality traits of the ethnographer Nathan Mendelevich (Vladimir Germanovich) Bogoraz (1865–1936), one of the initiators of studying the peoples of the North and the creator of their written language, the author of fiction and poetry, publicist, revolutionary populist.

Keywords: V. G. Bogoraz-Tan, institute, committee, North, corresponding member, Chukchi, expedition.

«Подневольный исследователь языка и фольклора чукчей» — таким было одно из определений [Венгеров, 1915, с. 70], данных этнографу, писателю, поэту и публицисту, революционеру-народнику Натану Менделевичу Богоразу (1865–1936) (рис. 1). В его биографии многое было не документально точно: и имя, и год, и место рождения... Но того требовала жизнь. Он прожил ее страстно. Свое кредо он выразил в тексте открытки, посланной 7 марта 1912 г. А. Ю. Анненскому¹:

¹ Анненский Алексей Юльевич (1894–1919) — учился в Петербургском политехническом институте, собиратель автографов.

Рис. 1. Владимир
Германович Богораз. Фото.
Не позднее 11 ноября
1903 г. © СПбФ АРАН.
Ф. 250. Оп. 3. Д. 251. Л. 4

«У мудрецов земли ответа не ищи,
Их сердце суетно и сухо.
Живи, безумствуя, до капли истощи
Поток страстей и силу духа»
[ОР РНБ. Ф. 124. Д. 563. Л. 1 об.].

Как не замирает пушкиноведение, так периодически появляются новые публикации о В. Г. Богоразе: после смерти ученого, в 1937 г., был выпущен сборник статей его памяти, в 1959 г. — книга Б. И. Карташева «По стране оленных людей. Путешествия В. Г. Тана-Богораз», в 1975 г. увидела свет книга Н. Ф. Кулешовой «В. Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество», в 2004 г. — статья Е. А. Михайловой «В. Г. Богораз: ученый, писатель, общественный деятель», в 2008 г. — сборник «Тропкою Богораз. Научные и литературные материалы». Также написаны статьи в трех изданиях Большой советской энциклопедии, в Большой российской энциклопедии и Литературном энциклопедическом словаре. Начиная с 1926 г. В. Г. Богораз написал несколько разной степени подробности автобиографий, одна из которых, датированная 20 мая 1926 г., была опубликована к 10-летию Октябрьской революции в отдельном томе «Энциклопедического словаря Гранат» вместе с материалами о деятелях русского революционного движения (и была переиздана в 1989 г.). Написанная к случаю, она отражала только заданную часть биографии. Замечательные воспоминания об отце — друге, педагоге, яркой личности — оставил В. В. Богораз².

В автобиографии В. Г. Богораз писал: «Я родился в апреле 1865 г., точного дня не знаю, возможно, что 15-го, в маленьком гор[одке] Овруче, в глуши Волынского полесья. По бумагам же моим значилось, однако, что я рожден в Мариуполе в 1862 г. Вышло это потому, что, будучи 7[-ми] лет, я стал надо-едасть своему отцу, чтобы меня отдали в гимназию <...>. Мы жили в Таганроге, отец съездил в Мариуполь и привез метрическое свидетельство подходящего характера» [Деятели... 1989, с. 232]. Загадку имени он также объясняет в автобиографии: «В то же время мне случилось принять православие — для целей

² Богораз Владимир Владимирович (1899 — не ранее 12 марта 1976) — выпускник Коммерческого училища в Лесном и Военно-хозяйственной академии РККА, в разное время сотрудник Государственного банка и Ленинградского филиала Всесоюзного государственного дорожного научно-исследовательского института; участник Великой Отечественной войны (1941–1944), на войне потерял единственного восемнадцатилетнего сына (1943); сын и секретарь В. Г. Богораз.

революционных³. Мое погружение в православную купель произошло осенью 1885 г. Был я Натан Менделевич Богораз, стал Владимир Германович Богораз, Германович по крестному отцу, как тогда полагалось. В то время принять православие значило перестать быть евреем. Я, однако, евреем быть не перестал, о чем засвидетельствовал многими поступками. Кстати, мое литературное имя “Тан”⁴ есть расчлененная подпись Н. А. Тан, т. е. имя “Натан”» [Деятели... 1989, с. 235]. «В 1880 г., — продолжает он, — мы вместе с сестрой укатали в Петербург, в университет. Был я, в сущности, щенок, и весьма необливанный. Что делать — учиться, читать или бегать на тайные сходки? Денег к тому же нам из дому совсем не посылали. Я все-таки много читал, научился по-французски, по-немецки. Для того, чтобы пополнить наш бюджет, писатель Кривенко⁵ доставал мне переводы из “Отечественных записок” — все больше беллетристику с французского <...>. Платили по-тогдашнему отлично — четвертной за рассказ <...>. Первый год в Петербурге я провел как-то уединенно, даже на лекции мало ходил. Кстати сказать, поступил я на естественное отделение физмата. А тянуло меня, разумеется, к гуманитарным наукам <...>. А на следующий год я перешел на экономическое отделение юридического факультета <...>. Тут я все же перешел на II курс. Экзамены мне дались легко. Но к этому времени я успел увязнуть в политике» [Деятели... 1989, с. 233–234]. За участие в студенческих беспорядках осенью 1882 г. В. Г. Богораз был выслан из Петербурга в Таганрог. «В Таганрогском остроге я просидел 11 месяцев. Именно там для меня началось одновременно общение с народом, человеческое “дно” и Кузькина родительница. Там же, очевидно, родился мой вкус к этнографии — в человеческой гуще, и чем гуще, тем приятнее» [Деятели... 1989, с. 235].

На этом университетское образование закончилось. Далее В. Г. Богораз вступил в организацию «Народная воля», участвовал в ее изданиях, находился в заключении в Петропавловской крепости (1886–1888), затем в ссылке в Среднеколымске, где начал изучать языки и этнографию народов Севера. Он принял участие в Якутской этнографической экспедиции РГО (1894–1897), в Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона (1900–1901), материалы которой обрабатывал в Музее естественной истории в Нью-Йорке (1902–1904).

В 1910 г. за «литературно-революционную деятельность» в 1905–1907 гг. был арестован и заключен в «Кресты». В одном из первых посланий к семье он так описал тюремный режим: «Встаю в шесть часов утра, когда зажигается

³ Ради возможности жить за пределами черты оседлости.

⁴ См. [Масанов, 1960, с. 74]. Кроме этого, известны еще 18 псевдонимов В. Г. Богораза.

⁵ Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906) — публицист; из дворянской семьи; окончил Павловское военное училище; с 1873 г. сотрудник журнала «Отечественные записки». В 1879 г. примкнул к «Народной воле». В 1884–1890 гг. отбывал ссылку в Вятской и Тобольской губерниях, по возвращении работал в журналах «Русское богатство» и «Новое слово».

рожок и является свет. Пока одеваюсь и убираю постель, в коридоре поют утреннюю молитву, и тотчас же приносят кипяток. Я пью только кипяток, в чае не нуждаюсь. Потом сажусь за этнографическую работу. Разносят французские булки, я их выписываю, но почти никогда не ем, так и отдаю целыми обратно. Огонь горит до 11 часов, а в 1 час дня опять зажигается. Ведь теперь самое темное время. Утром обыкновенно идем на прогулку, минут на 20. Гуляем колесом по кругу, все в затылок. За 20 минут можно сделать версты полторы. В 10 часов утра приносят молоко. Я беру лучшее за печатью. В 12 часов приносят опять кипяток. Тут обыкновенно чуточку поешь, две баранки с маслом или что осталось от вчерашнего обеда. В 4 часа еще кипяток, а в пять обед. Обед хороший. Я никогда не съедаю всего. Хлеба не ем, обыкновенно отдаю назад. Вообще ем здесь по крайней мере вдвое меньше, чем дома. Надо бы худеть, но я не худею. На ночь выпиваю молока, и только всего. Сахару ем мало, карамель, которую мне предписано сосать для желудка, и ту употребляю умеренно. Вечером до девяти часов занимаюсь, чем Бог даст, пишу, перевожу или читаю. А в девять часов тушат огонь. Это самое лучшее время. В камере полусвет. Можно ходить и мечтать. Потом занимаюсь гимнастикой и обтираюсь водой. Утром тихо занимаюсь гимнастикой, но без обтирания. Часов в десять ложусь спать. Сплю хорошо, когда не болит правый бок из-за печени, что бывает частенько» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 82, 83]. Осужденный на девять месяцев, он по состоянию здоровья был освобожден досрочно.

В годы Первой мировой войны В. Г. Богораз был начальником Санитарного отряда Союза городов (1914–1917).

Работал он в Музее антропологии и этнографии и Музее истории религии и атеизма АН СССР, в Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК СССР, в Комиссии содействия сооружению Великого северного пути, инициировал создание Института народов Севера ВЦИК СССР и был там профессором, преподавал в Географическом институте, Ленинградском институте живых восточных языков.

Большими тиражами выходили собрания литературных произведений В. Г. Богораза: т. 1–6, СПб., 1904; т. 1–10, СПб., 1910–1911; т. 1–4, М. ; Л., 1928–1929; многократно и в разных городах издавались его «Чукотские рассказы».

Наиболее важные из его опубликованных научных работ: «Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Г. Богоразом» (СПб., 1899, 1900); «Чукчи», написано по-английски и переведено автором на русский язык (Ч. 1–2. Л., 1934, 1939); «Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь» (Л., 1937); «Материалы по языку азиатских эскимосов» (Л., 1949).

В 1933 г. кандидатура В. Г. Богораза была представлена к избранию в члены-корреспонденты АН СССР. Еще 4 июня 1928 г. в Академию наук обратился с письмом его коллега и друг из отдела антропологии Колумбийского университета в Нью-Йорке Франц Боас: «Я случайно узнал, что Академия наук примет предложения относительно избрания русских ученых, которые

могут стать членами академии. Это побуждает меня написать относительно заслуг моего друга Владимира Богораза, чей труд я близко знал в течение 30-ти лет. Господин Богораз, после его ранних работ в Сибири, предпринял длительное исследование чукоч для Американского музея естественной истории, исследование, имеющее отношение к взаимоотношениям между Азией и Америкой. Он был назначен в эту экспедицию по рекомендации профессора Радлова. Результатом этого труда было классическое исследование о чукчах, которое, вместе с одинаково ценным трудом господина Владимира Иохельсона о коряках и юкагирах, является фундаментальным источником для нашей науки о крайнем северо-востоке Сибири. Тексты были опубликованы Академией наук в Ленинграде, его чукотская грамматика была опубликована в справочнике американских языков Бюро американской этнологии, а его неопубликованные словари являются достаточным доказательством его мастерства как усердного исследователя. Его вклад, однако, имеет более широкий диапазон. Исследования народа Советского Союза в его отношении к современным социальным проблемам имеют величайшую ценность как с научной, так и с практической точки зрения. План этих исследований был продиктован совершенным мастером метода и другом этнологической науки. Я думаю, что нельзя никого найти достойнее, чтобы быть членом вашей непревзойденной ассоциации, чем господин Богораз» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 48. Л. 4]. В представлении Наркомата просвещения Узбекской ССР были выделены исключительные заслуги В. Г. Богораза по туземной этнографии: «Являясь руководителем этнографической школы в СССР, он вполне достоин носить звание академика, тем более, эта школа пользуется серьезным признанием за границей. Обладая большой эрудицией и оригинальным изложением научных работ по вопросам общей и частной этнографии, он подготовил целое поколение молодых этнографов, работающих в настоящее время во всех концах нашего Союза. Узбекистан весьма заинтересован в развитии этнографии, и поэтому избрание в академики профессора Богораза, как крупного представителя туземной этнографии, является особенно желательным» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 48. Л. 4]. 27 января 1933 г. в Группу историков, социологов и экономистов Отделения общественных наук АН СССР поступило представление от Музея антропологии и этнографии АН СССР, в котором музей выдвигал в состав членов-корреспондентов «долголетнего работника в области исследования народов Севера профессора Владимира Германовича Богораза, который и в настоящее время является заведывающим отделом Сибири Музея антропологии и этнографии. Музей обращает внимание группы как на специальные исследования В. Г. Богораза, посвященные языку и быту чукоч, так и на общие работы его по вопросам этнографии, в частности, по вопросам шаманства в Северо-Восточной Азии. В. Г. Богораз известен также своей давней работой по линии содействия культурному подъему народов Сибири и языковому строительству у чукоч, активно участвуя в работах Комитета Севера при ВЦИК РСФСР, Института

народов Севера, Полярной комиссии АН и т. д. В. Г. Богораз чрезвычайно тесно связан со специалистами в области изучения американской этнографии и принимал деятельное участие в ряде конгрессов американистов. Наконец, в последнее время В. Г. Богораз проявил исключительную энергию при организации и выработке научного плана экспозиции как директор нового учреждения в системе Академии наук СССР — Музея истории религии. Все изложенное дает право Музею антропологии и этнографии поставить вопрос об избрании В. Г. Богораза членом-корреспондентом Академии наук СССР» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4227. Л. 21–21 об.].

Однако избрание не состоялось. По Группе историков, социологов и экономистов были представлены четыре кандидатуры в члены-корреспонденты: по историческим наукам — С. Г. Томсинского и В. Г. Богораза, по философским — Б. М. Гессена и И. К. Луппола. 30 января 1933 г. заслуживающими избрания постановили признать единогласно С. Г. Томсинского, Б. М. Гессена и И. К. Луппола, большинством голосов — В. Г. Богораза. Вакансий было три, а кандидатов — четыре. Чтобы выйти из положения, решили ходатайствовать перед Отделением общественных наук о предоставлении одной вакансии из незамещенных в других группах, принять названные кандидатуры и в следующем заседании провести баллотировку. Результаты баллотировки, проведенной 31 января (соотношение голосов за и против): Б. М. Гессен — 15/4; И. К. Луппол — 15/4, С. Г. Томсинский — 15/4, В. Г. Богораз — 10/9. В. Г. Богораз как не получивший требуемого большинства голосов оказался неизбранным [АРАН. Ф. 2. Оп. 1а-1933 (1932–1935 гг.). Л. 2–4].

Сын В. Г. Богораза вспоминал: «Любил он славу, известность, гордился своим литературным успехом. Мечтал быть академиком. В Академию наук он баллотировался семь раз и всегда неудачно. <...> После очередного провала в Академию он как-то приехал из города в очень хорошем настроении. Когда я поинтересовался о причине его веселости, он ответил, улыбаясь: “Представь, за границей выпустили сборник статей, куда вошли работы Нансена, Амундсена, Расмуссена и моя. Приятное общество!” Помолчал и добавил, очевидно, вспоминая свои последние огорчения: “Эта честь не меньшая, чем быть выбранным в академию”» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 50]. 20 января 1935 г. непреременный секретарь АН СССР В. П. Волгин известил В. Г. Богораза о присвоении ему Президиумом АН СССР ученой степени доктора этнографии [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 2. Л. 299].

О признаках болезни, унесшей жизнь В. Г. Богораза, можно узнать из его переписки с родственниками. 6 декабря 1931 г. он пишет в Ростов-на-Дону брату, хирургу Н. А. Богоразу⁶: «<...> Живу я по-прежнему. Кручусь среди своих

⁶ Богораз Николай Алексеевич (Генрих Менделевич; 1874–1952) — хирург, уролог, пионер фаллопластики; в 1920 г. в результате несчастного случая потерял обе ноги, но продолжал оперировать, стоя на протезах; заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии I степени.

учреждений, старых и новых, главная моя функция — опаздывать к сроку, между прочими делами должен строить большой Музей истории религии Академии наук, который я затеял еще два года тому назад и директором которого меня утвердили, подперев меня со всех сторон правильной методологией и идеологией.

Ну что ж, я не возражаю. Моя собственная идеология также правильная.

Ноги мои, к сожалению, не хотят заживать. Правая нога зажила весной, потом был промежуток, в Крыму укусила меня сколопендра, в Москву приехал с нарывом, но этот нарыв прорвался и зажил, но из последнего нарывчика от дерматита выросла новая ранка столь же беспокойная, все время хожу в обвязках. Дело, очевидно, в более глубоких причинах, связанных с расстройством обмена веществ. Лечат меня доктора разными способами, главным образом, компрессами, то из раствора английской соли, то из раствора марганца, дают пить внутрь адонис и еще всякую дрянь, но дело от этого не очень продвигается вперед. — Я все же, не унывая, даже в обвязках, по-прежнему бегаю, как встрепанный» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 41. Л. 6, 6 об.]. 11 декабря 1931 г. — племяннику Сергею: «Я много работаю, несмотря на свой возраст, бегаю с утра до вечера, пока еще земля носит. Нехорошо то, что у меня не проходит рана на ногах. На правой ноге прошла весной. Я поехал в Крым, там лечился, и все было хорошо, но перед отъездом меня укусила сколопендра. Из этого вышла новая рана, но теперь она зажила и потянула за собой третью. Характер их все тот же: небольшая язва, которая не очень болезненна и не причиняет особенно неприятных хлопот, но все-таки не закрывается, приходится ходить в повязке, менять компрессы, прикладывать мази и черт знает что. Это, конечно, результаты расстройства обмена питания. Принимаю различные микстуры, например, адонис, а толку все нет. Должно быть, это возраст» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 40. Л. 22, 22 об.]. В письме Н. А. Богораз (1936 г.) читаем: «Здравствуй, Владимир! Получил твое письмо с описанием твоей болезни. Это уравнение с двумя неизвестными. Неизвестно, что у тебя такое и как тебя лечить. Судя по твоему описанию, у тебя тромбофлебит. Если это так, то нужно знать, какой он. Принял ли он уже форму хроническую или подострую. И в том, и в другом [случае] лечение разное <...>. Ввиду того, что тебе уже 71 год, нужен строгий личный надзор и тщательно подбираемые комбинации из всех этих средств, а самому на свой страх без врача их применять опасно. Лучше всего, если ты приедешь сюда, и я тобою займусь» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 41. Л. 1, 1 об.].

Наконец В. Г. Богораз все-таки собрался доверить свою болезнь брату, и тот пишет ему 24 апреля 1936 г.: «Дорогой Владимир! Получил твое письмо и телеграмму и обеспокоился. Если у тебя острый период, то выезжать опасно. Что говорят врачи? Как твоя температура? Ведь я даже не знаю толком, какая у тебя болезнь. Во всяком случае, если ты приедешь, то я тебя непосредственно устрою в клинике, так как тебя необходимо подвергнуть клиническому исследованию и лечению, если хочешь иметь хоть какой-нибудь

успех. 29 апреля выехать тебе никак нельзя, так как в Ростов ты попадешь 1-го мая и невозможно будет проехать с вокзала, не будет машин, зато будет много всяких осложнений. Выезжай 30 апреля, чтобы приехать 2 мая. Здесь я постараюсь тебе помочь и, во всяком случае, я буду в курсе твоей болезни. — По всей вероятности тебе придется закончить лечение Мацестой, так что если можешь, постарайся устроить так, чтобы в случае надобности получить путевку в санаторий. Частным образом в Сочи устроиться нет никакой возможности. Мы тоже выедем в Мацесту с 14 июля до сентября. — Телеграфируй о дне и часе приезда и номере поезда, с которым выедешь, чтобы мы могли тебя встретить, но, повторяю, не приезжай 1-го мая, так как будет много осложнений. — Привет тебе от нас. Мой адрес: Ростов/Дон» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 41. Л. 9, 9 об.].

27 апреля 1936 г. В. Г. Богораз отметил очередной день рождения: «Болезнь оторвала его в последнее время от регулярного посещения Музея [истории религии], но не оторвала от работы по руководству музеем и научно-исследовательской работы, скоро им будет закончен большой том по шаманству. Ряд молодых работников музея под его руководством собирает материалы по этому важнейшему этапу в истории религии доклассового общества. День своей 71-й годовщины профессор Богораз, однако, провел в том музее, который создан и развивается под его руководством. В больничном кресле провезли его по залам Казанского собора⁷, показывая новые экспозиции» [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 29. Л. 96]. В больничном листе, выданном 5 мая 1936 г., был диагностирован «левосторонний тромбофлебит» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 2. Л. 303].

Скончался В. Г. Богораз 10 мая 1936 г. по дороге в Ростов-на-Дону, направляясь к брату. Сын ученого вспоминал: «Он ехал не один, а в сопровождении медицинской сестры. Она рассказывала, что после Москвы отец уже потерял сознание и больше не приходил в себя. Умер, не доезжая Харькова» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 116]. Гроб с телом был выставлен для прощания в Музее истории религии 13 и 14 мая, и 14-го же состоялось погребение на Волковом кладбище [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 29. Л. 113].

Для увековечения памяти ученого дирекция музея ходатайствовала перед Президиумом Академии наук о проведении следующих мероприятий: «1) организовать при Музее истории религии на базе имеющегося отдела религии доклассового общества научно-исследовательский кабинет по изучению религии доклассового общества имени В. Г. Богораза; 2) передать этому кабинету архив В. Г. Богораза по истории религии, над которым весь последний год под руководством самого В. Г. Богораза работали сотрудники отдела религии доклассового общества; 3) выделить специальные ассигнования на приобретение библиотеки В. Г. Богораза» [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 29. Л. 111]. 16 мая 1936 г. комиссия по увековечению памяти В. Г. Богораза постановила:

⁷ Там располагался Музей истории религии.

«Признать желательным приобрести книги по религии для филиала Библиотеки Академии наук в Музее истории религии и книги по общей и частной этнографии, фольклору и лингвистике для филиала Библиотеки Академии наук в Институте антропологии и этнографии. Просить Президиум АН отпустить соответствующие денежные ассигнования для приобретения библиотеки». Также было вынесено решение присоединиться к пожеланиям музея и института о присвоении имени В. Г. Богораза Музею истории религии, об установке бюста ученого в музее, памятника на могиле и мемориальной доски на доме 25а по улице Союза Печатников в Ленинграде⁸, где он проживал; об учреждении в Академии наук аспирантской стипендии имени В. Г. Богораза по этнографии народов Севера; об издании собрания сочинений В. Г. Богораза по этнографии, фольклору и лингвистике, с включением в него неизданных рукописей [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 29. Л. 123 об.]. 3 декабря 1936 г. Президиум АН постановил: «15. Разрешить Отделению общественных наук приобрести архив и библиотеку В. Г. Богораза» [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 29. Л. 129–130].

22 мая 1936 г. в Архив АН СССР поступила большая часть наследия ученого от его вдовы М. В. Поляковой; затем вплоть до 1976 г. были оформлены дополнительные поступления материалов от его сына, из Музея истории религии и Музея этнографии и антропологии [СПбФ АРАН. Дело фонда № 250. Л. 3, 5, 18].

Теперь, когда о заслугах ученого сказано, возникает интерес к тому, какова была его натура. И здесь встает не менее емкий образ: «В начале века старики-охотники дали ему (В. Г. Богоразу. — О. И.) имя “Танапыстак”, что в переводе с эскимосского значит — “настоящий”, “справедливый”» [Сергеева, 1970, с. 3]. В. Г. Богораз действительно был «пробужденным», азартным человеком; он знал себе цену, но никогда не демонстрировал это через высокомерие, был доступным; воспитывая, не назидал, а дожидался осознанного отклика. На Севере существовали о нем предания, одно из них, «За советом», записано со слов сказочника, эскимоса-зверобоя Кивагме: «Мне было 10 лет, когда Богораз гостил несколько недель в Чаплино. К нему тогда приехал очень толстый кочующий по имени Укуктукак. Заплывший жиром, страдая от одышки, он стал жаловаться русскому на свое горе. Тан сказал: “Делать надо вот что: во-первых, чай пить через день и только по одной кружке. До чаепития спокойным шагом 20 раз обойти вокруг жилища. Во-вторых, есть сушеное мясо в таком количестве, сколько успеешь хорошо разжевать, пока неторопливым шагом 20 раз обойдешь вокруг яранги. Запомнил? Если этого не сделаешь, то умрешь через 20 дней”» [Сергеева, 1970, с. 3]. Страдалец похудел, ослаб, наелся свежей оленины и через 20 дней не умер. А Тан заметил: «Ты за дни воздержания и пеших прогулок сильно похудел. Теперь

⁸ На могиле — мраморная доска, по одним данным — установленная в 1930-х гг., по другим — в 1941 г. (возможно, обновленная). На доме мемориальной доски нет.

ты немногим толще, чем я. Давай пить чай вместе — и больше, чем по одной кружке» [Сергеева, 1970, с. 3].

Сын В. Г. Богораз вспоминал: «Зная доброту отца, я как-то спросил его, когда он стал профессором, как он экзаменует студентов, много ли “режет”. Он улыбнулся: “Никого не режу. Просто до тех пор спрашиваю, пока человеку самому не сделается стыдно и он не скажет: “Я приду еще раз”» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 49]. А как он воспитывал сына, ставя все более сложные задачи и дожидаясь взросления!

«В. Г. Богораз был подвижен и экспансивен, как в молодости. Вспоминается такой случай: несколько наших студентов-этнографов сели в трамвай у университета. Когда трамвай уже отправился, мы заметили, как из Музея антропологии и этнографии выбежал Богораз. Он побежал за трамваем, на повороте, у Дворцового моста, нагнал его, на ходу вскочил на площадку. Увидев нас, он весело подмигнул нам и сказал: “В каюры еще гожусь”. Было ему в то время порядочно — за шестьдесят. Он проявлял неукротимую энергию, не только догоняя трамвай, но и организуя экспедиции, хлопоча о снабжении факультета, об издании студенческих научных сборников» [Гаген-Торн, 1971, с. 140].

В своей жизни В. Г. Богораз был верен завету: «Живи, безумствуя, до капли истоши поток страстей и силу духа».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. Пг., 1915.
- Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.
- Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989.
- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960.
- Сергеева К. С. Предания о Тан-Богоразе // Магаданская правда. 1970. № 160 (10390). 11 июня. С. 3.

Н. В. Крапошина
Санкт-Петербург

**Художник-архитектор
Борис Николаевич Николаев (1869–1953)
и его путешествия в Дугненскую обитель
во имя иконы Божьей Матери
«Отрада и Утешение»**

В 1913 г. в журнале «Зодчий» был опубликован очерк художника-архитектора Бориса Николаевича Николаева (1869–1953), посвященный истории Дугненской обители во имя иконы Божьей Матери «Отрада и Утешение». Стихотворения, акварели и фотографии, выявленные в собрании личных документов Б. Н. Николаева, дополняют очерк, который в настоящее время является одним из основных опубликованных источников об утраченной святыне Калужского края.

Ключевые слова: Б. Н. Николаев, Дугненская обитель, «Отрада и Утешение».

N. V. Kraposhina
St. Petersburg

**Painter and Architect Boris N. Nikolaev (1869–1953)
and His Journeys to the Dugna Monastery
of the Mother of God Icon
“Joy and Consolation”**

In 1913, the “Architect [Zodchiy]” magazine published an essay by Boris N. Nikolaev (1869–1953), a painter and architect, dedicated to the history of the Dugna Monastery of the Mother of God Icon “Joy and Consolation”. The poems, watercolor drawings and photographs identified in the collection of B. N. Nikolaev’s personal papers complement the essay, which is presently one of the main published sources about the lost shrine of the Kaluga Region.

Keywords: B. N. Nikolaev, Dugna Monastery, “Joy and Consolation”.

Художник-архитектор Борис Николаевич Николаев родился 21 апреля 1869 г. в Москве. В 1889 г. он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, в 1896 г. — архитектурное отделение Высшего художественного училища при Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге, где учился на впервые набранном курсе архитектора, действительного члена академии Леонтия Николаевича Бенуа (1856–1928). В Москве и в Петербурге, приобретая необходимый опыт, работал в мастерских известных архитекторов, а результаты деятельности как преподавателя высших технических учебных заведений Ленинграда позднее подготовил в виде учебных пособий, посвященных основам начертательной геометрии, перспективе и способам передачи изображения [Николаев, 1905; 1909; 1911]. Являясь членом Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов, Б. Н. Николаев опубликовал на страницах журнала «Зодчий» проекты зданий, представленных им на творческие конкурсы, статьи по теоретическим вопросам архитектуры и строительства, а также «архитектурно-исторические очерки», посвященные истории Дугненской обители во имя иконы Божьей Матери «Отрада и Утешение» [Николаев, 1913а; 1913б; 1913в; 1913г].

Место основания обители имеет древнюю историю. Она находилась в 50 км от Калуги (по другим данным — в 40–45 км) и в 18 км от сел. Ферзиково, при впадении р. Дугны в р. Оку. Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. «в этой местности существовала некогда <...> церковь с двумя приделами» [Николаев, 1913а, с. 96–97]. Церковь в честь святителя, патриарха Александрийского Иоанна Милостивого, известного своей благотворительной деятельностью, имелась в этих местах с начала XVIII в., но постепенно, вследствие пожаров, пришла в запустение. Б. Н. Николаев отметил, что в 1818 г., по справке консистории, в этих местах уже значилась церковь Иоанна Милостивого [Николаев, 1913а, с. 96–97]. С 1897 г. под руководством первой настоятельницы общины Екатерины Ивановны Менцендорф и монахини Софии Гриневой началось устройство женской общины: собирались благотворительные средства, были осуществлены ремонт церкви, строительство служб, церковной школы. В 1889 г. был утвержден план каменной паперти в церкви Иоанна Милостивого, в 1901 г. состоялось освящение престола.

О духовной и творческой связи Б. Н. Николаева с общиной, с Калужской губернией свидетельствуют сохранившиеся в его личном фонде в СПбФ АРАН (ф. 846) художественные и литературные произведения, семейные фотографии периода с 1903 по 1913 г.

В Калуге железнодорожная станция Московской железной дороги была открыта в 1874 г., а регулярное движение поездов началось в 1900 г. В 1901 г. для пассажиров открылось новое здание вокзала. До обители от железнодорожной станции можно было доехать на ямщицкой повозке. Путешественнику не всегда удавалось договориться о поездке, и однажды Б. Н. Николаев вынужденно ночевал в гостинице, где провел бессонную ночь. С досадой он писал в одном из стихотворений:

«Ферзиково. 6 апреля 1903 г.

Нет лошадей! Смешно, конечно,
Конечно, сам я виноват,
Что необдуманно, беспечно
Сюда приехал наугад.
Отбыв заутреню в Калуге
Под пряный запах куличей,
Мечтал о них я на досуге,
И вдруг на грех — нет лошадей!
Нет лошадей... Уж рассветает,
Все мирно так. Едва мерцает
Перед божницею свеча.
Мгновенья маятник считает.
В соседстве слышен разговор,
Порой шаги, иль хлопнут двери.
И в голове престранный вздор,
И отдаешься снова вере...
[Почти?] В несбыточные сны,
В невероятные мечтанья
И в пробуждение весны
Под желтым пеплом увяданья»

[СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 94. Л. 115].

Летом 1903 г. Б. Н. Николаев вновь побывал в обители (рис. 1):

«19 июля 1903. Ока — Дугна.
Обитель “Отрада и Утешение”

Бледнеет небо. Зной спадает.
Вечерний солнца луч
Сквозь сетку зелени сгорает;
Журчит в овраге ключ.
Там, ниже — берег, скат пологий.
Идет уже домой
Ленивым шагом скот убогий
Над темною Окой...
Назавтра праздник, богомолье¹
В обители звонят.
Вот ветер — ветви недовольно
Качаются, шумят.
Бледнеет небо, все желтее²
Вечерний солнца луч...
Лишь ту же песню, не слабея³,
Поет хрустальный ключ...
И грежу я, он понимает
Все, чем душа полна.
И донесет, не растеряет
Мечты мои волна.
И вот весной, проездом Волгой
Приснится, может, Вам,
Что у ручья я грустно долго
Нашептывал волнам»

[СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 94. Л. 122].

¹ Четыре следующие строки стихотворения объединены Б. Н. Николаевым на левом свободном поле листа скобкой.

² В другом варианте этого стихотворения под названием «На Оке» словосочетание «все желтее» зачеркнуто, и сверху надписано — «гаснет сонно» [СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 39. Л. 91].

³ В другом варианте стихотворения над зачеркнутым «не слабея» надписано — «монотонно» [СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 39. Л. 91].

Б. Н. Николаев посещал обитель вместе со своей матерью, «вдовой губернского секретаря» Авдотьей Платоновной Веселовой⁴ [СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 55. Л. 1], которая периодически жила в общине в своем доме или снимала жилье. Следуя духовному пути святителя Иоанна Милостивого, община давала приют детям, оставшимся без попечения родителей, пожилым женщинам и другим малоимущим прихожанам. По-видимому, пребывание в обители было для Е. П. Веселовой значимым временем. Встреча Б. Н. Николаева с матерью состоялась и зимой 1906–1907 гг., о чем свидетельствует серия акварелей и фотографий, на которой запечатлены мать художника, виды улиц и построек Дугны, местные природные ландшафты (ил. 1–11 цветной вклейки).

В начале января 1907 г., возвращаясь из поездки в обитель, Б. Н. Николаев на привокзальной площади в Калуге или позднее, по памяти, выполнил акварель с видом на городские строения и запряженную в сани лошадь (ил. 12 цветной вклейки).

7 января 1908 г. Б. Н. Николаев вместе с матерью отмечал в Дугне Рождество, о чем свидетельствуют несколько сохранившихся фотографий, на которых запечатлены окрестности обители (ил. 13–14 цветной вклейки).

Две акварели выполнены в Дугне зимой; на одной на заднем плане изображена предположительно обратная сторона «замечательного памятника обители» — небольшой церкви Иоанна Милостивого, построенной «приблизительно между 1780 и 1790 годами, в эпоху Екатерины II» [Николаев, 1913а, с. 98] (ил. 15 цветной вклейки), на другой — вид на березы на берегу Оки из окна дома матери (ил. 16 цветной вклейки).

В завершающей части «историко-архитектурного очерка» Б. Н. Николаев опубликовал фотографию и привел описание небольшой ветхой часовни, находящейся «примерно на половине высоты крутого восточного склона, спускающегося к речке Дугне <...>, принадлежащая крестьянам Дугненского завода⁵. Часовня эта <...> построена над колодцем, питаемым надземным ключом и известным своею целительною силою» [Николаев, 1913в, с. 127]. На одной из сохранившихся фотографий рядом с этой часовней запечатлена мать Б. Н. Николаева (ил. 17 цветной вклейки).

Многие постройки на территории обители, как писал Б. Н. Николаев, сооружались местными силами: «Большей частью деревянные и только немногие здания кирпичные, смешанные или местного камня» [Николаев, 1913а, с. 97]. В мае и июне 1912 г. Б. Н. Николаев вновь побывал в Дугненской обители, о чем свидетельствуют несколько сохранившихся акварелей (ил. 18–19, 21 цветной вклейки) и зарисовки карандашом (ил. 20 цветной вклейки).

⁴ Своей матери Б. Н. Николаев посвятил исследование «Физические начала архитектурных форм. Опыт исследования хронической деформации зданий» (СПб., 1905 г.), указав ее имя в иной производной форме — Евдокия Платоновна Веселова (далее по тексту — Е. П. Веселова).

⁵ Дугненский Завод — старое название с. Дугна, в настоящее время — п. г. т. Дугна в Ферзиковском районе Калужской области.

Ил. 1. Е. П. Веселова. Фото.
Подпись-автограф Б. Н. Николаева: «Мама. 1906. XII».
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 15, фото 167

Ил. 2. Обитель «Отрада и Утешение». Фото. Подпись-автограф Б. Н. Николаева:
«Мамин дом. 1906. XII». © СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 16, фото 171

Ил. 3. Обитель «Отрада и Утешение». Негатив, пленка. Подпись-автограф
Б. Н. Николаева: «У мамы. 1906. XII». © СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 15, нег. 161

Ил. 4. Обитель «Отрада и Утешение». Фото. Подпись-автограф Б. Н. Николаева: «У мамы. 1906. XII». © СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 16, фото 173

Ил. 5. «Монаст[ырь]. Дугна. 1906. XII» (подпись-автограф Б. Н. Николаева). Фото. © СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 15, фото 157

Ил. 6. «Монастырь. Дугна. 1906. XII» (подпись-автограф Б. Н. Николаева).
Негатив, пленка. © СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 14, нег. 150

Ил. 7. «Дугна. 1906. XII» (автограф Б. Н. Николаева на обороте). Фото.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 15, фото 164

Ил. 8. «М[онасты]рь Дугна. 1906. XII» (подпись-автограф Б. Н. Николаева). Фото.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 13, фото 146

Ил. 9. «Дугна. 1906. Дек[абрь]» (подпись-автограф Б. Н. Николаева). Фото.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 15, фото 169

Ил. 10. Б. Н. Николаев. Зимний пейзаж. 28 декабря 1906 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 166

*Ил. 11. Е. П. Веселова. Фото. Подпись-автограф Б. Н. Николаева: «Мама. 1907. I».
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 14, фото 149*

Ил. 12. Б. Н. Николаев. Калуга. Вокзал. 2 января 1907 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 155

Ил. 13. «У мамы. 1908. Рождество» (подпись-автограф Б. Н. Николаева). Фото.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 18, фото 191

Ил. 14. [Дугна. Рождество. 1908]. Фото.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 18, фото 194

Ил. 15. Б. Н. Николаев. Вид из окна на церковь. 30 декабря 1908 г.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 152

Ил. 16. Б. Н. Николаев. Вид из окна на Оку. 30 декабря 1908 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 170

Ил. 17. Село Дugna, часовня. Фото. Подпись-автограф Б. Н. Николаева:
«Поездка к маме. 13-14 апр[еля]». Б/г.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 72. Л. 2, фото 10

*Ил. 18. Б. Н. Николаев. Обитель во имя Божьей Матери «Отрада и Утешение».
23 мая 1912 г. Акварель.*

© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 153

Ил. 19. Б. Н. Николаев. Обитель во имя Божьей Матери «Отрада и Утешение».
Май 1912 г. Акварель. © СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 154

Ил. 20. Зарисовка Б. Н. Николаева на обороте акварели
(см. ил. 19). Карандаш. © СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 154 об.

Ил. 21. Б. Н. Николаев. Обитель «Отрада и Утешение». 19 мая 1912 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 96. Л. 32

*Ил. 22. Б. Н. Николаев. Дугненская обитель. Июнь 1913 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 141*

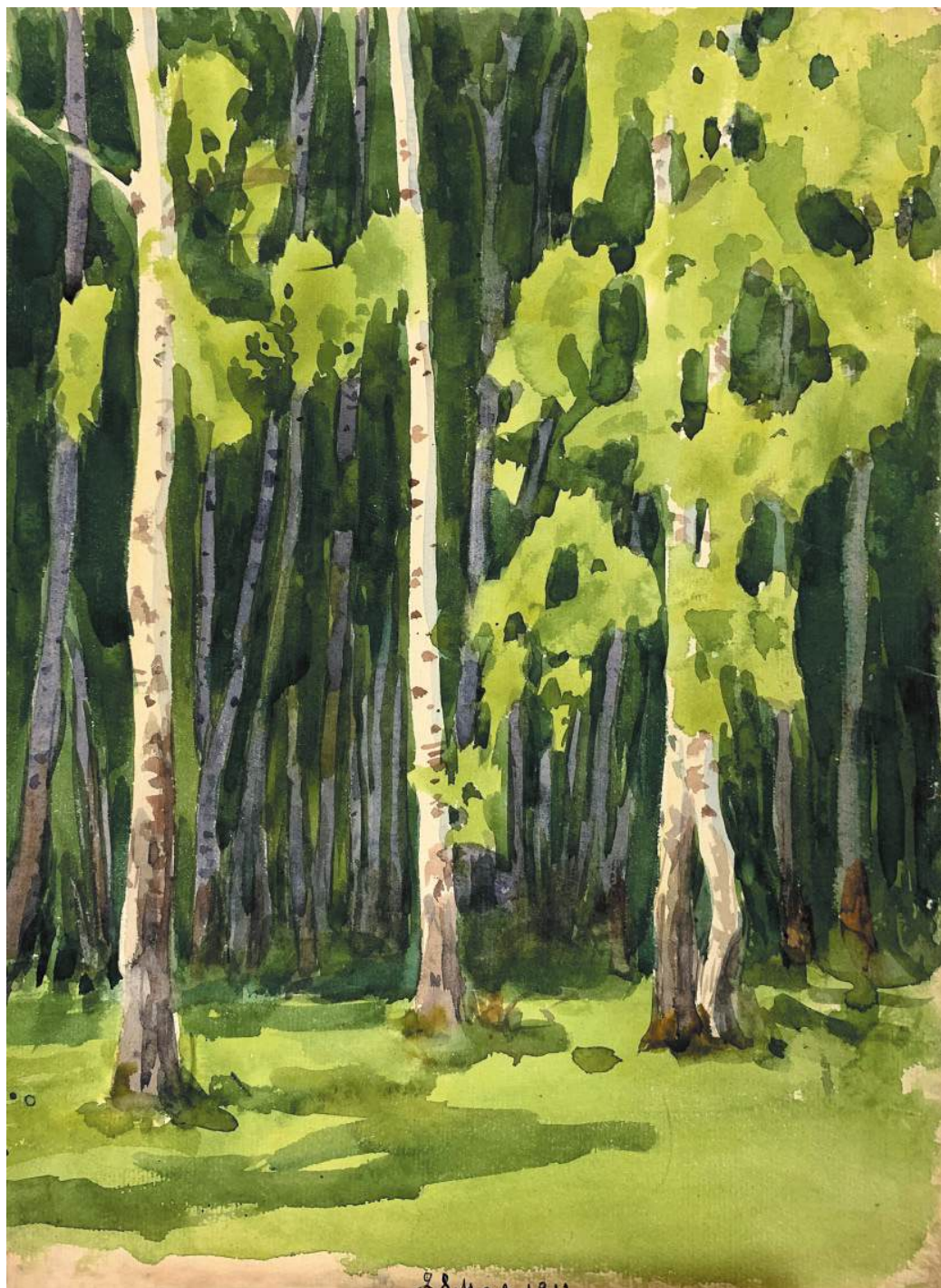
*Ил. 23. Б. Н. Николаев. Дугненская обитель. Июнь 1913 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 142*

Ил. 24. Б. Н. Николаев. Дугненская обитель. 24 июня 1913 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 143

Ил. 25. Б. Н. Николаев. Дугненская обитель. 21–22 июня 1913 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 157

Ил. 26. Б. Н. Николаев. Дугненская обитель. 28 мая 1913 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 159

Ил. 27. Б. Н. Николаев. Дугненская обитель. 11 июня 1913 г. Акварель.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 41. Л. 160

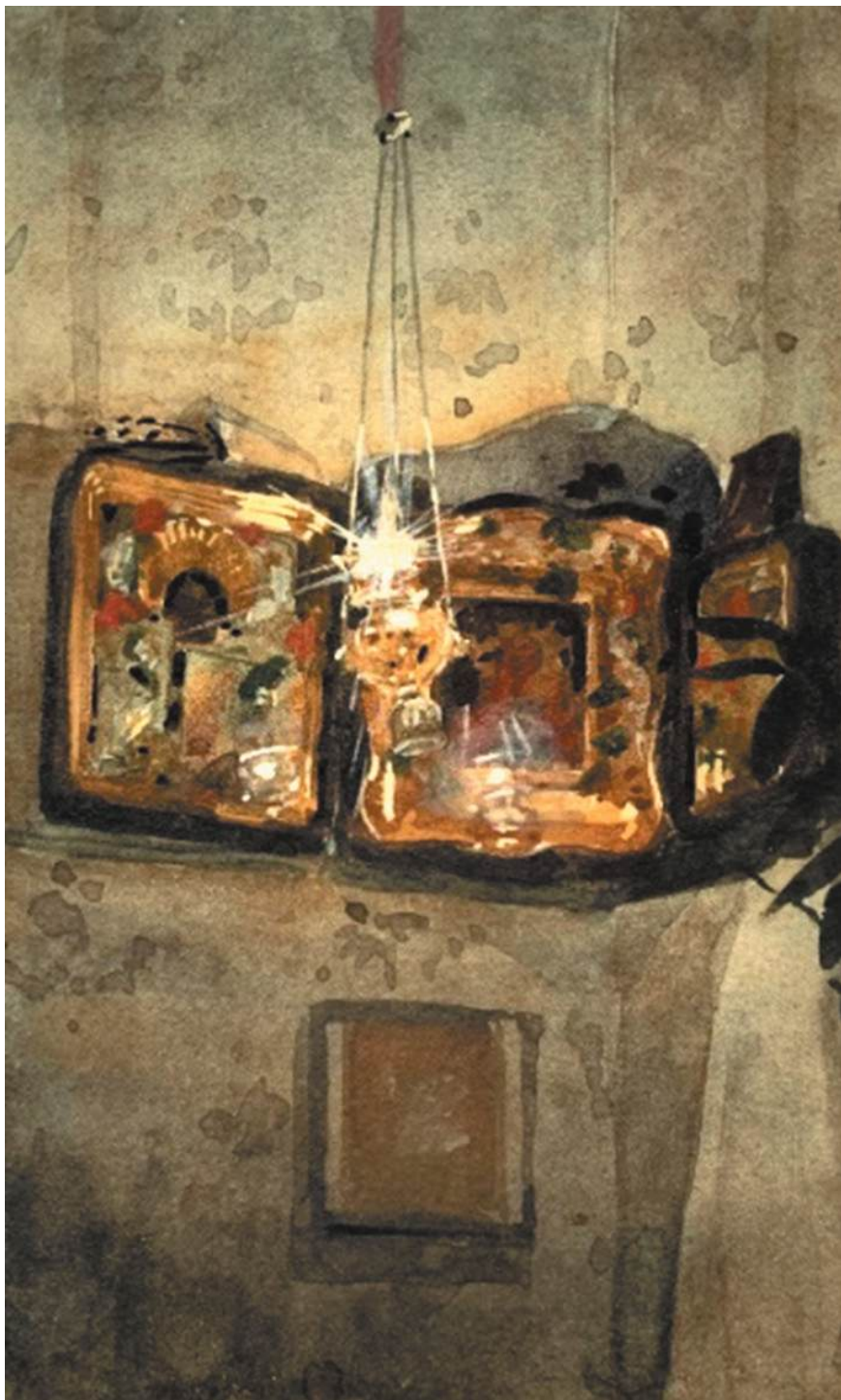
Ил. 28. Б. Н. Николаев. Фото.

Подпись-автограф Б. Н. Николаева: «Обитель “Отрада и Утешение”. 1913. Июнь».

© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 73. Л. 22

Ил. 29. Е. П. Веселова.
Подпись-автограф Б. Н. Николаева на обороте: «Мама. 1913. Июнь».
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 73. Л. 25

Ил. 30. Б. Н. Николаев. Дугненская обитель. Акварель. Начало XX в.
© СПбФ АРАН. Ф. 846. Оп. 1. Д. 96. Л. 29

Следующая поездка в обитель вместе с Е. П. Веселовой состоялась в мае — июне 1913 г., в год, когда община была преобразована в монастырь (ил. 28–29 цветной вклейки). В течение нескольких недель Б. Н. Николаев путешествовал по окрестностям обители, выполнил серию акварелей с изображением деревянных строений работы местных мастеров и пейзажами окрестностей Дугны (ил. 22–27 цветной вклейки).

Дугненская обитель во имя иконы Божьей Матери «Отрада и Утешение» разделила судьбу многих памятников церковного и гражданского назначения, которые в XX в., в эпоху исторических преобразований, были утрачены. Память о них хранится в архивных документах, справочных изданиях, а «архитектурно-исторические очерки» Б. Н. Николаева о Дугненской обители до настоящего времени являются одним из основных опубликованных источников по истории монастыря (ил. 30 цветной вклейки).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Николаев Б. Н.* Физические начала архитектурных форм. Опыт исследования хронической деформации зданий. СПб., 1905.
- Николаев Б. Н.* Вопросы перспективы. Ч. 1 : Определение по фотографическому снимку формы и размеров здания. СПб., 1909.
- Николаев Б. Н.* Вопросы перспективы. Ч. 2 : Перспектива окружности и применение перспективного метода к решению задач на построение эллипса, гиперболы и параболы. СПб., 1911.
- Николаев Б. Н.* Дугненская обитель во имя Божьей Матери «Отрада и Утешение»: Архитектурно-исторические очерки. [Ч. 1] // Зодчий. 1913а. № 9. 3 марта. С. 95–100.
- Николаев Б. Н.* Дугненская обитель во имя Божьей Матери «Отрада и Утешение»: Архитектурно-исторические очерки. [Ч. 2] // Зодчий. 1913б. № 10. 10 марта. С. 111–117.
- Николаев Б. Н.* Дугненская обитель во имя Божьей Матери «Отрада и Утешение»: Архитектурно-исторические очерки. [Ч. 3] // Зодчий. 1913в. № 11. 17 марта. С. 127–135.
- Николаев Б. Н.* Дугненская обитель во имя Божьей Матери «Отрада и Утешение»: Архитектурно-исторические очерки. [Отд. отт. из журнала «Зодчий»]. СПб., 1913.

Л. Д. Бондарь
Санкт-Петербург

**Славист и диалектолог
Петр Афанасьевич Бузук (1891–1938)
и его «опасные» научные интересы**

Статья представляет собой биографический очерк, посвященный основателю белорусской лингвогеографии, слависту-диалектологу Петру Афанасьевичу Бузуку (1891–1938), чей жизненный и научный путь должен был безвременно завершиться в тяжелые 1930-е гг. Работая в университетах Новороссийска и Минска, П. А. Бузук был вместе с тем связан и с петроградской/ленинградской наукой, о чем, в частности, свидетельствуют документы СПбФ АРАН.

Ключевые слова: Петр Афанасьевич Бузук, лингвогеография, славистика, диалектология.

L. D. Bondar
St. Petersburg

**Slavist and Dialectologist Petr A. Buzuk (1891–1938)
and His “Dangerous” Scholarly Interests**

The article presents a biographical sketch dedicated to the founder of Belarusian linguogeography, slavist and dialectologist Petr A. Buzuk (1891–1938), whose life and scholarly career was to end prematurely in the difficult 1930s. While working at the universities of Novorossiysk and Minsk, P. A. Buzuk was at the same time associated with Petrograd/Leningrad science, which is particularly testified by the documents of the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS.

Keywords: Petr A. Buzuk, linguogeography, Slavic studies, dialectology.

Петр Афанасьевич Бузук (1891–1938) (рис. 1) — ученый, принадлежащий нескольким культурам как в силу своей научной работы, так и по своему происхождению. Со стороны отца у него были молдавские и еврейские корни, со стороны матери — украинские и сербские [Судаков, 2002, с. 5; Боровикова,

2022, с. 99]. Фамилия имеет молдавское происхождение, а место рождения ученого — с. Шерпены (Бендерский уезд Бессарабской губернии)¹.

П. А. Бузук родился вырос в семье народного учителя, в 1904–1909 гг. обучался в Тираспольском реальном училище, которое успешно окончил и поставил себе целью поступление в Новороссийский университет. Однако училище не давало необходимой для поступления подготовки в классических языках, поэтому в течение двух лет П. А. Бузук изучал их самостоятельно, достигнув требуемого уровня [Зленко, 1973].

П. А. Бузук поступил в Новороссийский университет в 1911 г.; одновременно с учебой он посещал учительские курсы. После окончания университета в 1916 г. молодой ученый был оставлен на кафедре славянской филологии в качестве профессорского стипендиата². К работе в Новороссийском университете П. А. Бузук приступил в должности доцента историко-филологического факультета, одновременно преподавал и в других учебных заведениях Одессы [Ілляш, 1965; Рамановіч, Юрєвіч, 1969, с. 32].

Уже в 1921 г. П. А. Бузук установил связи с Российской академией наук. В августе 1920 г. из жизни ушел академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920), и академик Евфимий Федорович Карский (1860–1931), принявший на себя после А. А. Шахматова обязанности редактирования «Известий ОРЯС», готовил сборник, посвященный памяти этого крупного ученого. П. А. Бузук также предложил свою статью — «Взгляды академика Шахматова на доисторические судьбы славянства», написанную на основе доклада, сделанного им на заседании Одесского библиографического общества в ноябре 1920 г. В памятный том 25 (1922) статья не вошла: она увидела свет раньше [Бузук, 1921б]. В этом же выпуске была опубликована еще одна статья П. А. Бузука [Бузук, 1921а]³; в 1924 г. он защитил докторскую диссертацию с тем же

Рис. 1. Петр Афанасьевич Бузук. Портрет. Фото на почтовой открытке.

© СПбФ АРАН. Ф. 752.

Оп. 2. Д. 32. Л. 38

¹ Долгое время существовала вторая версия места рождения ученого — в Тираспольском уезде [Булахов, 1977, с. 55]. В Тираспольском объединенном музее имеются документы и вещи П. А. Бузука. В 2024 г. к 133-летию ученого «Приднестровской государственной телерадиокомпанией» была подготовлена передача: <https://radio.pgtrk.com/news/020723/132-goda-so-dnya-rozhdeniya-lingvista-petra-buzuka> (дата обращения: 14.08.2025).

² По ходатайству члена-корреспондента ИАН, будущего академика РАН (1923) Бориса Михайловича Ляпунова (1862–1943), в то время — профессора Новороссийского университета [Боровикова, 2022, с. 99].

³ О подготовке названных выпусков «Известий ОРЯС» см. [Бондарь, 2023, с. 16–17].

названием — «К вопросу о месте написания Мариинского евангелия». Вскоре после защиты П. А. Бузук опубликовал в «Известиях ОРЯС» еще одну статью на эту тему [Бузук, 1925]. История подготовки указанных публикаций отражена в письмах к Е. Ф. Карскому (рис. 2) [СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–7 об.; опубли.: Жизнь и деятельность... 2020, с. 200–205].

Заочное знакомство с Е. Ф. Карским, вероятно, в определенной степени повлияло и на последовавшие затем перемены в жизни П. А. Бузука. В 1925 г. он получил официальное приглашение ректора недавно созданного Белорусского государственного университета (БГУ) — Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947) и переехал в Минск. По этому поводу председатель Инбелкульта Степан Михайлович Некрашевич (1883–1937) писал Е. Ф. Карскому 25 ноября 1925 г.: «Также считаю очень полезным делом <...> — это содействие в назначении и переезде в Минск проф. [П. А.] Бузука (из Одессы). Хотя, впрочем, он передавал, что мысль о переезде в Минск впервые ему подали Вы. — С приездом П. А. Бузука наше лингвистическое отделение оживет. Ведь до последнего времени у нас не было ни одного лингвиста» [СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 7–7 об.]. П. А. Бузук довольно быстро адаптировался в Минске. 4 марта 1926 г. он писал Е. Ф. Карскому: «Еще в конце 1-го семестра я перешел к чтению лекций на белор[усском] языке. Теперь уже сравнительно свободно владею им» [СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 13].

П. А. Бузук входит в число выдающихся советских лингвистов; он был языковедом-полиглотом: за свою жизнь читал лекции на разных славянских языках, писал на них научные труды и даже литературные произведения. Биографы ученого отмечают, что он знал без малого два десятка языков [Булахов, 1977, с. 56; Судаков, 2001]⁴. Как отметил М. Г. Булахов [Булахов, 1977, с. 56], знание разносистемных языков позволило П. А. Бузуку произвести наблюдения, которые легли в основу его трудов по общему и сравнительному языкознанию, по проблеме праславянского языка⁵.

Глубина научных знаний определила если не стремительную, то примечательную карьеру ученого. В БГУ он читал несколько курсов на педагогическом факультете, работал в Минском педагогическом институте, с 1927 г. заведовал кафедрой славянского языкознания. В 1926 г. началась также его работа в Инбелкульте: П. А. Бузук возглавлял Фольклорно-диалектологическую комиссию, входил в состав Комиссии живого белорусского языка, Комиссии Словаря живого белорусского языка, Терминологической комиссии. В 1929 г. стал ученым секретарем только что созданного Института языкознания Белорусской академии наук [Булахов, 1977, с. 55].

⁴ В числе языков, которыми владел П. А. Бузук, биографы ученого, помимо славянских и классических языков, называют молдавский, румынский, итальянский, немецкий, английский, татарский, коми, грузинский.

⁵ Библиографию трудов П. А. Бузука по этой теме см. [Булахов, 1977, с. 56–57].

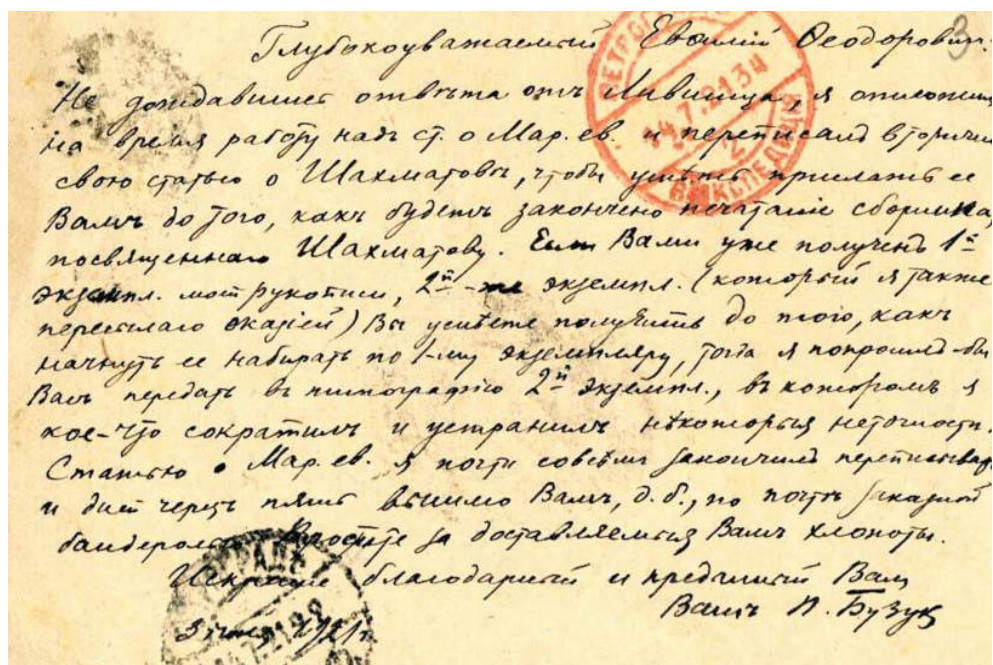

Рис. 2. Письмо (почтовая открытка)
П. А. Бузука акад. Е. Ф. Карскому из Одессы. 1921 г.
© СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 17. Л. 3–3 об.

Особое место среди лингвистических интересов П. А. Бузука занимала диалектология. Во время работы в Новороссийском университете и позднее появился ряд его публикаций по украинскому языку и диалектологии в изданиях Одессы, Харькова, Киева, Праги (в журнале «Slavia») [Булахов, 1977, с. 57–58].

В минский период главным научным интересом П. А. Бузука стала белорусистика. Он участвовал в разработке белорусского правописания и лексикографии. Вместе с С. М. Некрашевичем работал над составлением в Инбелкульте «Программы собирания особенностей белорусских говоров», которая была опубликована в 1927 г. и содержала 157 вопросов. В БГУ П. А. Бузук организовал диалектологический кружок, обучая студентов работе в полевых условиях. Активно занимался организацией и проведением диалектологических экспедиций, побывав в таких местах, которые ранее не посещали ни диалектологи, ни этнографы. Проехал всю Беларусь на подводах и пароходах [Рамановіч, Юрэвіч, 1969, с. 32; Боровикова, 2022, с. 100–101]. За пять лет работы в Минске в изданиях Минска, Праги и Загреба опубликовал около трех десятков работ по вопросам белорусского языка [Булахов, 1977, с. 58–59].

В 1929 г. П. А. Бузук был включен в состав советской делегации на I Международный съезд славистов, прошедший в Праге, Брно и Братиславе 6–13 октября 1929 г. Именно на этом съезде завязалась важная для будущей истории славянского языкознания дискуссия, к которой П. А. Бузук оказался причастным самым непосредственным образом.

На съезде 1929 г. оказалась поднята тема, касавшаяся одного из крупнейших планировавшихся международных славистических проектов — Общеславянского лингвистического атласа. Идея была заложена трудами французского слависта Люсьена Теньера (*Lucien Tesnière*; 1893–1954), по инициативе которого, поддержанной Антуаном Ме́йе (*Paul Jules Antoine Meillet*; 1866–1936), в повестку дня съезда и был включен вопрос о славянском атласе как международном предприятии. Позиция советской делегации, выразителем которой стал на съезде будущий академик Николай Севастьянович Державин (1877–1953), являлась категоричной и отрицала возможность участия советских лингвистов в зарубежных инициативах [Бернштейн, 1990, с. 7].

Между тем идеи лингвистического атласа были исключительно близки П. А. Бузуку. Лингвогеография стала к тому времени одним из центральных пунктов его научных занятий и именно той сферой, в которой он сказал свое важное слово в белорусистике. В 1928 г. в «Сборнике ОРЯС», посвященном академику Алексею Ивановичу Соболевскому (1856–1929), вышла статья П. А. Бузука по вопросам белорусской диалектологии [Бузук, 1928а]. В том же году в Минске — фундаментальная работа на эту же тему [Бузук, 1928б]. В предисловии к данной монографии П. А. Бузук подчеркивал важность картографирования диалектов и, по сути, изложил задачи лингвогеографии, обосновав методику составления диалектологического атласа, помещенного

в книге в качестве приложения. Автор последовательно отстаивал принцип лингвогеографического изучения не только лексики, но и словообразования и синтаксиса белорусского языка. Благодаря этим работам П. А. Бузук признан сегодня основателем белорусской лингвогеографии [Курцова, 2001].

Таким образом, составление диалектологического атласа было тем вопросом, который ко времени пражского съезда очень живо интересовал ученого, и в Праге он сделал доклад именно по этой теме — «Лінгвістычная географія як дапаможны мэтод пры вывучэньні гісторыі мовы» [Мартынаў, 1969; Бернштейн, 1990, с. 6]. Тогда, на съезде, П. А. Бузук не возразил на выпад Н. С. Державина, однако от идеи атласа не отказывался.

Именно на это время выпадает первый арест ученого. 6 августа 1930 г. П. А. Бузук был арестован ГПУ БССР по делу «Союза освобождения Белоруссии». Это дело началось с обследования Белорусской и Украинской ССР в мае — июне 1929 г. Центральной контрольной комиссией ВКП(б), которая работала почти два месяца. Тогда была декларирована работа в республике не существовавшего «Союза освобождения Белоруссии», созданного якобы вернувшейся из-за границы нелояльной интеллигенцией. По этому делу арестовали более 100 представителей национальной интеллигенции; часть арестованных была отпущена. П. А. Бузук (не являвшийся этническим белорусом) оказался тогда в числе освобожденных [Маракоў, 2002, с. 173; Боровикова, 2022, с. 102] и вскоре (в 1931 г.) даже был назначен директором Института языкознания БелАН⁶.

П. А. Бузук продолжил отстаивать идею общеславянского атласа и нашел поддержку не только у Президиума БелАН, но и в Группе языка и литературы АН СССР (ГЯЛ), которую возглавлял недавний непримиримый противник идеи Н. С. Державина; на заседании ГЯЛ было принято решение передать работу в Комиссию по русскому языку (КРЯЗ) и осуществлять ее «при сотрудничестве проф. Бузука» [Научно-организационные связи... 2015, с. 99–100, 106; Бондарь, Тункина, 2023, с. 132–134]. М. А. Робинсон предположил, что Н. С. Державин не стал тогда вступать в прения с академиками потому, что понимал: КРЯЗ в скором времени перейдет в Институт языка и мышления и это определит конец работы над атласом; так и произошло на самом деле [Робинсон, 2013, с. 83].

После этих событий, в 1931 г., П. А. Бузук получил выговор за научные увлечения, а в 1933 г. был отстранен от руководства Институтотом языкознания [Судаков, 2001]. Очевидно, это оказались непростые три года, сказавшиеся и на научной плодотворности лингвиста, которому теперь приходилось быть осторожным, оберегая в том числе четверых своих маленьких детей. Если за первые пять лет пребывания в Минске ученый опубликовал более трех десятков работ, то в 1931–1933 г. вышло всего шесть.

⁶ С того же 1931 г. П. А. Бузук заведовал кафедрой языкознания Минского педагогического института им. А. М. Горького [Булахов, 1977, с. 55; Боровикова, 2022, с. 102].

В 1934 г. П. А. Бузук был вторично арестован «тройкой» ОГПУ и обвинен по ст. 72 и 76 УК БССР (1928). Это статьи из части II — «Контрреволюционные преступления». По завершении следствия П. А. Бузука сослали в Вологду, там он сначала работал библиотекарем, а затем был принят на филологический факультет Вологодского государственного педагогического института (ВГПУ), где преподавал немецкий язык [Судаков, 2001; Боровикова, 2022, с. 102–103]. Как отмечает Г. В. Судаков, у П. А. Бузука на тот момент было опубликовано книг и статей больше, чем у всех преподавателей института вместе взятых⁷. В Вологде П. А. Бузук написал большой труд «Происхождение языков» [Судаков, 2001], который не был опубликован, а рукопись пропала. М. Г. Булахов пишет, что она погибла в Минске в 1941 г. [Булахов, 1977, с. 55].

В Вологду П. А. Бузук отправился, очевидно, с семьей; Г. В. Судаков пишет о том, что дети учились в вологодской школе. Дочь ученого Галина Петровна Бузук, которая еще в 2001 г. проживала в Минске, хорошо помнила этот город с прекрасными резными украшениями на домах [Судаков, 2001]. Сегодня в Минске живет внучка ученого — Екатерина Викторовна Шашийташвили, которая знает своего знаменитого деда по рассказам бабушки, сохранившей воспоминания о своем супруге как о человеке очень мягком, интеллигентном, от которого она никогда не слышала грубого или резкого слова. У него был очень добрый голос. Как бы он ни устал, сколько бы у него ни было дел, после работы он занимался детьми. Они шли в парк, а по дороге он им пел арии на итальянском и немецком языках⁸.

В юности П. А. Бузук, увлекавшийся языками, задумывался также и о карьере актера [Судаков, 2001]. Хотя он и выбрал науку, но творческие наклонности у него сохранялись всю жизнь. Под псевдонимом П. Росич (девичья фамилия матери) П. А. Бузук публиковал стихи и рассказы, состоял в молодежном литературном объединении «Маладняк» [Маракоў, 2002, с. 173] (основано в 1923 г.), являвшемся одним из наиболее ярких явлений в советской белорусской литературе.

Срок ссылки закончился в феврале 1937 г., но П. А. Бузук не смог оставить студентов, решил завершить академический год. В июле 1937 г. он оказался в третий раз арестован — на этот раз «тройкой» УНКВД по Вологодской области. 7 декабря 1937 г. был осужден к исключительной мере наказания, 7 февраля 1938 г. расстрелян [Маракоў, 2002, с. 173–174].

⁷ Г. В. Судаков (заведующий кафедрой русского языка бывшего ВГПУ) называет 55 работ П. А. Бузука на момент прибытия того в Вологду. Очевидно, эта цифра взята из написанного рукой П. А. Бузука списка научных работ, который хранился в личном деле в ВГПУ. Г. В. Судаков пользовался документами из указанного дела при написании своей статьи. В том же деле хранилась и автобиография П. А. Бузука.

⁸ Звезда : электронная газета. 2002. 24 января. URL: <https://zviazda.by/be/news/20220124/1643027757-ruplivec-nashay-movy-ryotr-buzuk> (на момент подготовки статьи действующая ссылка. — Л. Б.).

Реабилитация шла в три этапа: 31 января 1956 г. П. А. Бузук реабилитирован по второму приговору; 26 октября 1956 г. — по первому; полная реабилитация «за отсутствием в деянии состава преступления» по решению Верховного суда БССР наступила 1 июня 1988 г. [Возвращенные имена... 1992, с. 24–25].

Первое признание заслуг ученого нашло свое выражение вскоре после первой реабилитации — в 1969 г. в Минске вышла посвященная ему книга [Раманович, Юрэвіч, 1969]. В 1991 г. в Институте языкознания АН БССР состоялось юбилейное заседание, приуроченное к 100-летию со дня рождения П. А. Бузука. В декабре 2021 г., в год 130-летнего юбилея П. А. Бузука, Институт языкознания НАНБ провел круглый стол «Пётр Апанасавіч Бузук і набыткі нацыянальнай лінгвагеаграфіі»⁹, почтив память бывшего директора института и создателя белорусской лингвогеографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштейн С. Б. Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 5–16.
- Бондарь Л. Д. «Известия Отделения русского языка и словесности» под редакцией Е. Ф. Карского как отражение издательской политики ОРЯС в советское время // История : электронный научно-образовательный журнал. 2023. Т. 14, вып. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/S207987840029039-1-1> (дата обращения: 14.08.2025).
- Бондарь Л. Д., Тункина И. В. Академия наук СССР и Белорусская академия наук в начале 1930-х гг.: наставничество и взаимодействие // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2023. Т. 13 / отв. ред. В. А. Тишков ; сост. Н. В. Тарасова. С. 126–135.
- Боровикова Н. Г. О деятельности белорусского лингвиста П. А. Бузука // Современные проблемы книжной культуры. Основные тенденции и перспективы развития: 100 лет Инбелкульту и белорусской академической науке : материалы XV Белорусско-Российского научного семинара-конференции / Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. М., 2022. С. 98–103.
- Бузук П. А. К вопросу о месте написания Мариинского евангелия // Известия ОРЯС. 1921а. Т. 23, кн. 2. С. 109–149.
- Бузук П. А. Взгляды академика Шахматова на доисторические судьбы славянства // Известия ОРЯС. 1921б. Т. 23, кн. 2. С. 150–179.
- Бузук П. А. Замечания о Мариинском евангелии // Известия ОРЯС. 1925. Т. 29. С. 307–368.
- Бузук П. А. К вопросу о составлении диалектологической карты белорусского языка // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения / под ред. В. Н. Перетца. Л., 1928а. (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР ; т. 201, № 3). С. 214–217.

⁹ URL: <http://iml.basnet.by/naviny/22-12-2021-kruhly-stol-%C2%ABpiotr-apanasavic-buzuk-i-nabytki-nacyjanalnaj-linhvahieahrafii%C2%BB> (дата обращения: 14.08.2025).

- Бузук П. А. Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі. Менск, 1928б.
- Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. Т. 2. Минск, 1977.
- Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / сост. Н. В. Токарев ; под ред. А. С. Махнач. Минск, 1992.
- Жизнь и деятельность академика Е. Ф. Карского : сб. документов и материалов : в 2 ч. Ч. 1 : Проблемы истории и культуры Беларуси в документальном наследии Е. Ф. Карского. Материалы семьи / сост. А. В. Унучек, Л. Д. Бондарь, М. В. Глеб, А. А. Карский, М. В. Поникаровская, Е. Э. Сокольчик, К. В. Сытько, С. А. Третьяк, К. Г. Шишкина ; отв. ред. Л. Д. Бондарь, А. А. Карский, К. В. Сытько, А. В. Унучек. Минск, 2020.
- Зленко Г. Страницы биографии П. А. Бузука // Кодры. 1973. № 2. С. 144–146.
- Ілляш М. І. Петро Панасович Бузук (Одеський період наукової діяльності) // Тези доповідей наукової конференції філологічного факультету, присвяченої 100-річчю Одеського ордена Трудового Червоного прапора державного університету ім. І. І. Мечникова. Одеса, 1965. С. 51–52.
- Курцова В. М. П. А. Бузук: спроба лінгвістычнай геаграфіі беларускай мовы // Беларуская лінгвістыка. 2001. Вып. 51. С. 3–14.
- Маракоў Л. У. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі, 1794–1991 : у 3 т. Т. 1. Мінск, 2002.
- Мартынаў В. У. Ад рэдактара // Я. Рамановіч, А. Юрэвіч. П. А. Бузук / рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1969. С. 5–6.
- Научно-организационные связи Академии наук СССР и Академии наук БССР. 1929–1941 гг. : сб. документов / сост. Л. Д. Бондарь, Н. В. Токарев, К. Г. Шишкина. Минск, 2015.
- Рамановіч Я., Юрэвіч А. П. А. Бузук / рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1969.
- Робинсон М. А. Первый Международный съезд славистов в Праге: надежды, разочарования и неосуществленные проекты (по материалам переписки русских славистов) // Славянский мир. Общность и многообразие: К 1150-летию славянской письменности : тезисы докладов Международной научной конференции (20–21 мая 2013 г.). Ч. 1. М., 2013. С. 80–84.
- Судаков Г. В. Безвинно убиенный // Мезон. 2001. № 1 (18). С. 5.

Список сокращений

АВ ИВР РАН	— Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук
АГК	— Астраханская губернская канцелярия
АН	— академия наук
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан
АН СССР	— Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АН УССР	— Академия наук Украинской Советской Социалистической Республики
АРАН	— Архив Российской академии наук
АССР	— автономная советская социалистическая республика
АТРРССФ	— Автономная Туркестанская Республика Российской Социалистической Советской Федерации
БАН	— Библиотека Российской академии наук
БГУ	— Белорусский государственный университет (Минск)
БелАН	— Белорусская академия наук
БССР	— Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВГПУ	— Вологодский государственный педагогический университет
ВГУ	— Воронежский государственный университет
ВКП(б)	— Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВЦИК	— Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ГААО	— Государственный архив Астраханской области
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	— Государственный архив Одесской области
ГАРК	— Государственный архив Республики Крым
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАХО	— Государственный архив Херсонской области
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ГПУ	— Государственное политическое управление
ГУЛАГ	— Главное управление лагерей

ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ГЯЛ	— Группа языка и литературы АН СССР
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИАК	— Императорская археологическая комиссия
ИАН	— Императорская академия наук
ИВР РАН	— Институт восточных рукописей Российской академии наук
ИИЕТ РАН	— Институт истории естествознания и техники Российской академии наук им. С. И. Вавилова
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИЛИ РАН	— Институт лингвистических исследований Российской академии наук
ИМП	— Институт минеральных ресурсов
Инбелкульт	— Институт белорусской культуры
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРЛИ АН СССР	— Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом)
КГБ РБ	— Комитет государственной безопасности Республики Беларусь
КДА	— Казанская духовная семинария
КИАН	— Комиссия по истории Академии наук СССР
КНДР	— Корейская Народно-Демократическая Республика
КНИБ	— Крымская научно-исследовательская база
КНР	— Китайская Народная Республика
КРЯЗ	— Комиссия по русскому языку АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР (Москва; Ленинград)
КФ ИА НАН Украины	— Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛКРД	— Лаборатория консервации и реставрации документов
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛО ИВ	— Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
МАО	— Московское археологическое общество

МАЭ	— Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого
МВД	— Министерство внутренних дел
МГУ	— Московский государственный университет
МИД	— Министерство иностранных дел
Минобрнауки	— Министерство науки и высшего образования
МНР	— Монгольская Народная Республика
МПВО	— Местная противовоздушная оборона
Музей КДП	— Музей книги, документа и письма
НА ИАК РАН	— Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук
НАНБ	— Национальная академия наук Беларуси
НАН Украины	— Национальная академия наук Украины
Наркомат	— народный комиссариат
Наркомпрос	— Народный комиссариат просвещения
НИМРБ	— Национальный исторический музей Республики Беларусь
НИР	— научно-исследовательская работа
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НТО	— научно-техническая обработка
ОАК	— Отдел археологии Крыма
ОАСА	— Отдел античной и средневековой археологии
ОАСАК	— Отдел античной и средневековой археологии Крыма
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление
ОИА КФ АН СССР	— Отдел истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР
ОИФН РАН	— Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
ООПДТР	— Отдел по охране памятников древности в Туркестанской Республике
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности
ОСФ и ОГУ ИЦ МВД Коми	— Отдел спецфондов и оказания государственных услуг Информационного центра Министерства внутренних дел Республики Коми
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи
ПТК РАИМК	— Постоянная Туркестанская комиссия Российской академии истории материальной культуры

ПФА РАН	— Петербургский филиал архива Российской академии наук
РАИК	— Русский археологический институт в Константинополе
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры
РАН	— Российская академия наук
РАО	— Русское археологическое общество
РАТ	— Рабочий архив А. М. Тальгрена в Музейном ведомстве Финляндии
РАХ	— Российская академия художеств
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГО	— Русское географическое общество
РИСО	— редакционно-издательский совет
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная армия
РНФ	— Российский научный фонд
РО НА ИИМК РАН	— Рукописное отделение Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
Росархив	— Федеральное архивное агентство
РПЦ	— Русская православная церковь
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СИА	— Сектор истории и археологии
СИЗО	— следственный изолятор
СНК	— Совет народных комиссаров
Совнарком	— Совет народных комиссаров
СОНАТ	— Социалистическая наука и техника (Ташкент)
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПБИН РАН	— Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбНЦ РАН	— Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук
СПБО РАН	— Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СПбФ ИИЕТ РАН	— Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники Российской академии наук им. С. И. Вавилова

СПИ	— Сектор полевых исследований
Средазкомстарис	— Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы
ССР	— советская социалистическая республика
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
СФР	— советская федеративная республика
США	— Соединенные Штаты Америки
ТКЛА	— Туркестанский кружок любителей археологии
ТССР	— Туркестанская Советская Социалистическая Республика
Туркомстарис	— Туркестанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы
Узкомстарис	— Узбекский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы
УзССР	— Узбекская Советская Социалистическая Республика
УК	— Уголовный кодекс
УНКВД	— Управление Народного комиссариата внутренних дел
УФСБ	— Управление Федеральной службы безопасности
ФНИ ГАН	— фундаментальные научные исследования государственных академий наук
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦК	— Центральный комитет
ADdHA	— Archives départementales des Hautes Alpes
CUL DM&UA	— Cambridge University Library, Department of Manuscripts and University Archives
FB Gotha	— Forschungsbibliothek Gotha
ILS	— Inscriptiones Latinae Selectae

Научное издание

HISTORIA AETERNA

ОСМЫСЛЯЯ ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ...

Сборник статей
к 65-летию
члена-корреспондента РАН
Ирины Владимировны Тункиной

Редакторы-составители
Лариса Дмитриевна Бондарь,
Игорь Львович Тихонов

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Дизайн обложки *Е. О. Пучков*
Корректор *Д. А. Гаврилов*
Оригинал-макет *Л. А. Харитонов*

Подписано в печать 03.10.2025. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 39,7. Тираж 300 экз. (из них 18 — подарочные).
Печать офсетная. Заказ № 223.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespб.ru
ВКонтакте: https://vk.com/renome_spб
www.renomespб.ru